This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

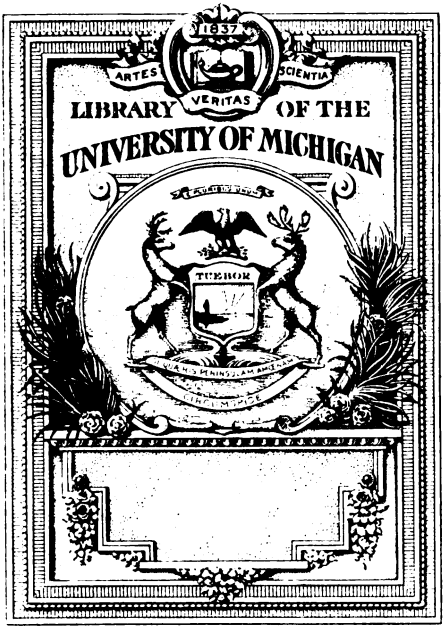
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

A 928,890

Digitized by Google



Digitized by Google

891.78
S544
1904

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Digitized by Google

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Невскій пр., № 29.

Digitized by Google

ЧУЖІЕ ГРѢХИ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Comp. philology
Monolit
1-8-24
9581

КНИГА ПЕРВАЯ.

Мать и отецъ.

I.

Стояла теплая, чудесная весна...

Евгенія Александровна Хрюмина, пригрѣтая теплыми лучами солнца, удобно угнѣздилась на мягкомъ креслѣ въ своемъ красиво обставленномъ, похожемъ на парижскую игрушку, будуарѣ и не то мечтала, не то пробѣгала глазами страницы лежавшей у нея на колѣняхъ книги. Это была женщина лѣтъ двадцати семи, очень моложавая, съ хорошенькимъ личикомъ, съ густыми, затѣйливо причесанными бѣлокурыми волосами, съ выхоленнымъ тѣломъ, съ нѣкоторыми задатками къ излишней полнотѣ. Въ выраженіи ея лица было что-то дѣтское, несмысленное, что то говорившее, что она любитъ и понѣжиться, и покапризничать, и утѣшаться разными милыми побрякушками и изящными ненужностями. Этихъ побрякушекъ и ненужностей была цѣлая масса и на ней самой, и въ ея будуарѣ: красивыя кольца на розовыхъ пальчикахъ, затѣйливые банты въ вьющихся волосахъ, причудливый воротничокъ около полуоткрытой спереди, точно выточенной шеи, десятки фарфоровыхъ и хрустальныхъ куколокъ и флаконовъ на столикахъ и этажеркахъ—все это сразу обличало вкусы хозяйки. Всѣ эти ненужныя тряпочки и дешевыя статуэтки придавали и ей, и ея будуару изысканный видъ и если не говорили о богатствѣ, то все-таки намекали на стремленіе къ щегольству, къ внѣшнему лоску.

Въ комнатѣ было тепло, уютно; яркіе лучи весенняго солнца играли на полу, на стѣнахъ; изъ открытаго окна долетали звуки чириканья воробьевъ, воркованія голубей;

Digitized by Google

неподалеку слышалась монотонная, тоскливая пѣсня штукатура. Отрывки какихъ-то смутныхъ думъ пролетали въ головѣ молодой женщины. Вотъ скоро начнется и знойное лѣто; въ городѣ станетъ пыльно и душно; всѣ разъѣдутся по дачамъ. Удастся ли ей ѣхать на дачу? Мужъ опять начнетъ толковать о недостаточности ихъ средствъ, о необходимости экономіи. Какая это несносная пѣсня! А жить лѣтомъ въ городѣ такъ скучно, такъ тоскливо! Когда же кончится, когда измѣнится эта монотонная жизнь съ вѣчными заботами о грошахъ, съ вѣчными толкованіями объ экономіи, съ вѣчными мелкими семейными дрязгами, попреками, наставленіями? Все это такъ надоѣло, такъ надоѣло!

Грустныя думы Евгеніи Александровны были внезапно нарушены топотомъ дѣтскихъ ногъ. Въ ея комнату быстро вошли дѣти — мальчикъ и дѣвочка, ухватившіеся за руки молодого, невысокаго ростомъ, очень красиваго брюнета. съ яркими, полными губами, съ тонкими, подвижными ноздрями, съ глубокими сѣрыми глазами, съ мягкой улыбкой, съ необычайно легкой, какъ бы осторожной поступью.

— А, это вы, Мишель!—лѣниво-пѣвучимъ голосомъ проговорила Евгенія Александровна, и ея лицо озарилось привѣтливой улыбкой.

Дѣти, между тѣмъ, наперебой говорили гостю о картинахъ, о книжкахъ, объ игрушкахъ, не выпуская его рукъ изъ своихъ ручонокъ. Они были прелестны въ своемъ дѣтскомъ оживленіи.

— Хорошо, хорошо, привезу! — отвѣчалъ имъ молодой человѣкъ, стараясь отдѣлаться отъ нихъ, и въ его голосѣ послышалась не то торопливость, не то досада.

— Ты мнѣ, Миша, сдѣлай треугольную шляпу съ перомъ, чтобы я былъ генераломъ,—приставалъ къ нему мальчуганъ.

— А мнѣ нарисуй и вырѣжи куклу,—твердила дѣвочка.

— Да, да, послѣ! — отвѣтилъ еще поспѣшнѣе молодой человѣкъ и обратился къ хозяйкѣ, понизивъ голосъ и говоря по-французски:—Удали ихъ!

Евгенія Александровна лѣниво подняла на него недоумѣвающій, вопросительный взглядъ и сказала дѣтямъ:

— Ступайте къ нянѣ! Вамъ пора завтракать.

— А Миша?—спросили дѣти.

— Миша посидитъ здѣсь, покуда вы завтракаете. Идите!— отвѣтила мать.

— Мама, ты его не отпускай! Пусть онъ мнѣ шляпу дѣлаетъ,—приставалъ мальчикъ.

Digitized by Google

— А мнѣ куклу!—настаивала дѣвочка.

— Хорошо, хорошо, идите!— проговорилъ молодой человѣкъ, кусая отъ нетерпѣнія губы.

Его волненіе, его блѣдность, его тревожный тонъ не ускользнули отъ вниманія Евгеніи Александровны и, какъ только удалились дѣти, она спросила его:

— Что случилось?

— Я сейчасъ видѣлъ твоего мужа!

Онъ произнесъ эти слова съ какимъ-то торопливымъ, тревожнымъ шопотомъ. Евгенія Александровна съ испугомъ подняла на гостя свои широко раскрывшіеся голубые глаза, и съ ея красиваго лица вдругъ сбѣжалъ румянецъ.

— Мужа?.. Владиміра?— почти вскрикнула она. — Нѣтъ, не можетъ быть! Ты ошибся... ошибся... Владиміръ пріѣдетъ еще черезъ мѣсяцъ... онъ писалъ... — Евгенія Александровна съ усиліемъ перевела духъ. — Ахъ, какъ ты напугалъ меня, Мишель... И какъ это тебѣ пришло въ голову,—проговорила она со вздохомъ.

Она быстро поднялась съ мѣста, уронивъ на коверъ книгу, и провела рукой по лбу, точно ей что-то сдавливало голову.

— Да я же тебѣ говорю, что я его видѣлъ,— настойчивымъ тономъ возразилъ молодой человѣкъ. — Онъ пріѣхалъ на пароходѣ... теперь онъ въ таможнѣ... я примчался предупредить тебя... еще полчаса, часъ — и онъ будетъ здѣсь...

Она уже ходила въ волненіи по комнатѣ, сжимая болѣзненно свои руки. Ея подвижное лицо приняло выраженіе безпомощности и отчаянія. Сомнѣваться въ томъ, что мужъ дѣйствительно пріѣхалъ, было невозможно.

— Боже мой, что же я буду дѣлать? Что дѣлать? — торопливо говорила она, и въ ея мягкомъ, нѣсколько дѣтскомъ, похожемъ на щебетаніе птички голосѣ слышались слезы.— Я не могу, я не хочу съ нимъ жить... Нѣтъ, я уйду, сейчасъ уйду...

— Но паспортъ? У тебя нѣтъ паспорта. Надо подождать, объясниться,— совѣтовалъ молодой человѣкъ, волнуясь не менѣе, чѣмъ она.

— Объясниться! Не могу, не могу!.. Ты знаешь его! Пасмѣшки, сарказмы, презрѣніе! О, я готова бѣжать, куда угодно, только бы не видать этого ядовито улыбающагося лица, не слыхать этого высокомѣрнаго тона, этого шипящаго голоса! Возьми меня къ себѣ, увези, дѣлай, что хо-

Digitized by Google

чешь, но спаси меня!— уже со слезами говорила она и съ дѣтской мольбой сжала свои руки.

— Но безъ паспорта же нельзя! Не можешь же ты бросить дочь и сына, не объяснившись съ мужемъ! — торопливо говорилъ молодой человѣкъ, стараясь убѣдить ее.

— Онъ меня убьетъ, онъ меня онозоритъ! — восклицала она, рыдая. — И какъ это все случилось?.. Писалъ, что пріѣдетъ не скоро, и вдругъ...

— Другъ мой, успокойся! — проговорилъ молодой человѣкъ.— Соберись съ силами! Объясненія не миновать... Этого нужно было ожидать!..

Онъ горячо убѣждалъ ее, но по тону его голоса было слышно, что онъ не менѣе ея боялся предстоящихъ объясненій, сценъ, непріятностей. Казалось, что и самъ онъ готовъ бы былъ убѣжать отсюда, провалиться сквозь землю.

— О, если бы не это проклятое положеніе... если бы не этотъ несчастный ребенокъ!—шептала она, ломая руки.—И зачѣмъ я не уѣхала раньше за границу... въ деревню... куда-нибудь, чтобы все скрыть... а теперь? Онъ сразу увидитъ, въ какомъ я положеніи... вѣдь это уже всѣ видятъ... Но, Мишель, Мишель, вѣдь ты не бросишь меня?.. Вѣдь ты меня любишь?..

Она бросилась къ нему и припала головой на его плечо. Въ ея голосѣ, въ выраженіи ея лица было опять что-то дѣтски-безпомощное и дѣтски-капризное.

— Женя, что за вопросы! — воскликнулъ онъ, цѣлуя ее въ голову.—Но теперь надо спѣшить! Онъ сейчасъ будетъ здѣсь... Ты должна объясниться безъ меня... Онъ не долженъ знать, куда ты уѣдешь... Хотя лучше бы остаться, не уѣзжать... Но если ты рѣшилась, то нечего дѣлать... Я сейчасъ ухожу... Если онъ застанетъ меня здѣсь, онъ вызоветъ меня на дуэль, и что бы ни случилось тогда — ты погибнешь... Убьетъ онъ меня, или я его — тебѣ придется все равно перенести тяжелую долю... Этого надо избѣжать не для меня, а для тебя...

Онъ говорилъ это довольно твердо, стремясь казаться не трусомъ, а только разсчетливымъ и предусмотрительнымъ человѣкомъ, старающимся вразумить своенравное и неопытное дитя. Но это плохо удавалось ему; ему казалось, что онъ стоитъ на раскаленныхъ угольяхъ, ощущая только одно желаніе—скорѣе, скорѣе убѣжать отсюда. Этотъ пріѣздъ соперника засталъ его такъ же врасплохъ, какъ и ее.

— Господи, Господи, что за мука!—восклицала она, закрывая лицо руками.—И за что это все, за что!

Digitized by Google

— Ну, полно, полно! что дѣлать!— прерывающимся голосомъ говорилъ онъ.— Мы сами виноваты, много виноваты! Мы увлеклись... мы дѣйствовали, очертя голову... вотъ и плоды... Я тогда еще говорилъ тебѣ, что надо подождать!..

У него начиналось что-то въ родѣ лихорадки.

— Ахъ, что ты мнѣ толкуешь! Ждать, когда любишь!— раздражительно воскликнула она.

— Ну, а не ждали, вотъ теперь и придется пережить все это, — почти съ упрекомъ сказалъ онъ и тотчасъ же снова началъ ее утѣшать: — Ну, не плачь, все пройдетъ... все пройдетъ, и мы будемъ счастливы...

Онъ торопливо обнялъ ее, быстро поцѣловалъ и проворно направился къ выходу, проговоривъ еще разъ на ходу:

— Будь тверда, соберись съ силами!

Она, кажется, не слышала послѣднихъ его словъ; она опустилась снова въ изнеможеніи на кресло и залилась слезами.

— О, проклятое, проклятое положеніе! — шептала она, стискивая руки. — Если бы можно было на время уснуть, чтобы все объяснилось, окончилось само собою! Кажется, бѣжала бы далеко, далеко, чтобы только не видать Владиміра... И за что это испытаніе? Мишель говоритъ, что мы дѣйствовали, очертя голову... Но развѣ страсть разсчитываетъ!.. развѣ она взвѣшиваетъ?.. О, какъ я люблю Мишеля, какъ я ненавижу Владиміра! И за какой грѣхъ онъ посланъ мнѣ въ мужья? Мишель твердитъ, что и это наказаніе за то же, что я вышла замужъ, очертя голову... Вѣчно все одна и та же скучная пѣсня!.. Хорошо ему толковать, а развѣ я тогда понимала что-нибудь!..

Въ ея воображеніи вдругъ промелькнуло все прошлое: ея жизнь въ родной семьѣ, ея замужество, ея жизнь съ Владиміромъ Аркадьевичемъ Хрюминымъ. Она выросла въ чиновнической, вылѣзавшей «въ люди» семьѣ, гдѣ всѣ мечтали стать выше своего положенія, пустить пыль въ глаза ближнимъ, добиться чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получить право говорить: «у насъ въ высшемъ кругу». Покуда завѣтныя цѣли еще не были достигнуты, въ семьѣ царилъ какой-то сумбуръ во всемъ: семья плохо ѣла, чтобы наряжаться получше, и носила грубое штопанное и перештопанное бѣлье, чтобы имѣть возможность накупать шелковыхъ тканей и кружевъ; дѣти не получали никакого основательнаго образованія, такъ какъ все стремленіе сводилось къ одному желанію научить ихъ говорить

Digitized by Google

по-французски; но такъ какъ хорошія француженки-гувернантки дороги, то къ дѣтямъ и была нанята дешевая француженка сомнительной репутаціи, что-то въ родѣ комиссіонерши или устарѣвшей кокотки, умѣвшая научить дѣтей болтать по-французски, но не умѣвшая научить ихъ правильно написать хотя нѣсколько строкъ на этомъ языкѣ; такъ какъ средства еще не позволяли принимать у себя гостей «изъ своего круга», то семью влекла клубная жизнь, и семьѣ казалось, что именно въ клубѣ-то и собирается цвѣтъ «высшаго общества». Въ манерахъ, въ разговорахъ, въ нарядахъ этихъ людей была какая-то невообразимая смѣсь мѣщанства и претензій на хорошій тонъ, полнѣйшаго ничтожества какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, и стремленія показать чувство собственнаго достоинства. Отецъ семьи гордился, что играетъ въ карты съ «ихъ превосходительствами», мать гордилась, что ее приглашала къ себѣ въ гости какая-то «баронесса» изъ Риги, дочь гордилась, что съ нею танцуютъ все «гвардейцы». Гдѣ и какъ встрѣтилась Евгенія Александровна съ Владиміромъ Аркадьевичемъ Хрюминымъ, камеръ-юнкеромъ, секретаремъ очень высокопоставленнаго лица, членомъ хорошей, хотя и разорившейся фамиліи, — этого не знали или не помнили ни она, ни онъ. Но помнили и она, и онъ одно то, что они завязали интрижку: онъ отъ скуки, она потому, что очень любила романы. Интрижка быстро перешла въ серьезное событіе. «Если онъ не женится на Евгеніи, я буду жаловаться, я въ судъ подамъ!»—говорилъ узнавшій о событіи отецъ Евгеніи Александровны, грозно сдвигая брови. «Если эта канцелерская крыса подастъ на меня жалобу, моя карьера пропала!»—думалъ Владиміръ Аркадьевичъ, узнавъ намѣреніе строгаго родителя. Онъ попался въ сѣти, которыя самъ разставилъ себѣ. Когда онъ долженъ былъ вѣнчаться съ нею, у него разлилась желчь; когда она стояла съ нимъ подъ вѣнцомъ, ей только представлялось одно то, какъ будутъ ей завидовать и Зина Иванова, и Маня Федорова, и Аня Данилова, узнавъ, что она, Женя Трифонова, вышла замужъ за камеръ-юнкера, у котораго всѣ, всѣ родные «князья» и «графы». Потомъ роли измѣнились: онъ ядовито, безпощадно, раздражительно мстилъ ей за то, что женился на ней; она ежедневно плакала, волновалась, краснѣла, сознавая, что она попала не въ свой кругъ. Въ сущности, и онъ, и она были парой, ровнями и въ нравственномъ, и въ умственномъ, и въ ма-

Digitized by Google

теріальномъ отношеніяхъ, но на его сторонѣ былъ одинъ перевѣсъ: онъ могъ упрекать ее ея происхожденіемъ, ея мѣщанствомъ, ея незнаніемъ приличій. Каждый бантъ на ея платьѣ казался ему свидѣтельствомъ ея мѣщанства, каждая ея фраза была доказательствомъ ея безтактности, ея вульгарности, ея невоспитанности. Онъ раздражался при видѣ ея, потому что она была его жена, тогда какъ онъ могъ бы жениться на княжнѣ Золотовской, имѣвшей до трехсотъ тысячъ приданаго. Ничто не могло его утѣшить за потерю свободы, но она скоро нашла утѣшеніе, всѣ его колкости, упреки и насмѣшки, волновавшіе ее сначала, стали ей надоѣдать... «Ахъ, какъ это скучно!»—говорила она въ этихъ случаяхъ и стала искать веселья въ мелкихъ романахъ. Мужское общество знакомыхъ ея мужа было ею очень довольно; съ нею можно было сальничать, какъ съ кокоткой, и заигрывать, какъ съ вдовушкой легкаго поведенія, не особенно боясь послѣдствій. «Недостаетъ только того, чтобы вы меня опозорили!»—говорилъ мужъ, но она умѣла во-время истерически разрыдаться и скрыть концы. Скрыть концы не удалось ей только теперь, когда мужъ уѣхалъ на годъ за границу, сопровождая своего высокопоставленнаго патрона. Она обрадовалась его отъѣзду и вздохнула свободно. А тутъ, какъ на зло, подвернулся подъ руку ея троюродный братъ, Михаилъ Егоровичъ Оленниковъ, скромный юноша, съ лицомъ вербнаго херувима, пробившійся въ люди по пути присяжнаго повѣреннаго. Они катались на тройкахъ на какіе-то пикники, онъ возилъ ее изъ оперы въ какіе-то рестораны, онъ сопровождалъ ее въ маскарады. Она ему разсказывала про тиранію своего мужа, она передъ нимъ плакала дѣтскими слезами, онъ ее утѣшалъ. Онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ это время, когда каждая ея слеза высыхала подъ его поцѣлуемъ, когда въ концѣ каждаго драматическаго повѣствованія о своихъ страданіяхъ она падала на его грудь, склоняя головку на его плечо. Онъ не испытывалъ ничего слаще этихъ утѣшеній и, наконецъ, утѣшилъ ее настолько, что она въ послѣднее время старалась не выѣзжать къ знакомымъ, чтобы скрыть свое положеніе; она готовилась быть матерью.

— О, если бы не это положеніе! — воскликнула она съ ужасомъ, вспомнивъ объ этой несчастной, непредвидѣнной случайности.

Въ эту минуту кто-то позвонилъ. Она вздрогнула, разомъ

Digitized by Google

поднялась съ мѣста, прижалась къ стѣнѣ, затаила дыханіе. Вся ея фигура, каждая черта ея лица выражали смертельный страхъ, и опять вся она напомнила провинившагося ребенка, боящагося наказанія. Въ передней горничная громко сказала: «барыни нѣтъ дома».

— Не онъ!—проговорила молодая женщина, вздыхая широкимъ вздохомъ.—Но, все-таки онъ сейчасъ пріѣдетъ, сейчасъ!.. Увидитъ меня... «А, вотъ новость!» скажетъ, сощуривъ глаза и мѣряя взглядомъ мою фигуру!..

Она опять вздрогнула и заходила по комнатѣ, потирая лобъ рукою.

— Нѣтъ, нѣтъ! Нужно бѣжать! Бѣжать, куда глаза глядятъ! Къ Бетси развѣ?.. — проговорила она, вспомнивъ о своей бывшей гувернанткѣ, и начала торопливо одѣваться, прежде чѣмъ планъ бѣгства окончательно выяснился въ ея головѣ: она всегда поступала именно такъ.—Да, Бетси приметъ... она такъ любитъ меня... она любитъ всѣ эти таинственныя приключенія... у нея можно прожить... Напишу ему... Да, да, это лучше всего... И чего я боялась, чего прежде думала... Ахъ, какъ это просто! Но надо скорѣе, скорѣе... съ чернаго хода... я не могу терпѣть болѣе этого гнета...

Она совсѣмъ оживилась, она торопливо одѣвалась, брала какія-то вещи, прятала свои золотыя мелочи, отсчитывала деньги, разбрасывая разныя принадлежности туалета. Она была теперь неузнаваема. Ея за минуту передъ тѣмъ печальное лицо сдѣлалось теперь не только оживленнымъ, но почти веселымъ. Мрачныя мысли въ ея головѣ внезапно смѣнились радужными надеждами, какими-то шаловливыми соображеніями. Такіе переходы отъ слезъ къ радости, отъ отчаянія къ надеждѣ встрѣчаются только у дѣтей, да у людей, мало думающихъ, легко смотрящихъ на жизнь. Въ ея головѣ теперь носились даже смѣшившія ее мысли о томъ, какъ вытянется у мужа лицо, когда онъ узнаетъ о ея бѣгствѣ, о томъ, какъ она будетъ скрываться отъ него и тайно видѣться со своимъ Мишелемъ, о томъ, какъ будетъ рада Бетси, эта старая грѣховодница-француженка, возможности принять дѣятельное участіе въ любовномъ романѣ, въ скрытіи жены отъ мужа.

— C'est drôle!—воскликнетъ она съ свойственною ей развязностью рыночной торговки.

Только мысль о томъ, какъ бы не опоздать, тревожила теперь молодую женщину, и потому она торопилась, какъ

Digitized by Google

никогда. Ни разу въ жизни ей еще не приходилось одѣваться такъ быстро, безъ помощи горничной, не сидя у зеркала, не капризничая ради плохо пришпиленнаго горничною бантика. Но даже въ этой поспѣшности была для нея своего рода прелесть; эта необходимость скорѣе одѣться отвлекла ее отъ болѣе серьезныхъ думъ, о своемъ положеніи, о мужѣ, о дѣтяхъ. Мысль о послѣднихъ даже мелькомъ не проскользнула въ ея головѣ, такъ какъ они не играли никакой роли во всей этой исторіи. Черезъ четверть часа она была одѣта; она выходила по черному ходу изъ дома съ изящнымъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ, спустивъ вуаль на глаза. Пройдя дворъ и выходя изъ воротъ, она услыхала шумъ подъѣзжающаго къ подъѣзду экипажа и пугливо остановилась подъ воротами, прижавшись къ стѣнѣ.

— Возьмите вещи и отнесите ихъ наверхъ!—послышался ей знакомый голосъ.

Это былъ голосъ ея мужа. Она какъ бы замерла на мѣстѣ и ждала, когда унесутъ вещи, когда отъѣдетъ наемная карета, когда можно будетъ выйти изъ-подъ воротъ. Ей было и жутко, и хорошо, какъ шалуньѣ-дѣвочкѣ, спрятавшейся отъ строгой гувернантки. Она знала, что мужу не придетъ въ голову заглянуть подъ ворота, и въ то же время чего-то боялась, даже преувеличивала въ себѣ ни на чемъ не основанный страхъ, какъ будто тѣшась этимъ жуткимъ ощущеніемъ. Въ ея головѣ промелькнула даже мысль, что этотъ случай нужно будетъ разсказать и Бетси, и Мишелю,—разсказать, какъ она напугалась, какъ она была на волоскъ отъ опасности, какъ она совсѣмъ прижалась къ стѣнѣ, боясь упасть въ обморокъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ и сладкихъ минутъ, наконецъ, все утихло, экипажъ отъѣхалъ, и она рѣшилась, озираясь, украдкою выйти изъ засады. Она пошла быстро, дошла до перваго извозчика, торопливо наняла его и поѣхала. И вдругъ ей стало и легко, и весело, точно она уже кончила всѣ объясненія, точно впереди не предстояло никакихъ тревогъ, точно она порвала всѣ связи съ прошлымъ.

Въ это время у парадной двери ея квартиры раздался рѣзкій звонокъ. Горничная отворила двери.

— Владиміръ Аркадьевичъ! Вотъ-то не ждали! Здравствуйте, сударь!—говорила она, встрѣчая барина.

— Примите вещи, Даша!—проговорилъ баринъ, сбрасывая на стулъ пальто.

Это былъ высокій и стройный блондинъ, съ худощавымъ

Digitized by Google

блѣднымъ и холоднымъ лицомъ; его приличныя манеры, приличная одежда, приличный тонъ сразу бросались въ глаза. Взглянувъ на него, можно было, не ошибаясь, сказать, что это человѣкъ, выросшій въ хорошемъ кругу, занимавшій почетное положеніе въ обществѣ, придававшій большое значеніе внѣшности и брезгливо сторонившійся отъ всѣхъ, кто былъ ниже его. Ему было лѣтъ тридцать пять, но онъ былъ моложавъ, его походка была легка. Его красиво подстриженныя бакенбарды, его англійскій проборъ, его гладко выбритый подбородокъ дѣлали его лицо какимъ-то чистенькимъ, офиціальнымъ, нѣсколько сухимъ и похожимъ на модную картинку. Вслѣдъ за нимъ въ переднюю швейцаръ внесъ багажъ.

— Папа, папа!—кричали дѣти, выбѣжавъ изъ дѣтской и бросаясь къ отцу.—Пріѣхалъ! пріѣхалъ! Мама, мама, папа пріѣхалъ!—кричали они, поцѣловавъ отца, и потомъ бросившись въ залъ искать мать.

— Барыня сейчасъ только ушли! — сказала горничная, обращаясь къ барину.

— Гдѣ же мама? Мамы нѣтъ?—спрашивали съ недоумѣніемъ вернувшіяся дѣти и снова бросились къ отцу съ дѣтскими ласками.

Отецъ приласкалъ ихъ довольно холодно и сдержанно. Онъ ихъ вообще не особенно любилъ, такъ какъ это были дѣти женщины, «испортившей его жизнь».

— Не знаете, куда ушла барыня?—спросилъ онъ у горничной.

— Не знаю-съ! По черной лѣстницѣ сейчасъ ушли,—отвѣтила горничная.

— Что за фантазія!—проговорилъ баринъ, пожимая плечами.—Давайте завтракать, я голоденъ. Ну, а вы не шалили? Умниками были безъ меня?—небрежно спросилъ онъ у дѣтей.

— Умниками! — отвѣтили дѣти, ласкаясь къ отцу.—Ты игрушекъ привезъ?

— Привезъ, привезъ всего!—небрежно отвѣтилъ отецъ.—Сперва позавтракаемъ, а потомъ разберемъ все.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ умыться и переодѣться, потомъ прошелъ въ комнату жены, находившуюся рядомъ съ его кабинетомъ. Тамъ все было въ безпорядкѣ. Утренняя блуза жены лежала на полу, ящички туалета были открыты около кушетки на коврѣ лежала оброненная его женою книга. Это поразило его. Онъ не зналъ, чему приписать этотъ безпорядокъ. Въ его домѣ этого не допускалось.

Digitized by Google

— Вы, Даша, еще не убирали комнату барыни?— спросилъ онъ горничную, выходя въ столовую.

— Нѣтъ-съ, убирала, Владиміръ Аркадьевичъ,—отвѣтила горничная.

— Тамъ все разбросано,—сказалъ онъ.— Что за безпорядокъ!

Горничная съ недоумѣніемъ взглянула на него и проговорила:

— Не знаю-съ!

— Ну, давайте завтракать! — сказалъ онъ, садясь съ дѣтьми за столъ.

Дѣти болтали безъ умолку, но отецъ слушалъ ихъ уже разсѣянно. Его какъ-то помимо его воли тревожили вопросы, зачѣмъ его жена ушла по черной лѣстницѣ, почему у нея въ комнатѣ такой безпорядокъ, куда она могла уйти до завтрака, не приказавъ нанять себѣ экипажа, пѣшкомъ? Онъ столько разъ твердилъ ей, что порядочныя женщины не ходятъ пѣшкомъ однѣ. Завтракъ былъ конченъ, началось развязыванье и разсматриванье багажа. Черезъ нѣсколько минутъ привезли еще нѣсколько чемодановъ. Дѣти суетились, прыгали и смѣялись около этихъ бауловъ, саковъ, ящиковъ, но отецъ уже былъ хмуръ и неразговорчивъ.

— А мнѣ платьице привезъ?— говорила дѣвочка, роясь въ привезенныхъ вещахъ.

— Рано еще о нарядахъ думать!—сухо замѣтилъ ей отецъ.

— Это мнѣ? Мнѣ?— закричала она, вытащивъ какую-то яркую ткань и накинувъ ее себѣ на плечи передъ зеркаломъ.

— Отъ земли еще не выросла, а кокетничать учишься!— еще болѣе рѣзко проговорилъ онъ.

Онъ начиналъ сердиться на дочь, находя въ ней сходство съ женою, на которую онъ почему-то уже серьезно негодовалъ теперь. Переходы отъ обычнаго холоднаго тона къ раздражительности были у него вообще очень быстры, и онъ не считалъ нужнымъ сдерживать себя въ своей семьѣ.

— Папа, а мнѣ Миша подарилъ саблю,—вдругъ сказалъ сынишка, разсматривая какую-то привезенную отцомъ вещь.

— Какой Миша?—спросилъ отецъ.

— Да развѣ ты не знаешь?.. Миша .. Михаилъ Егоровичъ,—пояснилъ сынъ.

— Никакого я Михаила Егоровича не знаю, — сказалъ отецъ.

— Да Оленниковъ, Михаилъ Егоровичъ, — продолжалъ пояснять сынъ.—Помнишь Оленникова?

Digitized by Google

— Оленниковъ? Онъ бывалъ здѣсь? — спросилъ отецъ, сдвигая брови.

Онъ не любилъ этого Оленникова, какъ одного изъ родственниковъ и старыхъ друзей своей жены. Оленникову было отказано отъ дома съ первыхъ же дней женитьбы Владиміра Аркадьевича.

— Какъ же! бы-валъ!—произнесъ протяжно сынъ.—Онъ мнѣ новыя игрушки привезъ! Я его очень, очень люблю, папа! Онъ мнѣ обѣщалъ пистолетъ подарить.

— Попрошайка! Тѣхъ только и любишь, кто даритъ! — гнѣвно проговорилъ отецъ.—Пошелъ прочь!

Онъ поднялся отъ чемодановъ и прошелся по комнатѣ. Въ его головѣ проносились очень невеселыя мысли, какія-то тяжелыя воспоминанія.

— Ступайте въ дѣтскую, вы тутъ только мѣшаете!—проговорилъ онъ дѣтямъ. — Сведи ихъ къ нянькѣ,—обратился онъ къ лакею и, когда дѣти вышли, спросилъ горничную:— Михаилъ Егоровичъ Оленниковъ сегодня былъ?

— Были-съ, передъ вами только-что были, — отвѣтила горничная.

— Часто навѣщалъ насъ?—спросилъ баринъ.

— Какъ же-съ, каждый день бывали,—отвѣтила горничная.—Ужъ очень ихъ дѣти любятъ наши, такъ любятъ...

— Ахъ, что вы тутъ ростесь!--раздражительно перебилъ ее баринъ.—Безъ васъ все это развернутъ и развяжутъ. Ступайте.

Горничная сконфуженно поднялась съ пола и вышла.

— На барина, ужъ извѣстно, ничѣмъ не угодишь,—проворчала она.

Владиміръ Аркадьевичъ заходилъ по комнатѣ. Отрывки какихъ-то смутныхъ подозрѣній, какихъ-то тревожныхъ опасеній носились въ его головѣ. Онъ вспомнилъ, что онъ, кажется, видѣлъ Оленникова, когда проходилъ съ парохода между двумя рѣшетками въ зданіи таможни. Да, точно, это была пряничная мордочка Оленникова, смотрѣвшая на него у рѣшетки съ такими широко раскрытыми, изумленными глазами. Оленниковъ даже, кажется, намѣревался поклониться ему, Владиміру Аркадьевичу, и съ какой-то глупой улыбкой поднялъ руку къ шляпѣ. Да, это былъ онъ. Потомъ Оленниковъ, вѣроятно, заѣхалъ извѣстить его жену объ его пріѣздѣ, и она ушла. Зачѣмъ? Куда? Къ нему, къ этой тряпкѣ, къ этому Молчалину, къ этой мѣщанской душонкѣ? Что же, онъ ея любовникъ? Отчего же и нѣтъ?

Digitized by Google

Смазливая рожица, угодливый характеръ, безбородая юность! Отчего и не взять его въ любовники? Первый ли это ея любовникъ? Онъ, Владиміръ Аркадьевичъ, сомнѣвался въ этомъ. Онъ даже сомнѣвался теперь, что его дѣти дѣйствительно его дѣти. Это сомнѣніе не разъ приходило ему въ голову и прежде. Ревнивыя подозрѣнія вызывали не мало семейныхъ сценъ; не мало слезъ и истерикъ его жены. Эти сцены снова возникали передъ нимъ, и онъ кусалъ себѣ губы, барабанилъ пальцами по стеклу окна, смотря безцѣльно на улицу. Чѣмъ сдержаннѣе старался онъ быть всегда въ своемъ кругу, на службѣ, тѣмъ тяжелѣе переживалъ онъ разныя внутреннія тревоги и бури. Эти тревоги и бури поднимались въ немъ при каждой мелочной непріятности. Внутреннее волненіе охватывало его теперь, и онъ не зналъ, что дѣлать. Не пройти ли опять къ ней въ будуаръ, можетъ-быть, тамъ есть письмо къ нему, какое-нибудь объясненіе. Онъ быстрыми шагами вошелъ въ комнату жены. Тамъ царилъ прежній безпорядокъ. Владиміръ Аркадьевичъ началъ рыться въ письменномъ столѣ, въ туалетныхъ ящикахъ жены. Ему попадались подъ руки какія-то мелочи: бантики, засохшіе цвѣты, медальоны, визитныя карточки, ордена, раздаваемые танцующимъ кавалерамъ. «Все сувениры!—промелькнуло въ его головѣ. — Мелкія сокровища мелкой душонки!» Наконецъ, онъ напалъ на клочокъ какой-то бумажки и сталъ читать: «Женя, сегодня я не могу быть у тебя вечеромъ. Цѣлую тебя»,—читалъ онъ. Подъ этими строчками, набросанными карандашомъ, не было подписи, онъ не зналъ этого почерка, но онъ видѣлъ ясно, что это мужской почеркъ, что это адресовано къ его женѣ. «Ну, да, чего же еще больше!»—пробормоталъ онъ, комкая клочокъ бумажки. «Нѣтъ ли еще писемъ?» онъ началъ было снова рыться въ ящикахъ, но тотчасъ же съ презрительной усмѣшкой, исказившей его лицо, задвинулъ ихъ. «Впрочемъ, на что они мнѣ! Довольно и одного этого!»—проговорилъ онъ, вставая. По его лицу продолжала блуждать все та же не хорошая саркастическая усмѣшка. Вѣроятно, именно этой усмѣшки и боялась его жена. «Ну да, любитъ другого, бѣжала, бросила!.. Что станутъ говорить?..»—промелькнуло въ его головѣ, и онъ сжалъ себѣ виски концами тонкихъ пальцевъ. — «Сдѣлаться сказкой города — этого только недоставало!»

— Папа, папа, можно намъ гулять?—послышался крикъ дѣтей, вбѣжавшихъ въ комнату и бросившихся къ отцу.

Digitized by Google

— Идите, идите, куда хотите!—оттолкнулъ онъ ихъ.

Дѣти смутились и тихо пошли прочь изъ комнаты. Ихъ испугала грубость отца. Они уже нѣсколько успѣли отвыкнуть отъ его желчнаго, капризнаго тона.

— Папа! Какой я имъ отецъ!—проговорилъ онъ съ саркастической улыбкой.—Я теперь увѣренъ, что они не мои! Да, да, это все идетъ не со вчерашняго дня... Но что же дѣлать, что дѣлать?

Онъ задумался и зашагалъ по комнатѣ.

«Придетъ еще, пожалуй, просить прощенья! — думалъ онъ.—Чуть не до старости дожила, а все еще дѣвчонка... блудливость и слезы... слезы и блудливость... Ну, нѣтъ, довольно! Надо все теперь кончить... порвать разъ и навсегда... А дѣти?»

Онъ началъ раздумывать, какъ бы устроить дѣтей. Они были для него тяжелой обузой: онъ никогда не любилъ ихъ. и его не печалила разлука съ ними, но онъ не имѣлъ никакихъ средствъ, чтобы отдать ихъ куда-нибудь на полный пансіонъ въ хорошую семью. Правда, ихъ можно бы сунуть куда-нибудь за дешевую плату, но «свѣтъ»... что скажутъ въ «свѣтѣ», если узнаютъ, что онъ почти бросилъ своихъ «законныхъ» дѣтей. Онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ о «законности» своихъ дѣтей. Но не могъ же онъ заявить теперь, что онъ ихъ считаетъ незаконными. Наконецъ, хорошъ бы онъ былъ въ роли мужа-рогоносца! Что можетъ быть смѣшнѣе. Если бы у него были средства, онъ отправилъ бы ихъ за границу, куда-нибудь съ глазъ долой, но... Онъ сжалъ болѣзненно свои руки при воспоминаніи о своей бѣдности. Да, онъ былъ бѣденъ, потому что онъ привыкъ мѣнять каждый день перчатки, а при его средствахъ нужно было носить перчатки по мѣсяцу; онъ былъ бѣденъ, потому что онъ привыкъ завтракать гдѣ-нибудь у Дюссо или у Бореля, а при его средствахъ приходилось ѣсть дома за завтракомъ яйца всмятку; онъ былъ бѣденъ, потому что онъ привыкъ жить въ хорошей обстановкѣ, а у него... Онъ презрительно улыбнулся, взглянувъ на украшавшія комнату его жены поддѣлки подъ саксонскій фарфоръ, подъ старую бронзу, подъ черное дерево. «Прикрытая мишурою нищета!» — промелькнуло въ его головѣ, и какое-то злобное чувство противъ жены, противъ дѣтей, снова поднялось въ его душѣ: они были виновниками его нуждъ и лишеній.

— Отправлю ихъ къ теткѣ, Олимпіадѣ Платоновнѣ. Она возьметъ ихъ... Да, права была она, когда не совѣтовала

Digitized by Google

мнѣ жениться! Влюбился... Сумасбродничалъ... вотъ и плоды увлеченія этой буржуазкой!.. Мѣщанская натура сказалась! Не могла прямо и честно объясниться, бѣжала, какъ воровка, укравшая мою честь, произвела скандалъ. Впрочемъ, что ей за дѣло до скандала, до толковъ, ей нечего терять, нечѣмъ дорожить... А моя честь, мое имя?.. Да развѣ она понимаетъ это!.. Развѣ у господъ Трифоновыхъ и Ѳедотовыхъ есть фамильная честь, развѣ у нихъ есть имя!.. Нѣтъ, надо сейчасъ же ѣхать въ деревню, къ теткѣ... Скандалъ еще можно предупредить... Скажу прислугѣ, что у жены умираетъ мать, что она потому уѣхала, заберу дѣтей, свезу ихъ къ теткѣ въ деревню, а потомъ... Что-жъ! потомъ явлюсь въ свѣтъ, скажу, что жена лѣчится на водахъ, что дѣти у тетки живутъ покуда, а тамъ привыкнутъ всѣ, поймутъ понемногу истину, не станутъ болтать...

Онъ долго ходилъ по комнатѣ, глядя куда-то вдаль сощуренными глазами, потирая отъ времени до времени рукою лобъ, обдумывая, что дѣлать, какъ избѣжать скандала, огласки. Въ передней послышался звонокъ. Лакей черезъ минуту принесъ письмо.

— Отъ кого?—спросилъ баринъ.

— Не знаю-съ, дворникъ какой-то принесъ и ушелъ,— отвѣтилъ лакей.

— Хорошо, ступай! — проговорилъ Владиміръ Аркадьевичъ, узнавъ почеркъ жены. Онъ сорвалъ конвертъ, развернулъ письмо, пробѣжалъ глазами торопливо написанныя строки. Евгенія Александровна извѣщала мужа, что она не можетъ болѣе жить съ нимъ, чтобы онъ приготовилъ ей видъ на жительство, что она пришлетъ за нимъ, что, вѣроятно, мужъ не станетъ ее принуждать переѣхать къ нему. Тонъ письма былъ холоденъ, фразы отрывисты, содержаніе изобличало всю внутреннюю пустоту, всю малодушную трусость писавшей. Владиміръ Аркадьевичъ смялъ это письмо и запагалъ снова по комнатѣ. Ворочать! Зачѣмъ? На что она ему? Онъ ее презираетъ! Его голова пылала, сердце билось сильно отъ душившей его злобы. Наконецъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты и позвонилъ. Явились разомъ и лакей, и горничная.

— Даша, Иванъ,—проговорилъ Владиміръ Аркадьевичъ, стараясь казаться спокойнымъ: —не развязывайте чемодановъ и укладывайтесь! У барыни матушка захворала... при смерти... Я получилъ письмо... Мнѣ тоже надо будетъ ѣхать... Вотъ не жалъ-то... Надолго, вѣроятно, уѣду... Дѣтей тоже

Digitized by Google

приготовьте... Все соберите... Вамъ придется искать мѣста... Квартиру тоже сдать надо... на что она мнѣ...

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но не могъ, круто оборвалъ рѣчь, махнулъ рукой и ушелъ въ кабинетъ. Ему гадко было объясняться, лгать передъ прислугой, а между тѣмъ ее нужно было обмануть, чтобы избѣжать толковъ.

Слуги въ изумленіи переглянулись между собою, недоумѣвая, что случилось.

— Папа, папа! Вотъ и мы!—кричали дѣти, возвращаясь съ прогулки.

— Тише, тише, дѣтки!—проговорила Даша.—Папаша отдыхаетъ въ кабинетѣ.

— А мама пришла?—спросила дѣвочка.

— Мамаша уѣхала, и папаша, и вы тоже уѣдете,—отвѣтила Даша.

— Куда поѣдемъ?—спросили дѣти.

— Не знаю, не знаю, а вотъ все собирать велѣно!

— Да что ты болтаешь?—вмѣшалась въ разговоръ старуха-нянька.—Что стряслось такое?

— А и Господь вѣдаетъ, только велѣно укладывать все и квартиру сдавать, и намъ мѣста искать...

Нянька въ испугѣ присѣла на стулъ и перекрестилась.

— Господи! Бѣда какая-нибудь! Барыня-то гдѣ?—проговорила она.

— Къ маменькѣ, говорятъ, уѣхала; маменька ея, видите, больна,—пояснила горничная.

— Ну, такъ я и повѣрю!—сказала нянька, задумчиво качая головой.—Недоброе тутъ творится, недоброе... Всегда я говорила, что догуляются до бѣды. Ну, вотъ и стряслось... Тоже не ждала, не гадала, а теперь и ищи мѣста на старости лѣтъ... И что съ вами-то, ангелы Божіи, будетъ... что съ вами-то будетъ!..

Нянька притянула къ себѣ въ приливѣ нѣжности дѣтскія головки.

— Няня, что ты плачешь?—тревожно пристали дѣти.

— Объ васъ, сиротки мои, объ васъ, ангелы Божіи!—заунывно причитала нянька.

Смущенныя и испуганныя дѣти, ничего не понимая, стояли передъ нянькой съ опущенными ручонками и широко открытыми глазками. Ихъ маленькія сердчишки охватилъ какой-то неопредѣленный страхъ, какое-то новое чувство болѣзненной тоски.

Digitized by Google

А прислуга, нисколько не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, уже судачила про господъ.

II.

Старая дѣва, «городская» фрейлина былыхъ временъ, княжна Олимпіада Платоновна Дикаго только-что успѣла «откушать» свой утренній чай и присѣсть къ туалету, чтобы горничная причесала ей волосы и одѣла ее, когда къ подъѣзду ея деревенскаго жилища подкатилъ экипажъ. Такой ранній визитъ былъ здѣсь явленіемъ необыкновеннымъ. Олимпіада Платоновна уже не первое лѣто проводила въ Сансуси, въ подмосковномъ имѣніи своего брата, и всѣ мѣстные аристократы, начиная съ предводителя дворянства и кончая архіереемъ, давно успѣли привыкнуть къ ея неизмѣннымъ обычаямъ, привычкамъ и правиламъ: съ визитомъ къ ней они не смѣли являться ранѣе второго часа, безъ приглашенія они не являлись къ ней къ обѣду или на вечеръ. Ея образъ жизни и ея правила были опредѣлены, разъ и навсегда, точно и аккуратно, и она не измѣняла ихъ ни для кого. Дѣлать исключенія, для кого бы то ни было, было не въ ея характерѣ. Вслѣдствіе этого ее крайне удивилъ пріѣздъ гостей въ неурочный утренній часъ.

— Софья, кто тамъ, спроси!—обратилась она къ своей «камеръюнгферѣ», услыхавъ шумъ подъѣхавшаго экипажа.

«Камеръюнгфера», такая же старая дѣва, какъ и барыня, поспѣшно вышла изъ будуара и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась снова:

— Владиміръ Аркадьевичъ съ дѣтьми пріѣхалъ,—доложила она.

— Сумасшедшій, право, сумасшедшій!—проговорила Олимпіада Платоновна недовольнымъ тономъ.—Не написалъ, не извѣстилъ и, какъ снѣгъ на голову, изволилъ явиться... И съ супругой?—уже съ ядовитой ироніей спросила она.

— Помилуйте, развѣ онъ смѣлъ бы! — возразила горничная.

— А-а, матушка, нынче люди все смѣютъ! Ворвутся къ тебѣ въ домъ, незваные, непрошенные, да еще хотятъ, чтобы имъ глазки дѣлали,—сердито проговорила Олимпіада Платоновна.—Нынче вѣдь одиннадцатую заповѣдь люди придумали: будь нахаломъ и преуспѣвать будешь.

Горничная засмѣялась тихимъ смѣхомъ.

— Бросила, вѣрно, супруга-то, такъ и пріѣхалъ къ тетушкѣ,—продолжала ворчливо Олимпіада Платоновна.

Digitized by Google

— Ну, ужъ и бросила!—усомнилась горничная.

— Да ужъ ты помяни мое слово, что бросила!—настойчиво утверждала Олимпіада Платоновна.—А то зачѣмъ бы ему дѣтей ко мнѣ тащить? Помнишь, какъ князя Петра Андреевича Дикаго жена бросила, тоже ко мнѣ дочь притащилъ. Они всѣ таковы: женятся—не спросятся, разойдутся—дѣтей везутъ. «Вы, chère tante, такъ добры, такъ добры!» Голубчики вы мои, доброта-то моя вотъ гдѣ у меня сидитъ!—Олимпіада Платоновна показала костлявымъ пальцемъ на затылокъ.—Изъ-за доброты-то своей я не гдѣ-нибудь по заграницамъ наслаждаюсь, а въ подмосковномъ Сансуси схимничаю, себя во всемъ урѣзаю...

Горничная сочувственно вздохнула.

— Да ужъ что говорить, вы себѣ въ послѣдніе два года платья лишняго не сдѣлали,—проговорила она.

— Не лишняго, а никакого не сдѣлала,—рѣзко сказала барыня.—Хорошо еще, что Олимпіада Платоновна и въ старыхъ тряпкахъ всегда будетъ Олимпіадой Платоновной! А то вѣдь, пожалуй, скоро за черносалопницу считать бы начали... Право!..

Наступило короткое молчаніе. Горничная продолжала причесывать волосы госпожи.

— А что, если и въ самомъ дѣлѣ Владиміръ Аркадьевичъ разошелся со своею супругой и привезъ къ намъ дѣтей жить?—спросила горничная.

— Что?—проговорила Олимпіада Платоновна.—Разбраню, раскричусь, скажу, чтобы и не знали меня...

— А потомъ дѣтей у себя оставите?—закончила горничная вопросительнымъ тономъ.

— Дура, дура ты, Софья!—проворчала старуха-барыня.

— Да ужъ это вѣрно!—утверждала горничная.

— Ну, а что же ты-то сдѣлала бы? Ну, научи, что надо сдѣлать, скажи, какъ бы ты поступила?—настойчиво проговорила Олимпіада Платоновна, поднимая полусѣдую голову и смотря прямо въ лицо горничной своими проницательными глазами.

Горничная добродушно улыбнулась:

— Стала бы ихъ воспитывать,—отвѣтила она добродушно.

— Дура, дура ты, Сонька! Вотъ думала, умный совѣтъ подастъ, а она...—старуха-барыня засмѣялась привѣтливымъ смѣхомъ и заторопилась:—Ну, одѣвай скорѣе, одѣвай скорѣе! Силъ моихъ нѣтъ ждать, поскорѣй накричаться хочется, разбранить его, высказать все... Вѣдь ты пойми, на-

Digitized by Google

хальство-то какое: не предупредилъ, не написалъ и, вотъ-съ, принимайте гостя!

Одѣванье пошло быстрѣе.

Странное впечатлѣніе производили эти двѣ женщины, эти два обломка старины. Низенькая, горбатая, сморщенная, какъ печеное яблоко, княжна Олимпіада Платоновна Дикаго производила съ перваго взгляда самое непріятное, отталкивающее впечатлѣніе. Горбатая фигура, длинныя, костлявыя руки, несоразмѣрная съ туловищемъ большая голова, заплетавшіяся на ходу ноги, пестрые отъ неравномѣрно пробивавшейся сѣдины волосы, рѣзко смотрѣвшіе изъ глубокихъ впадинъ глаза, сморщенная и потемнѣвшая, какъ старый пергаментъ, кожа, неровный, то грубый, то визгливый голосъ, напоминавшій голосъ молодого пѣтуха, все это сразу отталкивало человѣка отъ старой отставной фрейлины. Но были люди, любившіе и это обиженное природой существо, и среди этихъ людей первое мѣсто принадлежало Софьѣ, повѣренной, домоправительницѣ, горничной, молочной сестрѣ, если хотите, подругѣ Олимпіады Платоновны. Софья была ровесницей барышнѣ, она была съ дѣтства взята въ барскій домъ, она съ барышней научилась читать и писать, она знала немного по-французски, она ѣздила съ болѣзненной барышней когда-то за границу, она знала какой-то печальный романъ въ жизни барышни, она не скрыла отъ барышни и того, что въ ея жизни былъ тоже невеселый романъ. Высокая, высохшая, некрасивая, рябоватая, она тоже производила впечатлѣніе отталкивающее, непріятное, какъ многія старыя дѣвы. Но Олимпіада Платоновна любила ее болѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ и родныхъ. Между барышней и служанкой была полная откровенность, была извѣстнаго рода фамильярность, служанка даже сильно вліяла на барышню, но въ то же время никогда Софья не смѣла сама сѣсть при Олимпіадѣ Платоновнѣ, никогда не смѣла дать ей какой-нибудь совѣтъ при постороннихъ, можно даже сказать, что служанка боялась барышню и сильно мучилась каждый разъ, сдѣлавъ какую-нибудь оплошность и видя необходимость признаться въ этой оплошности, хотя, повидимому, она давно бы должна была привыкнуть, что Олимпіада Платоновна очень мало обращаетъ вниманія на разныя оплошности людей и еще менѣе на оплошности своей Софьи. Олимпіада Платоновна и Софья слыли каждая въ своемъ кругу «старыми дѣвками», «злючками», «полоумными чудачками», но и вокругъ Олимпіады Платоновны группи-

Digitized by Google

ровались въ минуты жизни трудныя разныя племянницы и племянники, крестницы и крестники, гонимые родителями или преслѣдуемые кредиторами, и вокругъ Софьи сгруппировалась цѣлая шайка ея родныхъ, служившихъ у Олимпіады Платоновны поварами, прачками, кучерами и лакеями. Олимпіада Платоновна была не богата, но и далеко не бѣдна: у нея былъ небольшой капиталъ, крошечное имѣньице и пенсія въ шесть тысячъ рублей; этихъ доходовъ, конечно, было бы вполнѣ достаточно для нея, но она постоянно нуждалась, сидѣла безъ гроша, такъ какъ ее обирали всѣ, кому было не лѣнь, а такихъ людей среди «захудалыхъ» родственниковъ Олимпіады Платоновны было не мало. Софья въ свою очередь могла бы кое-что скопить, живя на всемъ готовомъ и получая хорошее жалованье и подарки, но у нея никогда не было денегъ: если ее не обирали разные крестники и крестницы, племянники и племянницы, то ее обирала сама Олимпіада Платоновна, вѣчно сидѣвшая безъ денегъ и занимавшая ихъ у Софьи. Но каковы бы ни были внутреннія качества этой пары—языки двухъ старыхъ дѣвъ были иногда невыносимы: критиковать и бранить всѣхъ и все, начиная съ самихъ себя, вошло, кажется, въ плоть и кровь этихъ женщинъ. Когда онѣ удалялись въ Сансуси, онѣ рѣже встрѣчались съ людьми, у нихъ меньше являлось поводовъ кого-нибудь осуждать, имъ меньше бросалось въ глаза, какъ живетъ тотъ-то и тотъ-то, но Олимпіада Платоновна получала газеты, и между барышней и служанкой ежедневно происходили разговоры въ родѣ слѣдующаго:

— Ты помнишь, Софья, Валеріана Ржевскаго?—спрашивала Олимпіада Платоновна.

— Еще бы!—отвѣчала Софья.—Головорѣзъ, какъ есть головорѣзъ былъ! Ввѣкъ не забуду, какъ покойная его матушка къ намъ пріѣзжала въ слезахъ, когда его въ долговое хотѣли посадить за долги! Мы же выручали!

— Ну, да, да! И можешь представить, этого-то мота, этого головорѣза на директорское мѣсто въ акціонерную компанію посадили!—сообщала Олимпіада Платоновна.—Его подъ опекой держать надо, а его директоромъ дѣлаютъ!

— Да что вы!—удивлялась Софья.—Да ужъ это не другой ли Ржевскій? Вѣдь этотъ и не въ чинахъ, и виду надлежащаго не имѣетъ. Такъ себѣ, шаркуномъ выглядитъ!

— Да нѣтъ, вотъ тутъ напечатано: Валеріанъ Ивановичъ Ржевскій, — указывала на газету Олимпіада Платоновна.—Другого Валеріана Ивановича Ржевскаго нѣтъ. Хо-

Digitized by Google

рошо дѣла-то компаніи пойдутъ! А? Это я бы нашего Митрошку-пьяницу въ домоправители произвела, что бы было? И вѣдь все такъ, все такъ у насъ дѣлается! А потомъ и жалуются: «Ахъ, компанія у насъ лопается!... ахъ, дѣла дурно идутъ!.. ахъ, людей у насъ нѣтъ!» А! людей нѣтъ! Дѣлъ некому вести! Скажите, пожалуйста, какая несчастная страна, что и людей не сыщешь!.. Да они ко мнѣ бы пришли спросить, что за человѣкъ Валеріанъ Ржевскій, такъ я бы имъ, голубчикамъ моимъ, его аттестацію дала! Не поздоровилось бы ему, родному!

— Да помилуйте, кто же его не знаетъ!—говорила возмущенная Софья.—Я думаю, каждый извозчикъ въ Петербургѣ знаетъ, какъ онъ куролесилъ!.. Въ трубу все дѣло пуститъ, всю компанію разоритъ въ разоръ! Ужъ своего имѣнія не уберегъ, наслѣдственное все промоталъ, такъ гдѣ же ему чужія-то деньги беречь!

— И подѣломъ имъ, подѣломъ!—волновалась Олимпіада Платоновна.—Вора на вора сажаютъ, негодяя за негодяемъ къ дѣламъ приставляютъ, ну, все и развинчивается, все и расползается. Нѣтъ, вы людей умѣйте выбирать, вы волковъ въ овчарню не пускайте, тогда у васъ всѣ эти компаніи и пойдутъ хорошо!.. А они Ржевскихъ къ денежнымъ сундукамъ приставляютъ!.. Господи, и когда это кончится, когда кончится.—просто и ума не приложишь!

Иногда бесѣды касались и политическихъ вопросовъ.

— Ты вѣдь знавала короля Фердинанда Второго?—спрашивала Олимпіада Платоновна такимъ тономъ, какъ будто Софья была близко знакома со всѣми европейскими вѣнценосцами.

— Какъ же!—тѣмъ же тономъ отвѣчала Софья.—Онъ къ намъ, когда мы въ Неаполѣ жили, съ визитомъ пріѣзжалъ, молодой еще совсѣмъ былъ...

— Ну да, да! Тогда еще сколько надеждъ на него возлагали, — говорила Олимпіада Платоновна.—Вотъ, говорили, финансы неаполитанскіе поправитъ, поднимете силу государства. Ужъ газеты трубили-трубили о его доблестяхъ! А теперь, не сегодня, такъ завтра воевать со своими собственными подданными придется.

— Да что вы?—удивлялась Софья.—И съ чего это?

— А продолжай идти тѣмъ путемъ, которымъ разъ пошелъ,—говорила Олимпіада Платоновна.—А то онъ ошибку за ошибкой творитъ, свое же дѣло портитъ, а въ Римѣ тѣмъ временемъ новый папа,—тамъ вѣдь теперь Пій IX

Digitized by Google

папой назначенъ,—реформы разныя дѣлаетъ, ну, неаполитанцамъ и завидно, народъ живой, горячій. И какъ вѣдь не понять, что безъ уступокъ съ такимъ народомъ ничего не подѣлать, что головой только своей рискуетъ! Да, впрочемъ. всѣ они, Бурбоны, упрямы, это ужъ, вѣрно, фамильное: большіе носы, толщина, да упрямство, вотъ и все, что имъ по наслѣдству достается. И помяни ты мое слово, когда-нибудь кромѣ этого у нихъ ничего и не останется.

— Ну, за такимъ наслѣдствомъ, пожалуй, что и гнаться не стоитъ,—смѣялась Софья.

Въ такихъ разговорахъ о директорахъ, губернаторахъ, министрахъ и короляхъ проводилось время, покуда приходилось пробавляться только газетными извѣстіями и бранить министровъ и королей, не имѣя причины журить знакомыхъ и родныхъ. Но, не щадя никого, осмѣивая и браня всѣхъ, эти двѣ женщины не щадили и самихъ себя. По крайней мѣрѣ, Олимпіада Платоновна стала извѣстна въ свѣтѣ именно съ того дня, когда она зло подшутила надъ собой. Ее въ давно былые дни ея молодости назначили фрейлиной къ одному изъ малыхъ дворовъ тѣхъ временъ; она представилась одной изъ высочайшихъ особъ, и эта особа ласково замѣтила ей:

— Я надѣюсь теперь видѣть васъ чаще.

— А развѣ, ваше высочество, желаете въ своемъ дворцѣ устроить кунсткамеру? — наивнымъ тономъ спросила тогда еще молодая Олимпіада Платоновна.

Это вызвало на лицахъ присутствующихъ невольныя улыбки.

— Я вотъ очень жалѣю, что меня, какъ дѣвушку, нельзя послать на конгрессъ отъ лица Россіи,—такъ же серьезно продолжала Олимпіада Платоновна.

— Для чего?—спросили ее.

— Все бы хоть какое-нибудь пугало было, а то теперь нашихъ уполномоченныхъ вовсе не боятся тамъ,—замѣтила горбунья.

Этотъ разговоръ разнесся быстро по городу, и за Олимпіадой Платоновной сразу утвердилась слава остроумной и смѣлой дѣвушки. Сперва ее знали съ этой стороны только въ ея тѣсномъ кружкѣ, теперь эти качества стали извѣстны всему большому свѣту. Къ Олимпіадѣ Платоновнѣ стали заглядывать все чаще и чаще высокопоставленныя лица, находя не только удовольствіе, но и поученіе въ ея мѣткихъ, ѣдкихъ и смѣлыхъ бесѣдахъ. Салонъ ея вдоваго отца, за-

Digitized by Google

нимавшаго очень видный постъ въ администраціи государства, или, вѣрнѣе сказать, ея салонъ сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ, а потомъ и за границей, гдѣ довольно долго прожилъ старикъ, какъ одинъ изъ лучшихъ аристократическихъ салоновъ, гдѣ общество подъ вліяніемъ хозяйки смѣло и рѣзко обсуждало политическіе и общественные вопросы.

Безпощаднѣе всего относилась Олимпіада Платоновна къ своей «глупости», какъ она называла свою «доброту».

— Вѣдь всѣ знаютъ, что я зла, что я старая, сумасбродная дѣвка,—говорила она своей наперсницѣ:—и все-таки лѣзутъ ко мнѣ за помощью. А почему? Потому, что всѣ знаютъ, какая я эгоистка: мнѣ непріятно волновать себя отказами, потому я и исполняю всякія просьбы.

— Ну, ужъ это вы клеплете на себя,—вступалась Софья за свою госпожу.—Просто потому добро дѣлаете, что сердце у васъ доброе.

— И врешь, и врешь, Сонька! — сердилась Олимпіада Платоновна.—Если бы у меня было сердце доброе—я ходила бы отыскивать бѣдняковъ и раздавала бы имъ все. А я вотъ сижу и не подумаю помочь людямъ, если они сами не придутъ ко мнѣ за помощью.

— Да зачѣмъ же вамъ еще искать бѣдняковъ, если ихъ и такъ безъ числа лѣзетъ?—возражала Софья.—И этимъ-то всѣмъ средствъ нѣтъ помочь, себя урѣзаете во всемъ...

— А все же, если бы я добрая была, такъ ходила бы отыскивать самыхъ бѣдныхъ, — спорила Олимпіада Платоновна.—А то я готова первому мошеннику помочь, только бы онъ отсталъ отъ меня и не безпокоилъ меня. Нѣтъ, помогаю я, чтобы только меня не безпокоили, чтобы себя отъ непріятности избавить, а то мнѣ и дѣла нѣтъ, что тамъ гдѣ-то какой-нибудь Сидоръ или Иванъ голодаетъ.

И каждый разъ, когда родные, знакомые или чужіе люди опустошали карманы Олимпіады Платоновны, она ворчала долго, по цѣлымъ недѣлямъ, браня себя за свою глупость, пророча себѣ въ будущемъ разоренье и долговое отдѣленіе, и какъ только являлись новые просители, отдавала опять все, что еще находилось въ ея карманѣ или въ карманѣ Софьи. Тѣмъ не менѣе сердилась на это она очень серьезно, такъ же серьезно, какъ и теперь, когда незваный и непрошенный явился къ ней сынъ ея покойной сестры Владиміръ Аркадьевичъ Хрюминъ.

— Ну, ну, одѣла? Все? Пойду браниться!—говорила она,

Digitized by Google

направляясь въ залъ изъ будуара.—Еще сейчасъ дѣти разревутся, увидавъ пугало! Тоже очень пріятно слышать ревъ при своемъ появленіи! Хоть бы предупредилъ ихъ, что ли, чтобы не боялись, а то, я думаю, и на это ума не хватило!—ворчала она на ходу, ковыляя и путаясь въ своемъ шелковомъ платьѣ темнаго цвѣта, съ пелеринкой, прикрывавшей горбъ.

— Ma tante!—послышался при ея появленіи въ гостиной голосъ Владиміра Аркадьевича, уже уставшаго ждать выхода тетки.

— Здравствуй, здравствуй!—скороговоркой проговорила она, подставляя ему къ губамъ сморщенную, длинную и крупную руку. — Не писалъ, не предупредилъ и пріѣхалъ! Очень, очень умно! Это твои дѣти?

— Да... Ольга, Евгеній, подойдите!—обратился Владиміръ Аркадьевичъ къ дѣтямъ, застѣнчиво и пугливо пятившимся отъ уродливой старухи.—Поцѣлуйте у тетушки руку!

Дѣти не двигались съ мѣста. Неожиданныя событія послѣднихъ дней, желчныя выходки раздраженнаго отца и безъ того уже успѣли смутить и сбить ихъ съ толку, а тутъ еще, къ довершенію всего, они очутились лицомъ къ лицу съ невиданнымъ страшилищемъ. Они готовы были заплакать и пятились назадъ отъ тетки. Это не ускользнуло отъ вниманія Олимпіады Платоновны.

— Послѣ, послѣ!—поспѣшно замахала она рукой.—Они, я думаю, голодны, такъ имъ не до цѣлованія рукъ.

Она позвонила. Вошелъ лакей.

— Сведи дѣтей въ столовую, скажи Софьѣ, чтобы дали имъ завтракать, сладкаго чего-нибудь,—сказала хозяйка.—Вели имъ идти!—обратилась она къ племяннику.

— Ступайте, тамъ завтракъ готовъ вамъ,—сказалъ Владиміръ Аркадьевичъ.

— Потомъ побѣгайте въ саду, цвѣты тамъ есть,—проговорила Олимпіада Платоновна, стараясь какъ-нибудь ободрить дѣтей.

Дѣти быстро пошли изъ комнаты: они были рады скрыться отъ страшной старухи, которую уже дѣвочка шопотомъ успѣла назвать брату: «бабой-ягой». Первое впечатлѣніе, произведенное на нихъ теткой, было не въ ея пользу. Олимпіада Платоновна сознавала это и взволновалась еще болѣе.

— Что это ты, милый, не предупредилъ ихъ, что они не должны бояться людей, какими бы пугалами гороховыми ни выглядѣли люди,—раздражительно произнесла старуха, когда

Digitized by Google

дѣти вышли.—Вѣдь теперь они ночью спать не будутъ отъ страха послѣ нашей пріятной встрѣчи. Родимчики еще, пожалуй, сдѣлаются!

— Ma tante, вы ошибаетесь, дѣтямъ вовсе нечего было пугаться, — началъ любезнымъ тономъ Хрюминъ, но тетка перебила его.

— Пожалуйста, не старайся быть любезнымъ! Я, милый, шестьдесятъ лѣтъ не могу отучиться отъ страху, когда себя въ полутемной комнатѣ въ зеркалѣ увижу, такъ ужъ они-то и подавно съ непривычки должны испугаться. И что это тебѣ вздумалось привезти ихъ ко мнѣ? Напоказъ, что ли? Такъ ты знаешь, что я пискуновъ не жалую.

Хрюминъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Онъ хорошо зналъ придирчивый и неровный характеръ сумасбродной чудачки-старухи и ждалъ не особенно пріятнаго объясненія. Племянникъ и тетка сѣли, но разговоръ начался не сразу.

— Я, ma tante, очень несчастливъ,—началъ онъ, наконецъ, дѣлая печальное лицо.

— Это я знаю,—сухо замѣтила тетка.

— Знаете?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Ну да, если бы былъ счастливъ, такъ зачѣмъ бы тебѣ было ко мнѣ-то пріѣзжать? — искусственно простодушнымъ тономъ отвѣтила она.

Онъ вздохнулъ, чувствуя себя еще болѣе неловко и не зная, какъ приступить къ довольно щекотливому объясненію съ капризной старухой. Объясненія съ нею иногда напоминали что-то въ родѣ стремленія поймать ежа, не уколовъ рукъ.

— Вамъ, конечно, не извѣстно еще, что случилось со мною, такъ какъ этого еще вообще никто не знаетъ. Моя жена оказалась мелкой и ничтожной личностью; она гнусно обманывала меня, — проговорилъ онъ, не зная, какъ приступить къ дѣлу.

— Ну, а потомъ,—равнодушно спросила старуха, прямо смотря на его смущенную физіономію.

— Она бросила меня,—окончилъ онъ коротко.

— Въ чемъ же несчастье-то твое?

— Какъ въ чемъ? Развѣ этого мало?—удивился племянникъ.—Вы поймите...

Старуха-тетка не дала ему кончить.

— Да вѣдь это только все то, чего ты желалъ самъ,— проговорила она ироническимъ тономъ.

— Я?—съ изумленіемъ переспросилъ племянникъ.

Digitized by Google

— А кто же? Ужъ не я ли?—засмѣялась сухо старуха-тетка, и ея старческій смѣхъ непріятно отдался въ ушахъ племянника.—Вѣдь все это я тебѣ предсказывала, ну, а ты и слушать не хотѣлъ, женился, значитъ все это испытать желалъ,—вотъ и испыталъ. Теперь радоваться долженъ, что однимъ опытомъ въ жизни больше. Просто смѣшно смотрѣть: доживутъ чуть ли не до сѣдыхъ волосъ, а все какими-то мальчиками остаются: «ma tante, меня обидѣли!» Ахъ, батюшка, слава Богу, самъ великовозрастный, самъ обидѣть другихъ можешь, такъ тутъ хныкать нечего!

Владиміръ Аркадьевичъ даже обидѣлся.

— Ма tante, я не въ такомъ теперь положеніи, чтобы издѣваться надо мною, меня жалѣть нужно, — проговорилъ онъ нѣсколько драматично, стараясь не раздражаться.

— Ахъ, батюшка, зачѣмъ же ты ко мнѣ-то ѣхалъ?—воскликнула старуха.—Ты бы лучше къ кузинѣ Дарьѣ Петровнѣ направился: она вонъ послѣ смерти своего мужа двадцать лѣтъ на утѣшеніе брошенныхъ мужей посвятила. Ну, а мнѣ, ужъ извини, не приходится плакать, когда передо мной этакій большой мужикъ, какъ ты, плачетъ, что его баба обидѣла! Ты ужъ и въ обществѣ гдѣ-нибудь не прослезился ли? Вѣдь, пожалуй, посмѣшищемъ сдѣлаешься, пальцами указывать будутъ: «вонъ мужъ, котораго жена обидѣла».

Старуха сдѣлала презрительную, очень некрасивую гримасу и захохотала.

— А я тебѣ вотъ что скажу,—начала она снова, не давъ ему времени отвѣтить. — Когда ты началъ дурить, воображая, что ты влюбленъ, я тебѣ говорила, что эта дочь писаря какого-то, воспитанная какой-то французской торговкой не у дѣлъ, ѣздящая для ловли жениховъ въ клубы,—не пара тебѣ. Ты вѣдь въ кружевныхъ пеленкахъ выросъ, въ высшемъ кругу на паркетѣ избаловался, среди знати высшіе вкусы развилъ, а батюшка твой покойный, не тѣмъ онъ будь помянутъ, оставилъ тебѣ только долги неоплатные въ наслѣдство, такъ въ такомъ положеніи не о любви, не о сентиментахъ нужно было думать, а о томъ, чтобы хотя на женины деньги свои вкусы удовлетворять, если отъ нихъ, отъ этихъ вкусовъ-то, ужъ отдѣлаться никакъ невозможно было. Деньги, связи, протекція тебѣ были нужны, а не смазливое личико какой-то вертушки, которую и въ нашъ кругъ-то ввести не могъ...

— Ма tante, вы никогда не допускаете увлеченій молодости,—перебилъ старуху племянникъ.

Digitized by Google

— Не перебивай, пожалуйста!—сухо сказала она.—Это не увлеченія молодости, потому что ты и молодъ-то никогда не былъ, а просто вѣтрогонство, вертопрашество. Встрѣтился, завелъ интрижку, сошелся, а тамъ и отступать уже было поздно. Вѣдь ты самъ съ перваго дня свадьбы очень хорошо понималъ свое положеніе. Не совсѣмъ же ты дуракъ. Помнишь ты, пріѣхала ко мнѣ tante Barbe. «Что это,— говоритъ она: — разсказываютъ, что нашего повѣсу женили».—«Нѣтъ, ma tante,—кричу я ей:—вы не дослышали: онъ не женился, а желчь у него разлилась». А ты, милый мой, и точно не на новобрачнаго похожъ былъ, а на лимонъ. Очень хорошъ былъ: и желтъ, и киселъ, все, должно-быть, отъ счастія первыхъ дней супружеской жизни.

Старуха засмѣялась дребезжащимъ смѣхомъ.

— Теперь не время смѣяться, когда я опозоренъ, когда мои дѣти брошены матерью!—уже совсѣмъ раздражительно произнесъ Владиміръ Аркадьевичъ. — Я пріѣхалъ просить васъ пріютить у себя на время моихъ дѣтей.

Старуха совсѣмъ разсердилась.

— Да что это у меня воспитательный домъ, что ли?— воскликнула она.—Князя Петра Андреевича жена бросила— дочь ко мнѣ привезъ. Твоя благовѣрная бѣжала—ты своихъ ребятишекъ ко мнѣ тащишь. Нѣтъ ли тамъ у васъ въ Петербургѣ еще кого-нибудь на очереди къ разводу. кто бы еще привезъ мнѣ дѣтей. Вѣдь такихъ-то, какъ ты, тамъ непочатой уголъ, такъ ты, милый, посовѣтуй имъ, что вотъ такъ и такъ, есть на свѣтѣ старая дура, княжной Олимпіадой Платоновной Дикаго звать, къ которой всѣхъ брошенныхъ дѣтей въ домъ подкидывать можно. Тебѣ спасибо скажутъ! Право!

Старуха встала и заковыляла заплетающимися ногами по гостиной, продолжая въ волненіи что-то ворчать. Владиміръ Аркадьевичъ постарался сдержать свое раздраженіе, свой гнѣвъ, чтобы не разсердить еще болѣе несговорчивую старуху. Безъ ея помощи онъ не зналъ, куда свалить съ своихъ рукъ дѣтей, эту тяжелую обузу, навязанную ему судьбой.

— Ma tante, я умоляю васъ, помогите мнѣ выпутаться изъ этой исторіи, — мягко заговорилъ онъ. — Я хочу избѣжать скандала, я хочу все устроить семейнымъ образомъ, мнѣ дорога моя фамильная честь и мнѣ нужно куда-нибудь пріютить дѣтей на время, на самое короткое время... Ради нашей семейной чести не бросьте, не оттолкните ихъ... Я знаю, какъ вы добры...

Digitized by Google

— Ну, пошла старая пѣсня!—сердито проговорила старуха, махнувъ безнадежно рукою.—Ну, добра, добра я! Да что-жъ изъ этого? мнѣ покой нуженъ, милый мой! Стара я стала, не въ пору мнѣ съ дѣтьми няньчиться...

— Но вы, все-таки, не бросите ихъ?—проговорилъ Владиміръ Аркадьевичъ, заглядывая заискивающимъ взглядомъ въ ея глаза и взявъ ея руку.

Она отдернула руку и проворчала.

— Безъ нѣжностей, пожалуйста! Знаю я все это очень хорошо: когда нужна, тогда и ласки, и слезы, и жалкія слова, все у васъ найдется... На это кого не станетъ!

— Ma tante, вы знаете, что я никогда не лгу, что я всегда былъ преданъ вамъ всею душою,—тихо сказалъ онъ.

— Это ужъ не тогда ли ты любовь свою ко мнѣ доказывалъ, когда и слушать меня не хотѣлъ, толкуя о своей женитьбѣ?—спросила старуха.

— Ну, браните меня, браните, какъ послѣдняго школьника, только не бросайте дѣтей, — проговорилъ онъ, снова взявъ ея руку и поднося ее къ губамъ.—Они несчастныя, брошенныя дѣти!

— Оставь, пожалуйста, тонъ плачущаго Іереміи,—перебила его старуха.—Безъ тебя я знаю, что у такихъ людей, какъ ты и твоя супруга, дѣти только и могутъ быть несчастными. Чувствъ-то у васъ даже родительскихъ нѣтъ. Мать бросаетъ дѣтей, отецъ тоже тащитъ ихъ Богъ вѣсть куда! Эхъ вы, родители! Именнымъ бы указомъ запретить такимъ-то жениться!

Владиміръ Аркадьевичъ вздохнулъ.

— Ma tante, есть вопросы, которыхъ вовсе лучше не касаться,—произнесъ онъ грустнымъ тономъ.—Я вамъ говорилъ, что жена обманывала меня, что она играла моею честью. Этотъ позоръ шелъ не со вчерашняго дня. Я игралъ въ домѣ только жалкую роль ширмы для этой ничтожной женщины. Гдѣ же тутъ говорить о любви къ ней, о любви къ ея дѣтямъ, когда нѣтъ даже увѣренности, что ея дѣти—мои дѣти.

Онъ проговорилъ послѣднюю фразу очень драматическимъ тономъ.

Старуха пристально смотрѣла на него и уже внимательно слушала его рѣчи, не перебивая его и сдвинувъ брови. Онъ, кажется, обрадовался возможности излиться и высказаться вполнѣ и продолжалъ, увлекаясь и горячась все болѣе и болѣе:

— Да, я никогда въ этомъ не былъ увѣренъ и, можетъ-

Digitized by Google

быть, потому никогда не чувствовалъ особенно сильной привязанности къ нимъ. Какой-то тайный инстинктъ уже и прежде, когда я ничего еще не зналъ навѣрное, подсказывалъ мнѣ, что это не мои дѣти, что это только живыя свидѣтельства моего позора. Кромѣ того, вы знаете, что у меня есть служебныя обязанности, занятія, я не могъ слѣдить за воспитаніемъ этихъ дѣтей; и каждый день мнѣ приходилось подмѣчать въ нихъ несимпатичныя мнѣ черты, привитыя къ нимъ ихъ матерью. Я видѣлъ, что изъ нихъ дѣлаютъ не людей нашего круга, а какихъ-то мѣщанъ съ дурными вкусами, съ дурными привычками, съ дурными наклонностями. Нечего и говорить, что дѣти были не виноваты, но вы знаете, что я раздражителенъ, что мой характеръ неровенъ, и потому поймете, что ихъ недостатки еще болѣе отталкивали меня отъ нихъ, разрывали между нами цѣлую пропасть.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ племянникъ, голова старухи опускалась все ниже и ниже, выраженіе ея лица сдѣлалось необыкновенно грустнымъ, изъ ея груди вылетѣлъ чуть слышный вздохъ. Племянникъ предсталъ теперь передъ нею въ какомъ-то новомъ свѣтѣ. Владиміръ Аркадьевичъ смутно угадывалъ, что онъ начинаетъ размягчать сердце старухи, что она начинаетъ склоняться на его сторону.

— Да, ma tante, я пережилъ страшные годы,—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь своей іереміадой.— Я жилъ въ семьѣ и не имѣлъ семьи, я имѣлъ дѣтей и не могъ назвать себя въ душѣ ихъ отцомъ. Можетъ-быть, въ то время, когда я называлъ ихъ своими дѣтьми, кто-нибудь другой смѣялся надо мною въ душѣ презрительнымъ смѣхомъ. Я, наконецъ, былъ брошенъ женою, и у меня на рукахъ остались эти дѣти, отцомъ которыхъ я не могу считать себя, которыхъ я не могу искренно любить, которыя вѣчно—вѣчно будутъ мнѣ напоминать только о прошлыхъ неудачахъ, о моемъ позорѣ, о втоптанной въ грязь фамильной чести, о моей погубленной молодости.

Старуха угрюмо отвернулась: на ея глазахъ были слезы.

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти!—прошептала она едва слышно, качая головой.

Владиміръ Аркадьевичъ нѣсколько изумился этому тихому, какъ вздохъ, восклицанію. Но въ то же время онъ былъ радъ возможности словить тетку на словѣ.

— Вы ихъ оставите у себя?—сказалъ онъ мягко.

— Да, да,—разсѣянно отвѣтила она, что-то соображая.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжали совсѣмъ раскраснѣв-

Digitized by Google

шіяся дѣти. Они успѣли позавтракать и побѣгать въ саду и нѣсколько отдохнули отъ тяжелыхъ впечатлѣній, утѣшились на свободѣ, среди природы, среди цвѣтовъ. Ихъ лица разгорѣлись и были веселы. Вслѣдъ за ними на порогѣ гостиной появилась худощавая фигура Софьи, и сухое лицо этой старой дѣвы улыбалось простой, добродушной улыбкой. Было видно, что она уже вполнѣ завоевала расположеніе маленькихъ гостей.

— Папа, папа, смотри, какихъ мы цвѣтовъ нарвали!— закричали они, показывая отцу нарванные ими въ саду цвѣты.

— Кто вамъ позволилъ?—сказалъ строго отецъ.—Цвѣты посажены вовсе не для того, чтобы ихъ обрывали. И на что вы похожи: что за глупыя украшенія?—обратился онъ къ дочери, натыкавшей себѣ въ волосы цвѣтовъ.—А ты грязнѣе уличнаго мальчишки!—крикнулъ онъ на сына, успѣвшаго выпачкать свои панталончики.—Если вы будете и здѣсь вести себя такъ, то...

Олимпіада Платоновна во весь ростъ поднялась съ мѣста:

— Соня, погуляй еще съ дѣтьми!—обратилась она къ своей горничной и прибавила ласково дѣтямъ:—Играйте, играйте тамъ!

Испуганныя окрикомъ отца, дѣти обрадовались возможности снова скрыться отъ него и попятились къ добродушной служанкѣ, взявшей ихъ за руки. Скоро они исчезли за дверью. Олимпіада Платоновна смотрѣла, какъ они удалялись, и не трогалась съ мѣста, не произносила ни слова. Наконецъ, когда она снова осталась съ глазу на глазъ съ племянникомъ, она обратила къ нему совсѣмъ суровое, холодное лицо.

— Я надѣюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, поторопишься уѣхать,—сухо произнесла она.

Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я думаю, что съ нихъ довольно несчастія быть твоими дѣтьми и не для чего дѣлать ихъ еще несчастнѣе, заставляя ихъ оставаться съ тобою,—рѣзко сказала она.

— Ma tante!—воскликнулъ Владиміръ Аркадьевичъ, и въ его голосѣ послышались рѣзкія ноты гнѣва.

Она окинула его глазами и холодно перебила его:

— Я прежде считала тебя, по крайней мѣрѣ, настолько порядочнымъ человѣкомъ, что не предполагала въ тебѣ способности мстить дѣтямъ за мать...

Онъ закусилъ губы отъ безсильнаго бѣшенства и хотѣлъ что-то сказать, но старуха сдѣлала уже шагъ, чтобы

Digitized by Google

удалиться, и на ходу съ холоднымъ презрѣніемъ сказала ему:

— Я ихъ оставляю—чего же тебѣ еще нужно?

Не прощаясь, не протягивая ему руки, не взглянувъ на него, она медленно, переваливаясь съ боку на бокъ, заплетая ногами и путаясь въ платьѣ, ворча что-то себѣ подъ носъ, направилась вонъ изъ гостиной, сопровождаемая яростными взглядами уничтоженнаго и оскорбленнаго Хрюмина.

III.

Въ одной изъ комнатъ въ Сансуси давно уже постоянно были смущены толстыя шелковыя занавѣси у оконъ. Въ этой комнатѣ царствовала по цѣлымъ днямъ полнѣйшая тишина. Если кто и проходилъ въ ней, то его шаги были не слышны на мягкомъ коврѣ, застилавшемъ весь полъ. У одной изъ стѣнъ стояла большая старинная кровать съ бѣлыми кисейными занавѣсями. На этой постели лежалъ маленькій больной ребенокъ. Наступила ночь, но онъ еще не спалъ. Въ полумракѣ, озаренномъ только небольшою лампою съ синимъ абажуромъ, едва можно было разглядѣть его исхудалое, блѣдное личико. Это былъ Евгеній Хрюминъ, едва начинавшій оправляться послѣ тяжелой простуды.

Около постели противъ ребенка сидѣла Софья, тихимъ голосомъ разсказывавшая ему сказку, какъ гуси-лебеди похитили одного мальчика. Съ того дня, какъ онъ сталъ немного поправляться, она каждый вечеръ разсказывала ему сказки, и онъ засыпалъ подъ звуки ея мѣрной, тихой рѣчи. Она растягивала слова, удлиняла разсказъ, стараясь усыпить ребенка этимъ разсказомъ. Это была сегодня уже не первая сказка, разсказанная ею, но ребенокъ, все-таки, не засыпалъ.

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили старичокъ со старушкою,—протяжно разсказывала Софья.—У нихъ были дочка, да сынокъ, маленькій-маленькій такой...

— Они, Софочка, любили дѣтей?—спросилъ больной ребенокъ.

— Любили,—отвѣтила Софья.—Вотъ и говоритъ мать: «Дочка, дочка, пойдемъ мы на работу, принесемъ тебѣ булочку, сошьемъ сарафанчикъ, купимъ платочекъ; будь же умна, береги братца, не ходи со двора». Старики ушли, а

Digitized by Google

дочка и забыла, что ей приказывали, посадила братца на травкѣ подъ окошкомъ, а сама побѣжала на улицу, загулялась, заигралась съ другими дѣтками. Налетѣли гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылушкахъ...

— А старички и не знали?—спросилъ мальчикъ.

— Не знали, не знали, на работѣ въ ту пору были,—отвѣтила Софья.—Вотъ пришла дѣвочка, глядитъ—братца нѣтъ! Ахнула она, кинулась туда-сюда, нигдѣ нѣтъ! Кликала она его, кликала, плакала она, плакала,—братецъ не откликнулся. Выбѣжала она въ чистое поле, на широкій просторъ, мелькнули вдалекѣ гуси-лебеди и пропали за темнымъ лѣсомъ. Давно гуси-лебеди славу дурную нажили, давно маленькихъ дѣточекъ крадывали...

— А гдѣ мой папа?—вдругъ спросилъ ребенокъ, повернувъ на подушкѣ свою головку и смотря прямо въ лицо разсказчицы.—Зачѣмъ онъ уѣхалъ?

— Папаша вашъ на службѣ! У него дѣла,—отвѣтила Софья.

— А мама гдѣ?—спросилъ ребенокъ.

— Мамаша къ бабушкѣ уѣхала,—отвѣтила Софья.

— Зачѣмъ же она не простилась съ нами? Взяла и уѣхала, такъ и уѣхала,—грустно говорилъ ребенокъ, какъ бы впадая въ раздумье.

— Бабушка очень захворала, потому она и торопилась уѣхать,—объясняла Софья.

— И насъ не взяла къ бабушкѣ,—шепталъ какъ бы въ забытьи ребенокъ.

— Нельзя къ больной было взять. Вы бы шумѣть тамъ стали, а бабушкѣ спокойствіе нужно,—поясняла Софья.

— Я бы не шумѣлъ. Тихо, тихо ходилъ бы на цыпочкахъ, вотъ какъ ты ходишь,—сказалъ ребенокъ.

Онъ сильно смущалъ своимъ жалобнымъ тономъ, своими неожиданными вопросами добродушную женщину.

— Не говорите много, голубчикъ; докторъ не велѣлъ. Вотъ слушайте, что я буду разсказывать,—тихо сказала она.

Она продолжала сказку:

— Угадала дѣвочка, что гуси-лебеди унесли ея братца, бросилась ихъ догонять. Бѣжала, бѣжала, стоитъ печка: «Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетѣли?»—«Съѣшь моего ржаного пирожка, скажу».—«О, у моего батюшки и пшеничные не ѣдятся!»

Но мальчикъ уже не слушалъ сказки; ему не было никакого дѣла до этихъ гусей-лебедей, до этого унесеннаго

Digitized by Google

ими мальчика; его мысль занималъ теперь другой мальчикъ, котораго никто не уносилъ изъ дома и котораго бросили сами родители; этотъ мальчикъ былъ онъ самъ; его дѣтская головка работала въ одномъ и томъ же направленіи, стараясь найти отвѣты на свои собственные личные вопросы.

— А нашъ папа насъ любитъ?—спросилъ онъ Софью.

— Какъ же ему не любить васъ, у него только вы съ Олей и есть,—отвѣтила Софья, прерывая разсказъ.

— А ma tante тоже насъ любитъ?—продолжалъ разспрашивать мальчикъ.

— Да, сами видите, какъ заботится о васъ,—отвѣтила Софья.

— Папа любитъ и все бранился, ma tante любитъ и все ласкаетъ?—въ глубокомъ раздумьи проговорилъ мальчикъ вопросительнымъ тономъ.—Какъ же это?—спросилъ онъ уже совсѣмъ печально.

— Вы, вѣрно, шалили, вотъ онъ и бранилъ васъ,—отвѣтила Софья, снова смущенная вопросомъ больного ребенка.—Кто шалитъ, того всегда бранятъ, хоть и любятъ. Кто шалитъ, тотъ дурной, а надо хорошимъ быть... Да вы не говорите, а то и я браниться стану,—шутливо закончила она.

— А ты меня тоже любишь, Софочка?—спросилъ онъ ласково.

— Очень люблю и потому хочу, чтобы вы были здоровы. А здоровы вы будете, если не будете много говорить. Докторъ не велѣлъ говорить много. Вотъ и меня бранить станетъ, если узнаетъ, что вы много говорили... Слушайте лучше сказку.

Она опять продолжала прерванный разсказъ про гусей-лебедей, про то, какъ нашла ихъ дѣвочка, какъ отняла у нихъ братца, какъ принесла его домой, и какъ рады были старичокъ со старушкой, что ихъ сынокъ живъ и здоровъ остался. Мальчикъ стихъ, и ей показалось, что онъ, отвернувшись отъ свѣта, начинаетъ дремать. Но вдругъ она услышала тихія, сдержанныя слезы. Быстро поднялась она съ кресла и подошла къ постели больного.

— Голубчикъ, что съ вами?—тревожно спрашивала она, наклоняясь надъ нимъ.

— Ни папа, ни мама не любятъ,—тихо шепталъ мальчикъ въ отвѣтъ ей.

Софья совсѣмъ растерялась и не знала, что дѣлать. Она и унимала его, и гладила его по головкѣ, и цѣловала, а

Digitized by Google

въ душѣ ея были какіе-то суевѣрные страхи, ей такъ и казалось, что ребенокъ сейчасъ умретъ, что онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ, такъ какъ на него «нашло просвѣтленіе». Съ давнихъ поръ бѣдная простая женщина наслышалась въ своемъ кругу о томъ, что люди передъ смертью прозрѣваютъ многое, чего они не понимали во всю жизнь, и теперь ей вспомнились всѣ эти разсказы. Не мало стоило ей труда унять слезы мальчика.

— Софочка, разскажи мнѣ опять про лягушку-царевну,— тихо сказалъ ребенокъ, нѣсколько успокоенный ласками своей доброй сидѣлки.

Онъ больше всего любилъ эту сказку, слышанную имъ уже не разъ отъ Софьи. Въ этомъ разсказѣ онъ находилъ какую-то особенную прелесть, что всегда удивляло Софью, не понимавшую, почему именно эту сказку заставляетъ ее повторять мальчикъ. Она присѣла къ нему на постель и, продолжая его ласкать, начала разсказъ:

— Жилъ-былъ въ старые годы одинъ царь, а у него было три сына—всѣ на возрастѣ. Царь и говоритъ: «дѣти, сдѣлайте себѣ по самострѣлу и стрѣляйте: кто принесетъ стрѣлу, та и невѣста». Большой сынъ выстрѣлилъ—принесла княжеская дочь; средній выстрѣлилъ—принесла стрѣлу генеральская дочь; младшему же Ивану-царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягуша...

— Гадкая лягуша, Софочка?—спросилъ мальчикъ.

— Гадкая, голубчикъ, гадкая,—отвѣтила Софья.—Ну, вотъ тѣ братья и веселы, и радостны стали, а Иванъ-царевичъ призадумался, заплакалъ: «какъ я стану жить съ лягушей? Вѣкъ жить—не рѣку переплыть, не поле перейти!» Поплакалъ, поплакалъ, да нечего дѣлать—взялъ въ жены лягушу.

По лицу мальчика начала бродить какая-то свѣтлая улыбка, точно ее вызвало сознаніе, что, несмотря на трагическое положеніе Ивана-царевича, все окончится счастливо и благополучно.

— Вотъ живутъ они,—продолжала Софья:—царь захотѣлъ однажды посмотрѣть на невѣстокъ дары, которая изъ нихъ лучше мастерица. Отдалъ приказъ. Иванъ-царевичъ опять призадумался, плачетъ: «что у меня лягуша сдѣлаетъ! Всѣ смѣяться станутъ!» Лягуша же ползаетъ по полу, только квакаетъ: «ква-ква!» Какъ уснулъ Иванъ-царевичъ, она вышла на улицу, сбросила кожу, сдѣлалась красной дѣвицей и крикнула: «няньки-мамки, сдѣлайте то-то!»

Digitized by Google

Няньки-мамки тотчасъ принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возлѣ Ивана-царевича, а сама опять обернулась лягушей, ползаетъ, да квакаетъ: «ква-ква!» Понесъ Иванъ-царевичъ рубашку къ царю, царь принялъ ее, посмотрѣлъ: «Ну, вотъ это рубашка—въ Христовъ день надѣвать!» Средній братъ принесъ рубашку, царь сказалъ: «Только въ баню въ ней ходить!»

— А теперь, Софочка, есть лягушки-царевны?—спросилъ полусоннымъ голосомъ ребенокъ.

Повидимому, онъ снова не слушалъ сказку и былъ поглощенъ своими думами.

— Нѣтъ, голубчикъ, теперь нѣтъ,—отвѣтила Софья.

— А ma tante не лягушка-царевна?—спросилъ мальчикъ.

— И что это вы, голубчикъ!—проговорила Софья не безъ смущенія.

Мальчикъ улыбнулся кроткой дремотной улыбкой.

— Нѣтъ, пусть она будетъ лягушкой-царевной,—проговорилъ онъ.—Та добрая, добрая...

Софья ровно ничего не понимала изъ того, что происходило въ дѣтской головкѣ.

— Ну, слушайте же,—прервала его она и продолжала:—Взялъ царь у большого сына рубашку и сказалъ: «Въ черной избѣ ее носить!» Разошлись царскія дѣти; двое-то и судятъ между собою...

Софья взглянула на лицо мальчика: онъ закрылъ глазки и лежалъ неподвижно съ мягкою улыбкою на лицѣ.

— Судятъ между собою,—продолжала она, понижая голосъ:—«Нѣтъ, видно, мы напрасно смѣялись надъ женой Ивана-царевича, она не лягушка, должно быть»,—уже совсѣмъ тихо и протяжно закончила Софья и смолкла.

Больной спалъ...

Она поднялась съ мѣста и на цыпочкахъ пошла къ лампѣ, чтобы еще убавить огонь. Въ эту минуту неслышно отворилась дверь и на порогѣ появилась неуклюжая фигура Олимпіады Платоновны.

— Тссъ! — прошептала Софья, дѣлая знакъ рукою.

— Ну, что?—шопотомъ спросила старуха-барыня.

— Уснулъ!—также шопотомъ отвѣтила служанка.—Плакалъ сейчасъ!

— О чемъ? Хуже стало?—тревожно спросила барыня.

— Богъ его знаетъ! Мысли у него такія!—проговорила Софья.

— Какія мысли?—спросила Олимпіада Платоновна.

Digitized by Google

— Говоритъ: «И папа, и мама не любятъ. Только ma tante, да ты любите»...

Въ голосѣ Софьи слышались слезы. Старуха-барыня слушала молча, въ глубокомъ раздумьи опустившись на кресло.

— Папа, говоритъ, все бранился, мама уѣхала, не простившись. Никто, говоритъ, не приходилъ къ постелькѣ во время болѣзни, только ma tante, да ты, Софочка, по ночамъ сидѣли. А самъ плачетъ, плачетъ, тихо такъ, жалобно, точно вся его душенька изнываетъ. И откуда у него эти мысли? Нашепталъ кто-нибудь развѣ?.. Или... Господи, спаси его... ангелочка!.. передъ кончиной это просвѣтленіе бываетъ, станетъ человѣку все ясно, и кто его любилъ, и кто его обидѣлъ, и кто ему добра или зла желалъ...

Обѣ женщины были уже у постели больного: старуха-тетка сидѣла на креслѣ, Софья стояла около нея, склонивъ къ ея уху свое лицо, чтобы имѣть возможность быть услышанной, даже говоря шопотомъ. Все ихъ вниманіе сосредоточено было на ребенкѣ, всѣ ихъ мысли вертѣлись около вопроса: «откуда у него явились такія мысли? Кто ихъ пробудилъ въ его головѣ? Когда онѣ зародились?» И ни та, ни другая не знали, что эти мысли зародили въ его головѣ онѣ сами, проводя у его постели, какъ и теперь, безсонныя ночи, почти боясь пошевельнуться, прислушиваясь къ его дыханію, всматриваясь въ его исхудалое личико.

Эти двѣ женщины даже и не подозрѣвали, что пережилъ этотъ ребенокъ за послѣднее время, когда въ его жизни совершился такой рѣзкій переломъ, и произошли такія крупныя событія, пробудившія впервые его дѣтскій мозгъ. Когда онъ жилъ въ домѣ своего отца и своей матери, онъ, повидимому, ни о чемъ не думалъ серьезно. По цѣлымъ днямъ отсутствовала его мать, часто онъ не видалъ ее и пяти минутъ въ день, иногда она тономъ капризной дѣвочки говорила дѣтямъ, что «они ей надоѣли», чтобы они ей не мѣшали, чтобы они шли въ дѣтскую, но ему и въ голову не приходилъ вопросъ: «любитъ ли его мать?» Другихъ отношеній матери къ дѣтямъ онъ не видалъ и не зналъ, и потому, эти отношенія, существовавшія въ ихъ семьѣ, онъ считалъ естественными. Отецъ, когда онъ не былъ въ разъѣздахъ по службѣ за границей, раздражался, кричалъ, сердился на дѣтей, придирался къ нимъ за каждую мелочь, почти никогда ни ласкалъ ихъ, но это было тоже такимъ будничнымъ, такимъ постояннымъ явленіемъ, что дѣти почти привыкли къ этому и нисколько не огорчались обращеніемъ

Digitized by Google

съ ними отца. Правда, иногда дѣти мелькомъ слышали неосторожные разговоры прислуги о томъ, что господа на ножахъ между собою, о томъ, что баринъ только шпыняетъ дѣтей, о томъ, что барыня только по баламъ, да по театрамъ рыщетъ, о томъ, что инымъ дѣтямъ у мачихи, да у отчима слаще живется. Но это были отдѣльныя фразы, пролетавшія мимо дѣтскихъ ушей почти безслѣдно, рядомъ съ этими фразами шли прописныя наставленія той же прислуги насчетъ того, что папашу и мамашу слушаться надо, что ихъ любить надо, что имъ досаждать не слѣдуетъ. Сама эта прислуга, жалѣвшая дѣтей въ тѣ минуты, когда ей нужно было «посудачить» между собою о господахъ, при первой шалости дѣтей не упускала случая пригрозить имъ: «а вотъ я папашѣ пожалуюсь», «а вотъ я мамашѣ все разскажу», и въ минуты раздраженія срывала злобу на этихъ же дѣтяхъ. Другой жизни, другихъ отношеній дѣти не знали, не видѣли, не подозрѣвали. Они въ этомъ отношеніи походили на слѣпорожденныхъ, которымъ трудно составить себѣ представленіе о свѣтѣ и тьмѣ. Имъ жилось даже недурно въ послѣднее время, когда отецъ надолго уѣхалъ за границу, когда мать кутила ежедневно внѣ дома съ Оленниковымъ, когда прислуга стала менѣе взыскательна, менѣе раздражительна, живя на свободѣ въ отсутствіи господъ, пируя въ своемъ кругу, наводя въ домъ гостей или отсутствуя гдѣ-то по цѣлымъ вечерамъ и ночамъ. Но вдругъ совершенно неожиданно все измѣнилось: пріѣхалъ отецъ, раздраженный, злой, придирчивый; скрылась неизвѣстно куда мать: дѣтей вдругъ снарядили въ дорогу, привезли въ незнакомый домъ и бросили у какой-то старой урóдливой тетки. Дѣти недоумѣвали, почему это все случилось, куда скрылись отецъ и мать, почему имъ, дѣтямъ, приходится жить у тетки. На дѣтей сразу пахнуло здѣсь новымъ вѣяніемъ, новой жизнью. Большой барскій домъ, утонувшій въ зелени и цвѣтахъ, деревенскій просторъ и свѣжій воздухъ, невозмутимая тишина въ домѣ, вполнѣ правильный образъ жизни и полное отсутствіе какихъ бы то ни было дрязгъ и ссоръ, сплетенъ и перебранокъ, все это было такъ не похоже на ихъ жизнь въ ихъ родительскомъ домѣ. У старухи-тетки гостили разныя родственницы, къ ней пріѣзжали гости, но никогда и ни при комъ не гнала она отъ себя ихъ, дѣтей; ни разу не сдѣлала имъ замѣчанія при комъ-нибудь постороннемъ; давая имъ какія-нибудь наставленія, она всегда замѣчала: «такъ нельзя дѣлать, тебя никто любить не будетъ». Мальчикъ

Digitized by Google

самъ не замѣчалъ, какъ онъ все болѣе и болѣе привязывался къ старухѣ. Любила ее и его сестренка, но ея любовь не сосредоточивалась на одной Олимпіадѣ Платоновнѣ. Какъ дѣвочка, она проводила больше времени съ гостившими въ домѣ родственницами хозяйки: она спала съ ними въ одной спальнѣ, она ходила съ ними купаться, она вертѣлась около нихъ, когда онѣ вышивали или вязали, и училась у нихъ. Евгеній же былъ болѣе одинокимъ и находился почти неотлучно при теткѣ, которую онъ начиналъ съ каждымъ днемъ любить все болѣе и болѣе. Особенно хорошо чувствовалъ онъ себя, когда онъ стаивалъ или сиживалъ около ея большого кресла, а она, разговаривая съ какимъ-нибудь важнымъ посѣтителемъ, опускала машинально сморщенную, широкую руку на плечо мальчугана или такъ же машинально гладила этою рукою его волосы. Въ эти минуты ребенокъ старался не шевелиться и прижимался къ ней, чувствуя, что ему такъ хорошо, такъ тепло. Что-то въ родѣ гордости пробуждалось въ немъ, когда тетка давала ему какія-нибудь порученія и говорила ласковымъ, шутливымъ тономъ: «это мой вѣрный пажъ». Онъ считалъ величайшимъ счастіемъ возможность услужить ей, и въ его дѣтскомъ умѣ сложилось представленіе, что выше, умнѣе, лучше его тетки нѣтъ никого на свѣтѣ; не даромъ же онъ ежедневно видѣлъ и слышалъ, какъ и старые, и важные люди пріѣзжали къ ней на поклонъ, за совѣтами, съ просьбами, съ вопросами. Въ его дѣтской головкѣ сложилось о теткѣ такое представленіе, что она самая важная барыня, что важнѣе ея никого нѣтъ. На эти мысли наводили его и портреты важныхъ сановниковъ, висѣвшіе въ портретной галлереѣ, и богатая обстановка стариннаго дома, и серьезный видъ старыхъ слугъ, важно и неспѣшно исполнявшихъ свои обязанности, и старые сановные посѣтители, заглядывавшіе въ этотъ домъ. Что-то въ родѣ гордости ощущалъ въ себѣ мальчикъ, сознавая, что онъ племянникъ этой важной барыни, нерѣдко толковавшей о царяхъ, о дворѣ, какъ о чемъ-то очень близкомъ ей. Это чувство еще болѣе укрѣплялось въ немъ, когда во время его шалостей ему замѣчалъ старый лакей, приставленный къ нему: «Развѣ можно вамъ такъ вести себя? Слава Богу, не какой-нибудь крестьянскій вы сынъ! Что ея сіятельство скажетъ, если узнаетъ, какъ вы повѣсничаете». Мальчикъ въ этихъ случаяхъ сразу утихалъ и принималъ какой-то не дѣтски степенный и чопорный видъ потомка всѣхъ этихъ украшенныхъ звѣздами и лентами са-

Digitized by Google

новниковъ, смотрѣвшихъ на него со стѣнъ портретной галлереи. Отъ его наблюдательности не ускользнуло и то, что эта старуха ежедневно заглядывала въ его дѣтскую и осматривала, хорошо ли постлана его постель, освѣженъ ли въ его комнатѣ воздухъ, плотно ли закрыты окна. Нырнувъ въ свою постельку, онъ ждалъ, когда подойдетъ тетка, погладитъ его по головѣ и скажетъ: «ну, спи!» Онъ въ эти минуты ловилъ ея руку и цѣловалъ ее въ ладонь, зная, что тетка, имѣвшая слабость бояться, когда ей цѣловали ладони рукъ, непремѣнно скажетъ съ улыбкой: «опять, шалунъ!» Потомъ она тихо удалится изъ комнаты, а онъ начнетъ умолять «Софочку» разсказать ему сказку. Ахъ, какія сказки знала Софочка! И про Ивана царевича, и про Кащея-Безсмертнаго, и про Бабу-Ягу она знала. Но глубже этихъ сказокъ залегли въ памяти мальчика тѣ сказки, гдѣ говорилось про любимаго и про нелюбимаго сына, про злую мачиху и про гонимую падчерицу, про родного батюшку, да про родную матушку, про ту любовь, которой онъ не видалъ до сихъ поръ, и которая вдругъ озарила, согрѣла его. Въ ребенкѣ начало пробуждаться смутное сознаніе, что его не любили отецъ и мать, что онъ и есть тотъ нелюбимый дурачокъ-сынъ, котораго гонятъ и осмѣиваютъ дома, и который послѣ отплачиваетъ любовью за нелюбовь родителей. Но покуда эти мысли были неясны, отрывочны, пробѣгали безслѣдно, какъ лѣтнія облака, въ ясной дѣтской жизни. Но вотъ ребенокъ простудился и слегъ. Болѣзнь была продолжительна и опасна. Обѣ старыя дѣвы—княжна Олимпіада Платоновна и Софья—сбились съ ногъ, не досыпали ночей, просиживали цѣлые часы у постели больного ребенка. Именно въ это время сказалась вполнѣ та неудовлетворенная жажда привязанности и любви, которая такъ долго таилась, которая скрывалась въ сердцахъ этихъ старыхъ дѣвъ, и именно въ это время понялъ мальчикъ, что значитъ любовь, какъ она можетъ проявляться, до какого самозабвенія она можетъ доходить. Часто онъ не спалъ въ тѣ ночные часы, когда у его постели сидѣли эти женщины, онъ съ любовью смотрѣлъ на эти тихо двигающіяся по его комнатѣ тѣни, онъ видѣлъ хорошіе сны, когда эти женщины съ ласкою склонялись надъ нимъ и, цѣлуя его, шептали ему: «ну, усни, голубчикъ!» А отецъ, а мать, развѣ они такъ относились къ нему, когда годъ тому назадъ онъ былъ также боленъ. Развѣ они когда-нибудь сидѣли у изголовья его постели? Да, отецъ и мать не любили его! Но за что же? Усиленная

Digitized by Google

работа мысли происходила въ дѣтской головкѣ, хотя ребенокъ и не умѣлъ высказать ясно и точно, до чего онъ додумался. какимъ путемъ и почему онъ додумался до той или другой мысли.

Только теперь, когда Софья подробно передала Олимпіадѣ Платоновнѣ о томъ, что на мальчика «нашло, вѣрно, передъ смертью просвѣтленіе», Олимпіада Платоновна начала припоминать разныя, повидимому, ничтожныя обстоятельства, уяснившія ей тотъ процессъ мысли, который происходилъ въ маленькой головкѣ ребенка. Она вспомнила, что разъ онъ спросилъ у нея: «выздоровѣла ли его бабушка?» Олимпіада Платоновна не сразу сообразила тогда, о какой бабушкѣ онъ говоритъ, и спросила: «а развѣ у тебя есть бабушка?» Но она тотчасъ же спохватилась и замѣтила: «ахъ да, это ты про ту спрашиваешь, къ которой мама твоя поѣхала. Ну, да, она еще нездорова». Ребенокъ лаконически замѣтилъ: «то-то мама и не ѣдетъ». Тогда этотъ разговоръ не имѣлъ никакого значенія для Олимпіады Платоновны; теперь она понимала, что маленькій мозгъ и тогда работалъ въ извѣстномъ направленіи. Потомъ припомнился ей еще одинъ странный вопросъ ребенка: «Что значитъ, ma tante, сиротки?»—спросилъ мальчикъ. «Это дѣти, у которыхъ нѣтъ ни отца, ни матери»,—отвѣтила она. «Значитъ, няня не могла насъ называть сиротками?»—спросилъ мальчикъ. «Нѣтъ, у васъ есть и отецъ, и мать»,—отвѣтила Олимпіада Платоновна и спросила мальчика, о какой нянькѣ онъ говоритъ. Онъ отвѣтилъ, что онъ говоритъ о той нянькѣ, которая жила у нихъ въ Петербургѣ. При воспоминаніи о многихъ подобныхъ мелочахъ у Олимпіады Платоновны хмурился теперь лобъ, въ ней зарождался страхъ за болѣзненное настроеніе мальчика, она боялась, что эти мысли повредятъ ему, помѣшаютъ его выздоровленію.

Но дѣла приняли хорошій оборотъ. На слѣдующій день, послѣ ночного разговора больного съ Софьей, Олимпіада Платоновна вошла не безъ страха въ комнату мальчугана. Онъ уже проснулся и смотрѣлъ бодрѣе, чѣмъ наканунѣ; болѣзнь, повидимому, приняла хорошій оборотъ. Дѣтскія силы восторжествовали надъ недугомъ. Когда Олимпіада Платоновна подошла къ мальчику и спросила, хорошо ли онъ спалъ, онъ весело и бодро отвѣтилъ, что хорошо. Онъ заговорилъ съ нею довольно оживленно о томъ, что онъ скоро встанетъ, что онъ скажетъ доктору, что у него ничего не болитъ, ни головка, ни ножки. Олимпіада Платоновна ласково улыбнулась и сказала ему:

Digitized by Google

— Ну, а теперь молчи, болтунъ, до доктора!

Она провела рукой по его волосамъ. Онъ быстро словилъ ея руку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Ma tante, я васъ очень, очень люблю... и всегда, всегда буду любить!—проговорилъ онъ нервно, порывисто и весь зарумянился, крѣпко стиснувъ ея руку.

Она какъ будто испугалась этого порыва, видя въ немъ нѣчто болѣзненное, не вполнѣ нормальное.

Она тихо наклонилась къ нему, поцѣловала его въ лобъ и шопотомъ сказала:

— Я знаю!

Потомъ она поспѣшила перемѣнить разговоръ; начала говорить, что надо спросить доктора, нельзя ли мальчику встать, что его можно посадить въ большое кресло и перевезти въ гостиную, что сестра давно соскучилась безъ него, такъ какъ ей играть не съ кѣмъ. Что-то суетливое появилось и въ манерахъ, и въ рѣчахъ Олимпіады Платоновны, желавшей отвлечь вниманіе мальчика на другіе предметы. Ей казалось, что онъ никогда не оправится, не окрѣпнетъ, если его мысли будутъ заняты болѣзненнымъ настроеніемъ, мучительными вопросами объ отцѣ и матери. Но этотъ порывъ мальчика, выразившійся въ горячей ласкѣ, была послѣднимъ проявленіемъ разстроенныхъ нервовъ и болѣзненности. Явившійся докторъ нашелъ своего паціента въ отличномъ положеніи и позволилъ вывезти его въ креслѣ въ гостиную. Съ этого дня выздоровленіе пошло быстро, и, повидимому, вмѣстѣ съ болѣзнью прошли и тревожные вопросы, тяжелыя думы. Олимпіада Платоновна радовалась и успокаивалась насчетъ своего любимца: онъ сталъ опять обыкновеннымъ ребенкомъ съ дѣтскими шалостями, съ дѣтскими играми. Но если бы она присмотрѣлась или, лучше сказать, могла присмотрѣться къ нему пристальнѣе, то она могла бы замѣтить двѣ особенности въ его характерѣ. Во-первыхъ, настроеніе его духа было крайне неровно: онъ то былъ бурно шаловливъ, то вдругъ совсѣмъ притихалъ и смотрѣлъ какъ-то степенно и чинно, совсѣмъ не по-дѣтски. Во-вторыхъ, его любовь къ Олимпіадѣ Платоновнѣ перешла въ какой-то культъ, въ какое-то обожаніе: онъ могъ по цѣлымъ часамъ слушать ея разговоръ, какъ какую-то музыку, хотя неровный голосъ старухи далеко не могъ ласкать слуха; онъ любовался Олимпіадой Платоновной, хотя въ ней не было ни одной привлекательной черты; онъ набиралъ теткѣ букеты цвѣтовъ и тихо улыбался блаженной улыбкою, когда

Digitized by Google

она наклоняла къ нимъ голову и вдыхала ароматъ цвѣтовъ. Но этого никто не замѣчалъ, никто не придавалъ этому особеннаго значенія, всѣ были успокоены тѣмъ, что онъ не задаетъ болѣе никакихъ тревожныхъ вопросовъ. Какія мысли роились съ дѣтской головкѣ—этого никто не зналъ. Испугалъ онъ на минуту еще только разъ и Олимпіаду Платоновну, и Софью: это было въ концѣ октября, когда надо было подумывать объ отъѣздѣ изъ Сансуси. Какъ-то вечеромъ у Олимпіады Платоновны собрались гости; всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ въ столовой, начиная тяготиться деревенской скукой, подумывая о городскихъ развлеченіяхъ. Разговоръ вертѣлся на петербургской жизни, на петербургскихъ знакомыхъ.

— И вы скоро уѣзжаете?—спросила одна изъ знакомыхъ барынь у Олимпіады Платоновны, заявивъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ изъ деревни.

— Да, недѣли черезъ двѣ,—сказала Олимпіада Платоновна.—Пора!

— Разумѣется! Но и въ Петербургѣ въ первое время такъ скучно. Зимній сезонъ начинается поздно, не знаешь, что дѣлать осенью,—говорила гостья.

— Да нынче и вообще петербургская жизнь становится все скучнѣе и скучнѣе,—замѣтилъ какой-то старикъ-гость.—Число семейныхъ домовъ, семейныхъ собраній уменьшается; начинается какое-то трактирное существованіе, какая-то клубная вакханалія.

— Всѣ на безденежье жалуются, потому и скучаютъ,—замѣтила гостья.

— Безденежье!—воскликнулъ желчно старикъ.—Что за пустяки! На кутежи же, на оргіи находятся деньги!

— Ахъ, да вѣдь всѣ эти кутилы—кандидаты въ долговое отдѣленіе,—возразила гостья.

Маленькое общество, сидѣвшее за чайнымъ столомъ, заспорило о петербургской жизни и въ разговорахъ не обращало никакого вниманія на мальчугана, забывшаго про чай и слушавшаго съ широко раскрытыми глазами разговоры о Петербургѣ, объ отъѣздѣ туда.

— Вамъ-то и для дѣтей нужно въ Петербургъ,—обратилась гостья къ хозяйкѣ:—я думаю ихъ учить начнете?

— Вѣроятно,—неохотно отвѣтила Олимпіада Платоновна, почти не принимая участія въ разговорѣ.

— Они у васъ будутъ жить и въ Петербургѣ?—спросила гостья.

Digitized by Google

— Не знаю! это будетъ зависѣть не отъ меня. У нихъ свой домъ.

— Да, конечно! — согласилась съ нею гостья.—Вамъ и неудобно возиться съ дѣтьми. Это вѣдь утомительно для васъ. Наконецъ, я думаю, и ихъ родители соскучились о нихъ...

Гостья мелькомъ взглянула на дѣтей и вдругъ испуганно проговорила:

— Ахъ, что съ нимъ?

Олимпіада Платоновна быстро взглянула на мальчика и проворно поднялась съ мѣста, чтобы поддержать ребенка, который, казалось, былъ готовъ упасть со стула. Блѣдный, какъ полотно, съ померкшими, почти закрывшимися глазами, съ трудомъ переводя сдавившееся въ груди дыханіе, весь похолодѣвшій, онъ, казалось, совсѣмъ лишился чувствъ. Гости встревожились, стали толковать, что, вѣрно, мальчикъ все еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни, что онъ вообще смотритъ слабымъ ребенкомъ и мало поправился въ деревнѣ. Олимпіада Платоновна, между тѣмъ, послала лакея за Софьей. Софья явилась тотчасъ же, начались хлопоты, ребенка положили на диванъ, привели кое-какъ въ чувство и поспѣшно уложили въ постель. Это маленькое событіе напомнило гостямъ, что пора разъѣзжаться по домамъ, и скоро Олимпіада Платоновна осталась одна. Она провела тревожную ночь, безпокоясь о здоровьи мальчика. Обморокъ, однако, кончился благополучно, безъ всякихъ видимыхъ послѣдствій.

На слѣдующій день мальчикъ явился въ столовую къ чаю блѣдный, грустный, но не сказалъ ни слова объ отъѣздѣ, о томъ, что онъ боится опять попасть въ домъ отца. Цѣлый день онъ смотрѣлъ какъ-то странно, былъ какъ-то сосредоточенъ, въ его дѣтской головѣ роились какія-то болѣзненныя и недѣтскія мысли. «Я не скажу ma tante, чтобы она меня не отдавала... Надоѣлъ я ей, если отдастъ... Отвезутъ къ папѣ и мамѣ, я сейчасъ умру... Ma tante придетъ и увидитъ меня мертвымъ и скажетъ: «зачѣмъ я его отдала!..» И потомъ будетъ плакать, все будетъ плакать, что отдала»...— думалъ онъ и на его глаза навертывались крупныя слезы,— слезы о теткѣ, плачущей о томъ, что она его отдала и что онъ умеръ.

— Но я не скажу ей... ничего не скажу... Не надо!— шепталъ онъ съ какой-то покорностью человѣка, который сознаетъ, что онъ никому не нуженъ, что его не любятъ, и что просить о любви нельзя.

Digitized by Google

IV.

Петербургскій зимній сезонъ того года, когда происходили описанныя событія, начался для извѣстныхъ кружковъ столичнаго общества довольно весело: онъ начался толками о крупномъ скандалѣ въ семьѣ Владиміра Аркадьевича Хрюмина. Всѣ люди, хотя понаслышкѣ знавшіе эту семью, уже знали, что Евгенія Александровна бросила мужа, всѣ говорили о томъ, что онъ бросилъ своихъ дѣтей на попеченіе княжны Олимпіады Платоновны Дикаго, всѣ сплетничали о томъ, что, кажется, у Евгеніи Александровны родился еще ребенокъ, и что этого ребенка не признаетъ ея мужъ своимъ, всѣ сожалѣли юнаго Михаила Егоровича Оленникова, попавшагося въ руки этой вѣтреной женщины, всѣ разсуждали, будетъ ли утвержденъ формальный разводъ Хрюминыхъ, и на какихъ основаніяхъ могутъ они хлопотать объ этомъ разводѣ. Эта исторія съ каждымъ днемъ дѣлалась все болѣе и болѣе пикантною и обѣщала обществу въ близкомъ будущемъ немало интересныхъ подробностей и перипетій. Скандалъ въ чужой семьѣ—это такъ занимательно! Сами Хрюмины, сдѣлавшись сказкой города, дѣлали всевозможные ошибки и промахи, способные раздуть этотъ скандалъ,—Евгенія Александровна по свойственной ей безтактности, Владиміръ Аркадьевичъ по свойственнымъ ему горячности и желчности.

Евгенія Александровна, пріютившаяся у своей старой грѣховодницы-гувернантки Бетси, довольно долго поневолѣ не появлялась нигдѣ въ обществѣ. Ей нужно было скрыть свое положеніе, нужно было скрыть своего ребенка, нужно было сдѣлать такъ, чтобы у мужа не было никакихъ уликъ относительно этого обстоятельства. Сдѣлать все это было не особенно трудно: ребенокъ родился, его отдали въ подгородную деревню на грудь, Евгенія Александровна стала поправляться послѣ болѣзни и тотчасъ же ее потянуло къ людямъ, къ обществу, къ развлеченіямъ. Довольствоваться одною идилліею любви было не въ ея характерѣ, не въ ея привычкахъ. Ей жилось теперь такъ же скучно, даже еще скучнѣе, чѣмъ у мужа. Правда, ея Мишель былъ вѣренъ ей, онъ ежедневно посѣщалъ ее, онъ платилъ за нее старой Бетси, но жить одною любовью—это даже скучнѣе, чѣмъ жить съ нелюбимымъ мужемъ, завязывая тайкомъ непозволительныя интрижки. Кромѣ того, Михаилъ Егоровичъ, только-что пробившійся по пути присяжнаго повѣреннаго

Digitized by Google

въ люди, не могъ много давать, часто говорилъ о необходимости экономіи, порою отказывался исполнять капризныя желанія Евгеніи Александровны.

— Мишель, мнѣ нужны платья, у меня шубы нѣтъ, голубчикъ,—говорила пѣвучимъ голоскомъ Евгенія Александровна, ласкаясь къ Оленникову.—Не могу же я зимою выѣзжать въ лѣтнихъ платьяхъ и въ легкомъ бархатномъ пальто.

— Погоди, Женя, все, все будетъ,—отвѣчалъ Михаилъ Егоровичъ.—Наша жизнь еще впереди. Вотъ навернется какое-нибудь крупное дѣло...

— А если не навернется?—спрашивала она, перебивая его.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ!—говорилъ онъ.—Обойдемся и такъ. Да тебѣ некуда и выѣзжать!

Это начинало раздражать Евгенію Александровну. Она вовсе не думала обрекать себя на затворничество.

— Некуда выѣзжать! Что же это ты думаешь, что я все буду сидѣть въ четырехъ стѣнахъ?—говорила она, надувая губки.

— Ну да, какъ птичка въ клѣткѣ!—шутилъ онъ еще, не замѣчая ея раздраженія.—Пока крыльевъ нѣтъ—посидишь, а оперишься,—тогда и полетишь на всѣ четыре стороны.

— Ахъ, ты все съ шутками! Какъ это глупо! Это вы тамъ въ судѣ привыкли все хихикать надо всѣмъ. На каторгу упекаете человѣка, а сами острите, да посмѣиваетесь. Я тебѣ совсѣмъ серьезно говорю, что безъ платьевъ не могу я ходить!

Тонъ Евгеніи Александровны дѣлался совсѣмъ капризнымъ.

— Да и я совсѣмъ серьезно тебѣ говорю, что покуда нѣтъ денегъ—нѣтъ и платьевъ,—отвѣчалъ онъ немного строго и наставительно.

— Это мило! Это любезно!—сердилась она не на шутку, кусая губки.

Она отворачивалась отъ него и замолкала. Не хорошія мысли начинали бродить въ ея головѣ. Она сомнѣвалась въ его любви, потому что онъ «все отказываетъ, все отказываетъ, во всемъ, во всемъ!»

— Я вотъ что тебѣ скажу, Женя,—серьезно продолжалъ, между тѣмъ, онъ.—Мы немножко избалованы, немножко привыкли ничего не дѣлать, а отъ этого отвыкать нужно. Нужно нѣсколько серьезнѣе смотрѣть на жизнь. Разъ мы сошлись—мы должны дѣлить и горе, и радость, помогать другъ другу, входить въ нужды другъ друга...

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой, точно въ судѣ ораторствуетъ!—перебивала его Евгенія Александровна.—«Господа присяжные! На жизнь надо смотрѣть серьезнѣе!» Это скучно, скучно, Мишель!

Она въ волненіи начинала ходить по комнатѣ.

— Скучно, но справедливо, — настойчиво продолжалъ онъ.—Да, мы должны входить въ нужды другъ друга...

— Входить въ нужды другъ друга!—воскликнула остановившаяся передъ нимъ Евгенія Александровна.—Я ему говорю, что мнѣ нужно платье, что мнѣ нужна шуба, а онъ смѣется... это, по его, значитъ входить въ нужды другъ друга!

— Да, но ты забыла, что, входя въ мои нужды, ты прежде всего не стала бы даже и требовать нарядовъ, когда у меня нѣтъ денегъ,—замѣтилъ Михаилъ Егоровичъ.

— Нарядовъ, нарядовъ!—загорячилась Евгенія Александровна.—Что у тебя за понятія! Я не нарядовъ прошу, а необходимой одежды! Что же мнѣ безъ платья ходить, въ рубище завернуться?..

— Женя, ты, кажется, начинаешь серьезно сердиться?—почти строго произнесъ Михаилъ Егоровичъ.

Въ тонѣ его вопроса было нѣчто говорившее, что у этого человѣка, слабохарактернаго, мягкаго и ласковаго на видъ, есть въ душѣ извѣстный запасъ суровости, можетъ-быть, даже жестокости, что иногда съ нимъ не особенно удобно шутить. Евгенію Александровну этотъ тонъ раздражилъ еще болѣе. Она вся вспыхнула, и въ ея глазахъ сверкнулъ недобрый огонекъ гнѣва.

— Смѣю ли я!—съ ироніей произнесла она, тяжело дыша:—Я должна благодарить тебя, должна безмолвно слушать твои наставленія...

— Женя, что за тонъ!—проговорилъ онъ сдержанно и сухо.

Она вспылила окончательно.

— Ахъ, ради Бога, не распространяйся о тонѣ!—вскричала Евгенія Александровна.—Довольно я наслушалась о тонѣ и отъ Владиміра! И гдѣ это вы, мужчины, научились вѣчно читать нравоученія! Точно мы, женщины, весь вѣкъ должны оставаться дѣтьми, которымъ нужно постоянно говорить: «не говори того-то! не дѣлай этого-то!» Эта вѣчная опека можетъ, наконецъ, надоѣсть!

— Да ты обсуди хладнокровно,—началъ Михаилъ Егоровичъ, видя, что раздраженіе Евгеніи Александровны дѣлается слишкомъ сильнымъ.

— Пожалуйста, не говори о хладнокровіи!—запальчиво

Digitized by Google

перебила она.—Ты объ этомъ такъ часто толкуешь, что это сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Я очень хорошо понимаю, что можно оставаться хладнокровнымъ на твоемъ мѣстѣ. Ты ничего не потерялъ отъ того, что мы сошлись: ты остался въ томъ же кругу, въ которомъ жилъ и до нашей связи; ты ведешь ту же жизнь, которую велъ и прежде; ты можешь взять шляпу и уйти отсюда, ни о чемъ не думая. Это такъ легко и удобно!

Его больно кольнули эти слова.

— Что же ты меня подлецомъ считаешь?—перебилъ онъ ее.

— Я просто говорю о различіи нашихъ положеній!—проговорила она тѣмъ же тономъ.—Да, ты ничего не потерялъ и ничего не потеряешь! А я бросила мужа, дѣтей, свой кругъ, все, все. У меня нѣтъ ни положенія въ обществѣ, ни средствъ, ни возможности существовать безъ твоей помощи. Тутъ, я думаю, трудно сохранять хладнокровіе! Я иногда просто удивляюсь, какъ мало ты задумываешься надъ нашимъ положеніемъ, какъ мало сознаешь, какихъ жертвъ стоитъ мнѣ моя рѣшимость. Если бы ты понималъ это, такъ ты не смотрѣлъ бы на меня, какъ на дѣвочку, и не придирался бы къ такимъ пустякамъ, какъ тотъ или другой тонъ. Впрочемъ, можетъ-быть, эти придирки...

Она вдругъ въ волненіи замолчала и закусила губы.

— Что же ты не договариваешь?—спросилъ онъ.

Она закрыла лицо руками.

— Женя, что съ тобой?—спросилъ онъ, тревожно наклоняясь къ ней.

Она отстранила его.

— Ахъ, оставь, оставь меня!.. Къ чему эти ласки, когда исчезаетъ любовь!—уже плача говорила она.

— Женя!—съ упрекомъ воскликнулъ онъ.—Не грѣхъ ли тебѣ говорить это!

— Да, да!—шептала она сквозь слезы.—Прежде я могла говорить какимъ угодно тономъ, потому что я не сидѣла у тебя на шеѣ. Прежде мои капризы и прихоти были для тебя милы, потому что ты радъ былъ всѣмъ, всѣмъ пожертвовать мнѣ...

— Женя!—шепталъ онъ уже сконфуженнымъ тономъ, точно смутившись, что она дѣйствительно отчасти угадала его настоящія отношенія къ ней.

— Ты,—продолжала она:—даже не замѣчаешь теперь, что если я и прошу о чемъ-нибудь тебя, такъ только потому, что это необходимо; эти просьбы стоятъ мнѣ мучи-

Digitized by Google

тельной внутренней борьбы; я понимаю, что съ каждой новой просьбой я все болѣе и болѣе дѣлаюсь похожей на твою содержанку, на кокотку...

— Женя!—еще разъ повторилъ онъ совсѣмъ молящимъ тономъ.

— Кто любитъ, въ томъ чутко чувство деликатности,— плакала она:—тотъ не рѣшится грубо отвѣтить отказомъ на просьбу любимаго существа, тотъ пойметъ, что просить вообще не легко и еще тяжелѣе въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь я...

Онъ уже цѣловалъ ея руки, онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, какъ школьникъ, уличенный въ неблаговидныхъ проступкахъ, а она все твердила, что она понимаетъ, что «это начало конца».

О, онъ боялся этому вѣрить, хотя—странныхъ противорѣчій полна жизнь!—онъ, можетъ-быть, вздохнулъ бы свободно именно только тогда, когда это сбылось бы на дѣлѣ, но сбылось бы безъ объясненій, безъ слезливыхъ сценъ, а такъ, само собою, нежданно, негаданно. Онъ привязался къ ней довольно сильно: ея красота, ея мягкія, почти дѣтскія ласки, ея веселое щебетанье, ея ухаживанье за нимъ, за ея «Мишукомъ», за ея «папочкой», ея смѣхъ и слезы, ея пѣніе и музыка, все это очаровывало, завлекало его въ сѣти этой женщины. Но это были чисто животныя, чисто физическія отношенія: она сдѣлалась ему нужна, какъ водка пьяницѣ, и въ глубинѣ души, въ какомъ-то далекомъ уголкѣ его мозга, шевелилось у него такъ же, какъ у пьяницы во время отрезвленія, смутное сознаніе, что лучше бы было, если бы ея вовсе не было. Она, въ свою очередь, не лгала передъ нимъ и по-своему любила его, потому что онъ былъ мягокъ и добръ. У нея была странная, чисто дѣтская способность любить всѣхъ, кто былъ ласковъ съ нею. Это нисколько не мѣшало ей капризно упрекать любимаго человѣка за малѣйшій отказъ исполнить ея желаніе и потомъ горько плакать о томъ, что онъ ее мало любитъ. У нея было только одно мѣрило любви: насколько ее ласкаетъ и балуетъ любимый человѣкъ. Не даромъ же она выросла именно въ томъ кругу, гдѣ положеніе любимыхъ и нелюбимыхъ дѣтей отличается именно тѣмъ, что первымъ даютъ больше лакомствъ, чѣмъ вторымъ. Михаилъ Егоровичъ, какъ это часто бываетъ съ людьми, пробившими себѣ путь безъ чужой помощи, былъ разсудителенъ и разсчетливъ; его даже считали пролазой и человѣкомъ себѣ на умѣ; про

Digitized by Google

него говорили, что подъ мягкою оболочкою въ немъ много жесткости и эгоистическаго безсердечія; но онъ никогда не могъ устоять передъ слезами и просьбами Евгеніи Александровны. Онъ видѣлъ въ ней женщину, беззавѣтно отдавшуюся ему, свою первую любовь, свой источникъ опохмеленія, къ которому его тянула какая-то неотразимая сила. До сихъ поръ онъ велъ крайне правильную жизнь, былъ однимъ изъ тѣхъ благонамѣренныхъ и благонравныхъ молодыхъ людей, которыхъ матери любятъ ставить въ примѣръ своимъ пошаливающимъ дѣтямъ. Евгенія Александровна первая успѣла расшевелить спавшія въ немъ животныя страсти; ея любовь опьянила его, какъ опьяняетъ воздержаннаго человѣка первый бокалъ шампанскаго. Всегда сдержанный и осторожный, онъ и волновался, и увлекался, и дѣлалъ глупости подъ ея вліяніемъ. Только въ отношеніяхъ къ ней онъ сознавалъ, что онъ дѣйствительно молодъ, что онъ способенъ сумасбродничать изъ-за нея. И то сказать: это была первая женщина, отдавшаяся ему беззавѣтно, всецѣло. И какая была эта женщина! Онъ сознавалъ, что онъ еще ни разу въ жизни не встрѣчалъ ни въ одной женщинѣ столько красоты, граціи, дѣтской веселости, дѣтской ласковости. Самыя неровности ея характера плѣняли его, казались ему чѣмъ-то въ родѣ весеннихъ грозъ, быстро смѣняющихся чудной тишиной и солнечнымъ блескомъ. Въ этихъ неровностяхъ характера онъ видѣлъ явный признакъ искренности, правдивости, честности. Послѣ крупнаго объясненія съ нею онъ упрекалъ себя за то, что онъ дѣйствительно мало заботится о ней, что изъ-за него она оставила мужа, дѣтей, опредѣленное положеніе, что изъ-за него она терпитъ извѣстныя мелкія неудобства, сидитъ дома, когда молодость требуетъ общества, веселья, разнообразія. Онъ усиленнѣе сталъ искать выгодныхъ дѣлъ, чтобы имѣть возможность доставить ей нѣкоторый комфортъ. И все-таки порой, пресытившись этими ласками или не находя возможности удовлетворить всѣхъ этихъ требованій и капризовъ, онъ закусывалъ губы, потиралъ лобъ рукою и мучился однимъ вопросомъ: «а что же будетъ далѣе?»

Евгенія Александровна относилась ко всему легко, но и она призадумалась, когда ей впервые пришлось явиться передъ обществомъ: она не принадлежала къ числу тѣхъ выдающихся по уму, по богатству или по положенію въ обществѣ личностей, которыя, будучи брошены мужьями или бросивъ мужей, сохраняютъ за собой все уваженіе сво-

Digitized by Google

ихъ знакомыхъ и своихъ родныхъ. Первая встрѣча съ родителями показала ей, что ее могутъ встрѣтить далеко недружелюбно и подозрительно посторонніе, такъ какъ и ея собственная семья при первомъ свиданіи съ нею надѣлала ей не мало колкостей и непріятныхъ замѣчаній. Супруга дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Дарья Павловна Трифонова, мать Евгеніи Александровны, встрѣтила дочь довольно крупною бранью. Замѣчанія въ родѣ того, что «на какія же это средства ты жить-то будешь? У насъ еще братья твои на шеѣ сидятъ и сестеръ-то твоихъ съ рукъ сбыть не можемъ!» «И вздумала съ кѣмъ бѣжать! Съ Оленниковымъ! Еще и самъ опериться-то не успѣлъ, а туда же чужихъ женъ сманивать вздумалъ». «Промѣняла кукушку на ястреба, а теперь и будешь кулаками слезы отирать!»— эти замѣчанія градомъ посыпались изъ устъ матери. Почтенная дама для домашняго обихода, для застращиванья дѣтей и прислуги всегда имѣла запасъ довольно крупныхъ выраженій, напоминавшихъ, что въ «дѣйствительной статской совѣтницѣ» не умерла еще «писарша».

— Ты, матушка, позоришь насъ!—продолжала она бранить дочь.—Что будетъ говорить баронесса фонъ-Шталь? Я бы на мѣстѣ твоего мужа по этапу тебя вернула въ домъ, черезъ полицію вытребовала бы! Хорошій примѣръ подаешь младшимъ сестрамъ! Чѣмъ тебя содержать будетъ Михаилъ Егоровичъ? Ни за нимъ, ни передъ нимъ ничего нѣтъ!

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Петровичъ Трифоновъ, отецъ Евгеніи Александровны, сообразно со своимъ чиномъ, говорилъ менѣе и былъ по обыкновенію лакониченъ, замѣтивъ дочери одно:

— Ты и не разсчитывай на моей шеѣ сидѣть!

Сказавъ это, онъ хлопнулъ дверью и удалился въ свой кабинетъ къ «дѣламъ». Съ дѣтьми и подчиненными онъ всегда объяснялся въ этомъ родѣ, сжато и выразительно.

Во второй визитъ пріемъ былъ такой же сухой, хотя Дарья Павловна и была менѣе строга съ дочерью, видя, что та ничего не проситъ и ни въ чемъ не нуждается. Разговоръ матери и дочери сдѣлался даже довольно оживленнымъ, такъ какъ на Евгеніи Александровнѣ было удивительно хорошо сшитое новое платье. Мать не выдержала, начала разспросы о цѣнѣ матеріи, объ адресѣ модистки, перешла къ новѣйшимъ модамъ и разговорилась окончательно. Есть такіе общіе интересы и вопросы, при которыхъ забываются всѣ мелкія размолвки.

Digitized by Google

— Ахъ, мамочка, нынче нужно экономничать, и я придумала, что лучше всего шить у себя на дому,—щебетала Евгенія Александровна, обрадованная оборотомъ бесѣды.— У меня есть такая швея: уродъ страшный, съ однимъ глазомъ, здѣсь вотъ этакій горбъ, ходитъ какъ верблюдъ...

Она показала, какой у швеи горбъ и какъ она ходитъ.

— Ну, ну, стрекоза!—засмѣялась мать при комическомъ разсказѣ дочери, махая рукой, чтобы дочь перестала ее смѣшить.

— Ахъ, мамочка, мамочка, какая вы душка!—вдругъ обрадовалась этому смѣху Евгенія Александровна и начала цѣловать мать.

— Задушишь, задушишь!—отбивалась «генеральша», очень любившая, когда ее ласкали ея дѣти.

Въ семьѣ ласки дѣтей и родителей были рѣже, чѣмъ ссоры изъ-за лишняго платья или истраченнаго на извозчика двугривеннаго.

— Такъ вотъ, мамочка, этотъ верблюдъ и шьетъ у меня на дому,—оживленно продолжала Евгенія Александровна.— Шьетъ она отлично, а вкусу ни капли! Но у меня, вы знаете, вкусу много, я все сама сфантазирую, придумаю, укажу и выходитъ прелесть.

— А дорого она беретъ?—спросила генеральша.

— Ахъ, мамочка, что вы, что вы! Развѣ это можно. Ея боятся люди и никуда не берутъ, потому что это просто пугало!—воскликнула дочь. — Вѣдь на нее взглянуть, такъ просто тошно становится. Миша ее видѣть не можетъ. Кто же ее возьметъ въ домъ? Она готова чуть не даромъ работать, лишь бы быть сытой и сидѣть въ теплѣ! Я вѣдь ее въ такой трущобѣ нашла... Бетси мнѣ ее рекомендовала. Бетси всегда разыщетъ что-нибудь подходящее, практичное... Если бы вы видѣли, мамочка, гдѣ она жила: комнатка въ подвалѣ, почти безъ свѣту, сырость, грязь и рядомъ пьяные сапожники, отдѣленные только какой-то грязной тряпицей, носящей названіе драпировки. А мужъ содержательницы квартиры какой-то юродствующій отставной чиновникъ: иногда рычитъ, какъ собака, а то ругается, какъ извозчикъ. Она, мамочка, все это разсказываетъ, а я хохочу, хохочу до слезъ... Конечно, она такой уродъ, что ей не опасно было тамъ жить съ этимъ сбродомъ. Но вѣдь все же она дѣвушка!

— Ты сколько же ей платишь?—допрашивала мать, заинтересованная новостью.

Digitized by Google

— Ахъ, мамочка, я ее пріодѣла, дала уголъ, кормлю,— пояснила Евгенія Александровна. — Чего же ей еще? Вы, мамочка, отдавайте ей шить для себя и для сестеръ. И дешево будетъ, и хорошо! Я сама все прилажу, присмотрю...

Евгенія Александровна вдругъ засмѣялась.

— Что ты?—спросила мать.

— Вотъ вы, мамочка, говорите, чѣмъ я жить буду?— сказала Евгенія Александровна. — Да я этого монстра на балаганахъ показывать буду—вотъ и деньги!

— Вѣтрогонка, право, вѣтрогонка! — покачала головой мать. — Тебѣ все ни почемъ!.. Нѣтъ, вотъ пожила бы въ моей шкурѣ, какъ каждый день за каждый фунтъ говядины пилятъ, такъ не то бы запѣла.

Почтенная дама почти завидовала освободившейся отъ всякихъ стѣсненій дочери.

Евгенія Александровна бросилась опять ее обнимать.

— Бѣдная, бѣдная мамочка, все-то у тебя заботы, да хлопоты,—щебетала она, лаская мать.—Вотъ такъ-то и мнѣ жилось съ этимъ противнымъ деспотомъ!.. Ахъ, если бы ты все знала, ты бы не обвиняла меня...

Дарья Павловна была побѣждена окончательно.

— Ну, не мѣсто здѣсь о мужьяхъ говорить, — сказала она.

— Я вотъ какъ-нибудь заѣду къ тебѣ. Кстати и о швейкѣ поговоримъ; на зиму много придется шить, а отецъ, знаешь, все скупѣе и скупѣе становится... Въ карты сталъ много проигрывать,—сказала она, совсѣмъ понизивъ тонъ.

Евгенія Александровна вздохнула.

— Въ карты ли, мамочка?—проговорила она съ сомнѣніемъ въ голосѣ.—Это вѣчная отговорка мужчинъ: въ карты проигралъ, въ карты, а глядишь...

— Ахъ, Женя, Женя, если бы ты все знала! — глубоко вздохнула мать и отерла слезу. — Ну, когда-нибудь заѣду къ тебѣ, поговоримъ по душѣ.

Мать и дочь сошлись тѣснѣе съ этого дня. Но Евгенія Александровна все-таки не сразу вошла въ прежній кружокъ знакомыхъ своей семьи. Она даже побаивалась и недоумѣвала, какъ встрѣтятъ ее и что скажутъ эти люди, какъ держать съ ними себя и какъ подкупить ихъ въ свою пользу.

Первой женщиной, которую встрѣтила въ родительскомъ домѣ Евгенія Александровна, была баронесса фонъ-Шталь. Это была высокая, плотная и румяная женщина лѣтъ со-

Digitized by Google

рока пяти, съ широкимъ лбомъ, съ гладко-причесанными черными волосами, съ крупнымъ ртомъ и рѣзко округленнымъ подбородкомъ. Въ ея быстрыхъ глазахъ было что-то рѣзкое и жесткое. Она была перновская уроженка, довольно темнаго происхожденія, довольно сомнительной репутаціи, но тѣмъ не менѣе очень извѣстная въ кругу золотой молодежи и жуировавшихъ старичковъ, ведшая широкую жизнь и дававшая вечера, на которыхъ появлялось такъ много новыхъ лицъ, что ихъ даже не считали нужнымъ рекомендовать и представлять другъ другу. Впрочемъ, они и безъ того, не будучи знакомыми, знали хорошо другъ друга и понимали безмолвно, зачѣмъ каждый изъ нихъ являлся въ квартирѣ баронессы. Госпожа Трифонова довольно наивно для своихъ лѣтъ и для своей опытности называла баронессу «дамой высшаго круга» и потому нѣсколько сконфузилась, когда она пріѣхала при Евгеніи Александровнѣ: мать боялась, какъ взглянетъ на ея дочь, бѣжавшую отъ мужа, такая «особа». Но добродушная и снисходительная баронесса фонъ-Шталь не подала ни малѣйшаго повода думать, что она осуждаетъ или презираетъ бѣглянку. Напротивъ того, она чуть не бросилась въ объятія Евгеніи Александровны, окинувъ ее съ ногъ до головы быстрыми глазами ястреба, завидѣвшаго добычу.

— Да вы стали еще болѣе прелестною,—говорила баронесса, осматривая ее глазами знатока.—Что за цвѣтъ лица, что за фигура!

Обрадованная такой высокой оцѣнкой, Евгенія Александровна крѣпко-крѣпко пожала руку баронессы и проговорила:

— Благодарю васъ... я не ожидала такой встрѣчи... Я думала, что меня всѣ забыли...

Ея мягкій, щебечущій голосокъ звучалъ слезами.

— Вы знаете, душа моя, какъ я всегда любила васъ,— замѣтила баронесса.

— Да,—со вздохомъ проговорила Евгенія Александровна. — Но вы знаете, въ какомъ двусмысленномъ положеніи я стою теперь! Жена, выгнанная мужемъ, мать, лишенная дѣтей! Вѣдь на это нужны серьезныя причины, такъ людей не выгоняютъ... Можетъ-быть, я заслужила все это...

Евгенія Александровна приняла совсѣмъ смиренный видъ скромной овечки.

— Ахъ, дитя мое, что ты говоришь!—воскликнула «генеральша» Трифонова, поднимая глаза къ потолку и какъ бы призывая небо въ свидѣтели, что ея дочь чиста и невинна.

Digitized by Google

— Полноте, развѣ я васъ не знаю!—сказала баронесса, пожимая плечами.

— Свѣту нѣтъ дѣла до того, что я перестрадала съ этимъ человѣкомъ, — продолжала Евгенія Александровна въ томъ же плачевномъ тонѣ. — Онъ съ первыхъ же дней нашей свадьбы оторвалъ меня отъ моей семьи, отъ моихъ добрыхъ старыхъ друзей, отъ моего круга...

— Да, да, насъ съ дочерью разлучилъ! — воскликнула «генеральша», вспомнивъ съ горечью, какими упреками осыпалъ ее когда-то Владиміръ Аркадьевичъ, вымещавшій на всѣхъ родныхъ жены свою злобу, вызванную его женитьбою.

— Это, видите ли, люди не его круга,—продолжала Евгенія Александровна.

— Ахъ, французскія кокотки и балетныя танцовщицы— скажите, пожалуйста, какой кругъ!—съ негодованіемъ воскликнула баронесса.—Будто я не знала его и прежде! Тоже ѣздилъ ко мнѣ!

— Къ несчастью, кромѣ этой среды у него и не осталось никакихъ другихъ связей, — продолжала Евгенія Александровна.—Правда, онъ, можетъ-быть, надѣялся черезъ меня окружить себя людьми иного сорта, сдѣлать связи, составить себѣ карьеру. По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось не разъ пережить тяжелыя минуты, когда я замыкалась отъ разныхъ престарѣлыхъ ловеласовъ съ громкими титулами и крупными чинами.

— А! И это человѣкъ высшаго круга! Какова нравственность!—волновалась «генеральша».

— Да, вѣдь это у насъ только мѣщанская нравственность, у насъ все предразсудки! — съ горькой иронiей вздохнула Евгенія Александровна.—Но я бы все, все перенесла ради дѣтей, если бы онъ только оставилъ меня въ покоѣ съ ними. Но ему была нужна для его цѣлей свобода, нужно было вытолкнуть меня изъ дому... Но нѣтъ...

Евгенія Александровна провела рукой по лбу.

— Иногда я просто теряюсь отъ тоски, отъ какого-то щемящаго отчаянья,—проговорила она.—Право, лучше бы не жить!

— Другъ мой, что вы! Полноте!—воскликнула баронесса, обнимая ее за талію.—Вы еще такъ молоды, такъ хороши, ваша жизнь впереди! Вамъ нужно разсѣяться, забыться...

Евгенія Александровна, конечно, была очень далека отъ мысли о самоубійствѣ. Въ свою очередь и баронесса также очень хорошо знала, что Евгенія Александровна вовсе не

Digitized by Google

желаетъ «не жить». Тѣмъ не менѣе обѣ собесѣдницы были тронуты и взволнованы.

— Забыться, разсѣяться! Въ четырехъ стѣнахъ?—съ ироніей проговорила Евгенія Александровна въ отвѣтъ на совѣтъ баронессы.—Знаете ли вы, что я боюсь показываться въ общество, что я провела нѣсколько мѣсяцевъ, какъ отшельница? Меня никуда не тянетъ, во мнѣ явилась какая-то апатія...

— Нѣтъ, нѣтъ, васъ надо растормошить, расшевелить!— говорила баронесса, сочувственно пожимая ей руку.—Я васъ повезу къ себѣ, повезу въ театръ, въ клубъ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — защищалась Евгенія Александровна. — Наконецъ, я даже не могу выѣзжать... Стыдно сказать, но у меня приличнаго туалета нѣтъ, ничего нѣтъ...

— Тѣмъ болѣе вы должны подумать о будущемъ, о средствахъ къ жизни, — говорила наставительно баронесса. — Такъ же нельзя!

— Гдѣ же взять средства? — воскликнула Евгенія Александровна.—Въ гувернантки идти? Кто возьметъ?.. Шить?.. Да развѣ этимъ можно существовать?.. Нѣтъ, представьте себѣ, maman, что выдумала Бетси. Вы, говоритъ, mon enfant, столько пережили, перечувствовали, перестрадали, что могли бы сдѣлаться хорошей драматической актрисой...

— Ахъ, мой другъ, она, можетъ-быть, и права,— произнесла баронесса.—На клубныхъ сценахъ такъ мало красивыхъ женщинъ, и вы могли бы быть замѣчены. Теперь любительскія труппы все болѣе и болѣе составляются изъ людей *нашего* круга. Вы вѣдь знаете старика-полковника Ѳедотова? Помните, дамскій угодникъ такой, сѣденькій ловелась и гамэнъ?.. Ну, такъ онъ вѣдь совсѣмъ присяжнымъ актеромъ сдѣлался и высокопоставленныхъ особъ, герцоговъ и принцевъ играетъ. Шалунъ онъ немного... Но мило играетъ, очень мило... Потомъ дочь генеральши Щербинской недавно дебютировала, да и сама Щербинская тоже на клубную сцену поступаетъ... Il faut gagner la vie... Онѣ вѣдь совсѣмъ разорены, между нами будь сказано... И не поправиться имъ: дочь вовсе не эффектна...

— Да она просто дурна собою,— сказала «генеральша».

— Красота что! Нужна эффектность, пикантное что-нибудь нужно,—возразила баронесса и обратилась въ Евгеніи Александровнѣ: — Вы, душа моя, одной фигурой затмите на сценѣ десятки Щербинскихъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, гдѣ же мнѣ играть! — вздохнула Евгенія Александровна.

— Но вѣдь вы же прежде играли... и не безъ успѣха,— замѣтила баронесса.

— Да, другія времена были! Тогда я щебетала, какъ дитя, а теперь...

— Драматическія роли возьмите и станете первой! Мы еще плакать будемъ, когда вы играть будете, — шутила баронесса.

— Въ «Свѣтскихъ ширмахъ» развѣ! — грустно улыбнулась Евгенія Александровна.

— Нѣтъ, я просто не узнаю васъ! — воскликнула баронесса.—Вы убьете себя этими мрачными думами! Васъ надо насильно растормошить! Такою ли вы были прежде?

Да, Евгенія Александровна была не такою прежде и сама не узнавала теперь себя. Встревоженная неожиданною встрѣчею съ баронессой въ домѣ своей матери, она немного смутилась и какъ-то невольно впала въ жалобный тонъ и начала распространяться о перенесенныхъ ею страданіяхъ. Этотъ тонъ оказался кстати, и ей самой стало очень пріятно разыгрывать роль жертвы и вызывать сочувствіе. Въ концѣ разговора она уже сама искренно вѣрила, что она жертва, что она много страдала. Эта новая роль ей очень понравилась.

Давъ слово баронессѣ пріѣхать къ ней и отправившись домой, Евгенія Александровна всю дорогу думала о своемъ положеніи и все болѣе и болѣе убѣждалась, что она дѣйствительно несчастна.

— Мишель, я была у maman, встрѣтила баронессу фонъ-Шталь, — говорила Евгенія Александровна, возвратившись домой послѣ встрѣчи съ баронессой.—Она очень обрадовалась, звала меня къ себѣ, приглашала въ «собраніе». Знаешь, что ей пришло въ голову?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ Михаилъ Егоровичъ.

— Чтобы я поступила въ число любительницъ на сцену собранія.

— Что за фантазія!

— Отчего же нѣтъ? Я прежде играла. Это, наконецъ, и развлеченіе, и занятіе! Не могу же я всегда сидѣть на твоей шеѣ!

— Ну, клубные спектакли едва ли не въ убытокъ идутъ любительницамъ. Получаются гроши, а на наряды тратятся рубли.

— Ахъ, Миша, да я и безъ клубной сцены должна же

Digitized by Google

одѣваться прилично... Впрочемъ, я ничего еще не рѣшила. Я просто хочу начать выѣзжать. Вѣдь ты же бываешь въ собраніи. Что же мнѣ-то сидѣть!

— Развѣ я тебя удерживаю? Ты знаешь, что тебѣ приходилось прятаться отъ общества по необходимости. Наконецъ, было лѣто, некуда было ѣздить...

— Но я первый разъ поѣду не съ тобой, а съ баронессой! Я не хочу, чтобы о насъ что-нибудь говорили!.. Ахъ, Мишель, я только теперь понимаю, какъ жутко женщинѣ въ моемъ положеніи. Я хотѣла бы всѣмъ, всѣмъ сказать, что ты мой мужъ, а между тѣмъ нужно все скрывать, прятаться, любить украдкой... Конечно, это все предразсудки, но я не могу, не хочу, чтобы до *него* дошли слухи, что я выѣзжаю съ тобою, что мы открыто сошлись...

— *Онъ* это и такъ знаетъ.

— А я скажу, что это клевета, что это неправда!

— Кого ты этимъ обманешь?

— Я? Всѣхъ, всѣхъ! О, ты не знаешь, какъ можетъ обмануть женщина! Я и повода не подамъ подумать, что мы близки. Мнѣ нужно, чтобы отъ меня не сторонились на первыхъ порахъ, а тамъ... потомъ исподволь всѣ привыкнуть видѣть меня съ тобою, поймутъ, что я еще молода и хочу жить...

— Дѣлай, какъ знаешь,—согласился Михаилъ Егоровичъ.

На слѣдующій же день Евгенія Александровна была вечеромъ «запросто» у баронессы, и хозяйка настойчиво приглашала ее ѣхать на другой день въ собраніе. Евгенія Александровна долго отговаривалась, но, наконецъ, согласилась. Не безъ замиранія въ сердцѣ поѣхала она съ баронессой въ то самое общество, гдѣ многіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ хорошо знали ее. Ей было немного жутко при мысли, что на нее устремится не одинъ десятокъ любопытныхъ глазъ, что при ея появленіи начнется шопотъ: «а, это Евгенія Александровна Хрюмина... Она ушла отъ мужа!.. Нѣтъ, онъ бросилъ ее!.. Говорятъ, она сошлась съ Оленниковымъ?» Она медленно поднималась по ярко освѣщенной лѣстницѣ съ скромно опущенными глазами. Вся въ черномъ, съ парой китайскихъ блѣдныхъ розъ въ волосахъ и на груди, съ роскошными бѣлокурыми локонами, падавшими на шею, съ очень темными, почти черными бровями, легкимъ румянцемъ на щекахъ, она была очень эффектна. Когда она проходила по залѣ, кругомъ слышался шопотъ: одни спрашивали, кто эта незнакомка, другіе поясняли ея исторію. Въ собраніи всѣ сколько-нибудь выдающіяся по красотѣ,

Digitized by Google

по эффектности, по туалету женщины были наперечетъ, и появленіе новой красавицы не могло пройти незамѣченнымъ здѣсь, куда люди, не имѣющіе ничего общаго между собою, различные по положенію въ обществѣ, по воспитанію, по взглядамъ и убѣжденіямъ, съѣзжаются отъ скуки для картежной игры, для мимолетныхъ интрижекъ, для мимолетнаго развратца, для пошленькихъ связей. Клубъ—это облагороженный «Зимній садъ», «Palais de cristal», «Марцинкевичъ», «Эльдорадо», съ тою только разницею, что здѣсь къ танцамъ, пѣнію, музыкѣ, закускамъ и выпивкамъ прибавлена картежная игра, да что тутъ является не одинъ наживающійся антрепренеръ, а нѣсколько заправителей, могущихъ наживаться, устроивъ дѣло своего выбора. Это своего рода биржа, арена для спекуляцій и сдѣлокъ. Здѣсь часто пробиваются въ «старшины» люди, желающіе поживиться общественными деньгами; здѣсь образуются союзы игроковъ, обдѣлывающихъ «очень чисто» свои нечистыя картежныя продѣлки; сюда вывозятся матерями дочери «напоказъ» болѣе или менѣе выгоднымъ женихамъ; тутъ женщины и мужчины легкаго поведенія завязываютъ мимолетные романы, кончающіеся нерѣдко полнымъ паденіемъ женщинъ, полнымъ разореніемъ мужчинъ. Въ этихъ залахъ, гдѣ при началѣ «вечера» свѣжо и прохладно и гдѣ къ концу «вечера» дѣлается нестершимо душно и жарко, гдѣ ложится, въ концѣ-концовъ, на все какой-то туманъ, пропитанный тяжелыми запахами человѣческаго пота, газа, дымящихся кушаній, табачнаго дыма, запахами, разносимыми повсюду этой движущейся безостановочно пестрой толпой, — здѣсь встрѣтите на каждомъ шагу какія-то озабоченныя, чего-то ищущія физіономіи, снующія въ поискахъ пары для танцевъ, партнера для картъ, какого-нибудь пріятеля для бесѣды за ужиномъ, наконецъ, кого-нибудь, кто бы накормилъ ужиномъ. Среди этой толпы вы встрѣтите и чиновныхъ людей, и женщинъ порядочнаго круга, и какого-нибудь придворнаго истопника, и какую-нибудь «изъ этихъ дамъ» настолько низкаго полета, что сами мужчины стыдятся сознаться въ знакомствѣ съ ними. Человѣку, попавшему въ эту пеструю массу случайно, безъ особенныхъ цѣлей, впервые, становится какъ-то не по себѣ, тяжело, неловко, точно онъ здѣсь чужой, лишній среди какихъ-то заговорщиковъ, помогающихъ другъ другу устроить «хорошую» партію въ игорной комнатѣ, извѣщающихъ одинъ другого, почему «она не пріѣхала» или что «она сегодня не пріѣдетъ», хло-

Digitized by Google

пающихъ единодушно, съ какимъ-то особенно дружескимъ и фамильярнымъ выраженіемъ лицъ, поднимая вверхъ руки, той или другой не умѣющей щагнуть по сценѣ любительницѣ, такъ какъ она «изъ ихъ кружка». И дѣйствительно, здѣсь цѣлая масса лицъ «свои». Ихъ всѣ знаютъ, имъ всѣ кланяются, про нихъ всѣ говорятъ: «Дарья Ивановна устраиваетъ благотворительный вечеръ, помогите раздать билеты».—«Опять тысчонку положитъ въ карманъ?»—«А Софья Андреевна опять сошлась съ Грузиновымъ!» — «Ну, значитъ, Дмитрій Петровичъ только любуется, какъ его супруга преуспѣваетъ».—«Да ему-то что: Грузиновъ или Заревичъ, не все ли равно? Да кромѣ того, у него теперь амуры идутъ съ Лилеевой».—«Нѣтъ, а каковъ Гурьевъ-то: опять словили, какъ съ билетами плутовалъ».—«Дуракъ, въ столько лѣтъ не научится концы скрывать». Да, это все знакомые, близкіе люди, дѣйствующіе какимъ-то подавляющимъ образомъ на свѣжаго, на чужого человѣка, не научившагося еще обдѣлывать вмѣстѣ съ ними дѣлишки, пьянствовать въ ихъ кругу, хлопать ихъ кривляющимся на сценѣ любовницамъ, платить хорошія деньги за мѣста во время спектаклей, устраиваемыхъ «въ пользу бѣднаго семейства», «съ благотворительною цѣлью» ихъ гражданскими и законными женами, живущими на содержаніи у чужихъ мужей. Входя снова въ этотъ кругъ, Евгенія Александровна какъ будто оробѣла: она нѣсколько отвыкла отъ этого общества. Какой-то пожилой, плотный и обрюзгшій господинъ, въ просторномъ фракѣ, съ моноклемъ въ глазу, съ холоднымъ и нѣсколько наглымъ взглядомъ, напоминавшимъ отчасти тупой и тусклый взглядъ быка, тяжелою и лѣнивою походкой подошелъ къ баронессѣ и фамильярно пожалъ ей руку, не дѣлая поклона и смотря на нее въ упоръ.

— Евгенія Александровна, если не ошибаюсь?—спросилъ онъ баронессу.

— Да,—отвѣтила баронесса.

Евгенія Александровна подняла на него скромные глаза.

— Николай Николаевичъ? — полувопросительно проговорила она.

— Узнали? А я ужъ думалъ, что совсѣмъ забыли старика, — сказалъ онъ, пожимая ея руку. — Давно, давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть. Совсѣмъ пропали отъ насъ!

— Я почти не выѣзжаю,—сказала она.

— Насильно овладѣла я Евгеніей Александровной сегодня,—сказала баронесса.—Отшельницей сдѣлалась совсѣмъ.

Digitized by Google

— Да развѣ можно жить въ Петербургѣ и не веселиться, — сказалъ пожилой господинъ, пристально вглядываясь въ молодую женщину. — И притомъ съ такимъ хорошенькимъ личикомъ, — прибавилъ онъ нагло откровеннымъ тономъ.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ и, кажется, какъ оцѣнщикъ, соображалъ ея цѣну на рынкѣ столичной распущенности и столичнаго разврата. Передъ его глазами, черезъ его руки прошло столько этихъ «бабенокъ», что онъ отлично зналъ, чего онѣ стоятъ.

— Не приходитъ по заказу веселье!—вздохнула Евгенія Александровна.

— О, да я вижу, что васъ точно нужно насильно развеселить. Въ монастырь, гдѣ много холостыхъ!—засмѣялся старый циникъ какимъ-то холоднымъ и почти беззвучнымъ смѣхомъ, замѣтнымъ только по вздрагиванію его отвислыхъ щекъ и по колыханію его объемистаго живота.—Ужъ очень что-то смиренномудренными вы, барынька, стали. Статочное ли дѣло: молодость и скука! Да вы взгляните на меня: сѣдые волосы на головѣ, а ничего, веселюсь и веселюсь...

— Я могу только позавидовать вамъ, — сказала Евгенія Александровна.

— Ну, а я впередъ завидую тѣмъ, кто развеселитъ васъ,— сказалъ онъ съ довольно нахальной усмѣшкой. — Нашему брату это вѣдь не подъ лѣта.

Къ нему подошелъ въ эту минуту какой-то длинный и сухой молодой человѣкъ съ тусклымъ, безкровнымъ лицомъ, съ сощуренными подслѣповатыми глазами, съ рѣдкими рѣсницами на красноватыхъ вѣкахъ и съ pince-nez на носу; онъ фамильярно взялъ его подъ руку. Николай Николаевичъ пожалъ руки дамамъ и пошелъ прочь.

— Кого это ты, Баронинъ, подцѣпилъ?—спросилъ молодой человѣкъ, увлекшій пожилого господина.

— Те-те-те, какой прыткій баринъ!—иронически произнесъ пожилой господинъ, сохраняя неизмѣнно холодное выраженіе лица.—Такъ я тебѣ и сказалъ. Самому нужна.

— Ну, на что тебѣ, старый грѣховодникъ! — засмѣялся молодой человѣкъ.—Дѣвушка, вдова?

— Нѣтъ, чужемужняя жена, — отвѣтилъ пожилой господинъ.

— Мужъ въ отсутствіи?

— Въ отставкѣ.

— Въ чистой?

Digitized by Google

— Да, но не въ формальной.

— Значитъ, законкой не могутъ заставить сочетаться?

— Ахъ, ты, Хлестаковъ, Хлестаковъ! Только увидѣлъ и воображаешь, что дѣло чуть не до законнаго брака довелъ.

Баронинъ говорилъ спокойно, даже флегматично, какъ человѣкъ, который знаетъ наизусть все, что ему скажутъ, и которому все, что ему говорятъ, давнымъ-давно надоѣло.

— Да ты думаешь, что я такую бабенку выпущу изъ рукъ?—горячился молодой человѣкъ.

— А я вотъ генерала Акинфіева, вмѣсто тебя, съ нею познакомлю,—сказалъ лѣниво Баронинъ.

— Старый чортъ!.. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, представь меня ей. Это вѣдь прелесть, что за женщина!

— Да-съ, не такіе звѣрки, какъ ты, на эту удочку попадались въ былые дни. Супругъ ея, я думаю, и до сихъ поръ вспоминаетъ, какъ его этимъ крючкомъ подцѣпили, а ужъ на что ходокъ былъ по женской части.

— Ну, да супруга къ чорту! Что, въ самомъ дѣлѣ, онъ живъ и здравъ?

— Живъ, и здравъ, и брошенъ.

— Ну, и помогай ему Аллахъ!

Оба барина исчезли въ толпѣ.

Къ концу вечера за Евгеніей Александровной тащился цѣлый хвостъ молодежи и стариковъ: она вдругъ, при помощи разсказовъ баронессы фонъ-Шталь, толковъ Баронина и его юнаго друга, сдѣлалась героиней вечера, какимъ-то призомъ, на который разсчитывала вся эта ватага праздныхъ шалопаевъ, молодыхъ и старыхъ сластолюбцевъ.

Евгенія Александровна держала себя скромно, точно пугливо; она говорила все больше въ грустномъ тонѣ, этотъ тонъ, какъ ей почему-то казалось, дѣлалъ ее болѣе интересной. Баронесса фонъ-Шталь съ своей стороны разсказывала то же всѣмъ, кому могла, о несчастіяхъ молодой женщины, какъ будто упрашивая всѣхъ утѣшить скорбящую; она кстати замѣчала, что молодая женщина «никуда, никуда не хочетъ выѣзжать», что «она бываетъ только у нея, у баронессы фонъ-Шталь», что «она, баронесса фонъ-Шталь, насильно вывезла ее сегодня въ собраніе» и что, «вѣроятно, теперь долго нельзя будетъ уговорить бѣдняжку снова появиться здѣсь»; словоохотливости баронессы фонъ-Шталь не было предѣловъ, она какъ-то особенно подчеркивала нѣкоторыя мѣста въ разсказахъ, и слушающіе узнали и поняли очень многое. Къ концу вечера двое какихъ-то

Digitized by Google

молодыхъ военныхъ попросили у баронессы фонъ-Шталь позволенія побывать у нея, а тотъ молодой человѣкъ съ pince-nez на носу, который говорилъ объ Евгеніи Александровнѣ съ Николаемъ Николаевичемъ Баронинымъ, небрежно замѣтилъ послѣднему во время разъѣзда:

— Къ баронессѣ все попрежнему можно на огонекъ пріѣхать?

— А ты думалъ, тебѣ пригласительный билетъ она пришлетъ?—спросилъ старый циникъ вмѣсто отвѣта.

— Какіе у нея нынче дни?

— Пятницы со временъ перваго потопа.

— Такъ заѣзжай за мной, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Да ты въ самомъ дѣлѣ хочешь пріударить за вакантной женой?

— За вакантной женой!.. Ха-ха-ха! Это очень удачно сказано... Право.

Молодой человѣкъ надѣлъ пальто, поданное ему услужливымъ лакеемъ, и вмѣстѣ съ Баронинымъ, повторяя: «вакантная жена!» вышелъ на подъѣздъ, къ которому на крикъ швейцара: «карету Поливанова», подкатилъ его щегольской экипажъ. Не прошло и получаса, какъ эти господа уже сидѣли у Бореля въ компаніи нѣсколькихъ молодыхъ кутилъ за ужиномъ, и разговоръ ихъ вертѣлся на «вакантной женѣ», сдѣлавшейся предметомъ любопытства для этого кружка. О ней говорили, какъ о какомъ-то новомъ гастрономическомъ блюдѣ, появившемся впервые въ продажѣ; всѣ разбирали ея достоинства и недостатки; всѣ обсуждали, кому она можетъ достаться. Кто-то, въ концѣ-концовъ, замѣтилъ, что баронесса фонъ-Шталь сдѣлаетъ изъ нея хорошій «гешефтъ».

— Я, впрочемъ, недоволенъ тобою,—обратился Поливановъ къ Баронину.

— За что немилость?—спросилъ Баронинъ, зѣвая.

— Потерялъ изъ-за тебя случай. Надо было сразу сказать, что она въ распоряженіи баронессы. Я думалъ, что съ нею ты близокъ.

— Однако, господа, еще рано,—замѣтилъ кто-то.—Куда бы направиться доканчивать вечеръ? У тебя, Баронинъ, играютъ?

— Вѣроятно,—равнодушно отвѣтилъ Баронинъ.

— Не знаешь, Платонова тамъ?

— Должно-быть, тамъ,—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Баронинъ, точно его спрашивали совсѣмъ не о его домѣ, не о

Digitized by Google

его гостяхъ.—Въ театрѣ была, заходилъ къ ней въ ложу, сказала, что ѣдетъ ко мнѣ...

Онъ поднялся съ мѣста и сладко потянулся, выпятивъ впередъ широкую грудь.

— Что-жъ, ко мнѣ ѣдете?—спросилъ онъ тѣмъ тономъ, которымъ говорятъ люди, когда ихъ клонитъ ко сну и когда ихъ куда-нибудь насильно тянутъ.

— Да, куда же больше!—отвѣтила ему подгулявшая компанія.

Они всѣ въ этотъ вечеръ были и въ театрахъ, и въ клубѣ, и въ ресторанѣ, и всѣхъ ихъ все еще томила скука, всѣ они не знали, на что убить время до пяти, до шести часовъ утра, гдѣ напиться до того, чтобы заснуть, или взволновать себя до того, чтобы перестать хотя на часокъ зѣвать отъ скуки. У Баронина всегда можно было достигнуть и того, и другого: вина у него не сходили со стола всю ночь, доканчивая опьяненіе ночныхъ гостей, а крупная азартная игра нерѣдко встряхивала до того нервы игроковъ, что у этихъ людей вдругъ пропадали и хандра, и скука, и апатія, и являлось только одно, сильно возбуждающее сознаніе, что послѣ этой ночи у нихъ не останется ничего, ни капиталовъ, ни земель, ни богатой обстановки, что послѣ этой ночи измѣнится для нихъ все вдругъ и останутся на выборъ только два пути: нищета или пуля въ лобъ. Эти ночи «не усыпляли» и «не встряхивали» только Баронина. Все такой же холодный, лѣнивый и равнодушный, онъ полусонно бродилъ по комнатамъ или полулежалъ на турецкомъ диванѣ въ своей квартирѣ, и когда кто-нибудь изъ пребывавшихъ здѣсь ночью птенцовъ проигрывался въ пухъ и въ прахъ, онъ тѣмъ же сонливымъ тономъ, позѣвывая, замѣчалъ ему:

— Что, все продулъ?

Впрочемъ, онъ такъ привыкъ къ тому, что въ его домѣ «продували все!»

На кладбищѣ живешь—всѣхъ не оплачешь! Кромѣ того, въ молодости онъ самъ однажды очутился въ положеніи человѣка, «продувшаго» все. Ему оставалось идти по-міру или пустить пулю въ лобъ. Онъ нашелъ третій исходъ и примкнулъ къ шайкѣ шулеровъ. Но, переставъ быть продувающимся игрокомъ и сдѣлавшись шулеромъ, онъ не пересталъ быть мотомъ: онъ прокучивалъ на ѣду, на вино, на лошадей и женщинъ сегодня все то, что надѣялся добыть завтра. Его кредиторы вѣрили въ это завтра и ссу-

Digitized by Google

жали его деньгами сегодня. Правда, когда-нибудь должно было не наступить это завтра, приносившее расплату за сегодня. Но кредиторы не боялись остаться въ убыткѣ: онъ всегда равнодушно и лѣниво готовъ былъ подписать и двойной, и тройной вексель на завтра, чтобы только не отказать себѣ ни въ чемъ сегодня, и такимъ образомъ они уже давно получили съ процентами все, что онъ бралъ.

— Вотъ если бы ты не обманулъ меня насчетъ этой Хрюминой, мы бы ее теперь куда-нибудь за городъ и подхватили,—замѣтилъ Баронину Поливановъ, выходя отъ Бореля и все еще сердясь, что Баронинъ прямо не сказалъ ему, что Евгенія Александровна «находится въ распоряженіи» баронессы фонъ-Шталь.

— Накатаетесь еще!—отвѣтилъ Баронинъ, зѣвая.

Передъ Евгеніей Александровной открывался новый широкій путь...

V.

Никогда еще не испытывалъ Владиміръ Аркадьевичъ болѣе скверныхъ ощущеній, чѣмъ теперь. Онъ былъ похожъ на звѣря, пойманнаго въ капканъ и не видящаго средствъ къ спасенію. До него доходили слухи, что его жена ведетъ очень веселую жизнь; онъ слышалъ, что за нею ухаживаетъ нѣсколько человѣкъ изъ его круга и, можетъ-быть, не безуспѣшно; онъ раза два видѣлъ ее въ театрѣ, въ ложѣ, окруженную мужчинами; онъ зналъ, что съ нею устраиваютъ пикники. Каждый разъ при этихъ слухахъ въ немъ закипала злоба, его душило безсильное бѣшенство. Сплетня о частной жизни людей — это вѣчная язва тѣхъ кружковъ и обществъ, гдѣ почти нѣтъ общественной дѣятельности, гдѣ общественные интересы очень мало развиты, и потому не мудрено, что похожденія Евгеніи Александровны сдѣлались быстро сказкой города, и о нихъ ходили самые преувеличенные слухи, доходившіе и до Владиміра Аркадьевича. «Она таскаетъ въ грязи мое имя!»—говорилъ онъ мысленно и въ безсильномъ бѣшенствѣ сжималъ кулаки, скрежеталъ зубами, какъ бы готовясь кого-то растерзать. И дѣйствительно, если даже оставить въ сторонѣ уязвленное самолюбіе, горькое чувство, пробуждаемое слухами о развратѣ женщины, носящей его имя, могъ ли онъ не раздражаться, зная, что она, эта женщина, испортившая его карьеру, опозорившая его имя, веселится, жируетъ, наслаждается жизнью, тогда какъ онъ, не имѣя большихъ средствъ, дол-

Digitized by Google

женъ вести относительно очень скромную жизнь и разсчитывать гроши? За нею ухаживали десятки богачей, и она могла и умѣла въ извѣстной степени распоряжаться ихъ средствами, тогда какъ онъ былъ какъ бы забытъ, брошенъ и безпомощенъ. Но этого мало: онъ зналъ, что его жена чернила его, разсказывая о его характерѣ самыя чудовищныя вещи. Ей такъ нравилось создавать въ своемъ воображеніи и импровизировать эти исторіи страдающей героини романа, жены, которую тиранили, матери, которую лишили дѣтей! Онъ, можетъ-быть, еще примирился бы кое-какъ съ этими разсказами, но она разсказывала и нѣчто худшее: она говорила, что онъ — «ходячее ничтожество», что онъ бѣсится за «неудавшуюся карьеру», что онъ «мучается стремленіемъ скрыть свою бѣдность». Она очень комично разсказывала, какъ онъ утягивалъ отъ хозяйства гроши, чтобы имѣть свѣжія перчатки, чтобы ѣздить на рысакахъ, чтобы позавтракать у Бореля. Когда въ театрѣ Монаховъ пѣлъ куплетъ:

А смотришь, гордый сей испанецъ
Въ своемъ углу на чердакѣ
На свой сапогъ наводитъ глянецъ
Съ сапожной щеткою въ рукѣ,

она замѣчала: «Ахъ, это точно на Владиміра написано!» И его прозвали «гордымъ испанцемъ». Это, быть-можетъ, было не остроумно, но это дѣлало его смѣшнымъ. Кто плохо зналъ ее, тотъ могъ бы подумать, что она умышленно дразнила мужа, старалась затравить его. Но тутъ не было никакихъ предвзятыхъ цѣлей: она говорила о мужѣ, потому что это былъ для нея самый неистощимый источникъ пикантныхъ разговоровъ; она говорила о немъ потому же, почему слуги судачатъ о господахъ, чиновники о своихъ начальникахъ, гимназисты объ учителяхъ; другихъ болѣе важныхъ вопросовъ, другихъ болѣе широкихъ интересовъ у нея не было. Не говорить же въ самомъ дѣлѣ о литературѣ, когда не читаешь книгъ; не разсуждать же о политикѣ, когда имя какого-нибудь политическаго дѣятеля, въ родѣ Пальмерстона, только потому и дошло до слуха, что одно время носились пальто-Пальмерстонъ? Правда, она все преувеличивала, она сгущала краски, но эта черта свойственна всѣмъ слабохарактернымъ, не особенно умнымъ, мало вдумывающимся, много болтающимъ созданіямъ. Коротко, точно и вѣрно описывать извѣстные явленія и факты могутъ только серьезные умы; безпристрастно относиться

Digitized by Google

къ задѣвающимъ за живое вопросамъ могутъ только сильные характеры. Но чѣмъ фантастичнѣе, чѣмъ грандіознѣе были измышленія Евгеніи Александровны о мужѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ себя неловко: онъ даже не могъ отплатить ей тѣмъ же, такъ какъ все, что онъ могъ о ней разсказать — что она не особенно умна, что она женщина легкаго поведенія, что она не умѣетъ серьезно любить, что она жаждетъ тряпокъ, денегъ и развлеченій,—все это люди знали и безъ него и дорожили именно этими качествами «вакантной жены». Умная кокотка, цѣломудренная любовница, живущая съ монашескою скромностью львица полусвѣта—Боже мой, какъ это было бы глупо и смѣшно! Но она не умѣетъ любить серьезно? Да кто же требуетъ серьезной любви отъ содержанки? Ужъ не позволить ли ей ревновать, дѣлать сцены изъ-за любви? Это было бы скучно! Нѣтъ, Евгенія Александровна именно потому и могла имѣть успѣхъ, что всѣ сразу признали въ ней всѣ тѣ качества, за которыя могъ бросить въ нее грязью мужъ.

Но если бы заглянуть поглубже въ его душу, то можно бы было увидѣть, что его тревожитъ не столько «маранье его имени его женою» и ея клеветы на него, сколько сознаніе, что эта ненавистная женщина и теперь, бѣжавъ отъ него, стоитъ у него поперекъ дороги на пути къ богатству.

Въ первые дни послѣ бѣгства жены Владиміръ Аркадьевичъ увлекся мечтами о томъ, что онъ можетъ еще поправить свои денежныя дѣла насчетъ какой-нибудь сердобольной вдовицы съ крупнымъ приданымъ, которая рѣшится утѣшить его и соединиться съ нимъ законнымъ бракомъ. Дальше подобныхъ плановъ полетъ его фантазіи не заходилъ; въ этомъ отношеніи онъ былъ пара со своею женою. Но эти мечты тотчасъ же разсѣялись передъ доводами холоднаго разсудка; разводъ стоилъ дорого и можно ли было вообще развестись съ Евгеніей Александровной? Лично ей разводъ былъ не нуженъ, а безъ ея согласія трудно было исполнить всѣ тѣ формальности, которыми обусловливается разводъ. Конечно, у Владиміра Аркадьевича были права мужа: онъ могъ припугнуть жену, сказавъ ей, что онъ требуетъ, чтобы она жила съ нимъ или развелась формально. Но развѣ это испугаетъ ее? Развѣ она не понимаетъ, что онъ никогда, никогда не потребуетъ ее къ себѣ? Ему вѣдь дешевле жить безъ нея, безъ нея онъ все-таки свободнѣе и покойнѣе живетъ. Она была не умна, но въ

Digitized by Google

дѣлѣ житейской прозы она смыслила не меньше его, и потому ее было бы трудно увѣрить, что онъ дѣйствительно рѣшится опять «содержать» ее, когда онъ можетъ «не содержать» ея. Она знала и то, что, возвративъ ее въ домъ, онъ долженъ возвратить и дѣтей, а воспитать ихъ—это тоже чего-нибудь да стоитъ.

Всѣ эти соображенія волновали его гораздо сильнѣе, чѣмъ толки о позорной жизни его жены, чѣмъ ея разсказы о немъ.

Онъ не видѣлъ никакого исхода изъ своего положенія; онъ былъ свободенъ и не могъ воспользоваться своею свободою, потому что эта свобода была только кажущеюся. Его душила желчь, и онъ иногда доходилъ до того, что начиналъ громко и озлобленно жаловаться на свое положеніе, не замѣчая того, что это постыдно, что это смѣшно. Роль мужа, плачущаго, что его обижаетъ жена, всегда комична и жалка. Владиміръ Аркадьевичъ былъ до того подавленъ своимъ положеніемъ, что игралъ именно эту роль, не думая о томъ, что скажетъ объ этомъ «свѣтъ».

Съ этими же жалобами явился онъ и къ Олимпіадѣ Платоновнѣ.

Старуха была одна въ своемъ кабинетѣ, когда онъ вошелъ къ ней. Она сильно встревожилась, такъ какъ въ ея головѣ промелькнула мысль, не хочетъ ли онъ взять къ себѣ дѣтей. Она уже боялась разлуки съ ними. Ихъ въ это время не было дома, и она была этому рада. Ей хотѣлось переговорить съ нимъ съ глазу на глазъ и во что бы то ни стало отстоять за собой право удержать дѣтей у себя навсегда. Ей казалось, что ей не совсѣмъ легко удастся это сдѣлать; она все еще считала племянника болѣе порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: въ послѣдніе годы она такъ рѣдко видѣла его, такъ мало знала о его жизни; она все еще полагала, что въ немъ остались хоть кое-какіе слѣды рыцарскаго благородства, дворянской чести, аристократической щепетильности, всего того, что прививали съ дѣтства каждому изъ членовъ ихъ фамиліи. Она приняла его въ своемъ кабинетѣ и приказала лакею отказывать всѣмъ, кто бы ни пріѣхалъ.

И племянникъ, и тетка обмѣнялись очень дружескими привѣтствіями при лакеѣ и почувствовали себя неловко въ первую минуту свиданія, оставшись одни. Они не знали, какъ начать разговоръ. Онъ боялся, что она скажетъ: «возьми своихъ дѣтей!» Она опасалась, что онъ заявитъ о необходимости помѣстить ихъ у себя.

Digitized by Google

— А вы нынче долго зажились въ деревнѣ, ma tante,— замѣтилъ Владиміръ Аркадьевичъ, окончивъ долгую возню съ закуриваньемъ папиросы и нарушая неловкое молчаніе, наступившее въ комнатѣ, какъ только вышелъ лакей.—Я заѣзжалъ нѣсколько разъ справляться о вашемъ пріѣздѣ.

— Отдохнуть хотѣлось подольше,—отвѣтила тетка.—Не по лѣтамъ мнѣ эта столичная суета: визиты, да рауты, толки, да сплетни, все это чѣмъ дальше отъ насъ, тѣмъ лучше. Я бы, пожалуй, и всю зиму готова прожить въ деревнѣ, да нельзя, къ несчастію; тоже разныя обязанности есть; все толчешь здѣсь воду, а кажется, что и дѣло дѣлаешь...

— Да, признаюсь вамъ, и я радъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ, изъ этого омута,—вздохнулъ племянникъ.

— Ну, тебѣ-то еще рано въ анахореты записываться,— проговорила старуха.—У тебя служба, общественная дѣятельность...

— Ахъ, ma tante, каково все это достается!—сказалъ онъ.—Иногда голова кругомъ идетъ отъ всего того, что видишь, что слышишь.

У него опять не курилась папироса; онъ опять возился съ зажиганіемъ спички. Наконецъ, папироса закурилась, и приходилось снова говорить. Онъ вздохнулъ и проговорилъ, понизивъ голосъ:

— Вы, конечно, слышали, въ какомъ положеніи я нахожусь?

— Нѣтъ, я еще никого не видала,—отвѣтила тетка, и въ ея головѣ промелькнула испугавшая ее мысль: не пришла ли къ нему обратно жена? отъ этой женщины всего можно ждать.

— А что?—спросила старуха.

Онъ безнадежно махнулъ рукою.

— Тяжело и говорить!—сказалъ онъ мрачно.—Вся жизнь, все будущее, всѣ мечты, все, все скомкано, растоптано, забрызгано грязью!.. Вы уже знаете, что моя жена ушла, что я остался безъ семьи, безъ домашняго очага,—заговорилъ онъ съ пафосомъ.—Но этого мало. Эта женщина потащила по грязи мое имя. Она сдѣлалась—passez moi le mot—настоящей кокоткой, падшей женщиной, площадной развратницей. Я слышу скандальезные толки о ней въ каждомъ кружкѣ молодежи, я вижу ее съ отъявленными развратниками въ театрахъ, я стыжусь смотрѣть на кого-нибудь изъ членовъ нашей jeunesse dorée, боясь замѣтить

Digitized by Google

на его лицѣ усмѣшку, говорящую мнѣ: «а я вчера кутилъ съ твоею женою, съ матерью твоихъ дѣтей».

Онъ всталъ со стула, бросилъ въ каминъ смятую между пальцами папиросу и прошелся по комнатѣ, какъ ходятъ по сценѣ въ минуты душевнаго волненія первые любовники во французскихъ мелодрамахъ.

— Но этого мало,—продолжалъ онъ, спустя минуту.—Она не ограничивается тѣмъ, что въ списокъ модныхъ кокотокъ ею внесено имя Хрюминой, нѣтъ, она бравируетъ, она дразнитъ меня, разсказывая про меня небылицы. Я деспотъ, я тиранъ, я бѣшеный человѣкъ... О, все это еще ничего, все это сносно! Но она во что бы то ни стало хочетъ пригвоздить меня къ позорному столбу и говоритъ, что я нищій, старающійся скрыть свою нищету подъ мишурою, что я и разошелся съ нею изъ-за того, что она не хотѣла продаваться для моихъ выгодъ, что я смѣшонъ и жалокъ въ своемъ стремленіи казаться богатымъ, а не нищимъ... Вѣдь это точно смѣшно, когда говорятъ про человѣка нашего круга, что онъ самъ подчищаетъ резинкою свои перчатки, чтобы онѣ казались свѣжими! Какъ не смѣяться надъ человѣкомъ, стоящимъ въ моемъ положеніи, когда слышишь, что онъ питается калачами и булками, чтобы имѣть возможность взять кресло въ первомъ ряду въ бенефисный спектакль во французскомъ театрѣ? А какъ взглянутъ люди на человѣка, про котораго разсказываетъ жена, что онъ оставляетъ жену и дѣтей безъ куска хлѣба, считая необходимымъ проѣхаться на рысакѣ по Невскому проспекту?.. Это все ложь, это все клевета, но это смѣшно, это пикантно, и это повторяютъ всѣ!..

Онъ замолчалъ, подавленный волненіемъ, прошелся еще по комнатѣ и началъ снова:

— Но они говорятъ, а я долженъ молчать. Если бы я сталъ оскорбляться каждымъ обиднымъ намекомъ, каждымъ насмѣшливымъ взглядомъ, то мнѣ пришлось бы стрѣляться со всѣми людьми моего круга, со всей этой шайкой молодыхъ и старыхъ развратниковъ, ставшей на сторону этой женщины... Это травля, травля на смерть!.. Конечно, я понимаю, что они имѣютъ право смѣяться надо мной. Я самъ на ихъ мѣстѣ первый смѣялся бы, слыша про кого-нибудь подобные разсказы. Но правы они или не правы, мнѣ отъ этого не легче. Я сдѣлался сказкой города; одни смотрятъ на меня съ сожалѣніемъ, другіе съ злорадствомъ, третьи съ явной насмѣшкой. Вы понимаете, что это невыносимо! Ну

Digitized by Google

да, я, дѣйствительно, бѣденъ, бѣднѣе, можетъ-быть, чѣмъ думаютъ, потому что у меня есть долги; я, дѣйствительно, всегда старался скрыть свою бѣдность, старался жить шире, чѣмъ позволяли мои средства. Но развѣ я въ этомъ виноватъ? Я жилъ и живу въ томъ кругу, гдѣ бѣдность не порокъ, а хуже порока, гдѣ передъ ней просто закрыты двери...

Онъ жаловался малодушно, капризно, плаксиво, какъ обиженный мальчишка, и былъ жалокъ. Искренное чувство и театральная рисовка, желчная злоба и манерное кривлянье, все это смѣшивалось вмѣстѣ въ его жалобахъ на судьбу. Старуха-тетка слушала его молча, не прерывая его жалобъ, и онъ казался ей все болѣе и болѣе мелочнымъ человѣкомъ, тряпичной душонкой, не способной даже на самую ничтожную борьбу. Только теперь она видѣла его именно такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не замаскированнымъ ходячими свѣтскими фразами, приличными манерами, банальною болтовнею о театрахъ, рысакахъ, о политикѣ. Онъ говорилъ о своихъ тайныхъ язвахъ и она понимала гнусность, всю позорность тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ явились эти язвы. Ей было и больно, и обидно. Вѣдь это былъ сынъ ея сестры; когда-то она горячо любила его, возлагала на него надежды.

— И хуже всего то, что я даже не могу бороться съ этой женщиной, не могу заставить ее замолчать,—продолжалъ онъ.—Замарать ее, очернить въ глазахъ знакомыхъ?.. Да развѣ это можно, когда она и безъ того грязнѣе грязи? Добиться полнаго развода съ ней—это тоже у насъ невозможно. У меня на это вообще нѣтъ средствъ. Наконецъ, чтобы развестись съ женщиной, которая вовсе не чувствуетъ въ этомъ необходимости, которая не приметъ во всякомъ случаѣ добровольно вины на себя,—для этого нужно имѣть десятки тысячъ. Правда, у меня есть права мужа, я могу ее потребовать къ себѣ, заставить ее жить со мною и съ дѣтьми. Этимъ средствомъ...

— Полно, полно, какіе вы отецъ и мать своимъ дѣтямъ!—горячо перебила его Олимпіада Платоновна.—Вы ихъ только погубить можете, а не воспитать!

Онъ что-то хотѣлъ сказать, но она продолжала:

— Нѣтъ, у тебя только одинъ исходъ остался: тебѣ надо порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ, тебѣ надо перейти на службу куда-нибудь въ провинцію, гдѣ тебя не знаютъ, гдѣ не знаютъ твоей исторіи. Уѣдешь ты отсюда, здѣсь пере-

Digitized by Google

станутъ говорить о тебѣ, забудутъ тебя. Въ провинціи ты можешь получить приличное мѣсто, жить шире, вращаться въ кругу, гдѣ никто не намекнетъ тебѣ о твоей женѣ, такъ какъ ее тамъ не знаютъ.

— Это невозможно!—отрывисто сказалъ онъ, сдвинувъ угрюмо брови.

— Невозможно!?—съ удивленіемъ переспросила Олимпіада Платоновна, вопросительно взглянувъ на него.—Я думаю, мѣсто въ провинціи достать далеко не такъ трудно. Ты же можешь хлопотать черезъ графа Павла Дмитріевича. Наконецъ, я, если нужно, могу переговорить съ кѣмъ-нибудь, слава Богу, меня, старуху, еще не забыли...

— Не то, ma tante, не то!—нетерпѣливо перебилъ ее Владиміръ Аркадьевичъ.—Меня не выпустятъ изъ Петербурга. У меня есть долги, есть векселя...

Олимпіада Платоновна нетерпѣливо пожала плечами. Такой уважительной причины къ невыѣзду Владиміра Аркадьевича изъ Петербурга она вовсе не предвидѣла и разсердилась.

— Жалуются, что нечѣмъ жить, и выдаютъ векселя!—проговорила она раздражительно.

— Оттого и выдаютъ, что нечѣмъ жить,—тоже не безъ раздраженія отвѣтилъ онъ.

— И нечѣмъ отдать!—закончила она въ томъ же тонѣ.—Это точно очень удобно: давать векселя, когда знаешь, что платить все равно не будешь! Толкуешь тоже о благородствѣ! Понятія-то у васъ всѣ исковерканы: перчатки подчищаешь для сохраненія фамильной чести и ту же фамильную честь въ грязь топчешь, дѣлая долги съ сознаньемъ, что платить нечѣмъ!

Она уже горячилась и по обыкновенію не взвѣшивала выраженій.

— Я думаю, я имѣлъ право разсчитывать,—загорячился также Владиміръ Аркадьевичъ, задѣтый за живое старухой.

— На что это?—рѣзко перебила она его.—На карьеру, женившись на дочери какого-то тамъ Трифонова? На наслѣдство отъ несуществующихъ бездѣтныхъ богачей родныхъ? Или ужъ не на большую ли дорогу собирался идти людей грабить?

Старуха дѣлалась все болѣе и болѣе раздражительною и по обыкновенію рѣзкою, даже грубой. Владиміръ Аркадьевичъ тоже былъ взбѣшонъ ея рѣзкими словами и готовился дать ей отпоръ. Но, прежде чѣмъ онъ началъ, дверь въ комнату отворилась, и на порогѣ показались дѣти; розовыя

Digitized by Google

отъ мороза, съ веселыми лицами, они по обыкновенію безъ позволенія вбѣжали въ кабинетъ тетки и, увидавъ отца, сразу остановились у дверей въ недоумѣніи. Отъ глазъ Олимпіады Платоновны не укрылось, какъ мгновенно поблѣднѣлъ мальчикъ при видѣ отца.

— Папа!—проговорила дѣвочка и первая побѣжала къ отцу съ широко открытыми объятіями.

Евгеній, какъ бы очнувшись, тоже направился къ отцу какой-то невѣрной и неловкой походкой. Онъ видимо не зналъ, какъ держать себя съ отцомъ, и, приблизившись къ нему, расшаркался передъ нимъ и съ почтительностью, почти со страхомъ поцѣловалъ его руку.

— Выросли, поправились въ деревнѣ,—проговорилъ Владиміръ Аркадьевичъ, стараясь придать своему голосу хоть немного мягкости.—Учиться пора начинать...

— Мы учимся, папа,—сказала дѣвочка.

— Ну, надо скоро и серьезно приняться за ученье,—проговорилъ отецъ, чувствуя себя неловко и не зная, что сказать.—Вотъ устроюсь, тогда примусь за васъ.

Евгеній, стоявшій около отца съ опущенной головой, снова поблѣднѣлъ и бросилъ испуганный, вопросительный взглядъ на Олимпіаду Платоновну.

— Простите, ma tante, что я такъ долго обременяю васъ возней съ дѣтьми, хотя и знаю, что это не легко, и что вы къ этому не привыкли, но покуда я еще не могу взять ихъ къ себѣ,—проговорилъ Владиміръ Аркадьевичъ, обращаясь къ теткѣ.

— Они меня вовсе не тяготятъ,—торопливо отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Вы очень добры, но повѣрьте, что я при первой возможности возьму ихъ къ себѣ,—сказалъ Владиміръ Аркадьевичъ, считая необходимымъ ради приличія дать обѣщаніе, котораго вовсе не думалъ исполнить.

Олимпіада Платоновна тревожно взглянула на Евгенія: онъ былъ бѣлъ, какъ полотно, его плечи слегка вздрагивали, въ широко раскрытыхъ глазахъ стояли крупныя слезы. Казалось, онъ вотъ-вотъ упадетъ безъ чувствъ на коверъ. Она быстро поднялась съ мѣста, взяла его за плечи, заслонила его отъ отца и скороговоркой проговорила, обернувъ голову къ Владиміру Аркадьевичу:

— Я сейчасъ приду, только отведу дѣтей завтракать... Оля, иди за нами!—обратилась она на ходу къ дѣвочкѣ.

Съ этими словами она, поспѣшно переплетая ногами,

Digitized by Google

скрылась изъ кабинета, выводя мальчугана. Они молча прошли двѣ-три комнаты, и она чувствовала, что плечи ребенка вздрагиваютъ все сильнѣе и сильнѣе подъ ея руками, что онъ тихо всхлипываетъ.

— Я не хочу, не хочу!.. Не надо, не надо, ma tante!— вдругъ разразился онъ рыданіями и скрылъ свою головку около ея груди.

Его рыданія походили на истерическій припадокъ.

— Полно, полно, что ты!—шептала старуха, лаская его.

— Онъ не любитъ насъ... не любитъ... не надо къ нему!— слышались отрывистыя слова неутѣшно рыдавшаго мальчика.

Дѣвочка, глядя на бившагося отъ истерическаго плача брата, тоже расплакалась и безсознательно бормотала сквозь слезы:

— Не надо, не надо!

— Да онъ и не возьметъ васъ... Никто васъ не возьметъ! — успокаивала дѣтей тетка. — Софья, останься съ ними... успокой его!—обратилась совсѣмъ растерявшаяся Олимпіада Платоновна къ вошедшей въ комнату Софьѣ.— Я пойду туда... онъ ждетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой, что дѣлаютъ люди... что дѣлаютъ! Это надо кончить... они уморятъ дѣтей...

Она поцѣловала мальчика въ голову и, быстро ковыляя и переваливаясь на ходу, пошла обратно въ кабинетъ. Выраженіе ея блѣднаго лица было серьезно и строго. Она видимо рѣшилась все кончить сейчасъ же, безповоротно, какой бы то ни было цѣной. Въ ея головѣ мелькали даже планы отнять дѣтей, если встрѣтится необходимость, силой, хлопотать объ этомъ черезъ родныхъ и знакомыхъ. Она знала, что съ большими связями все можно сдѣлать. Войдя въ кабинетъ, она прямо приступила къ главному вопросу, котораго боялась она, и котораго боялся, въ свою очередь, и Владиміръ Аркадьевичъ.

— Ты мнѣ сейчасъ говорилъ о дѣтяхъ, — сказала она ему сухо.— Что ты намѣренъ съ ними дальше дѣлать?

— Что я могу съ ними дѣлать: они носятъ мое имя, ихъ бросили на мои руки, моя обязанность волей или неволей воспитать ихъ, не разбирая, чьи они,—желчно отвѣтилъ онъ.—Не могу же я выкинуть ихъ на улицу, чтобы дать поводъ взвести на меня еще новое преступленіе.

— Я думала, что ты совсѣмъ оставишь ихъ у меня,— сказала Олимпіада Платоновна.

— Если я просилъ васъ на время пріютить ихъ, то это

Digitized by Google

еще не значитъ, что я хочу навсегда навязать вамъ эту обузу,—обиженнымъ тономъ проговорилъ Владиміръ Аркадьевичъ, подозрѣвая въ словахъ тетки желаніе упрекнуть его. Онъ настолько самъ тяготился этими дѣтьми, что не могъ никакъ предположить въ комъ-нибудь другомъ желанія добровольно навязать ихъ себѣ на шею.—Я очень хорошо понимаю...

— Ничего ты не понимаешь, — рѣзко перебила его тетка.—Тутъ нѣтъ и рѣчи ни о какой обузѣ. Я готова оставить дѣтей у себя. Но я должна быть увѣрена, что они будутъ всегда у меня, что ты не ворвешься ко мнѣ со своими заявленіями о томъ, что не сегодня, такъ завтра ты возьмешь ихъ къ себѣ. Я очень бы желала, чтобы ты вообще забылъ о ихъ существованіи, такъ какъ для тебя они вовсе лишнія, и твои отношенія къ нимъ едва ли принесутъ имъ что-нибудь, кромѣ вреда.

Эти слова снова оскорбили и раздражили Владиміра Аркадьевича.

— Что вы хотите этимъ сказать?—проговорилъ онъ.—Что я не достоинъ быть даже отцомъ?

— Чужихъ дѣтей?—сказала съ ироніей старуха.—Да! Ты уже теперь ненавидишь ихъ, а что же будетъ послѣ, когда на нихъ придется тратить деньги, когда они будутъ помѣхой тебѣ?

— Но вы забываете, что я все-таки считаюсь ихъ отцомъ, и что рано или поздно они могутъ вернуться въ мой домъ,—проговорилъ онъ.—Я думаю, мнѣ тогда будетъ не легче, если они войдутъ въ мой домъ моими врагами...

— Врагами?—переспросила Олимпіада Платоновна.—Или ты думаешь, что я способна вооружать ихъ противъ тебя? Это ужъ слишкомъ! Если они и могутъ сдѣлаться твоими врагами, такъ только въ такомъ случаѣ, когда ты будешь встрѣчаться съ ними и доказывать имъ на каждомъ шагу, насколько мало въ тебѣ отцовскихъ чувствъ, любви къ нимъ...

— Ахъ, вы желаете, чтобы я даже не видалъ ихъ!—съ горькой ироніей замѣтилъ Владиміръ Аркадьевичъ.

— Да,—твердо отвѣтила старуха.

— Я, право, даже и не подозрѣвалъ, какъ вы смотрите на меня,—еще болѣе ѣдкимъ тономъ сказалъ онъ.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Въ немъ происходила внутренняя борьба, мелкая, пошлая, но въ то же время тревожная и тяжелая. Ему было обидно, что его заставляютъ отказаться отъ всякихъ отцовскихъ правъ на этихъ дѣтей,

Digitized by Google

что его считаютъ недостойнымъ роли ихъ отца, и въ то же время онъ боялся, что его возраженія, его упрямство могутъ раздражить окончательно тетку и заставить ее отдать ему этихъ дѣтей, которыхъ онъ не любилъ, которыхъ онъ не считалъ своими, которыхъ онъ желалъ какъ-нибудь сбыть съ рукъ. Въ этой исковерканной среди лжи, среди лицемѣрія, среди разврата душонкѣ таилась цѣлая масса противорѣчій.

— Я тебѣ говорила, что тебѣ было бы лучше всего уѣхать въ провинцію,—сказала Олимпіада Платоновна.—Ты избавился бы отъ жены и могъ бы оставить дѣтей у меня, не напоминая имъ о своей нелюбви къ нимъ...

— Все это прекрасно совѣтовать, но что же дѣлать, если это невозможно,—проговорилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

И вдругъ въ его головѣ промелькнула, какъ молнія, какая-то новая мысль, заставившая его невольно усмѣхнуться и пожать плечами; онъ почти не вѣрилъ вдругъ явившейся въ его головѣ надеждѣ, и въ то же время она назойливо вертѣлась теперь въ его мозгу.

— Вотъ найдите какого-нибудь поручителя по моимъ долгамъ, тогда и явится возможность уѣхать,—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

— Ты много долженъ?—спросила Олимпіада Платоновна.

— Тысячъ десять, кажется,—небрежно отвѣтилъ онъ.

— Только?—полувопросительно, полунасмѣшливо сказала Олимпіада Платоновна, уже читавшая теперь въ его душѣ и угадывавшая его планы, цѣли и мотивы. Что-жъ, я готова поручиться за тебя, если этимъ можно спасти твоихъ дѣтей.

— Спасти! спасти! Что за трагическія выраженія!—воскликнулъ онъ раздражительно.—Мы точно какую-то бульварную мелодраму разыгрываемъ.

— Ахъ, пожалуйста, не горячись,—уже совсѣмъ твердо и рѣшительно произнесла Олимпіада Платоновна, понявшая теперь, что она можетъ купить его рѣшеніе отречься навсегда отъ дѣтей.—Тутъ идетъ вопросъ о томъ, желаешь ли ты за эти деньги продать своихъ дѣтей, и купить свою свободу, а не о томъ, какимъ тономъ съ тобой говорятъ...

Она поднялась съ мѣста и остановилась передъ нимъ. Ей очевидно хотѣлось поскорѣе кончить переговоры съ этимъ человѣкомъ. Она начинала относиться къ нему какъ-то брезгливо.

— Мы договорились до того, что, кажется, отлично пони-

Digitized by Google

маемъ другъ друга и знаемъ одинъ другому цѣну,—сухо и рѣзко начала она, уже не пытаясь скрывать свои чувства.— Я тебѣ предлагаю эту сдѣлку и жду отвѣта: согласенъ ли ты на нее или нѣтъ? Вотъ и все. Смягчать выраженія тутъ нечего. Я тебѣ говорю прямо, что я даже тебѣ на слово не повѣрю, а потребую письма у тебя, что ты продаешь мнѣ дѣтей за десять тысячъ.

Владиміръ Аркадьевичъ захохоталъ какимъ-то злобнымъ, искусственнымъ смѣхомъ, стараясь скрыть свое бѣшенство.

— Такъ и видно, ma tante, что вы курса законовѣдѣнія не проходили и потому не знаете, что подобныя расписки не дѣйствительны,—проговорилъ онъ.

— А я все-таки потребую отъ тебя, чтобы имѣть хоть право назвать тебя тѣмъ именемъ, которое ты заслужишь, если тебѣ вздумается взять дѣтей обратно,—сказала она сухо.

— О, Боже мой, вы и такъ забросали меня грязью, не имѣя еще на это никакого права! Что же вамъ помѣшаетъ сдѣлать это послѣ!—желчнымъ тономъ сказалъ онъ. — Вы, кажется, вообще никогда не отличались особенною склонностью щадить ближнихъ!..

Старуха что-то молча соображала въ эту минуту.

— Кромѣ того, ты дашь мнѣ вексель въ десять тысячъ,— проговорила она, не обращая вниманія на его слова.

— Ахъ, и это нужно?—съ усмѣшкой сказалъ онъ.

Но она уже вовсе не обращала вниманія на его усмѣшки и на его саркастическій тонъ.

— Я тебѣ совѣтую подумать объ этомъ и дать мнѣ отвѣтъ,—сказала она.—Мнѣ нужно знать впередъ, когда приготовить деньги и, кромѣ того, можетъ-быть, тебѣ понадобится, чтобы я похлопотала о мѣстѣ для тебя...

— Вы очень добры! — насмѣшливо сказалъ Владиміръ Аркадьевичъ.

— Такъ я буду ждать отвѣта завтра или послѣзавтра,— сказала тетка такимъ тономъ, какимъ даютъ знать посѣтителямъ, что имъ пора удалиться.

Онъ холодно раскланялся и вышелъ изъ ея кабинета.

Она, совсѣмъ блѣдная, усталая, какъ бы разбитая, опустилась въ кресло и глубоко задумалась. Впервые въ жизни приходилось ей пережить такую неприглядную сцену, стать лицомъ къ лицу съ такимъ нравственнымъ ничтожествомъ, и опять ей было больно сознавать, что эта ничтожная личность сынъ ея родной сестры. Невеселыя думы проходили въ ея головѣ: передъ нею проносились какія-то картины

Digitized by Google

давно прошедшихъ лѣтъ, вспоминались какія-то радужныя надежды, возлагавшіяся на этого самаго человѣка во дни его дѣтства и юности. Теперь она чувствовала, что она навсегда разрываетъ съ нимъ всякую связь и желаетъ только одного, чтобы онъ отдалъ ей своихъ дѣтей и оставилъ ее въ покоѣ. «Ну, а если онъ не согласится?—вдругъ промелькнуло въ ея головѣ.—Если онъ захочетъ взять дѣтей ради упрямства, ради уязвленнаго самолюбія? У него вѣдь что ни шагъ, то противорѣчія! И съ чего это я вскипятилась? Не лучше ли было не раздражать его и повести дѣло мягко, съ тактомъ. Да, да, сама своими глупостями, по обыкновенію, подлила масла въ огонь! Можетъ-быть, все дѣло испортила? И какъ все это глупо вышло, поединокъ какой-то словесный устроили...» Эти думы проходили въ ея головѣ, и ея лицо принимало все болѣе и болѣе мрачное выраженіе, брови сдвигались плотнѣе, губы сжимались крѣпче. «И всегда-то такъ, всегда такъ выходитъ,—носилось въ ея умѣ.—Вспыльчивость, раздражительность, грубость и цѣлый рядъ обидъ, когда нужно дѣйствовать съ дипломатическою осторожностью, съ свѣтскою вѣжливостью! Долго ли такимъ образомъ вооружить противъ себя людей, заставить ихъ обидѣться и разсердиться».

Прошло съ полчаса въ этихъ тревожныхъ думахъ. Старуха какъ будто опустилась и осунулась подъ ихъ гнетомъ, упрекая и браня себя за свою «сумасбродность». Она часто посылала себѣ подобные упреки, не умѣя никогда подладиться къ обстоятельствамъ, обдумать тотъ или другой планъ дѣйствія въ извѣстныхъ случаяхъ. «Винта у меня какого-то нѣтъ въ головѣ, должно-быть,—говорила она въ такія минуты:—ну, и не могу сдержаться». То же думалось ей и теперь. Наконецъ, она, словно очнувшись, рѣшительно поднялась съ кресла и выпрямилась во весь ростъ.

— Нѣтъ, гдѣ имъ обижаться!.. Людишки, а не люди!—пробормотала она вслухъ и направилась изъ кабинета въ дѣтскую.

Она не ошиблась: онъ, отецъ этихъ дѣтей, былъ согласенъ на все, на отдачу ихъ въ арендное содержаніе, на продажу ихъ въ вѣчное владѣніе, лишь бы только освободиться отъ нихъ и получить деньги.

Съ этого дня это были, дѣйствительно, брошенныя дѣти, круглыя сироты, не имѣвшія ни отца, ни матери.

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

Воспитатели и учителя.

I.

Всѣ родственники, крестники и прихлебатели Олимпіады Платоновны Дикаго и ея «камеръюнгферы» Софьи были встревожены страшнымъ для нихъ извѣстіемъ и зашипѣли, забили тревогу. Разнесся слухъ, что княжна Олимпіада Платоновна Дикаго хочетъ на неопредѣленное, болѣе или менѣе продолжительное время совсѣмъ оставить Петербургъ и переселиться въ подмосковное Сансуси.

— Что заставило ее принять такое рѣшеніе?

Этотъ вопросъ, въ той или другой формѣ, на изящномъ французскомъ языкѣ или на вульгарномъ жаргонѣ прихожихъ, повторялся на всѣ лады. Также въ различныхъ формахъ, на разныхъ языкахъ, на всѣ лады повторялся одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Это все для этихъ несчастныхъ дѣтей!

Сколько горечи, ненависти и презрѣнія слышалось въ этихъ немногихъ словахъ!

Сама Олимпіада Платоновна не считала нужнымъ скрывать отъ кого бы то ни было, что она дѣйствительно хочетъ уѣхать на продолжительное время изъ Петербурга только для этихъ несчастныхъ дѣтей. Дѣти были довольно хилы и болѣзненны, и чистый деревенскій воздухъ могъ укрѣпить ихъ здоровье. Въ деревнѣ жизнь дешевле, и потому можно было сдѣлать сбереженія для лучшаго воспитанія и образованія дѣтей, покуда они не поступятъ въ учебныя заведенія. Она въ деревнѣ будетъ имѣть болѣе свободнаго времени, чтобы слѣдить лично за развитіемъ этихъ дѣтей. Кромѣ этихъ серьезныхъ соображеній, у Олимпіады

Digitized by Google

Платоновны было и еще одно еще болѣе серьезное соображеніе, которое она не высказывала никому, но которое болѣе всего побуждало ее уѣхать на время изъ Петербурга: она не хотѣла, чтобы дѣти какъ-нибудь случайно могли услышать что-нибудь объ отцѣ или матери, она боялась, что дѣти могутъ здѣсь встрѣтиться со своими родителями. Довольно и того, что она сама слышала объ этихъ личностяхъ, что она сама встрѣчала ихъ случайно въ магазинахъ, на улицахъ, въ театрахъ. Всѣхъ этихъ причинъ было вполнѣ достаточно, чтобы заставить ее покинуть Петербургъ. А какъ же они, эти родственники, крестники и прихлебатели княжны и ея «камеръюнгферы», останутся безъ помощи Олимпіады Платоновны и Софьи? Ихъ была цѣлая орда, какъ это всегда бываетъ въ старыхъ барскихъ домахъ, гдѣ еще выдаются разному нуждающемуся люду и разнымъ попрошайкамъ и единовременныя пособія, и ежемѣсячныя пенсіи. «Изъ глазъ вонъ и изъ ума вонъ»—эту поговорку всѣ они знали отлично. Здѣсь они приходили и къ Олимпіадѣ Платоновнѣ, и къ Софьѣ поздравлять послѣднихъ съ днями своихъ именинъ и рожденій; здѣсь они при каждомъ посѣщеніи къ Олимпіадѣ Платоновнѣ и Софьѣ ныли насчетъ своихъ домашнихъ нуждъ и надѣвали на себя самыя затрапезныя одежды, чтобы получить взамѣнъ этихъ одеждъ немного поношенныя, но еще довольно цѣнныя платья благодѣтельницъ; здѣсь стоило только принести просфору отъ «Троицы-Сергія» княжнѣ или ея служанкѣ, чтобы получить подачку, деньги, платочекъ, платьице, вообще что-нибудь болѣе цѣнное и практичное, чѣмъ просфора; здѣсь, наконецъ, можно было по недѣлямъ гостить у Олимпіады Платоновны и у Софьи, встрѣчая у этихъ старыхъ дѣвъ «нужныхъ» и «случайныхъ» людей—у Олимпіады Платоновны графовъ и князей, генераловъ и тайныхъ совѣтниковъ, у Софьи—графскихъ и княжескихъ камердинеровъ и камеръюнгферъ, оказывавшихъ одинаково сильныя протекціи, какъ и ихъ господа, по дѣламъ опредѣленія дѣтей на казенный счетъ въ учебныя заведенія, стариковъ и старухъ въ богадѣльни и вдовьи дома, людей среднихъ лѣтъ на теплыя мѣста, въ смотрителя какихъ-нибудь складовъ, въ начальницы какихъ-нибудь дѣтскихъ пріютовъ. Княжна Олимпіада Платоновна не даромъ же пользовалась всеобщимъ уваженіемъ! Но что же будетъ, когда уѣдутъ княжна Олимпіада Платоновна и Софья? Имъ нужно будетъ надоѣдать письмами, имъ можно будетъ только изрѣдка напоминать

Digitized by Google

о своемъ существованіи, ихъ нельзя будетъ ловить въ удобныя минуты, въ тѣ минуты, когда человѣкъ въ «духѣ» и когда онъ готовъ исполнить всякую просьбу. Бѣдныя родственницы и черносалопницы отлично знали значеніе такихъ минутъ и иногда выжидали по цѣлымъ днямъ того момента, когда будетъ удобнѣе всего обратиться съ просьбой къ той или другой благодѣтельницѣ. Иногда во-время вылетавшій изъ груди вздохъ, или кстати сказанная и вызвавшая улыбку острота, или трогательное лобызаніе руки оплачивались здѣсь десятками рублей. Отъѣздъ этихъ двухъ женщинъ изъ Петербурга являлся дѣйствительнымъ несчастіемъ для всей этой хищнической стаи, алчущей и жаждущей пенсій, пособій, помощей, протекцій и подачекъ. И все это несчастіе стряслось ради этихъ «несчастныхъ дѣтей». Не одинъ взглядъ, бросавшійся на этихъ дѣтей, былъ исполненъ затаенною злобою. Не одинъ голосъ, обращавшійся съ ласковыми словами къ этимъ дѣтямъ, походилъ на змѣиное шипѣнье. Дѣти, конечно, ничего и не подозрѣвали, ничего и не чувствовали—это было очевидно, и, можетъ-быть, именно потому люди дѣлали все возможное, чтобы дѣти поняли, наконецъ, какихъ жертвъ они стоятъ.

Впервые уяснила Евгенію, какія жертвы приносятся для него и для его сестры, одна изъ его кузинъ, Мари Хрюмина. Объясненіе вышло неожиданно, довольно рѣзко и грубо; оно произошло почти помимо воли самой Мари Хрюминой, существа эфирнаго, склоннаго къ сентиментализму и неспособнаго обидѣть даже муху. Какъ-то разъ эта кузина, онъ и княжна Олимпіада Платоновна сидѣли вмѣстѣ въ кабинетѣ послѣдней.

— Неужели, ma tante, вы дѣйствительно рѣшились совсѣмъ поселиться въ Сансуси? — щебечущимъ голоскомъ спросила у Олимпіады Платоновны ея племянница, опустивъ на колѣни книгу, которую она читала вслухъ теткѣ.

Эта дѣвица уже начинала въ глубинѣ души терять надежду на замужество и потому съ отчаяніемъ почти побѣжденнаго бойца доигрывала съ чудовищной утрировкою роль наивной институтки; она жила во вдовьемъ домѣ у своей матери, давно разорившейся барыни.

— Не совсѣмъ, но, вѣроятно, долго проживу тамъ,— отвѣтила Олимпіада Платоновна, занятая какой-то вышивкой.

— Ахъ, это ужасно, это ужасно!—воскликнула эфирная отъ худобы ingénue, вздергивая вверхъ костлявыя плечики.—

Digitized by Google

Тамъ вѣдь волки зимою воютъ! Въ деревняхъ всегда волки, какъ мнѣ говорила няня! И, потомъ, вы все однѣ будете, совсѣмъ однѣ, ma pauvre tante.

— Какъ это одна?—улыбнулась Олимпіада Платоновна, поднимая глаза съ вышивки и взглянувъ на племянницу.— И тамъ люди живутъ. Да кромѣ того, я ѣду съ дѣтьми, гувернантка ѣдетъ съ нами, учитель...

— Но общество? Какое же можетъ быть общество въ деревнѣ?—волновалась барышня.—Не мужиковъ же приглашать къ себѣ. А въ деревнѣ все мужики и бабы. И ни театровъ, ни баловъ, ничего, ничего нѣтъ! Нѣтъ, ma tante, я просто боюсь за васъ, я знаю, что вы приносите эту жертву для этихъ бѣдныхъ дѣтей, но...

Олимпіада Платоновна раздражилась и отложила въ сторону работу.

— Что это ты, мать моя,—грубо перебила она племянницу:—наивничаешь! Жертвы я приношу, что на старости лѣтъ съ глухими ушами въ оперу не стану ѣздить, да съ хромыми ногами танцовать не буду! Выдумала тоже.

Мари Хрюмина немного обидѣлась.

— Я очень хорошо знаю, что вы такъ добры, что никогда не сознаетесь въ томъ, что приносите кому-нибудь жертвы, — замѣтила она со вздохомъ. — Но я думаю, всѣ очень хорошо понимаютъ, какъ тяжело вамъ жить вдали отъ общества, когда вы такъ интересуетесь всѣмъ, и жизнью, и политикой, и литературой.

Олимпіада Платоновна хотѣла что-то возразить, но наивная племянница, какъ мотылекъ, перепорхнула съ своего стула къ ея креслу и схватила ея руку, присѣвъ около нея.

— А меня, тёточка, ma petite tante, вамъ не жаль?—защебетала она, поднося широкую, морщинистую руку тетки къ своимъ увядающимъ губамъ. — У кого теперь будетъ веселиться Мари? Съ кѣмъ поѣдетъ въ оперу, во французскій театръ? У кого потанцуетъ на балу? А?

Выцвѣтающіе, но все еще бѣгающіе глазки старѣющейся дѣвы грустно и нѣжно заглядывали въ лицо старухи-тетки.

— Да, я знаю, что тебѣ не весело будетъ безъ меня,—проговорила Олимпіада Платоновна довольно ласково.—Но что дѣлать, Мари: нужно думать прежде всего о тѣхъ, чья жизнь еще впереди, кто только еще начинаетъ жить. Дѣтей бросить, оставить на произволъ судьбы нельзя; здѣсь воспитывать ихъ—значитъ, подвергать опасности ихъ хилое здо-

Digitized by Google

ровье и только наполовину заниматься ими. Ну, вотъ и надо ѣхать. Видишь, какой онъ у меня блѣдненькій!

Олимпіада Платоновна ласково коснулась рукой до головки стоявшаго около нея Евгенія.

— У-у! гадкій, гадкій! Тётю у меня отнимаетъ!—дѣтски шаловливымъ тономъ произнесла Мари Хрюмина, надувая губки и грозя сухимъ пальчикомъ мальчугану.

Въ этомъ шутливо ласковомъ восклицаніи слышалось только напускное наивничанье, но этимъ шутливымъ тономъ прикрывалась самая искренняя ненависть къ этому ребенку. Ради этого ребенка передъ Мари Хрюминой открывался рядъ невеселыхъ дней. Передъ ней проносилась печальная картина этого будущаго: цѣлый рядъ скучныхъ и однообразныхъ дней въ казенной комнатѣ вдовьяго дома у старой, обнищавшей, всѣми забытой матери; праздное скитанье изъ угла въ уголъ въ этой комнатѣ или въ точно такихъ же комнатахъ другихъ вдовъ, да въ длинныхъ, мертвенно тихихъ коридорахъ; скучное чтеніе старыхъ французскихъ романовъ и такія же скучныя сплетни на французскомъ языкѣ съ престарѣлыми вдовами и дѣвицами. Мари Хрюмина называла вдовій домъ «нашимъ звѣринцемъ», «нашей кунсткамерой»; она такъ комично умѣла изображать эти «восковыя фигуры», этихъ «мумій»; она такъ шутливо и остроумно разсказывала о ихъ «чудачествахъ», о ихъ понятіяхъ, о ихъ чопорности; она такъ ѣдко злословила про нихъ. И вотъ теперь ей придется жить снова безвыходно съ ними и только съ ними! Скука и скука—вотъ все, что ждало увядающую дѣвушку впереди. И никакихъ надеждъ, никакихъ грёзъ про свѣтлое будущее не могло возникнуть у нея въ головѣ въ этой богадѣленской обстановкѣ, среди этихъ забытыхъ, медленно доцвѣтающихъ, странныхъ и смѣшныхъ женщинъ. Хоть бы любовный романъ какой-нибудь завязался, хоть бы обожатель нашелся, если ужъ нѣтъ надежды найти мужа! Пусть онъ будетъ не гвардеецъ, даже вовсе не военный, а такъ какой-нибудь докторъ, учитель, студентъ, наконецъ,—Боже мой, не все ли ей равно, голько бы ожить на время, испытать это неизвѣданное счастье любви, уловить этотъ призракъ, манившій ее такъ долго, лишавшій ее такъ часто сна. Но нѣтъ, тамъ, въ этомъ вдовьемъ домѣ, въ этой казенной комнатѣ у матери, въ этомъ забытомъ молодыми мужчинами мірѣ, нечего и ждать интересныхъ встрѣчъ, нечего и мечтать о таинственныхъ свиданіяхъ съ шопотомъ клятвъ и увѣреній. Здѣсь,

Digitized by Google

у тетки Олимпіады Платоновны, все же билось и замирало ея сердце при появленіи блестящихъ посѣтителей старухи, при выѣздахъ со старухою на вечера и въ театры. Прошлою зимою начиналось даже что-то такое, что походило на прологъ романа, что давало надежду на возможность продолжать этотъ романъ въ будущую зиму. Все это такъ живо, такъ образно представилось старѣющейся дѣвѣ, что, когда Олимпіада Платоновна поднялась съ мѣста и вышла изъ кабинета, у Мари Хрюминой потекли изъ глазъ слезы. Она смотрѣла такъ жалко, такъ подавленно, что ея видъ тронулъ мальчугана. Онъ тихо и робко приблизился къ ней и ласковымъ голосомъ спросилъ ее:

— Вамъ, chère cousine, очень жаль, что ma tante уѣзжаетъ?

Эти слова точно обожгли ее.

— Поди прочь, поди прочь, скверный, скверный мальчишка!—вскрикнула она, пробужденная отъ тяжелыхъ грёзъ его вопросомъ. — Это изъ-за тебя все! изъ-за тебя! Ради тебя ma tante всѣхъ насъ разлюбила, никого не хочетъ знать, уѣзжаетъ! Ты, только ты для нея все! О, противный, противный! Посмотримъ, чѣмъ-то ты ей отплатишь за все! Мы ее любили, мы заботились о ней, а ты... Что въ тебѣ, что она только о тебѣ и думаетъ? Что?

Взволнованная, забывшая все на свѣтѣ, кромѣ своего печальнаго будущаго, дѣвушка схватила Евгенія за плечи и съ силою потрясла ихъ. Потомъ съ какимъ-то презрѣніемъ она оттолкнула его и разрыдалась неудержимымъ плачемъ. Мальчикъ, испуганно опустивъ головку, какъ преступникъ, уличенный въ преступленіи, стоялъ весь блѣдный и смущенный. Онъ не зналъ, какъ утѣшить ее: онъ не зналъ, какъ оправдать себя, а главное, онъ не зналъ, въ чемъ оправдывать себя.

Эта сцена глубоко запала ему въ память. Но этой сценой не ограничилось дѣло.

Въ комнатѣ Софьи во время медленныхъ приготовленій къ отъѣзду происходило тоже нѣчто въ родѣ похоронныхъ причитаній. Особенно убивалась одна родственница Софьи «изъ благородныхъ» — дочь какого-то выслужившагося писаря и вдова какого-то офицера изъ гарнизонныхъ, Ольга Матвѣевна Перцова. Это дважды благородное созданье считало самымъ неблагороднымъ въ жизни работу и потому жило буквально на счетъ своей тетушки Софьи и на счетъ своей «крестной» Олимпіады Платоновны. Она чувствовала,

Digitized by Google

что съ отъѣздомъ благодѣтельницъ она лишается всѣхъ мелкихъ подачекъ и останется съ одной пенсіей, выдаваемой ей ежемѣсячно Олимпіадой Платоновной. Вслѣдствіе этого она не могла не волноваться. Эти волненія высказывались ею въ комнатѣ Софьи довольно рѣзко и желчно:

— Просто дивиться надо,—жаловалась она Софьѣ:—какъ это рѣшилась Олимпіада Платоновна взять на себя такую обузу. Не подъ лѣта ей ужъ съ дѣтьми возиться, тоже и покой нуженъ на старости лѣтъ. Тоже хороши и родители: подкинули дѣтей и знать ихъ не хотятъ, точно такъ и слѣдуетъ. И что еще изъ дѣтей выйдетъ. Тоже добра нечего ждать отъ дѣтей такихъ родителей, можетъ-быть, изъ-за нихъ кулаками слезы отирать благодѣтельницѣ нашей придется.

Софья упорно молчала, перебирая вещи въ шкапу и приготовляясь къ укладкѣ ихъ въ дорожные ящики.

— Да, ужъ добра-то трудно ждать,—продолжала пророчествовать «благородная дама».—Слава Богу, всю семью Владиміра Аркадьевича знаемъ. Хорошъ былъ и покойный Аркадій Дмитріевичъ, да и супруга его, покойная Антонида Платоновна, не мало сумасбродничала. Тоже мнѣ еще матушка покойница разсказывала, какъ Аркадій Дмитріевичъ по за границамъ-то имѣнія въ трубу выпускалъ, а Антонида Платоновна въ Петербургѣ, да въ Москвѣ амуры заводила съ кѣмъ ни попало, да куролесила. Только наша благодѣтельница и уродилась не въ свою семью, а то всѣ какъ есть до одного куролесили, да самодурствовали. Не даромъ и обнищали хуже насъ грѣшныхъ. Одинъ князь Алексѣй Платоновичъ при богатствѣ остался, да и то только потому, что княгиня Марья Всеволодовна его въ рукахъ держитъ, да своего имѣнія изъ рукъ не выпускаетъ. А пословица не даромъ говоритъ, что яблочко не далеко укатится отъ яблони; тоже посмотримъ, что изъ этихъ-то дѣтокъ выйдетъ, въ родню, можетъ-быть, пойдутъ...

Эти разсужденія были прерваны приходомъ въ комнату Софьи Евгенія. Онъ пришелъ звать Софью къ теткѣ.

— Ахъ, ангелочекъ нашъ, здравствуйте, здравствуйте!—слащавымъ тономъ проговорила, поднимаясь съ мѣста навстрѣчу мальчику, «благородная дама».

Мальчикъ вѣжливо расшаркался.

— Можно вашу милую ручку поцѣловать?—проговорила «благородная дама» и взяла руку мальчика, чтобы поднести ее къ своимъ губамъ.

Digitized by Google

Онъ сконфузился и опять расшаркался, не зная, что ему дѣлать. Его всегда немного пугала длинная, величественная фигура этой ханжи и попрошайки. Притомъ онъ хорошо зналъ, что эта особа при каждой встрѣчѣ съ нимъ или произноситъ какія-то нравоучительныя изреченія, или начинаетъ минорнымъ тономъ изливать жалобы на свои невзгоды, прося, въ концѣ концовъ, и его похлопотать за нее передъ «тетенькой». И эти набожныя нравоученія, и эти слезливыя жалобы смущали его одинаково сильно.

— Какой же вы франтикъ! Бархатная курточка, пуговки блестящія! Женишокъ, совсѣмъ женишокъ!—говорила «благородная дама», съ любовной улыбкой оглядывая его со всѣхъ сторонъ. — А все тетенька добрая сдѣлала, все она! Надо быть благодарнымъ ей за это, надо не огорчать ее, надо заботиться о ней, чтобы она была всегда покойна и весела.

Евгенію стало вдругъ такъ стыдно, такъ стыдно, точно его уличали въ какихъ-то огорченіяхъ, нанесенныхъ имъ любимой теткѣ.

— Я буду стараться! — какимъ-то растерянным шопотомъ произнесъ онъ, не поднимая головы.

— И надо, и надо стараться!—наставительно продолжала «благородная дама». — Надо веселенькими быть, чтобы тетенька радовалась на васъ. Она, бѣдная, только о васъ и хлопочетъ. Вотъ въ деревню ѣдетъ, чтобы вы на чистомъ воздухѣ поправились, розовенькимъ стали, потому что вы слабенькій, да хиленькій. Охаете все, да жалуетесь. Насъ всѣхъ, сиротъ, оставляетъ, чтобы вы были здоровы. Это цѣнить надо, ангелочекъ мой. Не легко тоже намъ ее, благодѣтельницу, терять, всѣ мы подъ ея крылышкомъ, сиротки, пригрѣлись здѣсь...

«Благородная дама» говорила все это въ такомъ минорномъ, въ такомъ ноющемъ тонѣ, что Евгенію стало больно и за то, что онъ слабенькій и хиленькій, и за то, что по его милости тетка покидаетъ «сиротъ». И опять ему, какъ виновному, стало стыдно передъ этою плакавшеюся передъ нимъ сиротою, у которой онъ отнималъ благодѣтельницу. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ снова произнести: «я буду стараться» и расшаркивался передъ своей собесѣдницей, но она не выпускала его руки и, нагнувъ надъ нимъ свою длинную и величавую фигуру, продолжала проповѣдь о послушаніи, о веселенькомъ видѣ, о покидаемыхъ безъ помощи сиротахъ.

Digitized by Google

Софья успѣла сходить къ Олимпіадѣ Платоновнѣ и вернуться, а «благородная дама» все еще ныла надъ мальчуганомъ.

— Женя, идите къ тетушкѣ, она тамъ одна,—нетерпѣливо сказала Софья мальчику, входя въ свою комнату.

Онъ точно очнулся отъ тяжелаго сна, быстро расшаркался передъ «благородной дамой» и пустился бѣжать вонъ изъ комнаты безъ оглядки. Его личико раскраснѣлось, точно его выкупали въ горячей ваннѣ.

— Что это ты тутъ ему за проповѣди вздумала читать!—накинулась на «благородную даму» Софья, когда дверь затворилась за мальчуганомъ.

— Что-жъ, развѣ дитяти и наставленія не слѣдуетъ дѣлать?—обидчиво проговорила «благородная дама».—Я думаю, не дурное что говорила... Ему же добра желаю...

— Да не просятъ васъ, не просятъ ни дурного, ни хорошаго говорить! — сердито сказала Софья. — Заклевать, право, всѣ ребенка готовы, точно онъ кусокъ хлѣба у кого вырвалъ изо рта.

— Что-жъ, и вырвалъ, и вырвалъ!—загорячилась въ свою очередь Перцова.—Мы при крестной были какъ у Христа за пазухой, а теперь...

— Что теперь, что теперь!—раздражительно перебила ее Софья. — Пенсію у васъ, что ли, отнимаютъ? Въ помощи развѣ вамъ отказываютъ? Слава Богу, довольно давали и даютъ! Такъ нѣтъ, все мало, все мало!

Софья продолжала ворчать и, хлопнувъ дверью, вышла изъ своей комнаты въ гардеробную.

— Погодите, погодите, еще сами отъ него, можетъ-быть, наплачетесь!—зловѣщимъ шопотомъ проговорила ей вслѣдъ «благородная дама».—Отольются еще сиротскія слезы!

И какъ бы желая доказать на дѣлѣ, что сиротскія слезы дѣйствительно проливаются, она отерла платкомъ свои сухіе глаза.

Такихъ сиротъ, какъ Мари Хрюмина и Ольга Матвѣевна Перцова, было не мало, и всѣ онѣ, такъ или иначе, сумѣли высказать свои чувства, сумѣли дать понять мальчику, что онъ у нихъ что-то отнимаетъ, что онѣ его за что-то ненавидятъ.

Но сильнѣе всего растрогалъ дѣтское сердце старый дворецкій, онъ же и буфетчикъ, Никита Ивановичъ.

Никита Ивановичъ былъ слуга старый, бывалый, знавшій хорошо всѣ порядки въ домѣ княжны Олимпіады Плато-

Digitized by Google

новны Дикаго. Степенный, какъ и всѣ старые барскіе слуги изъ крѣпостныхъ, онъ держалъ себя важно и чинно въ барскихъ покояхъ. Темные, съ сильною просѣдью бакенбарды, такіе же волосы, взбитые надъ лбомъ въ затѣйливый кокъ, прямая фигура, твердая поступь, все это придавало Никитѣ Ивановичу, всегда облаченному въ черный фракъ и въ бѣлый галстукъ, видъ важнаго государственнаго дѣятеля съ печатью думы на челѣ. Если что отчасти портило производимое имъ внушительное впечатлѣніе, такъ это только его нѣсколько не въ мѣру красный носъ. Этотъ носъ намекалъ на какіе-то тайные грѣшки, на то, что Никита Ивановичъ далеко не такъ степененъ, какъ онъ смотритъ. И дѣйствительно, Никита Ивановичъ былъ по натурѣ человѣкъ нрава легкаго, человѣкъ легкомысленный: это знали всѣ его столичные знакомые, покучивавшіе съ нимъ въ трактирчикахъ; это знали и разныя барскія горничныя, съ которыми Никита Ивановичъ завязывалъ интрижки. Въ домѣ княжны Олимпіады Платоновны, гдѣ бывало много гостей, онъ катался зимой, какъ сыръ въ маслѣ: его никто не усчитывалъ въ расходѣ винъ, а знакомымъ горничнымъ и камеръюнгферамъ, служившимъ у многочисленной родни княжны Олимпіады Платоновны, и счету не было. Но и кабачки, и пивныя, и трактирчики, и горничныя, все это исчезало при переселеніи въ Сансуси, и Никита Ивановичъ всегда говаривалъ, что «мы лѣтомъ говѣемъ». Лѣтомъ даже вина нельзя было много тратить, потому что парадные обѣды для гостей дѣлались рѣдко; въ домѣ бывали въ гостяхъ больше женщины, мужчины же заѣзжали большею частью съ визитами или на партію виста и ералаша вечеромъ, когда подавался чай и открывался только «сладкій буфетъ» вмѣсто ужиновъ съ винами. Услышавъ вѣсть о переселеніи въ Сансуси на неопредѣленное время, Никита Ивановичъ нахмурился не на шутку и затосковалъ. И «Старый Пекинъ», и «Старый Палкинъ», и «Новый Палкинъ», и «Шухардинъ», и Хрюминская Лизавета Петровна, и Офросимовская Дарья Андреевна, и всѣ эти веселыя мѣста и веселыя женщины такъ живо вспоминались ему теперь, а впереди грозило только долгое «говѣнье». Конечно, и въ Сансуси есть кабакъ, есть и бабы, но Никита Ивановичъ хорошо зналъ «мужичье» и давно отвыкъ отъ нравовъ этого «мужичья». «Бока еще наломаютъ»,—думалъ онъ, размышляя о деревенскихъ кабачкахъ и о деревенскихъ прелестницахъ. «Здѣсь народъ деликатный, съ образованіемъ,—разсуждалъ

Digitized by Google

онъ:—каждый понимаетъ, безъ чего жить нельзя, и твоему удовольствію не мѣшаетъ, потому и самъ живетъ въ свое удовольствіе». Подъ вліяніемъ этихъ мрачныхъ думъ, онъ въ послѣднее время сталъ сильнѣе покучивать по вечерамъ и по ночамъ, и сталъ больше бить посуды днемъ, что у него всегда обозначало непріятное расположеніе духа. Роняя и разбивая барскій хрусталь, онъ всегда хмурился и ворчалъ: «Ишь, проклятый, въ рукахъ не держится!» и со злобою тыкалъ носкомъ сапога въ черепки этого проклятаго хрусталя, не умѣвшаго удержаться въ его рукахъ. Въ послѣднее время число такихъ неловкихъ и непокорныхъ вещей возросло до очень внушительной цифры. Казалось, что Никита Ивановичъ рѣшился перебить всю посуду. Это былъ очень дурной знакъ, говорившій о крайне тревожномъ состояніи духа стараго буфетчика.

Однажды, въ минуту прилива душевной тоски и раздраженія, онъ перебиралъ въ буфетѣ посуду, гремя серебряными ножами и вилками и роняя то ту, то другую вещь на паркетъ. Въ это время черезъ столовую проходила Софья съ Евгеніемъ.

— Что, Софья Павловна, гнѣздо совсѣмъ разорять будемъ или нѣтъ?—спросилъ онъ мрачно Софью.

Вопросъ былъ совершенно неожиданный и поразилъ Софью.

— Какое гнѣздо разорять?—спросила она недовольнымъ тономъ.—Ты, кажется, со вчерашняго вечера еще не проснулся и походя бредишь.

Она хотѣла идти дальше, но онъ настойчиво продолжалъ:

— Да какъ же, вотъ говорятъ, продавать будемъ вещи?

— Ну да, не тащить же всего съ собою и прятать старье ненужное не для чего, — отвѣтила Софья. — Что не годно и не нужно, то и продадутъ.

— Это родовое-то?—съ укоромъ произнесъ онъ.

— Что-жъ, что родовое?—сердито проговорила Софья.— Есть вещи, которыя только въ хламъ стоитъ бросить. Не платить же за ихъ сбереженіе или за отправку въ Сансуси. Вернемся назадъ, новыя вещи выгоднѣе купить...

— Эхъ!—безнадежно махнулъ Никита Ивановичъ рукою съ тяжелымъ вздохомъ, и что-то изъ его рукъ звонко ударилось о паркетъ.—Говорю, гнѣздо разоряемъ, по-моему и выходитъ. Хламъ, хламъ! Да изъ этого-то хлама еще покойный князь Платонъ Львовичъ... да что я говорю... покойный Левъ Платоновичъ гнѣздышко для насъ лѣпили!.. А мы: хламъ, хламъ! Теперь-то порѣшишь съ хламомъ, а

Digitized by Google

послѣ и жаль будетъ, и плакать будешь, а не воротишь... Нѣтъ, не воротишь!..

И такъ это чувствительно, съ такимъ сердечнымъ укоромъ произнесъ Никита Ивановичъ, вообще имѣвшій проповѣдническія и ораторскія способности, что у Евгенія сжалось сердчишко, и ему вдругъ стало жаль этого разоряемаго гнѣзда, этого скопленнаго дѣдушкою Платономъ Львовичемъ и прадѣдушкою Львомъ Платоновичемъ хлама.

— Что-то ужъ очень ты жалѣть барскія вещи началъ,— сказала Софья, у которой тоже, помимо ея воли, вдругъ пробудилось какое-то тоскливое чувство.—Жалѣешь, а самъ то и дѣло стукъ да стукъ, вдребезги хрусталь бьешь.

— Что-жъ, что бью! Мало ли что изъ рукъ выпадетъ! Всего не удержишь!—съ чувствомъ вздохнулъ Никита Ивановичъ. — Тоже и не съ веселья вещи изъ рукъ валятся! Ишь онѣ какія! Почитай, десятки лѣтъ въ домѣ-то у мѣста стоятъ, денегъ-то за нихъ что переплачено... Нѣтъ, это я понимаю все!

Софья нетерпѣливо направилась изъ буфетной.

— А по мнѣ, какъ я теперь взгляну на эти вещи, такъ ровно вотъ вижу, что покойника родного изъ дому выносить хотятъ! Вотъ что! — закончилъ Никита Ивановичъ и даже провелъ рукою около глазъ. — И гнѣздо-то насиженное, нагрѣтое...

— Ну, тебя! — сердито проговорила Софья и, торопливо удалившись изъ буфетной съ Евгеніемъ, хлопнула дверью.

Ей тоже стало какъ будто не по себѣ отъ этихъ рѣчей о выносимомъ изъ дома покойникѣ, о насиженномъ и нагрѣтомъ гнѣздѣ. Евгеній же совсѣмъ притихъ и какъ-то пугливо озирался кругомъ. А кругомъ стояли покрытые бѣлыми чехлами, какъ саванами, стулья, кресла и диваны; на стѣнахъ виднѣлись темныя четырехугольныя пятна, напоминавшія о висѣвшихъ тутъ еще вчера картинахъ; на столахъ и этажеркахъ была полнѣйшая пустота, такъ какъ всѣ мелкія украшенія уже были сняты; на полу стояли большіе запакованные ящики съ вещами, точно напоминавшіе слова Никиты Ивановича о покойникахъ, и Евгеній раздумывалъ, куда повезутъ этихъ покойниковъ: въ Сансуси или на рынокъ? Въ комнатахъ былъ не только хаосъ, напоминавшій о разореніи нагрѣтаго, насиженнаго гнѣзда, но и сдѣлался какой-то особенно гулкій резонансъ, вслѣдствіе снятыхъ гардинъ и занавѣсей, драпировокъ и мелкихъ стѣнныхъ украшеній; этотъ резонансъ напоминалъ

Digitized by Google

о какой-то пустотѣ, о чемъ-то нежиломъ. Тоска, почти всегда сопровождающая переѣзды съ квартиры на квартиру, была здѣсь еще ощутительнѣе, такъ какъ тутъ дѣло шло не о простомъ переѣздѣ съ квартиры на квартиру, а объ отъѣздѣ изъ давно свитаго гнѣзда совсѣмъ въ иную среду, въ иную обстановку, и притомъ этотъ отъѣздъ сопровождался всеобщимъ нытьемъ, недовольствомъ, ропотомъ и слезами.

«И все это ради тебя, скверный, скверный мальчишка!»— невольно вспоминались Евгенію слова рыдающей кузины Мари Хрюминой.

И онъ ходилъ такой понурый, такой съежившійся, такой робкій, точно онъ былъ кругомъ виноватъ, и все ждалъ, что вотъ-вотъ на него опять накинутся съ бранью и съ упреками и кузина Мари Хрюмина, и благородная родственница Софьи, и Никита Ивановичъ, и всѣ эти люди, громыхавшіе посудой, сердито ворочавшіе ящики, разбивавшіе раздражительно какія-то стекла, какія-то бездѣлушки, собиравшіеся въ дальнюю дорогу, обреченные на скуку деревенской жизни.

Евгенію, впечатлительному и чуткому до болѣзненности, начало казаться, что имъ недовольны не только эти люди, но и сама Олимпіада Платоновна, и Софья. Дѣйствительно, обѣ эти женщины захлопотались, имъ было не до нѣжныхъ ласкъ, не до разговоровъ съ ребенкомъ. Кромѣ того, ихъ сердили на каждомъ шагу. Софья приходила жаловаться, что какіе-то маклаки чуть не даромъ хотятъ взять продающіяся вещи, и раздражительно замѣчала: «Что же это въ самомъ дѣлѣ, неужто такъ все и отдать на разграбленіе?» Олимпіада Платоновна тоже раздражалась, слыша приставанья разныхъ родственницъ и крестницъ: «Ахъ, подарите это намъ на память», и не безъ желчи говорила: «Да что онѣ хоронить меня собрались, что ли?» Все это было не весело, все это не могло содѣйствовать хорошему расположенію духа. Въ такія минуты не до ласкъ, не до нѣжностей. Видя кругомъ себя недовольныя и раздраженныя лица, Евгеній притихъ и смотрѣлъ понуро, кисло.

Но, наконецъ, все было уложено, готово къ отъѣзду. Въ дорожныхъ костюмахъ, обмѣнявшись съ кѣмъ-то поцѣлуями и рукопожатіями, пройдя черезъ рядъ почти опустѣвшихъ и некрасиво выглядѣвшихъ теперь комнатъ, всѣ вышли на подъѣздъ: княжна Олимпіада Платоновна, Софья, Евгеній и Оля усѣлись въ карету и тронулись въ путь къ вокзалу желѣзной дороги. Софья набожно перекрестилась. Ея при-

Digitized by Google

мѣру послѣдовали дѣти, не сознавая, о чемъ они молятся, но считая нужнымъ подражать своей любимой нянѣ. Въ это же время Олимпіада Платоновна вздохнула какъ-то особенно глубоко и проговорила:

— Ну, слава Богу, теперь надолго отдохнемъ отъ этихъ людишекъ!

И тутъ же она весело обратилась къ дѣтямъ и ласково проговорила имъ:

— Тоже измучились въ эти дни, мордочки? Ну, ничего, скоро всѣ вздохнемъ свободно и отдохнемъ...

— Да, ужъ могу сказать, думала, что и не дождусь, когда уѣдемъ! — сказала Софья, вздыхая широкимъ вздохомъ. — Вѣдь просто, какъ на зло, одинъ бѣситъ, другой бѣситъ! Ахъ ты, Господи, что за люди, что за люди!

И вдругъ, перемѣнивъ недовольный тонъ на веселый, она проговорила:

— А вѣдь у меня и часы женевскіе отняли, вотъ тѣ, что князь Алексѣй Платоновичъ подарилъ! Да рада была, чтобы хоть все взяли, только бы въ покоѣ оставили! На память все, на память! Можете представить, Женичка вошелъ какъ-то въ гардеробную со своимъ перламутровымъ домино, мнѣ отдать на сбереженіе хотѣлъ, такъ и то Дарья Васильевна для своего сына на память просить стала. Онъ, голубчикъ, и отдаетъ ужъ ей, ну, я тутъ и накинулась: «да, говорю, стыда-то у васъ въ глазахъ нѣтъ, вы курточку готовы съ ребенка стянуть, грабители, грабители!» Я ее браню, а онъ, милый, смѣшной такой, растерявшійся, точно виноватый, стоитъ и домино въ рукахъ держитъ, не зная, кому его отдать, а самъ расшаркивается, а самъ расшаркивается передъ нею...

И вдругъ всѣ засмѣялись при этой, бойко переданной сценкѣ, всѣмъ стало такъ легко и весело. Карета подъѣзжала уже къ дебаркадеру желѣзной дороги...

II.

— Ну, вотъ мы и у себя, дома!

Какой-то теплотой повѣяло отъ этихъ словъ, сказанныхъ Олимпіадой Платоновной, когда широкая деревенская коляска князя Алексѣя Платоновича Дикаго закачалась на высокихъ рессорахъ, катясь по мягкой, песчаной дорогѣ и ныряя среди зеленыхъ холмовъ и пригорковъ по направленію къ Сансуси. Свистки локомотива, снованіе желѣзнодорожной прислуги, суетливость ѣдущихъ по желѣзной дорогѣ

Digitized by Google

пассажировъ, говоръ и шумъ этой куда-то спѣшащей, боящейся опоздать толпы, мельканье передъ окнами вагоновъ однообразныхъ видовъ, телеграфныхъ столбовъ, станцій, все это осталось позади, а впереди разстилались только зеленѣющія поля, покрывающіяся новыми всходами нивы, густой, полный покоя и тѣни лѣсъ, да изрѣдка попадались мужики и бабы, низко кланявшіеся господамъ.

— Мы точно отъ потопа въ ковчегѣ спасаемся, — смѣялась Олимпіада Платоновна.

И точно они набились, какъ въ ковчегъ, въ эту широкую деревенскую коляску всѣ вмѣстѣ, и она, и дѣти, и гувернантка, и учитель, и Софья, и у всѣхъ у нихъ было одно чувство—чувство полнаго и безмятежнаго спокойствія, сознаніе, что впереди ихъ ждетъ отдыхъ, что всѣ треволненія столичной жизни, сплетни, выѣзды, пріемы, шумныя удовольствія и мелкія непріятности—все это осталось гдѣ-то тамъ, далеко, смѣнившись полнымъ затишьемъ.

— А хорошо у васъ здѣсь!—проговорилъ учитель, всматриваясь куда-то вдаль.

— Тихо здѣсь,—отвѣтила Олимпіада Платоновна.

«Тихо здѣсь» — эти слова часто приходили на память учителю потомъ, когда онъ сдѣлался уже вполнѣ своимъ человѣкомъ въ Сансуси, когда онъ уже вполнѣ освоился съ порядками этой жизни. Эта тишина вліяла такъ успокоительно на наболѣвшіе среди столичной суеты нервы; она пробуждала какое-то благодушіе и словно примиряла людей и съ жизнью, и съ ближними; при ней дни, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, стали пролетать какъ-то незамѣтно, словно безслѣдно, и люди невольно дивились: «Господи, вотъ ужъ и весна прошла!..» «Не успѣли оглянуться, а ужъ и лѣто кончается!» И какъ-то не вѣрится имъ самимъ, что они уже прожили здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, что лѣто дѣйствительно кончается, что наступаетъ глухая осень, съ мелкимъ, зарядившимъ надолго дождемъ, съ темными, длинными вечерами. А между тѣмъ, дѣйствительно холодный, рѣзкій вѣтеръ нагоняетъ массы темныхъ, густыхъ тучъ на небо; солнце проглядываетъ изъ-за нихъ все рѣже и рѣже, и почти не грѣетъ; садъ и лѣсъ теряютъ свой послѣдній пожелтѣвшій уборъ; въ поляхъ кончаются крестьянскія работы; деревенскіе дома по сосѣдству съ Сансуси пустѣютъ. Да, это осень, глухая осень, отдаляющая еще больше деревни отъ городовъ, вносящая въ деревенскую жизнь еще болѣе однообразія

Digitized by Google

окружающая деревенскихъ жителей еще большимъ затишьемъ...

Такое полное затишье наступило осенью и въ Сансуси. Кто гостилъ здѣсь лѣтомъ, тѣ уѣхали, новыхъ гостей въ непогодливую пору ждать нечего; въ домѣ все стихло, какъ будто уснуло. Только мужики да бабы заглядываютъ къ «кормилицѣ-барышнѣ» со своими нуждами, со своими просьбами. Маленькій домашній кружокъ княжны Олимпіады Платоновны сомкнулся еще тѣснѣе, какъ бы сознавая, что именно теперь для него начинается та жизнь, которою ему придется прожить нѣсколько мѣсяцевъ, жизнь тихая, однообразная, немного скучная и легко выносимая только въ томъ случаѣ, если между людьми, заброшенными на долгіе мѣсяцы въ одно гнѣздо, царствуетъ полное согласіе и полный миръ.

Княжна Олимпіада Платоновна, Евгеній, Оля, гувернантка и учитель—вотъ тѣ лица, изъ которыхъ составился этотъ семейный кружокъ. Въ деревнѣ, гдѣ простота отношеній является однимъ изъ естественныхъ условій жизни, нерѣдко являлась въ этомъ кружкѣ и Софья; правда, она не присаживалась къ камину вмѣстѣ съ господами, она не принимала прямого участія въ ихъ разговорахъ, но она нерѣдко шила здѣсь, нерѣдко забавляла дѣтей, нерѣдко говорила о томъ, о чемъ ее спрашивали. Порой присоединялся къ кружку деревенскій священникъ, отецъ Андрей, подчасъ заглядывала и его жена, матушка Прасковья Петровна: обитатели большого дома видимо были рады каждому живому человѣку и старались быть терпимыми, не справляясь о послужныхъ спискахъ, о геральдическихъ особенностяхъ, объ окраскѣ убѣжденій входившаго въ домъ лица. Старая, жившая довольно долго у кого-то изъ родственниковъ Олимпіады Платоновны гувернантка дѣтей, миссъ Ольдкопъ, очень чопорная и очень гордая по натурѣ, говорила, что отношенія Олимпіады Платоновны къ Софьѣ ее трогаютъ, напоминая ей родину, гдѣ тоже въ истинно аристократическихъ фамиліяхъ относятся съ крайнимъ уваженіемъ къ старымъ слугамъ. Отецъ Андрей, человѣкъ довольно консервативныхъ убѣжденій, не особенно довѣрявшій новымъ порядкамъ, косившійся на коренныя реформы, совершавшіяся въ то время, недолюбливавшій слишкомъ горячую молодежь, только-что окрещенную названіемъ «нигилистовъ», добродушно и снисходительно выслушивалъ разныя молодыя увлеченія юнаго учителя дѣтей,

Digitized by Google

замѣчая вмѣсто всякихъ рѣзкихъ споровъ: «молодыя дрожди бродятъ, пока не перебродятся». Самъ этотъ юный учитель «изъ семинаровъ», какъ онъ самъ выражался, обыкновенно угловатый и неловкій, иногда безтактный и рѣзкій, и отца Андрея находилъ «мужикомъ со смекалкою», и Олимпіаду Платоновну признавалъ «за бабу съ придурью, но сердечную», и въ миссъ Ольдкопъ видѣлъ «основательность», а Софью, которая бранила его и распекала, какъ школьника, при каждомъ удобномъ случаѣ, — Софью онъ даже совсѣмъ «полюбилъ», потому что она «душа-человѣкъ». Олимпіада Платоновна еще болѣе снисходительно относилась ко всѣмъ окружавшимъ ее теперь лицамъ, отдыхая отъ всѣхъ тревогъ, дрязгъ и непріятностей шумной столичной жизни: она, смѣясь, замѣчала, что всѣ они точно спѣлись и что «диссонансовъ не выходитъ даже и тогда,— прибавляла она шутливо, обращаясь къ учителю:—когда вы продавливаете мои стулья и ругаетесь».

— А матушку-попадью, вы, ваше сіятельство, и забыли? Развѣ она не диссонансъ? Ха-ха-ха! — смѣялся молодымъ шумнымъ смѣхомъ «семинаръ».

— Она не диссонансъ, а вечернее прибавленіе къ утреннимъ газетамъ,—мѣтко замѣчала Олимпіада Платоновна.

И дѣйствительно, матушка-попадья, женщина здоровая, сытая и, повидимому, вполнѣ довольная судьбой, какъ-то не могла слиться съ мирнымъ кружкомъ Олимпіады Платоновны: она вѣчно волновалась, вѣчно откуда-то приносила невообразимыя новости, вѣчно на кого-то жаловалась и кого-то бранила; хотя — что и было характерно въ ея жалобахъ и брани — всѣ, выслушавъ терпѣливо до конца ея желчныя выходки, только переглядывались между собою и какъ бы спрашивали въ недоумѣніи другъ у друга: «да за что же это она сердится?» При ея появленіи прерывалось чтеніе, смолкали толки по поводу газетныхъ извѣстій, стихали пренія объ отвлеченныхъ вопросахъ, такъ какъ матушка-попадья всегда умѣла каждый разговоръ, каждую тему свести на какой-нибудь частный и чисто личный примѣръ. Читался ли какой-нибудь романъ, матушка-попадья прерывала чтеніе восклицаніемъ:

— Да вотъ у помѣщика Поликарпова сынокъ-то ни дать, ни взять такой же былъ!

И затѣмъ слѣдовала цѣлая исторія про сынка помѣщика Поликарпова съ такими подробностями, которыя, вѣроятно, никогда не снились даже ни самому помѣщику Поликар-

Digitized by Google

пову, ни его сыну. Начинались ли толки о пользѣ грамотности для народа, матушка-попадья тотчасъ же прерывала отвлеченныя разсужденія восклицаніемъ, обращеннымъ къ мужу:

— А помнишь, отецъ, какъ насъ Иванъ Безухій обворовалъ, тоже грамотей былъ!

И затѣмъ слѣдовала исторія продѣлокъ Ивана Безухаго, бывшаго грамотеемъ, и исторія еще большихъ мошенничествъ его отца, Петра Безухаго, который грамотеемъ, однакоже, не былъ.

Сначала матушка-попадья нѣсколько ошеломляла присутствующихъ доказательствомъ своей неистощимой наблюдательности и сердила ихъ, прекращая своими исторіями про помѣщиковъ Поликарповыхъ и про Ивановъ Безухихъ интересные чтенія и разговоры. Но, мало-по-малу, общество убѣдилось, что у него впереди предстоитъ такъ много вечеровъ, что ихъ хватитъ и на чтенія, и на дебаты, и на слушаніе исторій матушки-попадьи, и къ матушкѣ-попадьѣ, къ этому «вечернему прибавленію къ утреннимъ газетамъ», стали относиться безъ раздраженія, а, напротивъ того, старались даже втягивать ее въ разсказы. Въ этомъ случаѣ юный учитель отличался особенною способностью заставлять матушку-попадью разсказывать именно то, что ему или кому-нибудь изъ ихъ кружка хотѣлось услышать въ данную минуту. И что это были за разсказы! Если бы человѣкъ прожилъ года Маѳусаила, то и тогда онъ едва ли бы увидѣлъ, услышалъ и испыталъ все то, что видѣла, слышала и испытала матушка-попадья въ сорокъ пять лѣтъ своего земного странствованія. Она видѣла «своими глазами» чуть не сотню привидѣній, при ней заснуло чуть не полсотни лицъ летаргическимъ сномъ, ей пришлось десятки разъ спасаться отъ убійцъ и разбойниковъ «съ такой бородищей», «вотъ съ такими усищами», она не знала числа различнымъ чудесамъ, въ родѣ внезапнаго прозрѣнія слѣпцовъ и изгнанія бѣсовъ изъ кликушъ, — чудесамъ, совершавшимся «на ея глазахъ».

— Если бы она была писательницей, то она написала бы больше романовъ, чѣмъ всѣ настоящіе и будущіе Дюма, вмѣстѣ взятые,—говорилъ про нее учитель.

Въ собраніяхъ маленькаго деревенскаго кружка принимали участіе и дѣти: они или прислушивались къ чтенію и разговорамъ взрослыхъ, или находились около Софьи, играя и слушая ея сказки и разсказы. Имъ жилось теперь хорошо,

Digitized by Google

покойно, уютно, и они смотрѣли такими счастливыми, довольными среди ласкъ и заботъ близкихъ людей, дворни, мужиковъ и бабъ, привѣтливо смотрѣвшихъ на барчатъ.

Особенно полюбилъ тишину и правильность этой жизни Евгеній, въ характерѣ котораго все болѣе и болѣе развивались сосредоточенность, стремленіе уединяться, читать и задумываться. Болѣе всего полюбилъ онъ уходить по вечерамъ въ большую старинную залу библіотеки, всю заставленную массивными шкапами съ книгами и отдѣленную отъ кабинета Олимпіады Платоновны небольшою аркою. Здѣсь у большого круглаго стола съ кипсэками, альбомами и иллюстрированными изданіями, почти утонувъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, обтянутомъ потемнѣвшей отъ времени зеленой кожею, съ книгою въ рукахъ, при свѣтѣ одинокой висячей лампы, мальчикъ готовъ былъ просиживать неподвижно цѣлые часы, читая и прислушиваясь къ долетавшимъ до него звукамъ разговоровъ въ кабинетѣ. Ему нравилось это затишье, это уединеніе, эта полудремота подъ звуки не совсѣмъ ясно слышныхъ голосовъ близкихъ людей. Ему нравилась сама эта комната, просторная, величавая, строгая, если можно такъ выразиться, съ ея тяжелымъ лѣпнымъ потолкомъ, съ ея темными дубовыми шкапами, какъ бы приросшими къ полу, съ ея огромнымъ круглымъ столомъ изъ темнаго же дуба съ крупной рѣзьбой, съ ея мелкими и крупными, тоненькими и распухнувшими книгами въ кожѣ, въ цвѣтной бумагѣ, въ бѣловато-желтомъ пергаментѣ, съ золотыми, красными и пестрыми обрѣзами, съ ея висячею лампою, походившею на старинное, почернѣвшее отъ времени паникадило. Любимою его книгою, послѣ похожденій Гулливера, сдѣлалась «Исторія Донъ-Кихота». Онъ еще не понималъ ея глубокаго смысла, но она его всегда трогала; онъ жалѣлъ бѣднаго рыцаря печальнаго образа и никогда не смѣялся, какъ бы ни были комичны похожденія этого человѣка; комизмъ извѣстныхъ положеній какъ бы ускользалъ отъ его вниманія, и въ его представленіи было только одно сознаніе, какъ печально было въ тотъ или другой моментъ положеніе этого бѣдняка-авантюриста. Похожденія Гулливера увлекли его, какъ увлекаетъ вообще сказка; въ исторіи Донъ-Кихота онъ увидалъ дѣйствительную жизнь и вполнѣ вѣрилъ, что все описанное въ этой книгѣ дѣйствительно случилось, что Донъ-Кихотъ не выдуманный герой, а лицо живое, существовавшее на свѣтѣ. Любилъ онъ также, когда слабые лучи солнца проникали

Digitized by Google

въ комнаты и играли на занавѣскахъ, портьерахъ и стѣнахъ, бродить по портретной галлереѣ, заложивъ за спину руки, какъ дѣлаютъ иногда взрослые, и всматриваться въ лица важныхъ старухъ и стариковъ въ напудренныхъ парикахъ, въ шитыхъ кафтанахъ, въ огромныхъ фижмахъ, въ орденахъ и звѣздахъ. Это были розовыя, широкія, мясистыя и улыбающіяся лица; но, несмотря на сытость, на розовыя щеки, на улыбки, всѣ они внушали уваженіе, всѣ они какъ будто бы говорили, что они сознаютъ свое значеніе. Сотни разъ слышалъ уже мальчикъ біографіи этихъ предковъ и отъ Софьи, и отъ Олимпіады Платоновны, и даже отъ самого Никиты Ивановича, терявшаго всю свою напускную суровость и неразговорчивость, когда заходила рѣчь о «покойныхъ господахъ»; Никита Ивановичъ гордился «своими господами» и ихъ предками и оживлялся, говоря объ этихъ князьяхъ, фельдмаршалахъ, канцлерахъ и посланникахъ. Всѣ разсказы Никиты Ивановича о «старыхъ господахъ» оканчивались однимъ и тѣмъ же изреченіемъ: «не такъ жили, какъ нынѣшніе господа живутъ». И сколько иронiи выражалось въ эти минуты и въ голосѣ Никиты Ивановича, и въ его сжатыхъ презрительно губахъ.

— Крупный народъ тогда былъ!—говаривалъ въ эти минуты Никита Ивановичъ.

И мальчикъ, всматриваясь въ эти портреты, невольно задумывался надъ вопросомъ, почему прежде народъ былъ крупный.

Эти склонности мальчика, зачитывающагося рыцарскими похожденіями Донъ-Кихота и заучившаго чуть не наизусть всѣ мелочныя подробности жизни своихъ отдаленныхъ родственниковъ и предковъ, не только не могли безпокоить никого, но даже не могли показаться никому чѣмъ-то ненормальнымъ. Сама Олимпіада Платоновна въ годы дѣтства просиживала въ этой самой библіотекѣ, плача надъ Клариссой Гарловъ или надъ Элоизой, и въ этой же портретной галлереѣ впервые сознала, что ея предки прошли житейскій путь не какими-нибудь темными личностями, Иванами не помнящими родства, а были всѣмъ извѣстными слугами своей родины, и потому ей было пріятно видѣть, что въ мальчикѣ развивается то же сознаніе, и что съ этимъ сознаніемъ онъ не уронитъ фамильной чести. Миссъ Ольдкопъ тоже не могла протестовать противъ вкусовъ мальчика, такъ какъ чтеніе классическихъ произведеній она считала самымъ благороднымъ занятіемъ, а фамильную гордость ста-

Digitized by Google

вила на степень долга каждаго благороднаго человѣка, говоря, что Англія потому и сильна, что въ ней есть родовая и фамильная честь у руководителей общества. Конечно, ужъ не Софья же, не Никита Ивановичъ могли сказать мальчику, что ему вовсе нечего думать о предкахъ, такъ какъ разсказы о жизни этихъ предковъ были любимыми толками этихъ старыхъ слугъ.

Читая о геройскихъ похожденіяхъ Донъ-Кихота, слушая разсказы тетки о своихъ знаменитыхъ предкахъ, вспоминая порой о богатырскихъ подвигахъ сказочныхъ героевъ, о которыхъ такъ много разсказывала ему Софья, Евгеній задумывался о жизни и нерѣдко, какъ-то невольно, вспоминалъ восклицаніе тетки: «Ну, теперь хоть отдохнемъ отъ этихъ людишекъ!» Отдохнемъ отъ людишекъ! Что хотѣла этимъ сказать тетка? Почему съ этими людишками тяжело жить? Мальчикъ задумывался надъ этими вопросами, и передъ нимъ проходилъ цѣлый рядъ образовъ: мелочно-капризная мать, злобно-придирчивый отецъ, вѣчно сплетничавшая наемная прислуга въ домѣ родителей, «злючка» кузина Мари, ноющая и причитающая «благородная дама» Перцова, всѣ тѣ мелкія и жалкія личности, отъ которыхъ такъ или иначе страдалъ онъ, Евгеній. Да, это-то и есть людишки, не похожіе ни на Донъ-Кихота, ни на его сильныхъ предковъ, ни на твердую по характеру, внушающую уваженіе Олимпіаду Платоновну, ни на преданную Софью, ни на миссъ Ольдкопъ, которая держится такъ прямо и смотритъ такъ гордо, ни на появляющихся въ домѣ бабъ и мужиковъ, грубыхъ на видъ, но ласковыхъ и привѣтливыхъ на дѣлѣ. Если кто здѣсь и былъ похожъ на этихъ людишекъ, такъ это матушка-попадья. Но почему же она похожа на нихъ? «Это мелочная личность», «она вышла изъ того круга, гдѣ часто вырабатываются такія личности», «она не воспитана и потому не мудрено, что она такъ вульгарна», «мелочныя заботы и мелочные интересы хоть кого заставятъ измельчать».—Эти фразы онъ сотни разъ слышалъ въ своемъ кружкѣ про матушку-попадью и сталъ приходить къ заключенію, что жизнь въ домѣ тетки сложилась именно такъ, чтобы въ ней не вырабатывались «людишки».

Что же это была за жизнь? Чѣмъ отличалась она отъ жизни въ домѣ его родителей?

О, развѣ можно было сравнивать эти широкія, высокія, какъ бы величавыя комнаты съ маленькими комнатками квартиры его отца гдѣ черезъ тоненькія стѣны было слышно

Digitized by Google

каждое слово въ сосѣдней комнатѣ, такъ что слуги знали, что говорятъ господа, и потому сплетничали объ этомъ, гдѣ постоянно передъ обѣдомъ разносился повсюду запахъ изъ кухни, что всегда приводило въ бѣшенство его отца и причиняло головныя боли его матери, гдѣ не смолкали грохотъ отъ проѣзжающихъ экипажей, звуки разбитаго фортепьяно сосѣднихъ жильцовъ, топотъ чьихъ-то ногъ надъ потолкомъ и слышались поминутно звонки въ прихожей, споры въ кухнѣ, стукъ падающихъ со спины дворника на полъ дровъ, что опять-таки раздражало его отца, говорившаго, что въ домѣ нѣтъ ни днемъ, ни ночью покоя. Мальчикъ вспоминалъ, какъ въ ихъ петербургской квартирѣ нерѣдко начинались сцены изъ-за того, что во время обѣда въ столовой слышался звонъ разбитой въ кухнѣ посуды, или изъ-за того, что отецъ слышалъ въ кухнѣ громкіе пронзительные голоса пришедшихъ къ кухаркѣ гостей и начиналъ кричать, что его домъ превращаютъ въ кабакъ. Сотни подобныхъ сценъ проходили въ головѣ мальчика, и онъ понималъ, какая пропасть лежитъ между тою и его теперешнею жизнью: здѣсь было такъ тихо, такъ спокойно, такъ чинно. Можетъ-быть, въ кухнѣ и пахло гарью, но этого никто не зналъ; можетъ-быть, въ кухнѣ и били посуду, но этого никто не слышалъ; можетъ-быть, въ кухнѣ и шумѣли гости повара, но ихъ никто не видѣлъ. Здѣсь слуги тоже, вѣроятно, говорили про господъ, но они не смѣли говорить этого при господскихъ дѣтяхъ; господа же здѣсь не вмѣшивались вовсе въ дѣла, въ бытъ, въ разговоры слугъ и не придирались къ нимъ за мелочи, за разбитый стаканъ, за какую-нибудь неловкость; наконецъ и этихъ разбитыхъ стакановъ здѣсь было какъ будто меньше, и эти неловкости какъ будто совершались рѣже. Дѣло въ томъ, что здѣсь у каждаго было свое дѣло, для каждаго дѣла былъ опредѣленъ часъ, для каждаго дѣла были свои правила: буфетчикъ, поваръ, кучеръ, лакей, прачка, всѣ, всѣ здѣсь дѣлали только свое дѣло, и знали, что прачкѣ не придется стирать пять разъ въ мѣсяцъ, когда стирка производилась только дважды въ мѣсяцъ, что повару не придется готовить завтракъ къ двѣнадцати часамъ, когда завтракали только въ часъ, что буфетчика никуда не ушлютъ во время обѣда, когда онъ долженъ служить за столомъ. Эта точность исключала всякую суетливость, всякія замѣшательства. Люди, привыкшіе къ своему дѣлу, исполняли его, какъ машины, точно, ровно, спокойно.

Мальчикъ въ домѣ тетки очень часто слышалъ одну фразу:

Digitized by Google

«воспитаніе, это—все для человѣка». Къ этой фразѣ миссъ Ольдкопъ глубокомысленно прибавляла: «и оно только тогда прочно, когда оно не просто благопріобрѣтенный капиталъ, а родовое наслѣдіе». Но что же такое значитъ воспитаніе? Не то ли, что люди привыкаютъ жить такъ, какъ живутъ здѣсь? Всѣ помнятъ свое дѣло, всѣ знаютъ время для каждаго дѣла, всѣ спокойно исполняютъ свое дѣло. И на немъ, и на его сестрѣ не отразилось ли это воспитаніе? Они теперь меньше капризничаютъ, они ни съ кѣмъ не бранятся, ихъ никто не распекаетъ, они бодро просыпаются въ извѣстный часъ, они быстро засыпаютъ въ опредѣленное время, они не просятъ поминутно ѣсть и—странное дѣло—они такъ много выучиваютъ, а между тѣмъ у нихъ какъ будто столько же остается времени для игры, какъ и прежде. Но прежде они по получасу не могли докликаться няньки, чтобы та ихъ умыла, одѣла и причесала; прежде они по цѣлому часу бродили въ столовой, поджидая обѣда или завтрака, и таская куски сухого хлѣба съ тарелки. Теперь этого ничего нѣтъ: они встаютъ и въ пять минутъ кончается туалетъ; они идутъ въ столовую, и въ столовой все уже готово; они приходятъ учиться, и урокъ сразу начинается, тогда какъ дома мать гнала ихъ отъ себя, когда они приходили къ ней съ азбукой, и иногда не занималась съ ними по цѣлымъ недѣлямъ. «Да, именно это-то и называется воспитаніемъ», думалось мальчику, и изъ разсказовъ тетки и Софьи онъ узналъ, что такъ же воспитывалась и тетка, такъ же воспитывались и его дяди, и его кузены и кузины. Мало-помалу, съ словомъ «воспитаніе», «благовоспитанность» въ умѣ мальчика начало соединяться представленіе о чемъ-то очень хорошемъ, къ чему надо стремиться. Когда при немъ говорили о хорошо воспитанныхъ людяхъ, онъ тотчасъ же думалъ, что эти люди являются контрастомъ «людишекъ», и ему хотѣлось вырасти именно такимъ благовоспитаннымъ человѣкомъ, выдержаннымъ, спокойнымъ, далекимъ отъ мелочныхъ дрязгъ, придирчивости и раздражительности.

Темнымъ пятномъ въ этой свѣтлой жизни мальчика было только воспоминаніе объ отцѣ и матери, неотступно преслѣдовавшее его. Начинались ли разговоры объ отцахъ и матеряхъ, читалась ли книга объ отношеніяхъ дѣтей и родителей, встрѣчалась ли крестьянка-мать съ младенцемъ на рукахъ,—въ головѣ Евгенія тотчасъ же возникали мучительные, неразрѣшимые вопросы: «а гдѣ мои отецъ и мать? почему они бросили насъ? почему они не любили насъ?»

Digitized by Google

Въ эти минуты его лицо дѣлалось печальнымъ, и въ его мозгу начиналась усиленная работа: онъ думалъ, что будетъ, если онъ когда-нибудь встрѣтится съ отцомъ и матерью, что они скажутъ ему, какъ онъ поглядитъ на нихъ? Цѣлый рядъ фантастическихъ сценъ создавался его юнымъ воображеніемъ, и почему-то ему всегда казалось, что онъ встрѣтитъ отца и мать несчастными и спасетъ ихъ, отплатитъ имъ любовью за ихъ грѣхи. Иногда онъ рѣшался спрашивать объ отцѣ и матери у Софьи, у тетки. «Они уѣхали далеко и потому не могли васъ взять съ собою, отвѣчали ему.—Они очень заняты и потому не могутъ писать къ вамъ». Эти отвѣты не удовлетворяли мальчика, но онъ не рѣшался разспрашивать дальше, видя, что на его вопросы отвѣчаютъ неохотно, коротко, не ясно. «Ma tante боится, что я не буду ихъ любить, если она скажетъ, что они меня не любятъ, и потому она не говоритъ о нихъ дурно!» рѣшилъ онъ наконецъ и сталъ все рѣже и рѣже задавать вопросы о нихъ. Окруженный сдержанными людьми, онъ самъ привыкъ быть сдержаннымъ.

Среди всѣхъ этихъ наученныхъ долгимъ опытомъ жизни, такъ сказать «уходившихся» и «выработавшихся» лицъ, окружавшихъ ребенка, была только одна личность совсѣмъ иного склада,—это былъ учитель Петръ Ивановичъ Рябушкинъ.

III.

Что Петръ Ивановичъ Рябушкинъ былъ человѣкъ плохо воспитанный—это былъ несомнѣнный фактъ. Сама Олимпіада Платоновна разъ сказала про него: «это плохо воспитанный, но добрый, прямодушный и очень знающій человѣкъ». Миссъ Ольдкопъ, говоря о немъ, замѣчала: «о, семинаріи даютъ все, кромѣ воспитанія». Такимъ образомъ, сомнѣній насчетъ того, что Рябушкину дано или не дано воспитаніе, не могло быть никакихъ: онъ былъ не воспитанъ—это понимали всѣ,—понимали при первой встрѣчѣ съ нимъ. Отсутствіе какого бы то ни было лоска, какой бы то ни было житейской дрессировки сразу бросалось въ глаза каждому при первомъ взглядѣ на Петра Ивановича: онъ былъ немного дикарь, немного грубіянъ, вовсе не умѣлъ смягчать выраженій, неловкость же его вошла въ поговорку: «неловокъ, какъ Рябушкинъ».

Его рекомендовалъ Олимпіадѣ Платоновнѣ архимандритъ Арсеній, какъ человѣка, отлично и очень рано окончившаго курсъ духовной академіи, и потому она, желая основательно

Digitized by Google

подготовить дѣтей, взяла его въ учителя. Съ первой же встрѣчи они остались довольны другъ другомъ, хотя объясненіе ихъ и было нѣсколько странно и своеобразно. Впрочемъ, можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого они и понравились другъ другу.

— Я учить согласенъ дѣтей, только ужъ гувернерствовать я не буду,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ довольно рѣшительно, желая отстоять свою свободу.—Во-первыхъ, я и не умѣю, а во-вторыхъ, вовсе не люблю таскаться съ этими хвостами, ходящими по пятамъ.

— Да я бы и не согласилась взять васъ въ гувернеры,—такъ же откровенно отвѣтила Олимпіада Платоновна:—а то дѣти ходили бы и немытыми, и нечесанными.

— Это вы справедливо изволили заявить: я въ туалетномъ дѣлѣ плохой знатокъ, — проговорилъ Петръ Ивановичъ.—У насъ этому не обучали.

— А дѣтямъ это необходимо, — сказала Олимпіада Платоновна.

— Конечно, нужно же приличными выглядѣть,—не безъ нѣкоторой иронiи замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, здоровыми нужно быть,—серьезно сказала Олимпіада Платоновна. — Неряшливость не особенно хорошо вліяетъ на здоровье.

— Такъ-съ! — согласился Петръ Ивановичъ, какъ будто немного озадаченный такой постановкой вопроса.—Значитъ, гувернерствованіе по боку, ну, а въ остальномъ я согласенъ принять ваше предложеніе.

На немъ былъ довольно потертый сюртукъ; архимандритъ Арсеній говорилъ, что онъ со своею матерью, обремененною малолѣтними дѣтьми, страшно бѣдствуетъ, но Рябушкинъ велъ переговоры такимъ тономъ, который не допускалъ и мысли о томъ, что учитель пойдетъ на всѣ сдѣлки изъ-за куска хлѣба. Это понравилось Олимпіадѣ Платоновнѣ такъ же, какъ понравилась ей и откровенная, полная молодого здоровья физіономія этого «косматаго дикаря», — какъ мысленно назвала его Олимпіада Платоновна при первомъ взглядѣ на него.

— О мелкихъ подробностяхъ мы переговоримъ послѣ,— замѣтила она, выслушавъ его отвѣтъ.—Но я впередъ вамъ должна сказать, какъ я смотрю на дѣло, за которое вы беретесь. При домашнемъ воспитаніи дѣтей, особенно нынче, очень часто ученье обращается въ забавную и легкую игру: вздумалось учиться дѣтямъ—учатся, захотѣлось полѣниться—

Digitized by Google

обходится и безъ уроковъ; вздумалъ учитель начать въ часъ занятія—въ часъ и начинаетъ, а пришла охота съ десяти часовъ сѣсть за уроки — ну, съ десяти и учить. Говорятъ, принуждать не слѣдуетъ дѣтей, свободу нужно имъ давать, ну, а я думаю, что прежде всего надо пріучить дѣтей къ правильной работѣ.

— Безъ порядка нельзя же жить, — закончилъ Петръ Ивановичъ съ улыбкой.

Онъ ужасно почему-то не любилъ «порядочныхъ» и «аккуратныхъ» людей и выражался про нихъ: «нѣмцы съ циркулемъ».

— Нѣтъ, безъ серьезнаго взгляда на дѣло нельзя жить,— коротко сказала Олимпіада Платоновна. — У насъ и безъ того въ натурѣ относиться ко всему халатно, спустя рукава, и говорить, что дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ. Оно, пожалуй, и вѣрно, что дѣло не убѣжитъ, но оно и не сдѣлается, если его не дѣлать. Воспитывать этотъ духъ въ дѣтяхъ, значитъ—развивать въ нихъ шалопаевъ. Ну, а ихъ и безъ того у насъ непочатый уголъ. Я вообще не знаю худшаго зла, чѣмъ халатность и распущенность въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Мы вѣдь, главнымъ образомъ, всѣ только тѣмъ и страдаемъ, что лежимъ на боку, бьемъ баклуши да все на кого-то жалуемся.

Петру Ивановичу показалось, что Олимпіада Платоновна подозрѣваетъ его въ этихъ русскихъ грѣхахъ, и онъ обидѣлся и вскипятился. Онъ былъ убѣжденъ, что эта «барыня» въ душѣ его презираетъ, вовсе еще не зная его, — презираетъ «по принципу», приписывая ему желаніе и кое-какъ дѣлать дѣло, и даромъ получать деньги.

— Вы, вѣроятно, не хотите этимъ сказать, что я именно такъ отнесусь къ дѣлу,—замѣтилъ онъ рѣзко и задорно:—такъ какъ не имѣете еще для этого подозрѣнія никакихъ основаній!

— Нѣтъ! Я просто высказываю вамъ свой взглядъ на дѣло,—отвѣтила Олимпіада Платоновна съ улыбкой, понявъ причину его задора. — Впрочемъ, высказываю я его вамъ прямо и рѣзко не безъ основанія. Вамъ, кажется, показалось нѣсколько смѣшно, что я придаю большое значеніе внѣшней чистоплотности дѣтей, въ которой я вижу одинъ изъ залоговъ здоровья, и потому я сочла нужнымъ на первыхъ же порахъ сказать, что я придаю еще болѣе значенія нравственной чистоплотности, зная, что нравственная неряшливость и разгильдяйство не особенно способствуютъ выработкѣ честныхъ людей.

Digitized by Google

Оборотъ вопроса вышелъ опять нѣсколько неожиданный для Петра Ивановича, и онъ не нашелся, что возражать.

Съ минуту продолжалось натянутое молчаніе. Олимпіада Платоновна прервала его первая.

— Вообще, — сказала она тономъ откровенности: — я не знаю, впередъ, поладимъ ли мы, уживемся ли мы, такъ какъ мы, вѣрно, на многое смотримъ, — я сверху, вы снизу. Но впередъ вамъ скажу: грубите мнѣ, какъ угодно, но говорите правду, — она улыбнулась ласковой улыбкой, всегда совершенно преображавшей ея некрасивое лицо: — ну, и я въ долгу не останусь, тоже грубить буду...

— И говорить правду? — спросилъ Петръ Ивановичъ, добродушно разсмѣявшись.

— Ахъ, у меня-то это даже и не добродѣтель, — съ нѣсколько грустной улыбкой замѣтила она.—Я говорю правду, потому что не хочу дѣлать надъ собой усилій для лжи. Когда можешь идти большой дорогой, проселками колесить не зачѣмъ.

— Что правда, то правда!—сказалъ онъ.

— Ну, значитъ, мы покончили договоръ, а тамъ: поладимъ—поживемъ, не поладимъ—разъѣдемся,—закончила она.

Онъ поднялся съ мѣста, чтобы откланяться.

— Да, мы забыли одинъ важный пунктъ, — остановила его Олимпіада Платоновна.—Какъ вамъ угодно будетъ получать жалованье, помѣсячно или по третямъ?

Петръ Ивановичъ вдругъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и, комкая въ рукахъ шапку, пробормоталъ съ напускною небрежностью, которая ему вовсе не удалась:

— Это... это... рѣшительно все равно!

— Мнѣ удобнѣе дѣлать рѣже счеты и потому будемте считаться по третямъ,—сказала Олимпіада Платоновна.

Онъ все продолжалъ вертѣть шапку и какъ-то глухо, точно что-то вдругъ сдавило ему горло, проговорилъ:

— Зачѣмъ же... помѣсячно бы...

Олимпіада Платоновна подняла на него ласковые, проницательные глаза.

— Ну, эту уступку ужъ сдѣлайте мнѣ, не люблю я копеечныхъ счетовъ и чѣмъ рѣже съ ними возиться, тѣмъ лучше для меня, старухи,—проговорила она и вынула изъ портфеля деньги.—Вотъ вамъ за первую треть, а тамъ...

Онъ быстро протянулъ руку и вдругъ остановился.

— Нѣтъ, какъ же... — пробормоталъ онъ въ нерѣшительности.

Digitized by Google

— Да вѣдь мы же ѣдемъ послѣзавтра и, вѣроятно, до отъѣзда не увидимся, такъ должна же я вамъ заплатить,— сказала она, подавая деньги и поднимаясь съ мѣста.—Времени у меня мало осталось, такъ ужъ не взыщите, что короче ознакомимся не здѣсь, а въ дорогѣ да тамъ, на мѣстѣ...

Она протянула ему свою широкую, почти мужскую руку и удалилась, ковыляя, изъ комнаты.

Петръ Ивановичъ вышелъ отъ нея въ какомъ-то туманѣ: у него были въ рукахъ деньги, большія деньги, за четыре мѣсяца впередъ, а еще часъ тому назадъ онъ все думалъ и раздумывалъ, какъ перебьется въ теченіе мѣсяца его мать съ «ребятишками» до полученія имъ жалованья, гдѣ онъ прикупитъ въ деревнѣ хоть пару сорочекъ, какъ онъ поѣдетъ въ своемъ легкомъ пальто въ дорогу; онъ вспомнилъ, какъ онъ испугался, когда Олимпіада Платоновна сказала, что будетъ разсчитываться по третямъ, и ему представилась вся комичность его фигуры въ эту минуту, когда онъ готовъ былъ или выторговать плату помѣсячно, или отказаться отъ мѣста, такъ какъ въ четыре мѣсяца до полученія жалованья могла бы умереть съ голоду его мать, да и съ него могла бы свалиться послѣдняя рубашка. «И туда же хорохорился: мнѣ все равно, какъ получать, помѣсячно или по третямъ!»—думалъ онъ, и самъ хохоталъ надъ собою, называя себя мысленно «голью перекатной».

— Ну, что, голубчикъ, какъ?— спросила его робко старуха-мать, встрѣчая его дома.

— Ничего, поладили!—весело проговорилъ онъ. —Баба добрая, прямая! Уродъ она, а славная баба! И деньжищъ вонъ сколько отвалила!

Онъ вывалилъ на столъ пачку кредитныхъ билетовъ, вытащивъ ихъ изъ кармана панталонъ. Мать набожно перекрестилась.

— Спаси ее, Господи!—проговорила старушка.

— Ну, что ты въ самомъ дѣлѣ, мать, какъ за благодѣтельницу, ужъ и молиться за нее начала!—засмѣялся онъ.— За работу тоже дала, а не даромъ... Еще, можетъ-быть, такъ насядетъ за эти деньги, что и небо съ овчинку покажется!

— Голубчикъ ты мой, другіе и насядутъ, и не дадутъ ничего,—проговорила мать.

— И то правда!—согласился онъ и, вдругъ встряхнувъ головою, любовно взглянулъ на старушку.—Ну, теперь, мать, полно голодать и тебѣ съ ребятишками! Поскучаешь безъ

Digitized by Google

меня, ну, да что дѣлать? Поживу тамъ, скопимъ что-нибудь, а тамъ—живы будемъ—увидимъ.

Онъ обнялъ любимую старуху, посвятившую всю жизнь на воспитаніе своихъ дѣтей.

Олимпіада Платоновна была тоже очень довольна имъ.

— Какъ вамъ показался учитель-то?—спрашивала у нея вечеромъ Софья.

— Совсѣмъ еще молодымъ пѣтушкомъ наскакиваетъ, а ничего, душа на ладони, — отвѣтила Олимпіада Платоновна.

Она разсмѣялась и начала шутливо разсказывать о своихъ переговорахъ съ Рябушкинымъ. Отъ ея наблюдательнаго взгляда не ускользнула ни одна мелочь. Она очень комично передала и его фразу о томъ, что ему все равно, какъ получать жалованье, и его страхъ, когда она рѣшила давать ему жалованье по третямъ, не прибавивъ при этомъ слова «впередъ». Софья смѣялась.

— Совсѣмъ еще зеленый, — закончила княжна. — Только бурсы на немъ много налипло. Ты его, Сонька, возьми въ руки и отмой, непремѣнно отмой!

И дѣйствительно, Софья занялась «отмываніемъ» его. Съ нею онъ сошелся сразу, безъ церемоній, безъ недомолвокъ, какъ съ равною себѣ. Она тоже не стѣснялась съ нимъ и относилась къ нему съ фамильярностью старой няньки или старой ключницы, наставляющей молодого человѣка. Много она уже видѣла на своемъ вѣку такихъ-то «поповичей неотесанныхъ», какъ она выражалась, и особенно церемониться съ ними не видѣла надобности. «Тоже не въ барскихъ покояхъ, а у насъ въ людскихъ да въ дѣвичьихъ пороги обивали»,—говорила она про людей этого сорта.

Какъ-то онъ, осматривая комнатныя украшенія въ Сансуси, замѣтилъ Софьѣ:

— И деньжищъ же, должно-быть, много даромъ ухлопалъ князь на эти затѣи, благо деньги-то дешево отъ мужиковъ доставались!

— Ну да, батюшка, и у васъ, вѣрно, ихъ много, что вы ихъ зря разбрасывать научились,—сказала Софья.

— Я? Съ чего это вы взяли? — удивился озадаченный Петръ Ивановичъ.

— А если бы мало было, такъ берегли бы ихъ на дѣло,— сказала Софья.—А то такъ изводите!

— Что вы городите чепуху! — воскликнулъ Петръ Ивановичъ.

Digitized by Google

— Не чепуху, а правду говорю,—сказала Софья.—Вонъ у васъ бѣлье-то прохудилось...

— А! Это вы изволите подтрунивать надъ бѣдностью моего туалета,—сказалъ Петръ Ивановичъ, смѣясь.

— Нѣтъ, не подтруниваю, а сержусь на васъ!—сказала Софья.—Если бы вы деньги-то берегли да цѣну имъ знали, вы бы и сказали: «Софья Ивановна, пересмотрите мое бѣлье да зашейте маленькія дырочки, чтобы изъ нихъ большихъ не сдѣлалось, а то мнѣ новыя сорочки покупать придется, капиталовъ же на это лишнихъ не припасено». Такъ нѣтъ, рвете себѣ сорочки; изорву, молъ, не велика важность, новыя куплю, намъ деньги ни почемъ.

— Ну, это не оттого, что деньгами я сорить привыкъ, а отъ несообразительности,—улыбнулся Петръ Ивановичъ.

— А простыню вчера тоже, поди, отъ несообразительности сожгли папиросой?—спросила Софья.

— А это отъ неосторожности,—съ комической внушительностью пояснилъ Петръ Ивановичъ.—А ужъ вы-то, я думаю, бранили меня, бранили, когда вамъ объ этомъ доложили?

— Бранила, бранила и еще бранить буду!—сказала Софья.

Она опустила свое шитье и сложила на колѣняхъ руки. Петръ Ивановичъ сидѣлъ противъ нея, облокотившись руками на колѣни и опустивъ на ладони подбородокъ. Оба они смотрѣли другъ на друга вполнѣ дружески и говорили совершенно спокойно.

— Отчего же вы прожгли простыню-то?—спросила Софья.

— Папиросу курилъ въ постели и задремалъ съ нею,—отвѣчалъ точно на допросѣ Петръ Ивановичъ.

— А пепельницы развѣ нѣтъ въ комнатѣ?—допрашивала Софья.

— Въ комнатѣ есть, а на постели не было, — такъ же пояснилъ онъ.

— А взять нельзя было?—продолжала допрашивать она.—Развѣ это порядокъ? Лѣнь сдѣлать все, какъ слѣдуетъ, вотъ вещи и портите!

— Ужъ очень вамъ жаль этой простыни? — проговорилъ Петръ Ивановичъ съ улыбкой.

— Не простыни жаль, а васъ жаль!—сказала Софья.—Вѣдь если вы всю жизнь такъ жить будете, такъ весь вѣкъ только и будете добро даромъ изводить. Польза-то отъ этого кому? Купцамъ развѣ благодѣтельствовать хотите; я, молъ, добро изводить буду, а они пусть, молъ, больше продаютъ. Такъ этакъ-то вонъ у насъ одинъ сынъ откупщика прямо

Digitized by Google

бумажки жечь: возьметъ это деньги, свернетъ въ трубочку да папиросы и закуриваетъ. Хорошо? И капиталы у васъ, что ли, наслѣдственные есть, что сегодня сорочку отмызгать въ тряпки можете, завтра простыню папиросами сжечь, тамъ галстукъ на полу гдѣ-нибудь вывалять, какъ тряпку, а потомъ на шею одѣть...

Петръ Ивановичъ расхохотался звонкимъ молодымъ смѣхомъ.

— И галстука не забыли?—воскликнулъ онъ.—Всѣ грѣхи припомнили.

— Да какъ же не припомнить! — сказала Софья. — Намедни прихожу къ вамъ, а вы мечетесь по комнатѣ. Что, говорю, стряслось?—«Галстукъ, отвѣчаете, проклятый, затерялся, полчаса не могу найти!» Стала искать, а онъ подъ кроватью валяется. Нашли для него мѣсто!

— Грѣхи, грѣхи все, Софья Ивановна!—шутливо проговорилъ Петръ Ивановичъ, едва сдерживая свой смѣхъ.

— Да грѣхи и есть! — подтвердила она серьезно. — Не пріучили васъ съ дѣтства-то къ аккуратности, къ опрятности да къ порядку, вотъ вы и вышли лодыремъ. Ей-Богу! Вѣдь вотъ будете своимъ домомъ жить, женитесь, такъ жена да прислуга наплачутся съ вами. Хуже чѣмъ за самыми важными господами ходить за вами придется.

— Ну, ужъ будто и такъ! — смѣялся Петръ Ивановичъ.

— Да это вѣрно! — утвердительно сказала Софья. — Или ходи да прибирай за вами, или въ грязи потонете да оборванцемъ ходить будете. И какъ это вамъ самимъ не надоѣстъ каждый день то то, то другое искать: сегодня карандашъ завалился куда-то, завтра книгу чуть не въ грязномъ бѣльѣ искать будете; а тамъ, глядишь, въ стаканъ воды нальете, а въ немъ пепелъ да окурки отъ папиросъ валяются...

— Совсѣмъ, значитъ, мужикъ неумытый?—сказалъ Петръ Ивановичъ.

Софья вдругъ загорячилась.

— Ну, вы съ мужиками-то не ровняйтесь!—проговорила она.—Это напрасно! Много ихъ есть такихъ-то неотесовъ, что хуже свиней живутъ, такъ за это ихъ хвалить нечего да и говорить-то, судя по нимъ, нельзя, что весь народъ такъ живетъ. Вы вонъ посмотрите, какъ многіе малороссы живутъ—любо-дорого: и чистота, и порядокъ, и хатка, какъ игрушечка, бѣлая. Тоже вонъ къ молоканамъ загляните: и чистоплотный, и степенный народъ. А тоже вѣдь мужики,

Digitized by Google

чай, не изъ князей вышли, не за мамушками и нянюшками росли. Да вонъ у меня сестра и по сю пору здѣсь живетъ, за мужикомъ замужемъ, а взгляните, какъ въ избѣ-то у нея все ведется, какъ дѣти ходятъ — у просвирни, когда просфоры печетъ, поди, чистоты меньше... Нѣтъ, вы приглядитесь да прислушайтесь, такъ и не станете хвастать, что на мужика своимъ разгильдяйствомъ похожи: мужикъ мужику рознь, а на самаго ледащаго изъ нихъ походить тоже не большая честь.

Петръ Ивановичъ молча слушалъ ее и любовался оживленіемъ симпатичной ему женщины. Онъ уже узналъ, что Софья, какъ это ни казалось странно, всегда волновалась и горячилась, какъ только заходила рѣчь о важныхъ господахъ или о простомъ народѣ: обидѣть въ разговорѣ важныхъ баръ или простыхъ мужиковъ значило вызвать цѣлую бурю со стороны этой старой служанки.

— Нѣтъ, все это отъ того, что домовитости въ васъ нѣтъ, — спустя минуту продолжала Софья: — въ семьѣ вы, видно, не жили, горя съ ней не испытали...

— Ну, можетъ-быть, горя-то и хватилъ на свою долю,— вставилъ Петръ Ивановичъ.

— Это вы про то, что въ бурсѣ-то васъ сѣкли? — засмѣялась Софья.—Такъ это горе до первыхъ новыхъ вѣниковъ зажило. Нѣтъ, голубчикъ мой Петръ Ивановичъ, не это горе осторожнымъ, домовитымъ да осмотрительнымъ дѣлаетъ, а то горе, когда въ семьѣ хлѣба мало, да когда человѣкъ пріучается не крошить его даромъ, да по полу не раскидывать. Вотъ вы, поди, знаете, что люди простые говорятъ дѣтямъ: «хлѣбъ даръ Божій, его грѣхъ на полъ бросать». Ну, такъ вотъ эту самую поговорку-то, вѣрно, тогда люди и придумали, когда хлѣбъ у нихъ былъ на исходѣ.

Петръ Ивановичъ не спускалъ съ Софьи глазъ, сдѣлавшихся такими задумчивыми и ласковыми, какими они не часто бывали у него. Его и подкупалъ, и удивлялъ здравый смыслъ этого простого человѣка.

— Вы забыли, видно, Софья Ивановна, что и я бѣдной матери сынъ,—замѣтилъ онъ.

— Да только не у нея вы выросли; сами же говорили, что она по людямъ жила, чтобы васъ поднять на ноги,— сказала Софья.—Вотъ васъ и не научили крошекъ хлѣбныхъ на полъ не сорить... Да такъ-то и во всемъ, въ бѣдной да въ хорошей семьѣ человѣкъ заботливымъ да болѣющимъ о всякомъ добрѣ дѣлается, — продолжала она развивать свою

Digitized by Google

мысль. — Лоскуточекъ найдетъ — спрячетъ, наберется ихъ много, глядишь, и одѣяло вышло. Пришелъ домой—хорошую одежду снялъ да затрапезную надѣлъ, чтобы на работѣ даромъ не драть того, что не легко досталось. Вы, вонъ, пройдитесь по деревнѣ: богатую семью отъ бѣдной не сразу отличите, потому иная семья въ грязи тонетъ, а деньги въ кубышку прячетъ; хорошую же, согласную семью сейчасъ отличите отъ дурной да несогласной: у первой порядокъ есть, и дѣти умыты да причесаны, а во второй...

— Окурки папиросъ въ стаканы кладутъ? — шутливо перебилъ ее Петръ Ивановичъ съ добродушной улыбкой.

— Ну, хоть и не это, а похоже на то,—съ такой же улыбкой согласилась Софья, складывая работу и поднимаясь съ мѣста. — Опять я заболталась съ вами, а все потому, что учить васъ много—охъ, какъ много,—надо! Вотъ маменькѣ отпишите, что нашлась, молъ, здѣсь опекунша и наставница непрошенная для васъ...

Она неторопливо вышла изъ комнаты, оставивъ Петра Ивановича одного. Не перемѣняя своей позы, опустивъ еще ниже на ладони свою курчавую голову, онъ задумался...

Правильны или неправильны были всѣ подобные взгляды, не разъ высказывавшіеся въ той или другой формѣ Петру Ивановичу Софьей и Олимпіадой Платоновной,—дѣло было не въ томъ. Но это были взгляды, безповоротно установившіеся, вошедшіе въ плоть и кровь высказывавшихъ ихъ лицъ. А у Петра Ивановича всѣ взгляды на будничную, практическую жизнь были только простыми порывами, выраженіемъ молодого задора, проявленіями неопытности и непрактичности. Княжна сказала какъ-то про него: «его всему, всему обучили, только забыли ему сказать, которой рукой надо класть въ ротъ ѣду и какъ надо отрѣзать себѣ кусокъ мяса на тарелкѣ, и кто ему какъ это укажетъ, такъ онъ и будетъ дѣлать». И она была права. Выработавшійся и сложившійся постепенно въ сотни лѣтъ строй жизни въ барскомъ домѣ былъ гораздо сильнѣе воспринятыхъ отъ товарищей въ бурсѣ и академіи привычекъ и развившихся въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ вкусовъ молодого человѣка. Всякія шероховатости въ немъ сглаживалъ этотъ изо-дня въ день точно и неизмѣнно повторявшійся строй жизни, какъ морская волна сглаживаетъ шероховатости попавшаго на берегъ голыша, катая его неустанно изо-дня въ день, изъ часу въ часъ между другими прибережными, уже принявшими извѣстную форму, камнями.

Digitized by Google

Это не ускользнуло отъ вниманія Евгенія, не ускользнуло уже потому, что при немъ и тетка, и Софья нерѣдко повторяли: «А каковъ нашъ Петръ Ивановичъ сдѣлался, совсѣмъ салонный франтъ!» Миссъ Ольдкопъ тоже замѣчала: «О, у него совсѣмъ облагородились манеры». Вліяніе среды тѣмъ болѣе отражалось на немъ, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался и къ Софьѣ, и къ Олимпіадѣ Платоновнѣ, и къ Евгенію. Онъ видѣлъ въ этихъ людяхъ много сердечной доброты, много правдивости, много здраваго смысла. Въ Евгеніи же Рябушкина поражала недѣтская вдумчивость, крайняя любознательность и чрезвычайная, почти болѣзненная чуткость, при которой мальчикъ сразу угадывалъ настроеніе окружающихъ его лицъ. Правда, Евгеній въ послѣднее время смотрѣлъ здоровѣе, онъ былъ веселъ, онъ любилъ возиться съ Петромъ Ивановичемъ, который былъ не прочь пошкольничать, но онъ продолжалъ оставаться нервнымъ ребенкомъ, былъ всегда какъ бы «насторожѣ», словно слѣдилъ за собою, и въ минуты его самой ребяческой рѣзвости довольно было сказать ему рѣзкое слово или сдѣлать недовольную мину, чтобы онъ сразу стихъ, какъ бы ушелъ въ себя, подобно улиткѣ, уходящей въ свою раковину при едва ощутительномъ прикосновеніи. Съ такимъ ученикомъ не для чего было сердиться и горячиться, такъ какъ это было вовсе не нужно, чтобы онъ слушался; съ такимъ ученикомъ нечего было опасаться и его назойливости въ минуты нерасположенія учителя, такъ какъ онъ угадывалъ по лицу, какъ настроенъ наставникъ. Миссъ Ольдкопъ называла Евгенія «деликатной натурой». Рябушкинъ называлъ его «человѣкомъ со смысломъ».

Уже къ концу лѣта Рябушкинъ совершенно сжился со всею семьею княжны Олимпіады Платоновны, сталъ настолько своимъ человѣкомъ, что помогалъ княжнѣ сводить разные счеты, иногда предлагалъ ей свои услуги въ качествѣ секретаря, когда у нея случалась необходимость писать какія-нибудь дѣловыя письма или бумаги. Необходимость въ писаніи подобныхъ бумагъ встрѣчалась нерѣдко, такъ какъ бывшіе крѣпостные ея брата князя Алексѣя Платоновича часто обращались къ посредничеству княжны Олимпіады Платоновны, и она очень горячо отстаивала ихъ интересы передъ братомъ или, вѣрнѣе сказать, передъ его женой, княгиней Марьей Всеволодовной, правившей дѣлами мужа. Кромѣ того, въ жизни учителя въ этомъ домѣ бывали и не просто тихіе и спокойные дни сытаго существо-

Digitized by Google

ванія, но и такія минуты, которыя остаются надолго въ памяти, говоря человѣку, что онъ былъ не чужимъ въ томъ или другомъ кружкѣ людей. Впервые понялъ ясно Петръ Ивановичъ, что его здѣсь не считаютъ чужимъ, что его любятъ искренно, что о немъ заботятся, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своего переселенія въ Сансуси.

Какъ-то разъ ему привезли съ почты письмо и посылку. Онъ распечаталъ письмо, сталъ его читать, и его лицо озарилось ясной улыбкой:

— О, глупая, глупая! — съ добродушной грубостью проговорилъ онъ вслухъ, качая головой.

Въ комнатѣ былъ Евгеній и его заинтересовало это восклицаніе.

— Про кого это вы говорите, Петръ Ивановичъ?—спросилъ онъ.

— Да про мать!—отвѣтилъ, улыбаясь счастливой улыбкой, Петръ Ивановичъ. — Вотъ къ именинамъ шарфъ и носки сама связала!

Онъ быстро сталъ распаковывать посылку, вытащилъ длинный шерстяной шарфъ и примѣрилъ его.

— Вонъ какой красный да длинный вывязала! До Сибири доѣдешь—горла не застудишь!—смѣялся онъ, и Евгенію показалось, что въ его глазахъ стоятъ слезы.

— Вы очень любите свою мать? — спросилъ Евгеній дрогнувшимъ голосомъ, вспоминая о своей матери.

— Добрая, добрая старуха! — отвѣтилъ быстро Петръ Ивановичъ, взглянувъ въ сторону, и поспѣшно уложилъ присланныя вещи снова въ ящикъ. — Ну-съ, а какъ наши уроки? Что мы будемъ сегодня дѣлать? — началъ онъ торопливо, копаясь что-то слишкомъ долго около комода, куда пряталъ присланный ящикъ. — Вы задачи-то, кажется, не рѣшили? Видно, опять Донъ-Кихотомъ долго услаждались или съ предками бесѣдовали въ портретной галлереѣ? И когда это вы перестанете тревожить ихъ прахъ?

Онъ, кажется, говорилъ только для того, чтобы говорить и не думать о чемъ-то другомъ, назойливо лѣзшимъ ему теперь въ голову при воспоминаніи о старухѣ-матери, о далекихъ дняхъ, быть-можетъ, когда и у него было еще свое гнѣздо, своя семья, собиравшаяся вмѣстѣ въ тѣсный кружокъ отпраздновать именины крошечнаго ребенка Пети.

— А ваши именины завтра?— спросилъ Евгеній, не отвѣчая на вопросы учителя.

— Завтра, завтра, да дѣло не въ нихъ, а вы не отви-

Digitized by Google

ливайте отъ задачи; я ее за васъ рѣшать не буду,—отрывисто сказалъ Петръ Ивановичъ и въ его голосѣ послышалось даже раздраженіе.—Идите-ка лучше въ классную и тамъ въ тишинѣ загладьте раскаяньемъ грѣхъ непониманія!

Евгеній какъ будто только того и ждалъ: онъ быстро выбѣжалъ изъ комнаты и направился вовсе не въ классную, а къ теткѣ.

— Ma tante, милая, Петръ Ивановичъ завтра именинникъ!—впопыхахъ проговорилъ онъ, подбѣгая къ теткѣ.—Мать его прислала шарфъ красный-красный и носки въ подарокъ! Милочка, голубчикъ, какъ же я-то?

Евгеній развелъ руками, какъ бы говоря, что онъ совсѣмъ потерялъ голову, не зная, что ему дѣлать.

— Ахъ, какъ же это никто не зналъ!—взволновалась въ свою очередь и Олимпіада Платоновна.—Скрытничаетъ еще все, церемонится... И я-то тоже хороша, не спросила его, лѣтомъ или зимою онъ именинникъ... Прачекъ и конюховъ дарю и праздники имъ дѣлаю въ дни ихъ именинъ, а тутъ своего человѣка, добраго пріятеля забыла...

Старуха встревожилась не на шутку. Въ ихъ семьѣ никогда не забывали о дняхъ именинъ даже самыхъ послѣднихъ слугъ. А тутъ вдругъ забыли справиться, когда именинникъ учитель!

— Голубчикъ, ma tante, ѣздового пошлите, скоро и пусть купитъ! — заговорилъ быстро Евгеній. — Чтобы къ утру, какъ проснется... помните, ma tante, какъ я вамъ въ ваше рожденье цвѣты у постели поставилъ... вы проснулись и ахнули... Я сейчасъ, сейчасъ велю позвать Ивана... скоро... скоро...

— Постой, постой, вьюнъ! — остановила его Олимпіада Платоновна, любовавшаяся его оживленіемъ.—У меня есть часы... хорошіе часы...

— И съ цѣпочкой, ma tante?—быстро спросилъ Евгеній, заглядывая ей въ лицо.

— И съ цѣпочкой, — улыбнулась тетка на его наивный вопросъ, открывая одинъ изъ ящиковъ своего маленькаго бюро.—Вотъ они.

— И въ бархатной коробочкѣ! въ бархатной коробочкѣ! — воскликнулъ мальчуганъ, хлопая въ ладоши. — Ma tante! дайте взглянуть, дайте взглянуть!.. Я самъ, ma tante, самъ положу ему на столъ... самъ... Всю ночь не буду спать и буду ждать, когда онъ проснется!

Евгеній былъ счастливъ и ходилъ весь день съ какимъ-то

Digitized by Google

праздничнымъ выраженіемъ лица. Петръ Ивановичъ замѣтилъ это и сказалъ шутливо Олимпіадѣ Платоновнѣ, что Евгеній, кажется, «выигралъ сегодня генеральное сраженіе съ математическимъ непріятелемъ». Олимпіада Платоновна, зная причину праздничнаго настроенія мальчугана, молча улыбнулась въ отвѣтъ на это замѣчаніе и подмигнула Евгенію. Ее тѣшило заблужденіе учителя. Вечеромъ Евгеній, спавшій въ одной комнатѣ съ Петромъ Ивановичемъ, хотя у послѣдняго и была отдѣльная комната, находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи и раза три спрашивалъ:

— Вы спите, Петръ Ивановичъ?

— Не сплю,—отвѣчалъ учитель.—А что?

— Нѣтъ, я такъ, — стихнувшимъ голосомъ произносилъ Евгеній.

Петръ Ивановичъ, какъ на зло, долго не могъ уснуть. Наконецъ, въ комнатѣ послышалось легкое храпѣнье учителя, и мальчикъ на цыпочкахъ подкрался къ его постели, ощупалъ ночной столикъ и положилъ на него открытый футляръ съ золотыми часами. Онъ находился въ такомъ настроеніи духа, что готовъ былъ тотчасъ же разбудить Петра Ивановича. Добравшись до своей постели, онъ далъ себѣ слово не спать всю ночь, пока не проснется утромъ учитель и, улыбаясь сладкою улыбкою, стараясь всмотрѣться въ темноту, черезъ пять минутъ заснулъ безмятежнымъ сномъ счастливаго ребенка.

Когда по утру онъ открылъ глаза, въ комнатѣ было уже свѣтло. Онъ быстро взглянулъ на постель у противоположной стѣны и увидалъ Петра Ивановича, сидѣвшаго на постели, спустивъ съ нея ноги и держа въ рукахъ футляръ съ часами. Мальчикъ нѣсколько мгновеній любовался этою красивою, здоровою фигурою, этимъ прекраснымъ молодымъ лицомъ съ густыми, всклоченными и вьющимися русыми волосами. Потомъ онъ не выдержалъ, вскочилъ съ постели, подбѣжалъ въ одной рубашонкѣ къ Петру Ивановичу и, не давъ ему времени опомниться, обвилъ руками его шею и звонко поцѣловалъ его.

— Поздравляю, поздравляю!.. Вы не сердитесь?.. Это вамъ ma tante... Она велѣла положить, чтобы... Да вы сердитесь?

Евгеній вдругъ смолкъ и пугливо взглянулъ въ лицо Петра Ивановича: оно было ласково и привѣтливо.

— Хорошій вы человѣкъ, Женя, — проговорилъ Петръ Ивановичъ. — Дай Богъ, чтобы всегда были хорошимъ человѣкомъ.

Digitized by Google

Онъ посадилъ мальчика къ себѣ на колѣни и погладилъ его по головѣ.

— Любите, милый мой, людей, каковы бы они ни были и сколько бы зла они ни сдѣлали вамъ лично, — проговорилъ онъ какъ-то сердечно и мягко. — Добрые порывы, добрыя чувства, все это такія сокровища, которыхъ ничѣмъ не купишь, и потому ихъ нужно беречь. Вотъ мы до сихъ поръ жили только въ ладу съ вами, а теперь, когда я поближе узналъ, какой вы чуткій человѣкъ, мы совсѣмъ друзьями будемъ. Такъ? И навсегда?

— Да, да,—шепталъ мальчикъ, сжимая его руку и прижимаясь къ его плечу головой.

И въ самую эту минуту вдругъ въ головѣ Петра Ивановича пронеслась какая-то нехорошая мысль, вызвавшая на его лицо совсѣмъ мрачное выраженіе. Онъ нахмурилъ немного лобъ и отрывисто проговорилъ:

— Вы, конечно, понимаете, Евгеній, что я васъ не за то благодарю, что вы мнѣ вонъ часы дорогіе подарили.

— Да, да, знаю!—тихо проговорилъ Евгеній.

Петръ Ивановичъ сжалъ ему еще разъ руку и, встряхнувъ головой, бодро сказалъ:

— Ну, маршъ, теперь одѣваться, а то будить еще придутъ!

Евгеній весело побѣжалъ къ своей постели, около которой было сложено платье...

А въ столовой у прибора учителя стоялъ букетъ, за обѣдомъ прибавилось два прибора для «батюшки» и для «матушки», вечеромъ подавалось какое-то небудничное угощеніе. Олимпіада Платоновна любила устраивать подобные праздники для близкихъ къ ней людей.

Въ этотъ вечеръ, прощаясь съ Олимпіадой Платоновной, когда уже всѣ разбрелись изъ кабинета княжны, Петръ Ивановичъ впервые поцѣловалъ ея руку и проговорилъ:

— Спасибо вамъ!

— Ну, наконецъ-то, сказалъ спасибо! — засмѣялась она ласковымъ смѣхомъ. — А то я по чину первая благодарить не хотѣла, благодарность же такъ и вертѣлась на языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Ивановичъ,— продолжала она уже совсѣмъ серьезно: — я очень, очень обязана вамъ: дѣти учатся хорошо, успѣхи сдѣланы большіе, но дѣло не въ томъ, такъ какъ я и брала васъ, зная васъ за человѣка съ познаніями. Но вы сдѣлали больше. Помните, вы сразу отказались быть гувернеромъ? А теперь я вижу, что вы и гувернеромъ сдѣлались, вліяете на Евгенія, развиваете его...

Digitized by Google

хорошо развиваете... И за это-то я и благодарю васъ: подъ вашимъ вліяніемъ онъ можетъ вырасти прямымъ и честнымъ человѣкомъ, потому что и сами вы такой человѣкъ.

Петръ Ивановичъ даже сконфузился и покраснѣлъ.

— Да вы не смущайтесь, что я васъ хвалю, — проговорила Олимпіада Платоновна, улыбаясь. — Надо же когда-нибудь сказать прямо, какъ смотришь на человѣка, чтобы отношенія были проще. Вѣдь, признайтесь, вы тоже долго во мнѣ только «барыню» видѣли, а не просто человѣка? Ну, и я на васъ какъ на «бурсака» смотрѣла и все насторожѣ была, чтобы вы какимъ-нибудь неприличіямъ Евгенія не научили...

— Да вѣдь я и теперь еще, пожалуй, могу его какой-нибудь неподходящей штукѣ научить, — разсмѣялся Петръ Ивановичъ.

— Да Богъ съ вами, учите! — махнула она, съ добродушной улыбкой, рукою. — Одна «штука», какъ вы выражаетесь, не въ счетъ, если добраго много привьете...

И самъ не зналъ Петръ Ивановичъ, какъ онъ въ этотъ вечеръ заговорился глазъ-на-глазъ съ княжной Олимпіадой Платоновной и о покойномъ отцѣ, и о матери-старухѣ, и о пьяницѣ дядѣ-дьяконѣ, гдѣ онъ провелъ три года дѣтской жизни, и о порядкахъ бурсы, и о трудной жизни въ академіи, обо всемъ, о чемъ онъ такъ долго не могъ поговорить откровенно ни съ кѣмъ, исключая Софьи, знавшей уже почти всю исторію его прошлаго. И какимъ-то теплomъ, какой-то материнской лаской повѣяло на него въ этотъ вечеръ отъ этой старухи-княжны, уродливой съ виду, часто рѣзкой въ выраженіяхъ, упрямой и стойкой по характеру, какъ мужчина. Било три часа, когда Петръ Ивановичъ поднялся съ мѣста и снова поднесъ на прощаньи къ своимъ губамъ ея руку. Олимпіада Платоновна наклонилась и крѣпко поцѣловала его въ голову.

— Расчувствовались мы съ вами немножко сегодня, — проговорилъ Петръ Ивановичъ, и въ его голосѣ зазвучала обычная нотка ироніи.

— А вамъ и стыдно теперь, потому по вашимъ книжкамъ этого не полагается? — засмѣялась Олимпіада Платоновна добродушнымъ смѣхомъ.

— По какимъ это по моимъ книжкамъ? — спросилъ не безъ удивленія Петръ Ивановичъ.

— Да вѣдь вы еще по какимъ-нибудь книжкамъ да живете, — сказала княжна. — Это ужъ всегда такъ въ молодости.

Digitized by Google

Я вотъ себя то Кларисой Гарловъ, то Элоизой воображала... съ горбомъ-то да съ кривыми ногами!.. а что вы подѣлаете: молодость!.. Да это ничего, потому живутъ люди по книжкамъ только въ молодости, а увлекаться и восторгаться въ молодости чѣмъ-нибудь позорнымъ и постыднымъ... ну, для этого нужно быть ужъ совсѣмъ исковерканной съ дѣтства натурой!..

Съ этого дня Петръ Ивановичъ пересталъ быть простымъ наемнымъ учителемъ; онъ почувствовалъ себя другомъ этой семьи, ея членомъ. Съ этого дня сдѣлались совсѣмъ иными отношенія между нимъ и Евгеніемъ. Самъ Петръ Ивановичъ, человѣкъ совсѣмъ юный, мягкосердечный, еще жаждавшій любви и дружбы, нашелъ въ Евгеніи новаго сочувствующаго ему слушателя, когда онъ, Петръ Ивановичъ, ощущалъ потребность поговорить о своей семьѣ, о своемъ прошломъ, о своихъ планахъ будущаго. До сихъ поръ ему недоставало здѣсь такого слушателя-друга. Евгеній въ свою очередь тоже началъ испытывать совершенно новое, отрадное чувство—чувство дружбы; онъ сталъ рѣже ходить одиноко по галлереѣ, онъ не такъ усердно засиживался въ библіотекѣ, онъ полюбилъ слушать Петра Ивановича и задавать ему тѣ вопросы о семьѣ, объ отцѣ, о матери, которыхъ онъ не рѣшался предлагать ни Софьѣ, ни теткѣ, ни миссъ Ольдкопъ. Передъ мальчикомъ открывался новый мірокъ—мірокъ «бѣдныхъ людей», полный лишеній и жертвъ, вызывающій состраданіе своими заблужденіями и пробуждающій удивленіе своими добродѣтелями. Какъ человѣкъ этого круга, Петръ Ивановичъ говорилъ съ болѣзненною горечью о его порокахъ и съ искренней теплотой о его добрыхъ сторонахъ. Иногда онъ читалъ объ этихъ «бѣдныхъ людяхъ» полныя скорби страницы Достоевскаго, полныя желчи пѣсни Некрасова. Съ весны уже у учителя и ученика явилось мѣсто любимыхъ прогулокъ—узкая дорога черезъ паркъ, ведущая къ обрыву, за которымъ начинались необозримыя, слегка холмистыя поля и нивы. Тихо проходя эту дорогу, лежа на откосѣ обрыва, слѣдя за движеніемъ облаковъ или за работой крестьянъ на пашняхъ, молодые друзья переговорили о многомъ, много тайнъ передали другъ другу и стали понимать одинъ другого съ полуслова...

Они нашли въ своей дружбѣ именно то, чего имъ здѣсь недоставало прежде.

IV.

— Письмо съ черною печатью!

Digitized by Google

Эта фраза облетѣла весь домъ, прежде чѣмъ роковое письмо дошло до кабинета Олимпіады Платоновны. Прежде чѣмъ Олимпіада Платоновна успѣла прочитать его и сообщить кому-нибудь о его содержаніи, въ домѣ шли уже разныя соображенія и предположенія, люди называли гадательно тѣ или другія имена лицъ, о смерти которыхъ могла прійти вѣсть изъ-за границы. На конвертѣ этого письма были иностранныя клейма; адресъ хотя и былъ написанъ по-русски, но надъ нимъ значилась французская помѣтка «Russie». Это было въ то время, когда только что подали въ столовую завтракъ. и потому присутствующимъ пришлось подождать нѣсколько минутъ прихода Олимпіады Платоновны. Наконецъ, она вошла въ столовую, ея какъ бы осунувшееся лицо было не весело, хмуро и нѣсколько строго.

— У князя Алексѣя Платоновича умеръ старшій сынъ въ Парижѣ,—проговорила она глухо, не обращаясь ни къ кому исключительно, и тутъ же замѣтила Софьѣ, стоявшей около стола.—Его привезутъ сюда хоронить; надо приготовить комнату для княгини Маріи Всеволодовны.

— Господи, какое несчастіе! — воскликнула Софья.—Такой молодой!.. Совсѣмъ здоровымъ мы его оставили!..

Олимпіада Платоновна вздохнула.

— Вамъ, кажется, даже не писали о его болѣзни?—замѣтила миссъ Ольдкопъ.

— Онъ внезапно умеръ, — отвѣтила коротко Олимпіада Платоновна.

Всѣ молчали. Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ извѣстіемъ о смерти, отразилось и на дѣтяхъ. Они какъ-то пугливо прислушивались къ этой невеселой новости. Евгеній тревожно спросилъ тетку:

— Его, ma tante, сюда привезутъ?

— Да, въ церковь нашу, здѣсь хоронить будутъ,—отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Княгиня Марья Всеволодовна одна пріѣдетъ?—спросила Софья.

— Одна,—отвѣтила княжна.

Завтракъ прошелъ не весело, молчаливо. Олимпіада Платоновна не дотрогивалась до ѣды и сидѣла, опустивъ голову. Иногда она приподнимала плечи, точно разсуждая о чемъ-то мысленно и не находя отвѣтовъ на свои вопросы. Когда всѣ стали подниматься изъ-за стола, она обратилась къ Рябушкину:

Digitized by Google

— Пройдите ко мнѣ въ кабинетъ,—сказала она и сдѣлала знакъ глазами Софьѣ, чтобы и та шла за нею.

Они удалились всѣ трое изъ столовой.

Олимпіада Платоновна, войдя въ кабинетъ, вынула изъ кармана письмо и обратилась къ Петру Ивановичу и Софьѣ:

— Я не хотѣла говорить при дѣтяхъ и при слугѣ,—начала она.—Его убили на дуэли...

Софья всплеснула руками.

— Господи! несчастная княгиня Марія Всеволодовна!—воскликнула она.—Мало еще было горя!

— Да, точно несчастная!—вздохнула Олимпіада Платоновна.—Тутъ совершилось что-то не только трагическое, но что-то темное, таинственное... Вотъ прочтите.

Олимпіада Платоновна подала письмо Рябушкину. Онъ сталъ читать.

Въ письмѣ мать убитаго сообщала о его дуэли, о его смерти и между прочимъ писала: «Даже тебѣ я не рѣшаюсь передать въ письмѣ всѣхъ подробностей этого дѣла, о которомъ теперь уже толкуютъ всѣ парижскія газеты, забрасывающія грязью всѣхъ участниковъ этой исторіи».

— Ахъ, ты, Боже мой, что же это такое тамъ произошло?—проговорила Софья.

— Я ничего не могу понять, но предполагаю, что драма произошла изъ-за какой-нибудь негодяйки,—сказала Олимпіада Платоновна.—Ни во что жизнь и честь ставятъ!.. Хоть бы о матери-то подумалъ!.. И безъ того не сладко живется ей!.. Ну, да пріѣдутъ, такъ все узнаемъ,—круто оборвала Олимпіада Платоновна свои размышленія и обратилась къ Рябушкину и Софьѣ.—Я васъ, друзья, просила сюда, чтобы поручить вамъ похлопотать обо всемъ. Вы, Петръ Ивановичъ, позаботьтесь, чтобы въ фамильномъ нашемъ склепѣ все приготовили. Сама я не могу, гдѣ мнѣ тамъ ковылять! Отыщите тамъ могилу моего отца, князя Платона Алексѣевича. Рядомъ съ нею есть мѣсто. Пусть все приготовятъ, какъ слѣдуетъ... Выложить тамъ какъ-то это надо... Отецъ Андрей знаетъ... Присмотрите, чтобы все поскорѣе сдѣлали... Извините, что я навязываю вамъ...

— Да полноте,—горячо перебилъ ее Петръ Ивановичъ, слыша въ ея голосѣ слезы.—Сдѣлаю все, устрою, только вы сами-то не волнуйтесь... на васъ лица нѣтъ!..

— Пожалуйста, голубчикъ, пожалуйста! — проговорила Олимпіада Платоновна, пожимая ему руку.—Вѣроятно, скоро привезутъ... И ты, Софья, похлопочи, чтобы спальню для

Digitized by Google

княгини провѣтрить... Для прислуги тоже... Ахъ, Господи, Господи, вотъ-то не думала...

Только теперь горе начало вполнѣ захватывать сердце Олимпіады Платоновны. Она уже не могла владѣть собой, и слезы сами собою текли по ея лицу.

— Вѣдь какой былъ славный мальчикъ!—проговорила она.—Вотъ, какъ Женю, его любила я...

И вдругъ она обратилась къ Петру Ивановичу.

— Берегите, другъ мой, Женю, внушайте ему честныя, хорошія правила, чтобы онъ не былъ похожъ на этихъ...

Она опять круто оборвала рѣчь и, стараясь подавить душившія ее слезы, торопливо проговорила:

— Ну, такъ хлопочите за меня, калѣку!..

Она была жалка. Грустная вѣсть страшно потрясла ее. Ей вспомнилось теперь многое изъ прошлаго. Еще такъ недавно ея сердцу былъ нанесенъ ударъ, когда она вполнѣ увидала нравственное паденіе, нравственную испорченность Владиміра Аркадьевича. Когда-то она любила и его, возлагала надежды на его будущее. Нерѣдко тревожили ее думы объ участи дѣтей Владиміра Аркадьевича, брошенныхъ вполнѣ на ея попеченіе. Теперь новая неожиданная утрата близкаго и дорогого существа тяжело отозвалась въ ея сердцѣ, и снова поднялись въ ея головѣ думы о дѣтяхъ Хрюмина. Удастся ли ей приготовить этимъ дѣтямъ болѣе счастливую будущность? Удастся ли ей сдѣлать изъ нихъ такихъ людей, которые не падали бы нравственно и не ставили бы на карту и жизнь, и честь изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ? Какъ ихъ воспитывать? Къ чему подготовлять? Проживетъ ли она до той поры, когда они встанутъ на ноги и не будутъ нуждаться въ опорѣ? Всѣ эти мысли, всѣ эти вопросы проходили въ ея головѣ и на нихъ не находилось отвѣта. Старуха пережила нѣсколько тяжелыхъ дней, а впереди ей предстояли еще болѣе невеселые дни, встрѣча съ княгиней Марьей Всеволодовной Дикаго, похоронная церемонія...

Въ одинъ изъ знойныхъ лѣтнихъ дней коляска, посланная встрѣтить Марью Всеволодовну Дикаго, вернулась обратно къ барскому дому въ Сансуси. Изъ экипажа вышла высокая и стройная женщина вся въ черномъ и едва успѣла вступить на крыльцо, какъ послышался голосъ Олимпіады Платоновны:

— Marie!

Digitized by Google

— Olympe!—отвѣтила пріѣзжая, и обѣ родственницы заключили другъ друга въ горячихъ объятіяхъ.

Онѣ долго безмолвно плакали.

Онѣ молча прошли черезъ рядъ комнатъ въ кабинетъ Олимпіады Платоновны среди почтительно раскланивавшихся съ пріѣзжею слугъ. Это была княгиня Марья Всеволодовна Дикаго. Ей было лѣтъ сорокъ пять, но она была очень моложава и стройна, какъ дѣвушка. Ея красивое, нѣсколько худощавое лицо было блѣдно и немного холодно и строго. Она часто сощуривала большіе близорукіе глаза, что придавало ея лицу выраженіе немного рѣзкой, упорной наблюдательности, точно она хотѣла заглянуть въ душу каждаго встрѣчнаго. Ея граціозныя, неторопливыя и величавыя движенія сразу говорили, что она привыкла къ свѣтскимъ гостинымъ, къ поклоненію людей, къ власти. Только слѣды какого-то утомленія, почти прозрачная блѣдность матоваго лица, да двѣ-три морщинки около глазъ клали на ея лицо отпечатокъ грусти, душевнаго горя.

— Ты устала?.. Хочешь отдохнуть, переодѣться?—спросила ее Олимпіада Платоновна, когда онѣ вошли въ кабинетъ.

— Нѣтъ... то-есть устала, но не буду ни переодѣваться, ни отдыхать теперь, — отвѣтила мягкимъ и ровнымъ голосомъ Марья Всеволодовна.—Позволь посидѣть немного съ тобою, покуда тамъ у меня все приготовятъ... вынутъ вещи... Я въ послѣднее время хожу и говорю, точно во снѣ,—закончила она, проведя блѣдною, тонкою рукою по лбу.

Обѣ женщины сѣли.

— Привезли его?—спросила княгиня.

— Нѣтъ еще,—отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Значитъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ,—проговорила со вздохомъ княгиня.

Она задумалась.

— Ты много выстрадала,—съ участіемъ сказала Олимпіада Платоновна и пожала ея руку.

— Да, да...—тихо отвѣтила княгиня и вдругъ подняла голову и взглянула прямо на Олимпіаду Платоновну.—Знаешь, Olympe, я иногда не вѣрю, что можно было все это вынести, все перестрадать и ни разу не сбросить маски, ни разу не проговориться... Ты помнишь меня, когда я была еще почти дѣвочкой, веселой вертушкой на свѣтскихъ балахъ, наивной и безпечной болтуньей... Думала ли ты тогда, что я сумѣю что-нибудь перенести безмолвно, безропотно?..

Олимпіада Платоновна тихо проговорила:

Digitized by Google

— Ты всегда была сдержанна.

— Да, да, въ этомъ была моя сила,—отвѣтила княгиня.— Но если бы кто зналъ, чего стоила мнѣ эта сдержанность!.. О, это все какой-то страшный сонъ!..

— Прости меня, что я спрашиваю...—проговорила Олимпіада Платоновна.—Но эта смерть... Что за причина?..

Княгиня приподняла руку, какъ бы призывая небо въ свидѣтели своего горя, и проговорила:

— Только Богъ знаетъ, какъ я перенесла этотъ неожиданный ударъ... Ты знаешь, Nicolas былъ за границей со мною. У меня тамъ пропали брильянты, я дала знать полиціи, ничего не нашлось, и дѣло, казалось, забылось... Вдругъ на одномъ вечерѣ... знаешь эти вечера молодежи съ дамами полусвѣта, съ опьяненіемъ... къ Nicolas подошелъ одинъ изъ присутствующихъ со словами: «Я понимаю, что можно отбивать любовницъ, но я не понимаю, какъ можно на содержанье этихъ женщинъ воровать»... Онъ не успѣлъ кончить, какъ Nicolas ударилъ его въ лицо... Ты знаешь конецъ...

Княгиня на минуту смолкла. Олимпіада Платоновна боялась спросить, былъ ли чистъ или былъ виноватъ ея племянникъ. Старухѣ было страшно тяжело думать, что еще одинъ изъ членовъ ихъ семьи наложилъ пятно на ихъ имя. Княгиня заговорила первая.

— О, какіе страшные дни пережила я, когда ко мнѣ привезли умирающаго Nicolas, когда мелкія газеты раскрыли истинную причину дуэли, когда Nicolas сознался во всемъ мнѣ... Я тотчасъ же поспѣшила возстановить его честь; я отослала одного изъ нашихъ слугъ въ Россію; я заявила полиціи, что онъ оставилъ письменное сознаніе въ сдѣланной имъ кражѣ; я потребовала огласки этого дѣла... Я просто думала, что я сойду съ ума... а потомъ мученія, смерть Nicolas.

Княгиня вздрогнула и на минуту закрыла глаза рукою, точно стараясь не видѣть представлявшіяся ей картины.

— Страдалица!—вырвалось, какъ вздохъ, восклицаніе изъ груди Олимпіады Платоновны.

Бѣдная старуха едва сдерживала и глотала слезы. Она ясно представляла себѣ всѣ муки, пережитыя женою ея брата, этою гордою женщиною, дорожившею фамильною честью, этою любящею матерью, заботившеюся неусыпно о дѣтяхъ. Но она была бы потрясена еще болѣе, если бы княгиня разсказала ей, какъ горько, какъ желчно осыпалъ ее передъ смертью упреками сынъ, винившій ее, свою мать,

Digitized by Google

въ своей гибели! Княгиня не упомянула объ этомъ обстоятельствѣ, хотя именно оно-то и могло переполнить чашу ея страданій.

Наступило продолжительное, тяжелое молчаніе.

— Что Алексѣй?—тихо спросила, наконецъ, Олимпіада Платоновна про брата.

— О, все то же, все то же!—отвѣтила княгиня, и по ея лицу скользнула едва замѣтная горькая усмѣшка.—Развѣ онъ можетъ измѣниться!..

— Но этотъ случай... эта потеря... это должно было хоть на время заставить его задуматься, очнуться, — сказала Олимпіада Платоновна.

Княгиня пожала плечами и сощурила свои глаза, взглянувъ на княжну.

— Ты видишь, его здѣсь нѣтъ... я одна,—отвѣтила она съ горечью.

— Но, можетъ-быть, дѣла, — начала-было Олимпіада Платоновна.

— Дѣла! дѣла!—перебила ее тѣмъ же тономъ княгиня.— Дѣла, это значитъ—ему приказано присутствовать на какомъ-нибудь пикникѣ или на балу у Горевой... Усталость, это значитъ, что онъ провелъ нѣсколько дней подъ рядъ среди безумныхъ оргій... Недостатокъ средствъ, это значитъ, что онъ долженъ былъ купить новыхъ рысаковъ, новые брильянты ей... О, это вѣчно все то же и то же!..

Наступило снова тяжелое молчаніе.

— Ты понимаешь, что тутъ не можетъ быть уже и рѣчи о чувствѣ обманутой любви, о тайной ревности, о погибшихъ надеждахъ на семейное счастіе,—холодно продолжала княгиня.—Богъ мой, это все такъ давно умерло, такъ давно похоронилось. Но я не хочу быть предметомъ сожалѣнія для свѣтскихъ болтуновъ, я хочу спасти своихъ дѣтей отъ слуховъ объ ихъ отцѣ, я хочу спасти этихъ дѣтей отъ разоренія... И вотъ я лгу, притворяясь счастливой, разыгрывая идиллію супружескаго счастья; я лгу, стараясь, чтобы дѣти уважали его, говоря имъ о его достоинствахъ... Богъ видитъ, что эта ложь вызвана не прихотью!.. Но этого мало: никто не знаетъ, какія сцены приходится мнѣ переживать, чтобы отстоять каждый грошъ, который хотятъ бросить къ ногамъ этой женщины, отнявъ его у своихъ собственныхъ дѣтей!..

— Я думала, что онъ давно забылъ ее,—сказала Олимпіада Платоновна.

Digitized by Google

На мгновенье глаза княгини вспыхнули зловѣщимъ огонькомъ и тотчасъ же снова сдѣлались спокойными и холодными.

— О, онъ ея не забудетъ! Эти женщины умѣютъ напомнить о себѣ!—проговорила она съ презрѣніемъ.—Она даже стремится напоминать о себѣ и мнѣ: она стала ѣздить въ ту же церковь, куда ѣзжу я съ дѣтьми; она становится на клиросѣ противъ меня! Она заставила его абонировать ложу въ оперѣ, въ одинъ абонементъ со мною, въ одномъ ярусѣ со мною! Но, Боже мой, мнѣ такъ жаль это погубленное имъ созданіе! Что будетъ съ ея несчастными дѣтьми, когда она проживетъ все? Что будетъ съ нею, если онъ ее броситъ? Вѣдь у нея нѣтъ не только честнаго имени, но даже средствъ, такъ какъ она безумно тратитъ все, что беретъ съ него! Это страшная будущность!

Княгиня проговорила послѣднюю фразу тономъ такого искренняго состраданія, что онъ поразилъ даже Олимпіаду Платоновну, давно уже привыкшую ко всѣмъ добродѣтелямъ княгини Марьи Всеволодовны.

— И ты еще находишь силы жалѣть ее, — проговорила Олимпіада Платоновна:—ее, отравившую всю твою жизнь!..

— Полно, Olympe! Развѣ она виновата? — тихо сказала Марья Всеволодовна.—Дочь какой-то солдатки, полубезграмотное существо, выросшее на мостовой, въ подвалѣ, въ грязи, презираемая всѣми въ дѣтствѣ, нищая, развѣ она слышала что-нибудь о нравственности, о христіанскихъ добродѣтеляхъ?

— Да, да... конечно... но все же я на твоемъ мѣстѣ... Нѣтъ, я не могла бы ни простить, ни примириться,—сказала Олимпіада Платоновна.

Олимпіада Платоновна искренно удивлялась княгинѣ. Она, какъ мы знаемъ, не щадила никого и относилась критически ко всѣмъ, но была одна личность, которая внушала ей что-то похожее на подобострастное удивленіе. Эта личность была жена ея брата, княгиня Марья Всеволодовна Дикаго.

Князя Алексѣя Платоновича Дикаго Олимпіада Платоновна знала давно за легкомысленнаго старца. Положеніе въ свѣтѣ, чины, важныя обязанности, преклонные годы, многочисленная семья, ничто не могло исправить этого человѣка. Это былъ «сѣдоволосый вертопрахъ», какъ называла его Олимпіада Платоновна. «О, во мнѣ такъ много жизни!» — говорилъ онъ самъ про себя. И дѣйствительно: выходки гамэна, кутежи записного petit-crevé, интриги отъявленнаго ловеласа, легкомысліе юнаго проказника — все

Digitized by Google

это укладывалось въ этой сѣдой головѣ важнаго барина. Про жизнь стараго повѣсы ходили самые невообразимые анекдоты: онъ пѣлъ и танцовалъ, какъ мальчишка, на какихъ-то пикникахъ; онъ, какъ влюбленный юноша, самъ одѣвалъ въ театральной уборной свою фаворитку Гореву; онъ, съ задоромъ молодого фата, отбивалъ у юношей ихъ любовницъ; онъ, наконецъ, слылъ за человѣка, который ни въ чемъ не можетъ отказать молодой хорошенькой женщинѣ, и нѣкоторыя молодыя хорошенькія женщины боялись даже обращаться къ нему съ какими бы то ни было просьбами, зная, какою цѣною нерѣдко нужно платить за исполненіе этихъ просьбъ. Должно-быть, именно вслѣдствіе этой жизни и на самой физіономіи князя Алексѣя Платоновича лежалъ особый отпечатокъ: какъ ни старался иногда князь смотрѣть строго и величественно, его лицо все-таки оставалось пухленькимъ, розовенькимъ лицомъ херувима съ масляными глазами, съ мягкой, почти женской улыбкой; его разговоръ послѣ десяти фразъ сбивался на легкомысленные намеки, на скабрезные анекдоты, на звонкій смѣхъ; его манеры при малѣйшемъ увлеченіи дѣлались слишкомъ подвижными, слишкомъ оживленными, слишкомъ напоминающими, что эти ноги привыкли давно къ танцамъ, а эти руки лучше всего умѣютъ обнимать женскія таліи и высоко поднимать бокалы съ шампанскимъ.

— Bah! живутъ только одинъ разъ!—легкомысленно отвѣчалъ онъ на всѣ замѣчанія жены и старался, какъ школьникъ, съ лукавой улыбкой, повертываясь съ юношеской быстротой на каблукахъ, пускаться отъ нея въ бѣгство.

А замѣчанія ея были часты, рѣзки, безпощадны, хотя они всегда дѣлались наединѣ. Жену не могло не возмущать такое поведеніе мужа; жена такого мужа непремѣнно должна была быть страдалицей. Княгиня Марья Всеволодовна и была страдалицей, но страдалицей крайне своеобразной, внушавшей удивленіе всѣмъ ее знавшимъ. Княгиня Марья Всеволодовна была всегда живымъ воплощеніемъ чувства долга и такта. О чувствѣ долга и такта натвердили ей съ пеленъ, когда ей говорили, что это чувство заставляетъ помогать бѣднымъ, держать себя порядочно и прилично, скрывать свои сердечные порывы, не жаловаться ни на что и ни на кого, повиноваться отцу и матери, стараться сдѣлаться хорошей женой и хорошей матерью. Ей говорили, что она, какъ женщина, должна руководствоваться именно этими правилами, что этого требуетъ отъ нея и ея поло-

Digitized by Google

женіе въ обществѣ, что въ этомъ заключаются и высшія христіанскія добродѣтели. Эти правила стѣсняли всѣ движенія ея сердца, какъ корсетъ стѣснялъ правильное развитіе ея тѣла. Неизвѣстно, плакала ли она въ своей спальнѣ, въ ночномъ уединеніи, когда сердце билось сильнѣе въ груди, и это біеніе нужно было подавлять ради чувства долга и такта; извѣстно только то, что, мало-по-малу, она привыкла къ этимъ нравственнымъ колодкамъ, какъ ея талія привыкла къ туго стянутому корсету. Съ теченіемъ времени она даже начала внутренно гордиться собой и испытывать чувство блаженнаго наслажденія, когда ей удавалось въ трудныхъ случаяхъ жизни сохранить чувство долга и такта. Въ этихъ случаяхъ она походила на бойца, одержавшаго трудную побѣду, на изобрѣтателя, разрѣшившаго тяжелую задачу. А жизнь ея сложилась именно такъ, что этихъ прискорбныхъ случаевъ выпало на ея долю не мало. Съ первыхъ же дней замужества она стала лицомъ къ лицу съ измѣнами мужа, съ толками о его шаловливыхъ интрижкахъ, о его кутежахъ. Чувство ревности, страхъ за проматываемое благосостояніе, сознаніе, что дѣти могутъ узнать о продѣлкахъ отца и семейной неурядицѣ, все это должно было волновать ея кровь, выводить ее изъ терпѣнія, затруднять сохраненіе чувства долга и такта. И вотъ на сохраненіе этого чувства ушли всѣ ея силы: она употребляла всѣ усилія, чтобы только казаться спокойною и счастливою, чтобы выгораживать мужа въ глазахъ общества, чтобы незамѣтно охранять имущественные интересы семьи, чтобы внушать дѣтямъ уваженіе къ отцу и убѣжденіе, что въ домѣ царствуетъ миръ. Даже самые служебные успѣхи ея мужа зависѣли отчасти отъ ея такта: она руководила имъ въ его служебныхъ дѣлахъ, она поддерживала нужныя ему связи, она выгораживала его, гдѣ можно. Она, спасая благосостояніе дѣтей, заставила мужа перевести на ея имя всѣ его капиталы, всѣ его имѣнія. Она довела его, наконецъ, до того, что онъ сталъ бояться ея, что онъ потуплялъ глаза и опускалъ голову передъ холоднымъ взглядомъ ея сощуренныхъ глазъ, что онъ не смѣлъ переступать порога ея спальни. Она такъ увлеклась этимъ дѣломъ, такъ гордилась своей силой въ этой борьбѣ, такъ горячо вѣрила, что она совершаетъ великій подвигъ честной женщины, честной жены, честной матери, что, можетъ-быть, она почувствовала бы себя даже несчастной, если бы вдругъ все пошло гладко и ровно, если бы у нея внезапно не стало поводовъ уди-

Digitized by Google

вляться самой себѣ и вызывать удивленіе другихъ своимъ подвижничествомъ. «Святая женщина», «безропотная страдалица», «личность съ замѣчательнымъ тактомъ», говорили про нее въ свѣтѣ люди, не знавшіе и половины того, что она «перестрадала». Она не считала согласнымъ съ чувствомъ долга и такта разсказывать о своихъ страданіяхъ и дѣлала исключенія только для архимандрита Арсенія и для Олимпіады Платоновны. Эти люди знали все, что переживала она, и ихъ благоговѣнію передъ ней не было предѣловъ. Еще бы! Передъ ними княгиня Марья Всеволодовна не только не скрывала своихъ страданій, но даже стремилась изображать эти страданія самыми яркими красками, вознаграждая себя за невольное молчаніе передъ другими личностями. Говорить о своихъ страданіяхъ, громко заявить о размѣрахъ своего подвижничества, насладиться удивленіемъ слушателей,—о, это было такъ сладко ей! Особенно любила она говорить съ Олимпіадой Платоновной, составлявшей такую рѣзкую противоположность съ ней и потому выслушивавшую все съ полнымъ благоговѣніемъ. Олимпіада Платоновна не понимала, какъ можно прославлять вездѣ вѣчно измѣнявшаго мужа, какъ можно сожалѣть его любовницъ, какъ можно являться съ спокойнымъ и сіявшимъ счастіемъ лицомъ, когда на душѣ «кошки скребутъ». Она, Олимпіада Платоновна, давно бы сдѣлала въ подобномъ положеніи тысячи сценъ, тысячи безтактностей, тысячи грубыхъ, вульгарныхъ выходокъ и, наконецъ, она просто бросила бы мужа или умерла бы съ горя. Когда она удивлялась, какъ можетъ все это выносить княгиня Марья Всеволодовна,—послѣдняя скромно и благоговѣйно замѣчала:

— Olympe, я христіанка!

О, Олимпіада Платоновна никогда не смѣла сдѣлать подобнаго признанія! Про нее столько разъ говорили, что она «какая-то вольтерьянка!» Сознавая свой грѣхъ, она смиренно преклонялась передъ княгиней Марьей Всеволодовной и считала ее единственнымъ человѣкомъ, который стоитъ неизмѣримо выше ея, Олимпіады Платоновны, не понимавшей «блаженства страданія», возможности идти съ улыбающимся лицомъ на растерзаніе ко львамъ, способности пѣть яркующія пѣсни въ горящей печкѣ. А княгиня Марья Всеволодовна понимала все это.

Въ настоящую минуту, кромѣ обыкновеннаго благоговѣнія къ этой высокой личности, Олимпіада Платоновна чувствовала къ княгинѣ Марьѣ Всеволодовнѣ состраданіе, какъ къ

Digitized by Google

матери, потерявшей старшаго сына, и слушала ее, не прерывая, старалась выказать заботливость, стремилась хотя отчасти облегчить ея скорбь ласкою и привѣтомъ. Эта скорбь, казалось Олимпіадѣ Платоновнѣ, была тѣмъ тяжелѣе, что Марья Всеволодовна, по своему обыкновенію, старалась не жаловаться, не плакать, «не отравлять своимъ горемъ чужой жизни», какъ выражалась сама княгиня.

И дѣйствительно, княгиня, несмотря на свою тяжелую утрату, была со всѣми снисходительно привѣтлива, нашла для всѣхъ любезные вопросы, протянула Софьѣ для поцѣлуя свою руку и спросила ее о здоровьѣ, о какой-то родственницѣ Софьи; она поцѣловала въ щеку миссъ Ольдкопъ и спросила ее, не скучаетъ ли она въ деревнѣ; она приласкала дѣтей, поцѣловала ихъ головки и замѣтила Олимпіадѣ Платоновнѣ: «Ils sont charmants». Вечеромъ она даже сдѣлала свое замѣчаніе Олимпіадѣ Платоновнѣ насчетъ того, что напрасно дѣти находятся въ кругу взрослыхъ.

— Это очень вредно вліяетъ на дѣтей,—говорила она.— Они преждевременно перестаютъ быть дѣтьми, они пріучаются резонерствовать. Наконецъ, они многое узнаютъ, что дѣлаютъ и говорятъ взрослые и чего они не должны бы знать.

— А я думаю, что это только заставляетъ взрослыхъ не дѣлать и не говорить ничего такого, чего не должны бы знать дѣти,—отвѣтила Олимпіада Платоновна.—Наконецъ, имъ было бы очень скучно однимъ.

— Но при нихъ миссъ Ольдкопъ и учитель,— замѣтила Марья Всеволодовна.

— Я немножко эгоистка, Marie,—сказала Олимпіада Платоновна. — Если бы миссъ Ольдкопъ и Петръ Ивановичъ проводили вечера съ дѣтьми, мнѣ пришлось бы сидѣть одной...

— О, я не говорю, что ихъ нужно удалять, когда никого нѣтъ,—сказала княгиня.—Но ты говоришь, что дѣти всегда находятся здѣсь въ свободное время... этого не слѣдуетъ допускать для ихъ же пользы... Годы дѣтства должны быть годами воспитанія, постояннаго наблюденія, постоянныхъ заботъ воспитателей и учителей... Ты говоришь, что присутствіе дѣтей среди взрослыхъ заставляетъ взрослыхъ остерегаться, сдерживаться... Но развѣ ты заставишь всѣхъ своихъ посѣтителей поступать именно такъ? Развѣ, наконецъ, дѣти не наслушаются вообще пустыхъ толковъ, невѣрныхъ сужденій, дикихъ мнѣній?..

Олимпіада Платоновна замѣтила, какъ бы въ оправда-

Digitized by Google

ніе себѣ, что Евгеній, впрочемъ, почти и не сидитъ по вечерамъ среди взрослыхъ, а читаетъ въ библіотекѣ.

— Развѣ тамъ есть книги для дѣтей?—спросила княгиня.

— Онъ читаетъ и перечитываетъ Донъ-Кихота, — отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Онъ? Донъ-Кихота? — съ изумленіемъ спросила княгиня.—Но развѣ можно давать эту книгу ребенку? Сумасбродныя похожденія сумасшедшаго авантюриста и вульгарныя сцены его пошлаго слуги! Какое представленіе составитъ онъ объ обществѣ, о долгѣ человѣка, объ общественной дѣятельности...

— Но это великое произведеніе, — замѣтила Олимпіада Платоновна.

— Ты, конечно, считаешь и Вольтера великимъ писателемъ, однако, вѣроятно, не дашь мальчику въ руки «Философскаго словаря»,—сказала княгиня.—Есть великіе люди, есть великія произведенія, но такіе, съ которыми можно знакомиться только въ зрѣломъ возрастѣ, а не въ годы дѣтства.

Затѣмъ княгиня начала говорить, какъ трудно воспитывать дѣтей вообще. Она передала, какъ она слѣдитъ за каждымъ шагомъ своихъ дѣтей, какъ она просматриваетъ каждую попадающую имъ въ руки книгу, какъ она повѣряетъ гувернантку и учителей, какъ она справляется о всѣхъ мелочахъ жизни тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя уже кончаютъ курсъ въ пансіонѣ. Она со вздохомъ вспомнила о покойномъ Nicolas, котораго она не могла воспитывать подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, чему она и приписываетъ многія ошибки, сгубившія этого юношу.

Княгиня коснулась вопроса о дѣтяхъ не случайно и, несмотря на свое горе, не забыла о нихъ. Она вообще имѣла способность въ минуты самыхъ тяжелыхъ личныхъ невзгодъ не забывать о ближнихъ. Когда она мучилась и терзалась у постели умирающаго сына, она не забывала вести переписку по дѣламъ того благотворительнаго общества, гдѣ она состояла предсѣдательницей; «на чужихъ людяхъ не должны отзываться мои личныя страданія»,—говорила она. И теперь ее заботила судьба племянника и племянницы ея мужа; она знала, какъ мало педагогическихъ способностей было у Олимпіады Платоновны, и опасалась за этихъ дѣтей. На другой же день послѣ своего пріѣзда въ Сансуси она перешла къ вопросу, какъ думаетъ Олимпіада Платоновна распорядиться судьбою дѣтей далѣе. Олимпіада Платоновна

Digitized by Google

сказала, что Оля, вѣроятно, придется отдать въ институтъ, а Евгенія... Олимпіада Платоновна еще не рѣшила, куда она ето отдастъ оканчивать курсъ. Правовѣдѣніе, лицей, гимназіи... нѣтъ, она вовсе еще не знаетъ, куда она потомъ пристроитъ мальчика. Ей такъ хотѣлось подольше не отдавать дѣтей никуда. Княгиня Марья Всеволодовна начала доказывать всю неосновательность этого желанія. Здѣсь мальчикъ растетъ одинъ, безъ товарищей-сверстниковъ, подъ женскимъ вліяніемъ и подъ вліяніемъ этого...

— Онъ изъ поповичей?— вдругъ спросила она про Рябушкина.

Олимпіада Платоновна отвѣтила, что да. Княгиня сказала, что это и замѣтно, что у него «нѣтъ манеръ».

— Кланяется и встряхиваетъ волосами, какъ грявой... Что же ты хочешь, чтобы вышло изъ мальчика, который видитъ, какъ долженъ держаться мужчина, только изъ примѣра этого поповича, изъ примѣра прислуги да изъ примѣра мужиковъ?

Она стала говорить о силѣ привычекъ, о значеніи непрерывности. О, дѣти такія обезьянки!

— Ты, Оlympe, конечно, присмотрѣлась къ мальчику, но онъ разговариваетъ и держитъ руки засунутыми за ремень блузы,—замѣтила княгиня.—Но все это еще не важно, отъ этого онъ отвыкнетъ со временемъ. Важнѣе всего то, что мальчикъ долженъ поскорѣе сблизиться, сдружиться съ дѣтьми «изъ ихъ круга». Они ему могутъ пригодиться въ будущемъ, онъ долженъ сдѣлаться не чужимъ въ ихъ кругу, онъ долженъ пораньше запастись дружескими связями. Они, эти брошенныя родителями дѣти, такъ бѣдны! Кто ихъ знаетъ, что ихъ ждетъ впереди! Положимъ, теперь они и счастливы, и не нуждаются ни въ чемъ, но... Княгиня Марья Всеволодовна съ искреннимъ участіемъ сжала руку Олимпіады Платоновны.

— О, мой другъ, если бы мы могли располагать и жизнью, и смертью!—проговорила она съ тяжелымъ вздохомъ.

Олимпіада Платоновна слушала съ опущенною головой эти рѣчи. Ей и самой такъ часто-часто во дни легкихъ недуговъ становилось страшно за будущность дѣтей. Что будетъ съ ними, если она вдругъ умретъ? Съ чѣмъ они останутся? Послѣднія деньги она отдала ихъ отцу. Ея крошечная земляница давно отказана сю по духовному завѣщанію ея бывшимъ крестьянамъ. Положимъ, ради дѣтей можно уничтожить это завѣщаніе и оставить эту землю дѣтямъ. Но много

Digitized by Google

ли это принесетъ имъ дохода? Этого едва хватитъ на ихъ образованіе. Она нѣсколько разъ толковала обо всемъ этомъ даже съ Петромъ Ивановичемъ. Онъ совѣтовалъ отдать Евгенія въ гимназію; онъ говорилъ, что у иныхъ дѣтей и того нѣтъ, что останется на долю Евгенія; онъ утверждалъ, что только тѣ и выходятъ истинно честными людьми, которые сами пробиваютъ себѣ путь. Но развѣ Петръ Ивановичъ знаетъ жизнь! Онъ живетъ все еще по своимъ книжкамъ! Истинно честными людьми, по его мнѣнію, бываютъ тѣ люди, которые сами пробили себѣ путь? Но не чаще ли бываютъ истинными подлецами именно тѣ, которымъ самимъ пришлось пробивать себѣ путь? По этому пути доходитъ до цѣли одинъ Ломоносовъ и тысячи кулаковъ, міроѣдовъ, откупщиковъ и ростовщиковъ, да и Ломоносовъ, можетъ-быть, не былъ бы такъ искалѣченъ, если бы онъ не прошелъ по этому тяжелому пути...

Всѣ эти думы, мелькавшія уже не разъ въ головѣ Олимпіады Платоновны, теперь поднялись съ новою силою и зловѣщая мысль о приближающейся смерти неотступно тревожила ее. Это было, конечно, простымъ слѣдствіемъ толковъ о покойникѣ, приготовленій къ похоронамъ, ожиданія, когда привезутъ тѣло племянника, но тѣмъ не менѣе это memento mori безпокоило и волновало Олимпіаду Платоновну, какъ какое-то пророческое предчувствіе. Она внутренно бранила себя за беззаботность, за то, что не уничтожила и не передѣлала духовнаго завѣщанія, за то, что не пришла ни къ какому серьезному рѣшенію насчетъ будущности дѣтей.

Подъ вліяніемъ этихъ думъ въ ея душѣ отзывались какимъ-то упрекомъ серьезныя и ясныя замѣчанія княгини насчетъ воспитанія дѣтей вообще.

— О, воспитаніе дѣтей—это такая сложная и часто непосильная для насъ задача,—говорила княгиня.—Тутъ мало одной любви, одного желанія сдѣлать добро. Тутъ нужны знаніе и умѣнье предусмотрѣть и взвѣсить всѣ мелочи. Недостаточно сдѣлать ребенка добрымъ, честнымъ и знающимъ человѣкомъ,—нужно подготовить ему почву, на которой онъ могъ бы дѣйствовать, нужно ознакомить его съ средой, въ которой онъ будетъ вращаться...

Княгиня вдругъ оборвала эти отвлеченныя разсужденія и обратилась прямо къ положенію Евгенія.

— Ты, Olympe, сдѣлала ошибку, уѣхавъ съ дѣтьми сюда,—сказала она.—Здѣсь дѣти совершенно отрѣзаны отъ того круга, въ которомъ имъ придется жить. Здѣсь, подъ влія-

Digitized by Google

яіемъ неразборчиваго чтенія и этого семинариста, въ нихъ могутъ развиться совершенно превратныя понятія о жизни. Это можетъ принести имъ въ будущемъ излишнія и безплодныя страданія...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разсужденій Олимпіада Платоновна совсѣмъ растерялась. Въ какія-нибудь однѣ сутки она словно постарѣла и опустилась; на нее было больно смотрѣть, точно тяжелая утрата молодого родственника ближе коснулась ея, чѣмъ его матери. Окружающіе ясно видѣли это и перешептывались между собою.

— Хотя бы скорѣе все это кончилось?—говорила со слезами на глазахъ Софья Петру Ивановичу.

— Да, по крайней мѣрѣ, и ворона уѣдетъ,—грубо отвѣтилъ онъ, хмуря брови.

— Какая ворона?—спросила въ недоумѣніи Софья.

— Да ваша блаженная мученица, княгиня Марья Всеволодовна,—отвѣтилъ онъ рѣзко.

— Что это вы батюшка выдумали такое!—съ упрекомъ сказала Софья.—Вы не вздумайте сказать этого Олимпіадѣ Платоновнѣ. Задастъ она вамъ.

— Да какъ же не ворона,—горячо отвѣтилъ Рябушкинъ:—только и знаетъ, что каркать... Вѣдь Олимпіада Платоновна теперь только о своей смерти и толкуетъ... И страшно-то умирать, и надо-то умирать, и не знаешь, когда умрешь?.. Чортъ знаетъ что такое!... Жили-жили, о живомъ думали, а теперь на-поди—сами себѣ отходныя читаемъ.

Онъ сердито плюнулъ.

— Да вѣдь смерть-то не за горами, а за плечами!—вздохнула Софья.

— Ну, и вы туда же!—сердито сказалъ учитель.—Чего же вы шьете-то, если умирать надо? Такъ и бросьте все, мы, молъ, братцы, умирать задумали!

— Ну, васъ совсѣмъ!—улыбнулась Софья при этой выходкѣ учителя.—Выдумаетъ тоже!

— Да что, право, злость береть! Ухлопалъ себя одинъ балбесъ, а цѣлый домъ ноетъ,—проговорилъ Петръ Ивановичъ.—Да еще погодите, эта ворона какой-нибудь бѣды накаркаетъ.

— Да за что вы ее браните-то?—спросила Софья.

— А за то, что идолъ она, идолъ!.. Вы смотрите, какъ она говоритъ, какъ кланяется, какъ ходитъ! Вѣдь такъ и кажется, что хочетъ сказать: что же вы не замѣчаете моей святости? Ладаномъ отъ нея пахнетъ!

Digitized by Google

Долго еще сердился и ругался Петръ Ивановичъ, старавшійся ускользать отъ княгини и уводить отъ нея дѣтей. Наконецъ, желанный день приблизился: въ сельскую церковь Сансуси привезли останки князя Николая Алексѣевича Дикаго; начались панихиды, совершилось погребеніе; наступилъ и день отъѣзда княгини Марьи Всеволодовны.

Снисходительно привѣтливая, милостивая ко всѣмъ, она не забыла никого, простилась со всѣми, протянула руку для цѣлованія каждому изъ слугъ, поцѣловала головки дѣтей и на прощаньи напомнила Олимпіадѣ Платоновнѣ:

— Значитъ до будущаго года? Въ будущемъ году пора отдать Олю въ институтъ. Я похлопочу заранѣе...

Дѣйствительно, Олю пора было уже отдать въ институтъ, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Княгиня Марья Всеволодовна, несмотря на свое собственное горе, настоятельно потребовала отъ Олимпіады Платоновны рѣшенія этого вопроса до своего отъѣзда, говоря, что дѣвочка можетъ «выйти изъ лѣтъ» для поступленія въ институтъ, что надо ловить случай и время, покуда еще есть кому хлопотать о ребенкѣ, что играть участью дѣтей ради того, что жаль ихъ отдать изъ дома, есть великій грѣхъ. Олимпіада Платоновна сознавала справедливость всѣхъ этихъ мотивовъ и дала слово привезти черезъ годъ Олю въ Петербургъ. Княгиня уѣхала и всѣмъ стало какъ будто легче, хотя никто не рѣшался этого высказать, когда всѣ снова по-старому сошлись вечеромъ въ кружокъ въ кабинетѣ Олимпіады Платоновны. Только Петръ Ивановичъ, взявъ книгу, чтобы продолжать прерванное этими событіями чтеніе, проворчалъ:

– Я даже и забылъ, на чемъ мы остановились наканунѣ этого кошмара...

V.

И опять полетѣли дни за днями—дни замкнутой, однообразной деревенской жизни, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Такіе дни люди переживаютъ, вовсе не замѣчая перемѣны въ самихъ себѣ, въ своихъ отношеніяхъ, въ своей обстановкѣ, и ихъ не мало удивляетъ, когда кто-нибудь, давно не видавшій ихъ, скажетъ имъ: «о, какъ вы поздоровѣли! какъ выросли ваши дѣтки». Они глядятъ на себя въ зеркало, глядятъ на своихъ дѣтей и удивляются, какъ это они до сихъ поръ сами не замѣтили и того, что они сами пополнѣли, и того, что ихъ дѣти выросли. Такъ дни переживалъ и семейный кружокъ княжны Олимпіады

Digitized by Google

Платоновны, вовсе не замѣчая происходившихъ въ его чле-нахъ перемѣнъ, и ему казалось, что онъ словно вчера только перебрался въ деревню. А время, между тѣмъ, летѣло и летѣло надъ нимъ, дѣлая свое дѣло, и старое старилось, молодое росло. Здѣсь жилось такъ тихо, такъ хорошо, что всѣ какъ будто старались умышленно обмануть себя, увѣрить себя, что такъ можно прожить еще годы и годы, вдали отъ житейскихъ дрязгъ и треволненій. Только Олимпіада Платоновна во дни легкихъ недуговъ нахмуривала свои брови, задумываясь объ участи дѣтей. Нельзя же вѣчно держать ихъ въ деревнѣ, нельзя же продолжать ихъ отчужденіе отъ общества, нельзя же ограничить ихъ образованіе тѣмъ домашнимъ образованіемъ, которое можно было дать имъ въ деревнѣ. Эти думы вызывали въ душѣ старухи какую-то неопредѣленную, смутную тревогу. Иногда княжнѣ казалось, что она сдѣлала сгоряча непростительную ошибку, вырвавъ дѣтей изъ общества, хотя въ то же время она старалась оправдать себя, говоря, что иначе нельзя было поступить: этого требовало здоровье дѣтей, необходимость сократить расходы, потребность избавить дѣтей отъ встрѣчъ съ отцомъ и матерью. Порой при воспоминаніи объ отцѣ и матери этихъ дѣтей ей становилось жутко, когда она спрашивала себя: а легко ли отзовется на дѣтяхъ встрѣча съ родителями теперь, когда эти дѣти понимаютъ больше, когда ихъ можетъ поразить то, что ускользнуло бы отъ ихъ вниманія тогда? Бывали минуты, когда она была готова рѣшиться не ѣхать въ Петербургъ, поселиться въ Москвѣ, отдать дѣтей тамъ въ училища, чтобы только спасти дѣтей отъ всякихъ случайныхъ встрѣчъ съ отцомъ и матерью, отъ слуховъ объ этихъ людяхъ. Но развѣ можно вполнѣ застраховать ихъ отъ этихъ случайностей? Развѣ можно надѣяться вполнѣ на то, что она доживетъ до окончанія ихъ образованія и успѣетъ поставить ихъ на ноги? Не слѣдуетъ ли прежде всего сблизить ихъ съ ихъ родней, найти имъ среди этой родни защитниковъ и покровителей, открыть имъ широкій путь при помощи этой родни? Всѣ эти вопросы, пробуждавшіе въ душѣ княжны и упреки, и страхъ, и уныніе, мучили Олимпіаду Платоновну теперь все чаще и чаще и въ концѣ концовъ она постоянно приходила къ одному и тому же заключенію, что всему виной тутъ ложность положенія этихъ дѣтей. Эти тревоги становились чѣмъ сильнѣе, тѣмъ чаще, чѣмъ подробнѣе писала о дѣтяхъ княгиня Марья Всеволодовна сестрѣ своего мужа. Она вдругъ вся прониклась желаніемъ «спасти»

Digitized by Google

этихъ дѣтей, доставить имъ «положеніе въ обществѣ», обезпечить ихъ будущность. Она писала Олимпіадѣ Платоновнѣ, что именно теперь, когда у нея погибъ старшій сынъ, она вполнѣ ясно поняла всю святость обязанности матери и воспитательницы, что она въ память этого погибшаго юноши дала себѣ слово не только заботиться о своихъ дѣтяхъ, но и содѣйствовать, гдѣ только возможно, спасенію чужихъ дѣтей. Она много распространялась «о нравственной неустойчивости нашей молодежи», «о несистематичности нашего воспитанія», «о вредномъ вліяніи непризванныхъ воспитателей», «о серьезномъ направленіи въ дѣлѣ воспитанія». При этомъ она постоянно прибавляла: «О, если бы знала, Олупре, какъ я боюсь за твоихъ маленькихъ дикарей!» Этотъ припѣвъ повторялся такъ часто, что и сама Олимпіада Платоновна начала не на шутку опасаться за участь «этихъ маленькихъ дикарей»...

А время все летѣло и летѣло впередъ...

Еще одна зима смѣнилась лѣтомъ...

Въ одинъ изъ ясныхъ дней все женское общество барскаго дома въ Сансуси собралось въ столовой къ завтраку и Олимпіада Платоновна уже начала безпокоиться, куда пропали Петръ Ивановичъ и Евгеній, когда мимо окна столовой мелькнули ихъ фигуры верхомъ на взмыленныхъ лошадяхъ. Черезъ минуту Евгеній уже появился въ комнатѣ.

— Нѣтъ, ma tante, съ Петромъ Ивановичемъ невозможно ѣздить!—весело заговорилъ онъ.—Онъ никогда не научится ѣздить верхомъ!

— Да у меня это наслѣдственное неумѣнье ѣздить верхомъ,—со смѣхомъ замѣтилъ Петръ Ивановичъ, появляясь тоже въ столовую.—Хорошо, какъ у васъ всѣ предки наѣздниками были, а мои отцы-дьяконы, можетъ-быть, никогда и близко-то къ лошади не подходили...

— Однако, и ты не очень наѣздничай, еще свалишься когда-нибудь,—замѣтила Олимпіада Платоновна Евгенію.

— Я? Свалюсь?—воскликнулъ Евгеній.—Да развѣ я маленькій, ma tante?

Княжна Олимпіада Платоновна ласково улыбнулась и замѣтила со вздохомъ:

— Да, да, не маленькій! Это и посторонніе замѣчаютъ. Вотъ и княгиня Марья Всеволодовна объ этомъ напоминаетъ...

— Посланіе, вѣрно, отъ ея сіятельства опять получили?—спросилъ учитель, зорко взглянувъ на княжну и покачавъ головою при видѣ невеселаго выраженія ея лица.

Digitized by Google

— Да,—отвѣтила княжна.—Княгиня напомнила, что скоро намъ надо подниматься въ путь изъ своего гнѣздышка.

Петръ Ивановичъ поморщился.

— Грустно, а дѣлать нечего,—проговорила Олимпіада Платоновна.—Княгиня была такъ добра, что похлопотала объ опредѣленіи Оли въ институтъ. Дѣйствительно, дѣвочка можетъ изъ лѣтъ выйти для поступленія въ институтъ. Надо и Евгенія пристроить. Тоже самъ говоритъ, что не маленькій...

Олимпіада Платоновна съ любовью смотрѣла на Евгенія грустными глазами. Онъ, точно, сильно возмужалъ и выросъ за послѣднее время. Это былъ уже не тотъ слабенькій и худенькій ребенокъ, которому Софья разсказывала по вечерамъ сказки про «Гусей-лебедей», про «Лягушку-царевну». Онъ былъ ростомъ съ Петра Ивановича. Его стройная фигура вполнѣ сформировалась. Его покрытое загаромъ розовое лицо изъ-подъ густыхъ, безпорядочно вившихся и падавшихъ на лобъ волосъ дышало свѣжестью и здоровьемъ. Видно было, что гимнастика, верховая ѣзда, прогулки на охоту, деревенскій воздухъ сдѣлали свое дѣло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ выкормленныхъ, здоровыхъ и сильныхъ барчуковъ, какіе развиваются только въ довольствѣ, на свободѣ въ деревнѣ.

— Княгиня пишетъ, что пора познакомить дѣтей съ жизнью, ввести ихъ въ ихъ кругъ, сблизить ихъ съ ихъ сверстниками-родными,—замѣтила Олимпіада Платоновна:—и она права... Она даже упрекаетъ меня, что я не сдѣлала этого раньше, и, можетъ-быть, упрекаетъ не безъ основанія. Я думаю, и вы, Петръ Ивановичъ, согласны, что нельзя же вѣчно такъ жить, внѣ общества?

Трудно было бы рѣшить, что было бы больше по душѣ Олимпіадѣ Платоновнѣ—отрицательный или утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Она, быть-можетъ, была бы очень рада, если бы Рябушкинъ заспорилъ и доказалъ ей, что уѣзжать вовсе не нужно, что можно и здѣсь жить. Но Петръ Ивановичъ не спорилъ.

— Кто объ этомъ говоритъ!—сказалъ онъ.—Хочешь научиться плавать, такъ бросайся въ воду...

— Грустно только то, что не знаешь впередъ, дѣйствительно ли научишься плавать, бросившись въ воду, — въ раздумьи сказала Олимпіада Платоновна.

— Бываетъ тоже, что, какъ камень, ко дну пойдешь,—замѣтилъ учитель.—Ну, да вѣдь всю жизнь нельзя такъ прожить, значитъ, и толковать нечего. Страшно, не страшно,

Digitized by Google

а полѣзай въ омутъ, если внѣ его жить нельзя... Впрочемъ, что же это мы на плаксивный ладъ настраиваемся!—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ.—Это оттого, что жили-жили вмѣстѣ, а вотъ теперь разъѣдемся... Нѣтъ, дѣйствительно, зажились мы въ своемъ затишьѣ, пора и на жизнь взглянуть...

— И вѣдь какъ быстро пролетѣли эти четыре года!—со вздохомъ сказала княжна.—Иногда мнѣ кажется, что мы чуть ли не вчера прибыли сюда въ своемъ ковчегѣ...

— О, счастливые дни никогда не замѣчаются,—сентиментально сказала миссъ Ольдконъ.

— Да, вотъ такъ же, какъ не замѣчаешь своихъ рукъ и ногъ, покуда онѣ не позволятъ заболѣть да заныть,—съ улыбкой сказалъ Петръ Ивановичъ.

Ему хотѣлось придать бесѣдѣ шутливый тонъ, но это у него не вышло, и все общество окончило завтракъ въ невеселомъ настроеніи. Всѣмъ было тяжело сознавать, что волей-неволей имъ придется скоро подняться съ насиженнаго гнѣзда, гдѣ жилось такъ хорошо, такъ мирно. Всѣ чувствовали, что эта жизнь должна скоро кончиться и кончиться навсегда, безвозвратно. Послѣ завтрака у Петра Ивановича и Евгенія были учебныя занятія. Но Евгеній замѣтилъ Петру Ивановичу:

— Жарко и душно сегодня, Петръ Ивановичъ...

— Что-жъ, пойдемте бродить по парку,—сказалъ Петръ Ивановичъ, угадавъ сразу, что Евгенію не до занятій.

— Да... Вамъ вѣдь тоже не до книгъ,—проговорилъ Евгеній.

Они вышли изъ дома на завѣтную дорогу.

Это была большая аллея, тянувшаяся черезъ весь паркъ, старый, густой, заросшій, похожій на лѣсъ. По обѣ стороны дороги стѣной стояли столѣтнія деревья, бросавшія на дорогу густую тѣнь. Сотни разъ измѣривали въ послѣдніе три года эту аллею ученикъ и учитель. Здѣсь обмѣнивались они своими мыслями, чувствами, надеждами; здѣсь прочли они десятокъ книгъ, толковали о прочитанномъ, спорили и соглашались; здѣсь созрѣли и окрѣпли ихъ дружескія отношенія; здѣсь каждое мѣстечко было полно воспоминаній для Евгенія, пережившаго всѣ фазисы первой чистой и идеальной дружбы. Теперь, проходя по этимъ мѣстамъ, Евгеній какъ бы прощался съ ними навсегда, точно отъѣздъ изъ Сансуси былъ уже назначенъ на завтра. Спутники обмѣнивались изрѣдка отрывочными фразами насчетъ погоды, насчетъ того, что въ такіе знойные дни тяжело работать на полѣ. Разговоръ какъ-то не вязался, фразы произносились

Digitized by Google

какъ бы нехотя, были отрывочны. Казалось, обоимъ было лѣнь или не хотѣлось говорить, точно ихъ утомилъ этотъ зной лѣтняго дня. Наконецъ, они дошли до конца парка. Здѣсь дорога круто опускалась внизъ и лентою вилась и ныряла среди холмистыхъ полей и нивъ, гдѣ шла крестьянская работа, гдѣ мелькали фигуры бабъ и мужиковъ, гдѣ поднимали столбы пыли проѣзжавшія телѣги.

— Жарко тамъ,—проговорилъ Евгеній.

— Что-жъ, ляжемъ въ тѣни,—сказалъ Рябушкинъ.

Они прилегли въ тѣни, на откосѣ, у опушки парка, на спины, подложивъ руки подъ головы, и замолчали. Передъ ними разстилалась широкая, необъятная даль съ волнующеюся травою, съ наливающеюся рожью, колыхающеюся, какъ волны въ морѣ. Надъ ними, въ голубомъ небѣ, быстро бѣжали бѣлыя, тающія облака прихотливой формы. Они смотрѣли въ небо, слѣдя за этими измѣнчивыми облаками, обгонявшими другъ друга, таявшими въ синемъ воздухѣ.

— Да, тамъ не то будетъ!—вдругъ проговорилъ Петръ Ивановичъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанья.

— И вы о томъ же думали? — сказалъ Евгеній, не поворачивая головы. — Я вотъ все время объ этомъ раздумывалъ... Страшно мнѣ что-то, Петръ Ивановичъ... очень страшно!..

— Какъ не страшно: тамъ волки живьемъ людей на улицахъ ѣдятъ, только рожки да ножки и оставляютъ, — насмѣшливымъ тономъ проговорилъ Петръ Ивановичъ.

Евгеній молчалъ, но въ его головѣ промелькнула мысль, что и Петръ Ивановичъ боится возврата въ городъ и сердится на себя, ругаетъ себя въ душѣ за эту боязнь. Евгеній давно привыкъ угадывать мысли Петра Ивановича по выраженію его лица, по тону его голоса.

— А вотъ что мы на печи залежались да на даровыхъ хлѣбахъ зажились—это вѣрно!—продолжалъ Рябушкинъ, все тѣмъ же тономъ иронiи и неудовольствія.—Еще бы годика два здѣсь пожили и совсѣмъ бы обабились да одичали. Гдѣ это — у Тургенева, кажется? — говорится о человѣкѣ, который обабился до того, что подолъ сталъ поднимать, переходя черезъ грязь... Ну, вотъ и мы скоро дошли бы до этого!.. Нѣтъ, ея сіятельство княгиня Марья Всеволодовна права, что Олимпіадѣ Платоновнѣ блажная мысль пришла переселиться въ деревню да уединиться отъ общества. Шутка ли, четыре года по-своему прожили, а теперь привыкай опять по-людски жить!

Digitized by Google

Евгеній улыбнулся.

— А какъ же мы-то жили, если не по-людски? — спросилъ онъ.

— А кто его знаетъ, по-человѣчески, должно-быть, все на откровенностяхъ да на сентиментахъ проѣзжались, — сказалъ Рябушкинъ: — а въ людяхъ на этомъ далеко не уйдешь. Скажи подлецу, что онъ подлецъ, такъ онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ, если силы хватитъ!.. Вотъ попробуйте ея сіятельству княгинѣ Маріѣ Всеволодовнѣ откровенно сказать, что она не святая, а ханжа, такъ она вамъ этого по гробъ не забудетъ. Вѣдь, чтобы не вооружить ее противъ себя, нужно въ душѣ ее хоть къ чорту посылать, а для виду умиляться да преклоняться передъ ней. А это тоже не легкая штука—лгать-то! Къ этому пріучиться нужно, тоже наука. Да иной и хотѣлъ бы ее постигнуть, такъ не можетъ. Вонъ у меня физія такая подлая, языкъ, пожалуй, и солгалъ бы, такъ рожа выдастъ, сейчасъ въ этакую ядовитую улыбку скривится. Еще въ дѣтствѣ мнѣ за эту улыбку доставалось. Былъ у насъ такой преподаватель иностранецъ, ехидная бестія и ничего не зналъ. Я, бывало, улыбнусь, когда онъ что-нибудь сморозитъ, а онъ мнѣ сейчасъ: «Рябушкинъ, вы знаетъ, что я не люблю улибующійся физіономи», и крутитъ нули...

Евгеній опять улыбнулся.

— Да, ваша улыбка всегда выдастъ васъ, если вамъ что не по душѣ,—сказалъ онъ.

— Да, батенька, пріучишься улыбаться, какъ тутъ неправда да тамъ несправедливость, какъ сегодня бьютъ да завтра порютъ,—сказалъ Рябушкинъ.—На мнѣ только печки не было... Тутъ поневолѣ или, какъ Демокритъ, посмѣиваться надо всѣмъ будешь, или, какъ Гераклитъ, оплакивать всѣхъ станешь... а то бываетъ и хуже: научишься съ волками жить, по-волчьи и выть... Это ужъ совсѣмъ послѣднее дѣло...

— А вы еще подшучиваете, что я боюсь въ Петербургъ ѣхать!—проговорилъ Евгеній.

— Ну, васъ-то тамъ это не ждетъ: ни бить, ни драть не станутъ,—сказалъ Рябушкинъ.

— Знаю, что не будутъ сѣчь,—проговорилъ Евгеній.— Меня не это и пугаетъ, а то, что я совсѣмъ не знаю, что меня тамъ ждетъ...

— Ну, батенька, смертнаго часа и никто не знаетъ,—

Digitized by Google

шутливо отвѣтилъ Рябушкинъ. — Такой ужъ предѣлъ человѣку отъ Господа положенъ, что завѣса будущаго закрыта...

Евгеній перевернулся лицомъ къ Рябушкину и, приподнявшись на локтѣ, прямо взглянулъ на него.

— А вы не знаете, какъ васъ встрѣтитъ мать? — спросилъ онъ.

Рябушкинъ искоса взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Экую штуку выдумали? Еще бы мнѣ этого не знать.

— Ну, а вотъ я этого не знаю, — проговорилъ горячо Евгеній. — Я не знаю, какъ меня встрѣтитъ мать, какъ встрѣтитъ отецъ, не знаю вообще, встрѣчу ли я ихъ.

Петръ Ивановичъ поморщился.

— Эхъ, опять вы родителей поминаете! — проворчалъ онъ.—Десятки разъ я вамъ говорилъ, что это бросить надо. Ну, разъѣхались тамъ по чему-либо фатеръ съ мутершей, отдали васъ тетенькѣ на воспитаніе,—ну, и отлично!..

— Вы совсѣмъ не то думаете, Петръ Ивановичъ, что говорите,—тихо, но твердо проговорилъ Евгеній, принимая прежнее положеніе.

Петръ Ивановичъ сталъ что-то насвистывать. Наступило тяжелое молчаніе. Евгеній заговорилъ первый. Но онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто не обращался ни къ кому постороннему и уяснялъ вслухъ самому себѣ извѣстное положеніе.

— Хуже всего то, что я о нихъ ничего не знаю. Кого ни спросишь о нихъ, всѣ или отмолчаться стараются, или солгутъ что-нибудь. Почему они такъ вдругъ уѣхали, почему бросили насъ, почему даже не пишутъ намъ,—ничего не знаю. Гдѣ они, какъ живутъ, — отвѣта ни отъ кого не добьешься. Вотъ теперь поѣдемъ въ Петербургъ,—увидимъ мы ихъ, возьмутъ ли они насъ опять къ себѣ?

— И не увидите вы ихъ, и не возьмутъ они васъ къ себѣ, потому тоже не особенная радость съ вами имъ возиться, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ сердито. — Попусту вы только ворошите эти вопросы. Брали бы примѣръ съ сестры, она, я думаю, и имена-то забыла вашихъ фатера и мутерши.

— Оля—ребенокъ!—отвѣтилъ Евгеній.

— А вы — мужъ, убѣленный сѣдинами, что ли? Слава Богу, только двумя годочками съ небольшимъ старше ея.

— Такъ-то такъ, да вонъ ей и теперь еще миссъ Ольдкопъ читаетъ «про неряшливаго мальчика и про чистоплотную дѣвочку», а она слушаетъ,—замѣтилъ Евгеній.

Digitized by Google

Собесѣдники смолкли. Имъ было не по себѣ. Нѣсколько разъ они пробовали обмѣниваться фразами о тѣхъ или другихъ предметахъ, но разговоръ тотчасъ же падалъ и обрывался. У обоихъ въ головѣ вертѣлся одинъ вопросъ, что ждетъ ихъ впереди. Оба они не могли дать отвѣта на этотъ вопросъ, не зная, какъ распорядится судьба ихъ участью. Куда отдадутъ Евгенія? Останется ли и въ Петербургѣ Петръ Ивановичъ при мальчикѣ? Придется ли Петру Ивановичу искать новое мѣсто? Поступитъ ли Евгеній куда-нибудь на полный пансіонъ или будетъ только ходить въ какое-нибудь училище? Всѣ эти вопросы тяготили ученика и учителя.

— Да, да, байбаками мы совсѣмъ сдѣлались! — вдругъ проговорилъ Петръ Ивановичъ, потянувшись и поднимаясь съ мѣста.—Ужъ это натура у человѣка такая подлая: дай ему пожить годика два въ холѣ да въ довольствѣ, не думая о томъ, гдѣ онъ завтра чего-нибудь пожрать добудетъ, — и раскиснетъ сейчасъ человѣкъ, и страхи у него сейчасъ явятся, если въ перспективѣ онъ не видитъ готоваго угла и съ периною, и съ ястьвами, и со всякими благодатями!

Онъ поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, батенька,—продолжалъ онъ: — вы благодарите еще Бога, что княгиня Марья Всеволодовна рано глаза открыла Олимпіадѣ Платоновнѣ насчетъ вашего положенія, а то бы вы тутъ мохомъ обросли, въ Сансуси-то этомъ самомъ! Тоже хорошую воспитательную систему придумали: увезли дѣтей на необитаемый островъ, стали ихъ поить, кормить да холить, начали ихъ ото всего оберегать да ублажать... Да этакъ только индюшекъ воспитать можно и то потому, что ихъ на убой готовятъ... А дѣти-то должны силами да выносливостью запастись, чтобы не подставлять головы, подобно цыплятамъ, подъ ножъ перваго попавшагося повара...

Евгеній улыбнулся. Онъ понялъ, что Петръ Ивановичъ опять сердится на себя за боязнь передъ будущимъ, за тоску о прошедшемъ мирномъ житьѣ, однимъ словомъ, за «сентименты», какъ обыкновенно выражался въ подобныхъ случаяхъ самъ Петръ Ивановичъ.

Но какъ ни храбрился Петръ Ивановичъ, а «подлая трусость» давала себя чувствовать на каждомъ шагу, тоска росла все сильнѣе и сильнѣе, неизвѣстность будущаго пугала все болѣе и болѣе. Петръ Ивановичъ ругалъ себя за

Digitized by Google

«тряпичность натуры», называлъ себя «обабившимся байбакомъ», стыдилъ даже себя тѣмъ, что «только коникъ пристало такъ привыкать къ мѣсту», но отъ тяжелаго чувства отдѣлаться не могъ, видя приготовленія къ отъѣзду, слыша постоянные вздохи женщинъ о «покидаемомъ гнѣздышкѣ», видя задумчивое, невеселое лицо Евгенія.

— А ужъ и унынія же мы на себя столько напустили, что страсть! — пробовалъ онъ, шутя, замѣтить Олимпіадѣ Платоновнѣ.

— Что-жъ, здѣсь еще это можно, осудить некому,—отвѣтила Олимпіада Платоновна. — А вотъ въ Петербургъ пріѣдемъ, такъ тамъ такія маски равнодушія надѣнемъ, что изъ-подъ нихъ никакое чувство не проглянетъ... Тамъ, голубчикъ, люди родную мать хоронятъ да стараются потише плакать, чтобы не показаться неприличными, ну, а здѣсь... здѣсь даже и голосить можно.

— Эхъ, — проговорилъ Петръ Ивановичъ, махнувъ рукой: — нынче сколько разъ ни начинай за здравіе, а все сведешь за упокой!..

Съ тѣхъ поръ какъ начались сборы къ отъѣзду, Олимпіада Платоновна все болѣе и болѣе недружелюбно относилась къ Петербургу. Онъ страшилъ ее болѣе, чѣмъ кого-нибудь изъ ея кружка. Она понимала необходимость ѣхать въ столицу, ввести дѣтей въ кругъ родственниковъ, закончить ихъ образованіе, поставить ихъ на твердую почву, но въ то же время она сознавала вполнѣ и то, что у этихъ дѣтей есть мать, живущая въ Петербургѣ, и отецъ, могущій пріѣхать въ Петербургъ, — и это страшило ее. Оставятъ ли эти люди въ покоѣ своихъ дѣтей, не напомнятъ ли они какъ-нибудь о себѣ этимъ дѣтямъ, что будутъ отвѣчать эти дѣти, если ихъ спросятъ, отчего ихъ бросили родители, или если имъ разскажутъ о какихъ-нибудь продѣлкахъ этихъ родителей? Бросить дѣтей родителямъ было легко. Но не такъ легко уничтожить всякую связь между родителями и дѣтьми. Попробуйте представить кому-нибудь молодого человѣка и сказать, что это сынъ извѣстнаго вора, извѣстнаго сыщика, извѣстнаго разбойника, извѣстнаго палача,—и вы увидите, съ какимъ недовѣріемъ взглянутъ на этого юношу. Вѣдь кто его знаетъ, можетъ-быть, и онъ многое унаслѣдовалъ отъ своего родителя, можетъ-быть, и это яблоко недалеко укатилось отъ яблони... «Положимъ, дѣти не могутъ отвѣчать за родителей, но все же нельзя особенно довѣрять молодымъ отпрыскамъ гнилыхъ

Digitized by Google

корней». Такъ всегда разсуждаютъ люди... Олимпіада Платоновна сознавала это отлично, не даромъ же она вращалась десятки лѣтъ именно въ той средѣ, гдѣ существуетъ болѣе всего осторожности и предубѣжденій въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Какія-то зловѣщія предчувствія наполняли душу старухи и не разъ, тяжело вздыхая, повторяла она мысленно при видѣ Ольги и Евгенія:

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти, что-то васъ ждетъ впереди?

VI.

— Займите своихъ милыхъ гостей! Покажите имъ свои книги, свой театръ маріонетокъ!

Эти фразы, сказанныя по-французски, были обращены княгиней Марьей Всеволодовной къ ея дѣтямъ, двумъ стройнымъ мальчикамъ и хорошенькой дѣвочкѣ, дичившимся и сторонившимся отъ Евгенія и Ольги, привезенныхъ Олимпіадою Платоновною впервые съ визитомъ къ княгинѣ.

— Мы привезли этотъ театръ изъ Парижа,—обратилась на французскомъ же языкѣ княгиня къ Олимпіадѣ Платоновнѣ. — Прелестная игрушка. Это нѣчто механическое. Пружины тамъ такія, что все это приводится въ движеніе. Это можетъ заинтересовать даже взрослыхъ!

Потомъ она обратилась къ гувернанткѣ.

— Уведите дѣтей!

Молоденькая гувернантка, съ вѣчнымъ выраженіемъ покорности и послушанія на лицѣ, сказала дѣтямъ: «Пойдемте», и все общество дѣтей въ ея сопровожденіи двинулось на дѣтскую половину.

— У меня, Olympe, свои взгляды на воспитаніе, свои принципы въ этомъ важномъ дѣлѣ, — говорила княгиня Марья Всеволодовна, продолжая начатую рѣчь о воспитаніи дѣтей.—Я не допускаю въ этомъ дѣлѣ случайныхъ вліяній, возможности глядѣть на все сквозь пальцы, допускать, чтобы дѣло шло, какъ Богъ на душу положитъ. О, нѣтъ! такъ нельзя къ этому относиться. Тутъ должна быть строго выработанная система, твердость въ ея примѣненіи на практикѣ. Прежде всего дѣти должны быть дѣтьми, передъ ними должны только постепенно открываться болѣе широкіе горизонты. Преждевременное развитіе, ранняя возмужалость ребенка, все это, правда, можетъ щекотать самолюбіе родителей, гордящихся ребенкомъ-геніемъ, но, Боже мой, развѣ можно приносить въ жертву своему самолюбію, своему тщеславію будущность дѣтей. Эти дѣти-геніи всегда

Digitized by Google

кончаютъ преждевременнымъ старчествомъ, раннимъ пресыщеніемъ...

Олимпіада Платоновна ничего не могла возразить на это.

— Я не вдругъ доработалась до этихъ взглядовъ,—продолжала княгиня.—Я много читала по вопросу о воспитаніи, я совѣтовалась за границей съ лучшими педагогами. Они всѣ признаютъ эту систему единственно правильной и разумной. Конечно, ее не легко проводить послѣдовательно, но что же дѣлать: трудъ воспитанія — долгъ матерей и отцовъ! Мнѣ еще труднѣе справиться съ этой задачей, чѣмъ другимъ, потому что я одна должна слѣдить за всѣмъ, не отъ Алексѣя же ждать помощи...

Покуда княгиня говорила о своихъ взглядахъ на воспитаніе, о своихъ невзгодахъ, о городскихъ слухахъ, на дѣтской половинѣ совершалось знакомство ея дѣтей съ Евгеніемъ и Ольгой. Сыновья княгини, Валеріанъ и Платонъ, мальчики пятнадцати и четырнадцати лѣтъ, не дѣлали надъ собой никакихъ усилій, чтобы занять гостей. Они равнодушно и хладнокровно осматривали Евгенія и Ольгу съ ногъ до головы, покуда ихъ гувернантка и ихъ тринадцатилѣтняя сестра Тата показывали гостямъ театръ маріонетокъ.

— Это полишинель, это коломбина, это пьеро, — сообщала Тата Ольгѣ при появленіи на сценѣ дѣйствующихъ лицъ арлекинады, разыгрываемой на сценѣ театра маріонетокъ.

— Это народная итальянская пьеса, — пояснила гувернантка вялымъ и однообразнымъ тономъ, точно отвѣчая урокъ въ классѣ. — Въ Италіи народъ очень любитъ арлекинады, и безъ нихъ не обходится ни одинъ народный праздникъ...

Оля съ разгорѣвшимися щечками и съ блестящими глазенками слѣдила съ любопытствомъ за всѣмъ происходившимъ на игрушечной сценѣ; она до сихъ поръ не видала ничего подобнаго и, немного раскрывъ свой розовый ротикъ, искренно восторгалась при видѣ пляшущихъ на веревочкахъ куколъ.

— И еще можно, чтобы они двигались? — спросила она, когда арлекинада кончилась.

— О, да!—отвѣчала гувернантка.

— Вотъ погоди! Я заведу ключикомъ... Смотри! — оживленно произнесла Тата и стала заводить машину театра.— Это, когда захочешь, тогда и двигаются они!..

Digitized by Google

Евгеній стоялъ въ сторонѣ и совсѣмъ разсѣянно, съ скучающимъ выраженіемъ лица, перелистывалъ на столѣ какую-то книгу, повидимому, даже не смотря на ея страницы, на изображенія «красной шапочки», «кота въ сапогахъ», «мальчика съ пальчикъ» и тому подобныхъ героевъ дѣтскихъ сказокъ.

— А что же ты не смотришь на театръ?—вдругъ спросилъ его Валеріанъ Дикаго какимъ-то рѣзкимъ, точно сиплымъ тономъ.

— Я?..—проговорилъ Евгеній, вздрогнувъ отъ неожиданнаго вопроса, и весь покраснѣлъ.—Я... но это для дѣтей!

— Твоя сестра такая же глупая, какъ Тата,—произнесъ съ усмѣшкой Валеріанъ.

— Глупая?.. Нѣтъ, она не глупая,—проговорилъ Евгеній, совсѣмъ растерявшись отъ неожиданнаго вопроса.

— Ну, да... Вотъ тоже глаза таращитъ вмѣстѣ съ Тата, какъ куклы на веревочкахъ пляшутъ... Тата у насъ тоже совсѣмъ дура...

Это говорилось рѣзко и твердо, хотя и въ полголоса.

— Нечего тутъ съ ними сидѣть, пойдемъ,—вдругъ произнесъ рѣшительнымъ тономъ Валеріанъ и прибавилъ, обращаясь къ гувернанткѣ:—Mademoiselle, мы пойдемъ смотрѣть гербарій въ комнату monsieur Michaud.

Гувернантка какъ-то особенно встрепенулась, покраснѣла и точно съ испугомъ замѣтила:

— Но monsieur Michaud сегодня на похоронахъ у своего дядя...

— Ну-съ?—спросилъ Валеріанъ, нахально взглянувъ на нее какимъ-то не то вызывающимъ, не то строгимъ взглядомъ.

Она вдругъ притихла и упавшимъ голосомъ проговорила:

— Идите... но если maman придетъ... и васъ не будетъ здѣсь...

Валеріанъ вдругъ громко расхохотался.

— А-а, ужъ тогда выдумайте, что хотите!.. Мало ли куда мы могли уйти безъ васъ!

Онъ повернулся на каблукахъ и проговорилъ Евгенію:

— Ну, иди же!

Всѣ три мальчугана направились въ комнату господина Мишо, гувернера князей Дикаго.

— Дура она у насъ, потому всего и всѣхъ боится,—говорилъ дорогою Валеріанъ Евгенію про гувернантку.—C'est la cendrillon de la maison, какъ ее называетъ monsieur Michaud. Ею всѣ помыкаютъ: и онъ, и papa, и maman, и мы.

Digitized by Google

Меня... она и боится меня, и чуть не молится на меня. Да мнѣ что, не люблю я кислятины, потому и обрываю ее. Только одна Тата нѣжность къ ней чувствуетъ. Ну, да Тата, извѣстно, дура. Лѣтомъ муху стала изъ паутины освобождать и лобъ себѣ расквасила, свалившись съ рѣшетки террасы. Она и сандрильону обожаетъ, потому что ту притѣсняютъ. Притѣсняютъ! А гдѣ бы ее стали держать, если она рохля? Maman ее ужъ только потому и держитъ, что maman любитъ покорность, а то куда же бы ее въ порядочный домъ приняли...

Мальчикъ говорилъ бойко, рѣзко и нѣсколько вульгарнымъ тономъ, какъ бы щеголяя тривіальными, ухарскими выраженіями. Въ этомъ слышалось нѣчто умышленное, напускное желаніе казаться взрослымъ, а не пятнадцатилѣтнимъ юношей.

— Ты куришь?—спросилъ онъ, когда они вошли въ комнату гувернера.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Евгеній.

— Горбунья запретила, вѣрно?—спросилъ Валеріанъ.

— Хи-хи-хи! Горбунья! хи-хи-хи!—вдругъ залился жидкимъ, писклявымъ смѣхомъ Платонъ Дикаго, прежде чѣмъ Евгеній успѣлъ отвѣтить на вопросъ Валеріана.

Евгеній быстро повернулъ голову и изумился: Платонъ, весь съежившись, сгорбившись, сидѣлъ въ креслѣ, его ротъ расширился, его глаза сузились, его лицо сжалось, словно оно было сдѣлано изъ гуттаперчи, его плечи вздрагивали и весь онъ трясся, продолжая громко хихикать и безсмысленно повторять «горбунья».

— Ну, опять напустилъ на себя! — сердито проговорилъ Валеріанъ. — Ты знаешь, онъ у насъ на пари по цѣлому часу можетъ такъ юродствовать,—обратился онъ къ Евгенію, закуривая папироску.—Состришь что-нибудь, а онъ и захихикаетъ вотъ этакъ, какъ идіотъ... Только ты не думай, чтобы онъ это въ самомъ дѣлѣ; это онъ только напускаетъ на себя... Monsieur Michaud все научилъ. Скука тоже иногда такая, сидимъ-сидимъ вмѣстѣ, не знаешь, что дѣлать, ну, и куришь, и балаганишь...

Валеріанъ вдругъ махнулъ рукой.

— Ну, да теперь, слава Богу, отдали въ пансіонъ, все же хоть на полъ-дня изъ монастыря вырываемся, — проговорилъ онъ.

— Изъ монастыря?—спросилъ Евгеній.

— Ну, да, мы нашъ домъ монастыремъ называемъ,—по-

Digitized by Google

яснилъ Валеріанъ.—Maman вѣдь совсѣмъ биготка. Это она, впрочемъ, отъ несчастной жизни.

Валеріанъ затянулся папиросой съ важнымъ видомъ взрослаго человѣка, прощающаго грѣхи слабыхъ ближнихъ.

— А она несчастная?—съ недоумѣніемъ спросилъ Евгеній.

— Да, у papa другая семья есть. Впрочемъ, monsieur Michaud говоритъ, maman сама виновата въ томъ, что papa бросилъ домъ.

— Такъ онъ и васъ бросилъ? — вдругъ торопливо спросилъ Евгеній, точно обрадовавшись, что онъ нашелъ еще ребенка, брошеннаго отцомъ.

— Насъ? Нѣтъ,—отвѣтилъ Валеріанъ.—Онъ только на разныхъ половинахъ теперь съ maman живетъ, а насъ—съ какой стати ему насъ бросать? Онъ у насъ веселый и балагуръ. Въ пансіонѣ намъ такія штуки про него разсказывали, что ой-ой-ой... Да и покойный нашъ братъ, разъ подкутивши, многое порассказалъ про papa.

— Ахъ, я видѣлъ, какъ хоронили вашего брата,—замѣтилъ Евгеній.

— Да его изъ-за одной камеліи убили, — пояснилъ Валеріанъ.

— Убили? изъ-за камеліи?—спросилъ Евгеній, недоумѣвая.

— Да. Дуэль изъ-за женщины у него вышла въ Парижѣ,— сказалъ Валеріанъ, пуская дымъ къ потолку.

Въ теченіе всего этого разговора Платонъ молчалъ. Онъ сидѣлъ, сгорбившись въ креслѣ, какъ разъ противъ зеркала. Пососавъ немного папиросу, которая, повидимому, не приносила ему никакого удовольствія, онъ швырнулъ ее въ сторону и сталъ «строить рожи»: онъ бралъ себя за уши и оттягивалъ ихъ въ стороны, въ видѣ раскрытыхъ ставенъ, расширялъ руками вѣки или суживалъ ихъ, растягивалъ пальцами ротъ, показывалъ себѣ языкъ, сморщивая при этомъ невообразимо лицо. Евгенія это безпокоило, непріятно дѣйствуя на его нервы.

— Что это онъ дѣлаетъ?—тихо спросилъ онъ, наконецъ, Валеріана.

— Онъ у насъ шутъ гороховый, — отвѣтилъ Валеріанъ небрежно. — Перестань, Платошка! Уродомъ останешься!— строго сказалъ онъ брату.

Платонъ опять съежился и захихикалъ.

— Пожилъ бы ты въ нашемъ домѣ, такъ и не то бы сталъ дѣлать,—сказалъ Валеріанъ Евгенію.—Отъ однѣхъ проповѣдей maman съ ума сойти можно. И потребностей она

Digitized by Google

никакихъ человѣческихъ не понимаетъ, какъ говорить monsieur Michaud. Ну, поневолѣ ей всѣ и лгутъ, всѣ ее и обманываютъ...

Въ эту минуту послышался стукъ въ двери и раздался голосъ гувернатки:

— Maman васъ зоветъ!

— Идемъ!—отвѣтилъ Валеріанъ и торопливо направился къ письменному столу, стоявшему въ комнатѣ гувернера.

Онъ взялъ какую-то маленькую коробочку, вынулъ изъ нея бѣленькую лепешку и положилъ въ ротъ. Потомъ налилъ на руку изъ флакона духовъ и вытеръ губы.

— Платонъ, бери же лепешки, а то табакомъ пахнуть будетъ,—обратился онъ къ брату. — Maman не знаетъ, что мы куримъ. Тоже готова насъ до сихъ поръ въ коротенькихъ панталончикахъ à l'enfant водить!—пояснилъ онъ Евгенію.—Это просто скучно!

Черезъ минуту они чинно и неторопливо въ обществѣ дѣвочекъ и гувернатки направились въ гостиную. Валеріанъ и Платонъ были неузнаваемы: это были скромные и приличные мальчики, привыкшіе говорить только тогда, когда ихъ спрашивали, или когда имъ позволяли говорить.

— Ну что, видѣли театръ? — спросила княгиня. — C'est amusant, n'est ce pas?.. Ты все разсмотрѣлъ? — спросила она Евгенія. — Это стоитъ подробно разсмотрѣть. Интересный механизмъ.

— Да-съ... видѣлъ,—отвѣтилъ Евгеній и покраснѣлъ.

Въ его головѣ промелькнуло сознаніе, что онъ лжетъ. Онъ лгалъ едва ли не впервые въ жизни, и ему было ужасно стыдно.

— Онъ у тебя немножко дикарь,—сказала княгиня Олимпіадѣ Платоновнѣ.—Но мы его разовьемъ. Вотъ Богъ дастъ зимою попривыкнетъ къ дѣтямъ въ пансіонѣ. У насъ дѣтскіе балы бываютъ. Это пріучаетъ къ общественности, къ умѣнью держать себя въ гостиныхъ... А насчетъ пансіона, я рѣшительно стою за училище Матросова. Онъ самъ былъ долго гувернеромъ у князя Мирскаго, у графа Долгополова, и потому знаетъ требованія нашего круга. Въ лицей, въ правовѣдѣніе Евгенія не легко пристроить, да ты и не хочешь отдавать его въ закрытое заведеніе, а всѣ эти гимназіи, нѣмецкія школы... Богъ знаетъ, съ кѣмъ придется сталкиваться мальчику, какихъ манеръ набраться и притомъ тамъ пренебрегаютъ новыми языками. Наконецъ,— княгиня заговорила совсѣмъ тихо:—для Евгенія связи важ-

Digitized by Google

нѣе всего: его положеніе въ обществѣ слишкомъ шатко, двусмысленно, чтобы пренебрегать связями, а у Матросова онъ попадетъ въ среду дѣтей, которыя въ будущемъ очень и очень пригодятся ему... Я сама имѣла это въ виду, отдавая туда своихъ дѣтей: Богъ знаетъ, что ждетъ и ихъ...

Олимпіада Платоновна поднялась съ мѣста, чтобы ѣхать. Дѣти стали церемонно прощаться, расшаркиваясь и присѣдая.

— Ну, что же вы? — сказала княгиня по-французски.— Обнимитесь.

Дѣти расцѣловались другъ съ другомъ.

— О, дѣтская дружба — это такое святое чувство, оставляющее слѣды въ душѣ навсегда,—вздохнула въ искреннемъ умиленіи княгиня. — Она облагораживаетъ людскія сердца. Вотъ почему я придаю большое значеніе пансіонамъ, училищамъ...

Возвращаясь съ теткой домой въ каретѣ, Оля безъ умолку съ дѣтскимъ восторгомъ болтала о театрѣ маріонетокъ, о парижской куклѣ, которая и «глаза закрываетъ», и «говоритъ папа и мама». Евгеній упорно молчалъ, смотря безцѣльно въ окно кареты.

— Ну, а тебѣ театръ понравился? — спросила у него Олимпіада Платоновна.

Евгеній покраснѣлъ и проговорилъ:

— Мы, ma tante, въ другой комнатѣ сидѣли.

— Такъ ты и не видалъ театра? — спросила Олимпіада Платоновна.

— Да... нѣтъ... такъ, мелькомъ видѣлъ,—отвѣтилъ Евгеній, запинаясь.

Ему опять стало очень стыдно, но онъ не можетъ откровенно передать теткѣ своихъ впечатлѣній. Но какъ же передавать ей свои впечатлѣнія? Разсказать все, что онъ слышалъ отъ мальчиковъ; передать, что они курили, что Платонъ смотритъ какимъ-то идіотомъ, что они крайне не нравятся ему, Евгенію... Но вѣдь это значитъ осуждать другихъ, наушничать на знакомыхъ, выдавать пріятелей, курящихъ тайкомъ отъ матери? Все это было совсѣмъ не въ правилахъ мальчугана, слышавшаго постоянно отъ тетки, отъ Софьи, отъ Петра Ивановича, отъ миссъ Ольдкопъ, что нѣтъ ничего хуже сплетенъ, страсти осуждать ближнихъ, вмѣшиваться въ чужія дѣла, наушничать. Сколько разъ осмѣивались или порицались при немъ эти пороки; сколько разъ при немъ обрывала Олимпіада Платоновна всякія попытки знакомыхъ къ сплетнѣ. Правда, сама Олимпіада Платоновна очень

Digitized by Google

рѣзко отзывалась о людяхъ, очень часто негодовала на нихъ, но въ этихъ рѣзкихъ отзывахъ не было и тѣни стремленія къ сплетнѣ. Это Евгеній зналъ очень хорошо. Онъ самъ высказывалъ дома свои сужденія о людяхъ, и его не бранили за это, не останавливали. Но теперь—теперь онъ понималъ, что все, что онъ можетъ сказать про Валеріана и Платона Дикаго, будетъ носить характеръ обличенія, открытія ихъ тайнъ, сплетни, и онъ молчалъ. Въ то же время Евгенію было очень тяжело быть впервые неоткровеннымъ, «имѣть тайну» отъ тетки, съ которой до сихъ поръ онъ говорилъ обо всемъ, что приходило ему въ голову, что волновало его. Олимпіаду Платоновну немного удивило его смущеніе, его замѣшательство, но она приписала все его застѣнчивости и непривычкѣ быть въ обществѣ дѣтей.

— Тебѣ надо быть развязнѣе, надо сблизиться съ новыми друзьями,—ласково сказала она.—Они, кажется, такія выдержанныя дѣти...

Евгеній продолжалъ упорно молчать. Онъ ужасно боялся проговориться, возразить что-нибудь теткѣ, высказать болѣе, чѣмъ слѣдовало. Онъ чувствовалъ, что стоило ему проронить слово, и съ его языка польется цѣлый потокъ разсказовъ о вынесенныхъ имъ изъ этого свиданія впечатлѣніяхъ. Его выручила Оля, продолжавшая неумолкаемо болтать о театрѣ, о куклѣ, о книгахъ съ картинками, «которыя движутся».

— Возьмешь за ниточку, ma tante, а онѣ и двигаются, и двигаются!—восхищалась раскраснѣвшаяся отъ восхищенія дѣвочка.—И левъ въ клѣткѣ, и тигръ, и всѣ двигаются и вотъ такъ, вотъ такъ головами дѣлаютъ!

Оля показала, какъ звѣри дѣлаютъ головами.

При второй встрѣчѣ дѣтей въ квартирѣ Олимпіады Платоновны сыновья княгини Маріи Всеволодовны Дикаго обошлись съ Евгеніемъ, какъ со старымъ товарищемъ. Валеріанъ сильно пожалъ и потрясъ его руку, какъ вполнѣ взрослый человѣкъ. Видно было, что оба брата Дикаго давно пріучены держать себя съ свѣтскою развязностью, не дичась, не сторонясь при встрѣчахъ со своими сверстниками. Прохаживаясь по залѣ съ Евгеніемъ и болтая о чемъ попало, Валеріанъ Дикаго, между прочимъ, неожиданно спросилъ:

— Ты здѣсь съ сестрой и будешь жить у тетки?

— Да,—отвѣтилъ Евгеній.

— А отецъ и мать не увезутъ васъ къ себѣ?

Евгеній мгновенно поблѣднѣлъ и глухо, точно ему вдругъ что-то сдавило горло, отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Нѣтъ!

— Отчего maman не велѣла спрашивать у тебя объ отцѣ и матери?—рѣзко спросилъ Валеріанъ.

— Не велѣла?.. Я не знаю... — отвѣтилъ Евгеній, сдва переводя духъ.—Тебѣ она не велѣла?—спросилъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе.

Ему казалось, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ узнаетъ какую-то тайну о своихъ отцѣ и матери. Сердце его въ груди какъ-будто перестало биться, и онъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Да, мнѣ,— отвѣтилъ Валеріанъ. — Когда вы были у насъ, я за обѣдомъ спросилъ у maman, кто твой отецъ и гдѣ онъ. Она и сказала мнѣ, что твой отецъ и твоя мать уѣхали, и что не надо у тебя о нихъ спрашивать, такъ какъ тебѣ грустно вспоминать о нихъ. Это правда?

— Да,—коротко отвѣтилъ Евгеній.

Наступила короткая пауза.

— Что же еще она говорила? — спросилъ Евгеній, надѣясь еще услышать что-нибудь болѣе важное для него.

— Ничего больше не говорила,—отвѣтилъ Валеріанъ.— А они куда уѣхали?

Евгеній былъ совсѣмъ смущенъ. Онъ не умѣлъ ни лгать, ни притворяться, ни ловко перемѣнять непріятные разговоры.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, не находя другого отвѣта.

— Да развѣ они и не пишутъ тебѣ?—допрашивалъ Валеріанъ.

— Не пишутъ... то-есть, давно не писали,—совсѣмъ растерянно отвѣтилъ Евгеній, у котораго словно что-то подступало къ горлу, задерживая слова.

— Отецъ твой служитъ?—допрашивался Валеріанъ.

— Да, служитъ...

— Такъ, вѣрно, онъ по службѣ уѣхалъ?

— Да, по службѣ...

— А онъ какое мѣсто занимаетъ?

— Мѣсто?.. я не знаю...

Платонъ тихо захихикалъ при этомъ отвѣтѣ Евгенія.

— Какъ не знаешь?—спросилъ съ удивленіемъ Валеріанъ.

— Онъ... онъ давно уѣхалъ...

— Да онъ военный?

— Нѣтъ.

Евгеній давалъ отвѣты какъ бы безсознательно, наобумъ. Въ его глазахъ стоялъ туманъ, голосъ его сталъ глухимъ, сдавленнымъ, на лбу выступалъ холодный потъ. Къ счастію его, княгиня Марья Всеволодовна поднялась съ мѣста и

Digitized by Google

позвала дѣтей, чтобы ѣхать. Прощаясь съ Евгеніемъ и Ольгой, она замѣтила Олимпіадѣ Платоновнѣ:

— Онъ, Olympe, кажется, нездоровъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила Олимпіада Платоновна и взглянула на Евгенія.

Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Ты боленъ? Что съ тобой?—тревожно спросила она.

— Я... я... ничего... мнѣ немного дурно... — прошепталъ онъ, машинально проведя рукой передъ глазами, и вдругъ быстро отвернулся и вышелъ изъ залы.

Олимпіада Платоновна, почти не слушая замѣчаній княгини о слабости мальчика, торопилась проститься съ нею и ея дѣтьми, чтобы поскорѣе пройти къ Евгенію. Ее сильно встревожилъ этотъ неожиданный и непонятный для нея случай. Она направилась въ комнату, гдѣ былъ помѣщенъ сю Евгеній, и нашла юношу въ слезахъ, сидящимъ у своего рабочаго стола съ опущенною на руки головой.

— Женя, Женя, что съ тобою? — испуганно спросила княжна, наклоняясь къ мальчику.

Онъ вдругъ поднялся съ мѣста, вытянулся во весь ростъ, быстро вытеръ слезы и раздражительнымъ, настойчивымъ тономъ проговорилъ ей:

— Вы должны мнѣ, наконецъ, сказать, гдѣ мои отецъ и мать! Пора же перестать лгать.

Олимпіада Платоновна взглянула на него растерянымъ взглядомъ, смущенная этимъ непривычнымъ для нея рѣзкимъ, строптивымъ тономъ.

— Я хочу знать!.. Мнѣ надо знать!.. Меня спрашиваютъ, а я не знаю... ничего не знаю, гдѣ они, почему не пишутъ, почему не берутъ насъ... Надо мной смѣяться будутъ... Мнѣ стыдно... мнѣ стыдно... мнѣ тяжело... а вы все молчите... неправду говорите... Такъ нельзя!.. такъ нельзя!.. Еще будутъ спрашивать... Что я отвѣчать буду?..

Эти фразы быстро слетали съ языка Евгенія, и голосъ его изъ рѣзкаго и строптиваго снова, мало-по-малу, перешелъ въ рыдающій тонъ. Слезы опять хлынули изъ глазъ мальчика, и губы его, вздрагивая, уже едва шептали теперь отрывисто фразы:

— Я же не дурачокъ... не маленькій... не маленькій!.. Зачѣмъ меня обманывать!..

Княжна, растерянная, испуганная, страдающая за своего любимца, ласкала и успокаивала его, какъ умѣла, не находя словъ, не сознавая, что нужно сказать.

Digitized by Google

— Полно, полно, успокойся!.. Ну, перестань... Я все скажу, все... Ахъ, да не плачь же, не плачь!—шептала она, теряя голову.

— О, j'ai le coeur gros!—дѣтски наивнымъ тономъ тихо произнесъ онъ, мало-по-малу, успокаиваясь отъ ея ласкъ, припавъ къ ней головой и цѣлуя ея руки.

Онъ опять смотрѣлъ совсѣмъ ребенкомъ, мягкимъ и нѣжнымъ, а не тѣмъ рѣзкимъ и строптивымъ юношей, какимъ онъ такъ неожиданно на одно мгновеніе явился за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Она сѣла въ кресло, онъ опустился передъ ней на колѣни.

— Вы мнѣ все скажете, все, все, ma tante? — говорилъ онъ, сжимая ея руки. — Мнѣ надо знать... мнѣ стыдно не знать про отца и мать... не знать даже, кто они... меня опять будутъ спрашивать... опять будутъ смѣяться...

Она нерѣшительнымъ тономъ, подыскивая выраженія, стараясь быть мягкою и ласковой, начала ему разсказывать.

Это былъ разсказъ сыну про отца и мать, которые бросали другъ друга и своихъ дѣтей...

Евгеній и слушалъ, и перебивалъ ее...

— Значитъ, они не любили одинъ другого? Значитъ, они и насъ не любили?.. Вы говорите, любили? Но вѣдь кого любишь, того хочешь видѣть?.. О, если бы я не жилъ съ вами, я всегда, всегда бѣгалъ бы взглянуть на васъ... Да вотъ Петръ Ивановичъ,—онъ не у насъ теперь живетъ, а каждый день забѣжитъ посмотрѣть на насъ... А они!.. Нѣтъ, нѣтъ, ma tante, они насъ не любили... Вы говорите, ихъ нѣтъ здѣсь... Но вѣдь они могли бы написать... А что я долженъ говорить, если спросятъ о нихъ?.. Что они живутъ въ провинціи и насъ для образованія оставили здѣсь? Значитъ, лгать надо? Въ какомъ же городѣ они живутъ?.. Вы не знаете?.. Что же я долженъ говорить?.. Выдумывать первый попавшійся городъ... опять лгать?..

Эти вопросы прерывали разсказъ и терзали Олимпіаду Платоновну. Она вдругъ увидала, что она вовсе не знала ни характера, ни степени умственнаго развитія, ни душевнаго міра Евгенія. Онъ былъ до сихъ поръ для нея «милый мальчикъ»; ей казалось, что онъ давнымъ-давно уже не думаетъ ни объ отцѣ, ни о матери; она никакъ не могла себѣ представить, чтобы онъ, мальчуганъ, дитя, могъ задать ей серьезные вопросы, на которые у нея не нашлось бы сразу отвѣта. Особенно неловко чувствовала она себя, когда онъ говорилъ ей:

Digitized by Google

— Ma tante, дѣти обязаны любить родителей?.. А родители—они, значитъ, могутъ и не любить дѣтей?

Она объяснила, что хотя и нѣтъ заповѣди, прямо повелѣвающей родителямъ любить дѣтей, но что они все-таки должны любить дѣтей, и что если они не любятъ, то это просто они дѣлаютъ грѣхъ, заблуждаются...

— Но дѣти все-таки должны любить и такихъ родителей?.. Да?.. Такъ зачѣмъ же вы, chère tante, намъ не напоминали, чтобы мы писали отцу и матери, чтобы высказывали имъ свою любовь, чтобы мы не забывали ихъ?.. Ля вотъ совсѣмъ ихъ забыла... Они какъ чужіе ей теперь... она, пожалуй, и не узнаетъ ихъ, если они пріѣдутъ... Это ей вѣдь грѣхъ будетъ?..

Онъ добирался до какой-то истины, добирался жадно и болѣзненно, какъ человѣкъ, долго въ молчаніи носившій въ своей душѣ какую-нибудь идею, и получившій, наконецъ, право высказаться объ этой идеѣ, провѣрить прочувствованное, продуманное, пережитое въ тишинѣ. Оставаясь почти ребенкомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ дошелъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ дѣтей и родителей до такихъ глубокихъ и сложныхъ соображеній, до которыхъ люди иногда дорабатываются очень поздно. Въ этомъ отношеніи онъ, такъ сказать, переросъ себя. Но какъ это случилось? Съ которыхъ поръ онъ сталъ задумываться надъ этимъ вопросомъ, гдѣ и у кого добивался онъ тѣхъ или другихъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія? О, Олимпіада Платоновна ничего этого не знала. Она только сознавала теперь, что онъ пережилъ все то, о чемъ говорилъ теперь, что онъ додумался въ этомъ отношеніи до многаго такого, до чего не додумываются въ его лѣта другіе. Она не знала, что это явленіе часто встрѣчается въ дѣтяхъ; такъ иныя дѣти, оставаясь вполнѣ дѣтьми во всемъ остальномъ, являются совершенно развитыми, какъ взрослые, въ дѣлѣ разврата, лживости, способности проводить другихъ своими хитростями. Тревожно слушая его вопросы, Олимпіада Платоновна была тѣмъ болѣе смущена, что она не могла отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ даже обычными въ подобныхъ случаяхъ замѣчаніями, что «это праздное любопытство», что «это ему еще рано знать», что «лучше всего оставить этотъ разговоръ» и «вовсе не думать объ этомъ, а думать объ ученьи, объ урокахъ, о серьезныхъ предметахъ, а не объ этихъ пустякахъ». Она очень хорошо понимала теперь, что мальчика на каждомъ шагу могутъ спросить здѣсь: кто его

Digitized by Google

отецъ и кто его мать, гдѣ они живутъ, почему они не держатъ у себя дѣтей? Отвѣчать на эти вопросы незнаніемъ было бы смѣшно и странно для четырнадцатилѣтняго мальчика. Какъ это она не предвидѣла всего этого прежде! Значитъ, къ этимъ отвѣтамъ онъ долженъ приготовиться, долженъ научиться лгать. Она понимала теперь, что его должно приготовить и къ тому, какъ онъ долженъ держать себя при встрѣчѣ съ отцомъ или матерью, какъ онъ долженъ отнестись къ какимъ-нибудь толкамъ объ этихъ людяхъ. А толки о нихъ—по крайней мѣрѣ, толки о его матери—уже стали доходить до нея. Они могутъ дойти и до мальчика... Всѣ эти мысли вдругъ нахлынули въ ея голову и настолько серьезно встревожили и смутили ее, что ужъ, конечно, не она могла бы сказать мальчику, что онъ ошибается отъ этихъ самыхъ мыслей по пустякамъ: для него-то эти вопросы были еще существеннѣе, еще серьезнѣе. Она только не могла надивиться самой себѣ, какъ это до сихъ поръ она не передумала всего этого, не предвидѣла всѣхъ этихъ соображеній. Больнѣе всего ей было то, что она въ эти минуты откровенныхъ изліяній, когда онъ смотрѣлъ въ ея глаза съ такимъ довѣріемъ, должна была лгать ему, говоря, что не только его отца нѣтъ въ Петербургѣ, но и матери. Но какъ же могла она поступить иначе. Сказать, что его мать въ Петербургѣ, но что онъ не долженъ ходить къ ней. Почему? Потому, что это будетъ ей непріятно? Да отчего же ей будетъ непріятно посѣщеніе любящаго сына?.. Но можно ли знакомить ребенка съ этой стороной жизни его матери? Сказать ему, что самое лучшее забыть ее? Но какъ же примирить этотъ совѣтъ съ предписаніемъ заповѣди? Да, ему нужно было солгать, сказавъ, что его мать далеко. А если онъ откроетъ ложь?.. Онъ поставилъ ее въ самое неловкое положеніе, спросивъ: богаты или бѣдны его родители, и чѣмъ живетъ его мать? Она опять что-то солгала ему, и ей показалось, что онъ угадалъ, что она лжетъ... Ей было невыносимо тяжело...

О, какъ жалѣла теперь Олимпіада Платоновна о своемъ деревенскомъ затишьи, гдѣ жилось такъ мирно, гдѣ нечего было опасаться непріятныхъ встрѣчъ и столкновеній!

VII.

Сожалѣлъ о Сансуси и Евгеній. Съ того памятнаго утра, когда онъ такъ долго, такъ горячо бесѣдовалъ съ Олимпіадой Платоновной объ отцѣ и матери, въ немъ произошла

Digitized by Google

какая-то перемѣна. Онъ сталъ еще серьезнѣе, еще сосредоточеннѣе и словно выросъ. Онъ носилъ въ душѣ скорбь и вырвавшееся у него тогда восклицаніе: «Oh, j'ai le coeur gros» какъ нельзя лучше опредѣляло теперь его состояніе. Да, его сердце было переполнено скорбью, и ему серьезно казалось, что ни у кого нѣтъ такого горя, какое носитъ онъ въ сердцѣ. Имѣть отца и мать и быть брошеннымъ ими безъ всякой вины съ его стороны; сознавать, что отецъ и мать не любятъ его, своего сына, хотя онъ самъ ничѣмъ не заслужилъ этого; носить въ душѣ убѣжденіе, что отца и мать нужно любить, и въ то же время знать, что эту любовь онъ можетъ проявлять только однимъ способомъ: не писать имъ, не попадаться имъ на глаза, не напоминать имъ о себѣ, такъ какъ именно это напоминаніе имъ о себѣ несноснѣе всего для нихъ. Это казалось мальчику такимъ горькимъ, такимъ тяжелымъ испытаніемъ. И тѣмъ тяжелѣе становилось ему, чѣмъ шумнѣе и безпечнѣе, чѣмъ счастливѣе и веселѣе смотрѣли вокругъ него другія дѣти. О, съ какою радостію онъ убѣжалъ бы отъ нихъ туда, въ деревенскую глушь, гдѣ жилось такъ мирно и хорошо. Да, не даромъ въ послѣдніе дни жизни въ Сансуси онъ съ такой тревогой, съ такимъ страхомъ думалъ о Петербургѣ. Именно эти дни разлуки съ дорогимъ тихимъ гнѣздышкомъ вполнѣ ясно, вполнѣ отчетливо рисовались въ воображеніи Евгенія, когда онъ бродилъ или сидѣлъ среди другихъ мальчиковъ и юношей въ аристократическомъ пансіонѣ Владиміра Васильевича Матросова, куда онъ поступилъ въ число приходящихъ учениковъ. Каждая мелочная подробность разговоровъ, сценъ, прогулокъ, природы, всего того, что окружало его тогда, вспоминалась ему теперь среди этой чуждой ему толпы нарядныхъ, выдрессированныхъ, ловкихъ сверстниковъ, говорившихъ о непонятныхъ для него вещахъ, о чуждыхъ для него интересахъ.

Когда онъ впервые попалъ въ кружокъ юношей, кончавшихъ въ пансіонѣ Матросова образованіе, подготовлявшихся въ высшія учебныя заведенія, въ юнкера, онъ увидалъ сначала только лицевую сторону медали: юноши сидѣли на своихъ мѣстахъ въ классахъ, хотя и не безъ шуму и не безъ смѣха, но все же сидѣли; они выучивали и отвѣчали уроки, хотя и небрежно, и лѣниво, но все же выучивали и отвѣчали; они относились къ учителямъ, если и не безусловно покорно и не съ полнымъ уваженіемъ, то все же, хотя по внѣшности, прилично. Смотря на все это, на официальную школьную обстановку, на официальныя лица учителей, на официаль-

Digitized by Google

ныя отношенія учащихъ и учащихся, онъ былъ убѣжденъ, что и здѣсь дѣла идутъ, какъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, о которыхъ онъ слышалъ не мало разсказовъ отъ Петра Ивановича. «Школа,—говорилъ Петръ Ивановичъ:— это такое мѣсто, гдѣ одни стараются поскорѣе доучить, а другіе поскорѣе доучиться—вотъ и все». Этихъ казенныхъ, если можно такъ выразиться, отношеній къ дѣлу Евгеній ждалъ впередъ, и они не могли особенно удивить его, представившись ему здѣсь. Но даже эти казенныя отношенія къ дѣлу были здѣсь только «казовымъ концомъ». Пансіонъ Матросова былъ какъ будто бы созданъ именно для тѣхъ людей, которые не могли по своему развитію, по своимъ знаніямъ попасть куда-нибудь въ казенныя учебныя заведенія, въ гимназіи, лицеи, военныя училища. Сюда стекалось какое-то умственное и нравственное убожество. Уже въ первые же дни классныхъ занятій его поразили нѣкоторыя замѣчанія учителей, въ родѣ слѣдующихъ: «Ну, вы опять ни въ зубъ толкнуть, да, впрочемъ, вы вѣдь по юнкерской части пойдете, такъ не много премудрости отъ васъ и потребуютъ», или: «Меньше бы вы рысаковъ гоняли, тогда въ головѣ у васъ вѣтеръ-то и не ходилъ бы», или: «Вѣдь, если вы такъ будете учиться, такъ вы и до тридцати лѣтъ двухъ строкъ не будете въ состояніи написать правильно». На эти замѣчанія слышались тоже немало поражавшіе Евгенія отвѣты: «Я, Петръ Павловичъ, не въ профессора математики готовлюсь»,—говорилъ одинъ ученикъ учителю. «Чего же вамъ еще нужно, если я вызубрилъ все по учебнику; кромѣ этого меня ничего на экзаменѣ не спросятъ»,—говорилъ другой. «Хочу — буду учиться, захочу — выйду изъ училища, это мое дѣло»,—говорилъ еще категоричнѣе третій. Что-то странное, что-то неестественное было въ этихъ отношеніяхъ «великовозрастныхъ» учениковъ къ учителямъ: учителя какъ будто побаивались учениковъ, ученики какъ будто презирали учителей. Какимъ-то цинизмомъ вѣяло отъ этихъ откровенныхъ отношеній. Познакомившись ближе съ этимъ міромъ взрослыхъ юношей изъ денежной и родовой аристократіи, пріютившихся, въ качествѣ пансіонеровъ, полупансіонеровъ и приходящихъ учениковъ, въ пансіонѣ Матросова, Евгеній увидалъ чудовищныя вещи, о которыхъ ему и во снѣ не снилось прежде: все, что онъ зналъ о бурсѣ, о гимназіяхъ, о мелкихъ школахъ, блѣднѣло передъ тѣмъ, что онъ увидѣлъ здѣсь. Вся эта молодежь дѣлилась на группы, на кружки; въ каждомъ кружкѣ было

Digitized by Google

свое крупное свѣтило, окруженное болѣе скромными звѣздочками; у каждаго кружка были свои вкусы, свои склонности, свои привычки, обусловливавшіяся вкусами, склонностями и привычками главы, свѣтила того или другого кружка.

Въ кружкѣ, составлявшемъ свиту сынка коммерціи совѣтника Иванова, шли толки о рысакахъ, жеребцахъ и кобылахъ съ ивановскаго завода, получавшихъ призы на бѣгахъ и скачкахъ; въ средѣ юношей, составлявшихъ хвостъ юнаго Телкина, упоминались имена извѣстныхъ кокотокъ, извѣстныхъ кутилъ, извѣстныхъ скандалистовъ; въ обществѣ, составлявшемъ партію сына вдовствующаго генерала Попова, не сходили съ языка разговоры о преферансѣ, ералашѣ, ландскнехтѣ и другихъ азартныхъ и неазартныхъ играхъ. Менѣе всего среди этихъ юношей, отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ включительно, говорилось объ урокахъ, о книгахъ, о занятіяхъ.

Эти юноши, сохранявшіе хотя внѣшнее приличіе въ отношеніи къ учителямъ во время классовъ, относились внѣ классовъ непозволительно нахально и дерзко къ учителямъ и гувернерамъ, про которыхъ говорилось въ ихъ кружкахъ, что «Матросовъ набираетъ съ борка и съ сосенки всякую голь въ гувернеры, благо эта голь идетъ служить за гроши», и что «Матросовъ знаетъ, кого въ учителя взять для того, чтобы никто не провалился на экзаменахъ при поступленіи въ другія заведенія». И дѣйствительно, только голодные и холодные, пришибленные судьбою и страдавшіе какими-нибудь недостатками люди пристраивались въ гувернеры къ Матросову, они рады были углу, куску хлѣба и возможности добыть такъ или иначе кусокъ хлѣба, правда, не отъ Матросова, а отъ своихъ воспитанниковъ. Въ учителя къ Матросову тоже шли только тѣ люди, которые не брезгали почти даромъ получать большія деньги и брать взятки при тѣхъ или другихъ экзаменахъ.

— Je m'en vais, monsieur!—говорилъ Телкинъ французу-гувернеру, господину Прево, покидая пансіонъ не въ урочное время.

— Filez, filez, mon cher! Mais n'oubliez pas un cigare!—любезно отвѣчалъ французъ.

Телкинъ дѣйствительно исчезалъ вечеромъ изъ пансіона, а утромъ подавалъ господину Прево сигару, завернутую въ бумажку... иногда пяти, иногда десятирублеваго достоинства.

Digitized by Google

— Павелъ Павловичъ, не лѣзьте! Мы заняты разрѣшеніемъ математическихъ задачъ!—кричалъ Поповъ русскому гувернеру Алябьеву, замкнувшись съ товарищами вечеромъ въ отдаленной комнатѣ.

Павелъ Павловичъ отходилъ отъ дверей.

— Ну, а какъ онъ заставитъ отворить и увидитъ, что мы играемъ въ карты?—замѣчалъ кто-нибудь изъ игравшихъ въ ландскнехтъ воспитанниковъ, еще не искусившійся въ обычаяхъ пансіона.

— Такъ я ему, чернильной душѣ, пущу стуломъ въ голову! — сурово рѣшалъ Поповъ. — Всякаго лакея слушать, что ли, прикажешь?

— Геенъ зи, геенъ зи! У меня конфшмерценъ, такъ мнѣ не до васъ,—пояснилъ гувернеру-нѣмцу Ивановъ, когда тотъ вечеромъ подходилъ къ его кружку, чтобы прослушать уроки.

Нѣмецъ грозилъ ему пальцемъ и отходилъ.

— Я его по праздникамъ по Невскому, нѣмчуру, на рысакахъ катаю и завтраками кормлю,—пояснилъ Ивановъ товарищамъ:—такъ много разговаривать не будетъ. Да если бы и сталъ разговаривать, такъ я такъ-то отцу нажалуюсь, что его въ-три-шеи отсюда велятъ выгнать и опять съ шарманкой ходить будетъ... Знаемъ мы ихъ, голоштанниковъ! Лопотать только по-своему умѣютъ, а больше ни шиша не знаютъ.

— Ну, братъ, не выгонятъ тоже изъ-за тебя,—возражали ему иногда товарищи.

— Что? Не выгонятъ? А вы знаете, сколько Матросовъ забралъ у отца денегъ? А? Нѣтъ, не знаете? Ну, такъ и не толкуйте, что изъ-за меня не выгонятъ? Передо мной и самъ Матросовъ на заднихъ лапкахъ ходитъ. На прошлой недѣлѣ былъ у меня на именинахъ, пили, пили, до положенія ризъ у меня на половинѣ, я ему и говорю: «А вы, Владиміръ Васильевичъ, въ присядку умѣете плясать?» «Умѣю», говоритъ. «Ну, говорю, давайте плясать». И проплясалъ! А ты говоришь, изъ-за меня не выгонятъ!

Разговоры объ экзаменахъ были еще откровеннѣе. Тому столько-то надо заплатить, этому столько-то—вотъ и выдержишь экзаменъ. Если дать Матросову хорошій кушъ—онъ и самъ дипломъ сфабрикуетъ. Тоже нанять можно какого-нибудь голяка за себя на время экзаменовъ. Все это говорилось съ полнымъ убѣжденіемъ, что это такъ и должно быть: на что же и деньги существуютъ, какъ не на то, чтобы при помощи ихъ обдѣлывать все, что вздумаешь.

Digitized by Google

Эти отношенія, прикрывавшіяся приличною внѣшностью пансіона, относительнымъ порядкомъ во время классныхъ занятій, маскою, надѣваемою и учителями, и учениками, доходили до невѣроятныхъ безобразій, всплывая наружу только иногда.

Матросовъ зналъ свою публику. Не даромъ же онъ долго былъ и гувернеромъ, и учителемъ въ аристократическихъ домахъ. Устраивая свой пансіонъ, онъ прежде всего билъ на внѣшность. Роскошное помѣщеніе, прекрасная мебель, небольшія спальни, на четырехъ воспитанниковъ каждая, широкая программа съ громкими фразами о воспитаніи, имена нѣсколькихъ видныхъ покровителей, все это было пущено въ ходъ при основаніи пансіона. Матросовъ самъ не училъ, не работалъ, но онъ говорилъ и направлялъ дѣло. Отцамъ и матерямъ онъ толковалъ о необходимости хорошаго воспитанія, о манерахъ, о подготовкѣ достойныхъ своего призванія членовъ общества. Юношамъ онъ шутливо замѣчалъ, что главное дѣло не переходить границъ приличія, не афишировать своихъ слабостей и шалостей, никогда не забывать перваго правила джентльмена: «не выносить сора изъ избы». Приглашая къ себѣ извѣстныхъ учителей, онъ, небрежно развалясь въ креслѣ, передавалъ имъ свои взгляды на ихъ обязанности:

— Этимъ золотымъ тельцамъ нужны дипломы или сдача экзаменовъ въ юнкера, въ казенныя заведенія—и больше ничего. Слава Богу, если имъ удастся добиться, чтобы они знали хоть то, что потребуютъ отъ нихъ по программѣ; впрочемъ, можно хлопотать, чтобы на нихъ смотрѣли сквозь пальцы на экзаменахъ: денегъ они не пожалѣютъ; лишняго же отъ нихъ требовать не слѣдуетъ—это не такія головы, да и раздражать ихъ попусту лишнимъ трудомъ не слѣдуетъ. Но хорошо бы имъ читать лекціи съ широкими взглядами, въ интересномъ изложеніи, не для того, чтобы они запомнили все это, а чтобы они могли сказать въ своемъ кругу, какъ интересно у насъ читаютъ лекціи; это притомъ и можетъ заставить ихъ терпѣливо сидѣть въ классахъ. Вообще нужно быть немного циникомъ и смотрѣть на дѣла прямо: это шалопаи—и больше ничего, ихъ нужно перетащить черезъ экзамены—вотъ и все, это непріятно, но что же дѣлать, нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать къ сердцу то, что какой-нибудь золотой телецъ такъ и останется на всю жизнь глупымъ теленкомъ?

При этомъ Владиміръ Васильевичъ даже либеральничалъ

Digitized by Google

и замѣчалъ, что онъ слишкомъ мало возлагаетъ надеждъ на эту среду и не думаетъ, что она могла бы измѣниться отъ того, что ея члены станутъ немного глупѣе или умнѣе, немного ученѣе или невѣжественнѣе.

Съ гувернерами онъ былъ еще откровеннѣе. Онъ бралъ ихъ только въ томъ случаѣ, если у нихъ не было дипломовъ, если они были голью перекатной, если онъ зналъ за ними кое-какіе грѣшки, которые онъ сразу могъ указать имъ. Предлагая имъ малую плату, онъ говорилъ, что они могутъ увеличить свои заработки «приватными уроками», что они могутъ «запастись у него связями», что онъ, впрочемъ, «не нуждается въ нихъ» и если беретъ ихъ, то только вслѣдствіе ихъ просьбъ, хотя... тутъ онъ говорилъ или о томъ, что неловко имѣть гувернера безъ диплома, или что опасно брать воспитателя съ нѣсколько сомнительной репутаціей, но... Въ концѣ концовъ, принимаемый въ гувернеры голякъ чуть не цѣловалъ руки у Владиміра Васильевича, исполненный чувствами благодарности.

На этомъ общемъ, перекрестномъ лганьѣ и надувательствѣ держалось все училище Матросова. Эта система отражалась на каждой мелочи, на каждомъ шагѣ. Ученики «считывали» уроки, отвѣчая ихъ учителямъ, какъ заученные; учителя дѣлали видъ, что они не замѣчаютъ обмана, и ставили хорошіе баллы. Матросовъ жилъ широко, чтобы показать, что онъ богатъ, и имѣть такимъ образомъ возможность поддерживать свой кредитъ, надувая кредиторовъ. Чтобы добиться извѣстности, онъ заискивалъ среди журналистовъ и безплатно уступалъ свою залу для разныхъ благотворительныхъ концертовъ и литературныхъ чтеній. Желая показать успѣхи школы и онъ, и наставники являлись довольно строгими во время экзаменовъ, хотя и онъ, и они очень хорошо заранѣе знали, что они спросятъ такого-то ученика и что потребуютъ отъ другого, такъ какъ ученики спеціально подготовляли къ экзамену какой-нибудь одинъ отвѣтъ, дальше котораго они почти ничего не знали. И учителямъ, и Матросову приходилось всячески изворачиваться, чтобы офиціальные инспектора не открыли закулисной стороны училища, и надувательство удавалось до поры, до времени. Лганье до того вошло въ плоть и кровь самого Матросова, что про него говорили, что онъ и самъ не знаетъ, когда онъ лжетъ и когда говоритъ правду.

Онъ началъ сознавать потребность лгать уже съ семнадцати лѣтъ, пробивая себѣ путь къ существованію урокамъ

Digitized by Google

въ богатыхъ домахъ, когда нужно было казаться развязнымъ и любезнымъ въ минуту самыхъ тяжелыхъ житейскихъ невзгодъ, когда нужно было хоть по цѣлымъ недѣлямъ голодать, но все-таки шить по модѣ платье и давать на водку барскимъ лакеямъ, чтобы они не третировали учителя en canaille, когда нужно было втираться въ довѣріе къ какой-нибудь неприглядной барынѣ, даже сближаться съ нею, хотя бы она внушала только отвращеніе, и въ то же время скрывать короткость съ нею отъ супруга, когда нужно было «укрывать» и лѣнь, и пороки учениковъ и воспитанниковъ, чтобы не потерять выгоднаго мѣста. Эта необходимость лгать была тѣмъ рычагомъ, которымъ, по мнѣнію Матросова, можно было чуть не весь міръ перевернуть. Матросовъ зналъ, что въ качествѣ учителя въ богатыхъ домахъ, въ качествѣ собесѣдника въ богатыхъ кружкахъ, въ качествѣ человѣка, надѣющагося сдѣлать карьеру при помощи богачей, онъ долженъ былъ маскироваться, прикидываться, пускать въ глаза пыль. Онъ не читалъ—времени у него на это не было—ни Шекспира, ни Монтеня, но въ какой-то иностранной газеткѣ онъ выудилъ свѣдѣніе, что съ 1603 года въ шекспировскихъ произведеніяхъ является яснѣе философское направленіе и что это философское направленіе является полнымъ отраженіемъ идей, почти фразъ Монтеня,—Матросовъ это запомнилъ и при случаѣ, какъ бы вскользь, говорилъ о философіи Шекспира, о его заимствованіяхъ у Монтеня, о томъ, что слѣды этого видны даже въ такихъ, повидимому, самостоятельныхъ произведеніяхъ великаго драматурга, какъ Гамлетъ. Такъ же случайно, чуть ли не съ бумажки, въ которую было что-то завернуто въ лавкѣ, удалось ему прочитать замѣтку о Помпеѣ—онъ не зналъ даже, что эта замѣтка была помѣщена въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія однимъ изъ русскихъ ученыхъ—и въ этой замѣткѣ онъ прочелъ о надписяхъ на стѣнахъ Помпеи, о надписяхъ, говорившихъ, что еще наканунѣ городъ жилъ обычною своею жизнью, люди назначали другъ другу свиданія, надѣялись насладиться зрѣлищами и тому подобное—и вотъ онъ, Матросовъ, начиналъ разговоръ о Помпеѣ, о ея жизни, объ этихъ надписяхъ, о томъ странномъ впечатлѣніи, которое онѣ производятъ на зрителя, увидавшаго ихъ черезъ сотни лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были начерчены рукой прохожаго на уличной стѣнѣ дома. Онъ никогда не оставлялъ непрочитаннымъ ни одного печатнаго лоскутка бумаги, случайно попадавшагося

Digitized by Google

ему подъ руку; онъ очень любилъ «энциклопедіи», книги въ родѣ разныхъ «чудесъ промышленности и искусствъ», «тысячи фактовъ изъ области наукъ и искусствъ» и т. п., онъ особенно охотно пробѣгалъ смѣсь въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ разныхъ старыхъ сборникахъ и альманахахъ: все это давало ему массу матеріала для разговоровъ. Вы могли заговорить съ нимъ о войнѣ, и онъ вамъ замѣчалъ: «Да всѣ неудачи у насъ большею частью отъ того и происходятъ, что мы плохо помнимъ слова старика Колиньи: «il faut commencer former le monstre par le ventre», «то-есть, прежде чѣмъ воевать—ты сухарь припаси!». Начинались ли толки о вліяніи евреевъ на наше общество, онъ кстати ввертывалъ свое слово: «Э, да этотъ вопросъ коротко рѣшенъ еще Шарлемъ Фурье: ils pervertiront vos moeurs sans changer les leurs,—замѣтилъ онъ про евреевъ,—и яснѣе этого вы ничего не скажете для опредѣленія вліянія на общество, хоть сто лѣтъ толкуйте объ этомъ вопросѣ». И всѣ удивлялись его начитанности и памяти, видя, что онъ знаетъ даже такія мелочи, какъ мнѣніе Фурье объ евреяхъ. Но главной его силой и его конькомъ были анекдоты: онъ дѣлался центромъ, около котораго группировалось все общество, собравшееся въ той или другой гостиной, какъ только онъ принимался за анекдоты. Вралъ онъ при этомъ безпощадно, но вралъ остроумно, весело, виртуозно и вызывалъ всеобщій хохотъ, стяжавъ вполнѣ по заслугамъ названіе «души общества». Его приглашали на перебой на разные вечера, ужины, jours fixes; здѣсь онъ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ, являлся какъ бы центромъ всего собравшагося общества и въ избыткѣ самодовольствія и благодушія выпивалъ непомѣрное количество бургонскаго и шампанскаго, заканчивая вечеръ у Палкина съ двумя-тремя друзьями среди батареи пивныхъ бутытокъ. Близкіе люди говорили, что онъ пьетъ, вовсе не отъ избытка благодушія и самодовольствія, а что онъ старается хмелемъ заглушить мысли о завтрашнемъ днѣ; другіе предполагали, что онъ пьетъ отъ несчастной супружеской жизни; его жена, бывшая когда-то простой швеей, была не парой ему, она жила гдѣ-то въ заднихъ комнатахъ и занималась только хозяйствомъ...

Попавъ въ эту школу, Евгеній почувствовалъ себя не особенно ловко: онъ былъ моложе всѣхъ своихъ одноклассниковъ, онъ былъ менѣе ихъ всѣхъ развязенъ, онъ не могъ гордиться, подобно имъ, ни своимъ богатствомъ, ни

Digitized by Google

своими титулами, онъ не въ состояніи былъ даже примкнуть къ какому-нибудь изъ пансіонскихъ кружковъ, не умѣя и не желая заискивать въ комъ бы то ни было. Товарищи при его вступленіи въ школу отнеслись къ нему равнодушно и безучастно, такъ какъ его вступленію въ школу не предшествовали разговоры ни о его богатствѣ, ни о значеніи его родителей, ни о чемъ такомъ, что могло бы сдѣлать его интереснымъ. Кромѣ того, онъ былъ только приходящій ученикъ и потому особенно сближаться съ нимъ или особенно нападать на него товарищамъ не представлялось ни времени, ни нужды. Его какъ будто игнорировали и только сыновья княгини Дикаго нерѣдко обмѣнивались съ нимъ разговорами и сообщали ему закулисныя тайны пансіона. Самъ Матросовъ и учителя взглянули на Евгенія какъ-то странно: съ перваго же раза они увидали, что онъ превосходно подготовленъ, что онъ въ своей деревенской наивности принимаетъ вопросъ объ ученьи не за шутку, а за нѣчто серьезное, что онъ имѣетъ не всегда пріятную для учителей привычку задавать вопросы, просить разъясненій. Уже послѣ двухъ-трехъ недѣль пребыванія Евгенія въ училищѣ, Матросовъ не то съ ироніей, не то съ одобреніемъ замѣтилъ ему:

— О, да вы, батенька, въ профессора проберетесь!

Эта фраза подхватилась школьниками, и Евгеній получилъ кличку «господина профессора». Эта кличка произносилась съ ироніей, но, тѣмъ не менѣе, къ Евгенію иногда стали обращаться съ просьбами показать то-то, объяснить это-то. Порой онъ сознавалъ даже, что ему завидуютъ, такъ, по крайней мѣрѣ, разъ онъ услышалъ, какъ говорилъ одинъ великовозрастный юноша, готовившійся въ юнкера:

— Чортъ возьми, если бы я вонъ столько же зналъ, сколько Хрюминъ, я ужъ давно не только юнкеромъ, а и офицеромъ былъ бы...

Особенно завидовали ему и уважали его тѣ изъ товарищей, которыхъ родители, подобно княгинѣ Марьѣ Всеволодовнѣ, имѣли непріятную привычку проэкзаменовывать своихъ дѣтей дома, не довольствуясь школьными отмѣтками и школьными экзаменами. Такіе юноши даже обращались къ Евгенію съ просьбою рѣшать имъ математическія задачи, выправлять ихъ сочиненія и т. п.

Мало-по-малу, Евгеній занялъ въ пансіонѣ совсѣмъ особое положеніе: онъ стоялъ особнякомъ, онъ не сошелся ни съ кѣмъ, его едва ли кто-нибудь любилъ, но его уважали и не трогали.

Digitized by Google

— Въ васъ, батенька, всѣ признаки кабинетнаго ученаго: вѣчно съ книгою, вѣчно въ одиночествѣ,—говорилъ Евгенію Матросовъ при встрѣчѣ съ нимъ въ часы рекреацій въ школьной залѣ, гдѣ Евгеній имѣлъ привычку въ свободное время ходить въ сторонѣ отъ школьниковъ съ книгою въ рукахъ. — Готовьтесь, готовьтесь къ ученой карьерѣ! Все хоть одинъ профессоръ да выйдетъ изъ среды этихъ кавалеристовъ, — смѣялся Матросовъ, указывая на остальныхъ школьниковъ, шумѣвшихъ въ залѣ.

Только одинъ сынъ коммерціи совѣтника Иванова не придавалъ никакого особеннаго значенія знаніямъ Евгенія и замѣчалъ:

— Да не будь у меня состоянія, такъ я, можетъ-быть, на версту перебѣжалъ бы его.

VIII.

— А гдѣ Женя?—спрашивала княгиня Марья Всеволодовна, заѣхавъ какъ-то вечеромъ къ Олимпіадѣ Платоновнѣ.

— У себя въ комнатѣ учится,—отвѣтила Олимпіада Платоновна.

Этими двумя фразами уже не разъ обмѣнивались эти двѣ женщины.

— Его совсѣмъ не видать. Ты рѣдко его присылаешь къ намъ. Онъ совсѣмъ дикаремъ растетъ, — сказала княгиня.—Я никакъ не думала, что онъ такъ мало разовьется за зиму...

— Уроки у него...

— Ахъ, и у моихъ дѣтей уроки! Но Матросовъ вовсе не мучаетъ дѣтей уроками. Мои Платонъ и Валерьянъ все это кончаютъ такъ быстро. Вѣрно, Женя немного тупъ и ему трудно достается подготовка уроковъ. Не худо бы, чтобы онъ пріѣзжалъ къ намъ подготовляться къ классамъ подъ руководствомъ monsieur Michaud. Monsieur Michaud будетъ такъ любезенъ, что поможетъ и ему...

— Хорошо, я скажу Евгенію,—отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Можетъ-быть, дѣйствительно, ему трудно учиться одному,—сказала Марья Всеволодовна:—и притомъ это будетъ ему полезно и въ нравственномъ отношеніи, а то... Я, право, боюсь, что онъ у тебя вырастетъ немного черствымъ человѣкомъ. Онъ все одинъ и одинъ, сторонится отъ дѣтей. У него, кажется, нѣтъ еще ни одного друга въ пансіонѣ?..

Digitized by Google

— Право, не знаю... Онъ не любитъ какъ-то говорить о пансіонѣ...

— Ну да, онъ скрытенъ. Это понятно. Ребенокъ, растущій въ одиночествѣ, всегда склоненъ къ скрытности. Противъ этого надо бороться. Онъ долженъ быть откровеннымъ. Открытый, прямой характеръ—первое достоинство ребенка.

Княгиня говорила уже не разъ въ теченіе зимы и говорила подолгу на эту тему, и Олимпіада Платоновна невольно впадала въ раздумье. Да, не разъ уже она слышала отъ княгини Марьи Всеволодовны о дикости, о несообщительности, о скрытности Евгенія. Это же говорила и кузина Евгенія, Мари Хрюмина, ненавидѣвшая въ душѣ Евгенія и отвѣрывавшая ему при теткѣ объятія, отъ которыхъ Евгеній сторонился какъ-то неловко и пугливо, точно его хотѣли задушить въ этихъ объятіяхъ. Даже благородная дама Перцова ухитрилась какъ-то замѣтить при княжнѣ Олимпіадѣ Платоновнѣ Евгенію, что онъ «словно бѣгаетъ отъ нея и взглянуть на себя не дастъ, полюбоваться собою не позволитъ».

— Я вѣдь не кусаюсь, ангелочекъ мой, не пугало я какое-нибудь,—прибавляла благородная дама.—Или, можетъ-быть, вы гнушаетесь мной? Такъ это не хорошо.

Но даже и безъ этихъ намековъ на дикость, непривѣтливость и скрытность Евгенія, сама Олимпіада Платоновна все болѣе и болѣе убѣждалась, что Евгеній какъ бы чуждается людей, старается уединяться и очень рѣдко отвѣчаетъ привѣтливою улыбкою на привѣтствіе такихъ людей, какъ княгиня Марья Всеволодовна, Мари Хрюмина, госпожа Перцова. Онъ ласковъ только съ нею, съ Олимпіадой Платоновной, да съ Софьей и Петромъ Ивановичемъ,—и еще какъ ласковъ! Его ласки всегда трогали старуху: она видѣла, она чувствовала, что онъ чуть не молится на нее, что онъ весь проникнутъ желаніемъ угодить ей. Но въ то же время она замѣчала, что и съ нею онъ не откровененъ: на всѣ ея вопросы о дѣтяхъ княгини Марьи Всеволодовны, о его школьныхъ товарищахъ, объ учителяхъ въ пансіонѣ Матросова Евгеній отвѣчалъ уклончиво, ограничивался односложными фразами, старался перемѣнить разговоръ объ этихъ предметахъ. Она начинала задумываться надъ вопросомъ: какою внутреннею жизнью живетъ ребенокъ, отчего, въ сущности, всѣ его разговоры съ нею ограничиваются одними ласками, воспоминаніями о жизни въ Сансуси, толками о Петрѣ Ивановичѣ, объ Олѣ, находив-

Digitized by Google

шейся въ институтѣ, и только. А что онъ думаетъ теперь? какъ живетъ теперь? какія ощущенія выноситъ изъ ежедневныхъ встрѣчъ съ людьми? Этого она не знала. Это было ей тѣмъ болѣе больно, что ея чувство къ нему начало граничить съ безпредѣльной любовью.

— Ты, Софья, ничего не замѣчаешь въ Евгеніи?—спрашивала старуха у своей вѣрной наперсницы.

— Ничего, а что?—проговорила Софья.

— Странный онъ какой-то у насъ, точно у него тайны какія есть... Никогда ничего не говоритъ, что въ пансіонѣ дѣлается, что его удивитъ или обрадуетъ среди дѣтей княгини Маріи Всеволодовны, не похвалитъ никого изъ учителей или не пожалуется на нихъ... Холодность это, что ли?.. Онъ вѣдь, кажется, не тупъ...

— Женичка-то тупъ?—воскликнула Софья.—Да чего это вы не выдумаете, право!.. Онъ-то тупъ!.. Да онъ все понимаетъ, все чувствуетъ!.. Тупъ!.. Да развѣ тупые-то такъ любятъ, какъ онъ?... Вы только брови нахмурите, такъ онъ уже сейчасъ: «ma tante, что съ вами, милая?..» Да что вы!.. Мнѣ, мнѣ стоитъ нахмуриться, такъ онъ и меня разспрашиваетъ сейчасъ: «что съ тобой, Софочка, здорова ли ты, не случилось ли чего?»

У Софьи даже голосъ дрожалъ отъ волненія.

— Ахъ, да что ты мнѣ разсказываешь, точно я его меньше тебя знаю и люблю!—разсердилась Олимпіада Платоновна.— Вотъ тоже дура, дура, нашла за кого и передъ кѣмъ заступаться!..

— Да какъ же не заступаться, если говорите: онъ, кажется, не тупъ!—въ свою очередь загорячилась Софья.— Ужъ такъ бы прямо дуракомъ и назвали!... Еще бы лучше было!.. Слушать-то, право, обидно... А что онъ не говоритъ ничего вамъ, такъ, вѣрно, радости-то не много въ этихъ разговорахъ!

Олимпіада Платоновна быстро обернулась лицомъ къ Софьѣ.

— Ты что-нибудь знаешь? Онъ тебѣ, вѣрно, говорилъ что-нибудь?—спросила она, глядя пристально на Софью и какъ бы боясь, чтобы та не схитрила, не уклонилась отъ прямого отвѣта.

— Ничего я не знаю,—рѣзко отвѣтила Софья.—Петръ Ивановичъ, тотъ вотъ, вѣроятно, что-нибудь знаетъ, потому подолгу они между собой бесѣдуютъ...

— О чемъ?—спросила торопливо княжна.

Digitized by Google

Софья даже улыбнулась, такъ несообразенъ показался ей этотъ вопросъ.

— Да развѣ я съ ними сижу?—сказала она.—А что не о веселомъ они толкуютъ, такъ это вѣрно. Намедни меня людишки на чорта посадили, совсѣмъ я осатанѣла, въ омраченіи находилась, а Петръ Ивановичъ отъ Женички идетъ, замѣтилъ, что я не въ своемъ духѣ, и говоритъ: «Что, видно, Петербургъ-то всѣмъ намъ солонъ достался?»—«Кому это, говорю, всѣмъ-то?»—«Да, говоритъ, и мнѣ, и Олимпіадѣ Платоновнѣ, и вамъ, и Женѣ».—«Ну, говорю, Женичка-то еще ребенокъ, что онъ видитъ!»—«А вы, говоритъ, въ душу-то его заглядывали? Можетъ-быть, онъ и побольше васъ, старыхъ дѣтей, видитъ! Вы-то ко всему присмотрѣлись, а онъ—новы ему всякія мерзости... Да и пора бы вамъ его ребенкомъ перестать считать... У его дѣдушки, чай, въ его годы свои ребята гдѣ-нибудь въ людской находилися»... И такъ меня эти его слова точно обухомъ по головѣ ударили...

— Такъ что же онъ молчитъ!—раздражительно воскликнула княжна.—А еще другомъ называется и скрытничаетъ!.. То-то я вижу, что они все уединяться стали... Завтра же, завтра же пошлю за нимъ; ужъ и побранюсь же я съ нимъ! Знаетъ все и ничего не говоритъ!

— Да, можетъ, и говорить-то не приходится! Тоже не все можно разсказывать, что знаешь,—сказала Софья.

— Да вѣдь я должна все знать, что касается Евгенія! Развѣ мнѣ весело, что всѣ зовутъ его скрытнымъ, что я сама замѣчаю его неоткровенность? Нѣтъ, нѣтъ, стыдно Петру Ивановичу скрытничать! И что онъ такое знаетъ?..

А Петръ Ивановичъ, дѣйствительно, зналъ изъ внутренней жизни Евгенія много такого, что и не подозрѣвала Олимпіада Платоновна. Съ той поры, когда семья Олимпіады Платоновны покинула Сансуси, когда Евгеній поступилъ къ Матросову, когда Оля поступила въ институтъ, Евгеній еще болѣе оцѣнилъ и полюбилъ Петра Ивановича: это былъ его единственный другъ, которому можно было говорить все, открывать всю душу. Бесѣды двухъ друзей были часты и продолжительны, и Петръ Ивановичъ видѣлъ, какъ быстро росъ и развивался мальчикъ въ умственномъ отношеніи. Иногда Петра Ивановича просто смущалъ тотъ рядъ вопросовъ, который проходилъ въ головѣ юноши, додумывавшагося до такихъ вопросовъ, о которыхъ въ его годы самъ Петръ Ивановичъ и понятія не имѣлъ или о которыхъ онъ думалъ, какъ о чемъ-то отвлеченномъ, безъ болѣзненной

Digitized by Google

страстности, безъ сердечной боли. Особенно памятенъ былъ для Петра Ивановича одинъ вечеръ: Олимпіада Платоновна уѣхала куда-то на вечеръ; Евгеній былъ дома одинъ; Петръ Ивановичъ забрелъ къ нему часовъ въ девять и проговорилъ съ нимъ до часу ночи.

— Она вѣдь совсѣмъ большое дитя,—замѣтилъ, между прочимъ, Евгеній про Олимпіаду Платонону.—И Софья тоже большое дитя.

— Ну, а вы маленькій старичокъ?—шутливо сказалъ Петръ Ивановичъ, добродушно улыбаясь.

— Да вы не смѣйтесь,—сказалъ серьезно Евгеній.—Я говорю серьезно. Онѣ обѣ не видятъ, что у нихъ передъ глазами дѣлается. Вы прислушайтесь, когда онѣ говорятъ: всѣхъ онѣ готовы бранить, людишками называть, критиковать, но все это просто привычныя фразы и фразы. Ихъ рѣзкости не что-нибудь серьезное, а просто особый façon de parler. Они вотъ ругаютъ людишекъ, а эти людишки и надуваютъ, и обираютъ ихъ, и смѣются надъ ними...

— Барство, батенька, ихъ заѣло: въ былыя времена денегъ куры не клевали, все готовое было, ну, вотъ онѣ и привыкли деньги зря бросать, окружая себя приживалками, прихлебателями да салопницами, которыхъ и бранили, и награждали, и которыя и обирали, и надували ихъ,—пояснилъ Петръ Ивановичъ.

— Ужъ я не знаю, отчего онѣ такія, но знаю одно, что онѣ видятъ только то, что само въ глаза лѣзетъ, а что захотятъ отъ нихъ скрыть, то и скроютъ,—сказалъ Евгеній.—Вѣдь у насъ куда ни взглянешь, вездѣ все вранье. Вонъ ваша мать мнѣ разсказывала, какъ весело проживаетъ Перцова, а взгляните на эту Перцову здѣсь: и голодна-то она, и обтрепалась-то она, и съ квартиры-то ее гонятъ. Она плачетъ, а Софья и ma tante соболѣзнуютъ и помогаютъ, не подозрѣвая даже, что у этой дамы идутъ дома пиры да угощенья...

— Да это ужъ всегда такъ бываетъ въ отношеніяхъ благотворителей и черносалопницъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Про нее это я только такъ для примѣра сказалъ, потому не мои она деньги у ma tante и у Софьи беретъ,—замѣтилъ Евгеній.—Но вѣдь у насъ и во всемъ такъ. Иногда, знаете ли, такъ бы и наговорилъ чуть не дерзостей ma tante, если бы не любилъ и не жалѣлъ ея. Вотъ вы послушайте ее, что она говоритъ про дѣтей Марьи Всеволодовны: и прелестныя, выдержанныя это дѣти, и манеры-то у нихъ

Digitized by Google

отличныя, и ученье-то имъ легко дается... И все это ложь, ничего этого нѣтъ! Она хочетъ, чтобы я сошелся съ ними, чтобы я былъ такимъ, какъ они... Да она, Петръ Ивановичъ, умерла бы съ горя, если бы я сдѣлался похожимъ на нихъ...

— А вы чего же не скажете ей, что это шалопаи?— спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Сплетничать надо, что ли?—раздражительно произнесъ Евгеній.—Я наушникомъ не буду, Петръ Ивановичъ, никогда! А если люди до сѣдыхъ волосъ дожили, такъ должны они сами понимать тѣхъ, кого каждый день видятъ. А она не понимаетъ, ничего не понимаетъ! И не одна она, а всѣ кругомъ не понимаютъ и не хотятъ понять, что дѣлается. Monsieur Michaud—опытный гувернеръ! Отчего я не хочу учиться подъ его руководствомъ? Да онъ, Петръ Ивановичъ, просто негодяй. Я, Петръ Ивановичъ, съ вами четыре года прожилъ и не узналъ того, что я узналъ въ какіе-нибудь два мѣсяца отъ этихъ примѣрныхъ мальчиковъ и этого monsieur Michaud!

Евгеній вдругъ взялъ за руку Петра Ивановича и прямо взглянулъ ему въ лицо.

— Вѣдь это подло, подло, Петръ Ивановичъ, что они мнѣ стали разныя развратныя исторіи разсказывать и учить разнымъ гадостямъ? Вѣдь я же по лѣтамъ еще совсѣмъ мальчикъ, а не взрослый! Я никогда и не думалъ прежде объ этомъ, а теперь я все знаю, все. Иногда и не хотѣлъ бы думать объ этомъ, а думаешь.

Евгеній говорилъ горячо и раздражительно, съ примѣсью какой-то брезгливости.

— Подлецы!—пробормоталъ Петръ Ивановичъ.

— Да, да, подлецы!—повторилъ Евгеній.—Я вотъ съ вами и съ ma tante бываю у Оли въ институтѣ. Они это знаютъ и говорятъ всякія мерзости про институтокъ. Зачѣмъ же? Это скверно! Я теперь пріѣзжаю въ институтъ и мнѣ невольно иногда вспоминается все это. И тоже про княгиню Марью Всеволодовну и про князя Алексѣя Платоновича что они говорятъ. Вѣдь она же мать этимъ мальчикамъ, онъ—ихъ отецъ! Кого же послѣ того и любить, если они сами издѣваются надъ своимъ отцомъ и матерью, а наши отецъ и мать вышвырнули вонъ насъ изъ дому?..

Петръ Ивановичъ нахмурился.

— Знаете ли что, Женя,—проговорилъ онъ.—Хоть наушничество и скверно, но вамъ надо объяснить все Оли-

Digitized by Google

ніадѣ Платоновнѣ, чтобъ отдалиться отъ этихъ негодяевъ. Хотите, я открою ей глаза...

— Полноте, Петръ Ивановичъ,—сказалъ Евгеній.—Вѣдь не разойдется же она съ ихъ семьей изъ-за меня, не возьметъ же она меня изъ пансіона Матросова, а тамъ—да тамъ не одни Платонъ и Валерьянъ такіе, а всѣ, всѣ... Вы послушайте, что у насъ говорятъ объ этомъ пансіонѣ. И лучшее общество тамъ, и лучшіе учителя, и лучшее воспитаніе! И опять-таки всѣ говорятъ то, чего не знаютъ, чего вовсе нѣтъ! Я вотъ еще почти мальчикъ, я только и думать-то научился, благодаря вамъ, а я все вижу и понимаю, а они... Да вотъ я вамъ что скажу: княгиня Марья Всеволодовна хвалится своими дѣтьми, хлопочетъ о ихъ счастіи, говоритъ, что она имъ всю себя отдала, а они въ пансіонѣ такъ и слывутъ за попрошаекъ: у одного папиросу займутъ, у другого денегъ перехватятъ, ко мнѣ пристаютъ, чтобы я бралъ деньги у ma tante, благо она мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ. «Mais c'est ta bourse,—говоритъ Валерьянъ про ma tante:—il faut seulement délier ses cordons». А Платошка только хихикаетъ да, юродствуя, твердитъ: «У тетушки горбъ, а что въ горбу?—денежки...» Они, Петръ Ивановичъ, жалкіе, жалкіе мальчики! Ихъ братъ обокралъ мать, и они обкрадутъ ее, это ужъ вы увидите! А она ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ. И такъ у насъ и всѣ ничего не видятъ, ничего не замѣчаютъ, а всѣ говорятъ, судятъ и рядятъ, и все лгутъ, все лгутъ...

Петръ Ивановичъ прошелся по комнатѣ въ тяжеломъ раздумьи.

— Вы-то вотъ только слишкомъ рано и слишкомъ много видѣть научились,—проговорилъ онъ.—Этакъ, батенька, вся жизнь каторгою одѣлается, какъ станешь подмѣчать вездѣ ложь и обманъ съ одной стороны и слѣпоту да глухоту съ другой.

Евгеній молчалъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— А знаете, Петръ Ивановичъ, когда я въ первый разъ подумалъ, что ma tante большое дитя?—спросилъ Евгеній.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— А когда намъ объявили, что пора уѣзжать изъ Сансуси, и вы стали ворчать на то, что ma tante увезла меня и Олю въ деревню на четыре года, отдалила отъ общества, отдалила отъ жизни... Вы тогда бранились, говорили, что это было сдѣлано нелѣпо, что если бы мы еще остались жить въ Сансуси, такъ и совсѣмъ бы одичали... У меня въ то время впервые явился вопросъ: значитъ, ma tante сама не

Digitized by Google

понимала, что дѣлала, увозя насъ въ деревню?.. Потомъ я долго, долго думалъ объ этомъ и...

Евгеній замолчалъ, не кончивъ фразы.

— И до чего же додумались?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да что все у насъ такъ какъ-то дѣлается,—сказалъ Евгеній:- вотъ какъ у Оли бывало, когда она въ куклы играла. «Теперь, говоритъ, мы въ гости поѣдемъ, а теперь я ее, говоритъ, въ институтъ отдамъ, а теперь, говоритъ, я ее изъ института въ деревню повезу...» А для чего она это, бывало, дѣлаетъ и для чего говоритъ—и сама она не знаетъ...

Петръ Ивановичъ даже остановился передъ Евгеніемъ, пристально смотря на него.

— Такъ вотъ-съ вы до чего додумались,—проговорилъ онъ.—Не рано ли, батенька, сверху внизъ на старуху смотрѣть начали? Этакъ-то вонъ и князья Дикаго на своихъ родителей смотрятъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, не такъ, не такъ!—торопливо заговорилъ Евгеній.—Я не браню ma tante, не осуждаю... Я ее, Петръ Ивановичъ, очень, очень люблю... но, голубчикъ, поймите вы, поймите, что она ничего не видитъ, ничего не знаетъ... и вотъ, какъ дѣти, и любитъ, и ласкаетъ своихъ куколокъ... меня и Олю, а что съ нами дѣлать—этого не знаетъ...

Евгеній даже раскраснѣлся отъ волненія.

— Я вамъ всего этого объяснить никакъ не умѣю,—продолжалъ онъ горячо.—Все это я передумалъ, понялъ, но вотъ словъ у меня нѣтъ, чтобы все это ясно передать, чтобы и другіе все это поняли такъ, какъ я... Говорить я совсѣмъ не привыкъ... Валеріанъ—вотъ тотъ бы это вамъ объяснилъ отлично...

Въ этотъ же вечеръ Евгеній передалъ Петру Ивановичу всѣ подробности о ходѣ преподаванія у Матросова, о характерѣ и образѣ дѣйствій школьныхъ товарищей, о внутренней жизни Платона и Валеріана Дикаго. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ Петръ Ивановичъ понялъ, среди какого омута стоитъ несчастный мальчуганъ, и на прощаньи невольно замѣтилъ ему:

— Ну, Женя, не скрывайте ничего отъ меня. Я все же опытнѣе васъ и авось сумѣю быть полезнымъ вамъ при случаѣ. Вы стоите въ такомъ омутѣ, гдѣ не трудно и совсѣмъ потонуть.

— Вы знаете, что у меня нѣтъ никакихъ тайнъ отъ васъ,—сказалъ Евгеній.—Вамъ только я и могу говорить все.

Digitized by Google

Петръ Ивановичъ ушелъ въ раздумьи, не зная, что дѣлать: говорить или не говорить Олимпіадѣ Платоновнѣ о всемъ слышанномъ. Онъ еще не припялъ никакого рѣшенія, когда въ одинъ прекрасный день Олимпіада Платоновна сама прислала за нимъ. Онъ удивился приглашенію, такъ какъ онъ и безъ приглашенія бывалъ у Олимпіады Платоновны почти ежедневно вечеромъ. Онъ не могъ понять, зачѣмъ его приглашали теперь утромъ.

— А, это вы! Браниться съ вами хочу!

Этими словами встрѣтила его Олимпіада Платоновна, когда онъ вошелъ въ ея кабинетъ.

— Каюсь, если въ чемъ виноватъ, а повинную голову и мечъ не сѣчетъ,—шутливо проговорилъ онъ, пожимая ея руку.

— Да я вовсе не въ шутку сердита на васъ,—серьезно сказала она.—Скрытничаете вы, вотъ что худо... Вамъ Евгеній говорилъ что-нибудь...

— О чемъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ, садясь на кресло около письменнаго стола.

— Да вообще о себѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ,—сказала она.

— Говорилъ,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Что же вы мнѣ ничего не сказали?—замѣтила старуха.

— А развѣ вы желаете, чтобы я передавалъ все, что онъ мнѣ говоритъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ, усмѣхаясь.

— Не все,—сказала Олимпіада Платоновна, чувствуя, что она неловко приступила къ дѣлу.—Но мнѣ кажется, что у мальчика есть что-то на душѣ тяжелое. Мнѣ хотѣлось бы знать, что именно. Можетъ-быть, я могла бы помочь.

Петръ Ивановичъ покачалъ головой.

— Едва ли вы можете вполнѣ помочь ему, если бы даже и желали этого,—сказалъ онъ.—Но во всякомъ случаѣ я радъ, что вы сами заговорили объ этомъ предметѣ. Я вамъ на первый разъ могу дать одинъ совѣтъ: не возите вы его насильно къ разнымъ князькамъ Дикаго, не заставляйте сближаться съ тѣми, съ кѣмъ ему вовсе не желательно сближаться, предоставьте ему...

— Ну, это пустяки! Я знаю, что онъ еще дичится знакомыхъ. Но тутъ нѣтъ ничего серьезнаго,—перебила Петра Ивановича старуха.—Я васъ спрашиваю...

— Тутъ гораздо больше серьезнаго, чѣмъ вы думаете,—перебилъ ее въ свою очередь Петръ Ивановичъ.—Евгеній слишкомъ чуткій и, можетъ-быть, не по лѣтамъ смышленый человѣкъ, и потому безъ серьезной причины онъ не станетъ дичиться и бѣгать отъ дѣтей.

Digitized by Google

Въ тонѣ Петра Ивановича уже звучала нотка раздраженія.

— Безъ серьезныхъ причинъ?.. Да говорите вы прямо, что вы знаете!—рѣзко сказала Олимпіада Платоновна.

— А то я знаю, что вы навязываете всякихъ негодяевъ въ друзья своему любимцу и удивляетесь, какъ это онъ не сдѣлается такимъ же мерзавцемъ,—вдругъ какъ отрубилъ уже совсѣмъ вспылившій Петръ Ивановичъ.

Олимпіада Платоновна раскрыла ротъ, чтобъ возражать, оборвать его, но съ его языка уже лился потокъ разсказовъ про все, что онъ зналъ. Его раздосадовало, что старуха даже и не подозрѣваетъ всего того, что дѣлается вокругъ нея. Не стѣсняясь, не щадя яркихъ красокъ, онъ съ чисто бурсацкою грубоватою откровенностью рисовалъ теперь передъ Олимпіадой Платоновной цѣлую картину той нравственной грязи, которая окружала мальчика. Княжна ничего и не подозрѣвала изъ того, что дѣлается, что говорится въ кружкѣ разныхъ князьковъ Дикаго, разныхъ воспитанниковъ пансіона Матросова. Олимпіада Платоновна только иногда прерывала его восклицаніями:

— Да не можетъ быть! Да что вы мнѣ разсказываете!

— Что же вы думаете, что Евгеній лжетъ передо мною, или я выдумываю вамъ это все?—возражалъ Петръ Ивановичъ.

— Да вѣдь это же дѣти! — говорила княжна чуть немолящимъ тономъ.

— Хороши дѣти, пятнадцатилѣтніе и семнадцатилѣтніе шалопаи, насмотрѣвшіеся, наслушавшіеся всякихъ мерзостей!—горячился Петръ Ивановичъ.—Эти дѣти опытнѣе васъ во многомъ, они знаютъ такія мерзости, о которыхъ вы и понятія не имѣете, они продѣлываютъ такія штуки, отъ которыхъ иной старикъ покраснѣетъ!..

И новыя подробности, новыя картины развертывались передъ Олимпіадой Платоновной, которой, несмотря на ея лѣта, становилось даже неловко и стыдно отъ этихъ разсказовъ.

— Но какъ же княгиня Марья Всеволодовна,—проговорила она въ смущеніи:—неужели она ничего не подозрѣваетъ?

— Ваша княгиня—она только поклоняется себѣ и ничего не понимаетъ, ничего не видитъ, что происходитъ вокругъ нея,—раздражительно сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Но ей надо открыть глаза!—говорила Олимпіада Платоновна.

— Чтобы вооружить и ее, и ея дѣтей противъ Евгенія,

Digitized by Google

чтобы его назвали сплетникомъ и лгуномъ?—возразилъ Петръ Ивановичъ.—Или вы думаете, что и ея сынки, и ихъ развратный гувернеръ, и Матросовъ не сумѣютъ опровергнуть все, что вы разскажете про нихъ ей? Вѣдь не медицинскую же комиссію вы снарядите въ пансіонъ Матросова для подтвержденія части разсказовъ Евгенія. Не формальное же слѣдствіе устроите для оправданія объясненій нашего мальчика?.. Можетъ-быть, именно потому-то Евгеній вамъ и не говорилъ ничего, не желая заслужить репутацію клеветника и лгуна. Вѣдь, обличая всю эту грязь, вы должны будете порвать связи съ семействомъ своего брата, вы должны будете взять Евгенія изъ пансіона, гдѣ ему житья не будетъ, а что потомъ?..

Олимпіада Платоновна была страшно встревожена.

— Хуже всего то, что въ душѣ Евгенія начинается подрываться вѣра въ людей,—сказалъ Петръ Ивановичъ.— Онъ мальчикъ честный и чистый, среди грязи онъ сумѣетъ устоять нравственно неиспорченнымъ. Но вѣрить въ людей... Ну, это довольно трудно тому, кто знаетъ, что съ дѣтства его бросили на произволъ судьбы отецъ и мать, что другіе отцы и матери заслуживаютъ только презрѣніе и злобу своихъ дѣтей, что близкіе къ нему и дорогіе ему люди постоянно ошибались, что другіе окружающіе его вѣчно лгали. Вы вотъ постоянно расхваливали при немъ и княгиню Марью Всеволодовну, и ея дѣтей, и пансіонъ Матросова, а онъ въ эти минуты, вы меня извините, смотрѣлъ на васъ, какъ на доброе, старое дитя, которое легко обмануть на каждомъ шагу... Вы, можетъ-быть, и не подозрѣвали, что каждой своей похвалой этимъ людямъ вы подрывали въ его глазахъ свой собственный авторитетъ... Вотъ, можетъ-быть, главная причина его скрытности, его замкнутости; какихъ совѣтовъ могъ онъ просить у окружающихъ, когда эти окружающіе или ничего не видятъ въ своей наивности, или лгутъ на каждомъ шагу вслѣдствіе своей испорченности...

Княжна поднялась съ мѣста и своей невѣрной, ковыляющей походкой начала ходить въ волненіи по комнатѣ. Ея брови сдвинулись, лицо нахмурилось и смотрѣло сурово. Она не говорила ни слова, покусывая нижнюю губу. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Не сердитесь, что я, можетъ-быть, былъ немного рѣзокъ,—началъ Петръ Ивановичъ прерывая молчаніе.—Но, право...

Digitized by Google

— Ахъ,—перебила его раздражительно княжна какимъ-то ворчливымъ тономъ:—тутъ идетъ дѣло о спасеніи ребенка, а онъ извиняется передо мной, что впопыхахъ дурой меня назвалъ!.. Нашелъ время для церемоній!.. Скажи, батюшка, что дѣлать-то, что дѣлать? Вотъ въ чемъ вопросъ теперь...

— Оставьте покуда въ покоѣ Евгенія,—сказалъ Петръ Ивановичъ:—не заставляйте его ѣздить къ вашимъ роднымъ, пусть онъ доучится этотъ годъ у Матросова—вѣдь и всего-то мѣсяцъ до каникулъ остался—а тамъ пристройте его въ гимназію, не порывая круто связей съ княгиней Марьей Всеволодовной, не заявляя, что случилось что-то, заставляющее спасать мальчугана отъ ихъ круга... Я вамъ и прежде говорилъ о гимназіи, тамъ все-таки лучше, правильнѣе поставлено дѣло, чѣмъ въ этихъ вертепахъ педагогическихъ плутней.

— Да вѣдь не потому я не отдала его въ гимназію, что я ужъ совсѣмъ не вѣрю въ эти заведенія,—проговорила Олимпіада Платоновна.—А сами знаете, какое значеніе я придаю родственнымъ связямъ Евгенія съ семьей моего брата. Все думала: умру—не останется на мостовой, не погибнетъ съ голода. Вотъ почему хотѣлось упрочить эту связь дружбой Евгенія съ дѣтьми князя...

— Эхъ, Олимпіада Платоновна, бросьте вы мысли о смерти!—сказалъ Петръ Ивановичъ.—Живы, ну, и думайте о жизни, а умрете—ну, я останусь, авось ужъ не совсѣмъ негодяемъ окажусь и кое-какъ поддержу Евгенія...

— Свои еще рты хлѣба просятъ,—пробормотала Олимпіада Платоновна.

— Найдется лишній кусокъ и на Евгенія,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Да что это мы опять о смерти заговорили! Унынie только напускаете вы на себя. И не умрете вы до окончанія Евгеніемъ ученія, и не останется онъ нищимъ, потому все-жъ хоть какія крохи послѣ васъ останутся...

— Ничего, ничего не останется, все прожито, все на вѣтеръ брошено!—проворчала старуха.—Благодѣтельница вѣдь я!.. Вонъ тамъ цѣлая стая салопницъ, всѣмъ вѣдь надо дать, чтобы отстали!.. Олимпіада Платоновна вѣдь добрая, какъ же ее не обирать!..

Она махнула рукою.

— Да,—серьезно проговорилъ Петръ Ивановичъ:—я радъ, что вы заговорили объ этомъ предметѣ... Не мое

Digitized by Google

дѣло вмѣшиваться въ ваши денежныя дѣла, но вы раздаете деньги немного безъ разбора и нѣсколько...

Петръ Ивановичъ затруднялся въ выборѣ выраженій.

— Ну, глупо, глупо! Чего вы выраженія-то подыскиваете!—сердито перебила его княжна.—Что вы думаете, что я этого не понимаю сама! Отлично понимаю, а что же дѣлать, если люди нагло лѣзутъ съ ножомъ къ горлу, а я... ну, я платье снять съ себя готова, лишь бы отдѣлаться отъ ихъ плача и воя... Эхъ, голубчикъ, правду вы сказали, что я старый ребенокъ, правду... счеты сегодня сводила, такъ даже страшно стало, столько денегъ уходитъ, сама не знаю, куда уходитъ... Опять и Софьѣ задолжала, и кое-что заложила...

Княжна какъ-то безнадежно вздохнула.

— Опеку, опеку надо мной назначить бы надо!—проворчала она.—Старая мотовка и больше ничего!

Она была жалка и комична со своими рѣзкими и въ то же время добродушными обличеніями самой себя. Петръ Ивановичъ ушелъ отъ нея въ невеселомъ настроеніи духа. Только теперь понималъ онъ вполнѣ, въ какомъ положеніи очутится Евгеній, если вдругъ умретъ Олимпіада Платоновна: у мальчика не останется почти ничего, онъ можетъ попасть въ руки княгини Марьи Всеволодовны или, что нисколько не лучше, будетъ взятъ отцомъ, и что изъ него выйдетъ подъ вліяніемъ этихъ людей, это трудно сказать, но вѣрно только то, что хорошаго ничего не можетъ изъ него выйти въ рукахъ этихъ людей. Не весело было настроеніе и княжны. Ее заботило положеніе Евгенія, ее мучили теперь мысли о ея неумѣньи жить, ей досаждали теперь воспоминанія о разныхъ мелкихъ долгахъ, которые она уже успѣла надѣлать, поддаваясь на разныя просьбы и мольбы и Мари Хрюминой, и Перцовой, и десятка другихъ бѣдныхъ родственницъ и приживалокъ. Среди этихъ думъ у нея возникали планы начать болѣе расчетливую жизнь, затворить двери отъ разныхъ попрошаекъ, уединиться съ Евгеніемъ въ Петербургѣ, затворить двери отъ гостей и ограничить число прислуги. Но рядомъ съ этими планами явились вопросы: какъ же отказать Никитѣ Ивановичу, который прослужилъ въ домѣ съ дѣтства до сѣдыхъ волосъ? Какъ отдѣлаться отъ многочисленной родни, которая найдетъ ее вездѣ? Какъ устоять передъ слезами и письмами Мари Хрюминой, Перцовой и всѣхъ этихъ попрошаекъ, осаждающихъ матушку-благодѣтельницу? Наконецъ,

Digitized by Google

какъ лишить пенсій тѣхъ людей, которые получаютъ эти пенсіи отъ нея съ-незапамятныхъ временъ? Ея положеніе было поистинѣ траги-комичнымъ и ей при воспоминаніи о всей этой шайкѣ обиралъ приходилось только воскликнуть: «куда убѣгу отъ глазъ твоихъ?» Но болѣе всего ее заботилъ Евгеній, ей хотѣлось приласкать и ободрить его, дать ему понять, что скоро для него начнется другая жизнь безъ необходимости вращаться въ кругу опротивѣвшихъ ему дѣтей. Она не выдержала и въ этотъ же день замѣтила ему:

— А знаешь, Женя, что я придумала. Не нравится мнѣ пансіонъ Матросова. Съ осени, я думаю, лучше перевести тебя въ гимназію...

Евгеній удивился.

— Ты, голубчикъ, все скрытничаешь, — продолжала княжна:—а тебѣ, кажется, самому не нравится это училище?

— Ma tante, мнѣ все равно,—отвѣтилъ онъ:—я ни съ кѣмъ не схожусь изъ товарищей...

— И Богъ съ ними, Богъ съ ними!—торопливо проговорила княжна.—Дѣлай, какъ тебѣ лучше, какъ тебѣ покойнѣе... Я бы и теперь взяла тебя оттуда, но начнутся толки: почему и зачѣмъ? Нѣтъ, ужъ лучше потерпи мѣсяцъ, тамъ придетъ лѣто, каникулы и будетъ время все обдумать.

Евгеній очень обрадовался и поцѣловалъ руку княжны.

— Похудѣлъ ты у меня за зиму, поблѣднѣлъ,—проговорила она, любуясь имъ.—Ну, да лѣтомъ поправишься, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Сансуси...

— Ma tante, развѣ вы не знаете?...—почти съ испугомъ спросилъ онъ.

— Что?

— Туда ѣдетъ на лѣто княгиня Марья Всеволодовна... Ma tante, мы вѣдь не поѣдемъ съ ними?...

Въ его голосѣ слышалось боязливое ожиданіе отвѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшила сказать княжна:—если они ѣдутъ—мы не поѣдемъ... Я не знала, что они туда ѣдутъ...

Евгеній вздохнулъ свободнѣе.

— Ты очень не любишь Платона и Валерьяна?—спросила неожиданно княжна.

Евгеній прямо взглянулъ ей въ глаза.

— Ma tante, вамъ это Петръ Ивановичъ сказалъ?—спросилъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Никто мнѣ этого не говорилъ,—сказала княжна, но

Digitized by Google

желая выдавать разговора съ Петромъ Ивановичемъ:— но это сейчасъ видно...

— Не люблю,—отвѣтилъ Евгеній.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Я не заставляла бы тебя ѣздить къ нимъ, не приглашала бы ихъ сюда...

Евгеній опять взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Ma tante, нельзя же гнать всѣхъ, кого я не люблю,— сказалъ онъ.

Она разсмѣялась.

— А ты развѣ многихъ не любишь?—спросила она.

— Всѣхъ, ma tante, кромѣ васъ, Оли, Софочки и Петра Ивановича,—отвѣтилъ онъ.—Да всѣхъ, всѣхъ!..

Онъ опустился, какъ въ былые дни, на скамейку у ногъ княжны.

— Иногда, ma tante, мнѣ хотѣлось бы и не видать никого, никого,—заговорилъ онъ ласковымъ голосомъ:—и быть только съ вами, съ Олей, съ Софочкой, съ Петромъ Ивановичемъ въ глухой деревнѣ среди мужиковъ, среди крестьянскихъ ребятишекъ и чтобы кругомъ было такъ тихо, такъ спокойно. Я какой-то странный, ma tante: то мнѣ кажется, что я совсѣмъ взрослый, что я понимаю все лучше всѣхъ, а то я дѣлаюсь такимъ смѣшнымъ, какъ маленькій ребенокъ... Вотъ третьяго дня я ходилъ къ Олѣ. Вы помните, какой чудесный день былъ третьяго дня—и солнце, и тепло, и весной пахло. Я вышелъ отъ Оли изъ Смольнаго и пошелъ къ Невѣ, тамъ уже началось такое движеніе, мужики на баркахъ, лодки снуютъ, пароходы мелькаютъ, зелень начинаетъ появляться, все солнцемъ залито, среди говора народа откуда-то пѣсни рабочихъ слышатся... Я присѣлъ, засмотрѣлся на все это, заслушался, и вдругъ потянуло меня туда, къ намъ, въ Сансуси, въ нашъ покинутый рай... Я, ma tante, расплакался...

Олимпіада Платоновна ласково провела рукою по волосамъ Евгенія и проговорила:

— Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ! Иногда у меня сердце сжимается за тебя. Вотъ и теперь тянетъ тебя туда, въ деревню, а между тѣмъ самому же тебѣ приходится просить не ѣхать туда...

Евгеній какъ-то особенно оживился.

— Полноте, ma tante! Это все пустяки!—заговорилъ онъ.—Избаловался я, изнѣжился, вотъ и все. Мало ли людей и совсѣмъ никогда не ѣздятъ никуда и не такъ еще

Digitized by Google

живутъ, какъ я. Отъ этого отвыкать надо, а то, какъ вѣрно говоритъ Петръ Ивановичъ, вѣчно привередничать будешь, что все есть, а птичьяго молока достать не можешь. Это вѣдь ужъ совсѣмъ гадко. Я все стараюсь отучить себя...

— Отъ чего?—спросила Олимпіада Платоновна.

— Да вотъ отъ этой привычки съ каждой своей болячкой носиться... Я очень радъ, что около меня стоитъ Петръ Ивановичъ. Онъ нѣтъ-нѣтъ да подшутитъ надъ моими привередничаньями, какъ онъ называетъ всѣ эти охи да вздохи о себѣ и своихъ горестяхъ...

Въ голосѣ Евгенія звучала какая-то новая нотка; было видно, что въ немъ начинается какая-то внутренняя ломка; онъ начиналъ сердиться на себя за свое малодушіе, за свою слабость, за свою привычку думать только о своихъ мелкихъ невзгодахъ и неудачахъ. Въ этомъ замѣчалось сильное вліяніе Рябушкина. Но Евгенію не легко было помириться съ философіей Петра Ивановича, заключавшейся, повидимому, въ очень простомъ и логичномъ правилѣ. «Сыты вы, ну, такъ и нечего хныкать, что судьба васъ еще разными сластями не ублажаетъ», говорилъ Петръ Ивановичъ, стараясь разсѣять мрачное настроеніе юноши. Иногда Петръ Ивановичъ даже подшучивалъ надъ нимъ довольно ѣдко: «ну, это вы заѣлись несваренiемъ желудка, вѣрно, страдаете отъ объѣденія, потому и кукситесь да жалуетесь, что и товарищей-то у васъ нѣтъ, что и фатеръ-то съ мутершей васъ не любятъ, что и окружаетъ-то васъ всякая дрянь. Нѣтъ, а вотъ поголодали бы нѣсколько времени, такъ все бы это съ васъ соскочило и стали бы вы объ одномъ думать, какъ бы пожрать!» Евгеній хотѣлъ вѣрить этому, онъ сталъ, если можно такъ выразиться, ловить себя на мѣстѣ преступленія, то-есть на жалобахъ на мелкія непріятности, онъ началъ сдерживаться и напоминать себѣ слова Петра Ивановича: «ваши невзгоды—булавочные уколы, съ которыми сто лѣтъ прожить можно; вотъ у кого ни крова, ни хлѣба нѣтъ, а такой человѣкъ точно можетъ пожаловаться на судьбу, тутъ и недѣли не проживешь, если кто-нибудь не спасетъ». Евгенію хотѣлось вѣрить, что это правда; онъ былъ убѣжденъ, что самъ Петръ Ивановичъ давно увѣровалъ въ истину этого взгляда. Но дѣйствительность то и дѣло колебала твердую рѣшимость Евгенія признать свою долю самою счастливою долею и вмѣсто ропота благодарить судьбу за готовый уголъ, за готовый обѣдъ, не требуя ничего больше, не тоскуя, «по

Digitized by Google

роскоши жизни», какъ называлъ Петръ Ивановичъ хорошій семейный союзъ, хорошія дружескія связи, отсутствіе непріятныхъ столкновеній съ людьми и тому подобное. Самое тяжелое испытаніе пришлось пережить Евгенію въ концѣ весны, когда онъ уже мечталъ только о наступленіи каникулъ, о выходѣ навсегда изъ пансіона Матросова, о поступленіи въ гимназію, про которую Петръ Ивановичъ всегда говорилъ ему: «и тамъ не рай, но все же дѣло поставлено и прочнѣе, и правильнѣе, и цѣлесообразнѣе, чѣмъ въ этомъ вертепѣ».

Однажды, сидя въ пансіонѣ въ кружкѣ товарищей съ Валерьяномъ и Платономъ Дикаго, Евгеній былъ пораженъ неожиданнымъ вопросомъ сына коммерціи совѣтника Иванова. Ивановъ съ самаго поступленія Евгенія въ пансіонъ относился къ юношѣ недоброжелательнѣе, чѣмъ кто-нибудь другой изъ товарищей, то съ ироніей, то съ завистью, то съ оскорбительнымъ презрѣніемъ; онъ зналъ, что Евгеній не богатъ, что Евгеній брошенъ отцомъ и матерью, что Евгеній считается лучшимъ ученикомъ школы, что Евгеній не якшается съ товарищами и неодобрительно относится къ ихъ образу жизни; этого было достаточно для Иванова, чтобы питать и презрѣніе, и ненависть къ Евгенію. Нѣсколько разъ дѣло доходило у нихъ до крупныхъ и рѣзкихъ колкостей и перебранокъ, изъ которыхъ Евгеній выходилъ побѣдителемъ, благодаря находчивости и той доли мѣткой ѣдкости, которая все болѣе и болѣе развивалась у него въ училищѣ. Иногда онъ, припоминая все сказанное имъ Иванову, думалъ: «такъ бы, вѣрно, отвѣтилъ ему и Петръ Ивановичъ». На этотъ разъ Евгеній ждалъ тоже какой-нибудь непріятной сцены, увидавъ, что Ивановъ подошелъ къ кружку, среди котораго находился онъ, Евгеній.

— А твой отецъ, Хрюминъ, въ Крутогорскѣ теперь живетъ?—спросилъ его неожиданно Ивановъ.

Евгеній всегда терялся, когда его спрашивали объ отцѣ и матери. И теперь онъ нехотя, сквозь зубы отвѣтилъ: «да», спѣша заговорить о чемъ-нибудь другомъ съ окружавшими его товарищами, чтобы остановить дальнѣйшіе разспросы Иванова. Но Ивановъ продолжалъ:

— Такъ онъ у тебя мошенникъ-то не изъ послѣднихъ!

Это было сказано рѣзко, грубо, съ наглымъ смѣхомъ и притомъ совершенно неожиданно для Евгенія. Евгеній поблѣднѣлъ и поднялся съ мѣста.

Digitized by Google

— Подлецъ!—крикнулъ онъ.—Какъ ты смѣешь... какъ ты смѣешь...

Онъ задыхался, приближаясь къ Иванову съ сжатыми кулаками. Онъ едва ли самъ сознавалъ, что онъ говоритъ.

— Чего не смѣть-то? Мошенникъ такъ мошенникъ и есть!—говорилъ Ивановъ.—О немъ въ газетахъ...

Но ему не удалось кончить этой фразы. Евгеній, блѣдный, какъ полотно, повидимому, близкій къ обмороку, бросился на Иванова. Онъ вцѣпился ему руками въ шею, быстрымъ движеніемъ ноги сбилъ его на полъ и, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ товарищей успѣлъ опомниться, Ивановъ, здоровый и плотный, но не особенно поворотливый и ловкій юноша, лежалъ уже на полу подъ Евгеніемъ, душившимъ его за горло и кричавшимъ въ бѣшенствѣ:

— Какъ собаку, задушу тебя! Извиняйся, мерзавецъ! Извиняйся!

Ивановъ лежалъ, весь красный, съ расширенными зрачками и уже не защищался, а только неловко барахтался и хрипѣлъ:

— Дьяволъ... дьяволъ... пусти!..

Въ залѣ всѣ притихли. Всѣ были охвачены какимъ-то паническимъ страхомъ, потому что Евгеній былъ дѣйствительно страшенъ, подобно человѣку въ припадкѣ бѣшенства. Гувернеръ, прибѣжавшій въ комнату, не нашелся, что сдѣлать, и, махая руками, закричалъ:

— Воды, воды!.. Онъ съ ума сходитъ!..

Кто-то опрометью побѣжалъ за водой, кто-то торопливо и сбивчиво началъ сообщать гувернеру, въ чемъ дѣло, но не прошло и двухъ-трехъ минутъ, какъ Евгеній уже опомнился. Онъ тяжело поднялся съ пола, толкнулъ съ отвращеніемъ ногою Иванова и отеръ платкомъ съ своего синевато-блѣднаго лица катившійся ручьемъ потъ. Ивановъ медленно поднимался съ полу, едва переводя духъ и оправляя воротъ рубашки, душившій ему горло. Онъ уже не ругался, не храбрился и смотрѣлъ растеряннымъ, блуждающимъ взглядомъ, точно человѣкъ, спасшійся по счастливой случайности отъ неминуемой смерти, угрожавшей ему за минуту передъ тѣмъ. Удаляясь изъ залы, не задерживаемый никѣмъ, Евгеній смутно слышалъ за собою неясный говоръ.

— Чѣмъ же я виноватъ, въ газетахъ писали вчера,—говорилъ Ивановъ отрывистымъ и плаксивымъ тономъ.—Ну, я и сказалъ... а онъ накинулся... дьяволъ точно... задушилъ-было... дьяволъ...

Digitized by Google

— Постойте... куда же вы... Владиміру Васильевичу надо доложить!—крикнулъ Евгенію гувернеръ.

Но Евгеній, не оборачиваясь, не отвѣчая, вышелъ изъ залы, вышелъ изъ училища, прошелъ нѣсколько улицъ, добрелъ до своей квартиры, позвонилъ у дверей и... что было дальше, онъ этого не помнилъ. Потомъ ему говорила тетка, что онъ упалъ въ обморокъ, что послѣ онъ твердилъ въ бреду: «мошенникъ... мошенникъ... въ газетахъ пишутъ...» Олимпіада Платоновна, испуганная, растерявшаяся, послала за докторомъ, за Петромъ Ивановичемъ, попросила Софью съѣздить въ школу, чтобъ узнать, что случилось, и вообще пережила нѣсколько часовъ такой тревоги, какой ей еще не приходилось испытывать никогда. Она суетилась, бѣгала изъ комнаты въ комнату, посылала кого-то куда-то, не зная зачѣмъ, и все забѣгала взглянуть, живъ ли Евгеній. Къ вечеру Евгеній пришелъ совсѣмъ въ себя, поднялся съ постели, пришелъ, хотя и не безъ труда, не безъ усилія надъ собой, къ чаю въ столовую, гдѣ сидѣли встревоженные и смущенные Петръ Ивановичъ и Олимпіада Платоновна, которымъ уже были извѣстны всѣ подробности несчастной исторіи въ пансіонѣ.

— Простите, ma tante, что я, сумасшедшій, опять встревожилъ васъ,—проговорилъ Евгеній упавшимъ, но довольно спокойнымъ голосомъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться.

Онъ поцѣловалъ ея руку и сжалъ дружески руку Петра Ивановича.

— Но, право, отъ такихъ неожиданностей съ ума сойти можно,—прибавилъ онъ, садясь къ столу.—Ужъ лучше бы батюшка предупредилъ насъ, что ему вздумалось какія-то мерзости дѣлать, а то такъ сюрпризомъ вдругъ слышишь, что твой отецъ мошенникъ и что объ этомъ даже въ газетахъ пишутъ...

По его лицу скользнула горькая ироническая улыбка, его голосъ звучалъ какой-то подавленной, глухой желчью. Онъ былъ неузнаваемъ, онъ словно похудѣлъ и осунулся за эти нѣсколько часовъ.

— Вотъ, Петръ Ивановичъ, опять я забылъ ваше правило о возсыланіи благодарностей судьбѣ за то, что хоть не голодаю,—обратился онъ къ Петру Ивановичу.—Захотѣлось еще роскоши жизни, чтобы моего отца мошенникомъ не смѣли при мнѣ называть!.. Нѣтъ, видно, у вашей философіи одна нога деревянная, потому она и хромаетъ...

Digitized by Google

Онъ видимо дѣлалъ надъ собой страшныя усилія, чтобъ проніей, шуткой заглушить какія-то другія чувства.

— Вы, ma tante, вѣроятно, все уже узнаете? — сказалъ онъ Олимпіадѣ Платоновнѣ.

— Да, да,—отвѣтила она печально.—Я пропустила вчера въ газетахъ эту корреспонденцію... Подлогъ векселей... растрата чужихъ денегъ... плутни въ банкѣ... я, право, ничего не поняла...

— Что же, его судить будутъ?—спросилъ какъ бы вскользь Евгеній.

— Да... онъ арестованъ...

— Значитъ, теперь хоть что-нибудь да будемъ о немъ узнавать каждый день, — проговорилъ Евгеній и вдругъ обернулся къ Петру Ивановичу:—Вотъ когда хорошо бы убѣжать на край свѣта и забыть, что есть газеты, что есть люди, читающіе газеты!..

Прислушиваясь къ его словамъ, къ его голосу, видно было, что онъ все говоритъ не то, что хотѣлъ бы сказать, что онъ напускаетъ на себя тонъ какой-то холодной насмѣшливости; но это едва ли было ломанье, рисовка своимъ горемъ. Нѣтъ, юноша, кажется, просто боялся разрыдаться, впасть въ отчаяніе, дойти опять до полнаго упадка силъ, до нервнаго припадка. Онъ чувствовалъ, что ему было какъ будто легче, когда онъ шутилъ, иронизировалъ. Ему теперь вспомнились слова Петра Ивановича: «что поневолѣ будешь улыбаться, когда и сегодня бьютъ, и завтра колотятъ».

— Ты болѣе не ѣзди въ пансіонъ,—сказала Олимпіада Платоновна.—Переѣдемъ поскорѣе куда-нибудь на дачу... подальше отсюда... Можетъ-быть, все это такъ кончится... Я завтра же наведу справки насчетъ его, похлопотать надо, можетъ-быть...

Въ эту минуту раздался звонокъ въ передней.

— Софья, Софья, скажите, что я не принимаю... больна... дома нѣтъ... скорѣе!—быстро проговорила Олимпіада Платоновна.

Софья торопливо направилась въ переднюю.

— Это княгиня Марья Всеволодовна пріѣзжала,—доложила она черезъ нѣсколько минутъ. — Говоритъ, по важному дѣлу...

Въ передней послышался новый звонокъ. Потомъ еще.

— А! всѣ уже узнали!—проговорила Олимпіада Платоновна, и въ ея голосѣ послышалась нотка злости.

— Въ Выборгѣ, говорятъ, хорошо жить,—вдругъ прого-

Digitized by Google

ворилъ Петръ Ивановичъ.—Природа тамъ спокойная, здоровая... люди... Ну, да вѣдь вы по-чухонски не знаете, значитъ люди тамъ всѣ хорошіе...

— Что-жъ... въ Выборгъ, значитъ, можно ѣхать,—машинально отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Я тоже на лѣто освобожусь отъ уроковъ, махну туда съ вами,—продолжалъ Петръ Ивановичъ.—И отъ Питера не далеко, и глушь благодатная, а главное люди хорошіе, по-русски не говорятъ...

Петръ Ивановичъ долго еще ораторствовалъ въ этомъ тонѣ, но его едва ли слушали и понимали.

На слѣдующій день въ газетахъ появились обстоятельные разсказы о поддѣлкѣ какихъ-то счетовъ и кражѣ общественныхъ денегъ въ крутогорскомъ банкѣ Владиміромъ Хрюминымъ; на третій день въ домѣ Олимпіады Платоновны было отказано, по крайней мѣрѣ, десятку посѣтителей, съ соболѣзнованіями справлявшихся, здорова ли, не заболѣла ли княжна; прошелъ еще день, и въ газетахъ появилось сообщеніе, что Владиміръ Хрюминъ былъ только исполнителемъ воли цѣлой шайки банковскихъ мошенниковъ, и что онъ самъ личность мелкая и ничтожная, неспособная даже на ловкое мошенничество; въ домѣ Олимпіады Платоновны опять приходилось отказывать сочувствующимъ старухѣ роднымъ и знакомымъ...

Но къ княжнѣ Олимпіадѣ Платоновнѣ ворвалась все-таки Мари Хрюмина, вся раскраснѣвшаяся, взволнованная, въ слезахъ.

— Что же это такое, ma tante! Мы опозорены, наша фамилія замарана!—воскликнула, всхлипывая, отцвѣтающая дѣва.—Чѣмъ же другіе-то виноваты, чѣмъ я виновата, что онъ негодяй, что онъ что-то укралъ...

— Да кто тебя, мать моя, обвиняетъ!—съ злостью воскликнула княжна.

— Но вѣдь я ношу ту же фамилію!—воскликнула Мари Хрюмина, рыдая. — Всѣ спрашиваютъ: это, вѣрно, вашъ близкій родственникъ? Всѣ смотрятъ какъ-то двусмысленно, точно сторонятся...

— Ну, и ты сторонись!—раздражительно посовѣтовала княжна.

— Но вѣдь я, ma tante, дѣвушка!—воскликнула Мари Хрюмина.

Княжна посмотрѣла на нее, не то съ удивленіемъ, не то съ ироніей.

Digitized by Google

— Ахъ, да неужели ты еще не привыкла къ этому,— проговорила она.

Но Мари Хрюмина была серьезно встревожена мыслью, что ее, ради ея родственныхъ связей съ воромъ и мошенникомъ, могутъ обойти женихи.

Въ это время Петръ Ивановичъ и Евгеній неслись уже по желѣзной дорогѣ въ Выборгъ искать дачу.

— Берите, что попадетъ, лишь бы скорѣе отсюда выѣхать,—говорила имъ на прощаньи Олимпіада Платоновна.

— Петръ Ивановичъ, это какая птица подъ крыло голову прячетъ, когда ей грозитъ опасность? — спрашивалъ Евгеній у Петра Ивановича.

— А чортъ ее знаетъ, какая!—ворчливо отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Вамъ-то что до нея?

— Да такъ, потому вотъ, что мы съ ma tante чуть что случится, сейчасъ свои головы подъ крыло прячемъ...

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТЬЯ.

На порогѣ къ жизни.

I.

Неподвижныя ели и сосны, гигантскія глыбы гранита, обросшія сухимъ мохомъ, цѣлое море песку, безчисленные морскіе заливы, множество безлюдныхъ уголковъ лѣса и прибрежья, изрѣдка встрѣчающіеся суровые и молчаливые финны, полное затишье, по цѣлымъ часамъ ненарушаемое ничѣмъ, ни говоромъ человѣка, ни пѣніемъ птицы, вотъ что охватило со всѣхъ сторонъ кружокъ Олимпіады Платоновны, когда она съ своей семьей и съ Петромъ Ивановичемъ перебралась на лѣто въ Выборгъ. Нанятый ею отдѣльный домикъ, потонувшій въ саду на берегу залива, стоялъ далеко отъ города, на краю форштадта. Купанье въ заливѣ, прогулки по сосѣднему парку барона Николаи, поѣздки на пароходѣ по Саймскому каналу въ Юстилу, въ Раттиярви, катанье на лодкѣ и рыбная ловля, все это наполняло досуги семьи въ эти дни ея уединенной, тихой жизни вдали отъ всякаго шума. Сухой воздухъ, безоблачное небо, лѣтнее тепло, полный покой дѣлали свое дѣло, успокаивали нервы, подавляли тревоги, навѣвали что-то въ родѣ умственной спячки. Здѣсь невольно клонило ко сну, манило прилечь гдѣ-нибудь въ тѣни и смотрѣть дремотными глазами куда-то вдаль, безъ цѣли, безъ мысли. Иногда, въ тихій безвѣтренный день, отправившись на рыбную ловлю и забравшись на лодкѣ на середину соннаго залива, Петръ Ивановичъ и Евгеній проводили въ безмолвіи цѣлые часы и только изрѣдка обмѣнивались отрывочными замѣчаніями, что «нынче тепло», что «сегодня хорошо ловится рыба». Только изрѣдка, среди этого искусственно создан-

Digitized by Google

наго затишья, вдругъ проскальзывали какія-то горькія фразы, говорившія ясно, что и въ этомъ затишьѣ въ душѣ Евгенія далеко не все успокоилось и улеглось. Иногда онъ замѣчалъ:

— А что, Петръ Ивановичъ, неужели мнѣ всю жизнь придется такъ спасаться отъ людей, какъ въ Сансуси, какъ здѣсь?

— Да, пожалуй, что и такъ, если вы не примкнете къ другому кругу людей, если вздумаете вѣчно жить среди разныхъ Хрюминыхъ, Дикаго, съ одной стороны, и разныхъ Перцовыхъ, съ другой.

— Да, но вѣдь это та среда, съ которой сжилась ma tante...

— Олимпіада Платоновна доживаетъ свой вѣкъ, а вы начинаете жить. Вамъ нечего надѣяться жить такъ, какъ она. Вамъ надо забыть, что всѣ эти Дикаго, всѣ эти Хрюмины ваши родные. Вы имъ не ко двору. Въ ихъ кругу вы будете постоянно играть двусмысленную роль бѣднаго родственника, въ ихъ кругу вы вѣчно будете наталкиваться на вопросы о вашихъ фатерѣ и мутершѣ, а вамъ самое лучшее позабыть обо всемъ этомъ.

— Не такъ-то это легко сдѣлать, какъ говорить,—вздыхалъ Евгеній и перемѣнялъ разговоръ или смолкалъ.

Порою, когда приносились газеты, онъ не безъ горечи замѣчалъ:

— Посмотримъ, нѣтъ ли поучительнаго чтенія...

Петръ Ивановичъ зналъ, что называлъ Евгеній «поучительнымъ чтеніемъ», и сердито ворчалъ:

— Очень нужно всякую чепуху читать.

— Какъ же не полюбопытствовать сыну, что пишутъ про его родителя,—говорилъ Евгеній.—Вѣдь говорятъ, что младшіе должны идти по стопамъ старшихъ, ну, вотъ я и хочу знать, какъ papa совершалъ свои дѣянія...

Порой это бѣсило Петра Ивановича, которому казалось, что Евгеній начинаетъ немного рисоваться своими сердечными невзгодами, и онъ начиналъ говорить рѣзкости:

— Да что вы рисуетесь, что ли, тѣмъ, что вѣчно толкуете о своемъ почтенномъ родителѣ? Ну, проворовался онъ, идетъ надъ нимъ слѣдствіе, да вамъ-то что до этого? Вы отрѣзанный ломоть. Вы его не знаете почти, любви особенной питать къ нему не можете, ну, такъ нечего о немъ и думать! Поменьше бы вы на себя напускали этой блажи, такъ лучше бы было. Сказали бы разъ навсегда, что родитель вашъ для васъ умеръ, и баста! А то точно съ больнымъ зубомъ съ нимъ носитесь: охасте, а вырвать его не хотите.

Евгеній грустно улыбался въ отвѣтъ на задоръ Петра

Digitized by Google

Ивановича и смолкалъ. Онъ не возражалъ, не спорилъ и чего-то ждалъ, твердо увѣренный, что время покажетъ Петру Ивановичу, кто правъ. Но черезъ нѣсколько дней Петръ Ивановичъ съ негодованіемъ говорилъ ему:

— Это чортъ знаетъ что такое! Опять онъ пишетъ о деньгахъ. Откуда ему возьметъ Олимпіада Платоновна? Все перезаложено, вездѣ займы подѣланы, а онъ разливается въ слезныхъ просьбахъ, чтобы его спасли, что и тамъ, и тутъ подмазать нужно, что и тому, и другому заплатить нужно, что и погибаетъ-то онъ безъ помощи. Да и пропадай онъ пропадомъ,—ей-то что за дѣло!..

— Да вы о комъ это говорите, Петръ Ивановичъ? — серьезно спрашивалъ Евгеній.

— Да о родителѣ вашемъ,—рѣзко отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Да полноте вы толковать о немъ, вѣдь это больной зубъ: вырвали мы его, ну, и конецъ!

— Ну, чего вы ломаетесь-то, комедію-то играете, — съ злобою чуть не кричалъ Петръ Ивановичъ.

Евгеній улыбался и качалъ головой.

— Нѣтъ, Петръ Ивановичъ,—замѣчалъ онъ:—мы только ролями съ вами помѣнялись: теперь ужъ не у васъ, а у меня «улыбающаяся» физіономія сдѣлалась. Помните, вы мнѣ говорили, что если тутъ бьютъ да тамъ порютъ, такъ поневолѣ, выплакавъ всѣ слезы, улыбаться станешь. Вотъ я и посмѣиваюсь... Ей-Богу, голубчикъ, я хоть и моложе васъ и ma tante, а я яснѣе васъ понимаю, что мы живемъ наканунѣ какой-то бѣды... Вотъ мы убѣжали отъ людей, которые могли досаждать намъ толками объ отцѣ, но намъ стали приносить вѣсти о немъ газеты. Вы сказали мнѣ, что глупо носиться съ толками о немъ и что надо не читать газетныхъ извѣстій о немъ, но онъ началъ самъ писать о себѣ... Вы скажете, что не слѣдуетъ посылать ему денегъ... Но ma tante никогда не проститъ себѣ этого, если ей кто-нибудь скажетъ, что его могла спасти ея помощь и что онъ погибъ вслѣдствіе ея отказа. Я знаю хорошо ma tante... Да кромѣ того... Вы знаете, что онъ можетъ отплатить ей, взявъ у нея насъ...

— Ну, очень весело ему будетъ няньчиться съ вами!

— А вы хорошо знаете его характеръ?

— Чортъ знаетъ, что̀ изъ всего этого выйдетъ!—вмѣсто отвѣта восклицалъ Петръ Ивановичъ.

Дѣйствительно, трудно было сказать, что̀ будетъ дальше.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ, какъ газетные корреспонденты впервые извѣстили о какихъ-то мошенничествахъ, произведенныхъ Хрюминымъ въ крутогорскомъ банкѣ, прошло не мало дней. Дѣло начало выясняться, и роль Хрюмина въ крутогорскихъ банковскихъ мошенничествахъ начала принимать болѣе комическій, чѣмъ возмутительный характеръ. Хрюминъ, какъ его описывали корреспонденты, былъ только легкомысленнымъ кутилой, пустоголовымъ щеголемъ, неумѣлымъ дѣльцомъ, попавшимъ въ лапы болѣе умѣлыхъ и болѣе серьезныхъ мошенниковъ. Онъ былъ только жертвой этихъ людей. За нимъ ухаживали, онъ игралъ видную роль въ Крутогорскѣ, онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ, не замѣчая, что ловкіе плуты дѣлаютъ ему всякія поблажки, чтобы имѣть возможность за кулисами обдѣлывать грязныя дѣла. Онъ занималъ въ банкѣ хорошее мѣсто и получалъ большое содержаніе, но все, чего отъ него требовали за это, заключалось въ одномъ: «будьте любезны, не вмѣшивайтесь въ дѣла и подписывайте бумаги, не вникая въ нихъ, не читая ихъ». Разсказывая о крутогорской исторіи, корреспонденты изощряли свое остроуміе надъ Хрюминымъ, замѣчая, что онъ знаетъ гораздо болѣе толку въ женскихъ туалетахъ, чѣмъ въ банковыхъ операціяхъ, что онъ и въ банкъ попалъ не вслѣдствіе знакомства съ биржей, а вслѣдствіе близкаго знакомства съ будуаромъ одной вліятельной барыни, что онъ былъ гораздо серьезнѣе занятъ завивкой своихъ волосъ и цвѣтомъ своего лица, чѣмъ состояніемъ банковскихъ счетовъ, что онъ удивительно храбро и надменно умѣлъ играть въ обществѣ роль провинціальнаго льва, не понимая, вслѣдствіе своей недалекости, что онъ не больше, не меньше, какъ мышенокъ, съ которымъ играютъ кровожадныя кошки. Судя по этимъ отзывамъ газетъ, можно было надѣяться, что на судѣ Хрюмину вынесутъ оправдательный приговоръ, разумѣется, при извѣстной ловкости адвоката, при извѣстныхъ закулисныхъ компромиссахъ и сдѣлкахъ съ цѣлой шайкой людей, которымъ приходилось фигурировать на судѣ въ этомъ дѣлѣ. Повидимому, на это надѣялся и Хрюминъ. По крайней мѣрѣ, такъ писалъ онъ въ письмахъ къ Олимпіадѣ Платоновнѣ, прося ея помощи. Боже мой, что это были за письма! Въ нихъ были и униженныя мольбы, и желчныя жалобы на судьбу, и громкія фразы о томъ, что ему нужно оправданіе не для себя, а для дѣтей, на которыхъ онъ не можетъ наложить пятна, которыхъ онъ хочетъ избавить отъ горькаго позора слыть дѣтьми мошенника. Олимпіада Пла-

Digitized by Google

тоновна не знала, что дѣлать: не отвѣчать на эти письма, отказывать на просьбы племянника, высказывать ему горькую правду? но какъ же это сдѣлать: вѣдь онъ отецъ Евгенія и Ольги? его могутъ обвинить безъ ея помощи? онъ можетъ изъ злобы на нее потребовать къ себѣ дѣтей? Въ головѣ старухи былъ какой-то сумбуръ, какая-то путаница, и она совсѣмъ терялась, не зная, на что рѣшиться. И откуда взять денегъ для помощи? Продать тотъ клокъ земли, который она думала завѣщать Евгенію и Ольгѣ или своимъ бывшимъ крестьянамъ, смотря по тому, какъ сложатся обстоятельства? Да, другого исхода не было. А съ чѣмъ останутся дѣти, если она умретъ раньше, чѣмъ они встанутъ на ноги? Ради чего она лишитъ этой помощи своихъ бывшихъ крестьянъ? Она и раздражалась, и падала духомъ. Ея и безъ того нѣсколько странный, сумасбродный характеръ сталъ еще болѣе неровнымъ. Она совѣтовалась и съ Софьей, и съ Петромъ Ивановичемъ и въ концѣ концовъ раздражительно замѣчала имъ: «ахъ, вы ровно ничего не понимаете!» Петръ Ивановичъ, знавшій все дѣло, призываемый княжною на совѣщанія, поддерживалъ ее въ настойчивомъ отклоненіи просьбъ Хрюмина о крупной помощи.

— Да не лѣзть же вамъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за него въ петлю,—говорилъ онъ.—Спасете мошенника отъ обвиненія, а отнимете средства или у дѣтей, или у мужиковъ.

— А какъ онъ потребуетъ дѣтей къ себѣ? — возражала Олимпіада Платоновна.—Отъ него всего можно ждать.

— Ну, у васъ есть связи, отстоите дѣтей. Да и не потребуетъ онъ ихъ.

— Ахъ, вы его не знаете, голубчикъ, на все онъ способенъ, на все! Совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ. Фамильное это у насъ, вѣрно! — вздыхала княжна. — Я, право, готова бѣжать съ дѣтьми за границу. Пусть тамъ разыскиваетъ.

— Что-жъ, въ крайнемъ случаѣ и это можно будетъ сдѣлать, — соглашался Петръ Ивановичъ.—Покуда же, право, вы преувеличиваете опасность. Просто въ васъ родственное чувство говоритъ и вамъ жаль его...

— Мнѣ жаль его! Да вы съ ума сошли! Господи, да я бы была рада, если бы его Богъ знаетъ куда услали! Родственное чувство! Нашелъ о чемъ говорить! Давно я чужая этому человѣку, давно! Но я знаю, что пока онъ живъ, я не буду покойна, онъ не отстанетъ отъ меня...

И точно Хрюминъ долго не отставалъ отъ нея: то она получила письмо съ просьбой выслать ему рублей двѣсти,

Digitized by Google

то пріѣзжалъ къ ней какой-то уполномоченный адвокатъ Хрюмина, господинъ Анукинъ, съ просьбой прислать Хрюмину триста рублей, и при этомъ съ судейскимъ краснорѣчіемъ описывалось страшное положеніе несчастнаго узника.

— Ахъ, что вы мнѣ разсказываете!—раздражалась Олимпіада Платоновна.— Зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ!

— Но онъ же не виноватъ! — возражалъ ей господинъ Анукинъ. — Онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ, можетъ-быть, легкомысленъ, но наказаніе слишкомъ жестоко! Наконецъ, вѣдь онъ такъ близокъ вамъ...

— Ну, близость нашихъ отношеній — это наше личное дѣло,— замѣчала Олимпіада Платоновна. — Вы пріѣхали по дѣлу, такъ и будемъ говорить о дѣлѣ.

Затѣмъ шелъ торгъ: она предлагала сто рублей вмѣсто трехсотъ, онъ сбавлялъ пятьдесятъ рублей съ трехсотъ; она накидывала еще пятьдесятъ къ предложенной сотнѣ, онъ скидывалъ еще двадцать пять рублей. Наконецъ, она совсѣмъ раздражалась.

— Ну, что же вы хотите, чтобы я себя для него заложила, послѣднее платье продала?—говорила она.

— Но вѣдь его положеніе еще ужаснѣе!—замѣчалъ адвокатъ.—Другія лица, попавшія по этому дѣлу, богаты, успѣли награбить, а онъ не имѣетъ ничего. Они будутъ употреблять всѣ средства, чтобы свалить все на него и потопить его. Если я и взялъ на себя его защиту, то только ради интереса, представляемаго самимъ дѣломъ... Но безъ денегъ вести дѣло нельзя, вашъ племянникъ можетъ погибнуть...

— Да мнѣ-то что за дѣло до него?—перебивала княжна.— Понимаете ли вы, что я не хочу его знать?

— Полноте, ваше сіятельство, вы женщина, вы добры!— мягко говорило довѣренное лицо Хрюмина.

— Господи! да когда же все это кончится!—восклицала княжна. — Ну, берите, все берите, только не мучьте меня!

Господинъ Анукинъ пересчитывалъ брошенныя на столъ деньги, пряталъ ихъ въ бумажникъ и вѣжливо откланивался. Значительная доля всѣхъ этихъ денегъ, посылаемыхъ Хрюмину и выдаваемыхъ другимъ подсудимымъ, оставалась въ рукахъ у подобныхъ довѣренныхъ лицъ. Они, какъ піявки, окруживъ всѣхъ подсудимыхъ по дѣлу крутогорскаго банка, сосали кровь изъ этихъ несчастныхъ, разъѣзжая на ихъ счетъ изъ Петербурга въ Крутогорскъ, изъ Крутогорска въ Петербургъ, содѣйствуя сокрытію капиталовъ и имѣній попавшихся дѣльцовъ, нагрѣвая себѣ руки

Digitized by Google

всѣми правдами и неправдами. Деньги вытягивались на устройство какихъ-то «компромиссовъ», на «замазыванье какихъ-то ртовъ», на «устраненіе какихъ-то усложняющихъ дѣло обстоятельствъ», на какіе-то разъѣзды, подачки, взятки, однимъ словомъ, чуть не на плату за дарованіе подсудимымъ права дышать воздухомъ во время ареста. Сами подсудимые походили очень на крысъ, попавшихъ въ мышеловку. Они совсѣмъ потеряли головы отъ трусости, они метались изъ стороны въ сторону, они были готовы на все, лишь бы отдѣлаться отъ «мѣстъ не столь отдаленныхъ», отъ «потери всѣхъ особенныхъ правъ состоянія» и отъ разныхъ тому подобныхъ прелестей, служащихъ вѣчнымъ финаломъ всякихъ слишкомъ смѣлыхъ банковскихъ операцій. Трудно представить, какая масса денегъ утекала теперь въ руки разныхъ ходатаевъ, присяжныхъ повѣренныхъ, юристовъ-дѣльцовъ. Самый послѣдній сторожъ въ тюрьмѣ и тотъ почуялъ добычу, увидалъ ту мутную воду, въ которой можно ловить рыбу. Тутъ брали всѣ, кто могъ взять; тутъ давали всѣмъ, кто только протягивалъ руку за подачкой; тутъ несчастнѣе всѣхъ считалъ себя не тотъ, кто былъ виновнѣе всѣхъ, а тотъ, кто не имѣлъ средствъ давать всѣмъ и каждому, давать столько, сколько давали другіе. Въ такомъ несчастномъ положеніи былъ Хрюминъ, жившій до сихъ поръ изо дня въ день, не скопившій ничего, кромѣ долговъ, дававшій теперь только то, что получилъ отъ княжны, единственной его помощницы. Господинъ Анукинъ только и говорилъ ему, что «его потопятъ», что «на него свалятъ все», что «онъ явится козломъ отпущенія»,—и все это ради недостатка денегъ, подмазываній, полюбовныхъ сдѣлокъ. А деньги можно было добывать покуда только отъ княжны. Немудрено, что эту помощницу бомбардировали письмами, что ее осаждали посѣщенія довѣреннаго лица. Она такъ привыкла къ этимъ письмамъ, къ этимъ визитамъ довѣреннаго лица, что ее не мало удивила небрежно сказанная фраза господина Анукина во время его послѣдняго посѣщенія:

— Вѣроятно, вамъ болѣе не придется тратиться на вашего племянника, такъ какъ мнѣ, какъ кажется, удастся уладить дѣло иначе.

Олимпіада Платоновна очень удивилась: неужели нашлись еще благодѣтели, кромѣ нея, рѣшившіеся помогать ея племяннику, или ужъ не согласились ли разные адвокаты и ходатаи защищать его безвозмездно?

Digitized by Google

— Нѣтъ,—замѣтилъ господинъ Анукинъ.—Вращаясь, по своему положенію въ обществѣ, въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, я случайно столкнулся съ супругой Владиміра Аркадьевича. Она теперь находится въ отличномъ положеніи...

— На содержаніи у какого-нибудь богача,—рѣзко вставила свое замѣчаніе Олимпіада Платоновна.

— Да, она сошлась съ очень богатымъ и уважаемымъ человѣкомъ,—серьезно произнесъ господинъ Анукинъ.—Она еще молода, хороша собой, ловка и ей трудно было бы погибнуть. Вотъ съ ней-то я и уладилъ почти дѣло. У нея двое дѣтей, кромѣ тѣхъ, которыя живутъ у васъ. Они записаны на имя Владиміра Аркадьевича. Конечно, ей желательно, чтобы онъ не отрицалъ законности этихъ дѣтей. Кромѣ того, ей было бы не особенно пріятно, если бы его обвинили на судѣ и выслали куда-нибудь съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ. Онъ все-таки ея законный мужъ и имѣетъ на нее права...

— Вы о какихъ-то сдѣлкахъ говорите, о какомъ-то торгѣ, — вспыльчиво замѣтила княжна, угадавшая что-то грязное во всемъ этомъ разсказѣ.—Я надѣюсь, что Владиміръ не настолько...

— Онъ вполнѣ согласенъ на предложенныя ею черезъ меня условія, — закончилъ господинъ Анукинъ невозмутимымъ тономъ.—Когда корабль тонетъ, — тутъ смѣшно разсуждать, кто протягиваетъ руку помощи. Это было бы если не донъ-кихотствомъ, то во всякомъ случаѣ повтореніемъ басни о метафизикѣ: если надо выбраться изъ ямы, то нечего толковать о томъ, что значитъ веревка.

Олимпіада Платоновна не нашлась даже, что сказать, точно съ нею говорили на какомъ-то невѣдомомъ ей языкѣ.

— Теперь я въ послѣдній разъ безпокою васъ,—продолжалъ защитникъ Хрюмина.—Владиміру Аркадьевичу нужны деньги сейчасъ—бездѣлица, двѣсти-триста рублей, не болѣе. Конечно, я могъ бы прямо взять эти деньги у Евгеніи Александровны, но въ выгодахъ Владиміра Аркадьевича нужно переждать немного и не идти на первыя предложенія. Ея гражданскій мужъ можетъ предложить гораздо болѣе, а Владиміръ Аркадьевичъ теперь долженъ дорожить каждымъ лишнимъ рублемъ...

— Извините, у меня нѣтъ болѣе для него денегъ,—сухо сказала Олимпіада Платоновна.

Господинъ Анукинъ хладнокровно началъ доказывать, что, во-первыхъ, у княжны, конечно, есть возможность достать

Digitized by Google

эти деньги, что, наконецъ, если ей угодно, то эти деньги будутъ ей возвращены, что все это дѣлается ради выгодъ и интересовъ Владиміра Аркадьевича, что напрасно княжна такъ рѣзко и строптиво относится къ нему, къ защитнику Владиміра Аркадьевича.

— Повѣрьте, ваше сіятельство, что мнѣ вовсе не пріятны всѣ эти разговоры и переговоры съ вами,—ѣдко закончилъ адвокатъ.—Я исполняю только свой долгъ, и мнѣ кажется, что вы, какъ родная тетка подсудимаго, должны бы только благодарить меня за заботы объ его интересахъ. Вѣроятно, ни вамъ, ни вашей роднѣ, ни дѣтямъ Владиміра Аркадьевича не было бы особенно пріятно обвиненіе его на судѣ, а я только и бьюсь изъ-за того, чтобы снять пятно съ его чести... Вы изволили очень грубо выразиться о средствахъ, при помощи которыхъ я надѣюсь спасти Владиміра Аркадьевича. Но, Боже мой, кто же мѣшалъ вамъ и вообще роднымъ Владиміра Аркадьевича устранить необходимость прибѣгать къ этимъ средствамъ: вы, конечно, могли бы при нѣкоторыхъ жертвахъ съ своей стороны доставить своему племяннику болѣе чистыя средства для спасенія, у васъ, наконецъ, такія связи, но вы покуда не потрудились сдѣлать ничего для спасенія этого человѣка, для избавленія его отъ разныхъ не особенно красивыхъ сдѣлокъ, а его дѣтей—отъ несчастія быть дѣтьми признаннаго мошенника...

Господинъ Анукинъ говорилъ сдержанно, почтительно, немного наставническимъ и презрительнымъ тономъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, насколько выше княжны стоитъ онъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Княжнѣ ужасно хотѣлось выгнать его вонъ. Но она удержалась отъ всякихъ грубостей.

— Вы говорите, что теперь нужна моя помощь въ послѣдній разъ?—коротко спросила она

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Хорошо, я достану денегъ, — сказала княжна. — Но помните, что я болѣе не стану читать его писемъ и не вступлю болѣе въ переговоры съ вами.

Господинъ Анукинъ пожалъ плечами. Она позвонила. Вошла Софья.

— Пригласи Петра Ивановича,—сказала княжна.

Петръ Ивановичъ явился.

— Съѣздите, Петръ Ивановичъ, въ Петербургъ и заложите или продайте серебро. Нужно триста рублей передать вотъ этому господину. Велите Софьѣ собрать все, что можно.

Digitized by Google

Вечеромъ Петръ Ивановичъ ѣхалъ съ мѣшкомъ серебра, ножей, ложекъ, вилокъ.

— Скажите, пожалуйста, эта княжна всегда была такимъ мужланомъ и... глупа она, что ли? — съ ироніей говорилъ дорогою господинъ Анукинъ Петру Ивановичу.

— Еще бы не глупа, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ. — Сотни рублей подлецу передавала въ какіе-нибудь три мѣсяца. Знаете, теперь такія дуры даже на рѣдкость. Теперь глупъ-глупъ человѣкъ, а все-таки за шиворотъ умѣетъ вытолкать мошенника, когда тотъ въ его кошелекъ лѣзетъ, ну, а княжна... Да неужели вы только сегодня замѣтили, что она глупа? — вдругъ обратился съ вопросомъ къ адвокату Петръ Ивановичъ.

— Да, она странная, непріятная женщина,—коротко сказалъ адвокатъ. — Она никакъ не хочетъ понять моей роли и дѣлаетъ сцены мнѣ, сердясь на племянника.

— Да, ваше положеніе крайне непріятное,—съ улыбочкой согласился Петръ Ивановичъ.—Вы вѣдь, вѣроятно, по назначенію защищаете этого негодяя, потому что вѣдь по доброй волѣ едва ли кто рѣшился бы стоять за такихъ подлецовъ, какъ эта шайка банковскихъ мошенниковъ.

Довѣренному лицу Хрюмина разговоръ съ Петромъ Ивановичемъ становился еще болѣе непріятнымъ, чѣмъ переговоры съ Олимпіадой Платоновной, и оно, не отвѣчая на слова Петра Ивановича, только вскользь вѣжливымъ и мягкимъ тономъ спросило:

— Вы въ семинаріи воспитывались?

— А что?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ, я люблю провѣрять, вѣрны или невѣрны мои наблюденія,—отвѣтилъ адвокатъ.

— Въ семинаріи,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Я такъ и думалъ,—закончилъ адвокатъ и отвернулся къ окну вагона.—Какая жалкая и блѣдная природа у насъ здѣсь на сѣверѣ. Стоитъ взглянуть на нее, чтобы сразу угадать и жизнь, и характеръ живущаго здѣсь народа... Да, здѣсь лучше чѣмъ гдѣ-нибудь можно провѣрить взгляды Бокля на вліяніе природы на человѣка. Это положительно великіе взгляды...

Потомъ отъ философскихъ толковъ о природѣ онъ перешелъ къ разсказу о политическомъ процессѣ, гдѣ онъ защищалъ нѣсколькихъ подсудимыхъ. Въ числѣ ихъ оказался одинъ семинаристъ, товарищъ Рябушкина, и Петръ Ивановичъ заинтересовался подробностями этого процесса. Адво-

Digitized by Google

катъ расхваливалъ своего кліента и сильно либеральничалъ. На бѣлоостровской станціи онъ довольно просто и радушно предложилъ Петру Ивановичу выпить и послѣ второй рюмки уже совсѣмъ дружескимъ тономъ замѣтилъ ему:

— А я сразу угадалъ, что вы никогда не занимались юридическими науками.

— Да, не занимался,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Если бы занимались ими, вы не обвиняли бы меня за то, что я защищаю не только какихъ-нибудь политическихъ преступниковъ, но и такихъ лицъ, какъ этотъ мерзавецъ Хрюминъ,—сказалъ господинъ Анукинъ.—Что такое и политическіе преступники, и эти простые мошенники Хрюмины? Продукты и жертвы времени, современнаго общественнаго строя, одинаково заблуждающіеся люди, жалкіе въ своихъ заблужденіяхъ. Не кара ихъ важна для общества, а важно устраненіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ они являются. Вотъ та точка зрѣнія, на которой долженъ стоять каждый изъ насъ. Да еще одинъ изъ нашихъ величайшихъ писателей замѣтилъ: это еще вопросъ, кто кого тутъ убилъ: жена ли мужа, или мужъ жену? Это онъ замѣтилъ, по поводу убійства въ семьѣ герцоговъ дю-Пралэнъ или въ семьѣ Лафаржей, не помню теперь. Но дѣло не въ лицахъ, а въ глубокомъ смыслѣ этой фразы. Дѣйствительно, чѣмъ виноватъ какой-нибудь Хрюминъ, что все, воспитаніе, обстановка, среда, вело его къ легкомысленному отношенію къ своимъ обязанностямъ? Онъ гадокъ, низокъ, пороченъ, но казните же и тѣхъ, кто его сдѣлалъ такимъ, казните ихъ прежде, чѣмъ казнить его. Вотъ-съ та истинно гуманная точка зрѣнія, на которой долженъ стоять каждый адвокатъ.

Потомъ, закуривъ сигару уже въ вагонѣ и небрежно откинувшись на диванъ, господинъ Анукинъ продолжалъ:

— Кромѣ того, въ дѣлѣ Хрюмина есть нѣсколько чисто юридическихъ вопросовъ, которые крайне важно разъяснить въ интересахъ общества. Наши банки стоятъ еще на шаткихъ основаніяхъ, многое въ нихъ еще спутанно и неясно, произволу разныхъ членовъ правленія, разныхъ директоровъ данъ слишкомъ большой просторъ. Путемъ судебнаго слѣдствія, путемъ судебнаго разбирательства надо разъ и навсегда разъяснить, что законно и что незаконно въ поступкахъ тѣхъ или другихъ изъ банковскихъ дѣльцовъ. Вотъ хоть бы этотъ Хрюминъ: онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ ловкихъ заправилъ. Представляется теперь вопросъ: имѣлъ ли онъ право не исполнять ихъ требованій? посту-

Digitized by Google

шилъ ли онъ незаконно, исполняя незаконныя приказанія и требованія начальствующихъ лицъ? какимъ путемъ могъ онъ пресѣчь ихъ незаконныя дѣйствія?

Онъ пустилъ струйку дыма, граціозно потянулся и проговорилъ:

— Вы, конечно, не стоите за доносы? Ну-съ, а между тѣмъ при современныхъ порядкахъ въ банковскомъ, да и во всякомъ другомъ дѣлѣ въ томъ положеніи, въ которомъ стоялъ Хрюминъ, онъ долженъ былъ или бросить мѣсто, или доносить... Конечно, вы скажете, что онъ долженъ былъ бросить мѣсто... Но, батенька, спросите себя откровенно: всегда ли вы бросали мѣсто, видя, что вы или даромъ берете деньги, или что вы не такъ дѣлаете дѣло, какъ слѣдуетъ... Вы учитель, кажется?

— Да.

— Вѣроятно, преподаете русскій языкъ или исторію?

— И то, и другое.

— Прекрасно. Ну-съ, то ли вы говорите на урокахъ исторіи, что вы думаете, или то, что вы должны, что вы имѣете право говорить въ предѣлахъ данной программы и даннаго направленія?..

— Я...

Господинъ Анукинъ не далъ Петру Ивановичу времени отвѣтить.

— Вы во всякомъ случаѣ говорите только половину истины, если не лжете,—сказалъ онъ.—А половина истины... вы простите меня за откровенность... половина истины хуже лжи. На урокахъ русской словесности что вы читаете? Державина и Ломоносова, которыхъ вы не цѣните ни въ грошъ для современной жизни, и молчите о Некрасовѣ, котораго вы ставите очень высоко, молчите, потому что не находите удобнымъ говорить о немъ, какъ о поэтѣ, не входящемъ въ программу? Преподавать такъ — конечно, вы сознаетесь въ этомъ въ глубинѣ души—значитъ толочь воду въ ступѣ, и вы ее толчете, толчете изо дня въ день, изъ года въ годъ... Жрать, батенька, надо, жрать!

Поѣздъ подъѣзжалъ къ Петербургу.

— Знаете что. Поѣдемъ къ Палкину!—сказалъ господинъ Анукинъ.—Иногда бываютъ минуты, когда готовъ напиться до зеленаго змія, потому что наша жизнь..

Онъ безнадежно махнулъ рукою...

— И жизнь подлая, и мы всѣ подлецы!

Digitized by Google

II.

Петръ Ивановичъ хотѣлъ забросить сакъ съ серебромъ къ своей матери и уже потомъ ѣхать къ Палкину, но господинъ Анукинъ не далъ ему и слова выговорить.

— Чего вы старуху-то тревожить будете; нежданно, негаданно, на ночь глядя, пріѣдете,—сказалъ онъ.—Забросьте мѣшокъ ко мнѣ, поѣдемъ потомъ къ Палкину, переночуете послѣ у меня, — я вѣдь на холостую ногу живу, — а тамъ завтра и обдѣлаете дѣло. Мы, батенька, русскіе сердечные люди, такъ намъ нечего церемоніи разводить. Я самъ сердечный человѣкъ и люблю сердечныхъ людей.

Петръ Ивановичъ согласился. Онъ тоже былъ сердечный человѣкъ и любилъ сердечныхъ людей, особенно послѣ двухъ-трехъ рюмокъ вина. Правда, онъ былъ человѣкъ «съ хитрецой», но какіе же русскіе сердечные люди, особенно изъ бурсаковъ, бываютъ «безъ хитрецы»? Черезъ полчаса оба сердечные человѣка сидѣли у Палкина за бутылкой и вели оживленную бесѣду, предварительно выпивъ по рюмкѣ водки и закусивъ у буфета. Господинъ Анукинъ былъ у Палкина своимъ человѣкомъ: онъ называлъ буфетчика Михаиломъ Ефимовичемъ, его слуги называли Николаемъ Васильевичемъ. Петра Ивановича особенно интересовала исторія родителей Евгенія, и господинъ Анукинъ, сообщивъ прежде всего въ приливѣ откровенности, какъ онъ тоже въ юности всякой грязи нахлебался, какъ онъ потомъ «мытарствовалъ въ качествѣ помощника присяжнаго», какъ ему удалось «слезами пронять судей и одного подлеца оправдать», какъ съ этого подлаго дѣла «онъ жить началъ», перешелъ затѣмъ къ исторіи Хрюминыхъ. Это была интересная и новая для Рябушкина исторія.

— Евгенія Александровна, разставшись со своимъ благовѣрнымъ, сошлась съ Михаиломъ Егоровичемъ Оленниковымъ, тоже у насъ присяжнымъ повѣреннымъ былъ,—говорилъ Анукинъ.—Сошлась она съ нимъ за неимѣніемъ лучшаго любовника и пошла по клубамъ. Я ее еще на первыхъ порахъ ея свободнаго житія видѣлъ: хорошенькая бабенка была, теперь только немного толстѣть начала, да на русскую купчиху смахиваетъ, а то просто французской кокоткой выглядѣла. Стала она въ клубахъ играть въ водевиляхъ да въ живыхъ картинахъ позировать, ну, и нашла покупателей на этой выставкѣ. Вѣтрогонства, правда, у нея много было, такъ не сразу она въ настоящую колею попала. Разъ, помню,

Digitized by Google

увлеклась она какимъ-то александринскимъ лицедѣемъ; такъ себѣ—херувимъ съ вербы, ни за нимъ, ни передъ нимъ ничего нѣтъ, а лицо смазливое, ребячье, ну, и врѣзалася она въ него; въ живыхъ картинахъ съ нимъ Венеру и Адониса изображать вздумала. Баронесса фонъ-Шталь и Барановъ—это наши маклера по амурной части — просто рукой махнули, когда узнали объ этомъ: «ничего, молъ, путнаго эта бабенка не сдѣлаетъ; ей капиталы въ руки лѣзутъ, а она сентиментами занимается...»

— А что же Оленниковъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Оленниковъ, батенька, человѣкъ странный, свихнувшійся,—сказалъ господинъ Анукинъ.—Мы все ждали, что изъ него дѣлецъ-кулакъ выйдетъ, сухой, жесткій, прошколенный жизнью, и ошиблись. Во всемъ онъ такимъ и былъ, но какъ дѣло касалось Евгеніи Александровны, такъ и становился онъ тряпкой. Да вотъ вамъ примѣръ. Когда увлеклась она этимъ александринскимъ херувимомъ и Венеру съ этимъ Адонисомъ изобразить рѣшилась, Оленниковъ волосы на себѣ рвалъ, убѣжалъ изъ клуба, нарѣзался, какъ сапожникъ, здѣсь у Палкина, перебилъ дома зеркала и только объ одномъ и сокрушался, что она его броситъ. «Пусть, говоритъ, измѣняетъ, но только не бросаетъ!» Это, знаете, что-то роковое: впервые видите ли, онъ встрѣтилъ такую разнузданную да страстную женщину, которая сумѣла расшевелить и разжечь даже его сухую и черствую натуру, ну и не хватало у него силъ разойтись съ ней. Просто, и смѣшно, и жалко было смотрѣть на него въ это время ея первой измѣны: вздумалъ онъ ее бросить, а черезъ недѣлю, отощалый и униженный, явился къ ней и у ногъ ея себѣ же прощенье вымаливалъ. И вѣдь что вы думаете, самъ же себя призналъ виновнымъ: и мало-то онъ ей выказываетъ ласки, и недостаточно-то онъ заботится о ея комфортѣ, и мучаетъ-то онъ ее ревностью, все на себя принялъ. Ну, простила, плакала вмѣстѣ съ нимъ, медовый мѣсяцъ примиренья опять пережили, а тамъ... Онъ дѣло какое-то подлое взялъ защищать ради большого гонорара, а она съ какимъ-то офицерикомъ пантомимъ любви опять разыграла и опять не особенно выгодно, такъ какъ получила въ подарокъ только сомнительные векселя. Оленниковъ опять напился у Палкина, но дома уже не бушевалъ, а покорно вынесъ головомойку за то, что онъ «вдобавокъ ко всѣмъ прелестямъ еще и пьетъ!..»

Господинъ Анукинъ осушилъ стаканъ.

Digitized by Google

— Да-съ, батенька, людская натура полна противорѣчій,— замѣтилъ онъ докторальнымъ тономъ.—Никакіе Шекспиры, никакіе Гюго не знаютъ этого такъ хорошо, какъ мы, адвокаты, передъ которыми выворачивается наизнанку вся душа человѣка. Вотъ этотъ юный кулакъ по натурѣ, практикъ во всей предшествовавшей жизни, заплясалъ подъ дудку смазливой бабенки, пить началъ съ горя, грязныя дѣла сталъ обдѣлывать, дошелъ до того, что промоталъ ввѣренныя ему деньги и теперь исключенъ даже изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ. А она, — это тоже курьезный экземпляръ,— глупая бабенка, поддающаяся только вліянію своей распущенности, живущая порывами своего темперамента, обдѣлываетъ дѣлишки: одного любовника заставляетъ содержать своихъ дѣтей, другого заставляетъ разоряться на содержаніе ея особы, третьяго довела до пьянства и держитъ при себѣ, какъ собачонку, которую можно и ласкать, и бить во всякое время. Теперь она захватила въ свои лапы одного финансоваго туза въ почтенныхъ лѣтахъ и въ почтенномъ чинѣ и говоритъ ему: «посмотри, какъ похожъ на тебя нашъ Воля», — такъ зовутъ-съ ея сына, на содержаніе котораго платитъ какой-то богатый офицерикъ! Это, я вамъ скажу, просто комедія!

— Этотъ-то, вѣрно, финансовой тузъ и даетъ ей теперь деньги на спасеніе господина Хрюмина?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да,— отвѣчалъ Анукинъ: — во-первыхъ, нежелательно имъ, чтобы она была женою осужденнаго на ссылку мошенника, во-вторыхъ, желательно имъ, чтобы дѣти Евгеніи Александровны такъ и остались законными дѣтьми. При ней ихъ еще двое и въ скоромъ времени будетъ третій, этотъ уже положительно признается роднымъ сыномъ со стороны финансоваго туза, приходящаго въ умиленіе при мысли, что и у него теперь есть потомки. Мнѣ даже сдается, что Владиміру Аркадьевичу заплатятъ деньги за разводъ, такъ какъ финансовый тузъ не прочь и жениться на ней, чтобы ввести ее въ лучшій кругъ общества.

— Ну!—съ сомнѣніемъ проговорилъ Петръ Ивановичъ.— Кто же приметъ такую-то въ лучшій кругъ.

— Что-съ?—со смѣхомъ произнесъ Анукинъ, смотря на Рябушкина, какъ на неопытнаго ребенка.—Да вы, батенька, значитъ, не знаете нашего общества. Не первая она и не послѣдняя изъ такихъ-то, попадающая въ салоны, гдѣ только сливки общества собираются. Она-съ и теперь уже роль

Digitized by Google

играетъ. Просто это нынче дѣлается. Записалась она въ три благотворительныя общества членомъ, сдѣлала крупныя пожертвованія, сперва попала распорядительницей на какой-то благотворительный базаръ, потомъ въ какомъ-то маскарадѣ у колеса алегри съ филантропической цѣлью стояла, далѣе выбрали ее гдѣ-то въ комитетъ, ну, и пошла въ ходъ въ качествѣ барыни-патронессы. Черезъ нее у финансоваго туза выхлопатываютъ разныя концессіи, находятъ протекціи, дѣлаютъ займы... Да она, батенька, теперь съ разборомъ и гостей-то принимаетъ, говоритъ тоже про разночинцевъ: «это люди не нашего круга». Нынче, батенька, такія времена, смѣшеніе языковъ происходитъ. Вы прислушайтесь-ка, что выясняется на крупныхъ мошенническихъ процессахъ: тутъ и какая-нибудь солдатская дочь или цыганка фигурируетъ, и какой-нибудь такой крупный индюкъ является, что даже и ушамъ не вѣришь. Да-съ, все это перемѣшалось въ одну кашу, такъ что и не разберешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, въ какомъ кругу находишься.

Анукинъ еще выпилъ.

— Впрочемъ, госпожа Хрюмина, какъ она сама постоянно напоминаетъ, и безъ того принадлежитъ къ лучшему кругу общества,—продолжалъ онъ съ ироніей. — Шутка ли: дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, жена Владиміра Хрюмина, родного племянника князя Алексѣя Платоновича Дикаго, будущая жена одного изъ самыхъ видныхъ тузовъ финансоваго міра... Да чего же вамъ еще надо?... Правда, ея жизнь, ея поведеніе сомнительнаго свойства, но, во-первыхъ, кто же имѣетъ право вмѣшиваться въ частную жизнь, а во-вторыхъ... «о, она была такъ несчастна въ замужествѣ»,—восклицаютъ барыни... Знаете, она даже рада, что ея супругъ попался въ крутогорской исторіи. Это подтолкнетъ, съ одной стороны, финансоваго туза устроить ея разводъ и жениться на ней, а съ другой—это дастъ еще болѣе вѣскій аргументъ для доказыванья своей несчастной супружеской жизни...

— Экая мерзость-то творится кругомъ!—проворчалъ Рябушкинъ.—А я вѣдь до сихъ поръ думалъ, что эта барыня такъ и погибла, что ее выбросили отвсюду за бортъ...

— Нѣтъ-съ, такихъ не выбрасываютъ,—отвѣтилъ господинъ Анукинъ наставительно.—Ихъ и ругаютъ-то только до той поры, пока онѣ не оперятся, а она, батенька, такъ оперилась, что до нея теперь скоро и рукой не достанешь. Да вы ее никогда не видали?

Digitized by Google

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Рябушкинъ.

— Жаль, стоитъ взглянуть,— сказалъ господинъ Анукинъ.—Ей ничего не дано: ни яркой красоты, ни сильнаго ума, ни серьезнаго образованія. Только воспитанье ей дали послѣдовательное, прочное: заставили ее разъ и навсегда затвердить, что женщина тогда только и можетъ жить, когда она нравится мужчинамъ, что вслѣдствіе этого женщина должна дѣлать все возможное, чтобы нравиться мужчинамъ, что каждая женщина можетъ нравиться мужчинамъ, если только захочетъ, и съ этими наставленіями стали вывозить ее на балы, и въ клубы, и въ театры, и въ маскарады напоказъ мужчинамъ, для ловли жениховъ. И много она глупостей натворила, много ошибокъ надѣлала, но великихъ принциповъ женскаго воспитанія никогда не забывала: и старалась нравиться мужчинамъ, и нравилась имъ. Чѣмъ?— спросите вы. Да какъ вамъ это объяснить! Прическа къ лицу, платье къ лицу, стремленіе выхолить тѣло, открыть шею, потому что именно шея у нея соблазнительна, показать зубки, такъ какъ и зубки ей дала природа особенно красивые, говорить мягкимъ и пѣвучимъ голоскомъ, ходить легкой походкой, чтобы казаться моложе, вотъ тѣ нехитрые пріемы, до которыхъ она додумалась чуть не съ колыбели. Быть ласковой со всѣми, чтобы слыть женственною и доброй, вторить каждому, подобно вѣрному эхо, чтобы никто не раздражался ея противорѣчіемъ и чтобы всѣ считали ея душу сродни своимъ душамъ, вотъ еще нехитрые пріемы, которыми побѣждались тѣ, которые плѣнялись ея наружностью и сближались съ ней. Я, право, не знаю такого человѣка, который, пожелавъ сблизиться съ нею, потерпѣлъ бы неудачу. Да вотъ на что ужъ враждебенъ ей Владиміръ Аркадьевичъ, а вздумай онъ приволокнуться опять за ней, и она станетъ кокетничать съ нимъ: онъ вѣдь мужчина, а мужчинамъ нужно нравиться. Вы скажете: это развратъ! Помилуйте: ее просто обманывали мужчины, она ошиблась въ нихъ—вотъ и все! Этотъ ее обманулъ, имѣя дурной характеръ, а прикидываясь мягкимъ. Тотъ обманулъ ее, сойдясь съ нею и не подумавъ о средствахъ для ея содержанія. Третій... но развѣ она виновата, что онъ клялся ей въ любви, а имѣлъ на содержаніи француженку-кокотку? Наконецъ, не слѣдуетъ забывать главнаго обстоятельства, что «мы всѣ невинны отъ рожденья и нашей честью дорожимъ, но вѣдь бываютъ столкновенья, что просто нехотя грѣшимъ». Этимъ и объясняется, и оправдывается все, если ни другихъ объ-

Digitized by Google

ясненій, ни другихъ оправданій и подыскать нельзя. Коварство мужчины и слабость женщины, минутное увлеченіе и судьба, этимъ, батенька, отъ каждаго грѣха оправдаешься. И вы думаете она лжетъ? Нѣтъ. Она сама вполнѣ вѣритъ, что она честная женщина. Она, видите ли, только слишкомъ добра и довѣрчива и притомъ у нея «такой темпераментъ» — вотъ и все.

Кончивъ разсказъ о жизни Евгеніи Александровны, господинъ Анукинъ перешелъ къ разсказу о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло, по которому онъ взялъ на себя хлопоты.

— Теперь,—заговорилъ онъ дѣловымъ тономъ:—дѣло все въ томъ, чтобы устроить разводъ. Нужно будетъ уговорить Владиміра Аркадьевича не отрицать законности дѣтей Евгеніи Александровны и принять грѣхъ на себя, чтобы она могла развестись съ нимъ и выйти замужъ. Конечно, надо изо всѣхъ силъ постараться, чтобы она побольше заплатила супругу отступного.

— Да вы на чьей же сторонѣ стоите? — спросилъ Рябушкинъ.

— Я?.. я за обѣ стою,—отвѣтилъ Анукинъ.—Тутъ вѣдь ссоры и тяжбы никакой нѣтъ, тутъ просто идетъ полюбовная сдѣлка. Во-первыхъ, безъ денегъ я не выиграю дѣла Владиміра Аркадьевича; значитъ, нужно добыть денегъ; во-вторыхъ, смотря по количеству заплаченныхъ Евгеніею Александровною денегъ, я получу болѣе или менѣе приличное вознагражденіе за всѣ эти хлопоты и переговоры, значитъ, нужно взять денегъ побольше. Во всякомъ случаѣ, я удовлетворю желанія обѣихъ сторонъ, а если Евгеніи Александровнѣ или, вѣрнѣе сказать, ея покровителю придется нѣсколько больше выдать презрѣннаго металла, такъ это, право, для него ничего не значитъ, потому что не мнѣ онъ выдастъ эту сумму, такъ гдѣ-нибудь у модистки ихъ оставитъ, въ какомъ-нибудь ресторанѣ на пикникъ броситъ. Вѣдь была бы падаль, а вороны все равно слетятся.

— Ну, и циникъ же вы, какъ я посмотрю!—проворчалъ Петръ Ивановичъ.

— Будешь, батенька, циникомъ, какъ жрать хочешь да знаешь, что только то и останется у тебя, что силой сорвешь съ людей,—отвѣтилъ господинъ Анукинъ и сильно оживился. — Вы вглядитесь-ка въ современную жизнь поближе,—что увидите? Вся она, не у насъ однихъ, а во всей Европѣ, построена на правилѣ — кто палку взялъ, тотъ и

Digitized by Google

капралъ. Разсмотрите всѣ профессіи, и вездѣ вы увидите одно и то же: кто беретъ силой, нахрапомъ, кто кричать о себѣ умѣетъ, кто не упускаетъ того, что плыветъ въ руки, тотъ только и можетъ жить и процвѣтать. Скромное труженничество, добросовѣстная работа, все это не кормитъ и развѣ даетъ возможность едва сводить концы съ концами да перебиваться съ гроша на грошъ. Честный человѣкъ, батенька, это лежачій камень, подъ который и вода не течетъ. Да, впрочемъ, теперь этихъ честныхъ-то людей и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Теперь всѣ хвостомъ виляютъ и всѣ продаются, разница только въ томъ, что одинъ въ родѣ васъ, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, о величіи державинскихъ одъ толкуетъ, умалчивая о лермонтовскихъ и некрасовскихъ идеяхъ, а другой, у котораго аппетитъ получше да вкусы поразборчивѣе, концессіи себѣ разныя выхлопатываетъ да на директорское мѣсто въ банкѣ гдѣ-нибудь пробирается, ничего не смысля въ банковскомъ дѣлѣ. Иначе, батенька, и жить теперь нельзя: съ одной стороны дороговизна васъ донимаетъ, а съ другой—видите вы безпечальное житье сотенъ и тысячъ своихъ собратьевъ, ну, и завидно, и досадно глядѣть на нихъ и хочется самому развернуться, разгуляться, покататься, какъ сыру въ маслѣ. Доходы-то ни у кого не увеличиваются почти, ни съ земли, ни изъ заработковъ, ни изъ жалованья, а расходы растутъ не по днямъ, а по часамъ. Съ тѣхъ поръ вотъ какъ мы цивилизовались и желѣзныя дороги завели, и банки учредили, и на биржѣ играть стали, — въ Петербургѣ, напримѣръ, только одинъ предметъ потребленія и подешевѣлъ— арбузы стали дешевле. Ей-Богу! Я на что хотите пари держу, что другого подешевѣвшаго предмета не найдете. Плата за квартиры поднялась вдвое да втрое, хлѣбъ да говядина тоже поднялись на столько же въ цѣнѣ, къ одеждѣ приступу нѣтъ, обученье какой-нибудь дѣвчонки или какого-нибудь мальчишки и то стоитъ теперь вдвое да втрое дороже прежняго. Ну-съ, а потребности? Теперь мы вѣдь поевропейски жить начинаемъ: хочется и въ театръ, и въ собраніе, и въ кафе завернуть, и газету почитать, и какой-нибудь юбилейный обѣдъ устроить въ честь своего начальника или общественнаго дѣятеля. Вы скажете: а ты въ собраніе не ходи, театровъ не посѣщай, газетъ не выписывай, на обѣды не подписывайся и квартиру ищи безъ проведенной воды и безъ прочихъ удобствъ... Такъ-съ, такъ-съ!.. Зналъ я этакого одного чудака, честный былъ

Digitized by Google

малый, получалъ гдѣ-то въ департаментѣ пятьдесятъ рублей жалованья и рѣшился жить на него, взятокъ, молъ, брать не буду, долговъ дѣлать не стану, не видя возможности отдать. Рѣшился онъ это не жениться, чтобы не плодить нищихъ; нанялъ комнатку отъ жильцовъ «безъ прочихъ удобствъ» за десять рублей въ мѣсяцъ съ прислугой и съ мебелью, сталъ ѣсть въ кухмистерскихъ за тридцать копеекъ обѣдъ, только два раза въ день чай съ хлѣбомъ пилъ, самый дешевый табакъ курилъ, ни вина, ни пива, ни картъ, ничего этого даже и въ заводѣ не было у него; кажется, можно бы концы съ концами сводить, такъ нѣтъ-съ: платья-двѣ пары, сидя вѣчно надъ писаньемъ, протрешь за годъ, зимнее и лѣтнее пальто нужны, безъ сапогъ, безъ калошъ, безъ шапки да безъ бѣлья не станешь ходить, да бѣлье-то еще и отдать въ стирку нужно. Глядишь, нѣсколько мѣсячныхъ жалованій и уйдетъ на все это, и въ итогѣ, если не дефицитъ, то необходимость и отъ папиросъ отказаться. Жилъ онъ такъ, жилъ два-три года, потупляя глаза передъ хорошенькими женщинами да стараясь не слышать, какъ пахнутъ настоящія гаванскія сигары, да въ одинъ прекрасный день и оставилъ слѣдующую записку: «Кончаю съ жизнью, потому что, серьезно обсудивъ свое положеніе, самъ я не понимаю, изъ-за чего я бился и сносилъ ее до сихъ поръ».

— Ну, тоже примѣръ взяли!—сердито возразилъ Петръ Ивановичъ. — Это человѣкъ, пришедшій къ сознанію, что онъ и общественной пользы не приноситъ, и...

— А вы-то сознаете, что приносите ее, разбирая Державина да Ломоносова?—перебилъ его господинъ Анукинъ.— Нѣтъ, батенька, вы, или хитрите съ собою, стараясь не задавать себѣ вопроса, велика ли приносимая вами общественная польза, или тянете эту канитель, называемую честной трудовой жизнью бѣдняка, потому что у васъ—ну, положимъ, семья любимая на рукахъ, которую вамъ и жаль, и стыдно бросить, разомъ покончивъ со своимъ существованіемъ, при которой и дешевыя папиросы не всегда смѣешь курить, и мимо хорошенькихъ женщинъ нужно проходить съ потупленными глазами, чтобы не соблазниться. Нѣтъ-съ, бѣдняки-то, влачащіе такую жизнь или спиваются съ горя съ кругу, или кончаютъ самоубійствомъ, или идутъ во всяческія сдѣлки, чтобы, наконецъ, выбиться на дорогу, жить, какъ другіе живутъ, не разсчитывая весь вѣкъ, что и этого нельзя, и то запрещено, и третье недоступно. А вы вотъ

Digitized by Google

погодите: влюбитесь вы, женитесь какъ-нибудь скоропостижно, заведутся дѣти—посмотримъ, что вы тогда запоете, какъ нужно будетъ и кормить, и одѣвать, и лѣчить и жену, и дѣтей: чорту душу, батенька, продадите, только бы выбиться изъ нищеты!

Господинъ Анукинъ безнадежно махнулъ рукой.

— И что это монтіоновскія преміи, что ли, у насъ или гдѣ-нибудь въ Европѣ даютъ за дѣвственную честность?— проговорилъ онъ съ желчной ироніей.—Да вполнѣ честнымъ-то человѣкомъ только помыкаютъ: и не ко двору-то онъ на житейскомъ базарѣ, и неумытымъ-то онъ да оборваннымъ является на житейскій пиръ. Съ нимъ или неудобно, потому что съ нимъ каши не сваришь, или противно, потому что и грязь, и рубище, и блѣдное лицо, все это напоминаетъ какое-то memento mori, когда другимъ жить хочется. Вы всмотритесь въ жизнь: есть ли у честнаго бѣдняка друзья, кромѣ такихъ же голодающихъ, какъ онъ? можетъ ли онъ въ случаѣ несчастья разсчитывать на что-нибудь, кромѣ кровати въ больницѣ или мѣста въ богадѣльнѣ? относится ли кто-нибудь болѣе высокопоставленный или болѣе счастливый, чѣмъ онъ, съ уваженіемъ къ нему? не затрутъ ли его вездѣ, не оттолкнутъ ли его вездѣ, куда онъ сунется въ своемъ потертомъ платьѣ? не увидитъ ли онъ, что всюду распахиваются двери, сгибаются спины не передъ бѣдною честностью, а передъ богатою ловкостью? Да что тутъ говорить: нѣтъ у васъ приличной одежды, такъ васъ, хоть вы идеаломъ честности будьте, и на публичное гулянье не пустятъ, и на какомъ-нибудь торжественномъ обѣдѣ въ честь какого-нибудь проповѣдника правды мѣста не дадутъ, и изъ партера театра попросятъ удалиться. Вы, можетъ-быть, и и честны; да видъ-то у васъ карманника; подозрителенъ онъ что-то... Вы опять заговорите о сознаніи приносимой вами общественной пользы? Батенька, не честные люди, а ловкіе люди общественными дѣлами-то ворочаютъ, а честные люди это солдаты, призванные только къ одному: молчаливо и покорно исполнять чужія приказанія и умирать на полѣ общественныхъ битвъ. Честные бѣдняки—а кто безусловно честенъ, тотъ всегда будетъ бѣденъ — вездѣ и всегда во всякомъ дѣлѣ играли и играютъ одну роль — роль «рукъ» и больше ничего: правящіе умы, создающія головы, распоряжающіяся воли вербуются не изъ ихъ пришибленной среды.

Рябушкинъ пожалъ плечами. Его бѣсила циничная философія господина Анукина.

Digitized by Google

— Да, не даромъ вашу братью софистами прозвали, — замѣтилъ онъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, — проговорилъ господинъ Анукинъ. — Но я людей дѣлю въ вопросѣ о честныхъ людяхъ на три класса: на простаковъ—эти бываютъ нерѣдко безусловно честными; на фарисействующихъ трусовъ — эти идутъ на компромиссы съ жизнью, стараясь обмануть и себя, и другихъ увѣреніями, что въ компромиссы они не вступаютъ, что собой они не торгуютъ, что честность свою они берегутъ, какъ святыню; наконецъ, на откровенныхъ дѣльцовъ—эти прямо говорятъ, что ихъ честность давно лишилась своей дѣвственности, но что они никогда еще не переступали той границы, за которой начинается уголовщина и кончается право человѣка не считаться открыто «мошенникомъ». Будущее принадлежитъ только людямъ послѣдней категоріи... Однако, заболтались же мы, — вдругъ проговорилъ господинъ Анукинъ, допивая послѣдній стаканъ и потягиваясь.—Пора на боковую.

Онъ позвалъ лакея и потребовалъ счетъ. Просматривая счетъ, господинъ Анукинъ накинулся на лакея, доказывая послѣднему, что онъ не ѣлъ «бутербродовъ съ свѣжей икрой», и что «платить за нихъ онъ не станетъ».

— Такъ и скажи Михаилу Ефимовичу! Такъ и скажи! Это чортъ знаетъ что такое! Вѣчно что-нибудь прибавите!

Лакей покорно выслушалъ брань и такъ же покорно проговорилъ:

— Слушаю-съ, Николай Васильевичъ!

Черезъ двѣ минуты онъ принесъ новый счетъ, и господинъ Анукинъ опять сталъ его просматривать.

— Ага! Бутерброды-то убрали!—проговорилъ онъ.—Меня, братъ, не проведешь! На другихъ насчитывай, а не на меня!

Затѣмъ онъ выбросилъ на столъ нѣсколько бумажекъ и всталъ. Лакей началъ торопливо рыться въ карманѣ, чтобы дать пять рублей сдачи, но господинъ Анукинъ, не обращая на него вниманія, уже направлялся къ выходу. Лакей кланялся сзади его. Два другіе лакея бѣжали отворить передъ нимъ двери.

— А знаете что,—проговорилъ Рябушкинъ. — Съ вашей философіей невольно повторишь ваши же слова, что и жизнь наша подлая, и всѣ мы подлецы.

— А вы раньше-то до этого не додумались?—съ усмѣшкой спросилъ господинъ Анукинъ. — Вы бы вонъ спросили хоть этого лакея: могъ ли бы онъ существовать, если бы

Digitized by Google

не прикидывалъ къ счету лишней порціи закуски да лишней рюмки водки, или не гнулся бы въ дугу передъ тѣми посѣтителями, которые даютъ больше на водку, — и онъ бы вамъ сказалъ, что не покривишь душой—жрать нечего будетъ.

III.

На третій день послѣ пріѣзда Петра Ивановича въ Петербургъ, вечерній поѣздъ финляндской желѣзной дороги снова уносилъ молодого человѣка обратно въ Выборгъ. Петръ Ивановичъ чувствовалъ непривычную усталость, тяжесть въ головѣ, у него, какъ будто послѣ болѣзни, ныло все тѣло. Уснуть, однако, онъ не могъ. Ему вспоминались событія двухъ прошедшихъ дней, какъ какой-то глупый и тяжелый сонъ, неизвѣстно почему и для чего приснившійся. Вечеръ, проведенный съ господиномъ Анукинымъ у Палкина, потомъ обѣдъ съ господиномъ Анукинымъ у Бореля, далѣе попойка и кутежъ съ господиномъ Анукинымъ въ обществѣ какихъ-то неизвѣстныхъ мужчинъ и женщинъ, все это проходило передъ глазами Рябушкина, какъ какой-то кошмаръ. Порой Рябушкинъ съ озлобленіемъ бормоталъ: «И какой чортъ дернулъ меня хороводиться съ нимъ!» Порой по его лицу скользила усмѣшка при воспоминаніяхъ о разныхъ выходкахъ и безобразіяхъ господина Анукина, и Петръ Ивановичъ мысленно говорилъ: «А все-таки интересный субъектъ!» Дѣйствительно, господинъ Анукинъ былъ субъектъ интересный. Онъ походилъ на опьянѣвшаго на пиру дикаря, почувствовавшаго, что у него въ карманѣ есть груда денегъ, на которыя онъ можетъ купить все, что вздумаетъ. Онъ еще спорилъ, увидавъ въ трактирномъ счетѣ прибавленный лишній «бутербродъ съ свѣжею икрой», и въ то же время бросалъ по пяти рублей «на водку» слугѣ. Онъ еще хвасталъ имѣвшимися въ его карманѣ деньгами, какъ мальчишка, впервые имѣвшій въ рукахъ большія деньги, и въ то же время умѣлъ уже кутить и проживать деньги не хуже самаго опытнаго кутилы. Онъ говорилъ, какъ крайне расчетливый человѣкъ, что «онъ беретъ у Олимпіады Платоновны деньги потому, что своихъ денегъ на дѣло Хрюмина вовсе не желаетъ тратить, такъ какъ онѣ, положимъ, и возвратятся, навѣрное, Евгеніею Александровною, но вѣдь она можетъ внезапно умереть и тогда простись со своими деньгами», но въ то же время, смотря, повидимому, такъ практически на дѣло, дѣйствуя такъ осторожно, онъ бросалъ деньги зря во время попойки и чуть не закуривалъ

Digitized by Google

папиросы кредитными билетами, твердя въ пьяномъ видѣ всѣмъ и каждому: «Душка, бери у меня деньги!» Онъ высокомѣрно и небрежно толковалъ о своихъ высокихъ связяхъ, о своихъ крупныхъ дѣлахъ и въ то же время наивно замѣтилъ Петру Ивановичу, встрѣтивъ ночью какую-то подозрительную личность: «Вотъ одинъ изъ нашихъ кормильцевъ; я съ защиты такого вотъ жулика жить началъ; плакалъ, батенька, защищая его, ну, и пронялъ одного коммерсанта-мошенника, сообразившаго, что если я даромъ такъ плакать умѣю, такъ за деньги всю камеру слезами затопить могу». Изъ того, что видѣлъ и слышалъ Петръ Ивановичъ въ эти два дня, онъ вынесъ какое-то новое впечатлѣніе: передъ нимъ былъ мѣщанинъ, только что попавшій въ дворянство, бѣднякъ, только что дорвавшійся до денегъ, голодный, только что продравшійся къ столу со всевозможными яствами и винами; наглое самомнѣніе, безпредѣльная хвастливость, пусканіе пыли въ глаза и задоръ выскочки смѣшивались здѣсь съ безшабашностью, съ необузданностью и размашистостью широкой русской натуры; когда этта личность говорила: «Всѣ, батенька, жрать хотятъ»,—въ головѣ невольно шевелилась мысль, что такіе люди чѣмъ ольше жруть, тѣмъ больше чувствуютъ аппетита,—волчьяго, неутолимаго, безпредѣльнаго аппетита. Неизвѣстно почему, при воспоминаніи объ этой личности въ головѣ Петра Ивановича мелькнули воспоминанія о совершенно противоположныхъ знакомыхъ ему личностяхъ — о нѣсколькихъ товарищахъ и однокашникахъ, ярыхъ спорщикахъ въ семинаріи, страстныхъ искателяхъ полезнаго дѣла, людяхъ, ходившихъ чуть не безъ сапогъ и менѣе всего думавшихъ именно о томъ, что они ходятъ почти безъ сапогъ. Что общаго между ними и господиномъ Анукинымъ? Развѣ только то, что и они были горячими спорщиками, что и они проповѣдывали цѣлыя философскія системы, что и они вдавались теоретически въ такія же крайности, какъ господинъ Анукинъ, съ тою только разницею, что все казавшееся господину Анукину бѣлымъ, они, вѣроятно, признали бы чернымъ, и все казавшееся имъ бѣлымъ непремѣнно было бы названо имъ чернымъ; наконецъ, была у нихъ и у господина Анукина еще одна общая черта: господинъ Анукинъ думалъ, что будущее принадлежитъ людямъ его сорта; они думали, что будущее принадлежитъ имъ или, вѣрнѣе сказать, тѣмъ бѣднякамъ, вопросъ о которыхъ болѣе всего занималъ ихъ. Размышляя такимъ образомъ, перескакивая съ предмета на

Digitized by Google

предметъ, Рябушкинъ невольно пожалъ плечами и подумалъ: «Послѣ этихъ безобразій, чортъ знаетъ, какая ерунда лѣзетъ въ голову». Но, тѣмъ не менѣе, его голова продолжала работать все въ томъ же направленіи и помимо его воли возникали вопросы: какъ онъ самъ устроитъ свою жизнь, куда примкнетъ въ будущемъ, затянется ли въ этотъ омутъ безшабашнаго прожиганія жизни, увлечется ли до самозабвенія какой-нибудь высокой идеей, на служеніе которой отдастъ всѣ силы, всего себя, всѣ личныя радости и наслажденія, или потянетъ лямку жизни, какъ ее тянутъ тысячи людей, стараясь сохранить хотя пассивную честность, заботясь свить себѣ уютное гнѣздо на заработанный упорнымъ трудомъ грошъ, наслаждаясь семейнымъ счастьемъ и прилагая всѣ старанія, чтобы вырастить добрыхъ, честныхъ и способныхъ къ труду дѣтей? Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что онъ недостаточно циникъ для исключительнаго служенія мамону и недостаточно вѣрующій для подвижничества во имя идеи, и тотъ же голосъ иронически нашептывалъ ему: «Ужъ гдѣ вамъ, мѣщанамъ, подняться выше мѣщанскаго счастія!..» Петръ Ивановичъ сердито хмурился и ругалъ въ душѣ встрѣчу съ господиномъ Анукинымъ. «Вѣчно, такъ, перепьешь, а потомъ и во рту горько, и въ головѣ сумбуръ. Еще хорошо, что я рукъ ему, кажется, не цѣловалъ, а то вѣдь всегда чортъ знаетъ до какихъ нѣжностей допьешься!»—ворчалъ онъ съ неудовольствіемъ, подъѣзжая къ Выборгу.

Онъ довольно коротко объяснилъ княжнѣ, что онъ исполнилъ ея порученіе, перекинулся парою словъ съ Евгеніемъ и поспѣшилъ добраться до постели, отлагая всѣ разсказы и бесѣды до слѣдующаго дня. Зато на слѣдующій день онъ очень долго бесѣдовалъ съ княжною, передалъ ей всѣ подробности разсказа господина Анукина объ Евгеніи Александровнѣ. Отправившись на прогулку съ Евгеніемъ, Петръ Ивановичъ замѣтилъ вскользь и юношѣ, что теперь навѣрное и Владиміръ Аркадьевичъ, и Евгенія Александровна никогда не потревожатъ болѣе своихъ дѣтей.

— Вы узнали что-нибудь о моей матери? — спросилъ быстро Евгеній.

— Да,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Живетъ она себѣ отлично въ Петербургѣ, ни въ чемъ не нуждается, у нея новая семья, значитъ, ей не до васъ...

— Ну, такъ и Богъ съ ней!.. — проговорилъ Евгеній и прибавилъ: — Я очень радъ, очень радъ, что она такъ жи-

Digitized by Google

ветъ... Я совсѣмъ мечтателемъ какимъ-то живу, гдѣ-то въ облакахъ ношусь... Знаете, Петръ Ивановичъ, что меня всегда мучило? Мнѣ все казалось, что она погибаетъ въ нищетѣ, что она страдаетъ, что она не смѣетъ явиться къ намъ... И такъ мнѣ было тяжело, когда приходили въ голову эти мысли... Это все сказки да романы навѣяли... Ну, а счастлива—и слава Богу!..

Наступила пауза.

Черезъ минуту Петръ Ивановичъ заговорилъ снова наставительнымъ, серьезнымъ тономъ о томъ, что пора и Евгенію, и ему самому, Петру Ивановичу, серьезнѣе подумать лично о себѣ и не метаться изъ стороны въ сторону. Онъ говорилъ на эту тему довольно пространно и довольно долго, подсмѣиваясь надъ думами и заботами Евгенія «о папашѣ и мамашѣ, которые плевать на него хотѣли», и бичуя очень сильно самого себя за неустойчивость, за неумѣнье устроиться прочно, за отсутствіе энергіи. Это было не то лекція, не то покаяніе, закончившееся продолжительнымъ молчаніемъ съ обѣихъ сторонъ.

— А славная сегодня погода, жаль, что мы Олю не прихватили съ собою,—проговорилъ, наконецъ, Петръ Ивановичъ.

— Воротимтесь за нею,—предложилъ Евгеній.—Мы съ вами точно заговорщики, все вдвоемъ ходимъ, а она, бѣдняжка, все одна около ma tante въ саду...

— Ну, она нигдѣ не скучаетъ, — сказалъ Петръ Ивановичъ.—Вездѣ найдетъ кого-нибудь, къ кому приласкаться можно или съ кѣмъ посмѣяться можно...

— Вотъ, Петръ Ивановичъ, когда она вырастетъ, женитесь на ней,—проговорилъ Евгеній.

Петръ Ивановичъ расхохотался.

— Съ чего это вамъ пришло въ голову? Ха-ха-ха! Въ сваты записался!.. И кого сватаетъ: меня и Олю! Ха-ха-ха!

— А что, развѣ вы не женились бы на ней?—спросилъ улыбаясь Евгеній.—Она хорошенькая!

— Да отстаньте вы, мнѣ никогда и въ голову не приходила такая чепуха, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, пожимая плечами.

— А жаль, Петръ Ивановичъ, вы такой добрый и честный, Оля тоже добрая, она васъ знаетъ и вы ее хорошо знаете,—уже серьезно говорилъ Евгеній.—Вы были бы счастливы, и ma tante...

— Что это вы ребячитесь!—уже немного раздражительно

Digitized by Google

перебилъ его Петръ Ивановичъ. — То вы, какъ старикъ, разные высокіе вопросы поднимаете, то, точно малолѣтокъ, разныя глупости болтаете.

— Отчего же это глупости? — настойчиво приставалъ Евгеній.

— А оттого, что Олѣ о куклахъ еще нужно думать, а не о женихахъ,—отвѣтилъ Рябушкинъ.

— Пусть она и думаетъ о куклахъ,—сказалъ Евгеній:— я вѣдь это не ей, а вамъ сказалъ.

— Ну, и хорошо, и хорошо!—нетерпѣливо сказалъ Рябушкинъ.—Довольно объ этихъ пустякахъ!

Въ эту минуту они подходили къ дому. Оля завидѣла ихъ и побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Это была уже довольно высокая, стройная и полненькая дѣвочка съ румянымъ, здоровымъ лицомъ, съ большими голубыми глазами, съ густыми темнорусыми волосами, заплетенными по-русски въ одну косу, съ улыбающимися губками, съ живыми движеніями.

— Зачѣмъ вернулись? что забыли? Говорите, говорите, я принесу! — кричала она, сбѣгая съ террасы къ брату и Петру Ивановичу.

— Мы за тобой вернулись. Пойдемъ въ садъ барона Николаи,—сказалъ Евгеній.

— Душка, душка!—крикнула она брату и скороговоркой прибавила:—Постойте, какъ же... мнѣ надо руки вымыть... Сейчасъ пересаживала свой жасминъ... Червякъ тамъ былъ, длинный, длинный такой, надо было землю перемѣнить... вотъ и перепачкала руки!.. Впрочемъ...

Она взглянула на свои руки, растопыривъ пальцы передъ своими глазами.

— Впрочемъ, ничего,—проговорила она рѣшительно.—Я такъ ихъ вытру... платкомъ... это вѣдь земля только...

Она быстро начала вытирать руки платкомъ.

— Ma tante, вѣдь мнѣ можно идти? — крикнула она княжнѣ, сидѣвшей на террасѣ съ вязаньемъ въ рукахъ.

— Иди!—отвѣтила Олимпіада Платоновна.

— Ну, въ путь, въ путь! — крикнула Оля и уже пошла изъ сада, но вдругъ остановилась.—А какъ же я безъ зонтика?.. Я сейчасъ, сейчасъ!

Она, какъ серна, понеслась къ дому, взбѣжала по лѣстницѣ террасы, въ воздухѣ послышался горячій поцѣлуй, и черезъ минуту Оля, громко смѣющаяся, уже стояла рядомъ съ братомъ и Петромъ Ивановичемъ.

Digitized by Google

— А зонтикъ?—спросилъ Евгеній.

— Ну, его! Глаза еще кому-нибудь выколю!—засмѣялась Оля.—И такъ ужъ совсѣмъ загорѣла!

— Зачѣмъ же ворочалась?

— А я ma tante поцѣловала!—отвѣтила дѣвочка.—Ахъ, Петръ Ивановичъ, хоть бы вы развлекали ma tante. Вы такой умный! Какая она скучная, скучная стала! Какъ я взгляну на нее, такъ мнѣ плакать и хочется...

— Потому-то ты, вѣрно, все и хохочешь,— замѣтилъ Евгеній.

— Да, да, потому!—отвѣтила быстро Оля.—Вѣдь такъ и надо, Петръ Ивановичъ, не правда ли? Пусть ma tante развлекается, пусть не тревожится, что и всѣ кругомъ нея скучаютъ, пусть хоть улыбнется, слыша смѣхъ...

— Ну, въ философію пустилась! — сказалъ Евгеній.— Просто потому смѣешься, что не можешь не смѣяться.

Ольга взглянула на брата и расхохоталась.

— Ну да, ну да, не могу не смѣяться!—вдругъ проговорила она и, крикнувъ: «побѣжимъ», потащила его за собою

Ея громкій смѣхъ раздавался въ чистомъ воздухѣ.

— Петръ Ивановичъ, что же вы-то? — кричала она Рябушкину.—Догоняйте!

Волей-неволей онъ побѣжалъ за шалуньей, увлекшей за собой брата.

Набѣгавшись и заставивъ набѣгаться своихъ спутниковъ, Оля отдыхала съ ними въ паркѣ барона Николаи на берегу залива и болтала безъ умолку.

— А я думаю, скучно становится, какъ объ институтѣ вспомните, куда надо скоро отправиться?—замѣтилъ между прочимъ Петръ Ивановичъ.

— Нисколько! нисколько! — возразила она. — Меня въ институтѣ всѣ любятъ, всѣ любятъ... И потомъ чинно такъ, серьезно сидишь и занимаешься всѣ дни и ждешь пріемнаго дня: придетъ онъ и начинаешь выжидать: ma tante, Женю, васъ... Ахъ, какъ сердце бьется, бьется, когда скажутъ: «Бутошка, къ тебѣ пришли!..» Меня, Петръ Ивановичъ, «бутошкой» зовутъ... это, Петръ Ивановичъ, уменьшительное отъ слова «бутонъ»... У насъ у всѣхъ свои клички: «козявкой» одну зовутъ... классную даму одну зовутъ: «привидѣніе»...

Оля вдругъ захохотала.

— Петръ Ивановичъ, и вамъ дано у насъ названіе,— сказала она.

Digitized by Google

— Мнѣ?—спросилъ съ улыбкой Петръ Ивановичъ.

— Да! Васъ сперва «Аполлономъ» назвали, потому что вы хорошенькій—и въ васъ одна моя подруга влюблена, а я сказала, что Аполлонъ былъ такой большой, большой и носъ у него прямой, прямой, точно онъ въ трубу трубитъ. и назвала васъ «Кудрявичемъ»... знаете, у Кольцова есть пѣсня Лихача Кудрявича, вотъ я въ честь его и назвала, потому что вы на него какъ двѣ капли воды похожи...

— А вы его видѣли?—спросилъ, смѣясь, Рябушкинъ.

— Не видѣла, а знаю, что онъ такой... Ужъ это вѣрно.

— А меня какъ прозвали?—спросилъ Евгеній.

— Я никому не позволила дать тебѣ кличку и сама, сама назвала тебя моимъ «рыцаремъ». Такъ тебя и зовутъ!..—Оля шаловливо провела рукой по лицу Евгенія и вдругъ совсѣмъ серьезнымъ голосомъ заговорила: — Ахъ, а какъ я сердилась, какъ я плакала, когда ma tante дѣвицы назвали «Croque-mitaine»! Я одной, Мари Кошевой, всю руку исщипала, пока она не отказалась отъ своихъ словъ и не попросила пощады. Ma tante никогда, никогда не была croque-mitaine. Это Богъ такъ сдѣлалъ, что у нея такая фигура, а она не виновата... И грѣхъ смѣяться надъ людьми за то, что они некрасивы, мы всѣ будемъ некрасивы потомъ, подъ старость... Да ma tante совсѣмъ и не некрасива... Вы, Петръ Ивановичъ, замѣчали, какіе у нея глаза, когда она ласкаетъ: добрые, добрые и такъ и заглядываютъ въ тебя... Ахъ, если бы у меня были такіе глаза!—вздохнула Оля.

Всѣ разсмѣялись.

— Нѣтъ, право!—возразила Оля.—А что у меня?—голубые кружки, точно вотъ когда соберутся тучи, а изъ нихъ и выглянетъ синій кружочекъ неба... Нѣтъ, у ma tante чудесные глаза: разсердится она—и потемнѣютъ они, какъ ночь... А я...

Оля вдругъ нахмурила лицо.

— Ну! какіе у меня теперь глаза?—спросила она.

— Все такіе же,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Смѣющіеся,—сказалъ Евгеній.

Оля вздохнула.

— Да, вотъ даже и разсердиться не умѣю!—проговорила она съ наивною грустью.

Не прошло и минуты, какъ она уже тормошила брата и Петра Ивановича, приглашая ихъ побѣгать.

Она была совершеннымъ ребенкомъ, живымъ, шаловли-

Digitized by Google

вымъ, съ неисчерпаемымъ запасомъ веселости и ласки. Не даромъ Евгеній говорилъ про нее: «Счастливая Оля, она не знаетъ еще никакого горя. Она давно забыла, что насъ бросили отецъ и мать; она, кажется, забыла даже, что они когда-то существовали. И хорошо, что она въ институтѣ, туда къ ней, вѣроятно, не дойдутъ никакіе слухи, никакіе толки о нихъ». Петръ Ивановичъ, говоря про нее, сравнивалъ ее съ чистою страницею, на которой можно написать все, что угодно. Они были правы: Оля попала въ домъ княжны очень маленькой, ни о чемъ еще не думавшей дѣвочкой; первыя куклы и первыя ласки въ домѣ княжны вытѣснили изъ ея памяти всякія воспоминанія о жизни въ родительскомъ домѣ; находясь постоянно среди женщинъ, занимаясь менѣе серьезно, чѣмъ ея братъ, ласкаясь ко всѣмъ и обласканная всѣми, она жила той дѣтской жизнью, которая наполняется гораздо больше игрушками, чѣмъ серьезными думами. О Евгеніи, который былъ и старше, и впечатлительнѣе, и болѣзненнѣе сестры, больше заботились, съ нимъ больше разсуждали, а на нее больше смотрѣли, какъ на ребенка: ей дарили игрушки, ее цѣловали, гладили по головкѣ и говорили: «Ну, теперь ступай играть!» И она играла, училась, росла, какъ растетъ дерево на хорошей почвѣ, подъ грѣющими лучами солнца. Сперва съ нею не говорили объ отцѣ и матери просто потому, что она сама не заговаривала, не вспоминала про нихъ; потомъ, видя ея беззаботное счастье, близкіе люди начали заботливо избѣгать всякихъ разговоровъ объ этихъ личностяхъ уже потому, что имъ было и совѣстно, и жалко смутить этотъ чистый міръ дѣтской души. Развитіе Оли было далеко не такимъ, какъ развитіе Евгенія. Когда онъ читалъ Донъ-Кихота, она играла въ куклы; когда Петръ Ивановичъ перечитывалъ съ Евгеніемъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, — она слушала изъ устъ гувернантки нравственные разсказы «о неряшливомъ мальчикѣ и благовоспитанной дѣвочкѣ»; когда Евгеній задумывался надъ вопросомъ: «Можно ли вѣрить въ людскую любовь, когда даже отцы и матери не любятъ своихъ дѣтей?»—Оля бросалась всѣмъ и каждому на шею, потому что всѣ открывали ей объятія, говоря: «Какое это прелестное дитя!» Евгеній всегда очень любилъ Ольгу—не даромъ же она дала ему названіе своего рыцаря! — но только въ послѣднее лѣто онъ вполнѣ сознательно почувствовалъ, какое благотворное вліяніе оказываетъ она на него: она была единственнымъ существомъ,

Digitized by Google

напоминавшимъ ему, что и онъ почти еще ребенокъ, что въ его возрастѣ нужнѣе всего безпечныя игры, веселый смѣхъ. Она умѣла растормошить его, отвлечь отъ думъ и отъ книгъ, затянуть въ игру, заставить его бѣгать въ горѣлки, играть въ серсо. Инстинктивная потребность быть ребенкомъ еще не умерла окончательно въ Евгеніи, несмотря на всю ложность хода его развитія, но въ то же время въ самомъ Евгеніи все рѣже и рѣже, безъ посторонняго толчка, появлялись эти порывы шаловливости, ребячества, беззаботной веселости, и тутъ-то и являлась Оля со своими неисчерпаемыми шалостями, шутками, играми. Евгеній отдыхалъ съ нею и все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ ней.

Особенно часто началъ онъ проводить цѣлые часы съ нею въ послѣднее время, какъ-то инстинктивно ощущая потребность оторваться отъ думъ объ отцѣ, о матери, о разныхъ Дикаго и Хрюминыхъ. Въ немъ все сильнѣе и сильнѣе пробуждалось желаніе увѣрить самого себя, что ему нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ этихъ людей, что онъ отрѣзанный отъ нихъ ломоть, что и въ будущемъ они не придутъ къ нему, если онъ самъ сумѣетъ избѣжать ихъ, не вспоминать о нихъ. Въ описываемый нами день, эта мысль еще сильнѣе утвердилась въ головѣ Евгенія, когда онъ узналъ, что его отецъ не будетъ болѣе безпокоить княжну, и что его мать ни въ чемъ не нуждается, живетъ счастливо и совсѣмъ забыла о немъ, о своемъ сынѣ. Съ этого дня, если бы присмотрѣться поближе къ Евгенію, можно было бы замѣтить въ юношѣ какую-то перемѣну: онъ словно ожилъ, сталъ веселѣе, искалъ веселья, и чаще всего говорилъ о будущемъ— о гимназіи, о посѣщеніяхъ Оли въ институтѣ, о визитахъ къ Петру Ивановичу, о томъ, что онъ хотѣлъ бы бывать чаще въ театрѣ зимою, о чемъ и думалъ попросить тетку. Въ немъ явилось инстинктивное желаніе забыть все прошлое и жить будущимъ; какой-то тайный голосъ шепталъ ему: «твоя жизнь впереди и надо думать о ней». По странной случайности въ эти же дни и у Петра Ивановича въ душѣ происходила извѣстная тревога: два дня кутежа и бесѣдъ съ господиномъ Анукинымъ не прошли даромъ для Рябушкина. Мы уже сказали, какія странныя мысли роились въ головѣ молодого человѣка, когда онъ, усталый и не выспавшійся, возвращался изъ Петербурга въ Выборгъ. Внезапный кутежъ встряхнулъ его и навелъ на мысль: «съ чего это я пропьянствовалъ

Digitized by Google

два дня и съ кѣмъ еще, съ первымъ встрѣчнымъ пошлякомъ?» За этой мыслью послѣдовала другая: «да и вообще съ чего я дѣлаю то или другое?» Петръ Ивановичъ какъ-то невольно, подъ вліяніемъ покаянія за кутежъ, а можетъ-быть, и подъ вліяніемъ толковъ господина Анукина о честныхъ людяхъ вообще и о немъ, Петрѣ Ивановичѣ, въ особенности, задумался надъ вопросомъ: «какъ онъ живетъ, куда стремится, какимъ путемъ идетъ къ своей цѣли?» Отвѣтъ вышелъ крайне печальный. До сихъ поръ Петръ Ивановичъ жилъ изо дня въ день и плылъ впередъ, какъ лодка безъ кормчаго и безъ руля, по теченію, по вѣтру. Почему онъ взялъ первое попавшееся частное мѣсто гувернера и учителя у княжны, не подумавъ, что лучше пристроиться менѣе выгодно, но болѣе прочно? почему потомъ онъ опять-таки взялъ первое попавшееся казенное мѣсто учителя, не заботясь объ увеличеніи заработковъ, о какихъ-нибудь связяхъ, о какомъ-нибудь болѣе широкомъ и болѣе полезномъ приложеніи своихъ знаній? Во всемъ этомъ вовсе не было какого-нибудь безкорыстія, а была простая распущенность, было какое-то разгильдяйство: что само плыветъ въ руки, то и берется, а за чѣмъ надо самому протянуть руку, то и проплываетъ мимо. Такъ далеко не уйдешь: ни другимъ не принесешь пользы, ни себѣ не принесешь выгоды. Та же самая распущенность и то же самое разгильдяйство было и въ нравственномъ отношеніи: Петръ Ивановичъ самъ по себѣ не былъ ни развратникъ, ни кутила, ни пьяница, но онъ могъ и развратничать, и кутить, и пить, если подвертывался сердечный человѣкъ, склонный и къ разврату, и къ кутежу, и къ пьянству. «Зайдемъ, братъ, выпить!» съ этой фразы начинались экскурсіи съ какимъ-нибудь сердечнымъ человѣкомъ въ «злачныя мѣста», въ «мѣста, гдѣ раки зимуютъ», въ «мѣста утоли моя печали», въ мѣста, куда безъ сердечнаго человѣка Петръ Ивановичъ могъ, безъ всякаго насилія надъ собой, не заглядывать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Послѣ этихъ экскурсій, потративъ много денегъ, чувствуя тяжесть въ головѣ, ощущая какую-то нравственную гадливость, Петръ Ивановичъ обыкновенно, если не каялся, то дулся на себя и даже не безъ ѣдкой ироніи, приглаживая передъ зеркаломъ волосы, замѣчалъ мысленно: «хороша рожа сдѣлалась, истинно гоголевскаго педагога физію пріобрѣлъ!» Но «рожа» принимала черезъ день старое, обычное выраженіе, мысль поглощалась будничными интересами, жизнь принимала обычное теченіе—

Digitized by Google

и экскурсія со всѣми ея мерзостями забывалась до новаго «прорыва». Теперь было не то: слишкомъ ужъ гадокъ былъ встрѣтившійся сердечный человѣкъ, слишкомъ ужъ внезапно было сближеніе съ нимъ. «Этакъ вѣдь, пожалуй, первый встрѣчный карманникъ пригласилъ бы, такъ я и съ нимъ, благо первую рюмку въ глотку опрокинулъ, на брудершафтъ пошелъ бы,—озлобленно думалъ Рябушкинъ.—И еще на его счетъ кутилъ-то и пьянствовалъ, этакая мерзость!—продолжалъ онъ бичевать себя.—Правду Софья Ивановна говорила, что неряха я,—неряха и есть во всѣхъ отношеніяхъ». Отъ этихъ мыслей какъ-то невольно перешелъ Петръ Ивановичъ къ думамъ о томъ, что пора начать жить посерьезнѣе, построже относиться къ себѣ, болѣе дѣятельно, болѣе активно идти къ цѣли, а то, пожалуй... И въ головѣ промелькнула мысль, что если онъ самъ уже сошелъ или случайности столкнули его съ того пути, по которому идутъ вполнѣ безкорыстные служители идеи, великіе подвижники, отдающіе себя всецѣло одному служенію ближнимъ, то нужно, по крайней мѣрѣ, не забираться все дальше и дальше въ ту трясину, гдѣ по горло въ грязи вырываютъ лично для себя и только для себя клады разные господа Анукины. «Хоть бы на золотой серединѣ-то удержаться,—думалось Петру Ивановичу:—а если зря идти куда вѣтеръ дуетъ, такъ и съ этой дорожки собьешься». Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ мыслей, когда Евгеній начиналъ заговаривать съ Петромъ Ивановичемъ о гимназіи, объ ученьи, Петръ Ивановичъ отвѣчалъ ему:

— Да, да, батенька, подтянуться надо! Распустились мы съ вами! Сансуси въ насъ еще сидитъ!.. Истинно мы русскіе люди, теплоты въ насъ сердечной много до расплывчивости... Вотъ вы зубрить начнете, а я тоже за работу примусь. Вертится въ головѣ этакій планъ работишки ученой. Она, можетъ-быть, и не важная выйдетъ, а все-таки не безполезная для общества. Матерьялецъ вотъ соберу, оборудую все, какъ слѣдуетъ, и тисну. Тоже не боги же горшки-то обжигали. Отчего и намъ въ писательство педагогическое не пуститься?

И Петръ Ивановичъ развивалъ планъ своей работы. И Евгеній, и онъ мечтали, каждый по-своему, каждый во имя своихъ особенныхъ мотивовъ, о новой жизни для себя.

IV.

Судьба, казалось, сжалилась надъ Евгеніемъ, и его жизнь

Digitized by Google

потекла болѣе мирно, ровно и правильно. Княжна Олимпіада Платоновна наняла въ Петербургѣ очень небольшую квартиру, отдала Евгенія въ гимназію и при первомъ же посѣщеніи княгини Маріи Всеволодовны довольно рѣзко и твердо замѣтила, что Евгенію нѣтъ времени ѣздить по гостямъ, что онъ сильно занятъ уроками, и что вообще она, княжна Олимпіада Платоновна, находитъ, что ея мальчику нужнѣе всего привыкать къ скромной и небогатой жизни, не сближаясь съ тѣмъ кругомъ, къ которому въ будущемъ онъ, вѣроятно, не будетъ принадлежать.

— Онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы пріучаться къ роскоши и блеску,—замѣтила княжна.—И сверхъ того, послѣ продѣлокъ его отца ему просто неудобно вращаться въ томъ кругу, гдѣ люди постоянно могутъ задѣть его самолюбіе, напомнивъ ему объ этой исторіи.

Княгиня заспорила, но княжна была на этотъ разъ какъ-то особенно суха, говорила холодно и не поддавалась ни на какіе доводы.

— Что же, ужъ не думаешь ли ты сдѣлать изъ него какого-нибудь санкюлота, или... какъ ихъ нынче называютъ?.. нигилиста?—сказала княгиня.—Вѣдь съ кѣмъ-нибудь да долженъ же онъ сойтись: ну, не сойдется съ нашимъ кругомъ, такъ попадетъ въ кружокъ какихъ-нибудь господъ въ родѣ... какъ его зовутъ, этого семинариста, что жилъ у тебя?..

— И слава Богу, по крайней мѣрѣ, ни развратникомъ, ни воромъ не сдѣлается,—замѣтила коротко княжна.

— Изъ него что-нибудь худшее могутъ сдѣлать. Теперь времена такого броженія умовъ. Какія идеи ему внушатъ!—сказала княгиня и прибавила со вздохомъ: — Ахъ, Olympe, я вижу, что ты плохая воспитательница. Погубишь ты мальчика!

Олимпіадѣ Платоновнѣ очень хотѣлось высказать рѣзко и прямо все, что она думала о воспитательныхъ способностяхъ самой княгини, но она благоразумно удержалась отъ этого, и свиданіе двухъ родственницъ окончилось холодно, но мирно. Княгиня уѣхала съ грустнымъ выраженіемъ лица, скорбя въ душѣ о будущей неизбѣжной гибели Евгенія и сожалѣя, что она не могла ничего сдѣлать для его спасенія. Спасать всѣхъ и каждаго—это была житейская задача, миссія княгини Маріи Всеволодовны; такъ, по крайней мѣрѣ, думала сама княгиня. Но княжна—это всѣ знали—была упряма, и съ ней было трудно сладить, когда она на что-

Digitized by Google

нибудь рѣшилась. На время вслѣдствіе этого и княжну, и Евгенія оставили въ покоѣ.

Для Евгенія настало лучшее время его жизни: онъ учился, читалъ, посѣщалъ Петра Ивановича; иногда онъ ѣздилъ съ теткой и Рябушкинымъ въ оперу, въ ложу; порою онъ и Рябушкинъ забирались просто въ театръ «на верхи». Мало-по-малу, въ домѣ Рябушкина и въ гимназіи у Евгенія завязались знакомства среди юношей, съ грѣхомъ пополамъ пробивавшихъ себѣ дорогу. Среди молодежи вѣяло иною жизнью, инымъ духомъ, чѣмъ въ кружкѣ разныхъ богачей и баловней пансіона Матросова. Здѣсь такъ или иначе, ошибочно или вѣрно, шли толки о литературѣ, о разныхъ вопросахъ, уже волновавшихъ и интересовавшихъ эту молодежь. Толки о кокоткахъ, рысакахъ и оргіяхъ, все то, чѣмъ занимались юноши въ пансіонѣ Матросова и въ кружкѣ князьковъ Дикаго, отошли здѣсь на самый задній планъ. Бѣдность и трудъ волей-неволей наводятъ на болѣе существенные, болѣе плодотворные вопросы, кого тѣснятъ и давятъ, кругомъ кого вѣчно слышатся жалобы, тотъ невольно задумывается надъ вопросами: «отчего и почему?» Если не вся молодежь, окружавшая теперь Евгенія, была безупречна и серьезна, то во всякомъ случаѣ у него явилась теперь возможность выбора товарищей, чего не было у него въ то время, когда онъ волей-неволей долженъ былъ сходиться съ тѣми, съ кѣмъ встрѣчался въ домѣ княгини Марьи Всеволодовны и въ пансіонѣ Матросова. Теперь иногда Евгеній засиживался до поздней ночи у Петра Ивановича, прислушиваясь къ оживленнымъ спорамъ молодежи или выслушивая длинные интересные для него разсказы матери Рябушкина о житейскихъ невзгодахъ. Онъ началъ узнавать будничную жизнь съ ея тревогами и несчастіями и, мало-по-малу, эта жизнь начала ослаблять въ немъ привычку вѣчно думать только о себѣ, няньчиться только со своими личными печалями. Онъ увидалъ, что другимъ живется еще хуже, что эти другіе очень бодро выносятъ горе и еще находятъ силы думать и заботиться о счастіи и благѣ ближнихъ, общества, народа. Разъ, выслушавъ разсказъ старушки Рябушкиной о томъ, какъ приходилось ей и полы мыть, и бѣлье стирать, чтобы поддержать семью, онъ замѣтилъ:

— Какъ вы это все вынесли!

— Ну, что я!—простодушно проговорила она.—И умерла бы, такъ не большая была бы потеря. Хотѣлось вотъ только дѣтокъ-то на ноги поставить, ихъ отъ горькой доли

Digitized by Google

спасти хотѣлось. Я-то о себѣ тогда и не думала, обтерпѣлась...

Онъ удивлялся этой самоотверженной любви и думалъ: «вотъ настоящая мать: только материнское чувство и можетъ дать силы на такой подвигъ».

Но въ другой разъ онъ слышалъ простой разсказъ одного студента; студентъ разсказывалъ о сестрѣ своего товарища, которая, кончивъ курсъ въ институтѣ, пошла въ сельскія учительницы и вотъ уже четвертый годъ живетъ въ глуши, терпитъ и холодъ, и нужду, сама стряпаетъ, шьетъ, стираетъ свое бѣлье и ни жалобы, ни упрека на свою судьбу.

— Я налюбоваться на нее не могу, что за энергичная женщина изъ нея вышла,—замѣтилъ студентъ.—Вся отдалась ребятишкамъ, народу и ни разу не пошатнулась на избранной дорогѣ. Это своего рода подвижничество.

— Да, и много безкорыстной любви къ ближнимъ и твердой вѣры въ пользу своей работы нужно имѣть, чтобы выносить такую жизнь,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

Евгеній глубоко призадумался и надъ этимъ явленіемъ, уже совершенно новымъ для него, и въ его головѣ мелькали мысли: «а гдѣ та любовь къ людямъ въ немъ самомъ, которая дала бы ему силы принести себя всего на жертву ближнимъ, гдѣ то дѣло, въ которое онъ могъ бы повѣрить такъ, чтобы не замѣчать своихъ личныхъ невзгодъ, одушевясь одной задачей, одной цѣлью служить другимъ?» Въ такія минуты передъ нимъ возставалъ снова знакомый ему образъ рыцаря печальнаго образа, добродушнаго Донъ-Кихота. Тотъ тоже вѣрилъ въ свое дѣло и отдалъ всего себя этому дѣлу. Что же, и это Донъ-Кихоты? Да, можетъ быть. Забыть все личное, забыть себя ради извѣстной идеи, ради извѣстнаго дѣла можно только тогда, когда сдѣлаешься хотя отчасти Донъ-Кихотомъ. Разница между этими людьми и рыцаремъ печальнаго образа только въ томъ, что эти люди воюютъ не съ вѣтряными мельницами. Иногда, слушая разсказы объ этихъ самоотверженныхъ людяхъ, Евгеній впадалъ въ унынiе, упрекая себя въ эгоизмѣ, въ черствости, въ недостаткѣ любви къ ближнимъ; порой, напротивъ того, эти толки подбадривали его, и ему казалось, что и онъ самъ, въ концѣ концовъ, выработается въ человѣка, который найдетъ высокую цѣль въ жизни и сумѣетъ послужить ближнимъ. Въ такія минуты свѣтлыхъ надеждъ онъ говорилъ себѣ, что онъ имѣетъ всѣ средства къ тому, чтобы сдѣлаться полезнымъ членомъ общества. Еще бы! онъ жилъ

Digitized by Google

безъ стѣсненій; онъ могъ учиться всему, чему угодно; онъ могъ идти тѣмъ путемъ, какой ему понравится; много ли людей стоитъ въ такомъ счастливомъ положеніи, какъ онъ! О, какъ онъ былъ благодаренъ княжнѣ, какъ высоко онъ цѣнилъ ея отношенія къ нему, полныя теплоты и довѣрія! А отецъ? А мать? Что ему за дѣло до нихъ; они болѣе не вернутся къ нему; они болѣе не вернутъ его къ себѣ! Онъ надѣялся на это, онъ вѣрилъ въ это, онъ заставлялъ себя не думать болѣе о нихъ. И каждый новый день все болѣе и болѣе утверждалъ его въ этомъ убѣжденіи, такъ какъ ни объ отцѣ, ни о матери не было ни слуху, ни духу. Какъ-то Петръ Ивановичъ, въ минуту шутливаго расположенія духа, съ насмѣшливой улыбочкой замѣтилъ Евгенію, мечтавшему о будущей дѣятельности:

— А можетъ-быть, фатеръ съ мутершей не позволятъ вамъ идти туда, куда вздумается.

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, мертвые изъ могилъ не встаютъ,—отвѣтилъ, смѣясь, Евгеній.—Они такъ счастливы въ своемъ раю, что имъ некогда думать о насъ, грѣшныхъ.

— Наконецъ-то вы додумались до этого,—весело сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Да, да, именно «наконецъ-то!»—сказалъ Евгеній.—Если бы я могъ додуматься до этого раньше, было бы лучше. А то ради нихъ я только со своей персоной и возился, только о ней и думалъ...

Собесѣдники перемѣнили разговоръ, и Евгенію самому казалось даже странно, что теперь напоминаніе объ отцѣ и матери не пробуждало въ его сердцѣ ни боли, ни скорби. «Слава Богу, теперь я, дѣйствительно отрѣзанный ломоть,—говорилъ онъ мысленно.—Отрѣзанный ломоть»,—да, онъ точно былъ отрѣзаннымъ ломтемъ и въ отношеніи отца и матери, и въ отношеніи разныхъ Мари Хрюминыхъ, князей Дикаго и тому подобныхъ людей.

Мари Хрюмина, заѣхавъ однажды къ Олимпіадѣ Платоновнѣ, очень удивилась, увидавъ Евгенія въ измятой коломянковой блузѣ и съ руками, на которыхъ были слѣды мѣдныхъ опилокъ.

— Извините, кузина, что не подаю руки: сейчасъ точилъ мѣдь и выпачкалъ руки,—сказалъ ей Евгеній.

— Что это ты въ кузнецы готовишься?—спросила она съ гримасой.

— Отчего же и нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Не всѣмъ же готовиться въ гвардію.

Digitized by Google

Она поморщилась и спросила Олимпіаду Платоновну, для чего это Евгеній «что-то тамъ пилитъ и точитъ». Княжна коротко объяснила, что при сидячей гимназической жизни физическій трудъ полезенъ.

— Но онъ какимъ-то мужикомъ начинаетъ выглядѣть,— сказала Мари Хрюмина.

— Я очень рада, что у него такой здоровый видъ,— отвѣтила еще болѣе сухо княжна.

Въ другой разъ Евгеній встрѣтился съ князьками Дикаго въ курительной комнатѣ русской оперы. Онъ былъ въ той же коломянковой блузѣ, потому что сидѣлъ съ товарищами «на верхахъ», гдѣ очень жарко. Князьки удивились наряду кузена, удивились тому, что онъ сидитъ въ райкѣ, удивились, что онъ видѣлъ ихъ и не зашелъ къ нимъ въ ложу.

— Ты, вѣрно, стѣсняешься, что ты такъ одѣтъ,—тономъ взрослаго сказалъ Валеріанъ Дикаго.—Но у насъ ложа съ аванложей и тебя никто не замѣтитъ...

— Да для чего же я пойду туда?—спросилъ Евгеній.

— Но тамъ maman,—внушительно отвѣтилъ Валеріанъ.— Она будетъ недовольна, что ты не зашелъ въ ложу, зная, что мы здѣсь...

— Я думаю, ей нѣтъ ровно никакого дѣла до меня,— сказалъ Евгеній.—А впрочемъ, можете ей засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Онъ засмѣялся и прибавилъ:

— Ну, а вы все по-старому носите личину смиренномудрія и кутите на сторонѣ, надувая почтенную княгиню?

Платонъ захихикалъ глупымъ смѣхомъ, а Валеріанъ серьезно замѣтилъ небрежнымъ тономъ:

— Нельзя же откровенничать, если она не понимаетъ потребностей молодости!

Родственники раскланялись и разошлись. Была еще одна встрѣча Евгенія съ князьками Дикаго, но Евгеній постарался просто ускользнуть онъ нихъ, сдѣлавъ видъ, что онъ ихъ не видалъ. Ему все сильнѣе и сильнѣе хотѣлось порвать со всѣми этими людьми всякую связь; ему страстно хотѣлось уничтожить, забыть все, что напоминало объ этой связи съ отцомъ, съ матерью, съ Хрюмиными, съ Дикаго. Въ его поведеніи, въ его способѣ объясняться, въ его манерахъ начало слегка проглядывать даже что-то такое утрированно-угловатое, что-то неестественно-грубоватое. Это былъ какъ бы протестъ противъ той благовоспитанности, прикрывающей всякія мерзости, къ которой его хотѣли пріу-

Digitized by Google

учить въ кругу его родныхъ. Онъ уже не былъ тѣмъ чистенькимъ и приличнымъ мальчикомъ, который умѣлъ такъ ловко расшаркиваться и такъ вѣжливо отвѣчать на вопросы. Немножко рѣзкости, немножко грубости, немножко небрежности было примѣшано теперь ко всему, и къ туалету, и къ разговорамъ, и къ манерамъ. Но, странное дѣло! ни княжна, ни Софья, эти строгія блюстительницы приличій, не замѣчали этого, и ихъ любимецъ казался имъ все такимъ же прелестнымъ юношей, какимъ онъ былъ прежде. Это происходило, можетъ-быть, вслѣдствіе того, что они смотрѣли на него сквозь очки горячей любви къ нему, а можетъ-быть, и потому, что, несмотря на напускную грубоватость, на напускную небрежность, Евгеній оставался попрежнему и милъ, и привлекателенъ. Есть люди, которые въ самомъ плохомъ нарядѣ кажутся щеголеватыми, которые при всей своей небрежности носятъ на себѣ печать изящества, которые, какъ бы они ни повернулись, остаются граціозными и ловкими: въ этихъ людяхъ, подъ одеждой бѣдняковъ, вы узнаете баръ, какъ въ иныхъ людяхъ подъ самыми роскошными нарядами вы тотчасъ же узнаете лакеевъ. Евгеній принадлежалъ по натурѣ, по воспитанію, по характеру именно къ числу такихъ нравственно благородныхъ личностей, грязь къ нему приставала такъ же медленно, какъ медленно она отмывается отъ человѣка, выросшаго, купавшагося среди всякой грязи съ самой колыбели. Но если Олимпіада Платоновна и Софья не замѣчали совершавшейся въ Евгеніи перемѣны, то это замѣчали другіе. Мари Хрюмина говорила, что онъ становится настоящимъ мужикомъ; княгиня Марья Всеволодовна замѣчала, что неприлично пускать Евгенія въ театръ въ раекъ и притомъ въ такомъ костюмѣ, въ которомъ онъ долженъ прятаться отъ родныхъ и знакомыхъ; потомъ княгиня сдѣлала замѣчаніе, что Евгенія ея сыновья встрѣтили на улицѣ въ такой компаніи, что даже онъ самъ сконфузился и сдѣлалъ видъ, что не видитъ своихъ кузеновъ; далѣе княгиня спросила съ ироніей, не по обѣту ли Евгеній пересталъ стричь волосы; черезъ нѣсколько времени слухи начали принимать даже тревожные размѣры, такъ какъ княгиня иначе не называла товарищей Евгенія, какъ санкюлотами и нигилистами, съ которыми очень опасно имѣть сношенія. Правда, она ихъ не знала, она ихъ даже никогда не видала, но... но «Платонъ и Валеріанъ говорили ей, что у нихъ даже длинные сапоги надѣты и вотъ такіе, какъ у поповъ, волосы!».. Княжна ничего и слушать не хотѣла: Евгеній отлично

Digitized by Google

учился, онъ поздоровѣлъ, онъ былъ веселъ—чего же ей еще было желать? Да она сама ожила съ той поры, какъ Евгеній въ гимназіи: у нея въ домѣ смѣхъ слышится, Евгеній пѣть началъ, разъ онъ до того разыгрался, что чуть не закружилъ ее, увѣряя, что онъ еще танцовать съ ней будетъ. Только теперь она увидала, что Евгеній начинаетъ жить полною жизнью,—жизнью, свойственною его возрасту: то учится, то дурачится, то споритъ съ товарищами о серьезныхъ вопросахъ, давнымъ-давно рѣшенныхъ взрослыми, то увлекается какой-нибудь комедіей, оперой, книгой. И ей еще говорятъ, что онъ стоитъ на опасномъ пути, что онъ испортился, что онъ огрубѣлъ! О, глупые, пошлые людишки! Если бы они знали, какъ умѣетъ быть нѣжнымъ и ласковымъ этотъ огрубѣвшій человѣкъ.

Олимпіада Платоновна и Софья, а съ ними вмѣстѣ и Петръ Ивановичъ, даже преувеличивали всѣ добрые порывы и склонности Евгенія, возводя чуть не на степень подвиговъ всѣ мелкіе поступки, говорившіе о его добромъ сердцѣ, о его готовности служить близкимъ людямъ. Евгеній очень любилъ математику, она ему давалась легко, и онъ шелъ по этому предмету однимъ изъ первыхъ въ классѣ. Вслѣдствіе этого, какъ это всегда бываетъ между товарищами, болѣе слабые въ математикѣ ученики обращались къ нему за помощью. Онъ очень охотно помогалъ имъ, а въ послѣднее время передъ экзаменами буквально давалъ приватные уроки нѣсколькимъ товарищамъ, собиравшимся къ нему по вечерамъ. Княжна была въ восторгѣ, твердо убѣжденная, что на такую готовность помогать товарищамъ только ея мальчикъ и способенъ. Еще бо́льшее умиленіе вызвало другое обстоятельство. Среди этихъ товарищей былъ одинъ, нѣкто Полунинъ, сынъ какого-то мелкаго мастерового. Посѣтивъ разъ этого юношу, Евгеній былъ пораженъ обстановкою мальчика: тѣсныя и грязныя каморка и кухня служили квартирой семьѣ Полунина; здѣсь работалъ его отецъ, занималась шитьемъ мать и копошились младшія сестренки и братишки юноши, попавшаго въ гимназію, когда его семья находилась еще въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и доучивавшагося теперь съ грѣхомъ пополамъ, платя за себя при помощи уроковъ и переписки. Хорошо учиться среди такой обстановки было не легко. Евгеній понялъ это сразу и предложилъ Полунину хотя на время экзаменовъ перебраться къ нему. Полунинъ стѣснялся, но Евгеній очень горячо доказывалъ ему, что стѣсняться нелѣпо, что прежде

Digitized by Google

всего нужно думать о томъ, какъ бы выдержать экзаменъ, что экзаменъ будетъ сданъ едва ли благополучно, если мальчикъ будетъ работать среди своего домашняго хаоса, гдѣ нѣтъ даже угла, куда бы можно было приткнуться съ книгой.

— Но вѣдь ты не самъ по себѣ живешь, а у тетки,— возразилъ Полунинъ.

— О, она для меня больше, чѣмъ мать,—сказалъ Евгеній.—Она будетъ рада, если ты переберешься къ намъ.

И точно, Олимпіада Платоновна была рада: весь вечеръ того дня, когда Евгеній объявилъ, что къ нему переѣдетъ бѣдный товарищъ, княжна и Софья хлопотали объ устройствѣ уголка для бѣдняка и потихоньку шептались о «золотомъ сердцѣ» Евгенія, точно онъ и дѣйствительно совершилъ какой-то подвигъ. Но это было совершенно понятно: объ старыя дѣвы страстно любили «своего мальчика» и радовались всему, что было хорошаго въ немъ; кромѣ того, эти хорошіе порывы служили живымъ опроверженіемъ того, что говорили громко или шопотомъ про Евгенія разныя княгини Дикаго, Мари Хрюмины, Перцовы, все болѣе и болѣе ненавидѣвшія Евгенія, или все сильнѣе и сильнѣе убѣждавшіяся, что онъ находится на краю пропасти. Но не одни восторги вызывало добродушіе Евгенія въ старыхъ дѣвахъ, причинило оно имъ разъ и не малыя тревоги за здоровье Евгенія. Это было въ самый разгаръ экзаменовъ. У Евгенія въ числѣ товарищей былъ одинъ сынъ отставного капитана Терешина. Старикъ Терешинъ былъ вдовецъ, жившій съ старшимъ сыномъ гимназистомъ и съ двумя маленькими дѣтьми. Семья жила одной пенсіей и едва сводила концы съ концами. Вдругъ, среди экзаменовъ, молодого Терешина вдругъ поразило неожиданное горе: его старикъ отецъ слегъ. Везти его въ больницу было опасно, нанять сидѣлку не было средствъ, ходить за больнымъ днемъ еще могла кое-какъ его старая сестра, но ночью онъ оставался почти безъ помощи, тогда какъ нужно было сидѣть около его постели, перемѣнять ледъ, давать лѣкарство. Молодой Терешинъ совсѣмъ растерялся.

— А мы-то на что?—сказалъ Евгеній, услышавъ его разсказъ.—Ну я, еще кто-нибудь изъ товарищей, будемъ чередоваться, вотъ старикъ и не будетъ одинъ. Господа, согласенъ кто-нибудь помочь Терешину ухаживать за его отцомъ?— спросилъ онъ товарищей.

Многіе изъявили полную готовность. Дѣло было рѣшено. Пять человѣкъ гимназистовъ распредѣлили между собою де-

Digitized by Google

журства у постели больного и принялись за дѣло. Евгеній оказался самымъ ревностнымъ изъ «фельдшеровъ», какъ онъ шутя называлъ себя и своихъ товарищей. Кромѣ своихъ личныхъ услугъ, онъ могъ принести Терешину и нѣкоторую денежную помощь, предложивъ ему осторожно взаймы нѣсколько десятковъ рублей. Но болѣзнь старика развилась сильнѣе, чѣмъ предполагали сначала, и затянулась надолго. Экзамены уже пришли къ концу, гимназистамъ приходилось разъѣзжаться по дачамъ, и молодому Терешину грозило впереди совершенно одинокое ухаживаніе за больнымъ старикомъ, такъ какъ даже старуха-тетка сбилась съ ногъ и не могла болѣе помогать ему. Евгеній очень твердо рѣшилъ, что онъ не поѣдетъ до тѣхъ поръ на дачу, покуда не минуетъ необходимость его услугъ въ домѣ товарища.

— Но не лучше ли нанять сидѣлку?—осторожно замѣтила Олимпіада Платоновна.

— Терешинъ не изъ тѣхъ, которые будутъ брать подачки,—отвѣтилъ Евгеній.—Онъ и взаймы стѣснялся взять то, что я ему предложилъ.

— Ну, дай ему еще также взаймы,—посовѣтовала княжна.

— Онъ не возьметъ, потому что его безпокоитъ и этотъ долгъ... Онъ мнѣ на-дняхъ замѣтилъ: «хорошо брать взаймы, когда надѣешься отдать, а брать, зная, что отдать будетъ не изъ чего, это ужъ совсѣмъ подло».

Княжна попробовала возразить еще что-то, но Евгеній рѣшительно замѣтилъ, что иначе нельзя сдѣлать, и что онъ останется въ городѣ: княжна продолжала трусить за него, но возражать болѣе не рѣшилась. Она съ Олей и Петромъ Ивановичемъ переселилась въ Петергофъ, а Евгеній на время остался въ Петербургѣ, пріѣзжая на дачу только на нѣсколько часовъ раза два-три въ недѣлю. Онъ немного утомился за эти дни, ухаживая за больнымъ старикомъ, его лицо нѣсколько осунулось и поблѣднѣло, но никогда еще онъ не чувствовалъ въ себѣ такого хорошаго и бодраго расположенія духа, какъ теперь. Онъ впервые сознавалъ, что онъ кому-то нуженъ, что онъ полезенъ, что онъ «можетъ быть» полезнымъ. До этого времени его болѣе всего мучила мысль именно о томъ, что онъ даже и не можетъ быть никому полезнымъ, что онъ какой-то лишній человѣкъ, котораго если кто-нибудь и любитъ, то такъ, безъ всякой причины, безъ всякихъ заслугъ съ его стороны. Онъ развивалъ мысль на эту тему до послѣдней крайности и смотрѣлъ на себя чуть не съ презрѣніемъ.

Digitized by Google

Теперь было не то: онъ сознавалъ, что онъ можетъ и умѣетъ служить другимъ, и это ободрило его духъ. Какъ это всегда бываетъ въ юности, онъ утрировалъ теперь свои обязанности: онъ не спалъ даже и тогда, когда было вполнѣ возможно спать; онъ чаще, чѣмъ это было нужно, оправлялъ на больномъ одѣяло и щупалъ, не растаялъ ли ледъ въ пузырѣ; онъ ходилъ на цыпочкахъ даже и тогда, когда можно было ступать полной ступней. Въ этомъ было много комичнаго, но все это было мило и прелестно, потому что было искренно и честно. Конечно, ни Олимпіада Платоновна, ни Софья, ни Петръ Ивановичъ не замѣчали этой комичной стороны, когда Евгеній пріѣзжалъ на дачу и съ озабоченнымъ видомъ посматривалъ на часы, чтобы не опоздать къ больному; они видѣли только хорошаго, добраго юношу, который вмѣсто гуляній и веселья сидитъ по доброй волѣ по цѣлымъ днямъ и ночамъ у постели больного старика, и не могли налюбоваться на него. Оля же, сильно выросшая, замѣтно развившаяся за послѣдній годъ, смотрѣла на брата чуть не съ благоговѣніемъ и, съ чувствомъ сжимая руку Петру Ивановичу, чуть слышно шептала:

— Взгляните, взгляните, какой онъ душка!

V.

— Можешь себѣ представить, Olympe, съ кѣмъ я познакомилась?—говорила княгиня Марья Всеволодовна, смотря сощуренными глазами на Олимпіаду Платоновну.—Ты никакъ не угадаешь! Съ матерью Евгенія, съ Евгеніей Александровной.

Княжна нахмурилась и вспылила.

— Ну, это знакомство особенной чести никому не принесетъ!—проговорила она.—Какая-то кокотка, une femme perdue, авантюристка...

— Olympe, Olympe, развѣ такъ можно выражаться!—воскликнула съ упрекомъ княгиня Марья Всеволодовна.—Это несчастная женщина, выстрадавшая такъ много, испытавшая все... Мы, Olympe, христіанки, мы должны прощать...

Олимпіада Платоновна глядѣла изумленными глазами на княгиню. Она сразу не могла догадаться, какія причины заставили княгиню сойтись съ этой женщиной.

— Ты, конечно, знаешь, что Владиміръ оправданъ,—продолжала княгиня.

— Мнѣ-то что за дѣло!—проговорила княжна.—Я всѣми силами стараюсь забыть, что этотъ человѣкъ еще существуетъ...

Digitized by Google

— Онъ выхлопоталъ разводъ съ женою и уѣхалъ лѣчиться за границу,—продолжала невозмутимо княгиня.

— Надо же гдѣ-нибудь скрыть свой позоръ,—вставила княжна съ презрѣніемъ.

— Теперь Евгенія Александровна свободна и, вѣроятно, скоро состоится ея свадьба съ Ивинскимъ,—продолжала княгиня.—Я рада за нее, это дастъ ей возможность вполнѣ возстановить свою репутацію въ глазахъ свѣта, это дастъ ей средства добрыми дѣлами и честной жизнью загладить ошибки молодости. Ивинскій такая почтенная личность и такъ богатъ, пользуется такимъ вѣсомъ въ обществѣ, что его жена можетъ сдѣлать многое. Къ тому же сама по себѣ она изумительно добрая женщина, готовая всегда на помощь ближнимъ; она состоитъ теперь членомъ многихъ нашихъ благотворительныхъ обществъ, и я не могу передать тебѣ, до чего доходитъ ея щедрость, ея готовность служить основанному мною «Обществу»...

— Бросятъ своихъ дѣтей, пустятся въ развратъ, подцѣпятъ богатаго любовника, начнутъ благотворить изъ чужого кармана—вотъ и право зачислиться въ кандидатки страдалицъ и святыхъ!—раздражительно проговорила княжна.—Я, право, перестаю тебя понимать, Marie, какъ ты можешь, не говорю уже сближаться съ подобными личностями, а просто хладнокровно говорить о нихъ.

— Я думаю, Olympe, что долгъ каждой честной женщины и истинной христіанки помочь тѣмъ, которыя заблуждались и хотятъ загладить прошлое,—сказала княгиня.—Если я хлопочу объ устройствѣ пріютовъ для самыхъ жалкихъ падшихъ женщинъ, то почему же я должна оттолкнуть женщину, которая, можетъ-быть, и ошибалась, но ошибалась потому, что она была молода, неопытна и несчастна. Ахъ, Olympe, мы сами много передъ ней виноваты: мы не поддержали ее во-время; мы игнорировали ее, а вѣдь это наша родственница!.. Вотъ ты говоришь, что она бросила дѣтей, а если бы ты знала, какъ ее мучаетъ теперь воспоминаніе о нихъ, о томъ, что они растутъ, не зная ея.

Княжна горячо замѣтила:

— Я совѣтовала бы ей лучше не вспоминать о нихъ вовсе, потому что они, слава Богу, совсѣмъ успѣли ее забыть!

— Olympe! Olympe!—съ чувствомъ замѣтила княгиня, и въ ея голосѣ зазвучалъ упрекъ.—Вспомни, что религія заставляетъ дѣтей любить и уважать родителей. Дѣтямъ надо внушать любовь къ родителямъ, каковы бы ни были эти ро-

Digitized by Google

дители! Дѣти не могутъ и не должны быть судьями своихъ отцовъ и матерей. Вѣдь не хочешь же ты, чтобы Евгеній и Оля выросли черствыми безбожниками, не исполняющими заповѣдей... Я и такъ опасаюсь, что Евгеній...

— Marie, оставимъ этотъ разговоръ!—нетерпѣливо перебила ее княжна.—Я вовсе не желаю ни спорить, ни ссориться съ тобою. Я вижу, что мы на многое смотримъ различно, и потому лучше не касаться этихъ вопросовъ. Я прошу тебя объ одномъ, забудь сама о существованіи этихъ дѣтей и постарайся внушить этой женщинѣ, что и она, если въ ней еще сохранилась хоть капля материнскаго чувства и честности, сдѣлаетъ лучше, оставивъ ихъ въ покоѣ. Она давно потеряла права матери, она умерла для нихъ, и будетъ лучше, если она не воскреснетъ передъ ними въ образѣ падшей, погибшей женщины.

Княжна говорила такъ, что видно было, что она не пойдетъ ни на какія сдѣлки и уступки.

Этотъ разговоръ происходилъ въ половинѣ октября, недѣли черезъ три послѣ возвращенія княгини Марьи Всеволодовны изъ деревни. Онъ не мало встревожилъ Олимпіаду Платоновну, Софью и Петра Ивановича, но всѣ они, обсудивъ дѣло, рѣшились даже не намекать ни Евгенію, ни Олѣ о желаніи матери послѣднихъ увидѣть своихъ дѣтей. Петръ Ивановичъ даже замѣтилъ княжнѣ, что, вѣроятно, Евгенія Александровна вовсе и не думаетъ о дѣтяхъ, что всѣ эти толки о трогательной встрѣчѣ матери съ дѣтьми есть плодъ фантазіи княгини Марьи Всеволодовны, обращающей грѣшницу на путь спасенія. Рябушкинъ не выдержалъ и порядочно рѣзко ругнулъ княгиню. Олимпіада Платоновна уже не заступалась за нее, какъ въ былые дни. Рябушкинъ отчасти былъ правъ: Евгенія Александровна встрѣтилась съ княгиней Дикаго случайно въ комитетѣ «Общества для пособія трудящимся дѣвушкамъ». Княгиня состояла предсѣдательницей этого комитета и всячески изыскивала средства для поддержанія общества, висѣвшаго постоянно на волоскѣ вслѣдствіе полнѣйшаго недостатка средствъ. Членами «Общества» состояли важныя барыни, располагавшія сотнями тысячъ, а въ «Обществѣ» въ кассѣ вѣчно были одни гроши. Желая проникнуть въ порядочные кружки общества, Евгенія Александровна очень щедро дѣлала изъ кармана своего будущаго мужа взносы въ разныя филантропическія учрежденія и, между прочимъ, помогла и «Обществу для пособія трудящимся дѣвушкамъ». Ее выбрали за это въ члены комитета

Digitized by Google

этого «Общества», и ей пришлось такимъ образомъ столкнуться съ княгиней. Со своимъ обычнымъ умѣньемъ впадать въ тонъ своихъ собесѣдниковъ Евгенія Александровна явилась передъ княгиней кающеюся Магдалиной и растрогала княгиню своею скромностью, своимъ смиреніемъ. Княгиня тотчасъ же ухватилась за мысль обратить грѣшницу на путь истины и, увидавъ, что Евгенія Александровна изъявляетъ полную готовность къ подобному обращенію, заговорила съ ней о ея брошенныхъ дѣтяхъ, о томъ, что этимъ дѣтямъ недостаетъ материнскаго вліянія, о томъ, что у княжны они могутъ попасть Богъ вѣсть въ какой кругъ, о томъ, что Евгеній все болѣе и болѣе становится нигилистомъ. Княгиня была рада своей новой миссіи; Евгенія Александровна, мечтавшая теперь не безъ сентиментальности о новой роли дамы-патронессы, спасительницы бѣдняковъ, была рада, что она такъ легко дѣлаетъ первый шагъ въ филантропическіе кружки и свѣтскіе салоны подъ покровительствомъ такого сильнаго лица, какъ княгиня. Одни милліоны Ивинскаго не могли еще открыть ей настежь двери въ эти салоны или, вѣрнѣе сказать, эти милліоны не могли вполнѣ возстановить ея репутацію; защита же княгини могла смыть съ нея всѣ пятна прошлой жизни. Играть роль несчастной жертвы и кающейся грѣшницы для Евгеніи Александровны было и не ново, и не трудно: для этого нужно было только жаловаться за прошлые грѣхи на другихъ и въ доказательство раскаянья примиряться и обниматься со всѣми, на кого укажетъ княгиня. Евгенія Александровна вовсе не думала ни объ Евгеніи, ни объ Олѣ, но если княгинѣ хочется свести ее съ дѣтьми—отчего же и не сойтись съ ними; Евгеніи Александровнѣ даже начало казаться, что она ихъ всегда страстно любила, что она всегда плакала о нихъ, что мысль о нихъ отравляла всю ея жизнь, всѣ минуты счастія—такъ, по крайней мѣрѣ, она говорила теперь. Въ домѣ княгини Марьи Всеволодовны шли въ интимномъ кружкѣ горячія совѣщанія между самой княгиней и Евгеніей Александровной о томъ, какъ устроить первое свиданіе послѣдней съ дѣтьми, и было рѣшено, что она послѣ свадьбы, которая должна была состояться въ первыхъ числахъ ноября, поѣдетъ въ институтъ. Княгиня взялась устроить свиданіе матери съ дочерью не въ общей пріемной комнатѣ и заранѣе умилялась при мысли объ этой трогательной сценѣ. Княжну объ этомъ не предупреждали, ей даже не упоминали болѣе имени Евгеніи Александровны. Сближеніе матери и дочери должно было быть сюрпризомъ

Digitized by Google

для всѣхъ. Такъ оно и вышло. Какъ-то Евгеній и Петръ Ивановичъ зашли въ институтъ и удивились, что Оля выбѣжала къ нимъ взволнованная, раскраснѣвшаяся.

— Женя, голубчикъ, знаешь ли что,—быстро заговорила Оля.—Наша maman была у меня вчера!.. Я писать къ тебѣ хотѣла...

— Да вѣдь ваша maman всегда съ вами,—сказалъ Евгеній, думая, что рѣчь идетъ о начальницѣ.

— Да нѣтъ же, наша maman, твоя и моя!—проговорила Оля и испугалась, увидавъ, какъ поблѣднѣлъ Евгеній.

Ей показалось, что съ нимъ опять сдѣлается обморокъ.

— Мертвецы опять воскресаютъ! — пробормоталъ Петръ Ивановичъ.

— Ахъ, Женя, какъ она плакала, какъ обнимала меня!— проговорила тихо Оля.

— Ну, и ты расчувствовалась,—сказалъ насмѣшливо Евгеній какимъ-то сдавленнымъ тономъ.

Онъ видимо дѣлалъ усиліе, чтобы овладѣть собою и сохранить присутствіе духа.

— Нѣтъ, нѣтъ, Женя... Ахъ, мнѣ такъ стыдно, такъ стыдно теперь,—заговорила раскраснѣвшаяся Оля. — Я ее сперва не узнала... потомъ сконфузилась... и... я, Женя, не знаю даже, что я говорила... Она меня обнимаетъ, плачетъ... а я все присѣдаю... Ахъ, Женя, какая я уморительная была... ни говорить не умѣла, ни ласковой быть не могла... точно съ чужою...

— Она и есть чужая,—сухо сказалъ Евгеній.—И что ей надо, что ей надо отъ насъ!

— Княгиня Марья Всеволодовна говорила...—начала Оля.

— А, такъ это все ея штуки!—вдругъ воскликнулъ Евгеній, перебивая сестру.—Это она ее привезла! Старая ворона, ханжа!.. Ну, къ намъ она не привезетъ ее!.. И что имъ отъ насъ нужно? Вотъ только начали жить покойно, такъ опять явились...

— Ахъ, Женя, какой ты злой!—сказала Оля.—Она такъ плакала и просила прощенья... Говорила, что послѣ, когда мы вырастемъ, мы все поймемъ и извинимъ ее.

— Да Богъ съ ней, только бы она насъ не трогала,— отрывисто сказалъ Евгеній.

Онъ старался казаться спокойнымъ, онъ перемѣнилъ разговоръ, какъ бы не придавая никакого значенія этому событію, но въ его головѣ шевелились какія-то мрачныя предчувствія: явленіе матери подъ предводительствомъ княгини

Digitized by Google

Марьи Всеволодовны не обѣщало ему ничего хорошаго. Онъ зналъ, что княгиня косится на него, что она сердится на княжну за отдачу его въ гимназію, что она пророчитъ ему разныя несчастія въ будущемъ. Не предъявитъ ли своихъ правъ на него и на его сестру мать, руководимая княгиней? Не захочетъ ли она отнять его и сестру у княжны? Можно ли будетъ сопротивляться ей? Всѣ эти вопросы вертѣлись въ его головѣ, и онъ не могъ рѣшить ихъ самъ, но и не хотѣлъ предлагать ихъ Петру Ивановичу. «Ну, вотъ опять приходится со своими собственными болячками нянчиться», хмуро думалъ онъ, стараясь разогнать свои мысли о матери, о встрѣчѣ съ ней, о послѣдствіяхъ этой встрѣчи. Среди этой внутренней тревоги, онъ сознавалъ еще одно: онъ сознавалъ, что мать дѣйствительно стала ему чужою, въ немъ, при вѣсти о ея появленіи, не шевельнулось даже простого любопытства взглянуть на нее; онъ не чувствовалъ къ ней ни любви, ни сожалѣнія, ничего. Онъ постарался припомнить ея черты: нѣтъ, и это не удалось ему. Онъ ее забылъ совершенно. Она внушала ему только страхъ, потому что она могла, можетъ-быть, взять его и сестру къ себѣ—вотъ и все. Онъ сознавалъ, что онъ способенъ даже возненавидѣть ее, если она дѣйствительно сдѣлаетъ попытку предъявить на него свои права. Но онъ старался скрыть отъ другихъ именно эти чувства, чтобы не встревожить никого своими опасеніями. Возвратившись домой съ Петромъ Ивановичемъ, онъ мимоходомъ, между другими разговорами, замѣтилъ княжнѣ:

— А знаете, ma tante, вчера Олю посѣтила Евгенія Александровна.

Княжна совсѣмъ растерялась.

— Оля сконфузилась и только дѣлала реверансы,—продолжалъ шутливо Евгеній. — Преуморительно передавала она эту сцену...

Княжна не замѣтила этого шутливаго тона и волновалась.

— Господи, не одинъ, такъ другая! Когда же они насъ оставятъ въ покоѣ!—воскликнула она сердито.

— Ma tante, чего же вы волнуетесь!—сказалъ Евгеній, стараясь быть покойнымъ.—Ну, вздумалось взглянуть на любимыхъ дѣтей—что-жъ изъ этого!

— Ахъ, ты еще ничего не знаешь,—сказала княжна.— Это опять желаніе вмѣшаться, впутаться въ нашу жизнь... это все княгиня Марья Всеволодовна...

Digitized by Google

— Ma tante, я думаю, что покуда мы у васъ, никто не можетъ вмѣшиваться въ нашу жизнь,—сказалъ Евгеній.

— Да... да... А если я умру?

— Полноте, Олимпіада Платоновна, — замѣтилъ Петръ Ивановичъ:—вѣчно вы попусту тревожите себя этою мыслью...

— Да какъ же не думать о смерти, когда являются эти люди?... Не будь ихъ, ну, поручила бы я послѣ своей смерти дѣтей вамъ, а тутъ... Вѣдь если являются теперь, то послѣ моей смерти и подавно явятся и заберутъ дѣтей...

На лицо Евгенія набѣжала тѣнь.

— Ну, ma tante, можно и не пойти, если захотятъ забрать,—проговорилъ онъ сухо и отрывисто.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Знаете ли, ma tante, мы только тогда и счастливы, и покойны, когда не вспоминаемъ о нихъ; не будемъ же заранѣе думать о томъ, что выйдетъ, если они придутъ. Придутъ—тогда и увидимъ, что дѣлать...

Онъ и Петръ Ивановичъ поспѣшили перемѣнить разговоръ.

Ни Олимпіада Платоновна, ни Петръ Ивановичъ, ни Евгеній, ни Софья не поднимали вопроса, что дѣлать, если явится Евгенія Александровна съ визитомъ къ княжнѣ; но всѣ рѣшили въ душѣ, что въ такомъ случаѣ остается одно: не принимать ее. Софья пошла даже далѣе и приказала на слѣдующій день лакею не принимать княгиню Марью Всеволодовну, если она пріѣдетъ. Софья не ошиблась: княгиня заѣхала къ Олимпіадѣ Платовнѣ въ понедѣльникъ, вѣроятно, желая узнать, какъ приняла княжна извѣстіе о посѣщеніи Евгеніею Александровною института, и ей было отказано.

— Извините, что я безъ спросу распорядилась,—сказала Софья Олимпіадѣ Платоновнѣ.—Только разсудила я, что не для чего вамъ разстраивать себя... мигрень только нажили бы...

— И умно, и умно сдѣлала!—отвѣтила княжна.—Всѣмъ отказывай, всѣмъ... На что мнѣ они... пора кончить... Родственники! кровь только портятъ... и такъ одной ногой въ могилѣ стою... и тутъ болитъ, и тамъ ноетъ... Помяни ты мое слово, уложатъ они меня въ гробъ...

Но княгиня Марья Всеволодовна не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, отъ которыхъ можно такъ легко отдѣлаться: не принять ихъ къ себѣ и конецъ весь. Она была воплощенное рвеніе, когда дѣло шло о какихъ-нибудь высоко-нравственныхъ, истинно-христіанскихъ задачахъ. Если она во время предсмертной агоніи раненаго сына находила силы переписываться по дѣламъ своихъ благотворительныхъ

Digitized by Google

обществъ, то тѣмъ болѣе силъ было у нея теперь для выполненія своихъ высокихъ задачъ. Этихъ задачъ у нея всегда было не мало, но теперь на первомъ планѣ стояли двѣ главныя: воротить къ дѣтямъ мать, содѣйствуя этимъ самымъ спасенію души этой матери, и спасти дѣтей отъ грозящей имъ гибели, неизбѣжно готовящейся имъ подъ вліяніемъ княжны Олимпіады Платоновны, «этихъ семинаристовъ» и «нигилистовъ». Княгиня Марья Всеволодовна теперь иначе не называла княжну, какъ «выжившею изъ ума старухою», «старою сумасбродкою» и выражала изумленіе, какъ не берутъ подъ опеку подобныхъ личностей. Вопросъ о Евгеніи и Ольгѣ она раздула въ своемъ кружкѣ на степень какого-то общественнаго вопроса, Евгенію Александровну она вдругъ возвела въ мать-страдалицу, у которой отняли власть надъ дѣтьми, которую лишаютъ даже возможности видѣть этихъ дѣтей. Евгенія Александровна никакъ не ожидала такого оборота дѣла и едва ли была рада навязанной ей роли. Дѣти ее, въ сущности, вовсе не заботили, но теперь ей, вращавшейся въ томъ кругу, гдѣ вращалась княгиня, волей-неволей приходилось дѣлать видъ, что ее огорчаетъ и то, что ея дочь относится къ ней, какъ чужая, и то, что ея сынъ избѣгаетъ съ нею встрѣчи. Она попробовала выйти изъ ловушки, въ которую попала такъ неожиданно, и какъ-то замѣтила съ горькимъ вздохомъ:

— Что дѣлать, вѣрно такъ суждено, что мои дѣти будутъ мнѣ всегда чужими!

— Да развѣ это возможно?—воскликнула княгиня.—Надо употребить всѣ усилія, надо сдѣлать все, чтобы спасти ихъ. Я наводила справки о Евгеніи: онъ Богъ знаетъ съ кѣмъ сошелся, онъ въ гимназіи считается вожакомъ въ классѣ, на него уже косятся. Да я и понимаю это: я вѣдь помню, какой скандалъ онъ произвелъ у Матросова; онъ чуть не убилъ одного товарища. Это строптивый и необузданный характеръ, способный въ минуту раздраженія на все...

— Ахъ, онъ весь въ отца!—вздохнула Евгенія Александровна.

— Вотъ видите, мой другъ, вы сами признаете это,—быстро сказала княгиня:—такъ можно ли такого человѣка оставлять Богъ знаетъ подъ чьимъ вліяніемъ? Вы мать, вы должны сдѣлать все для спасенія своего ребенка, тѣмъ болѣе, что вы знаете, въ кого онъ характеромъ, и до чего довелъ подобный характеръ его отца.

Евгенія Александровна впервые въ жизни понимала, что

Digitized by Google

нѣть въ тонъ другихъ людей не всегда удобно, и что это иногда можетъ повести къ немалымъ qui pro quo. Но отступать было трудно: княгиня съ настойчивостью добраго духа, спасающаго грѣшную душу, не отступала ни передъ чѣмъ и держала крѣпко въ рукахъ свою жертву. Хуже всего было то, что не одна княгиня поднимала теперь этотъ вопросъ: въ обществѣ, гдѣ всѣ ходячія темы, начиная съ оперы и кончая послѣднимъ благотворительнымъ баломъ, давно пріѣлись, давно исчерпались, люди всегда рады возникновенію какого-нибудь новаго вопроса въ родѣ вопроса о разводѣ графа У. или скандалезнаго бѣгства баронессы Z. Такимъ интереснымъ вопросомъ сдѣлался и вопросъ о матери, у которой отняли дѣтей, и о дѣтяхъ, которыя гибнутъ. Бо́льшая часть людей, говорившихъ объ этихъ дѣтяхъ, не видала этихъ дѣтей ни разу въ жизни, вовсе не понимала, въ чемъ заключается ихъ гибель, не имѣла никакихъ основаній волноваться по поводу ихъ, но, тѣмъ не менѣе, это былъ «вопросъ». Интереснѣе всего было то, что всѣ вдругъ вспомнили про княжну, про ея сумасбродный характеръ, про то, что она тогда-то и тогда-то наговорила рѣзкостей тому-то и тому-то, про то, что она въ послѣднее время отшатнулась совершенно отъ общества. Ей даже поставили въ упрекъ, что она живетъ въ какой-то маленькой квартирѣ, гдѣ-то въ Коломнѣ, и принимаетъ у себя Богъ знаетъ кого. Мари Хрюмина сама видѣла разъ у княжны «такое, такое общество, что она покраснѣла».

Но мало того, что она устраиваетъ какія-то вечеринки для гимназистовъ, у нея являются на эти вечеринки даже какія-то дѣвушки... шерстяныя платья, короткіе волосы... и тамъ что-то читаютъ...

Мари Хрюмина сдѣлала премилую гримаску и прибавила:

— Это онъ называетъ баломъ съ литературнымъ чтеніемъ.

Онъ означало Евгеній, такъ какъ Мари Хрюмина иначе не называла теперь этого злоумышленника и заговорщика.

— A ma tante,—продолжала Хрюмина.—Нѣтъ, я просто начинаю сомнѣваться въ ея умственныхъ способностяхъ, ma tante играетъ у нихъ роль тапершіи!..

Всѣ ужасались и ахали.

Но какъ бы то ни было, покуда все дѣло ограничивалось праздною болтовнею. Евгенія Александровна раза два заѣхала въ институтъ къ Олѣ съ разными бонбоньерками и успокоилась. Она была убѣждена, что дальше ея материнскія заботы и не пойдутъ, по крайней мѣрѣ, до выхода

Digitized by Google

Оли изъ института, и что вообще особенно волноваться по поводу этого нѣтъ никакой причины, такъ какъ лишнія дѣти—лишнія хлопоты, а Евгенія Александровна хотѣла еще жить сама. Евгеніи Александровнѣ скоро даже начало надоѣдать, когда княгиня Марья Всеволодовна поднимала этотъ вопросъ—спрашивала, видѣла ли Евгенія Александровна дѣтей, или сообщала, что Евгенія опять встрѣтили въ ужасной компаніи. Евгенія Александровна стала избѣгать этихъ разговоровъ и раза два сдѣлала это такъ безтактно, что даже раздражила княгиню: добрый духъ увидалъ, что онъ тщетно печется о спасеніи грѣшной души, и опечалился.

— Я начинаю, кажется, убѣждаться, что Евгенія Александровна просто очень рада, что она можетъ не думать и не заботиться о своихъ дѣтяхъ,—замѣтила уже съ непріязненнымъ чувствомъ княгиня въ своемъ кругу. — Конечно, это и удобнѣе, и легче свалить хлопоты и заботы на другихъ, а самимъ умыть руки. Господи, и это матери!

Это была первая капля масла, попавшая на потухавшій огонь. Донесла эту каплю масла до Евгеніи Александровны Мари Хрюмина.

VI.

Если вамъ случалось сиживать въ какомъ-нибудь буфетѣ желѣзнодорожнаго вокзала или общественнаго сада, то вы, конечно, замѣчали не разъ собачонокъ, останавливающихся передъ тѣми столами, за которыми кто-нибудь пьетъ чай или закусываетъ. Кто сидитъ за этими столами—до этого собачонкамъ нѣтъ дѣла; онѣ слѣдятъ только за однимъ—за которымъ столомъ ѣдятъ. Онѣ останавливаются передъ столомъ и начинаютъ пристально и какъ-то жалобно смотрѣть въ глаза закусывающему человѣку, изрѣдка повиливая хвостомъ; этотъ человѣкъ можетъ ихъ отогнать, если онѣ надоѣдятъ ему, онѣ обойдутъ съ другой стороны и остановятся съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ глазъ, съ тѣмъ же самымъ повиливаніемъ хвостомъ. Въ концѣ концовъ, имъ бросаютъ подачку. Такъ онѣ живутъ всю жизнь: у нихъ нѣтъ хозяевъ, нѣтъ жилья, нѣтъ мѣста, которыя онѣ сторожатъ, исполняя свои обязанности, нѣтъ, такъ сказать, данной имъ роли, но онѣ кормятся и кормятся иногда очень не дурно. Если и есть что-нибудь непріятное въ ихъ жизни, такъ это то, что ихъ могутъ гонять отовсюду и что на нихъ могутъ поднимать палку всѣ. Участь такихъ собачекъ

Digitized by Google

выпадаетъ на долю цѣлой массѣ такъ-называемыхъ барышень-бѣлоручекъ, не имѣющихъ ни капиталовъ, ни занятій, и скитающихся отъ стола къ столу въ кругу богатыхъ родныхъ и знакомыхъ. Мари Хрюмина принадлежала къ числу такихъ созданій. Вѣчно она ночевала или оставалась гостить гдѣ-нибудь «у тети», «у кузины», «у подруги», возвращаясь въ неуютную комнату къ своей матери во вдовьемъ домѣ только на нѣсколько часовъ по необходимости перемѣнить бѣлье, платье. Чаще и дольше всего она гащивала въ былые дни у княжны Олимпіады Платоновны, эксплоатируя послѣднюю, насколько было можно; она даже мечтала незамѣтнымъ образомъ совсѣмъ поселиться у княжны и захватить кое-что изъ наслѣдства княжны, въ случаѣ смерти Олимпіады Платоновны. Но пріемъ послѣднею на воспитаніе дѣтей племянника разрушилъ всѣ планы Мари Хрюминой: ея отношенія къ княжнѣ стали холодны, и ей снова пришлось скитаться по разнымъ родственницамъ и знакомымъ. Эти скитанія были не легки, не веселы, наносили не мало уколовъ самолюбію дѣвушки, и при каждой непріятности въ душѣ Мари Хрюминой возникали упреки «этимъ противнымъ нищимъ», вытѣснившимъ ее изъ дома княжны. Правда, «нищіе», то-есть Евгеній и Оля, были вовсе не виноваты въ томъ, что Мари Хрюмина стала сначала рѣже гостить у княжны, а потомъ не поѣхала съ княжной въ Сансуси, не желая «похоронить» себя въ деревнѣ. Но, тѣмъ не менѣе, Мари Хрюмина ненавидѣла этихъ нищихъ, ненавидѣла ихъ отца, ихъ мать. Однако, судьба сыграла съ ней странную шутку: при первой же встрѣчѣ съ Евгеніей Александровной, Мари Хрюмина была изумлена ласками Евгеніи Александровны. Евгенія Александровна цѣловала всѣхъ и каждаго, кого можно было цѣловать: не обошла она и Мари Хрюмину.

— Душечка, какъ жаль, что мы не были знакомы раньше! — воскликнула Евгенія Александровна своимъ щебечущимъ голосомъ.—Владиміръ скрывалъ меня отъ всѣхъ родныхъ, не сблизилъ ни съ кѣмъ... Я увѣрена, что мы были бы давно друзьями, если бы я васъ узнала раньше.

Затѣмъ послѣдовали поцѣлуи и приглашенія къ себѣ запросто, гостить, вмѣстѣ ѣздить въ театръ, въ маскарады. У этихъ двухъ женщинъ явились вдругъ даже свои маленькіе секреты.

— Ахъ, что это за родные, — говорила Мари Хрюмина про князей Дикаго:—хуже, чѣмъ чужіе. Черствость и эгоизмъ,

Digitized by Google

вотъ все, чѣмъ надѣлила ихъ судьба. Конечно, я небогатая дѣвушка, во мнѣ нечего искать, потому я и встрѣчаю только холодность!

— Душа моя, развѣ я этого не понимаю!—съ чувствомъ воскликнула Евгенія Александровна.—Я сама испытала все это. Меня знать не хотѣли, покуда я была женой Владиміра, когда я столько перестрадала.

— Да, да, тогда про васъ Богъ знаетъ, что говорили,— замѣчала Мари Хрюмина.—А теперь не знаютъ, гдѣ посадить, какъ принять!

— Неужели, вы думаете, что я не понимаю, за что меня ласкаютъ! — вздыхала Евгенія Александровна. — Деньги, вліяніе моего мужа—вотъ что дало мнѣ значеніе у такихъ особъ, какъ княгиня Марья Всеволодовна.

— О, это извѣстная эгоистка и лицемѣрка! — раздражительно говорила Мари Хрюмина. — Вотъ теперь она нянчится съ вами, льститъ вамъ въ глаза, а за глаза... Но нѣтъ, я не должна, милая моя Евгенія Александровна, огорчать васъ!

— Ахъ, говорите, говорите все! — приставала Евгенія Александровна.—Я привыкла къ людской двуличности, къ людскимъ клеветамъ.

— Нѣтъ, лучше не знать, что говорятъ люди! Зачѣмъ огорчать васъ?

— Душа моя, не бойтесь! Я такъ рада, такъ рада, что нашла, наконецъ, хоть одно существо, которое можетъ быть моимъ преданнымъ другомъ! Я прошу васъ говорить мнѣ все, все, что вы знаете!

Обѣ женщины обнялись, изливаясь въ преданности другъ другу.

— Вы знаете, княгиня начинаетъ распускать слухи, что вы вовсе и не желаете спасти своихъ старшихъ дѣтей, что вы заботитесь только о своемъ спокойствіи, что вы очень легко относитесь къ вопросу о дѣтяхъ,—сказала Мари Хрюмина.—И вѣчно у нея разныя театральныя фразы являются въ подобныхъ случаяхъ. Тоже говорила про васъ и воскликнула: «Господи, и это матери!»

Евгенія Александровна уже замигала глазами, и по ея щекамъ прокатились двѣ слезинки.

— Богъ съ ними, Богъ съ ними!.. Пусть клевещутъ! — проговорила она.—Что же я могу сдѣлать, когда мои дѣти не у меня, отняты, въ чужомъ домѣ!..

— Да и стоитъ ли думать о нихъ, когда они уже без-

Digitized by Google

поворотно взяты княжной! — возразила Мари Хрюмина.— Мнѣ тяжело говорить вамъ, какъ матери, о нихъ. Но, право, они не стоятъ вашихъ слезъ о нихъ. Оля—это какая-то пустая дѣвочка, чуть не играющая въ куклы до сихъ поръ, очень ограниченная по уму, а Евгеній... Знаете ли, что онъ не иначе называетъ васъ, какъ Евгеніей Александровной! Черствое сердце и самое вредное направленіе идей...

Евгенія Александровна плакала.

— И княгиня хочетъ еще, чтобы вы мучались, стараясь передѣлать то, что уже непоправимо! — продолжала Мари Хрюмина. — Хорошо ей клеветать на другихъ, когда про нее никто не смѣетъ слова сказать: какъ же можно—святая, христіанка...

— Но мнѣ больно, больно, что они начинаютъ бросать въ меня грязью!—волновалась Евгенія Александровна.

— Изъ магазина модистка пріѣхала,—доложилъ лакей.

— Ахъ, извините меня, душа моя, я удалюсь на минуту,—обратилась Евгенія Александровна къ Мари Хрюминой. — Это принесли платье къ балу въ дворянское собраніе. Этотъ балъ съ алегри устраивается въ пользу «Общества» княгини Марьи Всеволодовны. Вы будете тамъ тоже?

— Я? — сказала Мари Хрюмина съ изумленіемъ. — Гдѣ же мнѣ! Тамъ будутъ такіе туалеты!

— Фи, стоитъ ли объ этомъ думать!—воскликнула Евгенія Александровна. — Ради Бога, поѣзжайте! Я безъ васъ буду тамъ, какъ въ лѣсу, одна. Я стою у колеса алегри, вы будете моимъ ассистентомъ. Нѣтъ, право, поѣзжайте!

— Но я не могу,—возражала Мари Хрюмина.

— Изъ-за платья?.. Да?

— Да.

— Это пустяки! Вы поѣдете!

— Но какъ же!

— Вы поѣдете, душечка! Идемте къ модисткѣ!

— Но, Евгенія Александровна...

— Вы меня хотите обидѣть? Да? Значитъ, вы тоже только на словахъ меня любите?

— Другъ мой!

Обѣ женщины снова обнялись. Черезъ полчаса, въ восторгѣ отъ заказаннаго платья, Мари Хрюмина уже прыгала и хлопала въ ладоши, что при ея тощей фигурѣ выходило довольно оригинально и занимательно.

Евгенія Александровна стала выѣзжать вездѣ и всюду

Digitized by Google

съ Мари Хрюминой, и для Мари Хрюминой настали счастливые дни. Отношенія Евгеніи Александровны къ Мари Хрюминой были похожи на отношеніе первой къ той злосчастной швеѣ, которую въ былые дни принимала Евгенія Александровна у себя, дѣлала на нее разные сборы и домашнія лотереи. Она всѣмъ и каждому говорила теперь:

— Ахъ, это милая дѣвушка! Это родственница моего перваго мужа. Не могу же я ее оставить, если ей не помогаютъ болѣе близкіе родные. Меня такъ тревожитъ ея участь!

— Удивительно добрая женщина Евгенія Александровна, — говорили про госпожу Ивинскую въ ея кружкѣ. — Кому только можетъ сдѣлать добро, тому и дѣлаетъ.

Злые же языки говорили, что, стоя рядомъ съ Мари Хрюминой, Евгенія Александровна кажется еще очаровательнѣе и свѣжѣе.

Мари Хрюмина за эту доброту своей подруги платила полнѣйшею преданностью и передавала ей всѣ малѣйшіе толки, ходившіе въ кругу знакомыхъ о госпожѣ Ивинской. Евгенія Александровна знала всѣ намеки княгини Дикаго на ея счетъ, знала, что нѣкоторые изъ родныхъ княгини Дикаго косятся на нее, на Евгенію Александровну, и называютъ женитьбу на ней Ивинскаго сумасбродствомъ выживающаго изъ ума старика, знала, что кто-то замѣтилъ, что она никогда не возьметъ къ себѣ старшихъ дѣтей, чтобы никто не зналъ ея лѣтъ, и тому подобное. Всѣ эти толки на время волновали ее и волновали довольно сильно, такъ какъ теперь она все сильнѣе и сильнѣе желала стоять на высотѣ своего положенія, заставить забыть все былое. Но ни одни свѣтскіе толки не возмутили ее такъ сильно, какъ возмутилъ ее разсказъ Мари Хрюминой о томъ, что говорила про нее княжна.

Однажды Мари Хрюмина заѣхала къ княжнѣ Олимпіадѣ Платоновнѣ и среди разговора замѣтила, что она сошлась съ Евгеніей Александровной, что онѣ вмѣстѣ ѣздятъ въ театры, на балы.

— Ну, мать моя, кажется, стыдиться бы надо играть на старости лѣтъ роль repoussante,—замѣтила съ презрѣніемъ княжна.

Выраженіе и тонъ этой фразы были такъ грубы, что Мари Хрюмина вся вспыхнула и чуть не разрыдалась. Она уже давно отвыкла отъ грубостей княжны, которыя когда-то переносила съ примѣрнымъ смиреніемъ.

Digitized by Google

— Я, ma tante, кажется, ничѣмъ не заслужила оскорбленій!—заговорила она горячо.—Если я нашла подругу, если меня ласкаютъ, то за это нельзя оскорблять меня, оскорблять тѣхъ, кого я люблю!

— Ахъ, люби кого тебѣ угодно!—отвѣтила рѣзко княжна.—Къ тебѣ уже ничто не пристанетъ, слава Богу, не молоденькая! А только стыдно порядочной дѣвушкѣ, какихъ бы лѣтъ она ни была, выѣзжать въ свѣтъ съ опозоренной личностью. Я еще понимаю, что княгиня Марья Всеволодовна, какъ покровительница всякихъ кающихся грѣшницъ, можетъ допускать къ себѣ подобную личность. Но тебѣ-то, бѣдной и честной дѣвушкѣ, стыдно выѣзжать съ этою развратницей на разныя любовныя свиданія.

— Ma tante, вы сами не знаете, что говорите! — воскликнула съ гнѣвомъ Мари Хрюмина. — На какія это любовныя свиданія я выѣзжаю?

— Да сама же ты говоришь, что ѣздишь съ нею по театрамъ и по баламъ,—сказала княжна.—А для чего она ѣздитъ? Ловить новыхъ любовниковъ, вѣрно, еще желаетъ, ну, а ты ширмой служить можешь. Не дѣвочка, слава Богу, сама должна понимать все это!..

— Богъ съ вами, ma tante! Богъ съ вами! Ни я, ни она не заслужили этихъ оскорбленій!—проговорила со слезами въ голосѣ Мари Хрюмина, уязвленная въ самое сердце. — Очень жаль, право, что я заговорила объ этомъ. Впрочемъ, и то хорошо, что я знаю, какого вы мнѣнія объ Евгеніи Александровнѣ. Это избавитъ хотя ее отъ лишнихъ непріятностей. Она хотѣла сдѣлать вамъ визитъ...

— Что-о?—воскликнула княжна, сдвинувъ брови.—Она ко мнѣ хотѣла сдѣлать визитъ? Вы тамъ всѣ съ ума сошли, кажется!.. Да если она когда-нибудь осмѣлится, такъ она услышитъ отъ меня то, чего не слыхала, можетъ-быть, ни отъ кого еще! Да, да, вы тамъ, въ вашемъ свѣтѣ, нынче всѣ съ ума сошли, якшаетесь Богъ знаетъ съ кѣмъ, какихъ-то жидовъ, благо они банкиры, въ салоны принимаете, кокотокъ, благо онѣ вышли замужъ за полоумныхъ богачей, въ дамы-патронессы возводите! Ну, а я стараго вѣка человѣкъ. Мнѣ ужъ поздно на вашъ ладъ себя передѣлывать, да и не для чего... Въ наше время такія-то личности черезъ порогъ не переступали въ свѣтскія гостиныя.

Мари Хрюмина ехидно и злорадно улыбнулась.

— Что-жъ, ma tante, вамъ же хуже будетъ, если Евге-

Digitized by Google

нія Александровна не пріѣдетъ къ вамъ сама, а потребуетъ отъ васъ дѣтей къ себѣ,—злобно замѣтила она.

— Дѣтей потребуетъ къ себѣ?—воскликнула въ сильномъ гнѣвѣ княжна. — Да ты это изъ чего взяла? Кто ей отдастъ ихъ?

— Она мать!

— Мать, бросившая ихъ чуть не съ пеленъ! Мать, никогда не спрашивавшая о нихъ! — волновалась княжна. — Что ты мнѣ говоришь! Какія могутъ быть у нея права на этихъ дѣтей! Да если бы у нея и были какія-нибудь права на нихъ, такъ я, слава Богу, еще не всѣ связи потеряла, не беззащитной какой-нибудь проходимкой сдѣлалась! Да я къ властямъ обращусь, я поѣду къ шефу... А, да что съ тобой говорить! Поглупѣла ты совсѣмъ, треплясь среди всей этой дряни...

Княжна махнула рукой и замолчала. Но она была взволнована и съ трудомъ переводила духъ.

Мари Хрюмина поднялась съ мѣста и, сухо раскланявшись со старухой, исчезла. Она помчалась къ Евгеніи Александровнѣ такъ быстро, точно она боялась, что она разразится истерическими слезами прежде времени. Къ счастію, это не случилось: истерическія рыданія начались именно въ ту минуту, когда она сбросила съ себя шляпку и опустилась на кушетку въ будуарѣ госпожи Ивинской.

— Мари, Мари, что съ тобой, мой другъ! — приставала Евгенія Александровна.

— Ахъ, что она про тебя говоритъ, какъ она тебя позоритъ!—всхлипывая, твердила Мари Хрюмина.

Новыя подруги уже дошли до такой близости, что говорили другъ другу «ты».

Боже мой, какія густыя краски наложила Мари Хрюмина на разсказъ о свиданіи съ княжной, какое громадное количество этихъ красокъ потратила она на свое описаніе. Она даже сообщила, что княжна уже собирается ѣхать къ митрополиту, чтобы онъ наложилъ епитимью на Евгенію Александровну, что княжна уже справлялась у шефа жандармовъ, нельзя ли выслать Евгенію Александровну за дурное поведеніе. Разсказъ принялъ какіе-то чудовищные размѣры. Она описала въ подробности, что разсказала княжна дѣтямъ про ихъ мать, какъ вооружила дѣтей противъ матери. И среди всего этого хаоса чудовищныхъ извѣстій, среди рыданій, звучалъ одинъ припѣвъ: «и меня назвала старою дѣвкой!»

Digitized by Google

Надо было знать хорошо всю мелочность Евгеніи Александровны, чтобы впередъ предвидѣть, къ какимъ результатамъ можетъ привести подобное сообщеніе. Еще за какіе-нибудь полчаса Евгенія Александровна въ глубинѣ души была очень благодарна княжнѣ, что та держитъ у себя ея дѣтей и «не прикидываетъ» ей ихъ; еще полчаса тому назадъ Евгенія Александровна поморщилась бы съ большимъ неудовольствіемъ, если бы кто-нибудь сказалъ ей, что ея дѣти переселятся къ ней. Теперь было не то; теперь она желала только одного—отмстить этой старухѣ, показать ей свое значеніе, заставить ее раскаяться за неосторожныя слова. Покуда въ ней затрогивали чувства матери, она могла спокойно не думать, какъ живутъ ея дѣти въ чужомъ домѣ; когда въ ней затронули чувства мелочно-самолюбивой женщины, она готова была сдѣлать все, только бы мстить оскорбившей ее личности, хотя бы это погубило ея дѣтей. Легкомысленная и необдуманная, какъ всегда, она уже не разсуждала о томъ, выгодно ли, удобно ли ей брать къ себѣ дѣтей, заботиться о нихъ, возиться съ ними,—она только видѣла необходимость отнять ихъ у княжны, заставить старуху поплакать.

— А, она думаетъ, что я все та же Евгенія Александровна Хрюмина, которую не хотѣли принимать къ себѣ родные ея мужа! — говорила она въ ярости, ходя по будуару. — Она думаетъ, что ея связи сильнѣе связей моего мужа, моихъ связей! Она забываетъ, что Владиміръ, принявъ при разводѣ всю вину на себя, отдалъ всѣ права на дѣтей мнѣ. Она думаетъ, что со мной такъ же легко сладить, какъ съ нимъ! Меня вѣдь нельзя подкупить!.. Посмотримъ, посмотримъ! Глупая старуха! Теперь я понимаю, отчего княгиня Марья Всеволодовна охладѣла ко мнѣ, откуда идутъ всѣ толки про меня! Это она, она... Ну, что-жъ, надо покончить это дѣло!..

— Нѣтъ, ты представь себѣ, говоритъ, что я служу тебѣ ширмой!—восклицала, еще всхлипывая, Мари Хрюмина:— ѣздимъ на свиданія!

— Это надо кончить, надо кончить! Она хочетъ, чтобы мой мужъ заподозрилъ меня, чтобы меня выгнали отвсюду, я понимаю это! — волновалась Евгенія Александровна. — Нѣтъ, довольно я молча страдала отъ нихъ, довольно.

— Къ митрополиту хочетъ ѣхать,—пояснила Мари Хрюмина.—Я, говоритъ, выведу все на чистую воду... Ты, говоритъ, старая дѣвка и покрываешь ее!..

Digitized by Google

Господинъ Ивинскій засталъ Евгенію Александровну въ слезахъ и крайне встревожился!

— Что съ тобой, Женя?—озабоченно спросилъ онъ.

— Ахъ, Жакъ, я такъ несчастна, такъ несчастна!—воскликнула томнымъ голосомъ Евгенія Александровна.—Мои несчастныя дѣти гибнутъ, и мнѣ не даютъ права даже взглянуть на нихъ!

— Какія дѣти?—спросилъ господинъ Ивинскій, совсѣмъ забывшій, что у его жены есть еще дѣти кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ призналъ своими.

— Евгеній и Ольга,—пояснила Евгенія Александровна.—Меня не хотятъ даже допустить къ нимъ. Но вѣдь я мать, Жакъ! Что будетъ, если они погибнутъ; говорятъ, Евгеній стоитъ на краю пропасти... Господи, неужели я еще должна пережить судъ надъ нимъ...

— Но я не понимаю, что тутъ волноваться? — проговорилъ господинъ Ивинскій, пожимая плечами. — Вели ихъ привезти сюда—вотъ и конецъ весь.

Дѣйствительно, это было такъ просто!

— А ты! — спросила Евгенія Александровна, обнимая мужа и ласкаясь къ нему.—Ты позволишь имъ жить у меня?

— Да мнѣ-то что? — небрежно замѣтилъ Ивинскій и улыбнулся снисходительной улыбкой.—Я ихъ не увижу почти. Мнѣ нужна ты и только ты!

Онъ нѣжно поцѣловалъ жену.

— Тамъ внизу совершенно пустой этажъ. Можно отвести имъ нѣсколько комнатъ, взять гувернера или кого тамъ надо,—сказалъ онъ.

— Жакъ—ты ангелъ! — воскликнула Евгенія Александровна, цѣлуя его руку.—Ты возвращаешь мнѣ спокойствіе!.. Но если она ихъ не отдастъ?..

— Ахъ, Женя, какія глупости!—проговорилъ мужъ съ улыбкой.—Что за особенное благополучіе няньчиться съ чужими дѣтьми! Они, я думаю, княжнѣ уже давно успѣли надоѣсть...

— О, ты ея не знаешь! Она изъ ненависти ко мнѣ не отдастъ ихъ!—возразила Евгенія Александровна.

— Тогда мы велимъ отдать ихъ,—многозначительно отвѣтилъ господинъ Ивинскій.—Вообще, дитя мое, ты ужасно впечатлительна. Надо же привыкнуть смотрѣть хладнокровно на вещи. Тебя волнуетъ такой пустякъ, какъ какая-то выжившая изъ ума старуха. Ну, поупрямится и покорится необходимости. Право на твоей сторонѣ и, надѣюсь, на

Digitized by Google

твоей же сторонѣ средства заставить людей уважать это право. Надо же, наконецъ, тебѣ понять, что ты не какой-нибудь беззащитный ребенокъ.

— А ты мнѣ поможешь, если это понадобится?—ласковымъ тономъ спросила Евгенія Александровна, заглядывая ему въ глаза.

— Я?—разсмѣялся господинъ Ивинскій.—Глупенькая, тутъ вовсе и не нужно моей помощи. Въ этомъ можетъ помочь тебѣ любой изъ моихъ секретарей, изъ моихъ чиновниковъ...

Евгенія Александровна успокоилась и отдохнула отъ всѣхъ тревогъ этого дня вечеромъ въ театрѣ.

VII.

«Я давно желала лично переговорить съ вами насчетъ моихъ дѣтей, но, къ счастію, наши общіе друзья и родственники во-время предупредили меня о вашемъ нежеланіи принять меня... Это заставляетъ меня обратиться къ вамъ письменно и просить васъ прислать ко мнѣ моего сына... Какъ мать, я крайне озабочена его участью и желала бы лично заняться его окончательнымъ воспитаніемъ... Мнѣ было бы тяжело, если бы онъ погибъ, подобно своему отцу, не будучи направленъ на хорошую дорогу... Я надѣюсь, что вы поймете»...

Княжна читала и перечитывала эти отрывки полученнаго ею письма и ровно ничего не могла понять и сообразить, хотя, повидимому, въ немъ все было ясно высказано.

— Софья, Софья!—позвала она свою вѣрную подругу жизни.—Прочти, пожалуйста, что это тутъ она пишетъ мнѣ... Я ничего сообразить не могу!

Софья взяла письмо, прочла его до половины и раздражительно произнесла:

— Чего же не понять-то тутъ! Женичку требуютъ къ матери! Этого только недоставало!.. Бросили, забыли, а теперь, изволите видѣть, любовь восчувствовали!.. О, чтобъ ихъ не было!..

— Дура, дура!—воскликнула княжна.—На что онъ ей? Что ему у нея дѣлать!.. Вотъ глупости! это мистификація какая-то! Я ея руки не знаю, можетъ-быть, это вовсе и не она пишетъ!.. Это гнусная продѣлка просто! Скажите, пожалуйста, столько лѣтъ не думала о дѣтяхъ, а теперь... Да нѣтъ, не можетъ этого быть!

— Это ея лакей принесъ,—сказала Софья.

— Да она съ ума сошла! ее въ сумасшедшій домъ за-

Digitized by Google

прятать бы нужно!—горячилась княжна, совсѣмъ измѣнившаяся въ лицѣ.—Такъ я ей и отдамъ Женю! Смотрѣть на развратъ матери, быть прихлебателемъ въ чужомъ домѣ! Нѣтъ, они тамъ просто помѣшались всѣ!

Княжна заковыляла въ волненіи по комнатѣ, бормоча что-то вполголоса.

— Но вѣдь она имѣетъ право требовать его,—тихо замѣтила Софья.

— Право! право!—воскликнула раздражительно княжна.—И ты туда же! Какія такія права могутъ быть у распутной матери, бросившей своихъ дѣтей? Гдѣ это такіе законы есть?

— Но...—начала Софья.

Княжна снова перебила ее въ раздраженіи.

— Пригласи сейчасъ же Петра Ивановича!—проговорила она.—Надо поговорить съ нимъ. Все же мужчина!

Софья удалилась. Княжна снова взяла письмо Евгеніи Александровны.

— «Наши общіе друзья и родственники во-время предупредили о вашемъ нежеланіи принять меня»,—перечитывала снова.—Скажите, пожалуйста, у насъ нашлись общіе друзья и родственники! А, это премило! Она и я связаны узами родства!.. «И я не знаю, въ сущности, за что вы питаете ко мнѣ ненависть, но, какъ мать, я не могу смотрѣть безъ тревоги на то, что мой сынъ воспитуется подъ вліяніемъ женщины, старающейся очернить меня»,—читала далѣе княжна.—Она не знаетъ, за что ее можно презирать!.. Не знаетъ! Угнетенная невинность!.. Гдѣ у этихъ женщинъ стыдъ и совѣсть!.. Но кто же, однако, это передалъ ей въ такомъ случаѣ, что я ненавижу ее?.. Княгиня Марья Всеволодовна? Мари?.. Ахъ, всѣ онѣ способны на мелкую сплетню!.. всѣ!..

Княжна задумалась: она вспомнила все, что она говорила объ Евгеніи Александровнѣ; она поняла, какъ должно было все это раздражить Евгенію Александровну, когда та узнала мнѣніе княжны; она начала смутно сознавать, что письмо вызвано желаніемъ «насолить» ей, княжнѣ. «Мелкая душонка!»—бормотала княжна въ волненіи, и въ ея душѣ начинали уже шевелиться упреки себѣ за излишнюю рѣзкость, за высказыванье своихъ мнѣній о людяхъ какимъ-нибудь Мари Хрюминымъ. Она уже упрекала себя за вѣчные промахи и ошибки, за неумѣнье хитрить и быть осторожной... «Старая сумасбродка! старая сумасбродка!»—шептала она, сдвигая плотно свои черныя брови.

— Батюшка, тебя-то мнѣ и надо!—воскликнула княжна,

Digitized by Google

завидѣвъ входившаго въ эту минуту въ ея кабинетъ Петра Ивановича.—Что это еще стряслось надъ нами. Вотъ, читай, Евгенія мать къ себѣ требуетъ... Скоропостижно встревожилась объ его участи!.. Подъ дурнымъ вліяніемъ, видишь ли, онъ воспитуется... разврата мало видитъ...

Пожавъ руку княжны, Петръ Ивановичъ наскоро просмотрѣлъ поданное ему письмо.

— Дѣло-то скверное!—сказалъ онъ, качая головой.

— Да я же ей не отдамъ дѣтей!—рѣшительно сказала княжна.

— Все равно, она вытребуетъ ихъ,—отвѣтилъ онъ.

— Да я заявлю, что она такая женщина, что дѣти у нея не могутъ жить,—волновалась княжна.

— Вы этого не можете сдѣлать,—сказалъ Петръ Ивановичъ.—Владиміръ Аркадьевичъ принялъ при разводѣ всю вину на себя и за нею оставалось право и выйти снова замужъ, и взять къ себѣ дѣтей.

Княжна ничего не понимала, не хотѣла понять.

— Да, наконецъ, что же это мы дѣтьми, какъ пѣшками, играть можемъ, что ли?—раздражительно говорила она.—Захотимъ—выбросимъ въ чужой уголъ, захотимъ—опять къ себѣ потребуемъ. Развѣ такъ можно. Вѣдь ты разбери, сумбуръ-то какой выходитъ: поссорились отецъ съ матерью и вышвырнули дѣтей; понадобились отцу ихъ деньги и сталъ онъ меня пугать, что снова возьметъ дѣтей къ себѣ; обозлилась на меня ихъ мать за неуваженіе къ ней и снова тащитъ ихъ къ себѣ. Да что же это такое? На что это похоже? Бѣглые крѣпостные это, что ли, холопы безправные они развѣ?

Петръ Ивановичъ сознавалъ, что старуху было не легко убѣдить въ неизбѣжности отдачи дѣтей матери.

— Это только по обоюдному соглашенію и можно уладить,—попробовалъ замѣтить онъ.—Надо переговорить вамъ съ нею...

— Мнѣ съ нею? Да ни за что, ни за что!—воскликнула княжна.—Со всякой негодяйкой объясняться! ужъ не прикажешь ли кланяться ей, умолять ее? Выдумалъ тоже!.. Да я порога къ ней никогда не переступлю и ее къ себѣ на порогъ не пущу!.. Я, батюшка, слава Богу, не проходимка какая-нибудь, чтобы якшаться Богъ знаетъ съ кѣмъ... Объясняться съ такою личностью!..

— Петръ Ивановичъ, изъ этого только худо выйдетъ,—осторожно вмѣшалась въ разговоръ Софья.—Вы знаете Олим-

Digitized by Google

ніаду Платоновну, чего она наговоритъ Евгеніи Александровнѣ.

— И наговорю, и наговорю! — строптиво воскликнула княжна.—Не стану же я за всякою кокоткой ухаживать и любезничать съ нею!

— И худо сдѣлаете, если не станете,—сказалъ Петръ Ивановичъ.—Надо переломить себя!

— Ну, батюшка, стара я, чтобы себя ломать!

— А дѣтей отдать легче?

— Да что вы всѣ одно и то же поете: дѣтей отдать, дѣтей отдать!—совсѣмъ гнѣвно сказала княжна.—Я ихъ не отдамъ—вотъ и все!

Она была на себя не похожа. Ея лицо осунулось, глаза лихорадочно блестѣли, руки дрожали. За послѣднее время она и безъ того плохо чувствовала себя и даже о чемъ-то таинственно совѣщалась съ Петромъ Ивановичемъ по поводу своего нездоровья. Теперь же она смотрѣла совсѣмъ разбитою.

— Вели карету нанять,—сказала княжна Софьѣ.

— Куда вы?—спросилъ Петръ Ивановичъ въ недоумѣніи.

— Ты ужъ думаешь, у меня и знакомыхъ нѣтъ умнѣе тебя,—сердито отвѣтила она.

— Не къ княгинѣ ли Марьѣ Всеволодовнѣ за совѣтами хотите ѣхать?—съ усмѣшкой спросилъ Петръ Ивановичъ.

— А вотъ увидишь, вотъ увидишь, кого на нее натравлю!—бормотала княжна.—Тоже не въ странѣ баши-бузуковъ какихъ-нибудь живемъ, найдутся и защитники для дѣтей. А то на—кому-нибудь капризъ придетъ дѣтей Богъ знаетъ куда бросить, такъ и подчиняйся этому капризу. Вѣдь я знаю, что ни любви, ни привязанности къ нимъ у нея нѣтъ, что просто обозлилась она на меня, ну, и хочетъ отплатить. Поостудить ее немножко надо... Это капризъ, капризъ и больше ничего!

Княжна быстро надѣвала шляпку, натягивала перчатки, торопясь ѣхать. Петръ Ивановичъ съ сомнѣніемъ качалъ головой. Какія-то нехорошія мысли и опасенія роились въ его головѣ. Онъ былъ увѣренъ, что княжна ничего не добьется. Болѣе всего раздражала мысль, что вся эта исторія затѣялась дѣйствительно ради простого каприза одной взбалмошной женщины, разсердившейся на другую, тоже не менѣе взбалмошную женщину. Изъ-за такихъ пустяковъ ставилась на карту участь только-что начинающихъ жить людей. Къ несчастію, Петръ Ивановичъ сознавалъ, что и онъ самъ не

Digitized by Google

могъ тутъ предложить своихъ услугъ: онъ явился бы плохимъ парламентеромъ, если бы ему пришлось вести переговоры съ Евгеніей Александровной.

Довольно поздно вернулась княжна домой; тяжело опираясь на руку лакея и придерживаясь за перила, поднялась она по лѣстницѣ; она прошла въ свой кабинетъ и молча, при помощи Софьи, стала раздѣваться. Ея губы были плотно сжаты, брови сурово сдвинуты, глаза смотрѣли какъ-то странно, безцѣльно впередъ. Софья не смѣла первая заговорить съ ней, предчувствуя что-то недоброе.

— Въ инвалидную команду отчислили насъ!—наконецъ, проговорила княжна сквозь зубы довольно невнятно.—Еще бы!.. Что я такое?.. Какой-то старый уродъ, живущій одной пенсіей!.. Отставная фрейлина!.. И княгиня Марія Всеволодовна недовольна мною, и супруга господина Ивинскаго изволитъ на меня гнѣваться, и кого-то тамъ еще обругала—всѣ возстановлены... Какъ же можно вступиться за меня, вмѣшаться по моей просьбѣ въ это дѣло?.. Госпожа Ивинская теперь персона! Мужъ ворочаетъ денежными дѣлами, всѣ ему въ глаза смотрятъ, его неудобно раздражать, раздражая его супругу...

Княжна говорила, какъ во снѣ. Она, видимо, была очень нездорова.

— Вотъ и мучайся, что смолоду не научилась душой кривить,—продолжала она еще болѣе невнятнымъ языкомъ.—Теперь бы могла поѣхать къ ней, расцѣловать ее, ублажить всякими любезностями, и конецъ бы весь... Такъ нѣтъ, не могу, не могу, не могу!... И послать некого... Петръ Ивановичъ... Да развѣ онъ сумѣетъ вести переговоры, тоже брякнетъ что-нибудь и только испортитъ дѣло... Дураки мы, дураки!...

Она вздохнула и съ тупымъ выраженіемъ лица, поникнувъ головой, задумалась.

— Да, не лучше ли всего,—начала осторожно Софья:—оставить это. Пусть Женичка не идетъ къ ней. Авось она немножко поуспокоится и забудетъ о немъ. Вѣдь это капризъ... это пройти можетъ...

— Да, да, капризъ!—повторила какъ бы безсознательно княжна.—Все капризъ: вотъ и я взяла дѣтей ради каприза, не отдаю ихъ ради каприза, мать бросила ихъ ради каприза, мать беретъ ихъ ради каприза... Въ игрушки играемъ... въ игрушки!.. Бѣдныя дѣти! бѣдныя дѣти!..

Княжна хотѣла подняться съ мѣста, начала какъ-то то-

Digitized by Google

ропливо разстегивать у горла душившій ее воротъ лифа и тяжело опустилась безъ силъ на диванъ. Ея голова и руки грузно упали, какъ у покойницы.

— Вамъ дурно?—воскликнула Софья.

— А ты ду-ма-ла, хо-ро-шо?—безсвязно и едва слышно пробормотала княжна заплетающимся языкомъ, и ея лицо вдругъ искривилось странной и непріятной гримасой, похожей на горькую ироническую усмѣшку.

Княжна уже лежала въ постели, когда явился Евгеній, и вслѣдъ за нимъ пришелъ снова Петръ Ивановичъ. У нея отнялись рука и нога, языкъ былъ тоже парализованъ, хотя она что-то безсвязно и торопливо бормотала, повидимому, сильно досадуя, что окружающіе ея не понимаютъ. Она поминутно хваталась здоровой рукой за воротъ кофты, точно ее все что-то душило. Призванный къ больной докторъ не подавалъ безусловныхъ надеждъ на выздоровленіе, но и не отчаивался въ немъ окончательно, толкуя пространно и наставительно объ осложненіяхъ, о необходимости спокойствія, о тщательномъ уходѣ за больной и разсуждая, что, вѣрно, все случилось отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія, отъ какихъ-нибудь непріятностей и что теперь болѣе всего нужно заботиться о томъ, чтобы эти потрясенія и непріятности не повторялись снова, такъ какъ это можетъ повлечь второй ударъ и тогда—конецъ... Онъ былъ правъ: княжна пережила въ этотъ день не мало разочарованій, уколовъ самолюбія, раздражающихъ сценъ. На нее смотрѣли, какъ на сумасшедшую, тѣ люди, которыхъ она просила «образумить Ивинскую». Ее рѣзко останавливали тѣ лица, которымъ она прямо рѣшалась называть госпожу Ивинскую «развратной женщиной», «кокоткой». Ей, наконецъ, благоразумно совѣтовали не ссориться съ госпожей Ивинской и попросить эту «милую и добрую особу» оставить дѣтей у нея, у княжны, хотя на время; это говорили тѣ личности, которыя, какъ полагала княжна, и на порогъ къ себѣ не могли пустить эту «развратницу». Но хуже всего было то, что княжнѣ намекнули о сомнительномъ поведеніи Евгенія, о его вредныхъ товарищескихъ связяхъ, объ опасномъ направленіи его воспитанія. Кто-то даже замѣтилъ ей, что она или не знаетъ, или не понимаетъ, какъ опасно давать мальчику полную свободу, дозволять ему якшаться Богъ знаетъ съ кѣмъ, отпускать его всюду, не справляясь, гдѣ онъ бываетъ, что говоритъ. Княжна сердилась, говорила рѣзкости и отовсюду уѣзжала ни съ чѣмъ. Она ѣхала домой въ какомъ-то чаду,

Digitized by Google

въ какомъ-то туманѣ, не зная, что дѣлать дальше, не имѣя силъ сдѣлать самое простое: мирно поговорить съ Евгеніей Александровной. Мирный разговоръ съ этой женщиной сразу уладилъ бы все къ обоюдному удовольствію; княжна сознавала это отлично, но въ то же время она сознавала, что этотъ разговоръ и пяти минутъ не продолжался бы мирно и повелъ бы къ самому крутому разрыву. Внезапная болѣзнь окончательно уничтожила возможность этихъ переговоровъ. Всѣ въ домѣ были смущены и встревожены этою болѣзнью и какъ-то особенно притихли, ожидая со страхомъ исхода недуга, возможной печальной развязки.

Среди этого общаго смущенія Петръ Ивановичъ однажды вспомнилъ, что Евгеній не знаетъ причины болѣзни княжны и что его нужно предупредить насчетъ намѣреній его матери. Вечеромъ онъ ушелъ съ Евгеніемъ въ комнату послѣдняго и осторожно передалъ ему все, что зналъ.

— Она можетъ васъ потребовать къ себѣ,—сказалъ онъ Евгенію.

— Я не оставлю ma tante въ такомъ положеніи,—коротко отвѣтилъ Евгеній.—Она сама пойметъ, я не могу бросить умирающую старуху, и не захочетъ, чтобы я ускорилъ смерть ma tante.

— Эхъ, вы не знаете своей матери!—сорвалось съ языка у Петра Ивановича, почему-то ожидавшаго всего скверная отъ Ивинской.

— Не знаю?—сказалъ Евгеній съ горькой усмѣшкой.—Полноте, Петръ Ивановичъ! Не мальчикъ я и не въ лѣсу жилъ я все это время! Слухомъ земля полнится, а слуховъ про госпожу Ивинскую въ городѣ ходило и ходитъ не мало. Ее и гимназисты знаютъ. Одинъ этотъ бракъ сколько шуму надѣлалъ!.. А бѣдный Михаилъ Егоровичъ Оленниковъ—сколько толковъ ходитъ въ кругу адвокатовъ о его нравственномъ паденіи!.. Вы помните, что я всегда избѣгалъ въ послѣднее время разговоровъ съ вами о ней—ну, это я дѣлалъ потому, что я лучше васъ знаю, что это за женщина... Говорить-то было не весело о томъ, что разсказывали о ней... да и забыть хотѣлось о ней...

— Что же вы думаете сдѣлать?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Женичка, васъ спрашиваетъ Олимпіада Платоновна,—сказала Софья, входя въ комнату.—Тревожится, что васъ нѣтъ.

Евгеній поспѣшно вошелъ въ спальню княжны. Больная

Digitized by Google

протянула къ нему дрожащую руку и забормотала безсвязно, едва понятно:

— Тутъ... боялась... увели... боялась!..

Ея глаза свѣтились свѣтомъ радости, и въ ихъ выраженіи было что-то ребяческое, какая-то дѣтская неосмысленность была теперь въ этомъ взорѣ.

— Не надо... уходить не надо!—опять забормотала она, и ея лицо приняло жалобное, почти плачущее выраженіе.— Уведутъ... совсѣмъ... не надо... не надо!..

— Я никуда не уйду, ma tante, — отвѣтилъ Евгеній, у котораго слезы навернулись на глаза.—Будьте покойны. Не волнуйтесь. Вамъ нужно спокойствіе. Мнѣ некуда уходить. Я съ Петромъ Ивановичемъ здѣсь рядомъ въ комнатѣ сижу.

По лицу больной опять скользнула дѣтская улыбка, и было какъ-то тяжело видѣть это сморщенное, старческое лицо, безсмысленно улыбающееся одной стороной, съ немного искривленнымъ на сторону ртомъ.

Евгеній снова вернулся въ свою комнату.

— Я вамъ не отвѣтилъ, что я хочу сдѣлать, — сказалъ онъ Петру Ивановичу. — Я схожу къ ней и скажу ей, что теперь я не могу переѣхать къ ней, что было бы грѣшно отравлять послѣднія минуты ma tante, а что послѣ...

Онъ остановился, переводя духъ.

— А послѣ, Петръ Ивановичъ, когда умретъ ma tante,— продолжалъ онъ въ волненіи:—о, они могутъ требовать отъ меня всего, чего имъ хочется... Мнѣ будетъ все равно...

— Ну, полноте, не умретъ Олимпіада Платоновна,—задушевно сказалъ Петръ Ивановичъ.—Не волнуйтесь заранѣе.

— Я не волнуюсь... чего же волноваться,—сказалъ Евгеній глухимъ голосомъ.—Что назначено, того не обойдешь... фатально какъ-то складывается вся жизнь...

Петръ Ивановичъ ушелъ домой поздно. Евгеній остался одинъ и не спалъ почти всю ночь. Невеселыя думы роились въ его головѣ. Ему вспоминалась вся пережитая имъ жизнь: она не была какимъ-нибудь сплошнымъ страданіемъ, какимъ-нибудь рядомъ бѣдствій; онъ не испыталъ ни голода, ни холода, ни ожесточенной вражды людей, ни послѣдовательныхъ притѣсненій, но все совершившееся съ нимъ было какъ-то случайно, безпричинно, безсмысленно, глупо; ни за что, ни про что, его бросили разошедшіеся отецъ и мать; ни съ того, ни съ сего пріютила и полюбила его тетка, не видавшая его прежде ни разу въ жизни и привязавшаяся къ нему ради своей скуки, ради своего одиночества, какъ могла бы

Digitized by Google

она привязаться къ котенку, къ собачонкѣ; спасая его отъ отца, увезли его въ деревню, хотя могли точно такъ же оставить и въ городѣ; подчиняясь совѣту первой встрѣчной родственницы, отдали его въ пошлый пансіонъ и взяли оттуда ради первой случайной передряги; безъ всякой серьезной причины, ради городскихъ толковъ и сплетенъ, вспомнила о немъ мать и изъ мелкой ненависти къ его воспитательницѣ требуетъ теперь его къ себѣ. Что-то въ родѣ чувства обиды закопошилось въ душѣ юноши при мысли, что онъ былъ весь вѣкъ игрушкою безсмысленнаго случая и плохо мыслящихъ людей, что такою же игрушкою ему предстоитъ быть и въ близкомъ будущемъ, если умретъ или если выздоровѣетъ княжна. Въ его воображеніи нарисовалась картина его встрѣчи съ матерью, жизни у ней въ домѣ. Что онъ долженъ дѣлать? Лгать передъ нею, притворяясь если не любящимъ, то, по крайней мѣрѣ, покорнымъ сыномъ? Слушать скандалезные толки людей о ея жизни и вступаться за нее или порицать ее и глумиться надъ нею вмѣстѣ съ этими людьми? «И неужели у всѣхъ складывается жизнь такъ безцѣльно и безсмысленно?—шевелились въ его головѣ вопросы.—Неужели всѣ люди въ дѣтствѣ и въ юности являются только какими-то игрушками, пѣшками, которыя безъ смыслу и безъ цѣли переставляются съ мѣста на мѣсто?..» «И къ чему я приготовленъ? какой путь избралъ я окончательно? какія цѣли манятъ меня въ жизни на борьбу, изъ-за чего я рѣшусь вынести все, чтобы только достигнуть желаемаго?»—спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта. Онъ только начиналъ болѣе серьезно развиваться, прислушиваться къ толкамъ молодежи, вникать въ то, что совершается вокругъ него. Его мысли не приняли еще никакого опредѣленнаго направленія, его сердце еще не волновалось и не замирало при мысли о томъ или другомъ призваніи, о той или другой дорогѣ. Въ его душѣ воцарились теперь какая-то пустота, какой-то туманъ, какія-то сумерки. «Какая цѣль въ жизни была у княжны?—спрашивалъ онъ себя мысленно. — Какая цѣль была у Софьи? Какая цѣль была у Петра Ивановича? Цѣль одна: имѣть столько средствъ, чтобы жить, сводить концы съ концами, пить, ѣсть и спать, не обижая другихъ и не позволяя обижать себя. И только, и только? Стоитъ ли для этого мучиться, волноваться, работать, если можно»... Евгеній вдругъ точно оборвалъ теченіе своей мысли, нахмурилъ лобъ и заходилъ по комнатѣ. Ему становилось жутко и страшно. «О, счастливы Донъ-Кихо-

Digitized by Google

ты!»—вдругъ промелькнула въ его головѣ его старая, вѣчно возникавшая въ его мозгу мысль, и эта голова опустилась еще ниже въ сознаніи, что ни жизнь, ни люди не воспитали въ немъ покуда той вѣры въ пользу какого-нибудь дѣла, въ возможность этого дѣла, въ средства сдѣлать это дѣло, которая создаетъ изъ людей Донъ-Кихотовъ. Не легко сдѣлаться такимъ Донъ-Кихотомъ тому, чье дѣтство и чья юность прошли въ думахъ только о самомъ себѣ, о своихъ собственныхъ скорбяхъ, о своихъ будущихъ невзгодахъ. Эти думы суживаютъ кругозоръ, очерствляютъ сердце, пріучаютъ къ безплодному нытью о своихъ собственныхъ мелкихъ печаляхъ, не даютъ возможности проникаться страданьями другихъ людей. И гдѣ же донкихотствовать и думать о другихъ тому, кому и теперь прежде всего приходится отстаивать свою самостоятельность, изобрѣтать средства для избѣжанія житья въ домѣ полузабытой, неуважаемой, нелюбимой матери.

— Я ни на что не годный человѣкъ,—рѣшилъ Евгеній.— Вся моя задача бороться за право своего самостоятельнаго существованія, которое покуда никому не нужно и прежде всего мнѣ самому... А въ будущемъ... Да выйдетъ ли изъ меня что-нибудь путное въ будущемъ?

Въ этихъ думахъ его засталъ невеселый разсвѣтъ сѣренькаго весенняго дня...

VIII.

Евгеній, подходя къ дому, гдѣ жила его мать, испытывалъ совершенно новое для него, еще неизвѣданное имъ чувство. Это была трусость, это былъ страхъ ребенка, боящагося того, что ему скажутъ старшіе, распоряжающіеся и имѣющіе право распоряжаться его судьбой. Можетъ-быть, ему сдѣлаютъ строгій выговоръ, можетъ-быть, на него станутъ кричать, можетъ-быть, ему наговорятъ дерзостей. Что дѣлать? Что отвѣчать? Какъ держать себя? Онъ можетъ какой-нибудь неосторожной фразой раздражить еще болѣе мать, и тогда... «Да не удержитъ же она меня силой? Я не ребенокъ!»—подбадривалъ онъ себя и въ то же время тревожно спрашивалъ себя: «А если?» Онъ не зналъ матери, онъ забылъ ее, онъ помнилъ смутно, что она говорила капризнымъ голосомъ ему и Олѣ: «ступайте, вы надоѣли!» Больше онъ ничего не помнилъ теперь. Кромѣ того, онъ сознавалъ, что мать, бросившая его, забывшая его надолго, не могла любить его. Добродушія и мягкости онъ не могъ

Digitized by Google

ждать отъ той, которая по какому-то капризу хотѣла отнять брошенныхъ ею дѣтей отъ женщины, любящей ихъ горячо, отдавшей имъ всю себя. Все это не обѣщало ему ничего добраго во время предстоявшаго ему свиданія. Правда, Оля говорила ему мелькомъ, что мать плакала и нѣжничала при свиданіи съ ней, съ Олей, но онъ даже не вслушался тогда въ эти разсказы, не желая ни думать, ни говорить о матери, и не могъ составить себѣ теперь никакого яснаго представленія о характерѣ этой женщины. До сихъ поръ онъ слышалъ смутные толки о ея поведеніи, о ея замужествѣ — объ этомъ предметѣ говорилъ весь городъ, называя старика Ивинскаго «выжившимъ изъ ума», «сумасшедшимъ» за его женитьбу на этой женщинѣ, бросившей мужа, доведшей до гибели перваго своего любовника, завязывавшей интрижки съ кѣмъ попало,—но никто изъ говорившихъ про его мать не могъ ему описать ея характеръ, и теперь это было ему досадно: онъ не зналъ, какъ ему придется себя держать съ нею, не могъ подготовиться къ отвѣтамъ. Но идти было нужно во избѣжаніе новыхъ писемъ къ княжнѣ, во избѣжаніе какихъ-нибудь насильственныхъ мѣръ для водворенія его въ родительскій домъ. Княжна, какъ мы видѣли, очень серьезно отнеслась къ письму Евгеніи Александровны; не менѣе серьезно взглянулъ на это дѣло и Евгеній, хотя онъ и не могъ понять, зачѣмъ онъ вдругъ понадобился матери.

У него дрожала рука, когда онъ взялся за ручку двери парадная подъѣзда въ домѣ Ивинскихъ. Онъ едва совладалъ съ собою, чтобы сказать лакею спокойно и твердо, что онъ желаетъ видѣть Евгенію Александровну, и ясно назвать свое имя.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ одной изъ роскошно убранныхъ гостиныхъ, заставленной тропическими растеніями, зеркалами въ золоченыхъ рамахъ и дорогими фарфоровыми бездѣлушками, стройная и высокая женщина въ локонахъ, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ вырѣзкой на полной шеѣ, уже прижимала къ губамъ голову юноши, восклицая мягкимъ щебечущимъ голосомъ:

— Eugène, mon enfant.

Евгеній не могъ себѣ дать отчета: поцѣловалъ ли онъ мать, приложился ли ей къ рукѣ, сказалъ ли ей что-нибудь. Первая фраза, которую онъ услышалъ и которая нѣсколько озадачила его послѣ привѣтственныхъ словъ, было полное восторга восклицаніе Евгеніи Александровны:

Digitized by Google

— Mais comme tu es beau!

Она прежде всего увидала въ немъ красавца, а не сына.

Онъ уже сидѣлъ на мягкомъ диванѣ подлѣ этой все еще прекрасной женщины, казавшейся такою цвѣтущею въ черномъ бархатѣ, въ обильныхъ локонахъ, разсыпавшихся по ея шеѣ, по ея спинѣ. Отъ нея вѣяло тонкимъ ароматомъ духовъ, какою-то свѣжестью выхоленнаго женскаго тѣла. Ея мягкій и гибкій голосъ переливался такими нѣжными, ласкающими нотами.

— Злой, злой, до сихъ поръ не хотѣлъ дать мнѣ возможности взглянуть на себя! — говорила она, положивъ къ себѣ на колѣни его руку и гладя ее своею мягкою выхоленною рукою.

— Я не зналъ,—началъ онъ въ смущеніи и въ какомъ-то чаду.

— Вѣдь Оля тебѣ говорила, что я прошу тебя заѣхать?..— перебила она его.—Я сама не могла. Меня не пустили бы къ тебѣ! О, Eugène, я такъ много, много выстрадала! Но ты уже большой, ты это долженъ отчасти понимать. Когда-нибудь я тебѣ разскажу все, все! Мы вѣдь будемъ друзьями! Такъ?

— Я постараюсь, — опять началъ онъ, слегка наклоняя голову.

— Ты вѣдь останешься у меня,—опять заговорила она, не слушая.—Я такъ рада...

Онъ тихо и пугливо прервалъ ее.

— Но не сегодня, — сказалъ онъ. — Я именно за тѣмъ заѣхалъ къ вамъ, чтобы предупредить васъ, что я не могу на нѣкоторое время бывать у васъ часто и оставаться долго. Ma tante умираетъ.

— Умираетъ? O pauvre vieille! — съ искреннимъ чувствомъ воскликнула Евгенія Александровна.

Это восклицаніе опять озадачило его: тутъ было искреннее сожалѣніе и ни тѣни злобы или нерасположенія къ старухѣ. Казалось, Евгенія Александровна была искреннѣйшимъ другомъ княжны.

— Но что съ нею?—спросила Ивинская.

— У нея параличъ,—отвѣтилъ Евгеній.—Вы понимаете, что ее нельзя бросить мнѣ въ такомъ положеніи... она постоянно зоветъ меня...

— Милый мальчикъ, я узнаю въ тебѣ мое сердце!—воскликнула Евгенія Александровна и сжала руку сына.—Да, да, ты долженъ быть при ней, это твой долгъ! Люди прежде всего должны слушаться голоса своего сердца...

Digitized by Google

И вдругъ она перемѣнила торжественный тонъ на шутливый.

— Ну, а наше сердчишко уже начинаетъ биться?—спросила она, дотрагиваясь нѣжно до груди сына.—Я слышала, что насъ окружаютъ не одни юноши, а и барышни?.. Конечно, мы заглядываемся на хорошенькія личики?

Въ эту минуту въ комнату вошелъ старикъ средняго роста въ черномъ фракѣ, съ офиціально подстриженными сѣдыми бакенбардами, съ небольшой лысиной на головѣ. Это былъ Ивинскій.

— Ты готова?—спросилъ онъ Евгенію Александровну и, увидавъ сидѣвшаго рядомъ съ нею юношу, вопросительно поднялъ брови.

— Жакъ, это мой мальчикъ! — съ любовью проговорила Евгенія Александровна, указывая мужу на сына.—Eugène, c'est ton beau-père!

Евгеній вѣжливо раскланялся съ Ивинскимъ. Старикъ равнодушно пожалъ ему руку:

— C'est un brave garçon!—продолжала Евгенія Александровна.—И взгляни, какъ онъ милъ? Не правда ли?.. И еще эта Марья Всеволодовна осмѣливается говорить, qu'il n'a pas de manières! Mais il est adorable!.. А знаешь, бѣдная княжна въ параличѣ!.. Мнѣ такъ больно, что это случилось тогда, когда между нами возникла маленькая пикировка... Я посѣтила бы ее, а теперь нельзя... это ее встревожитъ... Мнѣ такъ досадно, такъ досадно!..

Евгеній опять стоялъ въ недоумѣніи, слушая это щебетанье «о маленькой пикировкѣ», ради которой княжна, быть-можетъ, должна была сойти въ могилу.

— Что же, онъ поѣдетъ съ нами? Или ты останешься дома?—спросилъ Ивинскій, взглянувъ на часы.

— Ахъ! какъ можно!.. Онъ спѣшитъ къ больной, и ему не до концерта, — торопливо заговорила Евгенія Александровна. — Онъ такой любящій ребенокъ... Но послѣ... ты, Eugène, будешь моимъ спутникомъ вездѣ, въ театрахъ, на балахъ!.. Я воображаю, Жакъ, какъ всѣ будутъ говорить: «какъ прелестенъ вашъ братъ». «Братъ? Что вы! Это мой сынъ! Я уже старуха!..» Вѣдь, право, это трудно повѣрить. Взгляни, онъ даже выше меня ростомъ...

Она взяла Евгенія за руку и встала съ нимъ рядомъ передъ зеркаломъ.

— Да, да, выше!—проговорила она.—Просто глазамъ не вѣрится... Да, Жакъ, я говорила тебѣ, что я старуха... ну,

Digitized by Google

вотъ теперь и самъ видишь!.. Однако, пора!.. Ну, до свиданья!

Евгеній, стоявшій какъ на горячихъ угольяхъ, сталъ откланиваться.

— Eh bien? — сказала Евгенія Александровна сыну. — Embrassez moi sur la joue.

Она подставила Евгенію свою розовую щеку и засмѣялась.

— Онъ, Жакъ, стѣсняется со мной, какъ съ молоденькой женщиной, забывая, что я мать!—проговорила она и, взявъ двумя пальцами Евгенія за щеки, поцѣловала его въ губы.— Не извольте краснѣть и помните, что я ваша старуха-мать, а вовсе не молоденькая женщина!—съ комичной строгостью сказала она и, вдругъ что-то вспомнивъ, добавила:—Ахъ, а я тебѣ и забыла показать нашихъ малютокъ... маленькія куклы!.. Но вѣдь ты скоро заѣдешь? Да?

Евгеній поблагодарилъ мать и откланялся.

Онъ вышелъ изъ дому Ивинскихъ съ какою-то пустотою въ головѣ, въ сердцѣ.

Такъ вотъ та женщина, о которой ходитъ столько позорныхъ слуховъ въ городѣ, та женщина, которая такъ бездушно бросила своихъ дѣтей, та женщина, письмо которой уложило въ постель княжну! Стоило княжнѣ приласкать ее — и никогда не вздумала бы она брать къ себѣ дѣтей; стоило самому Евгенію десятокъ разъ поцѣловать ей ручки и губки — и она позволила бы ему жить, гдѣ ему угодно, простила бы ему всякіе пороки, всякія продѣлки. И именно теперь, сознавая вполнѣ, какъ легко было войти во всякія сдѣлки съ этой женщиной, Евгеній ясно чувствовалъ, что княжна не могла ласкать ее, какъ друга, что онъ не можетъ цѣловать ее, какъ мать. Вспоминая всѣ мелочи этого свиданія съ матерью, онъ конфузился и краснѣлъ, самъ не понимая ясно, почему. Онъ стыдился за нее.

Евгеній вернулся домой, какъ въ воду опущенный. Онъ притихъ, какъ будто принизился и съежился. Сдвинувъ брови, опустивъ глаза и покусывая ногти, онъ просидѣлъ довольно долго въ мрачномъ раздумьи у себя въ комнатѣ и, казалось, забылъ все на свѣтѣ, кромѣ своей встрѣчи съ матерью. Пришедшій въ домъ княжны Петръ Ивановичъ спросилъ Евгенія:

— Ну что, были у нея?

— Былъ,—коротко отвѣтилъ Евгеній.

— На чемъ же покончили?

— Ничего, все пустяки, я остаюсь здѣсь, — разсѣянно сказалъ Евгеній.

Digitized by Google

— Значитъ, не очень горячились и злились.

— На нее нельзя сердиться.

Петръ Ивановичъ удивился.

— Ужъ не сыновнія ли чувства пробудились?—насмѣшливо замѣтилъ онъ.

— Она жалка,—коротко отвѣтилъ Евгеній.

— Ну, батенька, такихъ-то жалѣть — много будетъ. Довольно, чтобы сожалѣнья и на тѣхъ хватило, которые сидятъ безъ хлѣба...

— Ахъ да, вы все съ этой точки зрѣнія, — разсѣянно замѣтилъ Евгеній.

Петръ Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Да что вы точно вареный или въ воду опущенный?— спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Право, не знаю... не по себѣ что-то, — отвѣтилъ неохотно Евгеній.

— Смотрите, не расхворайтесь сами!

— Ну, вотъ еще!

Разговоръ не клеился.

Евгеній не испытывалъ еще никогда ничего подобнаго тому, что было теперь съ нимъ. Онъ ходилъ точно человѣкъ, потерявшій что-то. Ему не хотѣлось ни говорить, ни думать о матери. Сперва изъ отрывочныхъ слуховъ и толковъ онъ составилъ о своей матери понятіе, какъ о женщинѣ, кутящей, какъ о личности, умѣющей обдѣлывать свои дѣла, съ которой нужно быть насторожѣ, держать, какъ говорится, ухо востро. Теперь передъ нимъ предстало такое полное нравственное ничтожество, съ которымъ было невозможно даже бороться. Онъ не могъ даже представить себѣ, что онъ станетъ дѣлать, если умретъ Олимпіада Платоновна, и онъ неизбѣжно попадетъ въ домъ матери. Онъ сознавалъ, что она вовсе не заботится о немъ, какъ о сынѣ, что она вовсе не была бы опечалена, если бы онъ жилъ не у нея, но въ то же время онъ видѣлъ ясно, что, сказавъ ей «я не хочу у васъ жить», онъ раздражитъ ее и заставитъ ее настаивать именно на томъ, чтобы онъ жилъ у нея. Но жить у нея спокойно и безпечально можно съ однимъ условіемъ — ласкаться къ ней, льстить ей и жить ея жизнью. Она не разсердилась бы ни за какой его разгулъ и развратъ, но она стала бы придираться къ нему и и мелочно тиранить его, если бы онъ не сталъ цѣловать ей ручекъ, если бы онъ вздумалъ систематически отказываться отъ катаній и разъѣздовъ съ нею, если бы онъ осмѣ-

Digitized by Google

лился сдѣлать ей какое-нибудь замѣчаніе. Но онъ чувствовалъ, что онъ менѣе всего способенъ притворяться именно съ нею. Что же онъ будетъ дѣлать? какъ будетъ поступать? На это онъ не могъ дать отвѣта: онъ искалъ этого отвѣта и не находилъ; въ душѣ была какая-то пустота, одно сознаніе, что онъ несчастливъ, что онъ можетъ только презирать эту женщину и стыдиться каждаго ея шага, каждаго ея движенія, каждаго ея слова. Рядомъ съ этими тяжелыми думами шли другія думы, вызванныя угнетеннымъ состояніемъ духа. Евгенію казалось, что и онъ самъ такая мелкая, тряпичная, безсильная и безцвѣтная личность, изъ которой выйдетъ мало проку. До сихъ поръ у него бывали иногда эти минуты самобичеванія, минуты потери вѣры въ себя, но онъ, какъ говорится, подтягивался, подбадривалъ себя, старался бороться съ этимъ упадкомъ силъ. Теперь было не то: ему казалось, что его внутреннее безсиліе есть нѣчто роковое, неизбѣжное, неотразимое. Онъ вспоминалъ газетныя характеристики отца, какъ человѣка мелкаго, легкомысленнаго, ничтожнаго по нравственности и по характеру; онъ сознавалъ, что и его мать нисколько ни лучше, ни выше, ни сильнѣе его отца. Чѣмъ же могли быть дѣти такихъ родителей? Могли ли эти родители надѣлить дѣтей какой-нибудь силой, какими-нибудь хорошими задатками? А воспитаніе? Это была какая-то смѣсь случайностей и капризовъ. Единственно, что было хорошаго въ этомъ воспитаніи, такъ это то, что оно находилось въ рукахъ добрыхъ людей. И тетка, и Софья, и Петръ Ивановичъ были добрыми людьми. Но и только, и только! И онъ, и Оля выросли тоже только добрыми дѣтьми: это была, какъ ему теперь казалось, ихъ единственная положительная добродѣтель. Они не были ни особенно умны, ни особенно свѣдущи, ни особенно трудолюбивы: они были только добрыя дѣти. Это такъ мало, съ этимъ далеко не уйдешь. Наконецъ, ему вспоминалась пословица: доброта хуже воровства. Не будетъ ли онъ вслѣдствіе добродушія сначала сдержанъ съ матерью, чтобы не оскорбить ее; не поддастся ли онъ потомъ по добродушію же на тѣ или другія ея требованія, боясь уязвить ее; не затянется ли онъ постепенно ради добродушія въ тотъ омутъ, въ который уже не разъ затягивала его мать многихъ и многихъ людей. Онъ рылся въ своей душѣ, онъ старался ясно разглядѣть свое будущее; онъ доходилъ до утомленія, перебирая и перетасовывая всѣ эти вопросы, какъ бы въ какомъ-то чаду, въ бреду

Digitized by Google

во снѣ. Иногда онъ вдругъ, какъ бы очнувшись, старался отогнать эти мысли, не думать ни о чемъ, жить изо дня въ день, не подготовляясь къ событіямъ, которыя еще не были ему извѣстны заранѣе. Но тутъ же въ его головѣ являлась мысль: «это желаніе отогнать мысли должно быть наслѣдіе матери: она тоже старается ни о чемъ не думать, поступаетъ какъ Богъ на душу положитъ въ данную минуту; сперва выкинетъ штуку въ родѣ письма къ ma tante, а потомъ, когда эта выкинутая штука чуть не убьетъ человѣка, говоритъ: o pauvre vieille!» Затѣмъ ему приходило въ голову, что такихъ людей, какъ онъ, надо воспитать въ суровой школѣ строгостей и лишеній, чтобы закалить ихъ, научить бороться, пріучить быть настороже и не распускаться, не расплываться. А его воспитали какъ разъ при другихъ условіяхъ: у него все было готовое, а близкіе люди только гладили по головкѣ и старались убаюкать его. Ему теперь было даже досадно, что главнымъ его руководителемъ былъ Петръ Ивановичъ, человѣкъ безспорно не глупый, честный и добрый, но слишкомъ юный, безхарактерный, слабый, неспособный повліять на другихъ, а самъ подчиняющійся чужимъ вліяніямъ. «Да, это точно, человѣкъ отрицательныхъ добродѣтелей и пассивной любви къ ближнимъ»,—мысленно говорилъ теперь Евгеній про Петра Ивановича, вспомнивъ, что разъ въ минуту самобичеванія именно такъ назвалъ самъ себя Рябушкинъ, прибавивъ къ этому: «И всѣ мы таковы, русскіе сердечные люди и либеральные теоретики». Такимъ же прекраснодушнымъ теоретикомъ выйдетъ и онъ, Евгеній. Да и чѣмъ инымъ могъ онъ сдѣлаться подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ людей, про которыхъ говорилъ Петръ Ивановичъ: «всѣ мы честные люди — платковъ чужихъ не таскаемъ, потому что свои есть», а Олимпіада Платоновна замѣчала: «еще бы насъ не считать добрыми— сейчасъ грошъ близкимъ готовы бросить, чтобы онѣ не надоѣдали намъ своими слезами». Эти безплодныя, но тѣмъ не менѣе назойливыя Grübeleien все развивались и развивались въ умѣ Евгенія, точно нить какого-то безконечнаго клубка, не приводя его ни къ какимъ утѣшительнымъ выводамъ и рѣшеніямъ.

Хуже всего было то, что около Евгенія не было даже человѣка, которому онъ могъ бы высказать все то, что тревожило его. Правда, онъ могъ повѣрять всѣ свои тайныя думы Петру Ивановичу, но, къ несчастію, Петръ Ивановичъ многаго не понималъ въ Евгеніи, на многое смо-

Digitized by Google

трѣлъ слишкомъ легко. Евгенію даже начинало иногда казаться, что они становятся все болѣе и болѣе чуждыми другъ другу, смотря на вещи съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Всѣ ихъ разговоры теперь не приводили ни къ какимъ результатамъ, оканчивались ничѣмъ, вызывали раздраженіе. Разъ какъ-то Петръ Ивановичъ посовѣтовалъ Евгенію поменьше утомлять себя, побольше заботиться о своемъ здоровьи.

— Вредно такъ насиловать себя,—говорилъ Рябушкинъ.

— Ахъ, полноте!.. Вредно, вредно!—проговорилъ раздражительно Евгеній. — Ну, что можетъ изъ этого выйти?... Умру? Ну, и слава Богу!.. Землю-то такъ коптить не очень весело...

— Да вы это кого своей смертью-то обрадовать хотите?—спросилъ Петръ Ивановичъ насмѣшливо. — Госпожѣ Ивинской руки развязать хотите? Избавить господина Ивинскаго отъ лишняго пасынка желаете? Нашли о комъ заботиться!

— Вовсе я не о нихъ забочусь, а надоѣла эта глупая жизнь какой-то тряпки, которою всѣ помыкать могутъ,— отвѣтилъ Евгеній нетерпѣливо.

— А вы попробовали измѣнить эту жизнь?—задалъ вопросъ Петръ Ивановичъ.—Нѣтъ, вы трусите, да малодушествуете, голубчикъ, вотъ и все.

— Вотъ то-то и скверно, что во всемъ и вездѣ до сихъ поръ все трусилъ и малодушествовалъ,—отвѣтилъ Евгеній, и въ его голосѣ зазвучало презрѣніе къ себѣ.—Это, значитъ, у меня уже въ натурѣ, а съ такой натурой лучше не жить...

— Ну, съ вами теперь и говорить-то нельзя, а то вы все сказку о бѣломъ бычкѣ повторяете: «натура дрянная, значитъ, и жить нельзя; жить нельзя, потому что натура дрянная!»—сказалъ Петръ Ивановичъ, махнувъ рукой. — Нервы это у васъ шалятъ... А вы вотъ постарайтесь попробовать жить, да натуру-то переработать. На то у людей и мозги, чтобы перерабатывать свою натуру, да не быть игрушкою какихъ-то стихійныхъ силъ. А такъ-то, смертью вопросъ о жизни рѣшая, только одного и дождешься, что надъ твоимъ трупомъ люди скажутъ: «дрянцо былъ человѣкъ, туда ему и дорога!»

— Ахъ, что мнѣ до того, что скажутъ обо мнѣ послѣ моей смерти! — рѣзко проговорилъ Евгеній. — Точно я это услышу... Вы же научили не вѣрить въ это...

— Все это вы говорите потому, что усилія надъ собой не хотите сдѣлать,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

Digitized by Google

— Сдѣлать усиліе надъ собой!.. — повторилъ Евгеній.— Этотъ совѣтъ, Петръ Ивановичъ, еще у Диккенса, кажется, госпожѣ Домби ея родственница давала,—а госпожа Домби все-таки не вынесла родовъ и умерла...

По лицу Евгенія скользнула горькая усмѣшка.

Иногда среди этихъ разговоровъ, которые были довольно тяжелы для совершенно растерявшагося Петра Ивановича, не знавшаго, что дѣлается съ его любимымъ воспитанникомъ, Евгеній раздражался довольно сильно и замѣчалъ Рябушкину:

— Мы, Петръ Ивановичъ, во многомъ расходимся, многаго не можемъ понять другъ въ другѣ... Вы вотъ можете подшучивать, разсказывая о какомъ-то своемъ дядѣ—извергѣ и пьяницѣ, о какомъ-то его сынѣ—мошенникѣ и мерзавцѣ, а я—во мнѣ все болитъ и ноетъ, когда я вспоминаю, что я сынъ вора, что я сынъ погибшей женщины... Вы вотъ часто съ шуточкой говорите, что вы со своимъ дядей-негодяемъ теперь первѣйшіе друзья, то-есть, что вы спокойно принимаете этого негодяя къ себѣ и ходите къ нему, а я—мнѣ было бы противно быть даже въ одной комнатѣ съ тѣми, кого я презираю, кого я не могу любить... Я не знаю, кто изъ насъ правъ, но я знаю только одно, что я не могу понять вашихъ отношеній къ людямъ, а вы вѣрно никогда не поймете моихъ...

— Что-жъ тутъ не понять-то: брезгливости барской у меня нѣтъ,—добродушно отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— А у меня, Петръ Ивановичъ, вашей бурсацкой неразборчивости нѣтъ,—проговорилъ рѣзко Евгеній.

— Ну, батенька, набаловали васъ,—сказалъ Рябушкинъ.— А если очень-то станете разбирать, такъ и одинъ, какъ перстъ, останетесь...

— А если не очень-то разбирать, такъ и съ головой уйдешь въ шайку негодяевъ,—такъ же рѣзко отвѣтилъ Евгеній.

Какъ-то разъ Евгеній спросилъ Петра Ивановича:

— Ну, вотъ умретъ ma tante, пожелаетъ мать, чтобы я переѣхалъ къ ней, что тогда дѣлать?

— Ну, можетъ-быть, она и согласится, чтобы вы не жили у нея,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— На какомъ основаніи я откажусь жить или бывать у нея? Что я скажу ей въ оправданіе своего нежеланія быть у нея, видѣть ее?—спросилъ Евгеній.

— Ну...

Рябушкинъ замялся, не зная что сказать. Евгеній при-

Digitized by Google

стально посмотрѣлъ на него, вздохнулъ и отвернулся. Онъ понималъ, что отъ Рябушкина тутъ нечего ждать совѣтовъ.

— Я не думаю даже, чтобы она очень настаивала на вашемъ переѣздѣ къ ней, — началъ, спустя минуту, Петръ Ивановичъ.—Что вы ей? На что нужны? Такія женщины рады только отдѣлаться отъ дѣтей. Если бы Олимпіада Платоновна тогда похладнокровнѣе отнеслась къ письму Евгенія Александровны, переговорила бы съ ней мирно и серьезно, ничего бы этого и не вышло...

Евгеній посмотрѣлъ на Петра Ивановича и усмѣхнулся.

— Странно какъ это, Петръ Ивановичъ,—сказалъ онъ:— спросишь у васъ положительнаго совѣта — молчите, а дойдетъ дѣло до теоретическихъ разсужденій, да размышленій— вы первый ихъ развивать готовы...

— Ссоримся мы что-то съ вами нынче, голубчикъ, часто,—добродушно замѣтилъ Рябушкинъ.—Это нервы, нервы у васъ!..

— Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, я васъ люблю попрежнему, но...

Евгеній остановился на минуту и потомъ кончилъ начатую фразу:

— Ужъ очень вы не хитро на жизнь и на людей смотрите!.. Послушаешь васъ, такъ все такъ просто, а на дѣлѣ-то выходитъ далеко не то. Вотъ вы говорите: *можетъ-быть,* мать и не пригласитъ меня къ себѣ, *вѣроятно*, она и согласится не видать меня... А я васъ спрашиваю: что сказать ей, если она пригласитъ меня къ себѣ? На это-то вы и не отвѣчаете.

— Ну, да ужъ если надо непремѣнно жить у нея или видѣться съ ней, то переломите себя,—сказалъ Петръ Ивановичъ.—Убудетъ васъ, что ли, если вы покривите немного душой и будете съ нею хоть по внѣшности любезны...

По лицу Евгенія опять скользнула улыбка.

— Какъ это все легко, какъ это все легко!—проговорилъ онъ. — А до какихъ границъ надо кривить душой? Насколько нужно быть любезнымъ?

— А настолько, насколько это нужно для достиженія своей цѣли, то-есть для возможности жить, а не умирать, — сказалъ Петръ Ивановичъ.—Когда нужно отстаивать свое существованіе,—всѣ средства хороши.

— Да?—спросилъ Евгеній не безъ удивленія.

— Да,—отвѣтилъ Рябушкинъ.—Вонъ философъ Гоббезъ поумнѣе насъ съ вами былъ, да и посильнѣе, а и онъ говорилъ: «если бы меня бросили въ глубокій колодезь, а

Digitized by Google

дьяволъ предложилъ бы мнѣ на помощь свою козлиную ногу, такъ я, не задумываясь, ухватился бы и за нее».

— А у этого философа, Петръ Ивановичъ, нѣтъ свѣдѣній насчетъ того, что бы онъ сдѣлалъ, если бы дьяволъ, прежде чѣмъ вытащить его изъ колодца, заставилъ его ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ обнимать и ласкать его, дьявола?— спросилъ Евгеній.

Петръ Ивановичъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Нѣтъ-съ, этого онъ, должно-быть, не предвидѣлъ, — проворчалъ онъ. — Нервы у васъ, батенька, нервы разстроены!..

Петръ Ивановичъ очень часто повторялъ эту фразу, но едва ли отъ нея успокоивались нервы Евгенія...

А Олимпіадѣ Платоновнѣ почти не становилось лучше. Языкъ ея выговаривалъ слова съ большимъ трудомъ; мозгъ, повидимому, дѣйствовалъ плохо, и старуха какъ будто не вполнѣ ясно сознавала, что дѣлается вокругъ нея. Докторъ не подавалъ никакихъ надеждъ, а ограничивался глубокомысленными замѣчаніями насчетъ того, что «бѣда съ этими, такъ-называемыми, крѣпкими натурами; крѣпки онѣ, крѣпки, а свалятся разъ, такъ потомъ и не поднимешь ихъ ничѣмъ», и кромѣ того все настаивалъ на необходимости полнаго спокойствія, такъ какъ ударъ можетъ повториться, и тогда конецъ всему. Но гдѣ было княжнѣ найти полное спокойствіе, когда у нея были любящія родственницы. Евгенія мучило присутствіе этихъ родственницъ, сердобольной княгини Марьи Всеволодовны и мягкосердечной Мари Хрюминой. Эти женщины, какъ онѣ говорили, забыли *все* и ревностно тревожили больную своими посѣщеніями, совѣтами и разговорами. Онѣ желали ей всего хорошаго и на этомъ, и на томъ свѣтѣ и потому не оставляли ее въ покоѣ. Княгиня Марья Всеволодовна толковала больной о христіанскомъ долгѣ, о покаяніи, о необходимости исповѣдоваться и причаститься, такъ какъ это повредить не можетъ, а только принесетъ успокоеніе и просвѣтлитъ ея душу. Мари Хрюмина суетилась около больной и, когда той нуженъ былъ сонъ, приставала съ вопросами: «теточка, не нужно ли вамъ чего?» Больная что-то усиленно бормотала, махала еще дѣйствовавшею рукой, дѣлала страшныя гримасы, но сердобольныя женщины не отходили отъ нея, чередовались у ея постели и въ своемъ кругу являлись съ утомленными лицами, съ разсказами о томъ, что онѣ боятся сбиться съ ногъ, ухаживая «за бѣдной больной». Софья злилась на

Digitized by Google

никъ, дѣлала имъ дерзости, но не принимать ихъ, не допускать ихъ къ больной она не могла—она была только служанка и больше ничего. Яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, понималъ Евгеній, какъ не любили, какъ враждебно встрѣчали его всѣ окружавшія княжну родственницы. У него съ ними не выходило ни крупныхъ ссоръ, ни рѣзкихъ столкновеній, но сотни мелочей раздражали его ежедневно, ежеминутно. Больная постоянно волновалась, когда онъ былъ не при ней, но быть при ней для него значило сидѣть рядомъ съ княгиней Марьей Всеволодовной или Мари Хрюминой. Если онъ случайно задѣвалъ за что-нибудь, ему говорили:

— Ахъ, Боже мой, до чего ты не остороженъ, ты можешь ее испугать!

Если онъ, погрузившись въ свои думы, тяжело вздыхалъ, ему говорили:

— Неужели ты не понимаешь, что это для больной тяжело.

Княгиня замѣчала, видя его у постели больной:

— Я думаю, у тебя есть занятія? Нельзя же придраться къ случаю, чтобы ничего не дѣлать.

Потомъ она обращалась къ доктору, къ Мари Хрюминой, къ кому попало, и говорила:

— У меня Платона и Валеріана никогда и не увидишь внѣ ихъ классной. У нихъ тамъ всегда есть занятія.

Когда Евгеній, поработавъ надъ уроками, являлся въ комнату тетки и замѣчалъ Мари Хрюминой, что онъ можетъ смѣнить ее и остаться при больной, кузина говорила ему съ ироніей:

— Неужели ты думаешь, что ты можешь ходить за тетей! Тутъ нуженъ мягкій женскій уходъ!

Мелочность этихъ женщинъ доходила до смѣшного.

— Что это у тебя за привычка явилась грызть свои ногти,—замѣчала съ брезгливостью княгиня.—На это противно смотрѣть!.. Я, право, удивляюсь, гдѣ ты могъ усвоить всѣ эти привычки...

Все это были мелкіе булавочные уколы, которыхъ Евгеній, занятый важнымъ для него вопросомъ о своихъ будущихъ отношеніяхъ къ матери, могъ вовсе не чувствовать и не чувствовалъ бы, если бы эти булавочные уколы не говорили ему: «вотъ тѣ люди, тѣ отношенія, которые будутъ окружать тебя не сегодня, такъ завтра».

«Жить съ этими людьми, жить въ ихъ средѣ—нѣтъ, нѣтъ, ни за что, никогда!»—мысленно восклицалъ онъ каждый разъ послѣ столкновенія съ этими родственницами. Но какъ же

Digitized by Google

отдѣлаться отъ нихъ?.. Одна надежда оставалась: выздоровленіе княжны. Ей точно становилось какъ будто лучше въ теплые весенніе дни; ея улыбка сдѣлалась осмысленнѣе, она говорила внятнѣе, ея лицо кривилось при этомъ меньше прежняго. Княгиня Марья Всеволодовна сочла нужнымъ воспользоваться этимъ улучшеніемъ, чтобы спасти душу княжны, и въ одинъ прекрасный день явилась съ непреклоннымъ намѣреніемъ заставить больную призвать священника.

— Ты, Olympe, забыла о религіозныхъ обязанностяхъ,— говорила она.—Ты должна примириться со своей совѣстью!

— Хоронить... хоронить собрались!—пробормотала княжна.

— О, развѣ исповѣдь ведетъ къ смерти! — воскликнула княгиня. — Тебѣ станетъ лучше, ты станешь покойнѣе, ты успокоишь свою совѣсть...

— Совѣсть... совѣсть!.. Я покойна... Не убивала... не грабила никого... я покойна,—бормотала, волнуясь, больная.

— Olympe, мы всѣ грѣшны!—настаивала княгиня.—Считать себя безгрѣшной—и это уже великій грѣхъ...

— Ну, и пусть... и пусть такъ,—сердито сказала княжна.— Уйди... не надо мнѣ никого...

Княжна конвульсивно перебирала рукой одѣяло. Она, видимо, была страшно встревожена. Евгеній, бывшій въ той же комнатѣ, не выдержалъ и осторожно замѣтилъ княгинѣ:

— Докторъ просилъ ничѣмъ не тревожить ma tante!

Княгиня бросила на него строгій и холодный взглядъ.

— Я тебѣ совѣтую не вмѣшиваться не въ свое дѣло,— сказала она.—Ступай!

Княжна сдвинула брови и сдѣлала знакъ Евгенію рукой, чтобы онъ остался.

— Уморить хотятъ... уморить!..—проговорила она съ тревогой.—И зачѣмъ вы здѣсь? Что вамъ еще надо?.. И такъ измучили... Я прошу... уйдите... уйдите...

Больная заметалась на постели. Евгеній съ злобой взглянулъ на княгиню.

— Да уходите же, если вамъ говорятъ!—тихо, но рѣзко сказалъ онъ.—Точно налачи какіе!

Княгиня чуть не лишилась чувствъ. Она хотѣла что-то сказать, крикнуть на мальчишку, но больная махала ей рукой, какъ бы желая ее выгнать вонъ.

— Ma tante, успокойтесь... успокойтесь, милая!—шепталъ Евгеній, наклоняясь къ больной.

Она хотѣла что-то сказать, хотѣла протянуть руку, но ни

Digitized by Google

языкъ, ни рука не повиновались ей. Ея лицо опять перекосила страшная гримаса.

— Ступайте и скорѣе пошлите за докторомъ!—рѣзко сказалъ Евгеній княгинѣ.—Не видите, что ли, до чего довели!

Княгиня испуганно направилась изъ комнаты. Съ больной дѣйствительно случился второй ударъ... Вплоть до ночи провозились съ нею окружающіе. Къ ночи Евгеній, усталый и раздраженный, ушелъ къ себѣ въ комнату забыться хоть на время. Но его отдыхъ былъ не дологъ.

— Женичка, Женичка!.. Княжнѣ худо... очень худо,— вдругъ раздался надъ нимъ голосъ Софьи.

Это было поздно ночью. Онъ только-что забылся сномъ. Полуодѣтый, онъ вскочилъ съ постели, побѣжалъ въ комнату Олимпіады Платоновны. Она лежала въ агоніи. Онъ припалъ къ ней, схватилъ ее за руки, сталъ всматриваться въ ея исхудалое лицо. Глаза были тусклы и мутны, точно сдѣланы изъ сѣраго стекла, губы, тонкія и блѣдныя, точно прилипли къ зубамъ, растянувшись въ какую-то гримасу, зубы были плотно стиснуты, что-то въ родѣ судороги едва замѣтно пробѣгало по губамъ, слегка вздрагивавшимъ. Евгенію казалось, что эти глаза смотрятъ на него, что эти холодѣвшія руки еще пожимаютъ его руки, что эти губы вздрагиваютъ, силясь что-то ему сказать. Но вотъ и губы перестали вздрагивать, и руки перестали сжиматься. Прошло нѣсколько секундъ, послышался легкій вздохъ, что-то въ родѣ дрожи вдругъ пробѣжало по тѣлу больной, и оно внезапно немного вытянулось, потомъ все стихло, какъ бы застыло.

— Скончалась!—едва слышно, какъ вздохъ, послышался надъ Евгеніемъ голосъ Софьи.

Онъ, какъ стоялъ на колѣняхъ, такъ и остался стоять и только обернулъ къ Софьѣ лицо съ вопросительнымъ взглядомъ.

— Да, да, голубчикъ, все кончено! — прошептала Софья въ слезахъ и наклонилась къ тѣлу княжны.

Евгеній видѣлъ, какъ Софья дотронулась рукой до лба покойницы, какъ она поцѣловала усопшую.

Въ эту минуту въ комнату явились Мари Хрюмина и княгиня Марья Всеволодовна. Мари Хрюмина, увидавшая, что княжнѣ стало очень худо, успѣла съѣздить за княгиней. Эти женщины хлопотали такъ усердно во всѣ эти дни!

— Закройте ей глаза, голубчикъ... Пусть не чужія руки закроютъ,—торопливо сказала Софья Евгенію при видѣ входившихъ въ комнату родственниковъ княжны.

Digitized by Google

Евгеній всталъ машинально съ пола, поцѣловалъ покойницу въ губы, безсознательно закрылъ ей глаза, съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ перекрестился и вышелъ, не глядя ни на кого...

Однообразно и ровно, немного нараспѣвъ и въ носъ, съ утра до вечера и съ вечера до утра читаетъ дьячокъ у траурнаго катафалка. Вокругъ катафалка горятъ, оплывая и тая въ жаркой температурѣ, высокія свѣчи въ траурныхъ подсвѣчникахъ. Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ тѣло покойницы, спущены тяжелыя занавѣси у оконъ, завѣшены зеркала, стоитъ масса дорогихъ растеній. Въ квартирѣ всѣ ходятъ тихо, всѣ говорятъ вполголоса, точно боясь кого-то разбудить. Два раза въ день квартира наполняется народомъ, приходитъ духовенство, служатся панихиды, поютъ пѣвчіе въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ. Угаръ отъ толстыхъ восковыхъ свѣчей, запахъ ладана, страшный жаръ и духота въ комнатахъ, монотонное чтеніе дьячка и заунывное пѣніе пѣвчихъ, все это мутитъ голову, наводитъ какое-то уныніе. Люди суетятся и хлопочутъ, но въ этой тревогѣ замѣчается какой-то особенный характеръ, точно всѣ что-то потеряли и ищутъ, забыли и не могутъ вспомнить. Даже самъ старый князь Алексѣй Платоновичъ, какъ всегда розовый и цвѣтущій, повторяетъ ежеминутно съ тяжелымъ вздохомъ: «Voilà notre vie!» Можетъ-быть, этой понравившейся ему фразой онъ хочетъ сказать: «всѣ мы смертны, и потому лови, лови часы любви!» Но эта фраза звучитъ въ его устахъ такимъ минорнымъ, плаксивымъ тономъ. Княгиня Марья Всеволодовна творитъ широкія крестныя знаменія, стоя на колѣняхъ во время панихидъ, и все мучается одной мыслью, что она «никогда, никогда не проститъ себѣ того, что она не заставила Olympe исповѣдоваться». Ей говорятъ, что вѣдь больная была все время почти безъ языка, но княгиня настаиваетъ, что можно было бы сдѣлать глухую исповѣдь. Мари Хрюмина волнуется и плачетъ: «неужели все это опишутъ и продадутъ? Ma tante всегда говорила мнѣ, что она мнѣ оставитъ на память наши фамильныя вещи! Неужели она не сдѣлала никакой духовной?» Новая панихида и новые толки. Въ домѣ разносится неожиданная вѣсть: княжна оставила духовное завѣщаніе и все, все завѣщала Евгенію и Ольгѣ, раздѣливъ все поровну между ними.

— Я удивляюсь, для чего было скрывать это! — восклицаетъ Мари Хрюмина.—Что у *него* отняли бы, что ли?..

— А *онъ* зналъ объ этомъ?—спрашиваютъ ее.

Digitized by Google

— Ахъ, вѣдь не ребенокъ же онъ!.. Конечно, онъ и настоялъ на этомъ... Ma tante давно еще хотѣла оставить все мнѣ... я, конечно, просила ее не дѣлать этого... Меня мучила мысль, что она умретъ... А онъ... Впрочемъ, я очень рада... онъ вѣдь съ сестрой ничего не имѣетъ... Но меня раздражаетъ, когда я вижу скрытность въ людяхъ уже въ эти годы... И это родные!..

— Но Рябушкинъ... Кто это Рябушкинъ?—спрашиваетъ, щуря глаза, княгиня.—Это тотъ поповичъ, что жилъ при дѣтяхъ?.. Онъ назначенъ распорядителемъ?.. Что за странность!

— Пожалуйста, позволь мнѣ потомъ взять на память прессъ-папье со стола ma tante,—говоритъ Мари Хрюмина Евгенію. — Это такая бездѣлица, что она вѣрно тебя не разоритъ.

— Берите все, что вамъ вздумается, — коротко и разсѣянно отвѣчаетъ Евгеній.

— Ахъ, какимъ тономъ ты это говоришь! Ради Бога не воображай, что я хочу тебя грабить! — обидчиво восклицаетъ Мари. — Но мнѣ хочется хоть что-нибудь имѣть на память о ma tante...

Эти толки, это снованіе народа, эти панихиды, все совершается для Евгенія, какъ сонъ, тяжелый и смутный. Евгеній не молится, не плачетъ на панихидахъ и стоитъ какъ въ дремотѣ. Онъ не спрашиваетъ Петра Ивановича, когда сдѣлано было духовное завѣщаніе, почему это было скрыто отъ него, Евгенія. Онъ не думаетъ, что онъ будетъ дѣлать дальше. Онъ видитъ только тетку, лежащую неподвижно въ гробу, и всѣхъ этихъ фарисействующихъ родственницъ, Мари Хрюмину, княгиню Дикаго, свою мать, обрадовавшуюся случаю, чтобы надѣть траурное суконное платье съ длиннымъ шлейфомъ. У нея до сихъ поръ не умиралъ еще никто изъ родныхъ, и это былъ первый счастливый предлогъ для траура. Евгеній почти не смотритъ на мать. Мать же беретъ его за щеки двумя розовыми пальчиками и говоритъ:

— Какъ ты исхудалъ, мой мальчикъ! Но теперь ты свободенъ... Я скоро собираюсь на воды... Ты поѣдешь со мной!.. Тебѣ нужно развлечься, разсѣяться...

Мари Хрюмина стоитъ тутъ же и вздыхаетъ:

— Счастливый, поѣдетъ за границу!

— А ты тоже хотѣла бы? — спрашиваетъ Евгенія Александровна.

— Еще бы!

Digitized by Google

— Что-жъ, поѣзжай съ нами!..

— Ахъ, у тебя теперь и безъ меня есть о комъ заботиться!

— Пустяки! всѣ вмѣстѣ можемъ ѣхать!

— А ты развѣ не знаешь, что мы съ Евгеніемъ соперники,—замѣчаетъ съ затаенной злобой и съ напускной шутливостью Мари Хрюмина.

— Ахъ, что за глупости!.. Вы могли здѣсь ссориться, а у меня...

— Я тебя буду ревновать къ нему...

Евгенія Александровна смѣется и спѣшитъ сдѣлать серьезное лицо, замѣтивъ брошенный на нее мелькомъ убійственно холодный и строгій взглядъ княгини, сознающей, что здѣсь не мѣсто для смѣха.

— Онъ злой, злой, отнимаетъ у меня всѣхъ друзей! — съ дѣланной сентиментальной гримасой замѣчаетъ Мари.

— Пожалуйста, не смѣй говорить про моего beau page!— шутливо говоритъ Евгенія Александровна, грозя пальчикомъ Мари Хрюминой.

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ», читаетъ дьячокъ какимъ-то могильнымъ голосомъ...

Евгенію дѣлается какъ-то скверно, тяжело, скучно. «Вотъ тѣ люди, среди которыхъ суждено тебѣ жить!» мелькаетъ въ его головѣ, отказывающейся послѣдовательно думать и разсуждать. Онъ смотритъ на все какимъ-то безсмысленнымъ взглядомъ и сознаетъ только одно, что завтра вывезутъ этотъ гробъ, что завтра все кончится, и онъ... Что онъ? куда онъ пойдетъ? что будетъ съ нимъ завтра?.. Но вотъ онъ слышитъ знакомый ему рыдающій голосъ и бросается впередъ, заключаетъ кого-то въ свои объятія и плачетъ, плачетъ впервые въ эти дни.

— Оля, Оля, родная!.. взгляни... вотъ... видишь, точно живая она лежитъ,—отрывисто шепчетъ онъ.

И, забывъ всѣхъ и все, рядомъ съ сестрой онъ стоитъ, склонившись надъ гробомъ, ласкаетъ рукой лицо покойницы, цѣлуетъ ея руки, а слезы, крупныя и горячія слезы, такъ и льются на это мертвое тѣло, на этотъ атласъ гробового наряда.

— Сведете ихъ съ катафалка! Что они дѣлаютъ!.. Они шевелятъ покойницу... гробъ сронятъ!—возмущается княгиня.

Кто-то уводитъ Евгенія и Ольгу, и они забиваются въ уголъ и плачутъ и шепчутся въ сторонѣ отъ всѣхъ.

Но Олю увозятъ снова, и опять Евгеній остается одинъ и ждетъ, что будетъ завтра.

Digitized by Google

IX.

Вечеромъ, когда кончилась панихида, княгиня Марья Всеволодовна обратилась къ Софьѣ съ вопросомъ:

— Вы поѣдете провожать тѣло? Въ Сансуси уже дано знать о днѣ вывоза праха княжны отсюда и тамъ все должно быть уже готово. Не надо ли вамъ на дорогу денегъ?

— Благодарю, у меня есть деньги, — отвѣтила Софья, отирая заплаканные глаза.

— Мнѣ такъ грустно, что ни я, ни князь, мы не можемъ сами проводить туда покойницу, — со вздохомъ сказала княгиня.

— Евгеній Владиміровичъ вѣдь тоже ѣдетъ, — сказала Софья не то утвердительно, не то въ формѣ вопроса.

— Евгеній? Нѣтъ!.. У него теперь такое время, что терять еще нѣсколько дней было бы безразсудно,—сказала княгиня.

Евгеній услыхалъ свое имя и подошелъ ближе къ разговаривавшимъ.

— Да, я ѣду проводить ma tante, — сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ.

— Но у тебя начинаются экзамены,—замѣтила княгиня.

— Мнѣ вовсе не до экзаменовъ теперь, — коротко отвѣтилъ онъ.

— И ты думаешь, что это хорошо?— съ ироніей въ голосѣ спросила княгиня.—Я надѣюсь, что ни твоя мать, ни твой beau père не позволятъ тебѣ такъ самовольничать и ускользать отъ занятій. Ты и такъ сдѣлалъ много упущеній.

Евгеній хотѣлъ что-то возразить, но княгиня, сощуривъ глаза, отыскала въ толпѣ Евгенію Александровну и подошла къ ней.

— Скажите, вамъ говорилъ Евгеній, что онъ хочетъ провожать тѣло княжны въ Сансуси?—спросила княгиня Ивинскую.

— Нѣтъ,— отвѣтила Евгенія Александровна. — А развѣ онъ ѣдетъ?—съ удивленіемъ спросила она и умилилась:— Pauvre enfant, онъ былъ такъ преданъ покойной княжнѣ! Это его первая утрата!

— Да, но у него теперь начинаются экзамены, — замѣтила княгиня.

— Ахъ, гдѣ ему теперь экзаменоваться! — воскликнула Евгенія Александровна.—Я увожу его за границу. Вѣдь эти похороны тамъ совершатся скоро. Онъ вернется какъ разъ къ сроку, чтобы ѣхать со мною.

Digitized by Google

Княгиня нетерпѣливо пожала плечами. Ее раздражило это легкомысліе.

— Извините, я, право, не понимаю вашего взгляда на дѣло воспитанія вашего сына,—сказала она сухо.—Сперва мальчика портили здѣсь, теперь вы позволяете ему уклоняться отъ занятій. Что же изъ него выйдетъ? Нынче онъ не будетъ держать экзаменовъ потому, что хоронитъ тетку и ѣдетъ отдыхать за границу; въ будущемъ году опять найдется какой-нибудь предлогъ ускользнуть отъ экзаменовъ...

— Я думаю, княгиня, я имѣю полное право смотрѣть на это дѣло, какъ я считаю нужнымъ, — рѣзко отвѣтила Евгенія Александровна.

— Но я увѣрена, что вашъ мужъ вполнѣ согласился бы со мною,—сказала княгиня.

— Мой мужъ... а вотъ кстати и онъ,—сказала Евгенія Александровна и обратилась къ Ивинскому, который пробирался къ ней, чтобы пригласить ее ѣхать домой. — Мы, Жакъ, дебатируемъ съ княгиней насчетъ Евгенія, княгиня никакъ не желаетъ понять, что нельзя лишать мальчика послѣдняго утѣшенія проводить тѣло покойной княжны до могилы...

— Когда отъ этого пострадаетъ ученье, запущенное и безъ того,—докончила княгиня.—Мнѣ кажется, долгъ прежде всего. Прежде всего нужно дѣлать свое дѣло.

— Это отчасти правда,—вставилъ свое замѣчаніе Ивинскій.

— Конечно, правда!—сказала княгиня.—Я очень понимаю, что ему тяжела эта утрата, какъ и всѣмъ намъ, но ради этого не бросаемъ же мы всѣхъ своихъ дѣлъ, своихъ занятій...

Въ эту минуту Евгеній подошелъ совсѣмъ близко къ разговаривавшимъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но Евгенія Александровна не дала ему выговорить ни слова и взяла его за подбородокъ.

— Взгляните, какой онъ у меня блѣденькій! — съ чувствомъ сказала она.—Гдѣ ему еще мучиться съ экзаменами! Нѣтъ, нѣтъ, во всякомъ случаѣ — поѣдетъ онъ или не поѣдетъ провожать покойницу—экзаменоваться я ему не позволю и увезу его за границу.

— Но,—хотѣла что-то возразить княгиня и не кончила, такъ какъ ее перебила Евгенія Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы смотрите на него глазами постороняго человѣка, а я мать—я вижу, что ему нуженъ отдыхъ и отдыхъ,—сказала Евгенія Александровна.—Мнѣ тоже не

Digitized by Google

хотѣлось бы, Eugène, чтобы ты ѣхалъ за гробомъ, но потому только, что я боюсь за твое здоровье,—обратилась она къ сыну.—Я не хочу, чтобы эти щечки еще болѣе поблѣднѣли и осунулись и чтобы эта мордочка смотрѣла такъ печально!

Она проговорила это своимъ сладкимъ и пѣвучимъ голоскомъ, взявъ двумя пальчиками сына за щеки.

Княгиня потеряла всякое терпѣніе и даже вышла изъ границъ того приличнаго и сдержаннаго тона, которымъ она говорила всегда. Она сознавала только одно то, что эта «глупая» и «несчастная» мать хочетъ еще болѣе портить своего сына, который и безъ того «загубленъ».

— Мнѣ очень жаль, что Алексѣй уѣхалъ,—сказала она рѣзко.—Онъ, какъ дядя, конечно, имѣетъ основаніе заботиться объ участи мальчика. Онъ разъяснилъ бы вамъ...

Евгенія Александровна вспыхнула и не дала княгинѣ кончить начатой рѣчи.

— Мнѣ кажется, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла моего сына, кромѣ меня и моего мужа,—запальчиво произнесла она.—Ты можешь ѣхать, Eugène,—обратилась она къ сыну:—но я попрошу тебя не оставаться тамъ ни одного лишняго дня, потому что я буду тебя ждать здѣсь. Я тороплюсь уѣхать изъ Петербурга. Мнѣ тоже необходимъ отдыхъ отъ всѣхъ этихъ мелочныхъ дрязгъ и сценъ...

Она съ какою-то задорною гордостью подняла свою головку и обратилась къ княгинѣ небрежнымъ тономъ:

— Ахъ, кстати, княгиня, вы заговорили о долгѣ, объ обязанностяхъ. Вотъ и мнѣ ради моего нездоровья приходится отказаться отъ своихъ обязанностей. У насъ, кажется, собирается послѣзавтра комитетъ вашего общества. Заявите, что я выхожу...

Это была мелкая вульгарная выходка. Она могла бы вызвать на уста княгини только улыбку презрѣнія, если бы княгиня не знала, что именно послѣзавтра на общемъ собраніи хотѣли просить Евгенію Александровну объ устройствѣ новаго займа для продолженія постройки дома «Общества», организованнаго княгиней.

Княгиня торопливо и почти съ испугомъ спросила:

— Вы выходите изъ нашего общества?

— Не изъ общества, а изъ комитета. Мнѣ нужно отдохнуть отъ многаго, и я рѣшила, что я могу отдохнуть въ своей семьѣ,—отвѣтила Евгенія Александровна, дѣлая поклонъ княгинѣ.

Она взяла подъ руку своего мужа и удалилась, пославъ прощальный поцѣлуй рукою Евгенію.

Digitized by Google

— Ай, ай, какъ мы безтактны!—тономъ мягкаго упрека сказалъ Ивинскій, удаляясь съ женою изъ комнаты.

— Ахъ, она меня раздражила!—произнесла Евгенія Александровна сердитымъ тономъ.—Да, наконецъ, что мнѣ въ ней? Для чего мнѣ съ ней стѣсняться? Ты думаешь, она не пріѣдетъ ко мнѣ сама? Развѣ я не знаю, что мы ей нужны? Онѣ, эти grandes dames, устраиваютъ филантропическія общества, а деньги... если ты, Жакъ, не дашь имъ денегъ, долго просуществуютъ ихъ общества?

Она засмѣялась и прижалась къ нему.

— Теперь, Жакъ, я стою за каменною стѣною и не боюсь никого!

Она взглянула съ лукавою улыбкой ему въ лицо.

— Или, можетъ-быть, ты хочешь, чтобы я сдѣлалась похожей на нее, prude et tirée à quatre épingles?—шутливо спросила она и прибавила, словивъ его улыбку. — Нѣтъ, нужно же пріучить ихъ принимать меня такою, какою я хочу быть, какою ты любишь меня, а не такою, какою имъ хотѣлось бы меня видѣть—покорной овечкой, которую можно стричь! Я, право, не вижу нужды лгать, принижаться и преклоняться передъ ними. Я и такъ много терпѣла отъ нихъ.

Ивинскій улыбался.

— Но можно было сдѣлать менѣе рѣзкій и болѣе тактичный переходъ,—началъ онъ.

— А она? Она съ тактомъ поступила, вмѣшиваясь въ дѣла моего сына, въ мои отношенія къ нему?—перебила его Евгенія Александровна. — Я мать, и ужъ, конечно, не ей дѣлать мнѣ наставленія, когда у нея дѣти — одинъ воръ, убитый на дуэли, а другіе—это просто enfants terribles.

— Но вѣдь она правду говорила, мальчуганъ можетъ излѣниться,—замѣтилъ Ивинскій.

— Ахъ, не въ профессора же онъ будетъ готовиться! — воскликнула Евгенія Александровна. — Я непремѣнно хочу, чтобы онъ былъ военнымъ. Онъ такъ строенъ и красивъ. Это будетъ просто прелесть, когда онъ будетъ военнымъ. Онъ сдѣлаетъ карьеру, помяни мое слово! Съ такой рожицей нельзя не сдѣлать карьеры.

Мысль сдѣлать Евгенія военнымъ привела въ такой восторгъ Евгенію Александровну, что она даже выбрала полкъ, куда долженъ будетъ поступить Евгеній; она нашла, что ему болѣе всего пойдетъ къ лицу мундиръ царскосельскихъ гусаръ; она даже мечтала, какъ она будетъ выѣзжать съ нимъ, со своимъ «мальчуганомъ», на котораго станутъ за-

Digitized by Google

сматриваться всѣ: ее это такъ радовало, потому что другія ея дѣти были еще «маленькіе пискуны», а мужъ — мужъ былъ вѣчно занятъ дѣлами и рѣдко выѣзжалъ съ нею, а теперь у нея будетъ прелестный спутникъ. Вся отдавшись этимъ грезамъ, она не утерпѣла даже, чтобы не высказать ихъ кому-нибудь постороннему, и на другой день, въ ожиданіи панихиды, указывая на Евгенія, замѣтила Мари Хрюминой и какому-то гвардейцу, племяннику покойной княжны:

— А вотъ я и его скоро отдамъ въ гусарскій полкъ!

Евгеній, стоявшій рядомъ съ матерью, вопросительно взглянулъ на нее. Она не замѣтила этого взгляда.

— Онъ будетъ прелестенъ въ гусарскомъ мундирѣ!—проговорила она съ восторгомъ.

— Значитъ, онъ изъ гимназіи выйдетъ?—спросила Мари Хрюмина.

— Ахъ, что ему гимназія! Надъ латынью сидѣть! Теперь уже всѣ признали это за глупости и пустую трату времени,— небрежно отвѣтила Евгенія Александровна. — Я понимаю, что какому-нибудь бѣдняку по необходимости приходится подчиняться всѣмъ этимъ глупымъ требованіямъ, но мой Eugène, слава Богу, не будетъ нуждаться, покуда я жива. Для него я готова всѣмъ, всѣмъ пожертвовать.

Евгеній слушалъ все это, какъ во снѣ, и по его лицу скользила какая-то горькая усмѣшка. Ему было странно и то, что его участью распоряжались, не спросясь его, и то, что къ нему вдругъ почувствовали такую пламенную любовь.

Его пробудило отъ этого забытья пѣніе пѣвчихъ. Печальная церемонія началась: торжественная похоронная процессія, пышная и длинная заупокойная обѣдня, пѣвчіе, старающіеся заливаться, какъ колокольчики, голосъ дьякона, доходящій до какихъ-то нелѣпыхъ басовыхъ нотъ и съ разстановкой, съ дрожаніемъ отчеканивающій слова, точно силясь кого-то испугать, затѣмъ отпѣваніе, прощаніе съ покойницей, все это прошло, какъ сонъ, предъ Евгеніемъ — и вотъ онъ уже не видитъ дорогого трупа, лежащаго среди шелка и цвѣтовъ, онъ видитъ простой, неуклюжій, наглухо заколоченный черный ящикъ, который несутъ въ вагонъ: это простой багажъ, отправляемый по назначенію на такую-то станцію. Вотъ и третій звонокъ, свистокъ оберъ-кондуктора, визгъ локомотива и скрипъ колесъ тронувшагося поѣзда — знакомые голоса, знакомыя лица исчезли, и Евгеній среди чуждой ему, незнакомой толпы остался съ глазу на глазъ

Digitized by Google

съ Софьей и вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно ему стало легче, вольнѣе послѣ всѣхъ тревогъ этого тяжелаго дня.

— Устали вы, измучились, голубчикъ!—проговорила Софья.

— Да, да, и усталъ, и измучился!—машинально отвѣтилъ онъ и вдругъ улыбнулся горькой усмѣшкой.—А ты знаешь, Софочка, что изъ меня гусара хотятъ сдѣлать?

— Ну, полноте, что это вы, — сказала она, недоумѣвая, кто это вдругъ вздумалъ сдѣлать его гусаромъ.

— Нѣтъ, отчего же и не сдѣлать гусара... форма красивая... я самъ красивая куколка... Отчего же и не нарядить меня въ гусарское платье? — проговорилъ онъ. — Княгиня Марья Всеволодовна къ дипломатической карьерѣ меня предназначила... у maman другіе вкусы... Вѣдь это только у меня нѣтъ ни желаній, ни вкусовъ...

Онъ говорилъ, точно бредилъ. Его нервы были разстроены до послѣдней степени. Голова работала какъ-то странно, ненормально. Софья ничего не отвѣтила ему; она видѣла только, что его милое личико осунулось, и сознавала, что ему нуженъ отдыхъ.

— Вы усните немного, дорогой мой,—посовѣтовала она.

— Усну, усну,—сказалъ онъ.—Мнѣ и то кажется, что я давно сплю и вижу тяжелые сны.

Онъ дѣйствительно закрылъ глаза и погрузился въ забытье. Софья заботливо приловчила ему подушку, накинула на его ноги пледъ. Онъ, не открывая глазъ, улыбнулся ласковой улыбкой ребенка въ отвѣтъ на ея заботы. Она грустно покачала головой, вздохнула и начала безцѣльно смотрѣть въ окно. А кругомъ разстилались поля, мелькали деревушки, вездѣ уже шла усиленная работа, весенняя жизнь вступала въ свои права. И чѣмъ дальше уносился поѣздъ отъ столицы тѣмъ зеленѣе становились и лѣса, и поля, и холмы; тамъ же, въ Сансуси, Евгеній и Софья застали чудную картину весны въ полномъ разгарѣ. Казалось, здѣсь все—каждая травка, каждая птичка, каждый человѣкъ — все пробудилось, все ожило, все надѣялось. Евгеній слѣдилъ за этимъ пробужденіемъ къ жизни природы и людей, и словно зависть зашевелилась въ его душѣ. Только въ ней, въ этой надломленной, усталой душѣ не было ни пробужденія, ни радости, ни надежды. Безъ слезъ, почти равнодушно присутствовалъ Евгеній при погребеніи княжны въ фамильномъ склепѣ, гдѣ воздухъ былъ и сыръ, и холоденъ, и спертъ; онъ былъ охваченъ какими-то иными думами, не имѣвшими ничего общаго съ этими похоронными обрядами.

Digitized by Google

Онъ видѣлъ кругомъ бодрый народъ, упорно совершающій свою тяжелую работу; онъ слышалъ толки о томъ, что нынче весна хороша, что дай Богъ, чтобы только лѣтомъ засухи не было, да подъ осень дожди по-прошлогоднему сѣна не попортили въ сѣнокосъ, а то все хорошо будетъ: онъ замѣчалъ, что и Софья, окруженная родными, вся отдалась ихъ интересамъ, говорила съ ними о падежѣ скота въ прошлую осень, о необходимости прикупить еще коровенку, да лошаденку, о своемъ желаніи поселиться здѣсь же, прикупивъ землицы, да построивъ новую избу около избы сестры. У всѣхъ были свои чисто реальныя заботы, говорившія о жаждѣ жизни, о надеждахъ на жизнь. Здѣсь всѣ понимали другъ друга, всѣ сочувствовали такъ или иначе понятнымъ для нихъ заботамъ ближнихъ. Онъ одинъ былъ здѣсь чужой, барчукъ, передъ которымъ привѣтливо снимали шапки мужики, но который никого не интересовалъ и ничѣмъ не интересовался и не могъ интересоваться самъ. Разспрашивая о чемъ-нибудь мужика, онъ сознавалъ, что онъ разспрашиваетъ «отъ нечего дѣлать», и понималъ, что мужикъ сознаетъ это же и отвѣчаетъ только потому, что «отчего же и не отвѣтить, если барчуку любопытно знать». Въ его душѣ распространялся какой-то холодъ—холодъ отъ сознанія, что онъ лишній здѣсь, что, толкуя съ мужикомъ, онъ только отнимаетъ у работника время, что, заходя въ семью Софьи, онъ только стѣсняетъ эту семью, радушно усаживающую его на первое мѣсто и придумывающую, чѣмъ бы его угостить: что даже Софья, оставаясь съ нимъ, лишаетъ себя удовольствія посидѣть лишній часокъ въ своемъ кругу, среди родныхъ женщинъ и ребятишекъ, что, наконецъ, она, Софья, напоминая ему, что имъ пора ѣхать, въ сущности, рада бы была совсѣмъ не уѣзжать отсюда и только «ради жалости» къ нему хочетъ ѣхать съ нимъ, чтобы ему было не такъ скучно, не такъ тяжело. «Она, можетъ-быть, и не сознаетъ, но она рада, что она освободилась»,—думалось ему. Теперь она никому не станетъ служить, она не будетъ жить чужими интересами, у нея будутъ свой домъ, своя семья, свои интересы. А у меня... гдѣ мой домъ, моя семья, мои интересы?.. Гдѣ я буду жить, какъ я буду жить? У матери? Она будетъ цѣловать и обнимать меня, покуда я буду лгать и играть роль любящаго сына. Но развѣ я умѣю лгать? Развѣ меня учили этому? Нѣтъ, учили правду говорить, держали такъ, что и нужды не было лгать, а вотъ теперь безъ лжи и шагу не сдѣлаешь. И передъ отчимомъ,

Digitized by Google

и передъ матерью, и передъ княгиней, передъ всѣми нужно будетъ лгать, чтобы не нажить враговъ и хоть покойно доучиться. Нѣтъ, ошибалась ma tante, заботясь, чтобы я росъ правдивымъ человѣкомъ. Кто хочетъ жить, тотъ долженъ лгать. Вотъ стоитъ мнѣ замѣтить матери, что я не люблю и не уважаю ея, что мнѣ извѣстно ея прошлое и что отъ меня не скроется ея настоящее, что я не желаю купаться въ той грязи, куда она, можетъ-быть, легкомысленно сама толкнетъ меня, и она сдѣлается моимъ непримиримымъ врагомъ, начнетъ мелочно преслѣдовать меня... Можетъ-быть, она выгонитъ меня? Что-жъ, это было бы хорошо. Но развѣ меня оставитъ тогда въ покоѣ княгиня Марья Всеволодовна? Развѣ это можетъ ускользнуть отъ слуха этой сыщицы? Да ей мать сама нажалуется на меня? И развѣ княгиня не заставитъ тогда вмѣшаться въ мою жизнь князя Алексѣя Платоновича? Еще бы! еще бы! ей ли равнодушно смотрѣть, какъ гибнетъ мальчикъ, племянникъ ея мужа! Нигилистъ изъ него вырабатывается, онъ сынъ, не признающій власти матери, онъ падаетъ въ пропасть опасныхъ заблужденій. Какъ же не вмѣшаться въ его жизнь, не обуздать его, не направить на путь истины? Нѣтъ, нѣтъ, они меня не оставятъ, покуда не измучатъ совсѣмъ! Онѣ вѣдь всѣ добрыя и заботливыя женщины!» Эти думы все сильнѣе и сильнѣе захватывали душу Евгенія. Въ этой душѣ была горечь, была желчь; онъ уже не могъ думать послѣдовательно, болѣе или менѣе спокойно; онъ волновался, раздражался и перескакивалъ отъ одной мысли къ другой. Иногда у него страшно болѣла голова, но это была какая-то тупая, давящая боль, во время которой онъ уже совсѣмъ не могъ думать. Онъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго настроенія ни на минуту, а дни шли своимъ чередомъ. Прошло уже пять дней со дня похоронъ княжны Олимпіады Платоновны, и Софья тревожилась и замѣчала Евгенію:

— Пора собираться, Женичка, въ путь-дорогу! Пора!

— Да, да, пора,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.—Надо же кончить чѣмъ-нибудь.

— Евгенія Александровна и такъ, я думаю, уже сердится,—замѣчала Софья.—Она вѣдь совсѣмъ уже собралась ѣхать за границу.

— Ну, и пусть бы уѣзжала безъ меня!—говорилъ Евгеній.

— Нельзя же... теперь, голубчикъ, ужъ худо ли, хорошо ли, а надо подчиняться ей, жить у нея... Вотъ въ совершенно-

Digitized by Google

лѣтіе придете—не долго уже теперь ждать—тогда и будете дѣлать, что хотите...

— Не долго ждать, да дождаться трудно, — со вздохомъ говорилъ онъ.

— Что дѣлать, что дѣлать! И всѣмъ не сладко живется, у всѣхъ есть свое горе!

Евгеній молча выслушивалъ эти фразы. Теперь ему начинало казаться, что рѣчь идетъ о комъ-то другомъ, а не о немъ. Это самому ему казалось страннымъ, но это было такъ.

Но день отъѣзда изъ Сансуси онъ все-таки отлагалъ.

— Хочется насмотрѣться на все, подышать въ послѣдній разъ весною,—говорилъ онъ Софьѣ.

По цѣлымъ днямъ онъ бродилъ по знакомому парку, по знакомымъ полямъ, вспоминая счастливые годы своего дѣтства. Разъ во время такой прогулки онъ дошелъ до того самаго пригорка, гдѣ когда-то онъ проводилъ цѣлые часы съ Петромъ Ивановичемъ передъ отъѣздомъ изъ Сансуси. Передъ нимъ широко раскинулись поля, залитыя весеннимъ солнцемъ; то тамъ, то тутъ чернѣлись фигуры мужиковъ и крестьянскихъ лошадей, работавшихъ въ полѣ; въ воздухѣ былъ разлитъ смолистый ароматъ распускавшихся на деревьяхъ почекъ и листьевъ. Онъ сѣлъ у опушки парка и задумался. Воспоминанія о матери, объ отцѣ, о родныхъ проходили въ его головѣ. Онъ чувствовалъ ко всѣмъ этимъ людямъ и ненависть, и презрѣніе. «Можетъ-быть, и я не лучше выйду, мелькало въ его умѣ.—Такъ же буду коптить землю и ѣсть чужой хлѣбъ... Яблоко не далеко укатывается отъ яблони. Буду шалопаемъ и праздношатающимся, какъ теперь. Вонъ хожу изъ угла въ уголъ, да занимаюсь размышленіями, когда другіе работаютъ до поту лица. И какъ мнѣ работать, подготовиться къ дѣятельности? Чтобы подготовиться къ ней, нужно спокойствіе, нужно отдаться вполнѣ ученью, а развѣ въ домѣ моей матери, подъ ея вліяніемъ, среди вѣчнаго притворства передъ нею или вѣчныхъ раздоровъ и съ нею, и съ княгиней, и со всей этой кликой,—можно быть спокойнымъ, можно думать только объ ученьи, о подготовкѣ себя къ дѣятельности, о добровольномъ избраніи дороги... Да и силы на это нужны не дюжинныя. А что я? Только и умѣю, что ныть, да бездѣйствовать». Его глаза случайно упали на ружье, и по его лицу скользнула усмѣшка. «Съ ружьемъ тоже, когда стрѣлять нельзя!—пронеслось въ его головѣ.—Для себя, что ли, взялъ?..» Онъ взялъ ружье въ руки и сталъ его разсматривать, точно онъ никогда не

Digitized by Google

видалъ его прежде, а между тѣмъ онъ бралъ его ежедневно съ собою «галокъ пугать», какъ онъ самъ выражался. Мысль о смерти вдругъ назойливо, неотступно начала шевелиться въ его головѣ. «Умереть,—думалъ онъ:—никого не тревожить, никому не мѣшать, никому не вредить и самому найти полное успокоеніе, безповоротно, навсегда». Ему вспомнилось лицо тетки, когда она лежала въ гробу. «Точно спала безмятежнымъ сномъ». Ему даже стало странно, какъ это раньше не пришла ему въ голову эта мысль о самоубійствѣ. Ему показалось такъ хорошо, такъ легко умереть здѣсь, вдали отъ всѣхъ нелюбимыхъ людей, лечь рядомъ съ теткой въ любимомъ Сансуси. «Экій просторъ-то необозримый и какое полное затишье! А небо-то глубокое, синее!» Онъ любовался природой, точно онъ наслаждался мыслью, что ему предстоитъ здѣсь жить, а не умереть. «А Оля?»—вдругъ пронесся въ его головѣ вопросъ.—«Да развѣ я могу чѣмъ-нибудь быть ей полезенъ? Петръ Ивановичъ, Софочка лучше меня позаботятся о ней»,—мысленно отвѣтилъ она на этотъ вопросъ, и вдругъ ему стало такъ жаль Софочку. «Горько будетъ плакать, бѣдняжка! А потомъ и забудетъ,—тотчасъ же закончилъ онъ мысленно.—И всѣ, всѣ забудутъ! И о чемъ долго плакать? О томъ, что однимъ лишнимъ ртомъ на свѣтѣ меньше стало? О томъ, что человѣкъ успокоился?» Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку, вырвалъ изъ нея листокъ и наскоро написалъ карандашомъ: «Софочка, прости меня и не плачь. Мнѣ такъ лучше». Онъ долго смотрѣлъ на этотъ листокъ, на эти двѣ строки. «Такъ лучше! Точно ли лучше? А если тамъ?..—онъ не докончилъ мысли и махнулъ рукою: — Нѣтъ, нѣтъ, чѣмъ скорѣе кончить, тѣмъ лучше, а то и на это не хватитъ силенки». Онъ взвелъ курокъ, привязалъ собачку ружья къ ногѣ, приставилъ дуло къ виску. Не прошло и двухъ минутъ, какъ раздался выстрѣлъ, и Евгеній, съ пробитой головой, какъ-то судорожно весь вздрогнулъ и, какъ подстрѣленная птица, свернулся на бокъ на свѣжей душистой травѣ. Работавшіе далеко въ полѣ мужики даже не обернулись при выстрѣлѣ: мало ли кто «палитъ» въ лѣсу и въ паркѣ!

X.

— Боже мой, что это за молодежь, у которой нѣтъ ни религіознаго чувства, ни сознанія человѣческаго долга, ничего, ничего кромѣ малодушія и матеріализма! Тяжело жить, не нравится жить—взялъ ружье, спустилъ курокъ и конецъ!

Digitized by Google

Что ждетъ насъ съ такимъ молодымъ поколѣніемъ? Куда оно насъ приведетъ? Сегодня эти люди могутъ покончить съ собою, тяготясь жизнью; завтра они могутъ направить ударъ въ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, мѣшаетъ имъ жить и своевольничать. У кого нѣтъ ничего святого, отъ того можно ждать всего преступнаго. Мы положительно живемъ наканунѣ какой-то страшной катастрофы!

Это говорила и повторяла на всѣ лады княгиня Марья Всеволодовна, узнавъ о смерти Евгенія и сердясь даже, что его похоронили «не гдѣ-нибудь тамъ, въ сторонѣ», а въ фамильномъ склепѣ князей Дикаго. Это ей казалось осквернѣніемъ святого мѣста, гдѣ покоились предки и родные ея мужа.

— Ахъ, онъ растерзалъ мое сердце!.. Я никакъ не думала, что онъ этимъ отплатитъ за мою любовь къ нему, за мои ласки, за то, что я столько лѣтъ мучилась въ разлукѣ съ нимъ! Я только что начала отдыхать, успокаиваться, надѣяться, и вдругъ этотъ ударъ!.. И чего ему недоставало, что его мучило,—я ничего, ничего не могу понять въ этомъ роковомъ самоубійствѣ! Нѣтъ, онъ, бѣдный мальчикъ, просто помѣшался отъ горя, потерявъ княжну. Я хочу, я должна этому вѣрить, потому что въ этой мысли все мое утѣшеніе!..

Это говорила Евгенія Александровна, истерически рыдая при вѣсти о смерти сына и торопясь уѣхать для поправленія здоровья за границу, куда она такъ сильно торопилась, что забыла даже заѣхать въ институтъ проститься съ дочерью. Впрочемъ, Евгенія Александровна теперь не вѣрила и въ любовь дочери, не вѣрила и въ ея благодарность.

— Всегда нужно было предвидѣть что-нибудь подобное! Я никогда не ждала отъ него ничего лучшаго!—лаконично восклицала Мари Хрюмина, на долю которой выпадала теперь очень пріятная и не безвыгодная роль утѣшительницы огорченной Евгеніи Александровны. Старая дѣва почувствовала теперь подъ ногами почву и не боялась, что кто-нибудь ототретъ ее отъ госпожи Ивинской. Евгенія Александровна была раздражена и сердита на всѣхъ, а бранить всѣхъ и каждаго никто не умѣлъ лучше Мари Хрюминой: это связывало теперь обѣихъ женщинъ неразрывными узами дружбы.

Князь Алексѣй Платоновичъ, когда ему жена трагическимъ тономъ передала эту «ужасную новость», коротко и разсѣянно спросилъ:

— Какой такой Евгеній?

Жена объяснила ему, что это сынъ Владиміра Хрюмина.

Digitized by Google

вотъ тотъ мальчикъ, который жилъ у покойной княжны Олимпіады Платоновны.

— А, да, да, помню!—сказалъ тогда князь все такъ же разсѣянно.—Съ чего же это онъ?— спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ потомъ.

Княгиня начала ему объяснять и рисовать въ яркихъ краскахъ испорченность Евгенія, его непокорность, его строптивость и перешла къ общему вопросу о паденіи нравовъ среди молодежи, о массѣ самоубійствъ и преступленій среди «этихъ гимназистовъ и школьниковъ».

— Дерутъ мало!—добродушно рѣшилъ, зѣвая, князь, во всю свою жизнь никого не дравшій, вѣчно потакавшій всѣмъ своимъ дѣтямъ и кутившій постоянно съ безбородой молодежью.

Въ сущности, князя нисколько не интересовалъ Евгеній, котораго онъ даже и не зналъ почти: онъ выслушалъ и эту новость, и эти разсужденія жены, какъ выслушивалъ многое въ своемъ домѣ,—скучая и торопясь ускользнуть куда-нибудь въ болѣе веселое общество, къ какой-нибудь кокоткѣ, на какой-нибудь пикникъ.

— Господи, самъ на себя руки наложилъ! Грѣхъ-то какой! Грѣхъ-то какой великій! Отпусти ему, Господи! За чужіе грѣхи загубилъ свою душу ангелъ, ни въ чемъ не повинный, за чужіе!.. Вонъ какой худенькій, да блѣденькій лежитъ!.. Не знаешь теперь, голубчикъ, что Софочка ручки твои цѣлуетъ! Не обнимешь ее больше, не приголубишь, ненаглядный мой!—плакала Софья, цѣлуя блѣдныя, скрещенныя на груди руки Евгенія и горячо молясь о спасеніи его души.

Оля въ институтѣ безмолвно, одиноко, по ночамъ оплакивала брата.

Петръ Ивановичъ, узнавъ скорбную новость, махнулъ безнадежно рукою, проговорилъ, что «и многихъ, и многихъ жизнь до этого доводитъ», и сильно выпилъ въ этотъ день съ пріятелемъ въ трактирѣ, философствуя о жизни и о смерти, объ отцахъ и дѣтяхъ, о загубленныхъ натурахъ, при чемъ съ каждой новою рюмкой вина, съ каждымъ новымъ стаканомъ пива онъ все сильнѣе и сильнѣе обвинялъ всѣхъ за гибель молодежи и не щадилъ даже себя, говоря, что «если бы онъ, Петръ Ивановичъ, не былъ тряпкой и размазней, такъ не погибъ бы этотъ мальчуганъ». Затѣмъ Петръ Ивановичъ пересчитывалъ всѣ свои грѣхи и дошелъ даже до такихъ мелочей, какъ, напримѣръ, то, что онъ

Digitized by Google

словно забылъ о Евгеніи во время похоронъ княжны и «не вникъ именно въ это время въ его душу», «не подбодрилъ его». Обвиненія шли все crescendo вплоть до закрытія трактира, а потомъ началось прощаніе съ пріятелемъ съ поцѣлуями и слезами, съ восклицаніями, что «и жизнь наша подлая, и всѣ мы подлецы», съ обвиненіемъ себя даже въ томъ, что «и фразы-то эти не самъ онъ, Петръ Ивановичъ, выдумалъ, а у одного аблаката подлаго заимствовалъ».

Отецъ Евгенія... но объ отцѣ Евгенія никто и не вспоминалъ, никто и не зналъ, гдѣ онъ прожигаетъ жизнь, у кого живетъ на содержаніи, какъ кокотка, никто не могъ извѣстить его о томъ, что сынъ его застрѣлился. Да едва ли Владиміру Аркадьевичу и было интересно знать объ этомъ....

Толки объ этомъ событіи продолжались не долго; потомъ всѣ, мало-по-малу, забыли о Евгеніи. Да гдѣ же и помнить обо всѣхъ наложившихъ на себя руки юношахъ, ничего еще не сдѣлавшихъ замѣчательнаго, ничѣмъ особеннымъ не отличавшихся, не обѣщавшихъ въ будущемъ ничего, что бы давало право возлагать на нихъ ближнимъ и обществу болѣе или менѣе крупныя надежды? Они являются и исчезаютъ, какъ пузыри на водѣ лужъ въ дождливые дни,— безъ нужды и безъ слѣда. Не разсуждать же въ самомъ дѣлѣ людямъ о томъ, отчего эти юноши не подавали никакихъ надеждъ другимъ и ни на что не надѣялись сами, почему они были несчастны и только жили для того, чтобы тяготиться жизнью, какъ они дошли до того, что въ пору, когда все надѣется и ловитъ каждую минуту жизни, они стремились только покончить съ этою жизнью? Не производить же людямъ поздніе слѣдствія для разбора того, кто былъ виноватъ въ той или другой преждевременной смерти, за свои или за чужіе грѣхи платились эти дѣти, много ли такихъ дѣтей растетъ около насъ, и нужно ли плакать объ этихъ дѣтяхъ, когда они остаются влачить свое безцвѣтное, вялое существованіе, или нужно хладнокровно сказать вмѣстѣ съ ними, что «такъ лучше», когда они разомъ прекращаютъ это существованіе, не обѣщающее въ будущемъ ни пользы обществу, ни радости имъ самимъ? Кромѣ того, общество и привыкло къ этому, какъ можно привыкнуть ко всему: третьяго дня застрѣлился мальчикъ, не выдержавшій экзамена и боявшійся вернуться домой; вчера зарѣзался юноша, безнадежно влюбившійся въ дѣвушку; сегодня утопился мальчуганъ, котораго хотѣли дома за что-то высѣчь; завтра, можетъ-быть, покончитъ съ собою кто-нибудь

Digitized by Google

просто потому, что ему «жить скучно». Все мелкія причины, все мелкія души! Да, дѣйствительно, это мелкія причины, это мелкія души! И гдѣ же, съ одной стороны, сосчитать, сколько этихъ мелкихъ причинъ накапливается въ жизни юноши, прежде чѣмъ ими переполнится чаша терпѣнія; гдѣ же, съ другой стороны, прослѣдить, подъ какими вліяніями, при какой обстановкѣ вырабатываются такія души, почему онѣ мельчаютъ?

Смерть Евгенія была финаломъ, закончившимъ разныя тревоги въ маленькомъ кружкѣ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи, и затѣмъ въ этомъ кружкѣ все пошло обычной колеей, точно ничего и не случилось особеннаго. Такъ, когда въ воду падаетъ что-нибудь, на гладкой поверхности этой стоячей воды появляются рѣзкіе круги, потомъ они расходятся все дальше и дальше, дѣлаются все слабѣе и слабѣе, и потомъ поверхность воды снова становится гладкою, и черезъ нѣсколько минутъ никто и не угадаетъ, что эта вода поглотила навсегда что-нибудь, упавшій въ нее камень, брошенный въ нее трупъ или погрузившагося въ ея глубину живого человѣка. О самоубійствѣ Евгенія говорили, какъ объ одной изъ сотенъ новостей, потомъ явились болѣе интересныя новости, и о ней уже никто не вспоминалъ.

Интереснѣе всего было то, что всѣ забыли даже о существованіи Ольги, точно о ней заботились до сихъ поръ только потому, что она была сестрой своего брата. Это часто бываетъ въ жизни дѣвочекъ. Впрочемъ, она была въ институтѣ — чего же объ ней и думать? Пристроена и отлично! Вотъ доучится—тогда надо будетъ выдать ее замужъ. Княгиня Марья Всеволодовна не имѣла ни охоты, ни времени ѣздить къ дѣвочкѣ; къ тому же дѣло шло къ лѣту, къ переѣзду въ деревню, къ отдыху отъ столичныхъ заботъ и волненій; напоминать о ней Евгеніи Александровнѣ княгиня считала не нужнымъ и даже лишнимъ, такъ какъ «такая мать можетъ только испортить то, что привьетъ институтъ». Евгенія же Александровна, не думавшая о дочери и прежде, теперь совершенно забыла о ней, такъ какъ никто не напоминалъ ей о дочери. Кромѣ того, Евгенія Александровна теперь вдругъ стала очень слаба здоровьемъ и постоянно нуждалась то въ совѣтахъ парижскихъ докторовъ, то въ морскихъ купаньяхъ во Франціи, то въ путешествіяхъ по Италіи. Она была теперь законная жена Ивинскаго, и ей было возможно, не боясь ничего, и мотать его деньги, и оставлять его одного въ Петербургѣ, утѣшая его тысячами

Digitized by Google

нѣжныхъ названій и милліонами поцѣлуевъ въ письмахъ. Софья, поселившись на родинѣ, изрѣдка пріѣзжала въ Петербургъ посмотрѣть «на свою дѣвочку», но старухѣ было уже не легко подниматься съ мѣста и тратить деньги на проѣзды. И такъ хорошо, такъ свободно, такъ тихо жилось ей въ родномъ углу, въ родной семьѣ, что каждая ея отлучка изъ Сансуси была большою жертвой съ ея стороны. Когда она разсказывала Олѣ, какъ тамъ въ деревнѣ плакали «ея ребятишки», отпуская ее въ Петербургъ, какъ они просили ее поскорѣе вернуться назадъ — Олѣ становилось стыдно просить Софочку бывать почаще, гостить подольше въ Петербургѣ. Только Петръ Ивановичъ, да его старушка-мать попрежнему посѣщали Ольгу, и одинъ Петръ Ивановичъ зналъ, что творилось въ ея душѣ.

— Скажите, Евгенія Александровна не была у васъ?— спросилъ онъ какъ-то Олю.

— Нѣтъ, я думаю, она даже и забыла, что я существую,— отвѣтила грустно Ольга.

— Княгиня Марья Всеволодовна?— спрашивалъ Рябушкинъ.

— О, она, должно-быть, вполнѣ спокойна за меня. Я заперта здѣсь, какъ въ тюрьмѣ, значитъ и прекрасно!—отвѣтила Ольга съ горечью.

Этотъ оттѣнокъ грусти и горечи почти постоянно слышался теперь въ ея рѣчахъ. Кроткая, спокойная, любимая всѣми подругами, всѣми классными дамами, она начинала тоскливо заглядывать въ будущее, не обѣщавшее ей ничего отраднаго: она сознавала, что тамъ, за стѣнами института, у нея нѣтъ своего гнѣзда, ни близкихъ и любящихъ людей, и боялась того дня, когда передъ нею распахнется настежь дверь къ свободѣ.

Разъ она спросила Рябушкина:

— Скажите, Петръ Ивановичъ, отчего меня всегда и всѣ забывали?

— То-есть, какъ это забывали?—спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Да такъ: всѣ какъ будто думали, что мнѣ живется вполнѣ хорошо, и не заботились обо мнѣ,—отвѣтила она.— У ma tante дали мнѣ куклы, увидали, что я играю ими,— и успокоились. Потомъ отдали въ институтъ, увидали, что я сыта, что меня учатъ, что сбѣжать я не могу,—и опять забыли...

— Женская доля! — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ. — На

Digitized by Google

женщинъ всегда такъ смотрятъ: сперва думаютъ, что куклы для ея счастія достаточно, потомъ считаютъ, что достаточно ее куда бы то ни было на полный пансіонъ сбыть, дальше—надѣлаютъ новыхъ платьевъ, повозятъ по баламъ, и если найдется женихъ, тогда и послѣднія заботы о васъ кончатся. Впрочемъ, для васъ лично это счастіе, что о васъ слишкомъ мало заботились: Евгеній и теперь бы жилъ, если бы его также безъ хлопотъ и заботъ куда-нибудь въ пажескій корпусъ или въ лицей заперли, если бы поменьше опасались и за его идеи, и за его товарищество, и за его карьеру... Очень ужъ опасались, что изъ него какой-то санкюлотъ и заговорщикъ выйдетъ, вотъ и загубили. Въ васъ же были увѣрены, что какъ бы вы ни росли, а замужъ съ хорошенькимъ личикомъ все-таки выйдете, ну и оставили васъ въ покоѣ...

— Но, если бы вы знали, какъ благодарна я вамъ, что хоть вы не бросили меня! — проговорила Ольга, какъ бы продолжая вслухъ свои думы, и горячо сжала руку Рябушкина.—Я никогда, никогда этого не забуду...

— Да вы развѣ сомнѣвались когда-нибудь въ моей любви къ вамъ?—просто и откровенно спросилъ Рябушкинъ.

Ольга вся вспыхнула и прошептала въ смущеніи:

— Я такая дѣвочка передъ вами... глупенькая... смѣшная.

— Милая моя, что вы выдумываете!—засмѣялся Рябушкинъ, пожимая ея руку.—Мы же съ вами старые друзья!

Она вдругъ подняла на него молящій, полный слезъ взглядъ.

— Петръ Ивановичъ,—прошептала она едва слышно:—ради Бога, никогда не оставляйте меня... Я вѣдь совсѣмъ одна на свѣтѣ...

У него даже сердце защемило отъ этой мольбы.

«Бѣдная дѣвочка!—думалъ Петръ Ивановичъ.—Тяжело ей придется жить у матери. Впрочемъ, выйдетъ замужъ. Долго не засидится. Хороша собой, молода!.. Да, счастливъ будетъ тотъ, кто заставитъ ее полюбить себя. Она такая чистая, такая невинная, такая кроткая! Изъ нея, какъ изъ воска, все можно вылѣпить. Только бы не попалась въ руки какого-нибудь свѣтскаго негодяя, какого-нибудь сластолюбиваго старца. Отъ этого ее спасти надо».

И точно, Ольга была большой, наивный ребенокъ, жаждавшій только ласки и любви. Ея душа была безмятежно спокойна и ясна, и только боязнь остаться одинокой послѣ выпуска смущала ее. Подчасъ она мечтала, что она навсегда останется въ институтѣ, какъ въ монастырѣ мона-

Digitized by Google

хиня, что она будетъ вѣчно среди знакомыхъ классныхъ дамъ, среди знакомой обстановки тихо, тихо доживетъ здѣсь свой вѣкъ. Иногда ей грезилось, что хорошо бы было, если бы мать позволила ей уѣхать къ Софьѣ, жить въ деревнѣ, учить дѣтей и тоже жить тихо, тихо тамъ, въ глуши, гдѣ ее будутъ всѣ любить и уважать, какъ добрую учительницу. Порой ей приходило въ голову, что было бы еще лучше, если бы тамъ былъ и Петръ Ивановичъ. «Онъ такой добрый, ласковый,—думала она.—Я съ нимъ близка, какъ съ братомъ; отъ него я ничего не могу скрыть; когда онъ со мною, я счастлива и покойна». Чѣмъ болѣе приближалось время выпуска изъ института, тѣмъ страшнѣе становилась для Оли мысль о переѣздѣ въ домъ матери. Она совсѣмъ не знала мать; окружающихъ мать людей, своихъ родныхъ она не любила; ей казалось страшнымъ переселеніе въ этотъ кругъ. Ей казалось, что она не сумѣетъ тамъ ни говорить, ни держать себя. А время летѣло быстро, и пора послѣднихъ экзаменовъ, пора выпуска приближалась...

Разъ, во время посѣщенія Петра Ивановича, Ольга обратилась къ Рябушкину съ вопросомъ:

— Петръ Ивановичъ, вы не знаете, здѣсь ли моя мать?

— Не знаю. Если хотите, справлюсь,—отвѣтилъ онъ.

— Да, надо узнать... Выпускъ скоро,—сказала Ольга.—Надо же подумать, какъ жить...

— Я съѣзжу къ ней.

— Петръ Ивановичъ, попросите ее не брать меня къ себѣ...

Петръ Ивановичъ немного удивился этой просьбѣ.

— Но какъ же,—началъ онъ.

— Пусть меня возьметъ ваша мать,—сказала Ольга.—Я буду работать... у меня, какъ вы говорите, есть доходъ съ земли, такъ я платить буду... Но я не хочу идти туда, къ своей матери... Какая я свѣтская дѣвушка?

Петръ Ивановичъ покачалъ головой.

— Она не согласится,—въ раздумьи сказалъ онъ.—И кромѣ того, моя мать живетъ со мной на казенной квартирѣ въ гимназіи... какъ же вы будете у насъ жить... все-таки я холостой... это неловко...

Она подняла на него полные слезъ глаза.

— И вы не хотите взять меня къ себѣ?—прошептала она съ кроткимъ укоромъ въ голосѣ.

Она показалась ему такою прекрасною, такою чистою въ эту минуту, что онъ невольно протянулъ ей обѣ руки и въ волненіи проговорилъ:

Digitized by Google

— Что вы, что вы! Развѣ я говорю, что я не хочу васъ взять, милая моя!.. я говорю, что неудобно вамъ жить у меня... у холостого...

И вдругъ ему при этой фразѣ невольно вспомнились слова, сказанныя когда-то Евгеніемъ: «женитесь на Ольгѣ». Онъ даже смутился и покраснѣлъ при этомъ воспоминаніи, точно ему пришла въ голову какая-то грѣшная мысль. Она сидѣла передъ нимъ, опустивъ голову, сложивъ на колѣняхъ руки, и словно ждала чего-то покорно и робко, не смѣя болѣе просить и настаивать. Съ минуту длилось тяжелое молчаніе. Наконецъ, Петръ Ивановичъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и прервалъ его.

— Оля,—тихо и не смѣло проговорилъ онъ:—вы могли бы войти въ мой домъ только какъ невѣста, какъ моя жена... Если бы вы захотѣли...

У нея вырвалось изъ груди какое-то слабое восклицаніе, и она быстро, тайкомъ и словно пугливо сжала его руки, точно хотѣла сказать: «молчите, молчите!»

— Такъ какъ же, Оля?—спросилъ онъ попрежнему тихо, но болѣе твердо.

— Да, да!—въ волненіи прошептала она. — О, если бы вы знали, какъ я счастлива!.. Но... идите... идите... здѣсь нельзя говорить...

Она быстро поднялась съ мѣста, вся розовая, вся сіяющая. Она, казалось, боялась, что она не выдержитъ и тутъ же при всѣхъ бросится въ его объятія.

— Идите... идите къ моей матери... скажите ей все!— проговорила она задыхающимся голосомъ.—О милый, я не знала сама, какъ я люблю васъ!

Она уже скрылась изъ залы, а Петръ Ивановичъ, точно оглушенный, точно ослѣпленный, все еще стоялъ неподвижно на мѣстѣ...

Петръ Ивановичъ шелъ изъ института, словно опьянѣвъ отъ счастія. Еще четверть часа тому назадъ ни онъ, ни Ольга даже и не подозрѣвали и не предчувствовали того, что съ ними случится въ это утро. «И какъ это я не догадывался, что я давно люблю ее!—бормоталъ онъ съ улыбкой на лицѣ.—Раздумывалъ, за кого она выйдетъ, за свѣтскаго шалопая или за сластолюбиваго старца!.. Да развѣ я могъ бы спокойно уступить ее кому-нибудь? Развѣ я не потому ходилъ сюда, что я не могу жить безъ нея?... Вѣдь на меня тоска нападала, когда я хоть одинъ пріемный день пропускалъ и не видалъ этого дѣтскаго личика... И все-таки по

Digitized by Google

обыкновенію нужно было подтолкнуть, навести на мысль, чтобы я понялъ это, чтобы объяснился... Самъ никогда ничего не пойму, ни на что не рѣшусь!.. Байбакъ, право, байбакъ!.. Милая, она тоже не понимала ясно, что любитъ меня. Какъ просвѣтлѣло это личико отъ счастья... точно переродилась она... И какъ объяснились... гдѣ объяснились!.. Теперь скорѣе, скорѣе нужно хлопотать обо всемъ... Ну, вотъ и къ тихому пристанищу причалимъ, и конецъ треволненіямъ. Что-жъ, и пора... и пора... чины тоже имѣемъ... ну, и на дорогѣ стоимъ... все честь честью!» Онъ и смѣялся, и разсчитывалъ, и напѣвалъ что-то, направляясь домой. Онъ дошелъ почти до своего дома и вдругъ вернулся. «Нѣтъ, прежде пойду къ ея матери, — проговорилъ онъ вслухъ.— Скорѣй нужно все покончить, все выяснить... А вдругъ Евгенія Александровна за границей.. Какъ быть тогда?... Ну, что-жъ, къ господину Ивинскому обращусь... Не волкъ тоже, не съѣстъ!»

Онъ, однако, засталъ госпожу Иванскую дома. Его приняли. Евгенія Александровна, по обыкновенію, все еще цвѣтущая и нарядная, приняла его въ гостиной, прищурила глазки и спросила:

— Чѣмъ могу быть вамъ полезной?

Она держала себя съ достоинствомъ, немного чопорно, разыгрывая роль вліятельной женщины, привыкшей къ тому, что къ ней являются просители.

Рябушкинъ вѣжливо объяснилъ, кто онъ и отъ кого онъ пришелъ. Она какъ будто удивилась чему-то,—можетъ-быть, тому, что ей напоминаютъ о дочери, или тому, что дочь еще помнитъ о ней,—указала ему на кресло и быстро заговорила:

— Я только что вернулась недавно изъ-за границы и еще не успѣла посѣтить Олю... Я все больна послѣ этой страшной катастрофы... въ мои годы такіе удары не проходятъ даромъ...

Она какъ будто оправдывалась отъ какихъ-то невысказанныхъ ей обвиненій.

— Ну, вамъ еще рано говорить о своихъ годахъ,—замѣтилъ съ любезною улыбкой Рябушкинъ, дѣйствительно залюбовавшись ея свѣжестью и здоровьемъ.—Вы кажетесь старшей сестрой своей дочери...

— Старшей... на двадцать лѣтъ? — засмѣялась Евгенія Александровна и вдругъ перешла въ свой обычный задушевный, немного фамильярный, немного вульгарный тонъ:— Ахъ, нѣтъ, monsieur Рябушкинъ, молодость трудно сохранить, переживъ все то, что пережила я... Вы, конечно, не

Digitized by Google

знаете всего, но если бы разсказать, вы удивились бы, какъ выдержали все это мои нервы!.. И еще Богъ знаетъ, что ждетъ впереди!.. Я немного неудачница... Теперь вотъ начнутся заботы объ Олѣ... Она едва ли любитъ меня... мы мало знаемъ другъ друга... ее вооружили...

— Я и пришелъ собственно затѣмъ, чтобы переговорить съ вами о ней,—осторожно перебилъ ее Рябушкинъ. — Вы знаете, что я по волѣ покойной княжны Олимпіады Платоновны завѣдую небольшими средствами и небольшимъ клочкомъ земли, оставленными вашей дочери княжной... Это заставляло меня не прерывать сношеній съ вашей дочерью... кромѣ того я давно успѣлъ полюбить и ее, и покойнаго Евгенія, занимаясь ихъ образованіемъ, мнѣ было жаль бросить забытую всѣми дѣвочку...

— Благодарю васъ, что вы заботились о моей бѣдной дѣвочкѣ!—быстро сказала Евгенія Александровна и протянула Рябушкину руку.—Я не могла заботиться о ней, какъ бы слѣдовало... мое здоровье было разстроено, и кромѣ того у меня другая семья... Ахъ, не вините меня за холодность... если бы вы знали, вы бы...

— Помилуйте,—опять перебилъ ее Рябушкинъ:—я и не думаю обвинять васъ въ чемъ-нибудь. Напротивъ того, я пришелъ къ вамъ съ просьбой, какъ къ матери Ольги Владиміровны, какъ къ женщинѣ, вполнѣ понимающей, что значитъ любовь, что значитъ семейное счастіе...

Рябушкинъ совершенно не зналъ, какъ кончить начатую рѣчь. Такихъ объясненій съ барынями онъ никогда еще не велъ. У него точно что перехватило горло.

— Вы, конечно, желаете Ольгѣ Владиміровнѣ всего лучшаго,—снова заговорилъ онъ черезъ минуту:—и, разумѣется, понимаете, что величайшее счастье для нея, если она можетъ устроиться... то-есть выйти замужъ... по любви, по страсти...

Онъ перевелъ духъ, ругая себя въ душѣ за неумѣлость, за неразвязность. На его лбу выступилъ даже потъ. Въ его головѣ шевелилась мысль, что никогда онъ не объяснялся такъ глупо и такъ неумѣло.

— Она влюбилась въ кого-нибудь?—быстро спросила Евгенія Александровна и весело засмѣялась:—Дитя! Онѣ въ институтахъ всегда воображаютъ, что въ кого-нибудь влюблены... въ учителя... въ швейцара...

— Нѣтъ... это не шутка!.. она, то-есть я... мы оба любимъ другъ друга,—сказалъ Рябушкинъ, окончательно путаясь и запинаясь.

Digitized by Google

— А! она влюблена въ васъ! Поздравляю! У нея недурной вкусъ! — сказала Евгенія Александровна и прищурилась, вглядываясь въ Петра Ивановича.—Но она еще совсѣмъ дѣвочка!..

— Ей семнадцать лѣтъ,—сказалъ Рябушкинъ.

— Семнадцать?... Да, да!.. Ахъ, какъ идетъ время! какъ идетъ время! — воскликнула Евгенія Александровна, качая головкой.

— Я пришелъ просить ея руки,—разомъ закончилъ Петръ Ивановичъ, точно сваливая тяжелую ношу.

— Что же... мой мужъ не откажется помочь ей въ приданомъ... у него есть связи, и онъ можетъ дать и вамъ хорошее мѣсто,—проговорила Евгенія Александровна въ раздумьи.

— Мнѣ ничего не надо... я теперь вполнѣ обезпеченъ,—поторопился сказать Рябушкинъ.—Мнѣ только нужно ваше согласіе, какъ матери... Я надѣюсь...

— Ахъ, да, да!—сказала Евгенія Александровна, точно дѣло шло о какомъ-нибудь приглашеніи на балъ.—Я ничего не имѣю противъ васъ... Я желаю ей счастія, и если она любитъ, то не мнѣ идти противъ ея желанія... Вѣдь вы сдѣлаете мою дѣвочку счастливою, не правда ли?—съ чувствомъ произнесла она, протягивая ему руку.—Впрочемъ, что я говорю... Вы и молоды, и хороши собою, и, вѣрно, добры, такъ развѣ она можетъ быть несчастлива съ вами!

Рябушкинъ поцѣловалъ горячо у Евгеніи Александровны руку. Евгенія Александровна поцѣловала его въ лобъ. Она была такъ растрогана этой умилительной сценой, сознавая, что она, какъ любящая мать, устраиваетъ счастье своей дочери.

— Когда же вы думаете устроить свадьбу?—спросила она дружескимъ тономъ, держа его за руку.

— Тотчасъ послѣ выпуска Оли изъ института,—отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, надо скорѣе торопиться все приготовить!—торопливо сказала она, точно дѣло шло о приготовленіи всего нужнаго сейчасъ же.—Положитесь во всемъ на меня. Я хочу, чтобы моя дѣвочка вышла замужъ вполнѣ прилично, и позабочусь обо всемъ, обо всемъ сама.

— Но мы сдѣлаемъ все это какъ можно скромнѣе,—замѣтилъ Рябушкинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я все устрою!—перебила она его.—Я хочу, чтобы на васъ всѣ любовались, чтобы вамъ всѣ завидовали! Вы будете прелестною парой.

Digitized by Google

У Евгеніи Александровны уже явился цѣлый планъ приготовленій къ свадьбѣ, устройства свадебнаго пира, пріема молодыхъ. Она даже объявила, что она будетъ крестить ихъ перваго ребенка. При этомъ она расхохоталась самымъ задушевнымъ смѣхомъ, вспомнивъ, что она будетъ скоро «бабушкой». Рябушкинъ тоже не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ какую-то двусмысленность. Между нею и имъ сразу завязались дружескія, искреннія отношенія.

— Вы сегодня обѣдаете у насъ, я васъ представлю моему Жаку,—сказала Евгенія Александровна.—Онъ у меня немножко сухой педантъ, но добрый, милый человѣкъ...

— Но меня ждетъ дома мать,—попробовалъ отговориться Рябушкинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и слушать не хочу! Дайте знать старушкѣ, что вы обѣдаете у меня—вотъ и все! Я пошлю лакея съ вашимъ письмомъ! — рѣшительно отвѣтила Евгенія Александровна.—А васъ не отпущу ни за что.

Она взяла изъ рукъ Петра Ивановича шляпу и спрятала ее...

Не прошло и часу, какъ Рябушкинъ уже игралъ и балагурилъ съ дѣтьми Евгеніи Александровны, смѣшилъ ее двусмысленными анекдотами и чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома. Ивинскому онъ былъ отрекомендованъ, какъ «будущій родственникъ». За столомъ пили за его здоровье, за его будущее счастье. Вечеромъ Евгенія Александровна увезла его на елагинскую стрѣлку, чтобы воспользоваться чудесной весенней погодой...

Когда онъ возвратился домой, онъ былъ вполнѣ очарованъ и счастливъ. Этотъ день, полный неожиданностей, прошелъ для него, какъ свѣтлый сонъ. Дома онъ далеко за полночь объяснялъ своей матери, какъ онъ любитъ Олю, какъ приняла его Евгенія Александровна, какъ обязательно предложилъ ему Ивинскій свои услуги, если ему понадобится протекція. Старушка Рябушкина, какъ всегда, слыша, что ея сына обласкали добрые люди,—сказала съ благоговѣніемъ: «Благослови ихъ, родныхъ, Господи!»

— Вотъ я и у пристани... другая жизнь начнется... Полно закучивать, да падать духомъ, теперь семья своя будетъ, прочное гнѣздо будетъ,—возбужденнымъ тономъ говорилъ Рябушкинъ, ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ.—Теперь нужно только, не лѣнясь, работать, честно и бодро работать—и все пойдетъ хорошо... не безслѣдно пройдетъ жизнь... Знаешь, мать, я теперь точно впервые на двухъ ногахъ стою, твердо и прочно стою, ничего не боясь, не колеблясь...

Digitized by Google

— А я-то, я-то, голубчикъ, какъ счастлива!—говорила старушка въ восторгѣ.—Все молчала, а теперь скажу—боялась, что ты не пристроишься, такъ холостякомъ и останешься... Ужъ это какая жизнь: пріятели, гульба... Ты не пьяница, не какой-нибудь забулдыга, да веселья-то въ домѣ нѣтъ со мной, старухой, съ книгами, не манитъ пустой-то домъ, ну, поневолѣ и пойдешь куда попало лишній разъ, а тамъ—сегодня пошелъ, завтра пошелъ—и затянетъ эта самая холостая жизнь... гульба эта безшабашная... Вотъ тоже, когда получилось письмо о смерти Женички, пришелъ ты ночью не въ своемъ видѣ: плакалъ, плакалъ, а потомъ кричать началъ: «все перебью, все! ничего не надо, все уничтожу!»... Господи, напугалась я тогда, поджилки трясутся, укладываю, ублажаю тебя, а ты жизнь проклинаешь, слова такія страшныя говоришь... а у самого икота, икота!.. Извѣстно, съ горя это было... съ горя большого...

— Да, да, съ горя!—подтвердилъ Петръ Ивановичъ и задумался, вспомнивъ про Евгенія.—Вотъ тоже умеръ ни за грошъ, ни за денежку!—грустно проговорилъ онъ.—Какъ бы порадовался, если бы теперь живъ былъ. Вѣдь онъ первый былъ моимъ сватомъ.

— Что ты!—удивилась старушка.

— Да, да...

Петръ Ивановичъ разсказалъ матери, какъ его уговаривалъ Евгеній жениться на Олѣ.

— И не зналъ онъ матери, боялся ея, — проговорилъ Рябушкинъ въ раздумьѣ.—Наслушался разныхъ толковъ о ней и сплетенъ, а того и не зналъ, что за добрая это душа. Ну, испортили ее воспитаніе, люди, среда, провела она бурную молодость. Да кто же не заблуждался, кто же не падалъ? Нельзя же бросать въ каждаго камень за его ошибки? Это великая евангельская истина!.. Нужно умѣть прощать, нужно умѣть искать душу подъ этой житейской грязью, прилипающею на жизненномъ пути къ человѣку. Этого-то онъ, дитя, и не умѣлъ дѣлать, въ крайности еще впадалъ, утрировалъ еще все...

— Не отъ міра сего, видно, человѣкъ былъ, — со вздохомъ сказала старушка:—оттого и не жилецъ на свѣтѣ былъ!..

Петръ Ивановичъ молча подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, барабаня пальцами по подоконнику. Наступало уже утро, весенняя заря уже освѣщала дома мутнымъ, болѣзненнымъ полусвѣтомъ. Въ головѣ Рябушкина роились какія-то странныя мысли о себѣ, объ Олѣ, объ

Digitized by Google

Евгеніи, объ Евгеніи Александровнѣ, о княжнѣ Олимпіадѣ Платоновнѣ. Онъ дѣлалъ какія-то сравненія, производилъ какой-то анализъ всѣхъ этихъ характеровъ. И среди этихъ думъ, одно слово постоянно, словно невольно, неизвѣстно почему, навертывалось ему на языкъ, это слово «примиреніе». «Примиришься — и живешь; не примиришься — и умирай!» — мелькало въ его головѣ.— Не всѣ только могутъ примириться, иные требованій слишкомъ много предъявляютъ жизни. Кто хочетъ жить, тотъ долженъ быть снисходителенъ. Тоже люди не ангелы, жизнь не рай, чтобы требовать только совершенства и не допускать никакихъ компромиссовъ. Нужно дѣлать уступки. Худой миръ все же лучше доброй ссоры!» И вдругъ въ его головѣ возникъ вопросъ: «До какихъ предѣловъ нужно дѣлать уступки?» а затѣмъ вопросъ явился въ еще болѣе категорической формѣ, и тайный голосъ, словно издѣваясь и глумясь надъ Рябушкинымъ, допрашивалъ его: «Ну, вотъ, напримѣръ, ты до какого предѣла будешь уступать?» Рябушкинъ вдругъ сердито встряхнулъ головой, точно что-то стряхивая съ себя, и быстро проговорилъ:

— Ну, мать, пора и на боковую, а то чортъ знаетъ, что начинаетъ лѣзть въ голову!

— Усталъ ты, голубчикъ!—сказала мать.

— Да, усталъ,—тихо отвѣтилъ онъ.

Мать и сынъ разошлись по своимъ комнатамъ — оба утомленные, оба жаждущіе успокоенія и сна.

Что было дальше: это уже не интересно для постороннихъ, такъ какъ дальше началась идиллія примиренія, любви, поцѣлуевъ, семейнаго счастія и восторговъ. Довольно сказать, что всѣ — и старушка Рябушкина, и Петръ Ивановичъ, и Евгенія Александровна, и Оля были очарованы другъ другомъ, не могли прожить другъ безъ друга ни одного дня, проектировали поселиться вмѣстѣ на дачѣ въ Павловскѣ, ѣздить вмѣстѣ на музыку, кататься вмѣстѣ по утрамъ... Даже господинъ Ивинскій былъ доволенъ: ради бракосочетанія дочери Евгенія Александровна не уѣхала снова за границу и говорила всѣмъ и каждому:

— О, я теперь впервые вполнѣ счастлива. Если бы вы знали, до чего любятъ меня Оля и Петръ Ивановичъ, хотя, представьте, она, дурочка, ревнуетъ немного его ко мнѣ!..

Они всѣ точно пришлись по плечу другъ другу.

Digitized by Google

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ.

Непрошенный гость, надѣлавшій не мало хлопотъ людямъ, ожидавшимъ его и потому относившимся къ нему съ ненавистью, въ сущности былъ никому неизвѣстенъ, никто не зналъ, кто онъ: мальчикъ или дѣвочка, будущій негодяй или будущій подвижникъ. Его ненавидѣли просто потому, что онъ долженъ былъ явиться незванный, непрошенный на свѣтъ.

Отецъ этого существа былъ гимназистъ, желавшій, чтобы его считали лицеистомъ или правовѣдомъ; мать—дѣвчонка для побѣгушекъ. Онъ былъ красивъ, ловокъ, изященъ, носилъ pince-nez для приданія себѣ важности и говорилъ немного въ носъ, считая это аристократичнымъ; она отличалась только почти дѣтскою свѣжестью, деревенскимъ здоровьемъ, яркимъ румянцемъ и ходила всегда въ затрапезномъ платьѣ, пугливо и растерянно прислушиваясь, не крикнетъ ли ей кто-нибудь: «Дунька, сдѣлай то! Дунька, принеси это!» Онъ, проходя мимо нея, иногда удостоивалъ ее тѣмъ, что ущипнетъ ее гдѣ-нибудь или смажетъ по носу пальцемъ, какъ заигрываютъ иногда мимоходомъ съ забавнымъ щенкомъ; она смотрѣла на него удивленными глазами деревенскаго ребенка, увидавшаго удивительно красивую игрушку столичнаго издѣлія, и съ особеннымъ усердіемъ чистила ему сапоги, потому что это «сапожки молодого барина». Ихъ отношенія не интересовали никого, потому что у него была только мать, сильно озабоченная мыслью, какъ бы поприличнѣе жить, а у нея... и вовсе никого не было изъ близкихъ.

Мать юноши—статская совѣтница Марья Павловна Палтусова, называвшая себя «генеральшей», жила небольшой пенсіей, не соотвѣтствовавшей ея большимъ претензіямъ.

Digitized by Google

Она отдавала внаймы три комнаты постороннимъ людямъ, чтобы только жить, «какъ люди живутъ». Она не считала, что она содержитъ меблированныя комнаты, что она сдаетъ комнаты жильцамъ, и просто замѣчала небрежнымъ тономъ:

— Мнѣ съ Митей наша квартира велика, и потому я уступила три комнаты добрымъ знакомымъ. Можно бы, конечно, перемѣнить квартиру, но эти маленькія квартиры всегда такъ неудобны, пахнутъ кухней, безъ парадnаго хода...

«Парадный ходъ» для нея былъ главной принадлежностью квартиры, такъ какъ она считалась «тонной дамой» и принимала у себя «порядочныхъ людей». Одинъ изъ нихъ, по ея словамъ, долженъ былъ даже сдѣлаться товарищемъ министра, хотя покуда онъ и не былъ еще товарищемъ министра. Въ качествѣ тонной дамы, она не любила «возиться съ прислугой», то-есть не обращала вниманія, есть ли у прислуги хлѣбъ, имѣетъ ли прислуга сносный уголъ, и требовала только, чтобы прислуга дѣлала свое дѣло, мыла, готовила кушанье, стирала, бѣгала въ лавки, чистила платье, отворяла двери. Прислугъ у нея всегда было двѣ: кухарка и дѣвчонка для побѣгушекъ. Кухарки уживались въ домѣ очень не долго, называя этотъ домъ «голоднымъ царствомъ» и высказывая при уходѣ, по свойственной всѣмъ кухаркамъ необразованности, всевозможныя дерзости генеральшѣ; дѣвчонки для побѣгушекъ, выискивавшіяся среди деревенскихъ сиротъ, оставались въ домѣ гораздо дольше и, если пробовали возмущаться, то генеральша собственноручно «учила ихъ», то-есть драла за ушонки, называя ихъ «вшивицами». Дольше всѣхъ другихъ дѣвчонокъ для побѣгушекъ жила у генеральши краснощекая Дунька. Этой совсѣмъ ужъ некуда было уйти отъ генеральши, хотя, повидимому, свѣтъ и былъ великъ. Въ сущности обязанностью Дуньки было метаться весь день изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлой.

— Дуня, сходи за папиросами! — раздавался голосъ одного жильца.

— Дуня, чаю!—кричалъ другой жилецъ.

— Дуня, мыться!—приказывалъ третій жилецъ.

— Дуня, меня завтра разбуди въ шесть часовъ!—наказывалъ молодой баринъ.

И Дунька металась: ставила самоваръ, тащила папиросы, подавала мыться, съ тревогой думала: «какъ бы не проспать завтра, а то молодой баринъ забранится».

Она спала въ коридорѣ, на полу, на старенькомъ ма-

Digitized by Google

трацѣ; матрацъ ежедневно она таскала изъ-подъ кровати кухарки, гдѣ онъ валялся днемъ. Иногда кто-нибудь, проходя ночью по коридору, наступалъ ногой на этотъ матрацъ или на Дуньку и сердито ворчалъ:

— Чортъ, улеглась на дорогѣ! Не нашла другого мѣста.

Но другого мѣста не было, и Дунька продолжала спать «на дорогѣ». Она, впрочемъ, не роптала на свою судьбу. Въ деревнѣ, гдѣ у нея не было ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни близкихъ, ей жилось еще хуже. Пріютившая ее въ деревнѣ семья сама билась, какъ рыба объ ледъ, и голодала съ пятью лишними ртами; ротъ Дуньки былъ шестымъ лишнимъ ртомъ, и потому на его долю оставалось очень мало крохъ или даже и вовсе не осталось ничего. Попавъ къ генеральшѣ, она стала даже говорить: «здѣсь рай!» Здѣсь ее, по крайней мѣрѣ, не били, какъ тамъ; здѣсь она, по крайней мѣрѣ, не дрогнула на морозѣ, какъ тамъ; здѣсь ей, по крайней мѣрѣ, не приходилось таскать ведрами воду изъ колодца и носить дрова изъ сараевъ зимою. У генеральши съ ней были ласковы и даже шутили «господа». Въ квартирѣ всѣ ее звали «нашъ Фигаро». Иногда ей даже такъ и говорили:

— Ну-ка, Фигаро, слетай въ табачную за картами!

— Фигаро, водки и пива! Да чтобъ однимъ духомъ все было готово!

Она не понимала, что значитъ слово Фигаро, но знала, что, когда его произносятъ, то говорятъ о ней, какъ знаютъ, напримѣръ, собачонки, что, когда мы говоримъ «Венерка», «Трезорка», «Діанка», то говоримъ именно о нихъ. Впрочемъ, бывали минуты, когда она сердилась, слыша эту кличку.

— Что я вамъ за Фигара досталась!—восклицала она въ эти минуты раздраженія.—Не Фигарой, а Авдотьей, слава тебѣ, Господи, крестили!

— Да ты что же огрызаешься?—спрашивали ее.

— А какъ не огрызаться! Вамъ смѣхъ: Фигара, да Фигара. А я одна на всѣхъ!

Но черезъ минуту она успокаивалась и снова металась изъ угла въ уголъ. Порой, когда она особенно угождала господамъ быстрымъ исполненіемъ ихъ порученій, они давали ей пятаки и гривенники и трепали ее по румянымъ щекамъ, награждали дружескими щипками.

Молодой баринъ не давалъ ей никогда ничего, хотя и трепалъ ее по щекамъ и щипалъ чаще другихъ. Давать онъ ей ничего и не могъ, такъ какъ у него самого ничего

Digitized by Google

не было. Генеральша хлопотала все больше насчетъ воспитанія: она учила его «манерамъ», объясняла ему, какъ слѣдуетъ себя держать въ приличныхъ домахъ, замѣчала ему, что «фи, какъ онъ выражается», но денегъ... она была бы рада, если бы ей самой кто-нибудь далъ денегъ, потому что къ ней могъ всегда заѣхать будущій товарищъ министра, а ему чай «слѣдовало подавать съ мелкимъ печеньемъ» и кондитерскимъ тортомъ, такъ какъ товарищи министровъ всегда такъ чай пьютъ, или «вдругъ ее могли позвать» на вечеръ къ генеральшѣ такой-то или этакой-то, и ей непремѣнно нужно было ѣхать въ «свѣжихъ перчаткахъ», чищенныхъ не болѣе двухъ разъ, и въ «новой наколкѣ», передѣланной въ крайнемъ случаѣ только четвертый разъ въ одинъ сезонъ. Впрочемъ, генеральша и вообще не признавала въ принципѣ, что деньги могутъ быть нужны на что-нибудь ея «мальчику»—мальчикомъ она звала сына потому, что она считала себя еще «молодой вдовой». Ея мальчикъ былъ всегда прилично одѣтъ въ новенькій сюртучокъ и въ продранное бѣлье; за нимъ присылали экипажи его друзья, его брали въ театръ ихъ добрые знакомые, и за все это ему не приходилось платить денегъ, покуда онъ былъ почтителенъ, ласковъ и услужливъ съ покровителями. На что же ему еще деньги? Онъ и безъ нихъ пользовался всѣми удовольствіями, и даже больше, такъ какъ раза два онъ пріѣхалъ домой навеселѣ, и мать, укоризненно грозя ему пальчикомъ, замѣтила:

— Шалунъ, шалунъ, туда же, покучиваетъ!

Она не только не сердилась, но даже восхищалась, зная, «гдѣ» и «съ кѣмъ» онъ подкутилъ: «они» удостоили напоить его въ своей компаніи—это совсѣмъ comme il faut!..

Должно-быть, послѣ одного изъ такихъ кутежей, утромъ, когда Митю будила Дунька, расталкивая его осторожно за плечо, онъ случайно поймалъ ее за руку и сталъ съ нею возиться и школьничать, лежа на постели...

Странное что-то стало твориться съ Дунькою. Приходилось ей попрежнему метаться изъ угла въ уголъ, но среди этого метанья она порой внезапно забывала, куда она должна была бѣжать. Она останавливалась съ широко открытыми, изумленными и недоумѣвающими глазами, какъ-то пугливо вскрикивала: «Господи, вотъ-то стряслось!» и начинала ревѣть, какъ ревутъ деревенскіе ребятишки, жалуясь надутыми губенками, что ихъ обидѣли, и утирая слезы кула-

Digitized by Google

ками. Никто не замѣчалъ этого, потому что до Дунькиныхъ слезъ никому не было и дѣла: всѣ знали, что Дунька поплачетъ и перестанетъ. Первый замѣтилъ это молодой баринъ, и то потому, что случайно наткнулся на нее въ темномъ коридорѣ, когда она ревѣла.

— Приходи, когда всѣ улягутся! — шепнулъ онъ ей, ущипнувъ ее повыше локтя.

Она хотѣла что-то отвѣтить и не могла. Рыданія перехватили голосъ. Тутъ только молодой баринъ услыхалъ что-то похожее на заглушаемыя рыданія.

— Что ты?—спросилъ онъ.

Она, всхлипывая, прошептала молящимъ голосомъ:

— Простите, голубчикъ вы мой!.. Простите!

— Да ты что... Опять что-нибудь разбила!..

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Голубчикъ вы мой, беременна я!..

Онъ даже отопрянулъ и какъ-то особенно свистнулъ. Потомъ онъ недовольнымъ, отрывистымъ тономъ проговорилъ:

— Это ужъ совсѣмъ лишній сюрпризъ!..

— Ужъ такой... такой, что я не знаю! — прошептала Дунька. — Не ругайтесь вы только, голубчикъ мой... не сердитесь...

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Затѣмъ онъ отвернулся отъ нея и небрежно сказалъ:

— Ну, нечего дѣлать—не приходи!

И прошелъ въ свою комнату...

Съ этой минуты она стала ему не нужна. Она это понимала и точно стыдилась, что не сумѣла ему угодить. Онъ къ ней всей душой,—а она—на-вотъ что надѣлала! Она второй разъ уже испытывала это чувство стыда. Въ первый разъ оно явилось у нея, когда она случайно разбила его любимую чайную чашку, и онъ дней пять-шесть подъ рядъ говорилъ при ней:

— Чортъ знаетъ, переколотятъ посуду, а ты пей вонъ изъ этой лаханки!

Она и тогда ночей не спала и все думала, гдѣ бы ему найти другую чашку, точно такую, какъ разбитая ею.

Онъ тоже сильно волновался теперь и постоянно задавалъ себѣ вопросъ: «чѣмъ все кончится?» Отвѣта не находилось, и онъ повторялъ одну и ту же фразу: «скорѣй бы все это кончилось!» Онъ боялся матери, стараясь доказать себѣ, что онъ вовсе ея не боится. То онъ увѣрялъ себя, что онъ вполнѣ взрослый мужчина, на что имѣлось вполнѣ ясное доказательство; то онъ принималъ видъ щенка, не

Digitized by Google

только вылакавшаго не для него приготовленное молоко, но и разбившаго посуду, заключавшую это молоко. Съ Дунькой онъ заговорилъ о своихъ тревогахъ всего только одинъ разъ.

— Что ты думаешь дѣлать-то?—спросилъ онъ ее съ напускной небрежностью.

— Что же мнѣ дѣлать-то?—отвѣтила она пугливо, глядя на него растерянным взглядомъ.

— Ты не разсказывай матери,—замѣтилъ онъ.

— Барыня сами замѣтятъ,—отвѣтила она.—Не скроешь этого, охъ, не скроешь!

— Да, это-то!—проговорилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на ея талью.

Ему было неловко прямо сказать ей, чтобы она не разсказывала его матери только про него. Онъ подумалъ и продолжалъ, что-то сообразивъ:

— Ты бы сказала матери, что ѣдешь въ деревню... на побывку... Ну, а потомъ, когда все кончится, придешь опять къ намъ...

Онъ ласково взялъ ее за подбородокъ и заглянулъ ей въ глаза.

— Вѣдь придешь? Да?—спросилъ онъ.

Она схватила его руку и быстро начала ее цѣловать.

— Голубчикъ мой, душу мою отдала бы вамъ!—заговорила она, заливаясь слезами.

— Ну, ну, полно!—сказалъ онъ, отирая о сюртукъ омоченную ея слезами руку.—Все кончится, тогда придешь опять...

Онъ даже обнялъ ее и погладилъ по головѣ.

— Не прогоните?—спросила она, заглядывая въ его глаза.

— Какая ты! Зачѣмъ же гнать?—сказалъ онъ небрежно и многозначительно прибавилъ:—Ну, а узнаетъ мать, тогда не возьметъ, пожалуй... Да, навѣрно не возьметъ... ни за что не возьметъ!.. Я ее знаю...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что вы!.. Не узнаетъ!—испуганно воскликнула Дунька.

Теперь у нея явилась надежда, и она, подобно ему, стала мысленно повторять одну и ту же фразу: «Скорѣй бы все это кончилось!..»

Одного только боялась Дунька: «вдругъ генеральша возьметъ, да и не повѣритъ ей, что она въ деревню къ роднымъ ѣдетъ!» И какіе у нея, у Дуньки, могутъ быть родные? Сама она столько разъ говорила, что никого-то у нея на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ! Ей казалось даже что у нея никогда и прежде

Digitized by Google

никого родныхъ не было на свѣтѣ,—что такъ явилась она, Дунька, какъ-то сама собою на свѣтъ, гдѣ-то въ полѣ; подобрали проходившіе по полю люди, взяли ее къ себѣ, чтобы она подросла, да стала воду таскать, дрова носить, дѣтей няньчить, вотъ и все. Нѣтъ, не повѣритъ генеральша, что у нея есть родные! Ну, а не повѣритъ, разсердится, тогда нечего и думать, чтобы она взяла ее, Дуньку, опять къ себѣ, когда все это кончится.

Не сразу рѣшилась Дунька высказаться и, когда стала объяснять генеральшѣ о необходимости ѣхать въ деревню, то заговорила такимъ сладкимъ-сладкимъ пѣвучимъ голосомъ, что генеральша тотчасъ же всему и повѣрила.

— Что-жъ, это доброе дѣло, что ты родныхъ не забываешь,—сказала она ласково.

— У меня тетенька нездорова-съ и дяденька тоже-съ, земляки пріѣзжали, такъ говорятъ-съ,—начала жалобно-прежалобно врать Дунька, моргая сухими глазами.

— Поѣзжай, поѣзжай, милая!—прервала ее генеральша.—Потомъ пріѣдешь, опять приходи жить къ намъ... Что-жъ, я была тобою довольна... Да у тебя, можетъ-быть, денегъ мало?.. Я тебѣ дамъ на дорогу...

И достала генеральша портмонэ, и дала Дунькѣ на дорогу десять рублей. Дунька чуть не вскрикнула и бросилась цѣловать ручки матушки-барыни, орошая ихъ слезами.

— Не надо, не надо!—говорила генеральша, пряча за спину свои бѣлыя, какъ пудра, руки.—Я всегда рада помочь, чѣмъ могу... Поѣзжай съ Богомъ!..

Дунька поѣхала не въ деревню, конечно, а въ одно изъ петербургскихъ захолустій, гдѣ нашелся дешевый уголъ.

— Что-жъ, до новаго мѣста берешь уголъ?—допрашивала ее квартирная хозяйка, вдова-солдатка, отдававшая углы всякому сброду и пускавшая за извѣстную плату въ свою «фатеру» ночевать безпаспортныхъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Дунька.—Поденно буду работать.

— Что-жъ такъ?

— Беременна я!

— Ишь ты!.. Отъ кого нагуляла?

— Отъ молодого барина.

— Значитъ, денегъ далъ?

— Какія деньги! самъ голубчикъ радъ былъ, если на папиросы гривенникъ раздобудетъ.

Хозяйка обезпокоилась.

Digitized by Google

— Такъ платить-то изъ чего будешь? У меня, матка, деньги чтобы завсегда впередъ.

— Буду поденно работать... Барыня тоже дала немного... мать евонная...

— Значитъ, сама-то знала?

— Нѣтъ!

— Такъ съ чего же денегъ-то дала?

— Въ деревню, сказала я, ѣду, такъ она и дала на дорогу.

Хозяйка съ недовѣріемъ покачала головой.

— Такъ не дала бы! Знала! Глупа ты, дѣвка, какъ посмотрю на тебя!

— Знала бы — не дала бы! Выгнала бы! — заспорила дунька.—А то говоритъ: «ты, милая, пріѣзжай опять».

— Ну, и выходитъ, что знала. Шкандала боялась, отступныхъ и дала—вотъ что!

— Какой же шкандалъ?

— А ты думаешь, его одобрили бы, если бы вдругъ, да въ судъ?

Дунька даже испугалась.

— Что вы, что вы? Какъ въ судъ? Да я, тетушка, его, голубчика моего, всею душою!.. Какъ же въ судъ?

Она тяжело вздохнула.

— Только бы вотъ это скорѣй кончилось!.. А онъ-то... говоритъ онъ: «ты приходи, Дуня! Я тебя люблю!..» А я вдругъ въ судъ бы!.. Что вы, тетушка, да я не въ жисть!... Въ судъ!..

Она волновалась при одной мысли, что она могла бы жаловаться на него. Ей вспомнилось, какъ еще недавно онъ ласкалъ ее и говорилъ: «смотри, приходи же, непремѣнно приходи опять къ намъ жить». Она и придетъ, непремѣнно придетъ, только бы это кончилось...

Она стала работать: ходила мыть полы, стирала бѣлье. Иногда во время этой тяжелой работы, въ какой-нибудь смрадной, полутемной прачечной, у нея вдругъ темнѣло въ глазахъ, голова кружилась, ноги подкашивались, по тѣлу пробѣгала знобкая дрожь, и ей нужно было куда-нибудь прислониться, сѣсть, среди грязной, мыльной воды, среди испареній грязнаго бѣлья. Въ головѣ смутно, точно сквозь сонъ, пробѣгала мысль: «кончается». Сознаніе на минуту терялось, душѣ становилось какъ-то легче подъ вліяніемъ сладкой надежды... Потомъ боль постепенно стихала, сознаніе возвращалось, и она, тяжело вздыхая и снова нагибаясь надъ лаханью, думала: «нѣтъ, видно, еще не скоро!» Ей прихо-

Digitized by Google

дило въ голову: что-то дѣлаетъ онъ, голубчикъ-баринъ? Скоро ли она его опять увидитъ? Ей вспоминалось его лицо, его голосъ, него шутки и ласки. Ее никто никогда не ласкалъ, кромѣ его. Никого-то не было у нея изъ родныхъ и близкихъ. Онъ одинъ любилъ ее. И что она такое? Дура деревенская, ни встать, ни сѣсть не умѣетъ, а онъ, баринъ, не гнушался ею, ласкалъ ее, и какъ еще ласкалъ! Каждый разъ за эти самыя ласки руки она его цѣловала. Тоже не безчувственная она какая-нибудь, понимаетъ, что значитъ ласка. Вонъ собака и та, когда ее гладятъ, руки лижетъ, благодаритъ, значитъ. А теперь даже взглянуть ей на него нельзя! Все изъ-за этого!.. Она, еще не испытавъ чувства матери, почти ненавидѣла своего будущаго ребенка. Изъ-за него она должна была уйти. Нужно тоже было этому сдѣлаться! Пожалуй, потомъ не возьмутъ ее. Какую-нибудь другую возьмутъ. Можетъ-быть, навяжется ему. Много ихъ такихъ-то, что навязываются! Онъ такой красавчикъ! Никогда бы, никогда бы она не ушла, если бы не это. И поди-ка, бѣдняжка безъ папиросокъ сидитъ. Бывало, нѣтъ-нѣтъ, да и перехватитъ у нея гривенникъ, другой. Тоже ему не сладко безъ гроша-то сидѣть, не мужикъ какой-нибудь, а баринъ.

— А куда ребенка-то думаешь отдать?—допрашивала ее хозяйка.

— Что ребенокъ! Въ воспитательный домъ возьмутъ!—отвѣчала равнодушно Дунька.

Была снѣжная, холодная зимняя ночь... Въ подвалѣ всѣ квартиранты, набитые, какъ сельди въ боченкѣ, уже спали крѣпкимъ сномъ, когда Дунька вернулась съ работы, совсѣмъ больная. Она стирала три дня подъ рядъ и теперь пришла домой, вся занесенная снѣгомъ, въ мокрой и замерзшей одеждѣ, утомленная трудомъ и ходьбой, точно разбитая. Въ кухнѣ, гдѣ она занимала уголъ у окна, не спала только хозяйка квартиры, ворчливо прибиравшая при свѣтѣ сальной свѣчи посуду, стирая со стола слѣды пролитыхъ пива и водки. Хватаясь за стѣну, шатаясь, какъ пьяная, Дунька дотащилась до постели, вздыхая и охая.

— Что ты стонешь? Притомилась, что ли?—спросила хозяйка.

— Охъ, худо мнѣ, тетушка! Моченьки моей нѣтъ! Смерть приходитъ!—простонала Дунька.

Кто-то изъ постояльцевъ проснулся и заругался, что тутъ ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. Хозяйка встревожилась и

Digitized by Google

засуетилась. Дунька продолжала охать и стонать все сильнѣе и сильнѣе, не обращая вниманія на то, что ее ругаютъ. Понемногу стало просыпаться все населеніе квартиры. Около Дуньки засновали женщины, полуодѣтыя, въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами, съ растрепанными волосами; ихъ черныя, длинныя тѣни имѣли что-то фантастическое. Нагорѣвшая свѣча бросала на ихъ лохмотья и всклоченныя головы красноватый свѣтъ. Въ кухнѣ слышался частый и сбивчивый говоръ. Среди этого говора снова послышалась крупная брань кого-то изъ мужчинъ. Тогда возвысили голоса и бабы, набросившіеся на «Ироловъ», которые только и знаютъ, что винище лопаютъ, такъ имъ и горюшка мало. Тоже помучились бы такъ-то! «Ироды» въ свою очередь не уступали «шлюхамъ мокрохвостымъ». Началась безобразная, площадная перепалка укоровъ и попрековъ со стороны мужчинъ и женщинъ; первые вступались за «нашего брата», вторыя отстаивали «нашу сестру». Въ полутьмѣ размахивались чьи-то руки, точно длинныя крылья ночныхъ птицъ или летучихъ мышей, сходились носъ къ носу чьи-то фигуры, кивавшія съ угрозой головами и напоминавшія фигуры сказочныхъ вѣдьмъ. Среди этого гама и шума въ встревоженномъ вертепѣ, среди звуковъ человѣческихъ голосовъ, раздался какой-то странный, жалобный звукъ,—не то пискнулъ щенокъ, не то мяукнулъ котенокъ. Женщины, столпившіяся у стола, около сальнаго огарка, толкая одна другую, что-то стали разсматривать и наперебой переговаривались между собой:

— Какъ же теперь, надоть дать знать полиціи?..

— Безпремѣнно надоть! Безъ полиціи никакъ невозможно!..

— Такъ-то бѣды еще наживешь! Тоже мертвое тѣло. Куды его сунешь? Убивство, скажутъ!

— Ну да, убивство! Стоитъ тоже всякую дрянь убивать!..

— Да кажись, вѣдь, крикнулъ?..

— Крикнулъ, да померъ...

— Экая оказія! Вотъ бѣда-то!..

— Нашла тоже бѣду! Вздохнетъ она теперь!..

Женщины стали что-то завертывать въ грязныя, дырявыя тряпки. Это былъ трупъ новорожденнаго человѣка.

Digitized by Google

ЧТО БЫЛО ЕЯ СЧАСТЬЕМЪ.

Ольга Дмитріевна Курчаева потеряла своего мужа, когда ей было едва ли двадцать девять лѣтъ. Она заперлась въ своемъ небольшомъ домикѣ-особнякѣ въ Петербургѣ, перестала выѣзжать куда бы то ни было, запустила всѣ знакомства и осталась одна со своими воспоминаніями. Ея жизнь стала походить на сонъ съ чудными сновидѣніями о двѣнадцати годахъ полнаго счастья. Вспоминать было о чемъ: каждый уголокъ ея дома, каждая ничтожная вещица, все напоминало ей ея Лео,—такъ звала она своего покойнаго мужа, Льва Александровича Курчаева. Правда, они только два года прожили въ этомъ домѣ, но этотъ домъ былъ такъ же обставленъ, какъ и ихъ деревенскій домъ, гдѣ она безвыѣздно прожила съ мужемъ первыя десять лѣтъ, послѣ замужества. Если ей во время замужества недоставало чего для полнаго семейнаго счастія, такъ только развѣ дѣтей. Потеря мужа отразилась на ней странно: Курчаева не билась, не рыдала, не думала о самоубійствѣ; она просто тихо и покорно плакала, вполнѣ вѣря, что она умретъ не сегодня, такъ завтра, что она разстается съ мужемъ на короткое время. Представить себѣ долгую жизнь безъ него, съ новыми радостями и надеждами, она не могла. Она просиживала часы въ его кабинетѣ, перебирала его письма, писанныя имъ къ ней, перечитывала книги, которыя они любили читать вслухъ, иногда садилась за фортепіано и играла тѣ пьесы, которыя онъ любилъ слушать. Поэзія ея прошлаго охватывала ее всю, подавляя всякія мечты о будущемъ. Она покорно ждала смерти, не измѣняя этого образа жизни и втягиваясь въ него, привыкая къ нему, какъ привыкаютъ къ опію, къ морфію. Посѣщенія знакомыхъ и родныхъ тяготили ее, отрывая ее отъ мыслей о мужѣ и близкомъ свиданіи съ нимъ. Это было

Digitized by Google

своего рода помѣшательство, спокойное, тихое, и разныя богатыя тетки и кузины, изрѣдка посѣщавшія ее, съ сомнѣніемъ качали головами и жалѣли ее, когда она говорила, что ей ничего не нужно, кромѣ этой жизни. Въ двадцать девять лѣтъ—и ничего не нужно, кромѣ затворничества съ воспоминаніями о прошломъ! Развѣ это не начало умственнаго разстройства? Ей говорили о театрахъ, о балахъ, о новыхъ модахъ, стараясь затянуть ее въ интересы свѣтской жизни; она слушала со скучающимъ видомъ и думала: «когда же уѣдутъ посѣтительницы»...

Какъ-то разъ къ ней заѣхала одна изъ ея двоюродныхъ сестеръ, Варвара Павловна Чарновская, бойкая и веселая свѣтская дѣвушка, и, засыпая хозяйку безчисленными новостями, замѣтила, между прочимъ:

— А вчера въ Петербургъ вернулся Дмитрій Ивановичъ Зеленовъ.

Молодая женщина очнулась отъ своего сонливаго полузабытья.

— Зеленовъ? Вы ему сказали о моей потерѣ?

— О, это его страшно поразило. Онъ весь вечеръ проговорилъ о тебѣ.

Молодая женщина вздохнула.

— Это былъ лучшій другъ Лео.

— Онъ просилъ позволенія заѣхать къ тебѣ.

— Я буду рада ему. Я знаю впередъ, что эта утрата поразила его.

— Значитъ можно сказать ему, чтобы заѣхалъ?

— Конечно, ты знаешь, что мнѣ дороги всѣ, кого любилъ Лео.

Молодая кузина оживилась еще болѣе, начала болтать о свѣтскихъ пустякахъ. Ее охватило радостное предчувствіе, что Ольга Дмитріевна оживетъ, воскреснетъ, вернется въ свѣтъ, встрѣтившись съ Зеленовымъ. Начало новаго романа всегда интересно. Романъ же долженъ былъ начаться непремѣнно. Зеленовъ еще молодъ, хорошъ собою, интересный собесѣдникъ. Онъ оживитъ, воскреситъ Курчаеву.

— А мы Ольгу выдадимъ замужъ,—говорила Чарновская дома своей матери, возвратившись отъ Курчаевой.

— За кого?—спросила мать.—Что ты выдумываешь!

— А вотъ увидите! Выйдетъ замужъ за Зеленова.

Старушка пожала плечами, сердясь на дочь.

— Какъ у тебя все это скоро дѣлается! Всѣхъ сейчасъ готова повѣнчать, а сама...

Digitized by Google

Старушка не кончила, махнувъ рукой. Она уже лѣтъ пять какъ сердилась на дочь за то, что та засидѣлась въ дѣвушкахъ.

Зеленовъ не спалъ до глубокой ночи, узнавъ, что Ольга Дмитріевна позволила ему явиться къ ней. Въ его душѣ поднялись самыя разнообразныя чувства: горечь о неудавшемся счастіи, смутныя надежды на лучшее будущее, сожалѣніе о женщинѣ, потерявшей любимаго мужа, тайная радость, что она, наконецъ, свободна.

Это былъ молодой морякъ, года на три старше Курчаевой, блестяще образованный, много видѣвшій, мужественно красивый, съ черными курчавыми волосами, съ загорѣлымъ лицомъ, съ честной прямотой моряка и съ той юношески наивной застѣнчивостью благородно самолюбиваго человѣка, которая придаетъ особенную прелесть молодымъ мужчинамъ среди ничѣмъ не смущающихся, наглыхъ свѣтскихъ фатовъ и хлыщей. Когда-то, мальчикомъ, онъ былъ по уши влюбленъ въ Ольгу Дмитріевну, тогда еще дѣвочку. Любовь была идеальная, платоническая, похожая на безмолвное обожаніе. Отправляясь въ первое плаваніе, онъ мечталъ о томъ, что время его возвращенія въ Россію совпадетъ со временемъ выхода Ольги изъ института, и онъ признается ей въ любви, поведетъ ее къ вѣнцу... Онъ вернулся черезъ три мѣсяца послѣ ея выхода изъ института и засталъ ее уже женою своего пріятеля, Льва Александровича Курчаева. Она по старой привычкѣ назвала его Митей, онъ обмолвился и назвалъ ее Ольгой Дмитріевной. Левъ Александровичъ запротестовалъ: они должны быть всѣ по-старому на «ты», какъ друзья, какъ родные. Молодой человѣкъ былъ тронутъ пріязнью, лаской, дружбой Курчаевыхъ и, тѣмъ не менѣе, скоро уѣхалъ отъ нихъ изъ деревни и немного закутилъ. Однако, нравственная порядочность, недюжинный умъ, хорошее образованіе взяли свое, и временный упадокъ духа прошелъ. Юноша принялся за дѣло, выработался въ серьезнаго человѣка, снова отправился въ плаваніе, увлекся изученіемъ морского дѣла за границей, и скоро его имя сдѣлалось однимъ изъ уважаемыхъ среди спеціалистовъ морского дѣла именъ. Въ деревню къ Курчаевымъ онъ болѣе не заглядывалъ, хотя въ Петербургѣ никто не проводилъ съ нимъ столько дней, сколько Курчаевъ, пріѣзжавшій ежегодно въ столицу «по дѣламъ», безъ жены, иногда на мѣсяцъ, иногда на два, то разъ, то два въ годъ. Зеленовъ былъ убѣжденъ, что Курчаева забыла его за эти двѣнадцать лѣтъ, и вдругъ съ

Digitized by Google

изумленіемъ и радостью узналъ, что она его помнитъ, желаетъ видѣть у себя, хотя она не принимаетъ никого изъ посторонних. Почему? развѣ онъ еще близокъ ей? развѣ онъ можетъ еще на что-нибудь надѣяться? Изъ-подъ пепла забвенія въ его душѣ вспыхнули искорки любви.

Онъ входилъ въ домъ Курчаевой съ тревогой въ душѣ, смущенный, сконфузившійся, какъ школьникъ. Пройдя залъ и гостиную, онъ увидалъ въ небольшомъ кабинетѣ, заставленномъ цвѣтами, стройную молодую женщину въ черномъ платьѣ. Онъ сразу узналъ ее и ему показалось, что она все та же дѣвочка, какою была двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Бѣлокурая, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, съ добрыми голубыми глазами, дѣвически стройная, она, казалось, даже похорошѣла. Черное платье дѣлало еще ослѣпительнѣе бѣлизну ея лица, ея шеи, ея маленькихъ рукъ. Онъ остановился въ дверяхъ, поклонился, не зная, съ чего начать, милый въ своей застѣнчивой неловкости. Она радушно, какъ старому другу, протянула ему обѣ руки.

— Я рада вамъ,—заговорила она.—Вы уже знаете *все*, что случилось.

Онъ дружески пожалъ ея руки.

— Я былъ глубоко пораженъ.

— О, я вѣрю! Лео такъ любилъ васъ!

Она подвинулась на мягкомъ голубомъ диванчикѣ, очищая мѣсто для него.

— Да, мы иногда видѣлись съ нимъ здѣсь, въ Петербургѣ,—сказалъ онъ, занявъ мѣсто около нея.

— Онъ всегда говорилъ, что онъ умеръ бы отъ тоски здѣсь, въ столицѣ, если бы не вы,—замѣтила она.—Еще бы! Ему такъ тяжелы были эти несносныя поѣздки по дѣламъ сюда, гдѣ у него не было никого, кромѣ васъ...

Онъ почему-то сконфузился и не зналъ, что отвѣчать. Она дотронулась до его руки.

— Вамъ тяжелы, мой другъ, эти воспоминанія. Я это понимаю. Вы такъ недавно еще узнали объ этой утратѣ.

Она вздохнула.

— А я только ими и живу, перебираю въ памяти всѣ мелочи, всѣ подробности нашей жизни—и точно вижу свѣтлый, волшебный сонъ.

Она заговорила о своемъ прошломъ счастьи. Ни облачка не было въ ея жизни. Ея Лео боготворилъ ее; она боготворила его. У нея тамъ, въ деревнѣ, не было никого близкихъ и родныхъ кромѣ него. Она изъ института попала прямо

Digitized by Google

подъ вѣнецъ, переселилась съ мужемъ въ деревню, и эта деревня стала ея земнымъ раемъ. Ея Лео не могъ ее никуда вытащить оттуда. Когда онъ уѣзжалъ на мѣсяцъ или на полтора въ Петербургъ, онъ писалъ ей ежедневно письма,— это цѣлыя кипы нѣжныхъ признаній въ любви. Какъ скучалъ онъ каждый разъ въ Петербургѣ! Иногда по нѣсколько вечеровъ, окончивъ дѣла, онъ не выходилъ изъ своего номера въ гостиницѣ. Если бы не Зеленовъ, онъ, какъ самъ писалъ, могъ бы съ ума сойти отъ тоски и одиночества, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ жены, оставленной тамъ, въ ихъ земномъ раю, въ деревенскомъ затишьи...

Зеленовъ сидѣлъ, притихнувъ, въ смущеніи, съ сдвинутыми бровями, точно на иголкахъ, и все придумывалъ, что ему сказать. Она же, дѣтски наивная, продолжала входить во всѣ подробности своей супружеской идилліи.

— Спасибо вамъ, что вы его берегли для меня,—проговорила Ольга Дмитріевна, окончивъ разсказъ и снова протягивая Зеленову руки.

Онъ горячо сжалъ ихъ и поднесъ одну изъ нихъ къ губамъ. Глубокая жалость къ этой женщинѣ-ребенку охватила его всего.

— Вы не можете себѣ вообразить, какую радость вы доставили мнѣ своимъ посѣщеніемъ,—искренно сказала она.— Я могу говорить съ вами и только съ вами о немъ, я могу не стѣсняясь вспоминать всѣ мелочи своей жизни. Другимъ это скучно; другимъ это чужое... Вы же... васъ связываетъ со мною любовь къ нему...

Она поднялась съ мѣста.

— Я вамъ покажу его послѣдній портретъ, его письма.

Она пошла впередъ легкой походкой, граціозная, стройная, дѣвственно прекрасная. Гладкій лифъ траурнаго платья, его тяжелыя складки, все это придавало особенную прелесть ея фигурѣ. Онъ, ослѣпленный ея красотою, покорный рабъ, безсознательно послѣдовалъ за нею въ кабинетъ ея мужа— онъ пошелъ бы за нею на край свѣта, если бы она этого потребовала, онъ сталъ бы выслушивать отъ нея все, что ей угодно, лишь бы любоваться ею, быть около нея.

Дмитрій Ивановичъ сдѣлался частымъ посѣтителемъ Курчаевой. Она читала съ нимъ тѣ книги, которыя читалъ съ нею Лео. Она и онъ, оба играли на фортепіано, и она давала ему тѣ ноты, которыя любилъ ея Лео, играла сама тѣ пьесы, которыя любилъ тотъ. Дмитрій Ивановичъ сдѣ-

Digitized by Google

лался ей почти необходимъ, и если онъ не бывалъ у нея день или два, она писала ему мелкимъ-мелкимъ почеркомъ коротенькія записочки: «Приходите, вы забыли меня». А ему все тяжелѣе и тяжелѣе становилось бывать у нея: онъ чувствовалъ, что онъ опять страстно любитъ—любитъ, какъ мальчикъ, робко, застѣнчиво, боясь, что сорвавшееся съ его языка признаніе порветъ ихъ отношенія, смутивъ этого двадцатидевятилѣтняго ребенка. Онъ чувствовалъ, что она питаетъ къ нему только дружбу,—дружбу за то, что онъ былъ другомъ того человѣка, который былъ для нея всѣмъ. Онъ сознавалъ, что онъ дорогъ ей не самъ по себѣ, а потому, что съ нимъ можно говорить о томъ человѣкѣ. Иногда онъ ощущалъ просто ненависть къ этому человѣку, чѣмъ больше убѣждался въ ея беззавѣтной любви къ этому человѣку, сблизившему ихъ и въ то же время стоявшему между ними.

Въ кругу родныхъ Курчаевой, между прочимъ, уже говорили, что «неутѣшная вдова» утѣшилась, что скоро она снова надѣнетъ подвѣнечное платье. Одни дѣлали насмѣшливыя гримасы, иронически замѣчая, что фарсъ притворства приходитъ къ развязкѣ; другіе искренно радовались, что вмѣсто сумасшедшаго дома Курчаева попадетъ къ новому домашнему очагу. Всѣ, впрочемъ, сходились во мнѣніяхъ относительно одного: всѣ признавали эту исторію интересной, и она развлекала не хуже послѣдней пьесы французскаго театра. Кузина Курчаевой, Варвара Павловна Чарновская, введшая въ ея домъ Зеленова, волновалась и суетилась болѣе другихъ, такъ какъ волноваться и суетиться было вообще въ ея характерѣ, а тутъ еще это дѣло являлось и вполнѣ созданіемъ ея рукъ. Какъ-то разъ она посмѣялась Зеленову:

— Вы еще не сдѣлали предложенія Ольгѣ?

Онъ сдѣлался серьезенъ, почти мраченъ.

— Ольга Дмитріевна такъ любила своего мужа, что никогда не полюбитъ другого,—отвѣтилъ онъ.

И, поддаваясь невольно накипѣвшей давно въ душѣ горечи, онъ прибавилъ:

— Онъ сумѣлъ сдѣлать себя ея кумиромъ, гдѣ же ей теперь поклоняться другимъ идеаламъ, другимъ богамъ?

— Положимъ, это былъ примѣрный мужъ,—начала Варвара Павловна:—но все же...

Зеленовъ рѣзко перебилъ ее:

— Ахъ, что вы говорите: примѣрный мужъ! примѣрный мужъ! Я думаю, я-то знаю хорошо оборотную сторону медали!

Digitized by Google

Чарновская взглянула на него удивленно, вопросительно.

— Вы несогласны съ этимъ?—спросила она.

— Нѣтъ,—коротко и сухо отвѣтилъ онъ.

Она опять съ удивленіемъ и любопытствомъ взглянула на него.

— Но вы же были его пріятелемъ.

— Да, потому-то я и знаю оборотную сторону медали,—произнесъ онъ, ничего не поясняя.

Варвара Павловна лукаво посмотрѣла на него, что-то сообразивъ чисто по-женски.

— Вы ревнуете ее къ покойнику и потому несправедливы къ нему! Да? сознайтесь, что это такъ.

Онъ пожалъ плечами и почти съ негодованіемъ отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь!

Она, любопытная, какъ настоящая праздная дочь Евы, продолжала приставать къ нему:

— Но что же вы можете сказать противъ него? Что?

— То же, что и всѣ, кто хотя немного вдумается въ его поведеніе,—сухо пояснилъ Зеленовъ.—Человѣкъ, уже пожившій, женился на неопытной, бывшей у него подъ опекою институткѣ, заперъ ее въ четырехъ стѣнахъ, въ деревнѣ, удалилъ отъ незнакомой ей жизни.

Варвара Павловна немного разочаровалась: она ждала какихъ-то открытій, тайнъ, а не этихъ простыхъ соображеній, логическихъ выводовъ. Она замѣтила:

— А! вотъ что! А если въ этихъ четырехъ стѣнахъ былъ ихъ рай, если имъ ничего болѣе было не нужно?

Онъ раздражительно перебилъ ее, задѣтый за живое ея возраженіями.

— Имъ! Имъ! Что вы говорите! Она—и только она—жила безвыходно въ этихъ четырехъ стѣнахъ, а онъ—онъ каждый годъ убѣгалъ изъ этихъ четырехъ стѣнъ на мѣсяцъ, на два, на три, какъ школьникъ изъ карцера...

— Нельзя же было бросить дѣла... Онъ ѣздилъ по дѣламъ въ Петербургъ...

— Дѣла,—съ презрительной усмѣшкой проговорилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Онъ покучивалъ здѣсь? Да?—допрашивала настойчиво Чарновская, чувствуя, что онъ знаетъ болѣе, чѣмъ говоритъ.

Онъ сухо замѣтилъ:

— Оставимте этотъ разговоръ. Мнѣ, право, тяжело говорить объ этомъ.

Варвара Павловна задумалась, покусывая губы отъ до-

Digitized by Google

сады, и все-таки не унялась—попробовала пустить въ ходъ новый планъ атаки:

— Какъ это странно! Вы бросаете новый свѣтъ на этого человѣка. Неужели онъ дѣйствительно обманывалъ Ольгу? Впрочемъ, нѣтъ, — въ васъ говоритъ простая ревность, и только...

Дмитрія Ивановича давно уже душила злоба, накопившаяся въ его душѣ за послѣднія недѣли—злоба на покойнаго Курчаева, на человѣка, стоявшаго между нимъ и любимой женщиной, на этого Тартюфа, какъ бы насмѣхавшагося даже за гробомъ надъ обманутой имъ женщиной. Приставанья и недовѣріе къ его словамъ со стороны Чарновской только подливали масло въ огонь. Онъ не выдержалъ, наконецъ, и прямодушный, честный, неумѣющій хитрить, готовый высказать все, въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ну да, обманывалъ, обманывалъ! Вамъ непремѣнно хочется все знать? Хорошо! Онъ пріѣзжалъ сюда, чтобы развернуться, кутнуть по-холостому, окунуться въ грязь разгульной жизни. Здѣсь у него были старыя связи: француженки и балетныя феи смѣняли одна другую. Въ ихъ будуарахъ нерѣдко писались трогательныя письма къ женѣ о томъ, что онъ, вѣрный мужъ, томится скукою, хандритъ, сидя одиноко дома. Эти дамы читали эти письма, смѣялись надъ ними, подсказывали ему новыя строки... Сначала я негодовалъ при мысли о томъ, какъ можно увлекаться, имѣя такую жену, какъ его жена; потомъ меня начало до глубины души возмущать это поведеніе, когда я понялъ, что оно истекаетъ не изъ простого легкомыслія, когда я сталъ понимать всю грязную подкладку этой жизни. Жена-ребенокъ была взята, главнымъ образомъ, исключительно ради денегъ; чтобы удержать за собою и ее, и ея деньги, нужно было держать ее взаперти, удаливъ отъ людей, отъ жизни. Это былъ наглый обманъ—обманъ систематическій, ловкій, длившійся двѣнадцать лѣтъ.

— Это возмутительно!—воскликнула Варвара Павловна, охваченная искреннимъ негодованіемъ, и прибавила съ упрекомъ:—Но какъ же вы-то могли оставаться его другомъ?

Онъ взглянулъ на нее удивленными глазами.

— Другомъ! Мы никогда не были друзьями уже потому, что мнѣ было всего двадцать лѣтъ, когда ему было подъ сорокъ. Правда, насъ связывали сначала пріятельскія отношенія, но потомъ и эти отношенія стали холоднѣе, почти порвались; далѣе я уѣзжалъ изъ Петербурга, былъ въ пла-

Digitized by Google

ваніяхъ и узналъ о его продѣлкахъ только отъ товарищей... Наконецъ...

Онъ брезгливо прибавилъ:

— Развѣ я могъ учить его, контролировать, предписывать ему образъ жизни? И развѣ его поведеніе было чѣмъ-нибудь хуже поведенія цѣлой массы такъ-называемыхъ порядочныхъ людей? Съ которыхъ это поръ мужья лишены права кутить, имѣть на сторонѣ связи, заводить возлюбленныхъ?

По его лицу скользнула горькая, ироническая усмѣшка.

— Но что всего сильнѣе поразило меня, такъ это то, что я служилъ для него въ нѣкоторомъ родѣ ширмой... Только встрѣтившись теперь съ Ольгой Дмитріевной, я узналъ, что Левъ Александровичъ постоянно превозносилъ меня въ письмахъ къ ней, какъ своего лучшаго друга, что онъ писалъ ей обо мнѣ, какъ о единственномъ его утѣшителѣ... И это именно въ то время, когда я былъ за тысячи верстъ, гдѣ-нибудь за океаномъ!..

Чарновская недоумѣвала:

— Какая же цѣль?

Зеленовъ усмѣхнулся.

— Должно-быть, Левъ Александровичъ хорошо изучилъ людей и подмѣтилъ во мнѣ врожденную брезгливость къ разоблаченіямъ и вмѣшательству въ чужія дѣла. За меня было удобнѣе всего прятаться, ради того, что я буду молчать уже изъ-за одной этой брезгливости...

— Есть чѣмъ хвалиться! — сердито вспылила Варвара Павловна.

— Да развѣ я хвалюсь этимъ? — рѣзко перебилъ Зеленовъ.—Я просто выставляю на видъ извѣстный фактъ. У каждаго могутъ быть свои недостатки, и я тоже не святой...

Дѣвушки, которымъ перевалило уже за двадцать пять лѣтъ, начинаютъ сознательно или безсознательно завидовать вышедшимъ замужъ подругамъ, особенно, если эти подруги счастливы. Варвара Павловна не была исключеніемъ изъ ихъ числа. Она, сама не сознавая того, завидовала даже тому, что Ольгѣ Дмитріевнѣ есть о комъ плакать. Веселая, бойкая, остроумная, подсмѣивающаяся надъ всѣмъ и даже надъ собой, иногда съ едва уловимой горечью старѣющейся дѣвушки, она часто говорила своей вѣчно хворавшей и брюзжавшей матери:

— Счастливица Ольга, у нея есть о комъ плакать!

Digitized by Google

И съ иронией прибавляла:

— Я пробовала-было всплакнуть о томъ, что не пригласили на зимній сезонъ Мазини, но ничего не вышло...

— Глупости ты все говоришь,—сердито сказала мать.

— Нѣтъ, право же такъ! Я была въ прошломъ году убѣждена, что обожаю его, а нынче — не пригласили его, попробовала плакать—слезъ нѣтъ.

Старуха совсѣмъ разсердилась.

— Оттого ты и замужъ не выходишь, что святого у тебя ничего нѣтъ, все и всѣхъ выпучиваешь.

Варвара Павловна засмѣялась.

— Ничего святого нѣтъ? Это потому, что Мазини не оплакивала?

Мать только рукой махнула.

— Съ тобой не сговоришь! Потому и замужъ не выходишь, что только насмѣшки на умѣ...

Когда Варвара Павловна узнала, что Ольгу Дмитріевну обманывалъ мужъ, она почти обрадовалась. Такъ вотъ каково было счастіе Ольги! Всю жизнь ее обманывалъ человѣкъ, а она его оплакиваетъ. Это просто смѣшно и жалко! Онъ, должно-быть, въ гробу насмѣхается надъ ней, какъ надъ дурочкой. Впрочемъ, можетъ-быть, Зеленовъ преувеличиваетъ. Онъ влюбленъ въ Ольгу и сердится, что между нею и имъ стоитъ покойникъ. Притомъ Зеленовъ немного пуританинъ, обыкновеннымъ явленіямъ придаетъ серьезное значеніе, дѣлаетъ изъ мухи слона. Какіе же мужья не дурачатся? Нельзя же всѣмъ жить такъ, какъ онъ живетъ. Надъ нимъ даже подсмѣиваются иногда за его солидность. Если бы всѣ жили такъ, какъ онъ, право, было бы очень скучно жить на свѣтѣ... Ей стало досадно, ей хотѣлось бы непремѣнно, чтобы можно было обвинить покойнаго Курчаева въ чемъ-нибудь серьезномъ.

Почти безсознательно она стала говорить въ обществѣ о покойномъ Курчаевѣ. Можетъ-быть, кто-нибудь скажетъ ей больше, чѣмъ сказалъ Зеленовъ. Долженъ же хоть кто-нибудь знать о прошлыхъ похожденіяхъ Льва Александровича. Неужели же никто ничего не знаетъ о немъ?..

Желаніе ея было удовлетворено полнѣе, чѣмъ она ожидала. Лѣчившій ея мать докторъ Щербатовъ, извѣстный своими похожденіями и распущенностью, любившій посальничать съ барышнями и просвѣщать ихъ, остался какъ-то завтракать въ домѣ Чарновскихъ. Мать Варвары Павловны, по обыкновенію, лежала, жалуясь на настоящіе и вымышленные

Digitized by Google

отъ бездѣлья недуги, и Варвара Павловна завтракала съ докторомъ вдвоемъ. Она спросила его, не зналъ ли онъ Курчаева?

— Вы про какого это Курчаева спрашиваете? Многихъ я зналъ въ Питерѣ. Про Левку, можетъ-быть? — спросилъ докторъ, затыкая за воротникъ сорочки уголъ салфетки.

— Про покойнаго Льва Александровича Курчаева, — сказала Чарновская.

Докторъ засмѣялся жирнымъ смѣхомъ.

— Какъ же, какъ же, этого знавалъ! Еще бы! Мы одного поля ягоды. Вотъ меня называютъ верченнымъ, а я передъ нимъ щенокъ!

Варвара Павловна даже раскраснѣлась и съ любопытствомъ удвоила вниманіе.

— По сю пору слезы о немъ проливаютъ, — продолжалъ докторъ.

— Да, его жена очень любила его, — сказала Варвара Павловна.

— Виргинія-то? — сказалъ бѣлые, крупные зубы, спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, ее зовутъ Ольга Дмитріевна, — поправила его Чарновская.—Это моя кузина...

— Кто ее знаетъ, какъ ее зовутъ, — небрежно замѣтилъ Щербатовъ. — У насъ она Виргиніей называлась. Это онъ ей кличку далъ. Бывало, прокутитъ мѣсяцъ, другой въ Питерѣ и говоритъ: «ну, пора и къ моей Виргиніи». Помните романъ Павла и Виргинію? Ну, вотъ онъ потому такъ и называлъ жену, что разыгрывалъ съ нею въ деревнѣ идиллію любви, какъ Павелъ и Виргинія.

Чарновская нетерпѣливо спросила:

— Такъ кто же его еще оплакиваетъ?

Докторъ подмигнулъ лукавыми глазками, заплывшими жиромъ.

— Хочется, барышня, узнать мужчинскія тайны?

Она сердито пожала плечами.

— Просто такъ спросила, потому что Ольга Дмитріевна мнѣ кузина, какъ я вамъ уже сказала...

Докторъ подразнилъ ее:

— Коли такъ просто спросили, такъ и разсказывать не стоитъ...

И цинично прибавилъ:

— А ужъ какъ самимъ хотѣлось бы самую эту грязь мужчинской жизни узнать, въ самую суть этой жизни заглянуть.

Digitized by Google

Она рѣзко проговорила:

— Вы нестерпимы, докторъ!

— Ну, сердитесь, такъ и замолчу. Что-жъ сердить васъ по пустякамъ. Только вѣдь другой никто того не разскажетъ, что могъ бы я разсказать...

И, понизивъ тонъ, онъ съ нахальной усмѣшечкой пояснилъ:

— И чего вы стѣсняетесь? Ну, хочется разузнать, какъ и что мы дѣлаемъ—и прекрасно. Это любознательность. Въ школѣ—и тамъ любознательность поощряютъ. Притомъ же я докторъ, мнѣ все можно говорить, и я все могу говорить. Профессія такая. Докторъ и духовникъ — передъ ними все выложить можно, и они тоже въ каждый уголокъ души могутъ заглянуть.

Онъ подмигнулъ снова лукавыми маленькими глазками, подернутыми саломъ.

— Разсказывать? А?

Ей стало и смѣшно, и стыдно, и любопытно перешагнуть за завѣсу «этихъ мужчинскихъ тайнъ»,—какъ выражался Щербатовъ. Она, закусивъ губы, молча кивнула головой. Докторъ усмѣхнулся, подмигнувъ ей, и его лицо снова ослабилось сальной усмѣшкой. Онъ немного наклонилъ впередъ голову, всматриваясь въ свою собесѣдницу, ловя съ удовольствіемъ краску смущенія на ея лицѣ, и началъ разсказывать.

— Болѣе всѣхъ плачетъ о Курчаевѣ madame Званцева, жена одного отставного помпадура, живущаго въ одной изъ южныхъ губерній. Она не разъ нарочно пріѣзжала въ Петербургъ, чтобы только повидаться съ Курчаевымъ и прокутить съ нимъ недѣлю-другую. И потѣха просто, чего барыни эти не выдумаютъ, — разсказывалъ докторъ съ насмѣшливой улыбкой.—Особенно нравилось ей, что всѣ считали ее здѣсь за кокотку, когда она являлась съ Курчаевымъ въ кафешантанахъ, въ Буффѣ, въ циркѣ. Она и въ гостиницѣ останавливалась не подъ своимъ именемъ, а по паспорту своей горничной. А старичина, ея мужъ, былъ убѣжденъ, что она ѣздитъ къ своей умирающей матери: та, изволите ли видѣть, періодически умирала каждый годъ въ теченіе двухъ-трехъ недѣль и каждый разъ именно въ то время, когда Левка наѣзжалъ въ Питеръ. Это у Левки была старая привязанность, еще до женитьбы затѣялась...

Затѣмъ докторъ началъ разсказывать о другихъ мелкихъ связяхъ Курчаева, о балетныхъ танцовщицахъ, о француженкахъ. Сальныя и циничныя подробности совсѣмъ пре-

Digitized by Google

образили доктора: онъ весь сіялъ, попавъ въ свою сферу— въ сферу разгула и разврата. Варвара Павловна немного разгорѣлась и слушала его, то потупляя глаза, то покусывая губы, то невольно останавливая его движеніемъ руки, взглядывая на него строгими глазами. Онъ же смотрѣлъ ей прямо въ лицо и сально улыбался, чувствуя, что онъ скандализируетъ ее, смущаетъ ее и въ то же время разжигаетъ ея любопытство. Это доставляло ему безконечное наслажденіе.

Наконецъ, она какъ бы очнулась, выпрямилась и сухо проговорила:

— Это возмутительно! И зачѣмъ такіе люди женятся!

Докторъ удивился и захихикалъ.

— Хе-хе, зачѣмъ! Ахъ, вы, наивность! Право, наивность! А деньги-то? Онъ же былъ однимъ изъ опекуновъ своей будущей жены. У нея было хорошее состояніе, а онъ все уже давно спустилъ. По-міру, что ли, было ходить? А тутъ афера представилась хорошая. Можно было сразу поправить дѣла. Ему даже его помпадурша совѣтовала идти на эту сдѣлку. Другого выхода не было. При этомъ наивная дѣвочка была влюблена въ него еще въ институтѣ. Всѣ онѣ тамъ обожаютъ кого-нибудь. Ну, она его обожала. Еще бы, единственный мужчина, пожимавшій ей тамъ руки, нашептывавшій ей о любви и для доказательства своей преданности привозившій чуть не пудами конфеты. Кромѣ того, ему тоже не трудно было примириться съ мыслью о женитьбѣ на ней: она была хорошенькое, наивное и мягкое созданіе, которое было не трудно приручить. Онъ ее и припасъ себѣ для домашняго обихода. Въ Питерѣ-то ее, правда, скоро бы просвѣтили и отбили бы у него, ну, а въ деревнѣ— онъ ее какъ подъ стекляннымъ колпакомъ въ деревнѣ-то сохранилъ...

И, подмигивая, докторъ прибавилъ:

— Онъ не даромъ говорилъ про нее: «она у меня глупышка». Еще бы, заморозилъ вѣчной институткой, какъ тутъ не быть «глупышкой». Ее такъ «замороженной институткой» и звали мы. Вообще не мало потѣшались надъ нею у насъ въ своемъ кругу...

— Это просто гадко, низко!—воскликнула Чарновская.

Докторъ засмѣялся.

— Ахъ, вы, скоропалительный человѣкъ! И гадко, и низко! Да что-жъ тутъ гадкаго и низкаго? Курчаевъ сдѣлалъ ее совершенно счастливою. Въ послѣднее время онъ даже хотѣлъ остепениться — усталъ, значитъ, въ Питеръ

Digitized by Google

даже перевезъ ее, чтобы она подъ руками у него была... Богъ вѣку только не продлилъ ему, а то примѣрнымъ бы мужемъ сталъ...

Когда докторъ ушелъ, Варвара Павловна не могла опомниться отъ разнообразныхъ, охватившихъ ее впечатлѣній. Такъ вотъ какъ живутъ они, женатые мужчины; такъ вотъ каково счастіе ихъ женъ. «Виргинія», «замороженная институтка», «глупышка»,—это Ольга-то, неутѣшно оплакивающая своего мужа! Она даже не смѣялась надъ бѣдной женщиной: очень ужъ жалка казалась ей эта женщина въ своемъ заблужденіи, въ своей неутѣшной печали о мужѣ. Хоть бы замужъ она вышла за Зеленова! Этотъ честнѣе, искреннѣе и любитъ ее страстно.

Дѣйствительно, Зеленовъ любилъ честно и искренно, и именно эта любовь заставляла его все чаще и чаще пропускать по три, по четыре дня безъ свиданій съ Ольгой Дмитріевной. Разъ онъ не былъ у нея цѣлую недѣлю. Когда онъ пришелъ, она быстро поднялась съ мѣста и пошла ему навстрѣчу.

— Что съ вами? Васъ не видать цѣлую вѣчность! Хворали? Дѣла задержали?—заговорила она торопливо, засыпая его вопросами и протягивая ему обѣ руки.

Его охватилъ порывъ страсти, ему стало тяжело до боли. Онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Мнѣ тяжело бывать у васъ. Не могу я..

Она подняла на него ясные, голубые глаза женщины-дѣвочки, ничего не понимая.

— Неужели вы не поняли до сихъ поръ, что я люблю васъ!—страстно произнесъ онъ.

— Вы? любите?

Она отшатнулась, точно инстинктивно боясь, что онъ прижметъ ее къ своей груди. Этого безсознательнаго движенія было достаточно, чтобы привести его въ себя, заставить опомниться. Да, она не любитъ его, она любитъ того, покойника. Онъ не хочетъ ея, не раздѣляющую его любви... Ему нужна она, любящая его, или... лучше порвать всякія сношенія съ нею. Порвать эти сношенія у него найдется силы; любить ее, взять ее, зная, что она продолжаетъ любить другого, это выше его силъ. Онъ заговорилъ порывисто, страстно, съ горечью.

— Да, я люблю васъ! Люблю васъ съ перваго дня нашей встрѣчи, когда я былъ мальчуганомъ, когда вы были

Digitized by Google

дѣвочкой. Тогда я не смѣлъ сознаться; потомъ было поздно,— вы были ужъ женой другого. Случай меня опять столкнулъ съ вами; никогда не умиравшее чувство проснулось. Но я вижу, что между нами стоитъ чужая тѣнь. Видѣть васъ, говорить съ вами, играть роль вашего друга, когда хочется быть у вашихъ ногъ, вашимъ возлюбленнымъ, вашимъ мужемъ,—нѣтъ, это значитъ калѣчить свою жизнь, ломать свое сердце, носить маску, проклиная необходимость маскироваться. Я человѣкъ простой, прямой, и всякіе маскарады, всякая ложь не въ моемъ характерѣ. Вотъ почему я долженъ уйти...

«А если взять силой, съ бою, заставить любить?»—мелькнуло тутъ же въ его головѣ. Онъ поднялъ на нее глаза: она стояла смущенная, растроганная, испуганная и беззащитная. Впервые слышала она голосъ неподдѣльной страсти, поразившей ея слухъ, точно порывъ вихря. Ему показалось, что она боится его, жмется, стараясь спастись отъ него, и онъ не сдѣлалъ ни шагу къ ней. Въ то же время онъ увидалъ около ея руки, опиравшейся на письменный столъ, портретъ того, кого онъ ненавидѣлъ отъ всей души. Онъ сдержанно поклонился ей и пошелъ къ выходу. На мгновеніе она забыла все, помня только одно, что ее ждетъ опять тоскливое одиночество, послѣ двухъ мѣсяцевъ счастія, тихаго счастія, напоминавшаго ей ея жизнь съ мужемъ. Она, какъ ребенокъ, покидаемый нянькою впотьмахъ, въ глухомъ лѣсу, слабо вскрикнула:

— Дмитрій...

И не кончила. Онъ былъ уже около нея, онъ покрывалъ поцѣлуями ея руки, ея лицо.

— Любишь? Да? Моя?—прерывисто говорилъ онъ и самъ не понималъ, что онъ говоритъ.

Ей было и жутко, и стыдно, и хорошо, точно дѣвочкѣ, впервые рѣшившейся выслушать объясненіе въ любви тайкомъ отъ взрослыхъ. Она еще не столько ощущала блаженство быть любимой и любить, сколько боялась, что ее кто-то застанетъ на мѣстѣ преступленія.

Первое, что пришло ей въ голову, когда онъ ушелъ, была мысль: «А какъ же Лео?» Первое, что бросилось ей въ глаза послѣ его ухода, былъ портретъ мужа на ея письменномъ столѣ. Она покраснѣла и отвернулась отъ него, стыдясь его, какъ провинившаяся дѣвочка, какъ будто онъ былъ живъ. Онъ и послѣ смерти сковывалъ свободу ея чувствъ, порывовъ, мыслей. Такъ узники, послѣ долгихъ

Digitized by Google

лѣтъ тюремнаго заключенія и ношенія цѣпей, чувствуютъ извѣстное время на свободѣ присутствіе кандаловъ и не могутъ сразу привыкнуть къ свободнымъ движеніямъ. Прежде ей нужно было освоиться съ мыслью, что она имѣетъ право полюбить другого, а уже потомъ отдаться любви.

— —

На слѣдующій день Варвара Павловна встрѣтила Зеленова на улицѣ и остановила его. Ее поразило выраженіе его лица. За послѣднее время это лицо было крайне серьезно, хмуро, болѣзненно, теперь оно сіяло счастіемъ, озарялось улыбкой. Перемѣна бросалась въ глаза, поражала сразу. Женщины многое въ дѣлахъ любви угадываютъ чутьемъ. Она тоже угадала причину его счастья. Она спросила Зеленова, давно ли онъ видѣлъ Ольгу Дмитріевну. Зеленовъ покраснѣлъ, сконфузился и отвѣтилъ:

— Вчера.

Варвара Павловна еще пристальнѣе взглянула на него.

— Ну, и что же? Все оплакиваетъ своего Лео?

Онъ еще болѣе растерялся, не зная, что сказать—разсказать ли все или скрыть все? Она уже не сомнѣвалась, знала всю истину и засмѣялась

— Вы не умѣете лгать!

— Я и не стараюсь этому научиться,—откровенно отвѣтилъ онъ.

— Но иногда считаете нужнымъ скрывать правду? Да?

И дружески пожавъ его руку, прибавила:

— Я рада за васъ, за обоихъ рада!

Онъ не сказалъ ничего и только засмѣялся молодымъ смѣхомъ, счастливый и полный надеждъ.

— Что же, поклониться Ольгѣ отъ васъ? — съ лукавой усмѣшкой спросила она.—Я иду къ ней...

— Я самъ буду у нея вечеромъ,—сказалъ онъ.

Они разстались. Чарновская пошла къ Курчаевой. Ей было смѣшно при мысли, что неутѣшная вдова, наконецъ, утѣшилась. Она была убѣждена, что она угадала истину. Въ душѣ она подтрунивала надъ кузиной: «плакала, собиралась умирать, вела затворническую жизнь, а теперь... Ахъ, всѣ эти неутѣшныя вдовы ждутъ только случая, чтобы утѣшиться. Ну, вотъ и утѣшилась!..» Ей вдругъ стало какъ-то не по себѣ. Да, Ольга утѣшится, а она?.. Есть же счастливыя женщины! Двѣнадцать лѣтъ была счастлива призракомъ любви, а теперь—впереди цѣлая жизнь новаго счастья,

Digitized by Google

истиннаго счастья... И за что! Что въ этой «Виргиніи», «глупышкѣ», «замороженной институткѣ»? Или мужчинамъ нужны однѣ тѣ женщины, которыя не только красивы, но и недалеки? Умная жена тяготитъ. Это фракъ, въ которомъ обязательно ходить даже дома. Жена-дѣвочка, жена-глупышка удобна, какъ халатъ, какъ стоптанныя туфли...

Чарновская вошла въ домъ Курчаевой, разгорѣвшаяся отъ мороза, смѣющаяся, готовая шутить безъ пощады, потому что ей было тяжело до слезъ. Хуже всего было то, что она никакъ не хотѣла сознаться даже передъ самой собою, даже въ глубинѣ души въ томъ, что ей было тяжело. Въ такія минуты люди часто смѣются—смѣются до слезъ. При первомъ взглядѣ на Курчаеву, она была поражена растеряннымъ выраженіемъ лица послѣдней. Безпредѣльной радости, полнаго счастія, дѣтской веселости, ничего говорящаго о зародившейся и раздѣленной любви не было на этомъ лицѣ. Ольга Дмитріевна была, видимо, разстроена, глядѣла растерянно, смотрѣла почти и странно, точно случилась какая-то бѣда. Дѣйствительно, это просто «глупышка». Счастья боится!

— Что съ тобой?—спросила Варвара Павловна, цѣлуя ее.—Ты сама на себя не похожа...

— Ничего особеннаго,—отвѣтила уклончиво Ольга Дмитріевна и потупилась, краснѣя.

Онѣ сѣли въ небольшомъ кабинетѣ Курчаевой на диванчикъ.

— А я сейчасъ видѣла Зеленова,—сказала Варвара Павловна, закуривая папироску.

Она уже года два курила тайкомъ отъ постороннихъ и скрывала это, какъ скрываютъ пьянство.

Ольга Дмитріевна слегка вспыхнула и потупилась. Чарновской стало смѣшно.

— Когда вы кончите идиллію вздоховъ?—спросила она неожиданно.—Кажется, давно пора.

— Онъ тебѣ говорилъ развѣ? — неосторожно проговорилась Курчаева и тотчасъ же спохватилась:—Я тебя не понимаю—какую идиллію вздоховъ! Ты знаешь, какъ я любила Лео.

Тонъ этого притворства былъ дѣланный, неестественный. Варвара Павловна засмѣялась.

— Ольга, перестань! Надо же положить этому конецъ. Не вѣчно же оплакивать мужа, когда еще самой нужно жить. Да, наконецъ, право, твой Лео и не стоитъ столькихъ слезъ.

Digitized by Google

Курчаева почти испугалась, точно ея Лео могъ услышать святотатственныя слова возраженія кузины.

— Какъ тебѣ не стыдно! Ты знаешь, что Лео былъ для меня все, все!

Ольга Дмитріевна даже взглянула чисто инстинктивно на портретъ мужа, тутъ ли онъ? не слыхалъ ли онъ?

Чарновская передернула съ негодованіемъ плечами.

— А ты для него чѣмъ была? Ахъ, ты моя милая замороженная институтка!—воскликнула она и обняла Курчаеву.

Та широко открыла глаза.

— Замороженная институтка? — проговорила она, чисто по-институтски задѣтая за живое этимъ глупымъ эпитетомъ.—Что за кличка!

Варвара Павловна извинилась.

— Прости, милочка! Это не я тебя такъ называю, это твой Лео такъ назвалъ тебя.

Она встала и заходила по комнатѣ, говоря наставительно и серьезно:

— Нѣтъ, мужчины не стоятъ столькихъ слезъ, такихъ привязанностей! Мы имъ отдаемся всей душой, а они насъ водятъ за носъ, смѣются надъ нами, называютъ «глупышками», «замороженными институтками», «Виргиніями», какъ тебя твой Лео. Это возмутительно!

Курчаева взволновалась и остановила кузину, не то съ испугомъ, не то съ выраженіемъ капризнаго ребенка.

— Я тебя попрошу, Варя, не оскорблять памяти моего мужа. Она мнѣ дорога, и клеветать на него я никому не позволю.

— Да кто же клевещетъ?—воскликнула Варвара Павловна. — Я говорю только то, что тебѣ могутъ разсказать сотни людей, первый твой Дмитрій Ивановичъ.

Ольга Дмитріевна вспылила уже не на шутку:

— Дмитрій Ивановичъ былъ лучшимъ другомъ Лео, онъ честный человѣкъ и лгать на покойнаго своего друга не будетъ. Тебѣ хочется, вѣрно, поссорить меня съ нимъ! Это низко, низко!

Чарновская засмѣялась.

— О, какъ ты разгорячилась! Теперь я вижу, что ты любишь!

И прибавила:

— Но успокойся. Онъ, твой Дмитрій Ивановичъ, и не лжетъ, а говоритъ только то, что знаетъ. Впрочемъ, если ты желаешь оставаться въ прежнемъ невѣдѣніи—это твоя воля.

Digitized by Google

Чарновская насмѣшливо улыбнулась, пожимая плечами, и хотѣла перемѣнить разговоръ, сознавая, что Ольга Дмитріевна не допуститъ этого.

Курчаева дѣйствительно остановила ее раздражительно и въ волненіи:

— Нѣтъ, ужъ если ты начала, то кончай! Какія такія гадости распространяетъ, какъ ты говоришь, Зеленовъ?

— Никакихъ гадостей онъ не распространяетъ,—отвѣтила Варвара Павловна.—Я только говорю, что онъ знаетъ, какъ жилъ твой мужъ. Въ этомъ я убѣдилась изъ двухъ, трехъ его фразъ. Онъ открылъ мнѣ глаза. Потомъ я говорила съ другими, между прочимъ съ докторомъ Щербатовымъ... О, Ольга, повѣрь мнѣ, что твой Лео не стоитъ одной твоей слезы... Теперь, слава Богу, передъ тобой открыты двери къ истинному счастью, и потому прошлое можно забыть...

Курчаева провела рукой по глазамъ, какъ бы почувствовавъ, что въ нихъ темнѣетъ, и быстро стиснула руку Чарновской.

— Ты все разскажешь, все!—повелительно и рѣзко сказала она.—Такъ ты не уйдешь! Садись и говори!

Варвара Павловна обидѣлась.

— Позволь, что за тонъ?

— Ахъ, что тутъ говорить объ этомъ тонѣ! Хотятъ разбить счастье всей моей жизни и требуютъ еще приличнаго тона отъ меня! Это мило! За моей спиной сплетаютъ грязныя сплетни про моего мужа, дѣлаютъ какіе-то намеки и хотятъ, чтобы я не волновалась. И кто же говоритъ—Дмитрій Ивановичъ!

Она стиснула свои руки и встала передъ Варварой Павловной съ болѣзненнымъ, мучительнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— И какъ тебѣ не стыдно выдумывать!

Чарновская раскраснѣлась, вспылила.

— А! Я выдумываю? Я дѣлаю сплетни? Я клевещу? Прекрасно! Я хотѣла только, чтобы ты была счастливѣе съ Дмитріемъ Ивановичемъ; я потому только хотѣла открыть тебѣ глаза, чтобы ты перестала играть комическую роль неутѣшной вдовы не любящаго тебя мужа, а ты...

— Факты! факты!—запальчиво воскликнула Курчаева.

— Вѣдь ты пойми, что ты смѣшна, что ты губишь свою молодость!—продолжала съ увлеченіемъ Чарновская.—Тебя обманывали, надъ тобой смѣялись, а ты...

— Ахъ, Господи, ты меня съ ума сводишь!—воскликнула Ольга Дмитріевна, хватаясь за голову.—Мнѣ нужны факты, доказательства... Понимаешь ли ты?

Digitized by Google

Она опустилась на стулъ, Варвара Павловна начала разсказывать торопливо, сбивчиво, повторяя сказанное, возвращаясь къ одному и тому же по нѣсколько разъ, дѣлая ударенія на смѣшномъ, на обидномъ. Трудно сказать, что болѣе воодушевляло ее: желаніе ли отрезвить молоденькую родственницу отъ ея печали, открыть ей возможность насладиться истиннымъ счастіемъ, или чисто женское злорадное стремленіе разбить вѣру въ счастіе той, которая столько лѣтъ возбуждала зависть. Какъ бы то ни было, она съ безпощадностью хирурга дѣлала операцію надъ живымъ существомъ, вонзая ножъ въ мучительно бьющееся и замирающее отъ боли сердце. Она разбила всѣ иллюзіи неутѣшной вдовы, и когда та какъ бы замерла въ тупомъ оцѣпенѣніи, она прибавила:

— Ты понимаешь, что смѣшно продолжать оплакивать этого человѣка, когда возможно еще быть вполнѣ счастливой, любить и быть любимой...

Курчаева тихо и тупо проговорила:

— Оставь меня!

Варвара Павловна стала ее утѣшать, обняла ее; та сидѣла неподвижно, какъ статуя, почти безсознательно повторяя:

— Оставь меня!

Чарновская смутилась, предложила ей воды. Курчаева нервно вздрогнула.

— О, Господи, какая это пытка!—простонала она.

Варвара Павловна поняла, наконецъ, что нужно уйти. Она вышла изъ комнаты, чувствуя себя немного неловко, точно ее прогнали. Ее никто не прогонялъ, но въ ней было ощущеніе прогнанной.

Ольга Дмитріевна, между тѣмъ, сидѣла все такъ же неподвижно. Прошло съ часъ времени. Какой-то звукъ, донесшійся съ улицы, заставилъ молодую женщину очнуться. Она машинально встала, осмотрѣлась тупымъ взглядомъ, увидѣла случайно на столѣ портретъ своего Лео, перевела инстинктивно взглядъ на стѣну и тамъ встрѣтила то же лицо, улыбающееся, самодовольное, съ выхоленнымъ тѣломъ. Въ ея головѣ мелькнула мысль, что и тамъ, въ другой комнатѣ, она увидитъ это же лицо. Его портреты были во всѣхъ комнатахъ, на стѣнахъ, на столахъ. Ея лицо исказилось гримасой злобы, презрѣнія, ненависти. Почти двѣнадцать лѣтъ ее обманывалъ этотъ человѣкъ; почти полтора года она оплакивала этого обманщика! Надъ ней смѣялись,—

Digitized by Google

смѣялись надъ «глупышкой», «замороженной институткой», «Виргиніей», а она плакала о томъ, кто далъ ей всѣ эти клички! Но прежде люди смѣялись втихомолку, не говорили объ этомъ громко, а теперь... Теперь поднялись толки объ этомъ въ обществѣ, среди знакомыхъ, среди чужихъ, вездѣ и всюду... Почему? А!.. Она вспомнила, что причиной былъ Дмитрій Ивановичъ Зеленовъ. Онъ—онъ первый выдалъ тайну ея прошлаго, навелъ Варвару Павловну на мысль порыться въ этомъ прошломъ. Онъ выставилъ ее на посмѣшище всѣмъ, отдалъ на поруганіе. И передъ нимъ-то, передъ нимъ она больше всего плакала о мужѣ, а онъ слушалъ ее молча и, едва-едва удерживаясь отъ смѣха, думалъ: «замороженная институтка», «глупышка», «Виргинія». Въ ней пробудилась почти ненависть къ этому человѣку. Еще вчера тотъ, ея покойный мужъ, стоялъ между нимъ и ею, когда она могла еще полюбить его; теперь, сегодня, тотъ же покойный ея мужъ, разоблаченный, забрызганный грязью, подорвалъ въ ней возможность вѣрить въ искренность кого бы то ни было. Кто ей поручится, что ея другъ лучше его? Кто ей поручится, что этотъ человѣкъ не любитъ ее именно за то, что она «глупышка», «замороженная институтка», «Виргинія»? А, да довольно того, что онъ выставилъ ее въ комическомъ видѣ неутѣшной вдовы не любившаго ее мужа! Довольно того, что онъ убилъ ея прошлое счастье, чтобы не вѣрить въ возможность будущаго счастья...

Она сильно дернула за сонетку. Вошелъ лакей.

— Я никого не принимаю!—рѣзко сказала она.

— А если господинъ...—началъ лакей.

— Вамъ говорятъ, что я никого не принимаю!—еще болѣе рѣзко повторила она.

— Слушаю-съ!

Онъ хотѣлъ идти. Она остановила его.

— Затопите каминъ!

Онъ присѣлъ у камина, зажигая спички, выравнивая дрова.

— Скажите Аннѣ, чтобы приготовила чемоданы,—сказала Курчаева, ходя по комнатѣ.—На-дняхъ я уѣзжаю...

Лакей въ недоумѣніи взглянулъ на нее и невольно произнесъ неловкую фразу:

— Куда изволите ѣхать?

— Что?—спросила она.

И, сконфузившись того, что она сама не знаетъ, куда она хочетъ ѣхать, прибавила:

— Дѣлайте, что вамъ приказываютъ, и не разсуждайте...

Digitized by Google

Лакей нагнулся еще ближе къ камину, не зная, что случилось съ барыней. Она никогда не говорила такъ, какъ сегодня. Ему стало даже смѣшно, что она напустила на себя такую строгость.

Она искоса взглянула на него. Ей показалось, что онъ улыбается. Да какъ же ему и не улыбаться. Онъ служилъ еще при ея мужѣ, навѣрное тоже зналъ, какъ тотъ ее обманывалъ, какъ смѣялся надъ ней. Его надо выгнать. Всѣхъ надо выгнать, чтобы ничто не напоминало о прошломъ. Она отвернулась въ сторону, чтобы не видѣть этого нахальнаго лица лакея. И какъ это прежде она не замѣчала, что онъ нахаленъ?

— Что ты тутъ копаешься?—наконецъ прикрикнула она.— Затопилъ и иди!

Лакей посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и подумалъ:

«Туда же фыркать начала!»

Черезъ четверть часа въ ея кабинетѣ въ каминѣ играло веселое пламя. Она, замкнувъ двери, открывала торопливо ящики своего письменнаго стола, вытаскивала, выбрасывала изъ нихъ перевязанныя лентами пачки писемъ, фотографическихъ карточекъ, какихъ-то раскрашенныхъ картинокъ, въ родѣ тѣхъ, что дарятся дѣтямъ на праздники или наклеиваются на конфеты, и бросала все это на полъ къ камину, потомъ въ огонь, стиснувъ зубы, стараясь удержать слезы. Въ ея сердцѣ была страшная боль, ея глаза смотрѣли гнѣвно, ей хотѣлось все рвать на куски, жечь въ огнѣ, истреблять безъ слѣда. Она шевелила въ каминѣ груды горящей бумаги и била по ней щипцами, точно ей хотѣлось, чтобы этой бумагѣ было больно, нестерпимо больно, какъ ей самой...

Она сжигала все то, въ чемъ столько лѣтъ было ея счастье.

Digitized by Google

УБІЙЦА.

I.

Въ окружномъ судѣ слушалось дѣло объ убійствѣ. Подсудимой являлась падшая женщина, жертвой была честная дѣвушка; тотъ, изъ-за кого произошла драма, былъ простымъ работникомъ. Поводомъ къ убійству послужила ревность, какъ объясняли прокуроръ и адвокатъ.

Ничто въ этомъ дѣлѣ не могло особенно заинтересовать кого бы то ни было. Драма была будничная, дѣйствующія лица самыя заурядныя, обстановка сѣренькая и даже нельзя было ждать блестящихъ рѣчей, такъ какъ обвинителю не приходилось пускаться въ какія-нибудь хитросплетенія для доказательствъ и безъ того несомнѣнныхъ и никѣмъ не отрицаемыхъ фактовъ, а защитникъ, защищавшій преступницу по назначенію, едва ли могъ воодушевиться чѣмъ бы то ни было въ этомъ заурядномъ дѣлѣ. Вслѣдствіе всего этого нечего было думать вообще о стеченіи публики въ судъ, къ тому же дѣло разбиралось весною, когда городъ уже начиналъ пустѣть, и когда перспектива просидѣть въ знойный день въ душной залѣ не могла улыбаться никому. Чего нужно было ожидать, то и сдѣлалось: зала суда была почти пуста, когда я вошелъ въ нее и усѣлся у стѣнки въ мѣстахъ, отведенныхъ для публики. Самъ я пошелъ слушать это дѣло только потому, что всѣ дѣйствующія лица этой драмы были мнѣ довольно хорошо знакомы: я встрѣчалъ ихъ изо дня въ день, зналъ нѣсколько ихъ внутреннюю жизнь, даже чуть не сдѣлался свидѣтелемъ кровавой развязки этой жизни. Не будь этого обстоятельства, я тоже, конечно, не пошелъ бы въ судъ слушать, какъ и въ чемъ будутъ обвинять какую-то Марью

Digitized by Google

Иванову, когда на дворѣ блещетъ солнце, когда въ воздухѣ чирикаютъ и поютъ птицы, когда окрестности столицы одѣваются первою зеленью, когда все манитъ и зоветъ туда, на лоно природы. Счастливъ тотъ, кто можетъ въ свѣтлые дни пробужденія природы уйти отъ душнаго города и вздохнуть полною грудью среди полей и лѣсовъ. Только тамъ можно набраться новыхъ силъ, поздоровѣть, укрѣпить нервы, расшатанные городской жизнью. Но сколькихъ людей лишаетъ этого блага горькая нужда, сколькимъ людямъ приходится изнывать среди губительной городской атмосферы, гдѣ бьются бѣдняки изъ-за куска насущнаго хлѣба! И въ какія трущобы забрасываетъ ихъ иногда судьба: подвальные углы, фабричныя зданія, ночлежные дома, жалкія мастерскія, все это иногда смотритъ хуже иного тюремнаго помѣщенія, а люди, пользующіеся всѣми гражданскими правами и не пользующіеся только матеріальнымъ достаткомъ, должны волей-неволей ютиться здѣсь, не смѣютъ уйти отсюда, когда тамъ, далеко, все живетъ и цвѣтетъ жизнью весны...

— Судъ идетъ!—гулко раздалось въ пустынной залѣ.

Я вздрогнулъ отъ этого громкаго возгласа и очнулся отъ скорбныхъ думъ, навѣянныхъ воспоминаніями о природѣ, о веснѣ, о праздникѣ жизни.

II.

Года три-четыре тому назадъ на заводъ, гдѣ я служилъ въ конторѣ, поступилъ новый рабочій Осипъ Ивановъ Петровъ. Это былъ молодой парень, коренастый, средняго роста, свѣтло-русый, голубоглазый, бѣлозубый, кровь съ молокомъ. Сразу было видно, что это дитя деревни, а не вскормленникъ города. Рабочіе, дающіе мѣткія прозвища другъ другу, сразу прозвали его въ шутку «увальнемъ». Дѣйствительно, это былъ увалень. Онъ не былъ лѣнивъ, работалъ хорошо, благодаря своей здоровой молодой силѣ, смѣтливости и трезвости, но во всемъ его существѣ, въ его развалистой походкѣ, въ равнодушномъ выраженіи его красиваго лица сказывались какая-то безпечность, распущенность, разгильдяйство. Если бы онъ былъ богачомъ, онъ навѣрное сдѣлался бы Обломовымъ. Окончивъ въ будни работу, онъ лѣнивой развалистой походкой шелъ домой отдыхать; въ праздники онъ, подобно другимъ рабочимъ, садился около своего дома, грѣлся на солнцѣ, лѣниво смотрѣлъ въ пространство безучастными голубыми, какъ безоблачное небо, глазами и перекидывался съ молодежью короткими фразами, точно въ полуснѣ. Взрослые

Digitized by Google

не особенно льнули къ нему въ минуты этого праздничнаго безделья, и только дети и собаки ластились къ нему, инстинктивно угадывая въ немъ простую, добрую душу. Ему лень было даже кутить съ товарищами или ловеласничать, какъ кутила и ловеласничала остальная заводская молодежь. Можетъ-быть, именно ради этого рабочіе и работницы старались въ первое время послѣ его поступленія на заводъ втянуть его въ свою компанію. Онъ какъ бы мозолилъ имъ глаза, живя не такъ, какъ жили всѣ мѣстные заводскіе фабричные. Измученные тяжелою работою, подавленные вѣчными денежными затрудненіями, они или ставили ребромъ послѣднюю копейку, или пробавлялись дешевымъ развратцемъ. Когда живется невыносимо тяжело, является потребность забыться, одурѣть, уснуть. Рабочіе приставали къ Петрову:

— Да чего ты киснешь? Пойдемъ въ трактиръ, выпьемъ, сыграемъ на бильярдѣ.

Онъ лѣниво отзывался:

— Чего пристали? Чего я не видалъ въ трактирѣ?

Они тормошили его, надоѣдали ему, и онъ, наконецъ, чтобы отвязаться отъ нихъ, шелъ иногда съ ними въ разные притоны ихъ кутежей. Здѣсь его поили, старались расшевелить. Онъ неохотно пилъ и не оживлялся. И водка, и пиво дѣйствовали на него одинаково—клонили ко сну. Выпивъ немного, онъ потягивался и зѣвалъ.

— Спать пора!—говорилъ онъ и лѣниво уходилъ домой.

— Ахъ, ты, Илья Муромецъ!—подшучивали надъ нимъ.—Сколько лѣтъ осталось тебѣ еще спать на печи?

Работницы, бойкія, шустрыя, испытавшія всѣ сладости гульбы, въ теченіе нѣкотораго времени увивались около него. Красавцемъ онъ не былъ, но кудреватый, здоровый, сильный, онъ нравился не одной изъ нихъ. Онѣ старались обольстить его нехитрымъ кокетствомъ.

— Ты бы хоть на гармоникѣ поигралъ, насъ потѣшилъ,—говорили онѣ ему, подталкивая его локтями въ бокъ.

— Ну васъ и съ гармоникой,—отвѣчалъ онъ.

— Да ты дѣвокъ боишься, что ли?—спрашивали онѣ насмѣшливо.

— Чего ихъ бояться,—говорилъ онъ, зѣвая.

Онѣ не отставали отъ него.

— Не боишься, такъ и води компанію съ нами?

— Мало у васъ, что ли, баляшниковъ?

— Тебя недостаетъ!

— Ну, васъ! отвяжитесь!

Digitized by Google

— Вотъ вѣдь какой! Только отъ него и слышишь что: «отвяжитесь!»—смѣялась одна изъ нихъ, дочь машиниста, Дарья Павлова.—Ему и горя мало, что по немъ дѣвки сохнутъ.

Она еще была почти ребенкомъ, но принимала видъ взрослой, какъ это часто бываетъ съ дѣвушками, выросшими безъ матери и рано начавшими играть въ домѣ роль хозяйки.

— Это кто же сохнетъ,—не ты ли?—спрашивалъ Петровъ у Дарьи, благодушно глядя на ея краснощекое, задорное полудѣтское личико.

— Такъ оно и есть!—вызывающимъ тономъ говорила она, стараясь подражать взрослымъ дѣвкамъ.—Я на тебя и вниманія-то не обращаю, а не то что сохнуть по тебѣ.

— Ну, и не приставай!—отвѣчалъ онъ.—Тебѣ еще съ дѣвочками въ горѣлки играть, а не къ парнямъ приставать!

— Увалень—увалень и есть!

И, вздернувъ курносенькое лицо, она отходила сердито прочь. Молодые работники смѣялись:

— Да брось ты его, Дарья Андреевна, наплюй на него.

— Чего мнѣ его бросать, коли я съ нимъ и не связывалась,—отвѣчала она задорно.

— Не связывалась, такъ и не лѣзь къ нему, нѣшто другихъ парней нѣтъ?

— Да развѣ онъ парень? Онъ не то баба, не то старовѣръ,—съ разбитнымъ смѣхомъ говорила она.

За ней ухаживали всѣ молодые рабочіе, несмотря на то, что она была еще чуть не дѣвочкой: ей шелъ шестнадцатый годъ. Ея задорное личико казалось всѣмъ очень красивымъ; ея бойкость и шутливость привлекали всѣхъ. Впрочемъ, привлекало еще болѣе то обстоятельство, что она была вполнѣ нравственна, не позволяла вольностей и была небезвыгодною невѣстой. Однихъ нарядовъ у нея было столько, что на нѣсколько лѣтъ могло бы хватить. Ея вдовый отецъ изъ старыхъ солдатъ добрался до званія машиниста и получалъ хорошій окладъ. Онъ очень любилъ свою единственную дочь, сильно поблажалъ ей, хотя и слѣдилъ очень строго за тѣмъ, чтобы дѣвка не баловалась. Впрочемъ, онъ зналъ ея нравъ и не боялся за нее: языкомъ она болтать позволитъ, а рукамъ волю не позволитъ дать, сумѣетъ оборвать каждаго озорника.

Ея приставанья къ Осипу Петрову продолжались не долго: пока онъ былъ вновѣ на заводѣ—онъ заинтересовалъ ее, избалованную любезностями рабочихъ, своимъ равнодушіемъ къ ней и къ другимъ дѣвкамъ. Но мѣсяцевъ шесть спустя,

Digitized by Google

она уже «позабыла о немъ и думать», оставила его въ покоѣ и только иногда, когда ей напоминали случайно о немъ, спрашивала про него съ презрѣніемъ и напускнымъ равнодушіемъ:

— Это старовѣръ-то?

Или:

— Баба-то наша!

Самъ Осипъ Петровъ не думалъ о ней вовсе, ни прежде, ни послѣ.

III.

Жилъ Осипъ Петровъ одиноко. Онъ нанималъ отдѣльное помѣщеніе, состоявшее изъ одной небольшой кухни съ сѣнцами. Нанялъ онъ именно такое помѣщеніе, потому что не любилъ шума, безпокойства, общества. При поступленіи на заводъ, онъ прожилъ съ годъ съ товарищами, занимая уголъ въ общей комнатѣ. Этотъ годъ ему показался за десять лѣтъ, такъ какъ въ углу не было никогда покоя. Какъ только явилась у него возможность приплачивать два рубля лишнихъ въ мѣсяцъ за отдѣльное помѣщеніе, такъ тотчасъ же онъ и занялъ эту кухню.

Въ его кухнѣ были двѣ скамьи, одинъ столъ, пара табуретовъ, кровать, немного посуды, самоваръ, нѣсколько засаленныхъ брошюръ, изданныхъ для народа. Все это содержалось въ безпорядкѣ, такъ какъ Петрову было лѣнь прибрать все это сколько-нибудь порядочно. Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ себя здѣсь хорошо, какъ никогда. Тишина, спокойствіе, свобода, возможность растянуться въ одной рубахѣ съ босыми ногами на кровати, въ сотый разъ перечитывать какую-нибудь сказку объ Иванѣ-царевичѣ или житіе преподобнаго Ѳеодосія, все это манило его сюда. Иногда, лежа здѣсь, онъ читалъ по цѣлымъ часамъ при свѣтѣ коптящей лампы или свѣчи, вставленной въ горлышко бутылки; иногда онъ садился у окна и, запустивъ въ курчавые густые волосы пальцы, смотрѣлъ задумчиво на Неву, по которой тянулись барки, сновали пароходы, мелькали ялики; иногда онъ начиналъ тихо напѣвать заунывную, однообразную, какъ завываніе вѣтра, пѣсню, и если бы въ эти минуты подстеречь его, то можно было бы вполнѣ убѣдиться, что онъ глубоко тоскуетъ.

Тосковать было о чемъ.

Онъ вспоминалъ, какъ онъ, круглый сирота, безродный ребенокъ, росъ въ деревнѣ, служа подпаскомъ; просторъ луговъ, ароматные лѣса, пѣніе птицъ, цѣлые дни, проведенные

Digitized by Google

на свободѣ вдали отъ людей, привязанность къ вѣреннымъ его надзору животнымъ,—все это было такъ дорого ему, что онъ готовъ бы былъ жить вѣчно этою жизнью; но судьба распорядилась иначе, выбила его изъ колеи, толкнула юношею, чуть не ребенкомъ, на заработки—сначала въ провинціальный городъ, потомъ въ столицу. Въ столицѣ онъ не мало поскитался мостовую, ища занятій, находя ихъ на время и снова теряя, чуть не подохъ съ голоду и только случайно нашелъ болѣе постоянное мѣсто на заводѣ. Хуже ничего онъ не могъ бы найти для себя: заводская работа среди душной, вонючей, тяжелой атмосферы, вѣчная сутолока среди рабочихъ, неумолчный шумъ колесъ и паровиковъ, все это было какъ разъ именно тѣмъ, что трудно было вынести ему, къ чему онъ, по своей натурѣ, по своимъ вкусамъ, никакъ не могъ привыкнуть и приспособиться.

— Уйду, уйду, только бы денегъ раздобыть, а то уйду,— говорилъ онъ про себя и среди товарищей.

Товарищи смѣялись.

— Жди, когда раздобудешь денегъ: послѣ дождика въ четвергъ.

Они никогда не могли раздобыть денегъ и едва сводили концы съ концами.

— Да ужъ раздобуду,—утверждалъ онъ, вѣря въ силу своего характера.

— Въ лавку-то долженъ?—спрашивали товарищи.

— Долженъ, такъ что же? Въ субботу уплачу!—отвѣчалъ онъ.

— А полушубокъ къ зимѣ нужно будетъ справить?— соображали они.

— Ну?

— Ну, и влѣзешь опять въ долги. Наше дѣло извѣстное: есть одежонка на плечахъ, да сапоги на ногахъ—сводишь концы съ концами; понадобилось купить одежду или сапоги—залѣзъ опять въ долгъ по уши.

Онъ смущался. Точно, безъ полушубка нельзя обойтись. А сдѣлаешь полушубокъ—въ долгъ влѣзешь. Сапоги тоже не вѣчны.

Онъ задумывался, начиналъ разсчитывать, соображать, можно ли какимъ-нибудь способомъ раздобыть денегъ? Конечно, сразу нельзя, но въ два, въ три года можно, если не кутить, не бросать денегъ на пустяки. Силы воздерживаться отъ искушеній у него хватитъ. Вонъ хватило же силы читать самоучкой выучиться. Онъ что захочетъ, то сдѣлаетъ. Стоитъ только отъ водки, отъ бабъ подальше дер-

Digitized by Google

жаться. Ему не много и денегъ надо: только хватило бы добраться до родной деревни, да имѣть хоть десятокъ рублей въ запасѣ, чтобы перебиться до пріисканія тамъ мѣста. Какого мѣста? Батракомъ быть, пастухомъ, косцомъ, возчикомъ, все равно, только бы не здѣсь на заводѣ жить. Тутъ отъ одного шума и визга съ ума сойдешь, не говоря ни о чемъ другомъ.

Порой тоска доходила у него до того, что въ головѣ начинала созрѣвать отчаянная мысль.

— Брошу все вотъ и пойду побираться Христовымъ именемъ. Денегъ здѣсь, видно, и точно не раздобудешь. И съ чего не сбѣжать? Вонъ святые бѣжали, когда невмоготу приходилось. Преподобнаго Ѳеодосія въ цѣпи заковывали, а онъ—возьметъ и сбѣжитъ...

Онъ задумывался о преподобномъ Ѳеодосіи.

— Пещеру выкопалъ. Хорошо! Кругомъ лѣсъ, птицы поютъ, рѣка плещется, ни одной души нѣтъ около, а тутъ пещера... Не захотѣлъ на одномъ мѣстѣ жить, пошелъ въ другое, Божій-то міръ великъ...

И онъ начиналъ мечтать о долѣ нищаго-странника, о долѣ бродяги, какъ о какомъ-то великомъ счастіи. Вотъ онъ идетъ по дорогѣ одинъ-одинешенекъ, кругомъ ширь и просторъ, поля смѣняются лѣсами, гдѣ-то вдали, между крутыми песчаными берегами, сверкаетъ, какъ сталь, рѣка, змѣей извиваясь въ зеленыхъ тростникахъ, въ сторонѣ виднѣются деревни, церковь, монастырь, день клонится къ концу, и пора подумать о ночлегѣ. Что-жъ, если не хочется ночевать въ лѣсу, подъ его живымъ зеленымъ навѣсомъ, можно свернуть туда, въ деревню или монастырь, люди всегда дадутъ уголъ, предложатъ ломоть хлѣба. Для нищаго, для странника, для бездомнаго у нихъ всегда найдется и уголъ, и хлѣбъ. Много ли и нужно человѣку?

Все сильнѣе и сильнѣе начинала манить его эта жизнь.

Книга о разныхъ странахъ и похожденіяхъ по далекимъ землямъ, человѣкъ, побывавшій гдѣ-нибудь въ далекихъ краяхъ, сообщенія странниковъ о святыхъ земляхъ или розсказни отставного солдата о походахъ, — все это такъ увлекало его, что онъ былъ готовъ забыть о снѣ, о своей кухнѣ, готовъ былъ идти въ трактиръ, въ гости, лишь бы узнать что-нибудь новое о томъ, какъ и гдѣ живутъ люди. Положивъ локти на столъ, опустивъ на ладони курчавую голову, онъ застывалъ въ нѣмомъ восторгѣ, слушая бывалаго собесѣдника.

Digitized by Google

Такимъ бывалымъ собесѣдникомъ оказался машинистъ Андрей Петровъ Павловъ, отецъ Дарьи. Павловъ былъ изъ солдатъ, помнилъ севастопольскую войну, бывалъ въ походахъ. Говорить о походахъ онъ очень любилъ. Съ молодымъ рабочимъ сѣдой, степенный старикъ сошелся не сразу, такъ какъ держался отъ простыхъ рабочихъ немного въ сторонѣ, какъ начальство. На Осипа Петрова онъ обратилъ вниманіе, какъ на хорошую рабочую силу: не пьющій, сильный, исполнительный, смышленый, Осипъ сразу выдвинулся впередъ въ глазахъ машиниста. Правда, Осипъ работалъ не спѣша, повидимому, даже съ лѣнцой, но зато былъ точенъ, какъ машина. Между нимъ и машинистомъ довольно долгое время были одни дѣловые разговоры, при чемъ машинистъ держалъ себя благосклонно и покровительственно съ молодымъ рабочимъ, какъ съ фаворитомъ. Потомъ, какъ-то случайно машинистъ узналъ, что Осипъ все думаетъ уйти въ деревню.

— Легко сказать: уйти!—замѣтилъ онъ наставительно.— А гдѣ деньги! Я вонъ сколько лѣтъ протрубилъ здѣсь, а все вырваться не могу. На хотѣнье нужно и умѣнье.

— А развѣ вы, Андрей Петровичъ, тоже въ деревню хотите ѣхать?—съ удивленіемъ спросилъ Осипъ.

Петрову всѣ рабочіе говорили «вы» — фамильярностей онъ не терпѣлъ.

— Какъ не хотѣть! Рыба всегда въ воду смотритъ. Вотъ у меня дочь невѣстится; не здѣсь же ее выдавать замужъ за заводскихъ озорниковъ. Она при мнѣ и живетъ-то здѣсь только послѣ смерти матери. Пріѣхала та съ нею на побывку да и померла. Ну, и жаль было дѣвчонку отъ себя отпустить. А то ей здѣсь не мѣсто. Росла въ деревнѣ, тамъ и замужъ выдамъ. Да и самому пора на покой.

Помолчавъ, онъ замѣтилъ:

— Тоже отломалъ на своемъ вѣку походовъ на царской службѣ.

— А вы и въ походахъ бывали? — полюбопытствовалъ Осипъ.

— Вездѣ бывалъ!—отвѣчалъ машинистъ.

— Страсть я люблю слушать о походахъ!—сказалъ Осипъ, и даже глаза у него заблестѣли.

Старикъ усмѣхнулся.

— Приходи вотъ когда-нибудь, потолкуемъ, — снисходительно сказалъ онъ.—Ты парень ничего!

Это была большая честь, которой не удостоивался никто

Digitized by Google

изъ простыхъ рабочихъ. Павловъ не долюбливалъ ихъ и называлъ «безпардонной командой». Въ немъ сидѣла солдатская закваска, видящая все спасеніе въ дисциплинѣ и чинопочитаніи.

Осипъ, соблазненный приглашеніемъ его, не вдругъ рѣшился зайти къ нему и, рѣшившись на это, прифрантился, какъ могъ, даже смазалъ какимъ-то масломъ свои русыя кудри. Старикъ жилъ зажиточно, степенно, солидно, какъ имѣющій деньгу мѣщанинъ. На столахъ были положены цвѣтныя скатерти, въ переднихъ углахъ были кіоты съ образами и теплились лампады, на окнахъ стояли горшки съ бальзаминами и геранями, на полу лежали бѣлые половики. Дочь Павлова, увидавъ Осипа, немного удивилась его приходу и грубовато спросила его:

— Тятьку нужно?

— Къ нимъ,—въ смущеніи отвѣтилъ Осипъ.

— За какимъ дѣломъ?

— Никакихъ дѣловъ нѣтъ... а какъ они сказали: «заходи», такъ вотъ я и пришелъ...

Встрѣчая Дашу на улицѣ въ кругу работницъ, Осипъ относился къ ней, какъ и къ другимъ дѣвушкамъ, просто и фамильярно, теперь онъ смутился передъ ней, точно передъ барышней. Она не успѣла ничего отвѣтить ему, какъ вышелъ изъ другой комнаты отецъ. Увидавъ Осипа, онъ кивнулъ ему головой и видимо былъ польщенъ тѣмъ, что Осипъ смотрѣлъ робко и стѣснялся.

— Ну, здравствуй! Что скажешь?—началъ хозяинъ.

— Я, Андрей Петровичъ, къ вамъ, потому... такъ какъ вы сказали: «заходи»,—началъ Осипъ, вертя въ рукахъ фуражку.

— Ничего, ничего, садись, гостемъ будешь,—милостиво сказалъ старикъ.

— А я, тятька, къ подругамъ пойду, — проговорила Даша.—Нечего мнѣ тутъ киснуть.

— Иди, не балуй только, смотри!—наставительно замѣтилъ отецъ.—Да не засиживайся!

Часа три просидѣлъ Осипъ у Павлова, и что это были за часы! Чего-чего не услыхалъ онъ отъ старика! Походъ въ Крымъ, осада Севастополя, затопленный флотъ, Черное море, положеніе арміи во время войны, иноземные враги, все это ярко представилъ въ своемъ воображеніи Осипъ. Уходя отъ старика, онъ только могъ съ чувствомъ сказать:

— Ужъ такъ, такъ я вамъ, Андрей Петровичъ, благодаренъ, что, то-есть, вѣкъ не забуду...

Digitized by Google

IV.

Прошло не болѣе полугода послѣ перваго посѣщенія Осипомъ Павлова, а они стали уже друзьями, что, впрочемъ, не мѣшало Павлову на заводѣ, во время работы, смотрѣть на Осипа начальническимъ взглядомъ, а Осипу ощущать предъ нимъ извѣстную робость. Павловъ былъ радъ, что нашелъ слушателя, готоваго просиживать хоть ночи, лишь бы слушать разсказы о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ въ походахъ и на войнѣ. Осипъ слушалъ разсказы старика, какъ слова оракула, допытываясь до мелочныхъ подробностей, не пропуская ни одного слова мимо ушей. Это подкупило въ его пользу машиниста, и при первомъ удобномъ случаѣ Осипъ сталъ «исправляющимъ должность помощника машиниста», то-есть, въ сущности, настоящимъ помощникомъ машиниста; «исправляющимъ» его назвалъ Павловъ, потому что онъ любилъ создавать всякіе чины и дѣлать производства изъ одного званія въ другое; управляющій заводомъ сказалъ, что Осипа, если онъ точно такой смѣтливый и исполнительный рабочій, можно прямо назначить помощникомъ машиниста, но Павловъ упрямо запротестовалъ и объявилъ, что сперва нужно присмотрѣться къ человѣку, а потомъ утвердить въ его новомъ званіи.

Въ разговорахъ этихъ двухъ людей съ этой поры появился новый мотивъ: старикъ все меньше и меньше разсказывалъ о походахъ и все чаще и чаще переходилъ къ вопросу о томъ, что пора ему поселиться въ родной деревнѣ.

— Братъ со своей женой тамъ у меня хозяйничаютъ, да стары они стали,—сообщалъ Осипу машинистъ.—Подзываютъ все къ себѣ. Тоже нужно и дѣвку замужъ выдать. Шестнадцать лѣтъ минуло ей, семнадцатый пошелъ годъ. Жениха надо присматривать. Хочется и отдохнуть на старости лѣтъ.

— Я тоже, Андрей Петровичъ, какъ вы уѣдете, уѣду отсюду,—говорилъ Осипъ.—Безъ васъ мнѣ тутъ смерть!

— Что-жъ, пока не избаловался, лучше по добру, по здорову убраться отсюда,—соглашался старикъ.—Покуда ты не испортился, потуда ты и человѣкъ. Оно, конечно, разомъ нельзя: тяпъ-ляпъ и вышелъ корабль. Нѣтъ, десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь.

— Это вы вѣрно,—замѣчалъ Осипъ.

— Ну, а осмотрѣвшись да прицѣлившись — пали! Безъ

Digitized by Google

прицѣла нельзя. Вотъ поживемъ годикъ-другой здѣсь еще да поѣдемъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ старикъ всегда говорилъ такъ о своемъ отъѣздѣ, какъ будто онъ хотѣлъ непремѣнно взять съ собою и Осипа. Осипъ не находилъ въ этомъ ничего страннаго, не задумывался даже объ этомъ, точно теперь иначе и не могло быть: уѣдетъ Павловъ, долженъ уѣхать и онъ, Осипъ. Иногда, въ отсутствіе Осипа, старикъ хвалилъ его дочери.

— Славный парень,—говорилъ онъ.

— Это кто? Баба-то?—смѣясь, спрашивала дочь.

— Какая баба?

— Извѣстно, Осипъ. Не то старовѣръ, не то баба,— пояснила она.

— Это ты съ чего выдумала?—строго оборвалъ ее старикъ.—Али потому, что онъ степенный, обстоятельный парень? По тебѣ всѣмъ бы такимъ быть, какъ здѣшніе юбошники да пакостники.

— Въ монахи бы лучше шелъ, чѣмъ на заводѣ жить!— сердито говорила она.

— Охъ, дѣвка, избаловалась ты здѣсь. Правду я говорю, что въ деревню надо ѣхать скорѣй, а то свертишься ты тутъ совсѣмъ.

— Не таковская!—не безъ достоинства отвѣчала она.

Похвалы Осипу со стороны отца вызывали въ ней какое-то непонятное ей злое чувство на Осипа, и она снова начала глумиться надъ нимъ при встрѣчахъ съ нимъ въ кругу парней и дѣвушекъ. Разъ она очень сильно пристала къ Осипу и вывела его изъ его обычной безпечности.

— И зла же ты, Дарья Андреевна,—сказалъ онъ, качая головой.—Что же подъ старость будетъ, если въ дѣвкахъ такая?

— Я, я злая,—крикнула Даша, задѣтая за живое.

— Ты,—отвѣчалъ онъ.—Вотъ услышалъ бы твои слова Андрей Петровичъ, не похвалилъ бы!

— А ты поди, насплетничай!—злымъ голосомъ проговорила она.

— Я не баба, чтобы сплетки переносить,—сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:—да еще на тебя, на дитё неразумное.

Это окончательно вывело ее изъ терпѣнія. Она такъ разгорячилась, что бросилась за нимъ и крикнула:

— Ты это что выдумалъ ляться?

Онъ остановился и ласково, тихимъ голосомъ проговорилъ ей:

Digitized by Google

— Полно, народъ смотритъ, тебя же хаять будутъ; ко мнѣ-то ничего не пристанетъ, а твое дѣло дѣвичье...

И совсѣмъ уже мягко, точно братъ сестрѣ, онъ добавилъ:

— И съ кѣмъ хороводишься? Здѣсь гуляющія дѣвчонки все, а ты честнаго отца дочь и сама честная. Ей-ей, не хорошо, Дарья Андреевна. Теперь-то тебѣ весело, а послѣ за себя стыдно станетъ. Право, помяни мое слово.

Она стояла съ полуоткрытымъ ртомъ, слушая его, и не могла вымолвить ни слова. Доброе, ласковое выраженіе его голубыхъ глазъ, мягкій, западающій въ душу голосъ, степенныя слова, все это ошеломило ее, точно за сердце хватало. По ея лицу катились слезы. Онъ не замѣтилъ этого и пошелъ, неторопливо, съ развальцемъ. Она не знала, что дѣлать: броситься за нимъ—стыдно, вернуться къ молодежи—замѣтятъ слезы. Пришлось все же рѣшиться на послѣднее. Она вернулась къ дѣвкамъ и парнямъ, отирая лицо, точно отъ пота.

— Что, задала ему баню?—спрашивали окружающіе.

Даша была серьезна и отрывисто отвѣтила:

— Ну его!

Кругомъ нея продолжались говоръ и смѣхъ, кто-то наигрывалъ на гармоникѣ и подпѣвалъ. Даша сидѣла, какъ въ воду опущенная, и немного погодя ушла домой. Нѣчто странное происходило въ ея душѣ: Осипъ точно стоялъ передъ ея глазами, красивый, здоровый, съ добрымъ взглядомъ, съ мягкимъ голосомъ, со степенною рѣчью. Она злилась на него, на себя, а онъ все стоялъ передъ ея глазами. Весь этотъ вечеръ просидѣла она дома, угрюмая, неразговорчивая.

На другой день къ ея отцу зашелъ Осипъ по дѣлу во время обѣда. Она искоса взглянула на него сердитыми глазами. Въ ея головѣ мелькнула мысль, что Осипъ пришелъ къ будень, не въ урочное время, только затѣмъ, чтобы пожаловаться на нее. Вспыльчивая и своенравная, она, не долго думая, въ упоръ спросила его:

— Что, ябедничать пришелъ, что ли?

Онъ былъ удивленъ. Ему и въ голову не приходило этого.

— На что мнѣ ябедничать?—произнесъ онъ.

— Да говори, что хочешь, я тебя не боюсь!—почти крикнула она.

Въ это время вышелъ старикъ изъ другой комнаты и, увидавъ разгорѣвшееся лицо дочери, сурово спросилъ:

— Что у васъ тутъ?

Digitized by Google

— Ничего,—отвѣтилъ Осипъ и поторопился прибавить:— По дѣлу я къ вамъ, Андрей Петровичъ...

— Нѣтъ, ты не виляй!—строптиво перебила его Даша.— При народѣ выпучиваешь, срамишь, а тутъ при тятѣ языкъ прикусилъ, хвостъ подобралъ.

Осипъ обернулся къ ней лицомъ.

— Никогда я тебя, Дарья Андреевна, не выпучивалъ и не срамилъ, а при народѣ и подавно,—мягко замѣтилъ онъ.— Съ чего сердишься, съ чего выдумываешь, Богъ тебя знаетъ.

Андрей Петровичъ нахмурился, сдвинувъ сѣдыя брови.

— Что у васъ вышло? спросилъ онъ сурово.

— Ничего не выходило,—отвѣтилъ Осипъ.—Говорить-то не о чемъ. Я по дѣлу къ вамъ, Андрей Петровичъ. Управляющій сейчасъ встрѣтился, послалъ за вами, насчетъ новой машины что-то надо поговорить.

— Хорошо, иду,—отрывисто сказалъ Павловъ и взглянулъ на дочь недовѣрчивымъ взглядомъ.

У нея уже прошелъ гнѣвъ, и опять ей было до боли стыдно передъ Осипомъ. Осипъ, не глядя на нее, вышелъ изъ комнаты. Едва закрылась за нимъ дверь, какъ Павловъ спросилъ у дочери:

— Что ты болтала, что онъ тебя срамилъ при народѣ?

Она расплакалась.

— Не срамилъ, не при народѣ... а что-жъ онъ меня учитъ... Меня нечего учить, я не гулящая... я себя соблюдаю... а онъ... какой онъ мнѣ учитель выискался...

Старикъ нахмурился.

— Добѣгалась!—проворчалъ онъ.—Правду говорю, что въ деревню надо скорѣе ѣхать. Завертѣлась здѣсь въ омутѣ-то. Волю тоже взяла.

Онъ сердился на дочь, но въ то же время надулся и на Осипа. Молодъ еще Осипъ, чтобы его дочери наставленія читать. Не женихъ еще тоже. На слѣдующій день онъ обошелся съ Осипомъ сухо и вскользь замѣтилъ ему, чтобы онъ языку не давалъ волю, гдѣ его не спрашиваютъ.

— Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ,—ворчливо сказалъ онъ.—Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ нечего соваться... Молодъ еще!..

Осипъ сконфузился, пробормоталъ что-то въ свое оправданіе и смолкъ.

V.

Въ воскресенье въ вечерніе часы Осипъ обыкновенно яв-

Digitized by Google

лялся къ Павлову въ гости. Но послѣ этой маленькой размолвки онъ рѣшился не идти къ машинисту: тотъ былъ съ нимъ сухъ въ теченіе всей недѣли, и Осипъ счелъ неудобнымъ идти къ старику въ гости безъ зова. Но сидѣть дома въ эти вечерніе часы было ему теперь скучно, и онъ побрелъ въ трактиръ посмотрѣть, какъ играютъ на бильярдѣ. Трактиръ всегда былъ полонъ народомъ. Публика говорила, смѣялась, шумѣла. Въ одной комнатѣ хрипло гудѣлъ органъ, наигрывая русскія пѣсни. Въ другой слышенъ былъ стукъ шаровъ на бильярдѣ и выкрикивался счетъ шаровъ. Петровъ поговорилъ съ товарищами, послушалъ «машину», посмотрѣлъ на играющихъ на бильярдѣ, выпилъ пива и вдругъ почувствовалъ, что его опять охватила знакомая щемящая тоска, томившая его прежде, до сближенія съ Павловымъ. Опять явилось желаніе бѣжать и бѣжать безъ оглядки далеко отъ столицы, отъ завода, отъ всякихъ трактировъ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить по душѣ...

Съ головой, отуманенной отъ выпитаго пива и отъ пропитанной табачнымъ дымомъ атмосферы, съ сжатымъ точно въ тискахъ сердцемъ, въ угнетенномъ настроеніи духа онъ вышелъ на улицу. На дворѣ стояла поздняя гнилая петербургская осень не то со снѣгомъ, не то съ дождемъ. Вверху висѣлъ сплошной туманъ, и не было видно ни луны, ни звѣздъ. Внизу едва мерцали фонари, почти не освѣщая сѣрыхъ деревянныхъ домовъ и покрытой грязью и лужами улицы. Свѣтъ падалъ на мостовую и на мостки только изъ разныхъ «заведеній»: трактировъ, кабаковъ, портерныхъ, весслыхъ домовъ. На улицѣ было пусто и тихо, и только иногда вырывался смутный шумъ и гамъ музыки, пѣсенъ и ругани изъ отворявшихся дверей разныхъ притоновъ пьянства. Порой доносились откуда-то крикъ и брань пьяныхъ, тащившихся по грязи домой. Шагая по высокимъ шаткимъ мосткамъ, Осипъ бормоталъ:

— Уйду, уйду, какъ только придетъ весна, такъ и уйду!

Давно не сказывалось въ немъ такъ сильно это желаніе. Правда, онъ часто говорилъ съ Павловымъ объ уходѣ съ завода въ деревню, но не спѣшилъ сдѣлать это непремѣнно нынче же, по веснѣ, онъ готовъ былъ ждать и годъ, и два, какъ рѣшилъ Павловъ, теперь же онъ рѣшилъ непремѣнно уѣхать весною.

Идя по слабо освѣщенной, грязной отъ оттепели улицѣ, онъ наткнулся на что-то или на кого-то и чуть не свалился. Онъ приглядѣлся къ предмету, о который стукнулся, и уви-

Digitized by Google

дѣлъ женщину. Она сидѣла на высокихъ мосткахъ въ одномъ ситцевомъ платьѣ и большомъ платкѣ на головѣ и плакала:

— Что ты тутъ сидишь?—спросилъ Осипъ, наклонившись къ ней.

— Оставь!—отвѣтила она коротко.

— Чего оставь! Шла бы домой!—сказалъ онъ, и въ его головѣ мелькнула мысль, что она пьяна.

— Некуда мнѣ идти,—проговорила она отрывисто.

— Какъ некуда?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Такъ, выгнали изъ дому,—отвѣтила она.

— Гдѣ-жъ ночевать будешь?—задалъ онъ вопросъ.

— Тутъ и ночевать буду. Сдохну, какъ собака, на улицѣ.

Она заплакала снова и начала жаловаться на обидчиковъ. Безъ мѣста она давно, за уголъ нечѣмъ было платить, вотъ ее и выгнали. Съ утра она бродила, чтобы какъ-нибудь пристроиться, гдѣ-нибудь приклонить голову. Незадача. Хотѣла въ городъ идти—силъ не стало. Ногъ она не чуветвуетъ подъ собой, ну, вотъ и сѣла здѣсь.

— Съ головой бы въ воду—одинъ конецъ!—закончила она.—Больше, видно, нечего дѣлать...

Онъ былъ въ тяжеломъ, растроганномъ настроеніи, недовольный снова жизнью и чувствующій недостатокъ душевныхъ отношеній, потому понялъ сердцемъ чужое горе. Онъ, не вдаваясь ни въ какія соображенія, сказалъ ей:

— Переночуй у меня, завтра гдѣ-нибудь найдешь уголъ.

— Что-жъ, мнѣ все равно,—согласилась она.

Она поднялась съ мостковъ и пошла за нимъ, какъ бродячая собака за позвавшимъ ее первымъ встрѣчнымъ. Ее, повидимому, не удивило его приглашеніе—ей не впервые приходилось слышать такія приглашенія; оно, кажется, и не обрадовало ее—ее давно тяготила ея доля гулящей, не приносившая ей ничего кромѣ обидъ. Она пошла за нимъ, потому что это было легче для нея, чѣмъ броситься въ воду. Они молча добрались до его дома, поднялись по лѣстницѣ почти на чердакъ и остановились у сѣней нанимаемой имъ кухни. Онъ отомкнулъ дверь, вошелъ въ темное помѣщеніе сѣней, потомъ пробрался въ темную же кухню, зажегъ спичку и отыскалъ свѣчу, вставленную въ горлышко бутылки. Его спутница сбросила съ головы платокъ и осмотрѣлась.

— Здѣсь и живешь?—спросила она.

— Здѣсь,—отвѣтилъ онъ.

Онъ, по привычкѣ насвистывая что-то, торопливо снималъ верхнюю одежду и разматывалъ съ шеи красный вя-

Digitized by Google

заный шарфъ, потомъ сталъ вѣшать все это на гвоздь. На свою спутницу онъ почти не глядѣлъ, не интересуясь вовсе, молода или стара она.

— Одинъ живешь?—спросила она.

— Одинъ,—отвѣтилъ онъ.

Она вздохнула, завидуя ему.

— Ничего нѣтъ лучше своего угла!—сказала она.

— Ну, какой это свой уголъ!—возразилъ онъ.—Вотъ кабы въ деревнѣ.

— Ишь ты, свою избу имѣть, что ли? Много захотѣлъ. Иной радъ и такому-то углу. У меня вотъ и его нѣтъ, головы негдѣ теперь приклонить.

Осипъ вспомнилъ, что надо ложиться спать. Онъ, продолжая насвистывать, снялъ со стѣны полушубокъ, положилъ его комкомъ на лавку.

— Я вотъ тутъ лягу! Можешь на постель лечь,—сказалъ онъ.

Она недоумѣвающимъ взглядомъ посмотрѣла на него.

— Какъ же такъ на голой лавкѣ и ляжешь?—спросила она.

— Ничего, я спать здоровъ, гдѣ хочешь усну,—отвѣтилъ онъ.

Онъ широко потянулся, выпятивъ впередъ могучую грудь и сладко зѣвая.

— Добрый ты, должно быть, парень!—сказала она.

— Не изъ чего добрымъ-то быть,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ: - я свѣчу-то задую, тебѣ не надо огня?

Онъ подошелъ къ столу, чтобы задуть свѣчу, и только теперь вполнѣ разглядѣлъ лицо женщины, присѣвшей у стола на табуретѣ. Она была еще довольно молода и, вѣроятно, еще недавно была очень красива. Черты ея продолговатаго лица, стройный станъ, худенькія небольшія руки, все это было мягко и хрупко. Казалось, это была барышня, а не простая дѣвушка. Онъ задулъ свѣчу и сталъ укладываться на лавкѣ. Его посѣтительница легла на постель, тяжело вздыхая. Несмотря на усталость, она не могла сразу уснуть. Ей хотѣлось пожаловаться на свою судьбу, наплакаться въ волю, подѣлиться своимъ горемъ. Но ровное дыханіе съ легкимъ храпомъ, доносившееся до ея слуха, ясно говорило, что хозяинъ кухни уже спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

VI.

Рано утромъ на фабрикахъ и заводахъ по обыкновенію зазвонили колокола, завыли свистки, сзывая рабочихъ.

Digitized by Google

Петровъ проснулся и первое, что ему пришло въ голову, была мысль: «какъ быть съ ночлежницей?» Онъ ея не зналъ. У него уже было въ запасѣ нѣсколько бѣлья, одежды, денегъ. Что, если она возьметъ да и стащитъ все? Ищи потомъ вѣтра въ полѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее, точно соображая, воровка она или нѣтъ, можно на нее положиться или нельзя. Она еще спала, худая, блѣдная, съ ввалившимися глазами, съ плотно стиснутыми губами, точно отъ внутренней боли. Теперь она показалась ему старше, чѣмъ вчера. Лицо было помятое, изношенное, болѣе жалкое, чѣмъ привлекательное. Ему стало жаль ея и было совѣстно будить ее за тѣмъ, чтобы выгнать на улицу. Онъ рѣшился замкнуть сѣнцы, ведущія къ кухнѣ, и оставить ее спать. Въ обѣденный часъ онъ завернетъ домой и выпуститъ ее. Онъ такъ и сдѣлалъ, выложивъ на столъ свертокъ съ чаемъ, картузъ съ сахаромъ и остатки хлѣба.

— Поди голодна,—подумалъ онъ:—хоть поѣстъ...

Онъ вздохнулъ.

Когда онъ вернулся домой въ обѣденные часы, онъ не узналъ своей кухни. Полъ былъ вымытъ, столъ, скамейки и табуреты тоже были чисты, все было прибрано и на столѣ стоялъ самоваръ, вычищенный, точно новенькій. Сама ночлежница причесалась, пріоправилась и смотрѣла недурненькой горничной. Онъ поздоровался съ нею.

— Передохнула?

— Да!

— Ну, и слава Богу.

Онъ снялъ верхнюю одежду и бросилъ ее на лавку.

— Хорошо у тебя здѣсь, Нева видна,—сказала ночлежница.—Коли все прибрать да уставить понарядиѣе, какъ слѣдуетъ, лучше и не надо.

— Прибирать-то некому,—проговорилъ онъ.

— Оно и видно, полъ едва отмыла,—замѣтила она.—Не люблю я грязи. Мнѣ все какъ бы понарядиѣй.

— Спасибо, что почистила.

— Тебѣ спасибо, что пріютилъ. Съ улицы подобралъ. Не знаешь даже, кто я. Меня Марьей Ивановной зовутъ. Вотъ и паспортъ мой.

Онъ не понялъ, зачѣмъ ему паспортъ.

Она пояснила:

— Ты ужъ позволь мнѣ денекъ или два побыть у тебя; я сыщу мѣсто, а пока услужу тебѣ, постираю, починю, что надо. Я вѣдь прежде горничной служила, умѣю все дѣлать...

Digitized by Google

Онъ не зналъ, какъ быть. Она стояла, смиренно потупивъ голову, будто ждала смертнаго приговора. Она была похожа на собачонку, поджавшую хвостъ въ ожиданіи побоевъ. Казалась совсѣмъ жалкою. Не выгнать же въ самомъ дѣлѣ ее на улицу. Неудобно ее держать тутъ у себя, стѣснитъ она его, ну, да два-три дня—куда ни шло.

— Ты какого же мѣста думаешь искать?—спросилъ онъ.

— Всякое возьму: въ горничныя, въ няньки, въ кухарки,—отвѣтила она.—Если бы меня тетка не выгнала въ одномъ платьѣ—я бы въ городѣ сейчасъ нашла мѣсто черезъ контору...

— А у тебя тетка тутъ живетъ?—спросилъ онъ.

— Да, по дорогѣ къ Мурзинкѣ живетъ, верстахъ въ трехъ отсюда. Я у нея и жила послѣ послѣдняго мѣста, задолжала ей, ну, она и выгнала. Я въ Петербургъ хотѣла вчера идти, да силъ не хватило и пробрало холодомъ, когда ты встрѣтилъ меня. Въ воду хотѣла броситься.

Осипъ что-то сообразилъ и обрадовался мелькнувшей въ головѣ мысли:

— Много ли ты должна теткѣ?

Она подняла на него зоркіе глаза, будто желая прочитать его мысли.

— А что?—спросила она пытливо.

— Да заплатить бы ей, чтобъ вещи твои отдала,—пояснилъ онъ простодушно.

— Нѣтъ, нѣтъ, много задолжала. Не отдастъ она. Нечего и думать,—торопливо проговорила она.—Аспидъ она, проклятая!

Онъ вздохнулъ. Онъ готовъ былъ дать ей денегъ на выкупъ вещей, лишь бы освободиться отъ нея, хотя съ деньгами было не легко разставаться: по грошамъ онѣ копились для извѣстныхъ цѣлей. Но не терпѣлъ онъ постороннихъ людей въ своемъ углу. Хорошо онъ помнилъ, какъ тошно ему было жить въ первый годъ службы на заводѣ въ углу среди разныхъ бабъ и рабочихъ. Чистый адъ! Точно угадывая его мысли, она сказала покорнымъ тономъ:

— Ты ужъ потерпи денекъ-два. Я мѣсто найду. Тутъ можно найти. Я бы въ городъ пошла сегодня же да притомилась я очень. Вздохнуть дай.

Онъ промолчалъ, но она поняла, что онъ соглашается.

— А если ты сомнѣваешься, что говорить станутъ, такъ можно сказать, что родственница я,—начала она.

— Кто это говорить-то станетъ?—съ удивленіемъ спросилъ онъ и прибавилъ презрительно:—заводскіе-то? Чихать

Digitized by Google

я на людей хотѣлъ. Да и не господа мы. Гдѣ Богъ привелъ, тамъ и живемъ.

Потомъ не удержался и повторилъ:

— Отдохнешь денекъ, съѣздишь въ городъ, можетъ, и найдешь мѣсто...

Такъ она и осталась у него.

Странное существо была эта дочь дѣвицы-мѣщанки Матрены Ивановой, Марья Иванова, дитя столичныхъ подваловъ. Лицо и фигура барышни, унаслѣдованныя, вѣроятно, отъ того семнадцатилѣтняго барича, который былъ виновникомъ ея рожденія; манеры и ухватки разбитной петербургской горничной, пріобрѣтенныя, должно-быть, во время служенія на разныхъ мѣстахъ у господъ, дикость и притворство падшей женщины, скрывающей ото всѣхъ свою тайную профессію, начиная съ возлюбленныхъ и господъ и кончая полиціей—все это соединялось въ ней въ одно цѣлое, вошло въ плоть и кровь. Разсказывая о теткѣ, выгнавшей ее въ одномъ платьѣ на улицу, она умолчала, что выгнала ее не тетка, а жившій съ нею, Марьей Ивановой, пьяница и буянъ возлюбленный. Говоря о своемъ прошломъ, она сознавалась, что ее, совсѣмъ еще дѣвочку, невзначай погубилъ, заигрывая съ нею, какой-то мальчишка-лакей, «чтобъ ему не было ни дна, ни покрышки», но она умолчала о томъ, что за лакеемъ послѣдовалъ десятокъ другихъ соблазнителей, такихъ же случайныхъ, какъ первый. Передавая о своей жизни на мѣстахъ, она не обмолвилась ни словомъ о томъ, какъ жила она тогда, когда «мѣста» у нея не было, а это положеніе безъ мѣста всегда бывало чаще и продолжительнѣе положенія на мѣстѣ. Слушатель могъ изъ ея разсказовъ понять только одно то, что она была несчастной жертвой, покорной страдалицей. Говоря жалкія слова о себѣ, она, въ сущности, только «прикидывалась» несчастной и сама не сознавала, сколько горькой правды находится въ этихъ словахъ, не сознавала, что въ дѣйствительности ея судьба еще ужаснѣе, чѣмъ въ ея разсказахъ, что ниже пасть, чѣмъ пала она, уже нельзя. Петровъ ненавидѣлъ городъ, городскіе нравы, городскую сутолоку, самъ испыталъ, каково жить безъ мѣста, безъ средствъ, безъ родной души, и потому вполнѣ понималъ все, что разсказывала ему о своихъ несчастіяхъ она. Узнавъ все, что она сочла нужнымъ разсказать о пережитомъ ею, онъ уже не думалъ вовсе выгонять ее, хотя и чувствовалъ, что она его стѣсняетъ, какъ стѣснилъ бы его каждый чужой по душѣ че-

Digitized by Google

ловѣкъ, мужчина или женщина, поселившись въ его кухнѣ. Ходить босикомъ въ одной рубахѣ въ своемъ помѣщеніи, посвистывая или напѣвая, читать медленно, по складамъ вслухъ въ полной тишинѣ, книги, безмолвно мечтать о деревнѣ, смотря на Неву, на тотъ берегъ, гдѣ еще уцѣлѣла зелень, что-то въ родѣ природы, молчать, когда не хотѣлось говорить, наконецъ, просто спать, раскинувшись на своей кровати, все это нарушалось присутствіемъ посторонняго человѣка. Правда, Марья Иванова дѣлала все возможное, чтобы не тяготить Осипа и даже доставить ему удобства, неизвѣстныя ему до той поры: она чинила его бѣлье, ставила самоваръ ко времени его возвращенія съ завода, держала чисто его кухню, молчала, когда онъ видимо не хотѣлъ говорить, даже никакъ не соглашалась спать на его кровати, говоря, что она можетъ спать и на голой скамьѣ или на полу.

— Какъ послѣдняя собачонка, въ глаза я готова смотрѣть тому, кто меня пригрѣетъ,—говорила она.

Это она не лгала. Съ перваго же дня пребыванія у Петрова она вздохнула легко и рѣшила: «точно въ рай изъ ада попала». Дѣйствительно, въ теченіе полугода она жила въ аду: углы, гдѣ она пріютилась со своимъ «тираномъ», были переполнены всякимъ сбродомъ; ея тиранъ пилъ безъ просыпу и билъ ее, пропивая ея вещи; въ то же время онъ ревновалъ ее ко всѣмъ жившимъ въ углахъ рабочимъ. Когда онъ выгналъ ее въ одномъ платьѣ на улицу, она готова была броситься въ воду, чувствуя, что дальше жить такъ, какъ она жила въ послѣднее время, она не можетъ, и мысленно проклинала всѣхъ обманщиковъ и тирановъ мужчинъ. Тѣмъ не менѣе, она не бросилась въ воду, такъ какъ на это у нея не хватило смѣлости, и пошла за незнакомымъ мужчиной, сказавшимъ ей: «переночуй у меня». Отношеніе къ ней Осипа и изумило, и обрадовало ее, утомленную предшествовавшими похожденіями. Она вздохнула свободно и дала себѣ слово пристроиться къ мѣсту,— передохнуть немного и пристроиться. Но на слѣдующій же день, вымывъ и прибравъ кухню Петрова, она подсѣла къ окну и стала раздумывать: «вотъ бы поселиться здѣсь, зажить хозяйкой, по-семейному». Она стала размышлять о мѣстахъ: къ какимъ господамъ еще попадешь; вездѣ жизнь подневольная; да и какая ни будь тамъ жизнь, она, Марья Иванова, непремѣнно соскочитъ съ мѣста, какъ соскакивала десятки разъ,—подвернется какой-нибудь подлецъ, не устоитъ

Digitized by Google

она и сгонять съ мѣста; стойкости у нея нѣтъ, характера нѣтъ, вѣритъ всѣмъ негодяямъ; охъ, хорошо они поютъ, потомъ-то только не сладко. Нѣтъ, мѣсто только на время будетъ, а тамъ опять шляться придется. Вотъ здѣсь бы остаться,—умирать бы не надо. И что это за человѣкъ, Осипъ этотъ самый? Либо ужъ очень добръ онъ, либо совсѣмъ дуракъ. Никогда она такихъ въ Петербургѣ не видала.

— Эхъ, если бы у меня теперь мое платье голубое барежевое было, что Петька подлецъ пропилъ, заглядѣлся бы на меня Осипъ!—проговорила она, ходя по кухнѣ.— Барыня Ольга Петровна изъ-за него меня и выгнала, когда муженекъ ея заглядѣлся на меня въ этомъ самомъ платьѣ! Приревновала! Не устоялъ бы и Осипъ.

Она окинула глазами кухню.

— Здѣсь бы у окна занавѣски кисейныя повѣсила,— начала она проектировать:—кровать понаряднѣе убрала бы, шкапчикъ нужно бы купить для посуды, столъ красною скатертью накрыла бы...

Она подошла къ окну и стала чувствительно напѣвать: «Ты скоро меня позабудешь» и оборвала пѣсню на полуеловѣ.

— Что-жъ, полюбить заставить не трудно!—сказала она вслухъ.—А и красивъ онъ изъ себя, хоть и неповоротливъ, и придурковатъ. Съ такимъ мужемъ вѣкъ бы горя не знала.

VII.

Осипъ все это время очень мало оставался дома. Эта женщина положительно смущала его, мѣшала ему жить прежнею жизнью. Несмотря на свое добродушіе, онъ непремѣнно выгналъ бы ее, но уже на третій день своего пребыванія, она, не выходившая никуда, кромѣ лавки, весело объявила ему, что ходила справляться о мѣстѣ и дня черезъ два, кажется, оно откроется. Приходилось волей-неволей ждать эти два дня, не подозрѣвая даже, что за ними послѣдуютъ еще два дня ожиданія мѣста, и потомъ еще такіе же дни.

Жизнь Осипа въ послѣднее время совсѣмъ измѣнилась; Павловъ продолжалъ дуться на него; самъ онъ избѣгалъ товарищей и работницъ, видя въ ихъ кругу Дашу; отъ этой дѣвушки онъ сталъ положительно бѣгать, боясь новой ссоры съ нею, которая могла бы еще болѣе вооружить противъ него Павлова; съ послѣднимъ Осипъ былъ предупредителенъ и что-то трогательное было въ его желаніи услужить старику; это не было заискиванье подчиненнаго у старшаго,

Digitized by Google

но стремленіе глубоко преданнаго человѣка вернуть утраченную пріязнь стараго друга. Поправить отношеніе съ Павловымъ Осипу было тѣмъ нужнѣе, что онъ чувствовалъ необходимость поговорить со старикомъ «о дѣлѣ», то-есть о своемъ домашнемъ положеніи. Марья Ивановна, повидимому, и не думала переѣзжать отъ него и искать мѣста, хотя она и говорила почти каждый день, что ищетъ мѣста, что оно находится, что теперь все идетъ на ладъ, а между тѣмъ она жила у него уже почти недѣлю. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и спросилъ ее довольно рѣзко:

— Ну что, все еще ничего не нашла?

Она вскинула на него испуганные глаза, уловивъ въ его голосѣ непривычное раздраженіе.

— Надоѣла я тебѣ!—съ горечью проговорила она.

— Не надоѣла, а нельзя же такъ...

Онъ оборвалъ фразу на полусловѣ, захватилъ шапку и вышелъ изъ дому. Ссориться съ людьми онъ не умѣлъ. Онъ пробродилъ съ часъ на улицѣ, зашелъ въ портерную, выпилъ кружку пива и отправился снова домой. Казалось, онъ не зналъ, куда дѣваться, гдѣ найти уголъ для отдыха. Въ кухнѣ было темно, когда онъ пришелъ домой. Осипъ, не зажигая свѣчи, сталъ раздѣваться. Когда онъ легъ, онъ услышалъ тихій плачъ. Его покоробило. «Обидѣлъ ее давеча,— досадливо подумалъ онъ. — Развѣ она виновата, что мѣста нѣтъ? Самъ тоже шлялся такъ-то, да забылъ, видно, теперь». Онъ, досадуя на себя, повернулся на другой бокъ. Тихій плачъ продолжался. «Самому не сладко, а другихъ забижаю», — опять подумалъ онъ и снова повернулся.

— Уйду я, завтра же уйду, куда глаза глядятъ!—вдругъ раздалось въ тишинѣ.—Стѣснила я тебя, мѣшаю, глаза намозолила...

Осипъ разомъ поднялся, точно его кто-то толкнулъ въ бокъ, и сѣлъ на лавкѣ.

— Съ улицы подобралъ, чтобъ не поколѣла, а я навязалась, на шеѣ повисла, чужая,—тихо и жалобно продолжала причитать Марья Ивановна.

Онъ не выдержалъ и откровенно проговорилъ:

— Не надрывай ты мнѣ душу, и самому не сладко тутъ!

Онъ не успѣлъ опомниться, какъ его шею обвили ея руки.

— Знаю я, знаю, родной! Добрый ты человѣкъ!—раздался ея шопотъ.—Душа-то у тебя ангельская.

Осипъ совсѣмъ опалѣлъ.

Поутру онъ заторопился на заводъ, одѣваясь кое-какъ,

Digitized by Google

на-спѣхъ, и глядя въ сторону, чтобы не видать еще спавшую сладкимъ сномъ Марью. Онъ чувствовалъ себя передъ ней виноватымъ,—чуть ли не настолько же виноватымъ, какъ тотъ молоденькій лакей, на котораго она жаловалась ему со слезами, что онъ когда-то погубилъ ее. Свалить вину на нее ему и въ голову не приходило. Ее съ горя грѣхъ попуталъ. Это ему казалось вполнѣ очевиднымъ. Самъ онъ по личному опыту зналъ, какъ горе толкаетъ и въ трактиры, и въ кабаки, и въ веселые дома. Нужно было упорно бороться ему, чтобы устоять отъ искушенія— и то не всегда удавалось. Вернувшись домой въ обѣдъ, онъ старался не глядѣть на Марью и былъ молчаливъ. Ему было стыдно передъ ней. Она зорко вглядывалась въ него, когда онъ не смотрѣлъ на нее или потуплялся. Ей было смѣшно отъ его стыдливости. Въ головѣ мелькали мысли: «Совсѣмъ онъ дурашливый; изъ такихъ хоть веревки вей». Онъ пообѣдалъ наскоро и, хотя было еще не время идти на заводъ, ушелъ изъ дома. Вечеромъ онъ вернулся домой все въ такомъ же настроеніи. Легче не стало. Теперь онъ готовъ былъ отдать ей всѣ деньги, только бы она ушла отъ него, не мозолила ему глазъ. Едва настала ночь, какъ Марья снова подсѣла къ нему и заговорила страстнымъ тономъ:

— Милый ты мой, сердишься ты на меня? Ну бей меня, дѣлай что хочешь! Сама я невольна въ себѣ. Только я тебя больше жизни полюбила!

— Полно, оставь!—сказалъ онъ.—Что хорошаго? Не мужъ я тебѣ, не полюбовникъ.

— Знаю я, знаю! Да что съ сердцемъ-то подѣлаешь! Вотъ ты сердишься на меня, а у меня все нутро поворачивается. Ласки я ни отъ кого не видала на своемъ вѣку...

Она снова начала жаловаться на судьбу, на людей. Это была старая-старая, но тѣмъ не менѣе надрывающая душу пѣсня. Злодѣи и несчастія изобрѣтались и выдумывались съ тою легкостью, съ какою это дѣлаютъ завзятые лгуны, при чемъ Марья Ивановна даже и не подозрѣвала, что ея настоящая исторія гораздо страшнѣе выдуманной ею исторіи. Осипъ былъ глубоко взволнованъ разсказомъ и, охваченный жалостью, забылъ о томъ, что онъ еще недавно мысленно повторялъ: «Хоть бы провалилась она!» На эту удочку состраданія было легче всего поддѣть его, простодушнаго, мягкосердечнаго, знавшаго горе. Марья Ивановна поняла это сразу, воспользовалась этимъ и сообразила: «а тамъ веревки изъ него вей»...

Digitized by Google

VIII.

Старикъ Павловъ во время утренней работы искоса присматривался къ Петрову и волновался.

— Ишь вѣдь какой тоже злопамятный,—ворчливо разсуждалъ онъ.—На себя отъ злости не похожъ сталъ, а молчитъ. Охъ, молодежь, нашей солдатской лямки не знавшая! Въ полку-то обломали бы злопамятство. На начальство-то тамъ не сталъ бы дуться.

Въ другое время Павловъ непремѣнно придрался бы къ Петрову, оборвалъ бы его и показалъ бы ему, каково на начальство дуться. Но теперь не то было на умѣ у старика. Уже нѣсколько дней онъ сознавалъ, что онъ обидѣлъ Петрова ни за что, ни про что, и желалъ примиренія. Не зналъ онъ только, какъ начать говорить съ парнемъ, чтобы не уронить своего достоинства. Наконецъ, онъ отрывисто спросилъ Осипа, не глядя на него:

— Что ты развинтился, что ли, или все еще кукоишься?

Осипъ, стоявшій въ глубокой задумчивости у машины, очнулся. Въ его глазахъ стояли слезы.

— Горе у меня, Андрей Петровичъ,—проговорилъ онъ. — Такое горе, что ахъ!

Старикъ встрепенулся.

— Что ты, парень?—заботливо спросилъ онъ.—То-то я гляжу, на себя ты не похожъ. А я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что ты зло противъ меня таишь...

— Не за что мнѣ зло противъ васъ таить,—отвѣтилъ Осипъ.—Коли вы сказали мнѣ правду, такъ что-жъ, самъ я виноватъ былъ. Не въ свое дѣло сунулся.

Старикъ дружески похлопалъ по плечу.

— Ну, ну, полно!—ласково сказалъ онъ.—Погорячился я тогда, не разобравши дѣла, а теперь Даша все разсказала, какъ дѣло было, такъ мнѣ еще благодарить бы надо было тебя за то, что дѣвкѣ степенно правду ты сказалъ...

Онъ принялъ озабоченное выраженіе и спросилъ:

— А горе-то у тебя какое?

— Такое, что сразу не разскажешь,—отвѣтилъ Осипъ.— Одно слово, хоть въ петлю!

Старикъ покачалъ головой и строго сказалъ:

— Не грѣши! Такого горя нѣтъ, чтобы ради него чорту душу отдавать!

Только вечеромъ удалось Осипу послѣ работы разсказать все случившееся съ нимъ Павлову. Какъ священнику на

Digitized by Google

духу, передалъ онъ старику все, не утаивъ ничего. Старикъ слушалъ его, сдвинувъ сѣдыя брови, изрѣдка ворча:

— Ахъ, ты, простота, простота!

Когда Осипъ кончилъ, Павловъ посовѣтовалъ:

— Дай ей сколько-нибудь денегъ и въ шею ее.

Осипъ вздохнулъ:

— Не уйдетъ она, въ ногахъ будетъ валяться, а не уйдетъ. Силой бы надо ее выгнать...

— Ну?—спросилъ старикъ.

— Не могу, рука не подымается бить бабу...

И какъ-то безнадежно онъ прибавилъ:

— Сбѣгу я, самъ сбѣгу, право!

Онъ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ наивно сталъ объяснять:

— Вѣрите ли, Андрей Петровичъ, ровно не человѣкъ это, а оборотень, дьяволомъ подосланный. Ину пору лежу это я, вдругъ проснусь, сяду на лавкѣ и смотрю впотьмахъ, самъ не вѣря себѣ: точно ли она, эта самая баба, у меня; прислушиваюсь: дышитъ, тутъ вотъ на моей кровати дышитъ! Потъ даже выступитъ отъ страха. Хужо полыни горькой мнѣ она, а выгнать не могу! гоню—плачетъ, въ ногахъ валяется...

Онъ вдругъ сознался:

— Пнулъ я ее сапогомъ—обхватила ноги руками, цѣлуетъ... Ахъ ты, окаянная!..

Старикъ что-то сообразилъ:

— Погоди! Тутъ у конторщика мѣсто открылось. Опредѣлить ее туда, а тамъ уже во второй разъ не вернется къ тебѣ. Лишь бы выжить разъ. Мы это устроимъ. Ахъ, парень, парень, простъ ужъ очень ты...

Старикъ волновался не меньше самого Осипа, повторяя:

— Вотъ вѣдь ни силой, ни умомъ Господь не обидѣлъ человѣка, а простъ, простъ, ну вотъ и заварилъ кашу!..

На слѣдующій же день въ обѣдъ Осипъ сообщилъ Марьѣ Ивановой, что для нея есть мѣсто у конторщика, что ей надо сейчасъ же сходить туда. Она нахмурилась.

— Гонишь!—сказала она, и злая нотка прозвучала въ этомъ словѣ.

— Баклуши-то бить весь вѣкъ не приходится,—отвѣтилъ онъ, какъ могъ грубо.

— Кажись, скламши руки не сидѣла, дѣлала, что могла, по хозяйству, служила тебѣ.

Digitized by Google

— Слугъ-то мнѣ только не приходится держать, не по достаткамъ...

— Смотри, разорила, по міру не пойди, что объѣла...

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она злобно отвернулась къ окну и задумалась. Въ ея душѣ была цѣлая буря. Ей казалось до этой минуты, что она уже начала забирать его въ руки, что онъ уже не выгонитъ ее. Въ головѣ роились планы, какъ она заживетъ съ нимъ: получаетъ онъ не мало, такъ что жить можно безбѣдно; нравомъ онъ тихъ, такъ что у него, какъ у Христа за пазухой, жить можно; годикъ бы такъ прожить, а тамъ, можетъ-быть, будетъ ребеночекъ, свяжетъ это ихъ вмѣстѣ веревочкой, да и безъ ребенка взнуздаетъ она его. Да, довольно ей муку мученическую терпѣть. Правда, не любитъ онъ ее, ну да и не надо, лишь бы содержалъ. Вонъ тиранъ ея, Петька Косоглазый, и любилъ ее да колотилъ не на животъ, а на смерть. Она задумывалась о Петькѣ Косоглазомъ: не пей онъ да не дерись, такъ обезумѣть можно отъ его любви. Поди, узнаетъ, что она сошлась съ Осипомъ, придетъ разносить Осипа, ее отбивать. Ну, нѣтъ, какъ-никакъ, а ужъ къ нему жить она не пойдетъ. Такъ пусть ходитъ, а жить къ нему—бока-то у нея свои. И вдругъ всѣ эти надежды должны были рушиться. Видно придется покориться, идти на мѣсто, а тамъ... изъ рукъ она Осипа не выпуститъ и на мѣстѣ живя. Она встала и пошла къ дверямъ, не въ силахъ будучи сказать ни слова Осипу, такой злобой полно было ея сердце противъ него: въ рай она попала, а онъ толкаетъ ее въ преисподнюю...

— Забѣжала я къ тебѣ, Ося, сказать, что конторщикъ беретъ меня къ себѣ,—сообщила она Осипу, вернувшись назадъ.—Только ужъ ты, родной, окажи милость: дай взаймы рублишекъ пять-шесть. Надо мнѣ хоть пальтишко купить. Отдамъ я тебѣ эти деньги...

Она была теперь оживлена и, казалось, злоба на Осипа прошла въ ея душѣ. Осипъ обрадовался и заторопился достать ей денегъ. Покуда онъ наклонялся къ сундуку, развязывая изъ разныхъ узелковъ деньги, она смотрѣла на него нехорошимъ взглядомъ... «Обрадовался, готовъ все отдать, лишь бы ушла,—мелькало въ ея головѣ:—да не надолго уйду. Вернусь еще! Туда же рыло воротитъ, когда люди къ нему съ лаской идутъ. Обломаю еще». Онъ досталъ ей денегъ, она бросилась обнимать его.

Digitized by Google

IX.

— Ну, что, освободился изъ плѣненія вавилонскаго?— шутливо спросилъ Павловъ Осипа, услыхавъ, что конторщикъ взялъ на мѣсто Марью Ивановну.

— Освободился!—съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Осипъ.

Павловъ не безъ удивленія взглянулъ на него.

— Да ты, парень, кажись, не радъ?

— Не то, Андрей Петровичъ,— проговорилъ Осипъ.— А то, что уѣхать мнѣ надо.

Старикъ вопросительно взглянулъ на него.

— Съ чего уѣхать-то?

— Отъ нея!

Павловъ усмѣхнулся и отечески похлопалъ его по плечу.

— Ахъ, ты, простота, простота! — проговорилъ онъ съ усмѣшкой старика, видавшаго виды и забавляющагося тревогой неопытнаго юноши. — Выѣденнаго яйца все это не стоитъ. Годы твои такіе, что безъ такихъ исторій не проживешь здѣсь. Тутъ не деревня, а Питеръ, заводъ.

И серьезно одобрилъ его:

— А это хорошо, что себя соблюдаешь, сторонишься отъ всякой гульбы. Здѣсь, въ омутѣ-то нашемъ, среди безпардонной команды, только загуляй, сейчасъ по уши во всякую пакость залѣзешь...

Павловъ, очевидно, не придавалъ никакого серьезнаго значенія всей этой исторіи; онъ даже усматривалъ въ ней комическую сторону, видя, какъ какая-то кухарчонка взяла въ плѣнъ молодого здороваго рабочаго. Но Осипъ не могъ успокоиться, точно кто-то подсказывалъ ему, что его приключеніе не кончилось, что впереди ему угрожаетъ нѣчто худшее.

Оставшись снова одинокимъ въ своей кухнѣ, онъ не повеселѣлъ, мысль о необходимости уѣхать, скорѣе уѣхать изъ этого омута не покидала его. Какое-то смутное, тоскливое чувство сжимало его сердце, на глаза навертывались невольныя слезы. Мертвенная тишина теперь томила его. Онъ безсознательно поднялся съ постели, захватилъ шапку и вышелъ изъ дому. Онъ шелъ, куда глаза глядятъ, не видя никого...

— Сердишься все, кланяться даже не хочешь, — послышался чей-то голосъ около него.

Робкій это былъ голосъ. Онъ взглянулъ и увидалъ Дашу. Она стояла, потупившись, сконфуженная.

Digitized by Google

— Это ты, Дарья Андреевна,—сказалъ онъ:—не видалъ я тебя. Въ думахъ шелъ.

— Ты не сердись,—проговорила она застѣнчиво.

Она была неузнаваема.

— За что мнѣ на тебя сердиться,—замѣтилъ онъ.

Она вдругъ торопливо произнесла:

— А я теперь совсѣмъ съ дѣвками и парнями раздружилась, компаніи не вожу.

— Что такъ? Тятя запретилъ?

— Нѣтъ; что же тятя,—начала она и стыдливо прибавила:—Ты тогда вотъ пристыдилъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Ея хорошенькое личико было залито румянцемъ, большіе глаза скрывались подъ длинными рѣсницами, смотря въ землю.

— Ты къ намъ шелъ?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ,—отвѣтилъ онъ.

— Присядемъ,—тихо сказала она и опять застыдилась.

Они присѣли у воротъ на скамью. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Даша перебирала конецъ шубейки.

— А у тебя сродственница гостила?—спросила она.

— Ты откуда знаешь?—сказалъ онъ.

— Сказывали...

Онъ махнулъ рукой.

— Ну ее!

— Сестра, что ли?

— Оставь, нечего и говорить!

Она подняла на него глаза. Странное выраженіе было въ нихъ, точно заглянуть въ его душу они хотѣли. Онъ отвернулся и сталъ въ смущеніи шаркать ногой по снѣгу изъ стороны въ сторону. Даша вздохнула, снова затеребивъ конецъ шубейки.

— А взаправду тятька говорилъ, что и ты съ нами въ деревню поѣдешь, коли мы поѣдемъ?—спросила она.

— Я хоть сейчасъ готовъ,—сказалъ онъ.

— Такъ бы и уѣхалъ,—замѣтила она:—и никого не жаль?

Онъ неожиданно взглянулъ на нее. Она отвернулась, вся раскраснѣвшись. Совершенно безсознательно онъ взялъ ея руку.

— Что ты?—спросила она.

Онъ смутился и отвѣтилъ:

— Попрощаться... пора домой...

— А! Ну, прощай!

Они пожали другъ другу руки и пошли въ разныя сто-

Digitized by Google

роны. Потомъ онъ обернулся и увидалъ, что она тоже обернулась. Оба опять сконфузились.

Онъ прошелъ домой и легъ на кровать, насвистывая что-то. Какъ-то тихо стало у него на душѣ. Самъ онъ не понималъ почему. Въ головѣ проносились мысли о деревнѣ. Хорошо, если бы весною уѣхать вмѣстѣ съ Павловымъ и Дашей. Съ чего она вдругъ притихла? «Не сердись», говоритъ. Чего ему на нее сердиться? Красива она стала, совсѣмъ и на дитѐ теперь не похожа. Вдругъ выросла словно. Это потому, что сегодня не дурила, не подсмѣивалась. Степенной стала. Невѣстится. Вотъ увезетъ ее въ деревню Андрей Петровичъ и выдастъ замужъ. Ему неожиданно впервые пришла въ голову мысль: съ чего же его Андрей Петровичъ съ собою все подзываетъ? Ну, поѣдетъ онъ съ ними, вѣдь не станутъ же они его держать работникомъ, когда выдадутъ замужъ Дашу? У нихъ будетъ тогда свой даровой работникъ, мужъ Даши, а онъ, Осипъ, останется безъ мѣста. Чего же ждать ихъ, когда они поѣдутъ въ деревню? Уѣхать по добру — по здорову теперь же. Прождетъ онъ ихъ, а время уходитъ...

Вечеромъ на слѣдующій день онъ, совсѣмъ ни о чемъ не думая, пошелъ изъ дому, дошелъ до того мѣста, гдѣ вчера сидѣлъ съ Дашей, осмотрѣлся кругомъ и сѣлъ.

— Что задумался?— послышался вопросъ.

Осипъ сразу узналъ голосъ Даши и протянулъ ей руку.

— Пришла!—сказалъ онъ, точно ждалъ ее на условленное свиданіе.

Она присѣла подлѣ него.

— А я все одну думу думаю, какъ бы уѣхать,—сказалъ онъ.

— Рано загадывать,— отозвалась она. — Тятя все говоритъ, что съ годикъ еще надо пожить здѣсь.

— Я раньше сбѣгу. Невмоготу мнѣ здѣсь.

Она взглянула на него.

— Какъ же такъ? безъ насъ?

— Что-жъ, если и съ вами, такъ не долго жить вмѣстѣ. Выйдешь замужъ—работника нанимать будетъ не для чего.

Она покачала отрицательно головой.

— Я замужъ не пойду,—сказала она.

— Не пойдешь?—удивился онъ.

— Что-жъ за немилаго-то идти?— отвѣчала она со вздохомъ.

— Такъ ты за милаго выходи!—пошутилъ онъ.

— Насильно милой не будешь, — сказала она, и опять ея руки начали пощипывать конецъ шубейки.

Digitized by Google

Онъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ. Ея милое курносенькое личико смотрѣло грустно, глаза были опущены въ землю. Онъ тихо и ласково окликнулъ ее:

— Даша!

Она вздрогнула и безмолвно, стыдливо прижалась къ его плечу своимъ плечомъ.

— Да ты вправду?—радостнымъ шопотомъ проговорилъ онъ.

Она только кивнула головой, стыдясь говорить.

— Родимая!—еще тише сказалъ онъ, не шевелясь, боясь, что могутъ подсмотрѣть, подслушать люди, заводскіе люди.

Она страстнымъ шопотомъ заговорила:

— Сперва смѣялась, думала: «вотъ откликнется, вотъ скажетъ слово»; потомъ отвернулась, думала: «придетъ самъ»; нѣтъ, еще хуже стало, укорилъ, что съ парнями вожжаюсь, а я, ей-Богу, вотъ какъ на духу.

— Полно, полно,—прошепталъ онъ:—развѣ я тебя не знаю.

— А потомъ, какъ сказали, что у тебя...—продолжала она.

Онъ перебилъ:

— Не говори! Тебѣ и говорить объ этомъ не слѣдуетъ.

— А я глазъ не осушала. Тятькѣ повинилась. Тятя все знаетъ.

— Заругался?

— Ну, что ты! Дура ты, говоритъ, я тебѣ его давно въ женихи намѣтилъ.

Она съ нѣкоторымъ лукавствомъ взглянула на него.

— А ты, можетъ, не любишь?

И тутъ же засмѣялась.

— Любишь, любишь, знаю!

Она смолкла, радостная, счастливая, затихшая.

Когда они поднялись съ мѣста, онъ пошелъ за нею проводить ее до дому. Онъ довелъ ее до сѣней квартиры Павлова. Тутъ было совершенно темно. Онъ быстро поцѣловалъ ее въ губы.

— Завтра выйдешь?

— Выйду!

Осипу казалось, что счастливѣе его нѣтъ человѣка во всемъ мірѣ.

X.

Объясненіе молодыхъ людей не осталось тайной для Павлова. Оба они не считали нужнымъ скрывать этого, и старикъ благословилъ ихъ. Было рѣшено, что ранней весной они уѣдутъ въ деревню и тамъ отпируютъ свадьбу. Осипъ уговаривалъ сдѣлать это скорѣе.

Digitized by Google

— Да что ты, парень, въ великомъ посту, что ли, хочешь вѣнчаться?—шутилъ Павловъ.

— До поста еще есть время,—говорилъ Осипъ.

— Ну, а въ деревнѣ-то, что мы будемъ дѣлать въ эту пору? Нѣтъ, покуда сколотимъ здѣсь еще лишнюю копейку, да тогда и во-свояси съ Богомъ. Лишняя копейка не мѣшаетъ. Надъ нами не каплетъ.

Приходилось покориться необходимости, хотя Осипа и тревожило что-то непонятное для него самого. Это что-то была близость отъ завода Марьи Ивановой.

Марья Иванова служила съ грѣхомъ пополамъ на мѣстѣ. Иногда она встрѣчалась съ Осипомъ, порой заходила, и каждый разъ выходило одно и то же: Осипъ встрѣчалъ ее сухо и грубо. Ни ея злыя выходки, ни ея жалобы, ни ея попытки приласкать его не могли измѣнить его отношеній къ ней. Она была ему теперь положительно противна. Это приводило ее чуть не въ ярость, точно Осипъ оскорблялъ ее своимъ равнодушіемъ къ ней. Однако, съ мѣсяцъ она совершенно неожиданно дала ему передохнуть, и онъ уже радовался, думая, что она совсѣмъ отвязалась отъ него. Онъ не справлялся о ней никогда и не зналъ, что дѣлала она, какъ жила въ это время. Между тѣмъ, въ ея жизни происходили событія не малаго значенія для нея. Ея тиранъ Петька Косоглазый узналъ, наконецъ, гдѣ она находится, и обрадовался извѣстію, что она на мѣстѣ. Для него это всегда было праздникомъ. Недѣли двѣ этотъ пьяница и ловеласъ опять былъ въ чести у своей возлюбленной и выманилъ у нея всѣ деньги до послѣдняго гроша. Она ругала его, плакалась на него и отдавала ему все. Когда деньги были выманены, начались бурныя сцены.

— Провизію-то ты закупаешь?—кричалъ буянъ.—Грошито остаются? Куда дѣваешь ихъ?

— Такъ что же я воровка, по-твоему, что ли?— бранилась она обидчивымъ тономъ.

— Воровка и есть!

— Это ты воръ, а не я воровка!

Затѣмъ послѣ пререканій по поводу этого вопроса, начинались принужденія спросить денегъ у хозяевъ впередъ.

— Сбѣжишь ты, нѣшто? Говори, что надо, — дадутъ! — настаивалъ онъ.

— Такъ и дали! Сами съ хлѣба на квасъ перебиваются! У меня рады занять!

— Да ты бы еще къ нищимъ пошла служить.

Digitized by Google

— А ты нашелъ бы мнѣ мѣсто у богатыхъ!

Отказъ дать денегъ только раздражалъ Косоглазаго, и снова Марья Иванова испытывала его «тиранства». Чѣмъ грубѣе былъ онъ, чѣмъ невыносимѣе была эта жизнь, тѣмъ свѣтлѣе и заманчивѣе становились картины возможнаго счастія въ союзѣ съ Осипомъ. «И что это съ нимъ сдѣлалось, что его ничѣмъ не тронешь? Точно истуканомъ сталъ. Простъ, простъ, а не обломаешь его». Иногда Марьѣ Ивановой казалось, что она дѣйствительно такъ любитъ Осипа, что жить безъ него не можетъ. Иногда она ненавидѣла его за то, что «изъ-за него она теперь всѣ тиранства отъ Петьки терпитъ и отъ господъ помыканья переноситъ». И кто его надоумилъ, кто ему въ уши шепчетъ, что онъ такъ упирается? Самому ему никогда бы не стерпѣть. Изъ него, олуха, веревки можно вить. Это была логика падшей продажной женщины.

Раздумывая объ этомъ, она въ одинъ прекрасный день вдругъ очутилась снова на мостовой. Это уже было весною, какъ разъ на Святой. Петька Косоглазый обобралъ у нея только что полученныя деньги, взялъ даже подаренный ей господами ситецъ, пропилъ все и вломился въ домъ конторщика, гдѣ жила Марья Иванова. Произошла отвратительная сцена побоевъ и изгнанія кухарки.

Она направилась прямо къ Осипу. Онъ былъ дома. Она вошла къ нему и увидала, что онъ укладываетъ вещи въ холщевый мѣшокъ. Въ кухнѣ было какъ-то особенно пусто и прибрано, точно передъ выѣздомъ съ квартиры. Ее это поразило. Она недоумѣвала, куда можетъ собираться Осипъ.

Услыхавъ за собою шаги, Осипъ обернулся и увидалъ Марью Иванову. Она была неузнаваема, опустилась, осунулась, постарѣла.

— Что тебѣ?—грубо спросилъ онъ.

— Отказали отъ мѣста,—отвѣтила она. — Я ужъ денька два побуду у тебя, родной.

— Ну, у меня негдѣ тутъ быть. Я и самъ на-дняхъ уѣзжаю,—сказалъ онъ.

— На-дняхъ!—повторила она.—Когда еще уѣдешь. Мнѣ только на день.

— Ступай! ступай!—рѣзко сказалъ онъ и взялся за шапку.

— Ося!—взмолилась она.

— Какой я тебѣ Ося; Осипомъ Ивановичемъ люди зовутъ. Иди.

Онъ взялъ ее за плечи и повернулъ къ дверямъ.

Digitized by Google

— Да ты это что? — воскликнула она. — Ужъ тоже не бить ли вздумалъ? Много будетъ!

Не говоря ни слова, онъ вывелъ ее на лѣстницу и замкнулъ снаружи дверь сѣней. Что-то суровое, почти жестокое было въ выраженіи его лица, точно онъ былъ готовъ убить эту женщину, чтобы она не мѣшала его счастію. Не лучше смотрѣло и ея лицо. На улицу вышвырнулъ! — проносилось въ ея головѣ. — Теперь либо въ воду, либо по-міру идти. Гроша нѣтъ въ карманѣ! Угла нѣтъ. «Проклятые!» Онъ быстро удалялся отъ нея по улицѣ, спѣша скрыться за угломъ.

День былъ солнечный, теплый, совершенно лѣтній. Только грязь, стоявшая на улицахъ, да голыя вѣтви деревьевъ говорили, что стоитъ еще не лѣто, а ранняя весна. Заводская улица пестрѣла народомъ, веселымъ, говорливымъ, одѣтымъ по-праздничному. Въ душѣ Марьи Ивановой поднялось какое-то странное чувство при видѣ этого солнца, этого веселящагося народа. Ей захотѣлось жить во что бы то ни стало, и въ то же время она проклинала тѣхъ, которые ведутъ ее къ гибели: Петька Косоглазый, семья конторщика, Осипъ Петровъ представлялись ей одинаково ея врагами. Они ее погубили, изъ-за нихъ у нея угла нѣтъ. Люди веселятся, смѣются, а она — руки ей на себя наложить остается. Всѣхъ бы она удавила. Она пошла безъ цѣли впередъ. Какой-то мастеровой пристадъ къ ней...

Какъ прожила она этотъ день — это трудно разсказать. Но она прожила его, была сыта и выпила не мало пива. Только къ вечеру она снова очутилась на улицѣ, гдѣ еще болѣе было теперь народа, движенія, веселья. Кругомъ все гудѣло, пѣло, приплясывало. Гармоники наигрывали плясовые мотивы. Марью точно оглушило это веселье. Съ минуту она стояла въ какомъ-то чаду. Потомъ она вспомнила, что у нея нѣтъ ни гроша денегъ, что ей придется ночевать на улицѣ, можетъ-быть, околѣть съ голоду. Поднялась опять ненависть въ душѣ къ людямъ. Болѣе всего ненавистнымъ былъ Осипъ. Онъ могъ бы спасти ее и не хочетъ. Кто-то науськалъ его противъ нея! Ужъ не разлучница ли какая явилась? Задушила бы она, Марья Иванова, ее своими руками! Это была страшная, безумная злоба.

XI.

Весна—праздникъ жизни, пора любви. Это какъ нельзя болѣе чувствовали Осипъ и Даша. У нихъ все было готово къ отъѣзду. Еще недѣли двѣ—и они будутъ мужемъ и же-

Digitized by Google

ною. Чѣмъ ближе подходило это время, тѣмъ менѣе они думали о немъ и наслаждались настоящимъ—поэзіей чистой любви. Всѣ знали, что они женихъ и невѣста, и оставляли ихъ въ покоѣ, вдвоемъ. Въ тихій весенній вечеръ, пробродивъ далеко, они неспѣшно шли домой и, казалось, все еще не могли наговориться другъ съ другомъ, хотя, повидимому, и словъ-то у нихъ не было для разговоровъ. Они приближались къ дому, гдѣ жилъ Осипъ.

— Я тебя провожу до дому,—сказалъ онъ.

— А потомъ я тебя,—съ улыбкой проговорила она.—Помнишь, какъ третьягоднясь? До двухъ часовъ ночи все провожали другъ дружку.

— А то сядемъ,—сказалъ онъ.—Еще рано.

— Сядемъ,—согласилась она.

Держа другъ друга за руку, они сѣли, плотно прижимаясь одинъ къ другому. Рѣчи оборвались. Имъ было такъ хорошо, что слова казались лишними...

Вдругъ раздался какой-то неистовый пьяный крикъ, понеслись ругательства, и около уха Осипа что-то свистнуло, потомъ вылетѣлъ короткій глубокій вздохъ. Осипъ вскочилъ, увидалъ падающую Дашу и почувствовалъ, что кто-то вырываетъ ее изъ его протянувшихся къ ней рукъ. Началась какая-то свалка, среди которой слышался крикъ:

— Вотъ тебѣ, разлучница! Будешь парней отбивать у насъ! На, бери ее, Осипъ Ивановичъ!

Толпа, сбѣжавшаяся сюда, уже держала за руки пьяную убійцу. Это была Марья Иванова: она сперва пустила камнемъ въ високъ Даши, потомъ кинулась душить ее, уже мертвую.

Судъ вынесъ убійцѣ обвинительный приговоръ, но съ снисхожденіемъ. Онъ могъ бы и оправдать ее...

Digitized by Google

БѢЛАЯ НОЧЬ.

На стеклахъ оконъ въ верхнихъ этажахъ высокихъ зданій, на позолоченныхъ крестахъ и куполахъ церквей погасли ослѣпительно яркіе отблески заходящаго солнца. Безоблачное небо, мало-по-малу, побѣлѣло, и этою бѣлой мглой окуталась вся столица. Въ окнахъ начали опускать занавѣси, магазины стали закрываться, на улицахъ становится меньше движенія, онѣ пустѣютъ и затихаютъ. Все говоритъ о приближеніи ночи. Но нѣтъ ни тьмы, ни прохлады. Воздухъ попрежнему бѣлъ, зноенъ, душенъ, неподвиженъ. Это бѣлая іюньская петербургская ночь, томящая и разслабляющая. Отъ нея хочется скрыться за тяжелыми занавѣсями, хочется найти прохладный уголокъ, чтобы уснуть. Душнѣе всего въ жилищахъ подъ накалившимися желѣзными крышами; въ подвальныхъ углахъ, гдѣ до-нельзя скучены люди, гдѣ воздухъ спертъ и безъ того. Но спится здѣсь людямъ послѣ трудового дня, и, мало-по-малу, они выползаютъ изъ своихъ норъ, начинаютъ собираться у воротъ, у подъѣздовъ домовъ. Въ мужицкихъ рубахахъ, въ легкихъ ситцевыхъ платьяхъ, полуодѣтые, полураздѣтые, еще не остывшіе отъ трудового пота, они присаживаются группами на скамьи, на ступени крыльецъ, на край тротуара, отдыхаютъ, перекидываются отдѣльными фразами, кто-то мурлычетъ подъ носъ пѣсню, гдѣ-то чуть-чуть начинаютъ наигрывать на гармоникѣ. Истома и тоска охватываютъ всѣхъ, томятъ...

— Въ деревнѣ у насъ теперь больно хорошо! — какъ вздохъ, проносится замѣчаніе молодого парня.

Это младшій дворникъ большого дома. Онъ сидитъ у воротъ, водя обутой въ грубый сапогъ ногою по пыли.

— Видно, не очень-то хорошо, что сюда ѣдете, а не сидите тамъ,—насмѣшливо замѣчаетъ молоденькій франтоватый

Digitized by Google

курьеръ, прислонясь къ стѣнѣ дома и молодцовато пуская вверхъ колечки дыма.

— А ты спроси, великъ ли надѣлъ. Насъ шесть душъ, что-жъ станешь дѣлать? На печи лежать, что ли? Съ землей и трое управятся съ прохладцей,—лѣниво отвѣчаетъ дворникъ.

— То-то и есть, хорошо, хорошо, а безъ хлѣба насидишься, если въ томъ хорошемъ-то мѣстѣ жить будешь,— опять небрежнымъ тономъ свысока замѣчаетъ курьеръ и для практики кокетливо крутитъ усики и закатываетъ глазки.

— Что говорить, насидишься,—добродушно соглашается дворникъ и опять болтаетъ по пыли ногой,—смететъ пыль горкою и снова разравняетъ ее.

Остальное собравшееся тутъ же общество молчитъ. Курьеръ молодцовато смотритъ на присѣвшую на ступени крыльца худенькую, хрупкую дѣвушку-прачку, еще похожую на ребенка. Она понурилась и, повидимому, вся отдалась какимъ-то смутнымъ мечтамъ. Ни одинъ мускулъ не шевельнется на залитомъ румянцемъ лицѣ, глаза сосредоточенно устремлены на мостовую, свѣжія губки остаются полуоткрытыми, и только молодая грудь подъ ситцевымъ лифомъ мѣрно поднимается отъ глубокаго дыханія. Неподалеку отъ нея молодой, кудреватый и грязный, съ ремешкомъ вокругъ головы, мастеровой наигрываетъ на гармоникѣ «Стрѣлочка», но такъ тихо-тихо, точно въ дремотѣ.

— Запьешь!—вдругъ произноситъ онъ ни съ того, съ сего.

— Что?—спрашиваетъ какъ бы очнувшійся дворникъ.

— Запьешь, говорю, здѣсь,—поясняетъ мастеровой, продолжая наигрывать тотъ же мотивъ.

— Это онъ вспомнилъ материнское наставленіе,—отозвалась сморщенная старушонка, закутавшаяся, несмотря на зной, въ темную ватную кацавейку.—Мать сегодня къ нему изъ деревни пріѣзжала, такъ голову-то и намыслила. «Ты, говоритъ, лоботрясъ этакій; затѣмъ развѣ въ ученье тебя отдали».

— А ты, тетка Марина, языкъ-то прикусила бы,—огрызнулся мастеровой.—Не тебя мать учила, такъ не твое и дѣло...

— Не артачься, не озорничай! отозвалась тетка Марина.—Мать-то твоя у меня, чай, въ углу плакалась. «Хоть ты, говоритъ, родненькая, догляди за паренькомъ».

Мастеровой усмѣхнулся.

— Не угоняешься, ноги стары,—проговорилъ онъ.— Прежде не доглядѣли, теперь и подавно не доглядите.

И, уже зубоскаля надъ старухой, спросилъ:

— А ты матери-то моей разсказала, какъ за самой при-

Digitized by Google

сматривали, когда зубо-ты еще цѣлы были? Говорила, какъ сама-то вѣкъ прожила въ этомъ самомъ Пентибрюхѣ?

Онъ оскалилъ бѣлые зубы, хихикая себѣ подъ носъ.

— Она, братцы, монашенкой прожила въ монастырѣ, гдѣ много холостыхъ...

Кто-кто усмѣхнулся, сонно, лѣниво.

— Молоко-то у тебя материнское не обсохло на усахъ. Рано тебѣ старыхъ людей вышучивать. Я, можетъ, такъ въ жисть-то намыкалась, что иной руки на себя сто разъ наложилъ бы отъ такого житья-то...

— Что-жъ не наложила? Одного грѣха побоялась, а на сотню грѣховъ пошла. Или семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ?

— Тьфу! Озорной!—отплюнулась тетка Марина.—Грѣхъ—грѣху рознь и хуже нѣтъ грѣха смертнаго.

Помолчали опять.

Послышался лошадиный топотъ. Щегольская коляска прокатилась мимо, неслышно скользя резиновыми колесами по мостовой. Въ экипажѣ полудремалъ господинъ и къ его плечу приникла молодая нарядная дама. Казалось, они спали въ сладкой истомѣ. Букетъ цвѣтовъ скатился съ колѣней молодой женщины и вздрагивалъ у ея ногъ.

— Парочка!—проговорилъ курьеръ, сладко и умильно улыбаясь.—Изъ Аркадіи, либо изъ Ливадіи съ оперетки.

Проѣхалъ еще экипажъ съ пьяной компаніей.

— Ну, эти налимонились!—сказалъ парень съ гармоникой.

— Носомъ рыбу удятъ,—замѣтилъ кто-то.

Тетка Марина поежилась, зѣвая, и тихо заговорила съ двумя бабами.

— И какъ это винище людей губитъ, родимыя, такъ страсть. Вотъ хоть бы взять Парѳена Сидоровича, Нюткинаго отца. Вѣдь изъ чиновниковъ самъ-то. То-есть не то что изъ настоящихъ, а приказный писецъ онъ былъ. А все же кокарду носитъ... А теперь ни образа, ни подобія. И все отъ винища. Сегодня пьянъ, завтра пьянъ, умъ-то размякнетъ, отъ вина это сейчасъ. Дочь родную не жаль. И смотрѣть-то ей на него тошно, а онъ еще съ нея тянетъ. Дай, да дай! А что она прачечнымъ рукомесломъ добудетъ и при ея-то комплекціи? Смотрите, родныя, на что похожа дѣвка. Дите! Никто и не скажетъ, что семнадцать годковъ. Такъ онъ что придумалъ, на что пошелъ...

Она еще понизила тонъ до шопота:

— Купцу ее сватаетъ Щепотьеву, Мирону Константиновичу Щепотьеву. Ей-Богу! Извѣстное дѣло, тому пригляну-

Digitized by Google

лась. Старъ онъ, а она дѣвчонка. Лестно! Ну, а за что погибнетъ дѣвка? За то, чтобы отецъ выпилъ лишній разъ? Щепотьеву она надолго не нужна. У него жена и дѣти на возрастѣ. И скряга онъ. Много ли и дастъ-то. А послѣ всю жизнь мыкаться она будетъ. Я это, бабоньки, знаю. Сама была молода. О-охъ, грѣхи наши тяжкіе! Въ молодости разъ, другой споткнешься, а потомъ весь вѣкъ люди глаза колютъ. Вонъ нашъ-то озорникъ, Матюшка-то лоботрясъ, тоже давеча мнѣ сказалъ какія слова, сами слышали...

Матюшка-слесарь уже наигрывалъ «Лучинушку», медленно вытягивая ноты, точно желѣзо пилилъ. Щемящіе звуки еще болѣе усиливали тоску присутствующихъ. А мимо все чаще и чаще проѣзжали экипажи и извозчичьи дрожки съ захмелѣвшими людьми изъ Аркадіи, изъ Ливадіи, изъ Царской Славянки.

Въ бѣлой мглѣ появилась какая-то шатающаяся фигура, оборванная, всклоченная, вывалявшаяся въ грязи и въ пыли.

— Вонъ, вонъ и самъ Парѳенъ Сидоровичъ нашъ плетухается,—указала на него тетка Марина и обратилась къ молоденькой прачкѣ.—Нюта, отецъ идетъ! Во хмелю.

Молоденькая дѣвушка вздрогнула и заволновалась:

— Охъ, уйти, уйти!—торопливо заговорила она, вставая.

Матюшка выводилъ пронзительно:

Лю-тая све-кро-вушка
Ва-дой за-ли-ла...

— Да вы не ажитируйтесь, Анна Парѳеновна,—галантерейно обратился къ Аннушкѣ курьеръ.—Отойдите для променажа въ сторону, родитель вашъ пройдетъ домой и заснетъ. Шкандала и не будетъ. Пойдемте-съ, тутъ до Фонтанки рукой подать, провѣтритесь...

Дѣвушка, накинувъ на голову платокъ, избѣгая встрѣчи съ пьянымъ отцомъ, машинально пошла въ противоположную отъ него сторону. Курьеръ, закуривая папиросу, граціозно склонивъ на бокъ голову, говорилъ ей на ходу:

— И сейчасъ безобразничать начнетъ мужичье съ вашимъ родителемъ. Это ужъ безпремѣнно. Каженный разъ такъ! Нашли тоже потѣху. То-есть самые низкіе нравы.

Она молчала.

Старикъ, подходя къ воротамъ и услыхавъ звуки гармончики, крикнулъ:

— Играй веселую! Плясать хочу!

Матюшка тряхнулъ волосами и заигралъ «Казачка». Пьяный

Digitized by Google

старикъ, пошатывался, заплетая ногами, началъ плясать. Окружающіе смѣялись, подзадоривали:

— Ходи вправо, ходи влѣво! Вотъ такъ! Валяй во всю!

Пьяница спотыкался, покачивался, но продолжалъ плясать, щелкая пальцами и подмигивая однимъ опухнувшимъ глазомъ.

— Ахъ, несъ, ахъ, несъ старый! Дочь бѣжитъ, а онъ пляшетъ!—ахала тетка Марина, всплескивая руками и качая сокрушительно головой.

Аннушка и курьеръ уже исчезли изъ виду въ бѣловатой мглѣ.

Она шла, потупясь, накрывъ голову большимъ платкомъ. Онъ, франтовато и граціозно изогнувшись въ ея сторону, занималъ ее разговоромъ:

— Тутъ-съ у рѣки не въ примѣръ вольготнѣе дышится. Потому, во-первыхъ, вода и притомъ, во-вторыхъ, сады. Теперь, по нонѣшнимъ понятіямъ, все въ городахъ сады разбиваютъ для благорастворенія воздуховъ.

Она молчала. Въ ея воображеніи рисовались образы: пьяный пляшущій на улицѣ отецъ; предлагающій ей любовь старый толстобрюхій купецъ; темный душный подвалъ, гдѣ она занимаетъ уголъ съ отцомъ; вонючая прачечная съ грудами бѣлья, съ вѣчной сыростью; бушеванье отца, въ пьяномъ видѣ, съ попытками избить ее за непослушаніе. Ей было тяжело, душно. Она сбросила съ головы на плечи платокъ, и задѣтая имъ коса медленно развернулась, упала на спину, густая, роскошная, оттягивавшая назадъ голову.

— Волосы у васъ, то-есть, если бы у барышни, такъ всѣ бы засматривались,—сказалъ курьеръ, любуясь этой роскошной, повисшей вдоль ея спины косой.—У нихъ все больше шиньоны, покупныя, да привязныя косы.

Она грустно усмѣхнулась.

— И то паликмахеръ продать предлагалъ. Все хлѣбъ!

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ? Этакую, можно сказать, красоту...

У него замаслились глаза.

— На что она? Тяготитъ только,—пояснила дѣвушка.

— Какъ-съ можно, какъ можно!—горячо протестовалъ онъ.—Да за одну такую косу васъ обожать то-есть можно. Ей-Богу-съ!

И тотчасъ же онъ заторопился.

— На лодкѣ вы любите кататься? Или на извозчикѣ предпочитаете?

Она молча отрицательно покачала головой.

— Не знаю. Не ѣздила,—сказала она, наконецъ.

Они шли по Цѣпному мосту. Поверхность Фонтанки была

Digitized by Google

неподвижна и казалась полированною сталью. У береговъ застыли барки, челны, лодки. Послышались легкіе удары веселъ и всплески воды, изъ-подъ моста показалось бѣло-снѣжная лодка. Въ ней сидѣли двѣ молоденькія дѣвушки и двое молодыхъ людей въ вышитыхъ рубашкахъ-косоворотках. Одинъ, бѣлокурый, кудрявый, раскраснѣвшійся, гребъ, другой, смуглый и блѣдный, правилъ рулемъ. Молодыя дѣвушки, снявъ круглыя шляпы, сидѣли по бокамъ. Одна изъ дѣвушекъ машинально сплетала и расплетала конецъ упавшей на колѣни бѣлокурой косы, другая также машинально расправляла листики и цвѣты на своей шляпѣ. У обѣихъ было серьезное, сосредоточенное выраженіе лицъ. Всѣ молчали, присмирѣли, притихли...

— Съ острововъ видно,—сказалъ курьеръ и пошутилъ:—Въ меланхоліи!

Аннушка не поняла.

— Какъ вы сказали?

— Въ меланхоліи-съ, говорю. Прошедшаго дня жаль.

И, сентиментально вздыхая, прибавилъ:

— Ахъ, молодость, молодость! Все ей мало. День блаженства данъ, такъ хочетъ еще, чтобы и конца ему не было.

Съ моста свернули на бульваръ у Инженернаго замка. Какой-то старичокъ въ потертомъ пальто, съ космами сѣдыхъ волосъ, ловилъ въ Фонтанкѣ рыбу. Они подошли къ нему, остановившись у перилъ, стали смотрѣть безцѣльно въ воду.

— Много-съ, осмѣлюсь васъ спросить, ловится здѣсь рыбы?—съ утонченной вѣжливостью спросилъ курьеръ у старика.

Тотъ вздрогнулъ, заморгалъ слезящимися глазами, тупо и растерянно взглянулъ на говорящаго и на его спутницу, точно его разбудили отъ сна, и онъ не зналъ самъ, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

— Рыбы? Нѣтъ, здѣсь какая же рыба,—смущенно пробормоталъ онъ.—Охо-хо, какая здѣсь рыба!.. Рыбы здѣсь нѣтъ...

Онъ вздохнулъ, вытащилъ поплавокъ, посмотрѣлъ на крючокъ, натянулъ плотнѣе червяка, поплевалъ на него и опять забросилъ удочку въ воду, впадая снова въ дремотное созерцательное состояніе. Аннушка и курьеръ тихо отошли отъ него, точно смутившись отчего-то, пошли дальше. У перилъ около моста стоялъ мальчуганъ въ опоркахъ на босыхъ ногахъ, оборванный, какъ нищій, и тоже удилъ рыбу, сопливо смотря на воду.

Digitized by Google

— Дышутъ,—проговорилъ курьеръ.—Въ углахъ, значитъ, духота, паръ стоитъ; ну, и дышутъ здѣсь...

Аннушка, перейдя Горбатый мостъ, вдругъ прислонилась спиной къ периламъ.

— Что вы-съ, что?—торопливо спросилъ курьеръ, подскакивая къ ней.

— Душно... не могу я...—пробормотала она, разстегивая у горла крючокъ лифа.

— Эхъ-съ, сады заперты!.. На скамеечку бы... Или извозчика взять въ паркъ бы...

Онъ засуетился, не зная, что дѣлать. Она, пошатываясь, вернулась назадъ, дошла до ступеньки моста и опустилась на нее. Онъ быстро подсѣлъ къ ней, что-то заговорилъ, обнялъ ее.

— Не надо, оставьте, кто-нибудь увидитъ,—тихо и безпомощно бормотала она.

Онъ, наглый, возбужденный, расхрабрившійся, обнималъ ее все крѣпче, склоняя къ ней молодое, лакейски-красивое, розовое, какъ у вербнаго херувима, лицо, улыбаясь глупой улыбкой, смотря масляными глазами.

— Пойдемте! Это ничего-съ!—говорилъ онъ почти поднимая ее и придерживая за талью.—Это обморокъ-съ: это бываетъ съ дѣвушками, когда деликатная комплекція. Отъ духоты все...

Онъ увлекалъ ее къ Симеоновскому мосту, что-то нашептывая ей, близко наклоняясь къ ея пылавшему лицу.

— Мнѣ все равно,—коротко и безсмысленно отвѣчала она.—Все равно, жить или умереть... хоть въ воду...

— Зачѣмъ-съ умирать? Жить будемъ! Такая деликатная комплекція и умирать!..

Бѣловатая мгла уже рѣдѣла, гдѣ-то въ лѣвой сторонѣ стыдливо алѣла румяная заря ранняго лѣтняго утра.

Въ подвальномъ этажѣ большого дома помѣщалась прачечная, просторная, низкая, со сводами. Несмотря на отворенныя два окна и дверь, она была полна пара. Онъ валилъ клубами на дворъ въ окна и дверь. Въ воздухѣ пахло грязнымъ бѣльемъ, мыломъ, человѣческимъ потомъ. Десятокъ прачекъ, молодыхъ и старыхъ, сновали среди этого пара, шлепали стоптанными башмаками по мокрому полу, вынимали изъ котловъ бѣлье, бросали его грудами въ лаханки и, согнувшись надъ ними, терли его руками и щетками. Всѣ онѣ, мокрыя, обливающіяся потомъ, были въ по-

Digitized by Google

линялыхъ ситцевыхъ платьяхъ, нѣкоторыя въ однѣхъ юбкахъ и рубашкахъ, спускающихся съ плечъ, у всѣхъ были подтыканы, приподняты юбки, чтобы онѣ не касались залитаго водой пола. Растрепавшіеся волосы падали на лица, на плечи, на спины. Во всемъ помѣщеніи гудѣло, какъ въ ульѣ; треніе щетокъ о бѣлье, всплески воды, шлепанье бѣлья о лаханки и скорый бабій говоръ нацолняли звуками воздухъ. Безмолвствовала только одна изъ трудящихся женщинъ, низко склонившись надъ лаханкой. Худенькая, невысокая, хрупкая, съ большой густой косой, лежавшей вѣнцомъ на ея головѣ, она, казалось, вся была поглощена своей работой. Но она думала не о работѣ. Въ головѣ проносились отдѣльные картины, образы, отрывки рѣчей.

Вотъ передъ нею сидитъ, граціозно развалясь на трактирномъ диванѣ и ловко пуская въ воздухъ кольца дыма, молодой самодовольно улыбающійся курьеръ въ разстегнутомъ щегольскомъ сюртукѣ изъ тонкаго сукна. Красавецъ онъ, какъ кажется ей. Румяный, бѣлый, стройный, талья, какъ у дѣвушки, глаза словно масломъ подернуты, усики маленькіе надъ сочными алыми губами, смѣется,—зубы бѣлые показываетъ, розовой помадой отъ головы пахнетъ. Фантазируетъ онъ, какъ онъ женится на ней, какъ они жить будутъ. Принарядятся, выфрантятся, пойдутъ зимой въ циркъ, лѣтомъ въ Зоологію, подъ ручку. Тамъ аккрабаты и аккрабатки, музыка играетъ, публика гуляетъ. Самое благородное времяпровожденіе. Конечно, теперь онъ не можетъ еще жениться, потому средствъ у него нѣтъ, и не можетъ онъ допустить, чтобы его жена такой деликатной комплекціи прачечнымъ рукомесломъ занималась, чужое грязное бѣлье стирала. Самое это послѣднее занятіе, и никогда онъ ее до этого не допуститъ. Это было бы очень даже противно ему, и брезгуетъ онъ этимъ. Этакія ручки и вдругъ чужое грязное бѣлье стали бы стирать. Онъ цѣлуетъ эти ручки, пальчикъ за пальчикомъ и, нѣжно картавя, говоритъ:

— И этакіе пальциски малюсенькіе вдругъ стилать будутъ!

Нѣтъ, госпожей его жена должна быть, сложивши руки сидѣть. Придетъ онъ изъ должности, пообѣдаютъ они, принарядятся, прифрантятся и — въ циркъ зимой, либо въ Зоологію лѣтомъ, тамъ аккрабаты и аккрабатки, музыка играетъ, публика гуляетъ... И опять онъ фантазируетъ все на одну и ту же бѣдную разнообразіемъ тему, широко улыбаясь и пуская дымъ колечками. Она слушаетъ и думаетъ: «не женишься ты, не женишься, знаю я это, зачѣмъ ты

Digitized by Google

только говоришь объ этомъ?» Она это думаетъ, она убѣждена въ этомъ, но не возражаетъ ему, не разочаровываетъ его, не разочаровываетъ себя. Ей хочется любоваться его лицомъ—хочется любоваться имъ именно въ эти минуты разыгравшейся въ немъ фантазіи. Она даже улыбается сама въ отвѣтъ на его мечты, точно вѣритъ въ нихъ или хочетъ вѣрить въ нихъ. Она была безконечно счастлива, не потому, что она на что-нибудь надѣялась въ будущемъ. Нѣтъ, это было особаго рода счастіе: она на время забывала все подавлявшее ее прошлое и все грозящее ей будущее. Она чувствовала только, что ее голубитъ и ласкаетъ онъ, молодой, красивый, полный жизни, и она отвѣчаетъ на эти ласки. Подвальное жилище, пьяный отецъ, родительскіе брань и укоры, толстобрюхій купецъ Щепотьевъ, тяжелая работа надъ лаханкой, голоданье по цѣлымъ днямъ, все это забывалось тогда, съ нимъ, во время прогулокъ по паркамъ, въ трактирныхъ комнаткахъ, на скамьяхъ ялико̀въ, въ эти бѣлыя лѣтнія ночи, томящія зноемъ, разслабляющія истомой. Это былъ ея «сонъ въ лѣтнюю ночь». Она знала, что это только сонъ, и желала одного—подольше продлить его. Во время его она забывала горькую дѣйствительность: знала, что эта дѣйствительность горька, но не думала о ней, пока длился этотъ сонъ. Да и теперь вспоминаются ей не горести жизни, а онъ, его личико, его ласки. Горятъ ея щеки, полуоткрываются ея губы, всю ее охватываетъ истома. А кругомъ стоятъ гамъ и шумъ: двѣ какія-то прачки сцѣпились между собою и ругаются отборной бранью; со двора доносятся тоже какіе-то крики ругающейся мастеровщины; гдѣ-то пронзительно визжитъ кѣмъ-то прибитая собака; разносчики и разносчицы то и дѣло оглашаютъ воздухъ выкрикиваньями: «башмаковъ, башмаковъ!» «огурцы зелены!» «халаты, халаты!», «костей, банокъ продать!» Что ей до всего этого за дѣло?

Въ дверяхъ прачечной среди клубовъ пара появляется мужская фигура:

— А, помогать намъ пришли, ваше благородіе!—раздаются крики двухъ-трехъ молодыхъ прачекъ.—Милости просимъ.

— Протанцовать, можетъ-быть, желаете?—отзываются другіе голоса.—Не поскользнитесь, а то носомъ въ лужу угодите!

— Насморкъ схватите! Ха-ха-ха!

Въ прачечной стонъ стоитъ отъ шутокъ и смѣха надъ остановившимся въ дверяхъ человѣкомъ. Оборванный, грязный, всклокоченный, грузно привалившійся къ косяку двери,

Digitized by Google

онъ хрипло говоритъ, обводя присутствующихъ мутными глазами съ красными вѣками.

— Анна гдѣ?

Послышались отвѣты:

— Сейчасъ экипажъ заложила и къ модисткѣ поѣхала.

— По островамъ катается!

— Не туда попали! По парадной лѣстницѣ идите! Тамъ квартируетъ!

Онъ, плохо понимая, что говорятъ, крикнулъ:

— Анна!

Молодая дѣвушка, склонясь надъ лаханкой, разгорѣвшаяся, съ томными глазами, думала въ эту минуту, придетъ ли вечеромъ *онъ* и скажетъ ли ей, какъ вчера, какъ третьяго дня: «не сдѣлать ли маленькій променажъ для развлеченія». Раздаются возгласы:

— Тише! Разбудите! Еще родимчикъ сдѣлается!

— Видите, надъ лаханкой спитъ!

— Видно, ночью-то не до сна!

Старикъ снова крикнулъ, сжавъ кулакъ:

— Анна! Разражу!

Какая-то прачка визгливо закричала:

— Да оттаскайте его, дѣвушки, кипяткомъ! Можетъ, очухается! А то что, въ самомъ дѣлѣ, безобразничать сюда пришелъ.

Сосѣдка молоденькой дѣвушки, пожилая женщина, заботливо склонилась къ ней:

— Нютка, отецъ пришелъ, зоветъ... Заснула, что-ль?.. Ахъ, ты, горе-горькая!

Аннушка очнулась и подняла голову, не сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло.

— Отецъ? Гдѣ отецъ? Что ему?

— Что? Нѣшто у пьянаго узнаешь,—отвѣтила пожилая женщина.—Извѣстно, безобразничаетъ...

Аннушка обернулась, и ея голубые глаза словно потемнѣли. Вся душевная буря сказалась въ этомъ взглядѣ. Она съ злобой бросила бѣлье и пошла къ дверямъ, суровая, съ угрозой во взглядѣ, сильно шлепая башмаками по мокрому полу.

— Что вамъ? Зачѣмъ пришли?

— А! зачѣмъ пришли?—отозвался старикъ, съ трудомъ отдѣляясь отъ косяка.—Зачѣмъ пришли? Не любишь этого? Погоди, узнаешь, зачѣмъ пришелъ? Ты это что задумала, а? Гдѣ была вчера?

Она, вся вспыхнувшая, почти дрожащая отъ гнѣва, съ

Digitized by Google

сверкающими глазами, быстро приблизилась къ нему и вытолкнула его разомъ изъ прачечной.

— Ступайте!

— Ты это что же?—крикнулъ онъ.—Отца бить?

— Идите, идите спать! Опять пьяны!

Она, въ высоко подтыканной мокрой юбкѣ, съ полуразстегнутымъ на груди лифомъ, съ обнаженными выше локтей мокрыми руками, продолжала толкать его по двору все дальше и дальше отъ прачечной, отъ своихъ разнузданныхъ подругъ по ремеслу. Онъ не переставалъ пьяно и безсвязно бушевать и на дворѣ:

— Ты думаешь, я ничего не вижу? Я отецъ! Я все вижу! Убью тебя! Ты думаешь, суда нѣтъ на васъ? Жениться заставлю! Молокососъ! Дочь погубилъ!

— Спать идите, спать! — не унималась она, неистово крича на него и толкая его все дальше и дальше.

Кругомъ нихъ уже собрались дворовые мальчишки и дѣвчонки, грязные, босоногіе, полунагіе, глазѣя на отца и дочь, глумясь надъ нимъ, подъуськивая ее:

— Въ спину его! въ спину! хорошенько!

Полуденное солнце заливало яркими лучами все пространство обширнаго двора. Всюду были открыты окна. Изъ нихъ высовывались головы кухарокъ, горничныхъ, мужиковъ, господъ. Досужіе люди собирались около отца и дочери. Скандалъ—находка для каждаго среди однообразія и скуки будней. Кто-то изъ ребятишекъ крикнулъ:

— Помогай, братцы! Бей его!

Она обернулась и прикрикнула на нихъ:

— Прочь, сволочь!

И еще больше обозлилась на отца:

— Идите! идите! Изъ-за васъ отъ сраму издохнешь! Шкандалистъ!

А у прачечной среди выбѣжавшихъ къ дверямъ полунагихъ, мокрыхъ прачекъ шелъ говоръ, точно въ котлѣ кипѣло.

— Не нравится, что накрыли!

— Люби кататься, люби и саночки возить!

— Дѣвоньки, да съ кѣмъ же грѣха не бываетъ?

— А не задирай носа! Изъ благородныхъ, туда же?

— Какъ же, кульерша теперь! Чѣмъ не благородная.

Раздался хохотъ молодыхъ голосовъ, злорадный, безпощадный, хохотъ падшихъ надъ падшею. Подъ звуки шипѣнья пара, шлепанья бѣлья, шарканья щетокъ, въ воз-

Digitized by Google

духѣ прачечной уже носилось одно, вызывавшее всеобщій смѣхъ, слово:

— Кульерша! Кульерша!

Его повторяли на всѣ лады съ приправой плоскихъ шутокъ и двусмысленныхъ намековъ, не обращая даже вниманія на то, что среди клубовъ пара въ дверяхъ уже показалась измученная борьбой съ отцомъ, отирающая рукой потъ съ лица, молодая дѣвушка.

— Кульерша! кульерша!—проносилось насмѣшливое названье, и гомерическій хохотъ молодыхъ звонкихъ голосовъ охватывалъ прачечную.

На дворѣ сгущалась ночь—темная почь послѣднихъ чиселъ августа. Шелъ мелкій дождь, зарядившій, повидимому, надолго, безшумный, частый, холодный. Въ небольшой комнатѣ, съ казенной обстановкой «номера» въ дешевенькомъ трактирѣ, заложивъ руки въ карманы брюкъ, въ сюртукѣ нараспашку, ходилъ взадъ и впередъ сильно взволнованный молодой курьеръ. Отъ его ходьбы сильно колебалось пламя двухъ горѣвшихъ на столѣ свѣчей, и тѣнь ходившаго по комнатѣ человѣка отражалась на противоположной стѣнѣ, то удлиняясь, то укорачиваясь. Онъ, обращаясь къ молоденькой дѣвушкѣ, сидѣвшей на диванѣ, говорилъ тревожнымъ, звучавшимъ гнѣвомъ и ироніей голосомъ, вздергивая отъ негодованія плечами:

— Этакъ всю кальеру можно испортить! Шутки ли—жаловаться по начальству вздумалъ! Одна мараль и больше ничего. Такой низости отъ вашего родителя я не ожидалъ.

Аннушка улыбалась безсмысленно блаженной улыбкой, смотря на его волненье, и, кажется, любовалась его личикомъ. Ни злобы на него, ни тревоги за его или за свою участь не было въ ея душѣ. Всѣ эти чувства словно замерли въ ней, и ей хотѣлось только смѣяться, подшучивать, дразнить его.

— Да вѣдь вы все равно жениться хотѣли на мнѣ?—проговорила она съ насмѣшкой въ голосѣ.

Онъ остановился передъ нею.

— Хотѣлъ-съ, хотѣлъ-съ,—отвѣтилъ онъ запальчиво.—Только-съ теперь я не при средствахъ. Подождать надо. Я вамъ-съ говорилъ объ этомъ. И самъ собою я хотѣлъ, а не такъ, чтобъ по начальству мараль пущали. Я отъ своихъ словъ не отказывался, а только обидно мнѣ, что вашъ батюшка мнѣ кальеру портитъ. Это ужъ, что называется—мерси баку!

Digitized by Google

— А вы женитесь, онъ и не пойдетъ жаловаться,—тѣмъ же глумящимся тономъ продолжала она.

Ей становилось все смѣшнѣе и смѣшнѣе смотрѣть, какъ онъ хорохорится, пѣтушится. Точно малый ребенокъ, когда его дразнятъ.

— Вы разговоровъ моихъ понять не хотите, Анна Пареѳеновна,—выяснялъ онъ, стараясь вывернуться. — Я-съ не отказываюсь. Я-съ съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. Я-съ теперь только не могу. Нынче не могу, потому средствъ для бракосочетанія у меня нѣтъ.

Она засмѣялась,—звонко, неестественно громко засмѣялась.

— И какой же вы трусъ, какъ я погляжу!

— Вы это напрасно изволите ругаться!—вспылилъ онъ.— Я-съ не трусъ, а...

— Нѣтъ, трусъ! трусъ!—настаивала она, подзадоривая его и смѣясь еще громче.

— А если такъ-съ, то я знаю-съ, что я сдѣлаю, — проговорилъ онъ съ угрозой и въ то же время смотря совсѣмъ растерянно.

Господи, какой онъ смѣшной! Хочетъ устрашить ее, а самъ труситъ, душа въ пятки ушла. Нѣтъ, на него нельзя смотрѣть безъ смѣху.

Она опять засмѣялась.

— Что же вы сдѣлаете? Уйдете? Да? Ну, уходите!

Она поднялась съ мѣста, взяла его фуражку и поднесла ее къ нему.

— Ну, уходите! Берите же фуражку! Завтра отецъ подастъ жалобу вашему начальству и заставятъ васъ жениться. Непремѣнно заставятъ.

Онъ растерянно смотрѣлъ на нее, чуть не плача, жалкій, хорошенькій, съ надутыми губками, какъ обиженный ребенокъ. Она любовалась имъ, жалѣя его, готовая броситься ему на шею.

— Анна Пареѳеновна, — жалобно, съ мольбой зашепталъ онъ:—Анна Пареѳеновна, я то-есть самый несчастный человѣкъ! И за что такое тиранство!

Она бросила фуражку и обвила руками его шею.

— Красавецъ мой, милый мой, ненаглядный! Никто на тебя не пойдетъ жаловаться! Никто не потащитъ къ вѣнцу! На что? Что мнѣ въ томъ?

Въ ея душѣ разомъ исчезла потребность смѣяться, въ голосѣ слышались уже слезы, что-то сдавливало горло.

— Что вы говорите? — обрадовался онъ и схватилъ ея

Digitized by Google

руки, припалъ къ нимъ губами. —А родитель вашъ? Какъ же такъ? А вы сами?

Она усмѣхнулась, горько, мучительно.

Я? Что я? Потѣшила себя. ну, и пропадай моя голова! Теперь будь, что будетъ! Сегодня жива, завтра въ воду...

Она безнадежно махнула рукой.

Что вы, что вы! — воскликнулъ онъ съ испугомъ. — Какъ это можно-съ! Зачѣмъ же-съ? Грѣхъ этакій! Потомъ, будутъ средства, поженимся...

Она разсердилась.

— Не ври! Никогда не женишься! — крикомъ сорвалось съ ея языка.

И, грубо оттолкнувъ его, она заговорила раздражительнымъ, злымъ тономъ, какъ говорила съ отцомъ:

— Радость тоже! Бить бы сталъ, если бы женился! Денегъ нѣтъ — жена виновата, вырядиться не можешь — жена отвѣтчица, въ трактиръ нельзя съ пріятелями идти — жену бить! Знаю я васъ, мужчинское сословіе, насмотрѣлась!

— Нѣтъ, уже это вы напрасно! Нѣжилъ бы я и берегъ бы васъ!—запротестовалъ онъ.—Я обращеніе деликатное знаю.

Опять онъ показался ей смѣшнымъ.

— Да?—спросила она, и ея лицо приняло насмѣшливое выраженіе.

— Всенепремѣнно-съ!

— Ну, такъ женись... въ такомъ случаѣ я рада... Пусть отецъ хлопочетъ, чтобы велѣли тебѣ жениться... Отъ такой доли какъ отказываться... Спасибо, что сказалъ, какъ будемъ въ миру, да въ ладу жить...

Онъ опять растерялся, взъерошилъ свои кудри и, тяжело переводя духъ, съ отчаяніемъ въ голосѣ заговорилъ:

— Что же-съ это такое? То успокоили, то чувства всѣ возвратили, а теперь, точно водой... точно обухомъ...

Онъ вынулъ платокъ и сталъ отирать съ лица крупныя капли пота, ходя широкими шагами, тяжело отдуваясь всей грудью. Она хохотала.

— И ничего-съ тутъ нѣтъ смѣшного! Ровно ничего!

Она продолжала хохотать все громче. Онъ сердился, повторяя, что тутъ ничего нѣтъ смѣшного, но она не унималась.

— Ха-ха-ха! Умора, умора! Вотъ-то трусъ! Вотъ-то трусъ! Въ потъ ударило, сблѣднѣлъ! Ахъ, глупый, глупый! Надъ тобой я смѣюсь! Пугаю! Ха-ха-ха!

Digitized by Google

Ея смѣхъ дѣлался все громче и громче, звуча рыданіями, прерываясь отъ нихъ. Она уже прилегла на диванъ, не въ силахъ ни стоять, ни сидѣть, и билась, захлебываясь, задыхаясь рыдающимъ хохотомъ.

Онъ растерянно наклонился надъ нею, опасливо поглядывая на дверь и суетливо бормоча:

— Анна Парѳеновна! Анна Парѳеновна! Перестаньте-съ, будетъ-съ! Люди могутъ услышать, придутъ...

— Ха-ха-ха! какой глупый... трусъ... Ха-ха-ха!

— Анна Парѳеновна! Анна Парѳеновна!

Она вдругъ очнулась, обвела комнату мутными глазами, точно соображая, гдѣ она и что съ нею.

— Воды мнѣ, воды! — задыхающимся голосомъ прошептала она.

Онъ побѣжалъ за водой, далъ ей напиться, ничего не понимая, ни ея смѣха, ни ея плача, не зная, на что надѣяться, чего бояться—свобода ли впереди, супружескія ли цѣпи съ непроглядной, безвыходной бѣдностью. А еще вчера одинъ товарищъ говорилъ ему:

— Дуракъ ты, дуракъ, связался съ голой! Туда же влюбился! Да лабазникъ Онуфріевъ за тебя дочь бы отдалъ, только мигни. Ишь рожа-то у тебя такая, что у всѣхъ дѣвокъ слюнки текутъ. Такъ за той рябой кукушкой, за Онуфріевой дочерью-то, не одна тысьча будетъ. Капиталъ!

У него даже сердце сжалось. Тутъ можно не одну тысячу къ рукамъ прибрать, а Парѳенъ Сидоровичъ грозитъ по начальству пойти. Заставятъ жениться на Аннѣ Парѳеновнѣ— и пропадетъ его голова: недостатки, дѣти, ссоры. Вотъ уже что называется влопался.

Онъ испуганно глядѣлъ на Анну Парѳеновну, стараясь заглянуть въ ея душу. Она молча закутывала голову платкомъ и натягивала легкое драповое пальто.

— Идете-съ?—робко спросилъ онъ.

Она молча кивнула головой. Ее охватило странное чувство: въ душѣ былъ холодъ, въ глазахъ было темно. Пока онъ раздумывалъ, что ему дѣлать, не пасть ли со слезами къ ея ногамъ, не умолять ли ее на колѣнихъ не жаловаться на него, не пресмыкаться ли, какъ гадинѣ, предъ нею, чтобы только спасти себя, — она пошла къ дверямъ, спотыкаясь, оступаясь, пошатываясь. Онъ растерялся еще болѣе, видя, что она уже уходитъ, бросился къ ней.

— Я васъ провожу съ!

Она отрицательно покачала головой и вышла, ощупью

Digitized by Google

отыскавъ ручку двери, точно у нея были завязаны глаза. Онъ въ смущеніи остался на срединѣ комнаты, потомъ подошелъ къ окну, безцѣльно взглянулъ въ него. На дворѣ было непроглядно темно, дождь продолжалъ сѣять, какъ изъ сита, жидкій свѣтъ фонарей прыгалъ въ лужахъ, рябившихся отъ дождя и налетовъ вѣтра. Мрачная погода навѣвала еще болѣе мрачныя думы. Остается ему взять камень, навѣсить себѣ на шею и въ воду! А что если бы не онъ утопился, а она — пошла бы теперь и утопилась бы? Онъ сталъ припоминать выраженіе ея лица, ея походку. Точно разсудокъ она потеряла, такъ смотрѣла. Иной разъ люди въ такомъ положеніи руки на себя накладываютъ. Ему стало жутко, и въ то же время какая-то надежда засвѣтилась въ его душѣ. Онъ машинально перекрестился, самъ не зная почему,—можетъ-быть, открещиваясь отъ страшныхъ мыслей, можетъ-быть, моляся, чтобы все окончилось счастливо—для него.

Ненастная осенняя ночь, непроглядно темно. Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Столица, окутанная чернымъ саваномъ тьмы, охваченная леденящимъ холодомъ, заливаемая водой, словно замерла. Только слышны бушеваніе вѣтра, немолчный гулъ льющагося сверху дождя, да глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, возвѣщающіе жителямъ о прибываніи воды. Анна Парѳеновна, несмотря на защиту большого зонтика, вернулась въ свой подвалъ промокшею насквозь.

Въ подвалѣ всѣ уже спали. Здѣсь царствовала ночью полнѣйшая тьма, и только въ углу у образа, мигая, теплилась лампадка. На полу лежали, какъ черные трупы, люди, храпя, вздыхая, охая во снѣ. По угламъ тянулись ширмы и занавѣски, отдѣлявшія отъ другихъ ночлежниковъ «углы» нѣкоторыхъ изъ привилегированныхъ обитателей и обитательницъ этого вертепа. Въ воздухѣ было смрадно, душно, сыро. Чтобы дышать этимъ воздухомъ, нужна была привычка.

Молодая дѣвушка пробралась въ передній уголъ, гдѣ теплилась лампадка. Здѣсь за рваной ситцевой занавѣской помѣщалась ея постель. Это было ея собственное жилище. Добравшись до него, она почти со злобой начала срывать съ себя верхнюю мокрую одежду. Какое-то гадливое чувство охватило ее всю при видѣ этихъ спящихъ людей въ этомъ промозгломъ воздухѣ, подъ звуки этого храпа и сопѣнья спящихъ. Она раздѣлась, легла и закинула подъ голову бѣлыя голыя руки, широко открывъ глаза. Въ головѣ мель-

Digitized by Google

кала одна мысль: «завтра выберусь отсюда». Она вздохнула облегченнымъ вздохомъ. Такъ вздыхаютъ люди, пройдя тяжелый путь и пріютившись на ночлегъ въ тепломъ углу. «Квартира будетъ своя, служанка будетъ, платья хорошія... Хоть вздохну!» И вдругъ по ея лицу скользнула тѣнь. Какой цѣной все это достанется? Очень ужъ противенъ этотъ Миронъ Константиновичъ. Слонъ точно, а туда же нѣжности разводитъ! Ей вспомнилось, что еще третьяго дня, когда она пошла къ Мирону Константиновичу и разомъ, съ отчаяніемъ, очертя голову, порѣшила свою участь,—ей захотѣлось утопиться, такъ захотѣлось, что пошла она на Фонтанку и припала въ изнеможеніи къ периламъ. Тамъ, внизу, была вода, черная, холодная, бурливая. Стало ей жутко. «Сама себя потеряла—не боялась, а тутъ—сердце захолонуло,—подумала она.—Два раза ходила топиться... Тогда, когда отъ того въ послѣдній разъ, не простившись, ушла, да потомъ, когда у этого впервые побывала... И оба раза жутко было. Вода, видишь, холодна, да черна!.. Смерть-то, видно, не радость! Жить-то хочется!» Въ головѣ пронеслась мысль о молодомъ курьерѣ. Отецъ принудилъ бы его жениться, если бы она не отстояла его, увѣривъ отца, что онъ и такъ въ сентябрѣ на ней женится. Соврала она—отецъ и рѣшился ждать покуда. «Законной женой стала бы,—подумалось ей, и тутъ же она съ горькой усмѣшкой рѣшила.—Да онъ всю душу мою вымоталъ бы, истиранилъ бы за то, что я его кальеры рѣшила... Нѣтъ, Богъ съ нимъ... Ласкалъ, миловалъ—хорошо было, а бить бы сталъ—въ воду бросилась бы... его бы убила и потомъ въ воду бросилась бы». И опять ей представилась эта вода, черная, холодная, бурливая. Она вздрогнула. Жить хочется. Вотъ теперь Миронъ Константиновичъ все обѣщалъ дать—и квартиру, и платье, и служанку нанять. «Кульершей звали, а теперь завѣдовать будутъ»,—подумала она, вспомнивъ о товаркахъ-прачкахъ, и вся потянулась въ сладкой истомѣ, сознавая, что съ завтрашняго дня она не будетъ жить въ этомъ подвалѣ, не будетъ стирать. «Ахъ, если бы онъ былъ на Андрюшу похожъ... Хоть бы капельку... хоть бы капельку»... Она глубоко вздохнула тяжелымъ вздохомъ и, съ зѣвотой закрывая отяжелѣвшія вѣки, набожно перекрестилась передъ сномъ...

Мутное утро уже смотрѣло въ окно, когда проснулась Аннушка. Парѳенъ Сидоровичъ сидѣлъ въ опустѣвшемъ подвалѣ у грязнаго некрашеннаго стола, опустивъ голову на руки, и въ мрачныхъ думахъ ждалъ ея пробужденія.

Digitized by Google

Когда она вышла изъ-за занавѣски, онъ грубо спросилъ ее:

— Что стирки нѣтъ, что ли, что разоспалась? Добрые люди давно на работѣ.

Она усмѣхнулась, презрительно, свысока.

— Что-жъ вы не работаете? Или не добрый, такъ и работы нѣтъ?

— Покудахтай еще!—мрачно сказалъ онъ.

И отрывисто спросилъ:

— Деньги есть?

— Воронъ на хвостѣ принесъ за ночь, какъ же!—отвѣтила она и, забравшись опять за занавѣску, стала собирать свои вещи.

Онъ смутился еще болѣе. Его томила жажда, мучительная, нестерпимая жажда водки. Убить ближняго, продать свою честь и совѣсть, погубить родную дочь или жену, все можно, когда засосетъ подъ сердцемъ червякъ, когда эта жажда и жжетъ, и душитъ, и мутитъ всего. Кто не испыталъ этого страданія, тотъ не можетъ и представить его. Оно можетъ довести до дикой ярости звѣря, до безпомощныхъ слезъ ребенка.

— Снеси что-нибудь заложить,—сказалъ старикъ.

— Закладывать-то что?—отозвалась дочь.

Онъ мрачно всталъ и заглянулъ за занавѣску, оглядывая тамъ все воспаленными глазами безумнаго.

— Чего увязываешь вещи?—хрипло проговорилъ онъ.

— Переѣзжать собираюсь!—коротко отвѣтила она.

— Не рано ли? твой Андрей Ивановичъ еще не припасъ для тебя угла. Вотъ сегодня, какъ начальству донесу о его негодяйствѣ, тогда, можетъ, и дадутъ ему помѣщеніе для женатаго. Полно ждать!

Она засмѣялась злымъ смѣхомъ.

— Вы и на Мирона Константиновича своего кстати жалобу подайте! За двухъ разомъ выдадите!

Онъ съ угрозой сжалъ кулаки.

— Не выводи меня изъ терпѣнія! — мрачно произнесъ онъ.—Миронъ-то Константиновичъ и тебя, и меня облагодѣтельствовалъ бы, если бы не твой мерзавецъ Андрюшка.

— Васъ-то за что ему благодѣтельствовать, — спросила она.—Довольно того, что меня отъ этой жизни ослабонитъ...

Узелокъ съ ея скудными пожитками былъ уже увязанъ. Она вышла изъ-за занавѣски. Это была уже не прежняя дѣвушка-ребенокъ. За три мѣсяца въ ней произошла рѣзкая

Digitized by Google

перемѣна. Въ ея взглядѣ, въ выраженіи ея лица, во всей ея фигурѣ было что-то новое, серьезность и отвага, суровость и рѣшительность.

— Вы только не вздумайте ко мнѣ ходить! Не припасено у меня денегъ на кабаки!—проговорила она, надѣвая на голову платокъ.

Онъ ничего не понялъ и спросилъ:

— Да ты куда?

— А вамъ что? На мѣсто.

— На какое мѣсто? Куда?

Она усмѣхнулась.

— Отсюда не видать!

Онъ схватилъ ее за руку, стиснулъ эту руку до боли и крикнулъ:

— Говори толкомъ!

Она вырвала свою руку изъ его руки.

— Говорить-то нечего. Сами готовили мнѣ мѣсто, ну, теперь и иду на него. Миронъ Константиновичъ нанялъ квартиру, чтобы я за ней смотрѣла. Такихъ-то, какъ вы, пущать не велѣно...

— Да я тебя!—крикнулъ старикъ.

— Ну, что: я тебя? Что?—грубо спросила она и въ сильномъ возбужденіи заговорила:—Что вы мнѣ? Отецъ? Какой отецъ? Куда меня толкали? Къ чему принуждали? Бить хотите—руки коротки! Жаловаться пойдете—все разскажу! Я теперь вольная птица, захочу—направо полечу, захочу—поверну налѣво. Никого не боюсь.

И, глумясь надъ отцомъ, чуть не плача и громко смѣясь, она прибавила:

— Андрею Ивановичу кланяйтесь, успокойте, что жаловаться не будете на него, что теперь онъ вольный казакъ... Тоже, такой же, какъ вы, сталъ бы, женимшись; запилъ бы, пожалуй; бить, можетъ, сталъ бы... Нѣтъ, теперь меня пальцемъ никто не тронетъ... руки у всѣхъ коротки... гулящая я теперь... слышите...

Она закрыла лицо руками и, рыдая, припала головой къ столу, опустившись на деревянный табуретъ.

— Гулящая!

Старикъ безпомощно опустилъ трясущіяся отъ пьянства руки и смотрѣлъ растерянными глазами на рыдающую дочь. Подъ сердцемъ засосало сильнѣе, стало мутить отъ жажды выпить, ноги подламывались отъ слабости.

Digitized by Google

— Нюта... Нюточка!.. А я-то... какъ же я?.. Охъ, жжетъ меня, жжетъ... шкаликъ бы... шкаликъ... одинъ...

Онъ стоялъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, слабый, какъ ребенокъ, съ растерянным видомъ, и крупныя слезы катились по его опухнувшему, сине-багровому лицу. Она очнулась, рѣшительнымъ движеніемъ поднялась съ мѣста и швырнула на полъ свой узелокъ съ пожитками.

— Берите! Мнѣ ничего не нужно!

Онъ, какъ подстрѣленный, свалился на колѣни, съ алчностью скряги, ползая и шаря въ полутьмѣ на полу, чтобы отыскать добычу, ощущая отъ одной надежды на выпивку уже слюну въ пересохшемъ за минуту горлѣ, и даже не слышалъ, какъ захлопнулась дверь за его дочерью.

— —

Въ этотъ же день подъ вечеръ Андрей Ивановичъ, розовый, сіяющій, припомаженный и расхрабрившійся, пировалъ со своими пріятелями въ трактирѣ.

— Пейте, пейте, братцы! — угощалъ онъ ихъ, наливая имъ вина.

— Да чего ты раскутился-то?—допрашивали они его.

— На радостяхъ!—говорилъ онъ, громко смѣясь.—То-есть такой это для меня день, такой... Всей кальеры, всей судьбы своей чуть не рѣшился по своей увлекательности—и вдругъ...

Онъ, потирая руки отъ радости, въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, въ сорочкѣ я родился, право, въ сорочкѣ! Такой, можно сказать, пассажъ, что я вамъ и изобразить не могу...

Къ нему приставали съ разспросами:

— Да что случилось-то?

Онъ остановился, покручивая усики.

— Анна-то Парѳеновна... Знаете ее?

— Ну?

— Увлекся я, въ забвеніи чувствъ накуролесилъ...

Раздались голоса:

— Ну, знаемъ, знаемъ... Что дальше-то?

— Родитель-то ея еще тебя притянетъ къ Іисусу.

— Напляшешься еще, какъ велятъ жениться.

Онъ смѣялся, махая руками.

— Чего? Чего? Все кончено! На квартиру къ купцу Щепотьеву пошла и мнѣ руки развязала...

Никто не повѣрилъ сразу:

— Что ты! Врешь!

— Ей-Богу!—увѣрялъ онъ.—То-есть это, я вамъ говорю,

Digitized by Google

мое счастье нужно имѣть. Въ сорочкѣ я родился, какъ есть въ сорочкѣ! Такой пассажъ—и сухъ изъ воды вышелъ! Вотъ ужъ истинное счастье!

Всѣ обрадовались его радости, загорланили разомъ:

— Праздравляемъ!

— Молодецъ, Андрюшка! За твое здоровье, подлецъ!

— Везетъ шельмецу!

Онъ молодцовато пріосанился и заходилъ по комнатѣ, щеголеватый, развязный, поощряемый друзьями и поощряющій ихъ:

— Пейте! Пейте! Слава Богу, ничего не жалѣю. Генералъ меня любитъ, денегъ даетъ. Пейте! Пейте! Я теперь, кажется, всю столицу напоилъ бы на радостяхъ...

И, покручивая усики, онъ таинственно, дѣлая глазки и кокетничая, какъ уличная кокотка, добавилъ:

— А влюблена она въ меня была, братцы, вотъ какъ, то-есть по-уши. Конечно, красивъ я. Тоже образованіе. Прельстилась. Я и теперь, коли тамъ что, готовъ. Дѣвчонка она смазливая. Конечно, съ Щепотьевымъ она ради антиреса связалась. Можетъ, нѣтъ-нѣтъ, да и меня вспомнитъ. Мнѣ вѣдь везетъ. Ахъ, какъ везетъ.

Онъ сдѣлалъ серьезную мину.

— А если насчетъ женитьбы, такъ я такъ разсуждаю: съ моими вкусами и образованіемъ никакъ мнѣ на бѣдной жениться не возможно. И на что поспѣшность? Бракъ это, такъ сказать, супружескія узы, цѣпи то-есть. Что-жъ закабалять себя? Съ моей наружностью и съ моимъ обращеніемъ мало ли мнѣ еще какія комбинаціи могутъ представиться. Была бы фартуна...

Онъ развалился на диванѣ, ломаясь и интересничая, и съ закатываньемъ глазъ повторялъ:

— А ужъ и счастливъ я, чертовски счастливъ!

Пріятели, шумя и звеня рюмками, пили за его дальнѣйшіе успѣхи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОБѢДИТЕЛИ.

РОМАНЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Сѣренькое осеннее утро было въ самомъ началѣ.

Грязь на улицахъ отъ ежедневныхъ дождей и холодный, сырой туманъ, охватившій дома, дѣлали непривлекательнымъ видъ Петербурга. Еще непривлекательнѣе смотрѣли задніе дворы большихъ каменныхъ домовъ, походившіе на мрачные глубокіе колодцы. Въ квартирахъ, выходившихъ окнами на такіе дворы, приходилось въ эту пору года чуть не до полудня поддерживать огонь въ лампахъ, или бродить въ полутьмѣ, не имѣя возможности приняться за работу. Особенно долго царилъ этотъ полумракъ въ квартирахъ нижнихъ этажей, куда и въ самые солнечные дни никогда не заглядывалъ лучъ солнца. Именно такой квартирой было помѣщеніе чиновнической семьи Ольхиныхъ. Въ его четыре окна, поднимавшіяся на аршинъ отъ земли, и зимой, и лѣтомъ дневной свѣтъ проникалъ очень скупо; теперь же въ немъ было почти совсѣмъ темно. Эту темноту озарялъ одинъ огарокъ стеариновой свѣчи, переносившійся въ мѣдномъ, плохо вычищенномъ подсвѣчникѣ изъ комнаты въ комнату какимъ-то невзрачнымъ, сгорбившимся человѣчкомъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и въ халатѣ, пестромъ, засаленномъ и мѣстами оборванномъ. Маленькій человѣчекъ, озабоченно наморщивъ лобъ и оттопыривъ губы, очевидно что-то упорно искалъ, такъ какъ онъ бродилъ по всѣмъ угламъ, шарилъ вездѣ рукою, выдвигалъ ящики стола и комода, нагибался и свѣтилъ передъ собою, подъ диваномъ, подъ стульями, съ сомнѣніемъ покачивая облысѣвшею головою. Онъ былъ еще не старъ, но успѣлъ преждевременно состариться, опуститься и осунуться.

Онъ ходилъ осторожно, едва слышно шаркая стоптанными туфлями, тѣмъ не менѣе и его движеніе, и мельканіе огня

Digitized by Google

разбудили женщину, спавшую въ глубинѣ задней узенькой комнаты.

— Чего ты бродишь, Данила Лукичъ, ни свѣтъ, ни заря?— проговорила она недовольнымъ голосомъ, открывая заспанные сѣрые глаза. — Мало за день-то намаешься, такъ еще и ночью покоя нѣтъ. Бѣда, право, съ тобою.

— Какая же теперь ночь, Пелагея Никитична, — отвѣтилъ, сконфуженно оправдываясь, Данила Лукичъ: — семь ужъ пробило...

— Люди добрые говорятъ, сегодня воскресный день, — въ должность не идти,—проворчала она.

Онъ немного замялся и осторожно замѣтилъ:

— Я, видишь ли, Поля, ищу... деньги у меня тутъ затерялись...

— Изъ-за какого-нибудь гривенника весь домъ готовъ поднять,—проговорила женщина.

— Не гривенникъ, Поля,—сказалъ старикъ, и голосъ его дрогнулъ. — Настины деньги... сорокъ рублей... Вчера Настасья Порфирьевна дала, чтобы часы ея выкупить... Я ихъ принесъ и, знаешь, чтобы не потерять...

— Ахъ, ну тебя. Засунешь самъ, а потомъ и роешься вездѣ, какъ потерянный,—перебила его жена и, лѣниво зѣвая, начала подниматься съ постели.

Она была еще очень красивой женщиной, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, но это была, тѣмъ не менѣе, рано поблекнувшая красота. Стоило попристальнѣе вглядѣться въ нее, и тотчасъ же въ глаза бросались и серебристыя нити среди густыхъ свѣтлорусыхъ волосъ, и дряблость кожи на худощавыхъ, но въ то же время нѣсколько обрюзгнувшихъ щекахъ, и безчисленное множество морщинокъ на лбу и около глазъ,—такихъ же мелкихъ-мелкихъ морщинокъ, какъ мелки были вызвавшія ихъ непріятности и заботы. При взглядѣ на нее вспоминались махровые, роскошно распустившіеся цвѣты, мимоходомъ сорванные съ вѣтки чьей-то капризной рукой и тотчасъ же брошенные въ грязь: они не доцвѣли, ихъ лепестки еще уцѣлѣли, но ихъ смяли и растоптали равнодушные прохожіе.

— Аксинью разбудилъ?—отрывисто спросила она у мужа.

— Нѣтъ, спитъ еще, — отвѣтилъ Ольхинъ, снова шаря въ столѣ.

— А Витя спитъ?

Мужъ вдругъ пересталъ шарить въ ящикѣ стола, обернулся къ женѣ съ растеряннымъ видомъ и съ запинкой отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Витя?.. Вити нѣтъ дома... Онъ не приходилъ... Не ночевалъ...

— Гдѣ-нибудь у товарищей остался,—спокойно отвѣтила жена, не обращая вниманія на выраженіе лица мужа.

Онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, на мѣстѣ, положивъ указательный палецъ на нижнюю губу, тупо моргая выцвѣтшими глазами и, очевидно, что-то соображая. Это что-то было, должно-быть, очень страшнымъ, ужаснымъ, чудовищнымъ для него. По крайней мѣрѣ, его лицо начало, мало-по-малу, выражать тупой ужасъ.

Онъ не очнулся отъ своего оцѣпенѣнія даже и тогда, когда жена, наскоро умывъ лицо надъ круглой бѣлой чашкой, взяла у него изъ-подъ руки свѣчу, поставила ее на комодъ около небольшого зеркальца и, принявшись лѣниво причесывать себѣ волосы, заговорила:

— Рада я, когда нашъ бѣдный юноша хоть немного повеселится. Сами-то мы мохомъ и плѣсенью поросли, ни сами никуда не идемъ, ни къ намъ никто не идетъ. Точно прокаженные.

Она тяжело вздохнула.

— Да, не думала я о такой жизни въ молодости! Еще, слава Богу, хоть онъ-то товарищей имѣетъ въ хорошемъ кругу. Въ этой трущобѣ загибъ бы безъ порядочнаго общества. Съ его-то наружностью, да умомъ, сидѣть въ этомъ подвалѣ! Руки тутъ наложить на себя можно съ тоски... Ну, да и то сказать, онъ не можетъ не пробить себѣ дороги. Его нарасхватъ всѣ приглашаютъ къ себѣ. Еще бы! мертваго расшевелитъ. И откуда, что у него берется? Не постигаю просто. Положимъ, я въ молодости тоже...

Ольхинъ очнулся и перебилъ ее:

— Полно, Поля!.. Ты мнѣ вотъ что скажи: вчера когда ушелъ Витя?.. Послѣ классовъ-то заходилъ домой?

— А ты думалъ, такъ онъ въ гости и пошелъ въ томъ, въ чемъ занимался? — насмѣшливо сказала Пелагея Никитична. — Это ты только въ засаленномъ сюртучишкѣ къ своимъ чиновникамъ можешь въ гости ходить. На паперть церковную встать бы вамъ — милостыню подали бы. Господи, что за народъ!..

— Ты дома была, когда онъ пришелъ, и ушелъ онъ при тебѣ?—продолжалъ разспрашивать мужъ, не обращая вниманія на ея горькія замѣчанія.

— Да что пристали,—сердито воскликнула жена.—Пришелъ при мнѣ, а когда уходилъ, меня не было дома.

Digitized by Google

Во французскій театръ я ушла. Вчера первый бенефисъ былъ...

Она окончила причесыванье своихъ роскошныхъ волосъ, накинула на себя платье и хотѣла идти въ кухню, чтобы приказать подавать самоваръ. Взглянувъ мелькомъ на мужа и увидавъ теперь растерянное, оторопѣлое выраженіе его лица, она насмѣшливо замѣтила:

— Что еще все опомниться не можешь? Совсѣмъ ты безпамятный сталъ. Поищи деньги-то въ своемъ сюртукѣ.

— Чего искать, — глухо отвѣтилъ мужъ. — Викторъ ихъ укралъ.

Она даже остановилась, охваченная гнѣвомъ, задыхающаяся отъ негодованія, и точно пощечину дала мужу, воскликнувъ:

— Ахъ, ты, низкій, низкій человѣкъ!

У нея оборвался голосъ отъ душившей ее злобы. Сынъ для нея былъ все дорогое въ жизни — утѣшеніе, гордость, надежда.

— Ужъ не напился ли вчера у своихъ милыхъ пріятелей?—хрипло заговорила она какъ бы съ сдавленнымъ горломъ.—Не проспался, можетъ-быть, еще! Кого марать вздумалъ? Сына! родного сына?

Она, нѣсколько худощавая, гибкая, какъ кошка, съ исказившимся лицомъ, совсѣмъ близко подошла къ мужу и, злобно дернувъ его за рукавъ халата, точно царапнувъ когтями, шипящимъ, отрывистымъ тономъ приказала:

— Ищи! Сейчасъ ищи во всѣхъ углахъ! Въ какой-нибудь дырявый карманъ самъ засунулъ, а смѣешь говорить, что украли! Стыда нѣтъ! Безсовѣстный! У тебя всѣ воры и подлецы. Ты одинъ честный!

Казалось, она готова была растерзать мужа, растоптать его ногами, какъ ничтожную тварь. Ея измѣнчивые сѣрые глаза какъ бы расширились и совсѣмъ потемнѣли. Густыя темныя брови сдвинулись. Губы сжались. Это лицо ясно говорило теперь, что въ ея душѣ еще не все замерло, что она еще способна къ страстнымъ порывамъ.

Мужъ не обратилъ на нее вниманія, вышелъ въ другую комнату и присѣлъ къ столу. Его не по лѣтамъ старообразное лицо осунулось; выцвѣтшіе голубые глаза смотрѣли тупо; онъ былъ удрученъ горемъ. Крики жены не могли его тронуть и разсердить. Онъ сознавалъ теперь только одно, что его сынъ воръ. Давно уже онъ замѣчалъ, что у него пропадаютъ деньги, правда, мелочь—рубль, два, но все же

Digitized by Google

пропадаютъ. Онъ молчалъ, полагая, что онъ самъ теряетъ ихъ. Онъ даже конфузился при этой мысли, съ горечью сознавая, что иногда—правда, очень рѣдко, раза два-три въ годъ — онъ возвращался домой чуть-чуть навеселѣ, или — что бывало гораздо чаще—въ такомъ удрученномъ настроеніи, что забывалъ все. Теперь онъ уже не могъ обвинять себя въ этой потерѣ: онъ какъ-то сразу вспомнилъ, что эти деньги онъ принесъ вчера домой и бережно спряталъ въ ящикѣ стола; вспомнилъ даже, что вложилъ ихъ въ старый полуразодранный бумажникъ, вмѣстѣ съ квитанціей частнаго ломбарда. Квитанція была тутъ, именно въ этомъ бумажникѣ. Не было только денегъ. И если бы еще это были его деньги, а то это деньги его двоюродной сестры, Настасьи Порфирьевны Носовой. Старушка дала ихъ ему, чтобы онъ выкупилъ ея часы, такъ какъ у нея былъ покупатель на нихъ. Сама она небогатая женщина, служитъ начальницей дѣтскаго пріюта за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. За послѣднее время она, видимо, даже нуждается почему-то. На мгновенье онъ, неисправимый мечтатель, задумался надъ вопросомъ: почему она стала нуждаться? Но эта мысль тотчасъ же оттѣснилась другими мыслями, болѣе важными для него въ настоящемъ его положеніи. Какъ онъ скажетъ сестрѣ, что деньги украдены? Какъ на родного сына, какъ на вора, укажетъ? Отецъ—и станетъ обвинять сына?.. И съ свойственной всѣмъ забитымъ людямъ мнительностью онъ дошелъ неожиданно до чудовищной мысли: «А если она подумаетъ, что это я самъ затратилъ деньги и сваливаю вину на сына?..»

Его даже въ холодный потъ бросило... Настасья Порфирьевна была на пятнадцать лѣтъ старше его, но онъ до старости глядѣлъ на нее не только съ благоговѣніемъ, какъ на благодѣтельницу всей его семьи, но почти со страхомъ. Она казалась ему всегда не только старшимъ и начальствующимъ лицомъ, но даже какимъ-то недосягаемымъ существомъ. Онъ—мелкій чиновникъ, загубленный обстоятельствами, мало сообразительный и плохо образованный, а она институтъ съ шифромъ первою воспитанницею окончила, уважаемой гувернанткой въ важныхъ домахъ жила, начальницей пріюта состоитъ двадцать четыре года, съ высокопоставленными лицами дѣло имѣетъ и умѣетъ держать себя съ ними на ровной ногѣ, даже нѣсколько надменно, а главное — главное то, что она рѣзка, почти сурова, тогда какъ онъ... Ему вспомнилось, что его въ шутку звали и зовутъ

Digitized by Google

«мокрой курицей», «замухрышкой», «бабой». Ни выдающагося ума, ни блестящихъ способностей, ни серьезнаго образованія не было у него, и онъ сознавалъ это съ полнымъ смиреніемъ, съ безропотною покорностію передъ судьбой. Что-жъ дѣлать, если Богъ такимъ создалъ? Развѣ онъ-то виноватъ въ этомъ? Была у него только честность, и онъ дорожилъ ею до болѣзненной мнительности, отказывался отъ мѣстъ, гдѣ могла пасть на него тѣнь подозрѣнія, что и онъ не чистъ на руку, или гдѣ онъ, преувеличивавшій слабость своей натуры, могъ подвергнуться искушенію покривить душой. Бѣсъ-то вѣдь силенъ, подъ руку можетъ подтолкнуть, значитъ, лучше отойти отъ искушенія. Не даромъ говорится: «отойди отъ зла и сотвори благо». Онъ и отходилъ отъ зла. И вдругъ теперь двоюродная сестра заподозритъ его въ растратѣ ея денегъ!

Рѣзкій звонокъ заставилъ его вздрогнуть. Онъ зналъ, что такъ звонилъ только его сынъ.

Въ эту минуту ему вдругъ захотѣлось куда-нибудь провалиться, спрятаться отъ сына. Стыдъ охватилъ его всего и подавилъ всѣ другія чувства. Онъ пугливо обернулся, какъ бы ища убѣжища отъ встрѣчи съ сыномъ, боясь взглянуть въ глаза ему, вору. Но сынъ стоялъ уже на порогѣ.

Высокій, стройный, съ вьющимися черными волосами, съ темно-сѣрыми глазами, бойко и плутовато выглядывавшими изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ немного исподлобья, съ тонкимъ румянцемъ на щекахъ, съ легкой тѣнью около глазъ, съ пушкомъ около ушей, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавцемъ. При появленіи его въ комнатѣ пахнуло тонкими духами, точно повѣяло откуда-то ароматомъ съ цвѣтущихъ полей въ затхлую атмосферу тѣснаго жилища. Его сіяющее улыбкой молодое лицо какъ будто внесло свѣтъ и озарило эту полутьму мутнаго утра.

— Здравствуй, мама! здравствуй, отецъ!—весело поздоровался онъ съ матерью и отцомъ, кивнувъ имъ головой.— Вы за чаемъ? Отлично. Я еще не пилъ.

Пелагея Никитична, сидѣвшая теперь уже за круглымъ столомъ, покрытымъ помятою скатертью, и заваривавшая чай, и обрадовалась приходу сына, и встревожилась при мысли о возведенномъ на него обвиненіи. Она хотѣла предупредить сына и многозначительно показала ему глазами на отца, желая, чтобы сынъ не заговорилъ съ отцомъ. Викторъ не понялъ значенія ея взгляда и, увидавъ, что отецъ какъ-то осунулся, спросилъ:

Digitized by Google

— А ты, отецъ, кажется, не въ духахъ?

Мать заторопилась заявить:

— Ахъ, глупости! Нечего и говорить!

Викторъ мелькомъ съ едва замѣтной усмѣшкой спросилъ:

— Надѣюсь, что почтеннаго архиваріуса не сдали въ архивъ?

Эта фамильярность точно обожгла старика, хотя сынъ никогда иначе не говорилъ съ нимъ.

— Не въ архивъ сдали, а обворовали!—отрывисто проговорилъ старикъ, мрачно глянувъ въ сторону.

На мгновенье молодой человѣкъ почувствовалъ, что онъ вспыхнулъ, но тотчасъ же, по своему обыкновенію, скрылъ смущеніе подъ напускной развязностью:

— Ого, значитъ, ты разбогатѣлъ, что нашли, что обворовать.

Старикъ не ждалъ этого. Онъ растерялся. Значитъ, это не сынъ? Какъ же это онъ-то могъ обвинить сына? Но кто же, если не онъ? Ничего не умѣя сообразить, онъ, прежде чѣмъ сынъ успѣлъ раскрыть ротъ, забормоталъ растерянно:

— Надо вотъ дать знать въ полицію. Тяжело это, да что же дѣлать? Нельзя же такъ. Это домашній воръ. Аксинья, можетъ-быть, воруетъ. Отъ такого вора...

Викторъ неожиданно вспылилъ:

— Воръ! воръ! украли!—отрывисто и зло перебилъ онъ слова отца.—Не украли вовсе! Это я взялъ!

Воцарилось молчаніе.

Отца точно пришибло. Мать сидѣла съ широко открытыми глазами въ недоумѣніи. Сынъ заходилъ по комнатѣ, не въ силахъ болѣе маскироваться, казаться спокойнымъ.

Ни отецъ, ни мать, въ сущности, не знали его до этой минуты. Мать говорила: «красавецъ», «острякъ», «душа общества», «уморить можетъ со смѣху». Отецъ конфузился передъ нимъ, когда тотъ похлопывалъ его фамильярно и снисходительно по плечу, и, поговоривъ о чемъ-нибудь съ сыномъ, старикъ приходилъ со вздохомъ къ заключенію: «что-жъ, онъ умнѣе меня; ученый; говорить умѣетъ; я изъ пятаго класса гимназіи вышелъ». Дальше сынъ не пускалъ ихъ въ свою душу. И зачѣмъ? У стариковъ свои предразсудки, свои устарѣвшіе взгляды. Мать всегда была не практична; отецъ очень не далекъ! Откровенничать съ ними—толочь воду въ ступѣ, вмѣшиваться въ мелкіе споры и дрязги,—быть мѣщаниномъ. Теперь же онъ точно закусилъ удила и вдругъ разразился цѣлымъ потокомъ желчныхъ фразъ:

Digitized by Google

— Да, эти деньги я взялъ, потому что мнѣ были нужны до зарѣзу. Мнѣ представляется удобный случай устроиться. Такъ жить, какъ вы живете, то-есть не мать, а ты, я не могу. Мать знаетъ, какъ сладка эта жизнь, эти каша и щи, щи и каша. Надо пузырекъ духовъ на платье вылить, чтобы не пахло отъ него жаренымъ цикоріемъ, кислыми щами, треской, сыростью, однимъ словомъ, этой трущобой. Можетъ-быть, гоголевскому Петрушкѣ и слѣдовало имѣть свой запахъ, но вѣдь я не Петрушка...

Мать уже давно кивала одобрительно головой, она сама все это пережила, перечувствовала, передумала, преувеличила; кромѣ того, она любила, когда сынъ говорилъ съ увлеченіемъ и паѳосомъ, подражая монологамъ знакомыхъ ему съ дѣтства первыхъ любовниковъ французскаго театра; отецъ, подавленный этой бурей декламаціи, смотрѣлъ совсѣмъ жалкимъ, виноватымъ. Сынъ продолжалъ горячо:

— Жить въ этой трущобѣ, ходить оборванцемъ, вносить съ собой запахъ этой конуры, вонь той помойной ямы, которая даже вамъ мѣшаетъ лѣтомъ открыть окно, это значитъ обречь себя на вѣчное прозябанье мелкимъ канцеляристомъ, съ грошовымъ содержаніемъ, съ доживаніемъ вѣка гдѣ-нибудь въ архивѣ. Мнѣ представляется случай устроить иначе свою судьбу...

— И ты началъ воровать!—тихо прошепталъ отецъ съ горькимъ упрекомъ.

Сынъ опять вспылилъ:

— Воровать! воровать! Что у тебя за слова! Я просто взялъ деньги, потому что у меня штановъ порядочныхъ не было, перчатокъ не было, галстука не было. Христа-ради все это нужно было выпросить, что-ли? Ну, я еще не научился христарадничать! Васъ не было дома, ждать было некогда, между тѣмъ, у меня дѣло было спѣшное, надо было по дѣламъ быть въ условленное время въ порядочномъ домѣ. Нищаго туда бы не пустили на порогъ.

— А вора приняли съ распростертыми объятіями,—опять перебилъ его съ горечью отецъ.

— Что это ты въ самомъ дѣлѣ затвердилъ: воръ, да воръ,—вмѣшалась обидчиво мать.—Юноша платья не имѣетъ порядочнаго, юноша лишенъ...

Мужъ остановилъ жену:

— Пелагея Никитична, замолчи!—не своимъ голосомъ произнесъ онъ, въ необычайномъ волненіи.—Воръ или не воръ онъ—все равно, во всякомъ случаѣ я долженъ буду

Digitized by Google

сказать Настасьѣ Порфирьевнѣ, что деньги у меня украли. Иначе я не могу сказать. И скажу.

— Онѣ на этихъ же дняхъ будутъ вамъ возвращены,— небрежно сказалъ сынъ.—Я и не взялъ бы ихъ, если бы навѣрное не зналъ, что возвращу. Я получаю мѣсто и уѣзжаю за границу.

— Что? Мѣсто? А ученье?—въ одинъ голосъ воскликнули отецъ и мать.—А гимназія?

— Гимназія! гимназія!—раздражительно повторилъ Викторъ.—Я уже съ весны ее бросилъ. Мнѣ девятнадцать лѣтъ, некогда ждать окончанія курса. И на что мнѣ она? Греческій и латинскій языки нужны? Аттестатъ зрѣлости необходимъ?

Онъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Вы можете ждать, пока я кончу гимназическій курсъ и пройду университетъ?—рѣзко и въ упоръ спросилъ онъ отца.—Я уже и теперь два года слышу все одно и то же: «Ахъ, поскорѣй бы ты кончилъ ученье! Ахъ, когда ты кончишь гимназію! Тяжело намъ».

— А ты думаешь легко!—съ горечью вставилъ старикъ.

— Я вотъ и хочу облегчить васъ,—съ иронiей сказалъ сынъ.—Мнѣ представляется удобный случай побывать за границей и притомъ получать большое жалованье. Кромѣ того, у меня явится сильная рука для опредѣленія на службу, конечно, не въ чиновники, не на государственную службу, съ грошовыми окладами и погремушками чиновъ и орденовъ, а въ какое-нибудь акціонерное общество, въ какую-нибудь компанію, гдѣ не тѣшатъ титулами и званіями, но зато кормятъ. Я надѣюсь, что служба дастъ мнѣ возможность впослѣдствіи быть полезнымъ даже вамъ. Вы уже...

— О, отъ тебя-то я ничего не потребую! Богъ съ тобой!— проговорилъ старикъ, безнадежно махнувъ рукой.—Я знаю только то, что мнѣ теперь придется кланяться и просить людей, чтобы покрыть твое же воровство передъ теткой Настасьей.

Сынъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе при словѣ воровство. Оно оскорбило его, пробуждая въ немъ гадливое чувство.

— Ваши деньги будутъ возвращены вамъ черезъ мѣсяцъ, не позже. Мѣсто за мной.

По лицу отца опять скользнула горькая усмѣшка.

— Распоряжаешься собой, точно отца и нѣтъ. Не спросясь, бросаешь ученье, берешь мѣсто... Позволь хоть узнать, куда опредѣляешься.

Digitized by Google

— Чупрова приглашаетъ меня въ гувернеры и въ учителя къ своимъ дѣтямъ.

— Чупрова? — воскликнулъ отецъ съ негодованіемъ.— Чупрова? Эта... эта.

Онъ повернулся и развелъ руками.

— Любовница Александра Николаевича Зарина, мужа Елены Григорьевны, нашей благодѣтельницы!

— Благодѣтельницы! — съ насмѣшкой повторилъ Викторъ.—Въ пріютѣ вашихъ трехъ дочерей держитъ, ради тети Насти, въ пріютѣ, гдѣ воспитуются дочери кухарокъ, прачекъ, подкидыши! Точно, что благодѣтельница.

— Замолчи, негодяй! — не своимъ голосомъ крикнулъ отецъ, топнувъ ногой, и, безсильный, забитый, сдѣлался на мгновенье страшнымъ, какъ обезумѣвшій.

У Виктора мгновенно сбѣжала краска съ лица. Онъ былъ тоже страшенъ въ эту минуту и, казалось, былъ способенъ на все. Его смотрѣвшіе исподлобья глаза горѣли теперь недобрымъ огнемъ. Онъ до боли закусилъ нижнюю губу, стараясь овладѣть собою. Было одно мимолетное движеніе впередъ съ сжатыми кулаками, какъ бы сказавшееся желаніе задушить противника, не разбирая, кто этотъ противникъ, чужой или отецъ, юноша или старикъ. Мать уловила это движеніе сына зоркимъ взглядомъ и въ ужасѣ, молящимъ голосомъ воскликнула:

— Витя!

Сынъ опомнился и провелъ рукой по лбу, тяжело переводя дыханіе. Ольхина обернулась къ мужу и проговорила:

— Данила Лукичъ, ты...

— Оставь меня, Пелагея Никитична!—рѣзко сказалъ мужъ, перебивая ее.—Оставь! Я знаю, что вы сообщники! Всегда были сообщниками!... А тебѣ я вотъ что скажу. Ты не только воръ, не только не благодарный человѣкъ, ты и стыдъ, и совѣсть потерялъ. Ты готовъ лакеемъ публичной женщины быть, лишь бы тебѣ хорошо жилось. Что-жъ, иди къ ней, служи у нея, пресмыкайся передъ нею, мнѣ теперь все равно, мнѣ ты не сынъ!

Лицо молодого человѣка исказалось ироническою гримасой. Отреченіе отца отъ него не особенно огорчало его. Прежде всего онъ не считалъ этой случайно сорвавшейся у отца съ языка фразы за что-нибудь серьезное, а такъ и понималъ, что это только случайная фраза. Онъ зналъ, что отецъ не способенъ разыгрывать сценъ вообще, а тѣмъ болѣе сценъ проклятій и отреченій.

Digitized by Google

Кромѣ того, его связь съ отцомъ была чѣмъ-то внѣшнимъ, и онъ самъ не разъ мысленно говорилъ себѣ: «И какъ это могъ онъ быть моимъ отцомъ? Ничего нѣтъ между нами общаго. Физіономіи, способности, взгляды—все различно». Если бы отецъ и точно вздумалъ отречься отъ него теперь, сынъ перенесъ бы это съ легкимъ сердцемъ. На послѣднюю фразу онъ уже готовъ былъ отвѣтить насмѣшкой, но сдѣлалъ надъ собой усиліе и съ напускной развязностью произнесъ:

— Ты слишкомъ взволнованъ, чтобы объясняться теперь съ тобою. Когда-нибудь ты поймешь, что ты наговорилъ мнѣ сейчасъ нелѣпостей.

— Иди вонъ!—приказалъ старикъ.

— Данила Лукичъ!—воскликнула жена, готовясь вступиться за сына.

Старикъ провелъ рукой по лбу и, какъ бы очнувшись, упавшимъ голосомъ сказалъ:

— Да, да, чего гнать его! Нужно бы гнать и тебя! Вы одна душа! Мнѣ надо уйти, а не вамъ...

Онъ пошелъ въ другую комнату, точно разбитый, пошатываясь.

Сынъ обернулся къ матери и заговорилъ по-французски:

— Я теперь уйду, а ты—ты умѣешь его обуздывать. Уладь все, а то онъ еще, Богъ знаетъ, какихъ глупостей надѣлаетъ. Завтра я вернусь, когда онъ будетъ въ должности.

И, ничего не выясняя, намекая на что-то, онъ небрежно прибавилъ:

— Можетъ-быть, онъ скоро самъ убѣдится, какъ непродолжительны будутъ благодѣянія Елены Григорьевны...

Онъ взялъ руку матери и поднесъ къ губамъ.

— Тебѣ будетъ тяжело разстаться со мною. Я это знаю. Но стерпится-слюбится. По крайней мѣрѣ, скоро не будешь ходить въ лохмотьяхъ, какъ теперь. Только уговори его, чтобы не скандалилъ. Мнѣ было бы очень непріятно, если бы онъ сдѣлалъ изъ этихъ пустяковъ что-нибудь серьезное. Деньги у меня будутъ ровно черезъ мѣсяцъ, если не раньше, и я отдамъ эти несчастные сорокъ рублей.

Онъ кивнулъ головой матери, посылая ей фамильярнымъ движеніемъ выхоленной руки воздушный поцѣлуй, и легкой красивой походкой вышелъ изъ комнаты.

II.

Данила Лукичъ Ольхинъ нѣсколько дней былъ на себя

Digitized by Google

не похожъ. Прежде всего ему было стыдно глядѣть на жену и на сына, такъ какъ онъ былъ кругомъ виноватъ передъ послѣднимъ. Жена, какъ дважды-два четыре, доказала ему это. Викторъ иначе не могъ поступить: онъ не взялъ бы самовольно денегъ, если бы отецъ былъ дома; дѣло было спѣшное, надо было пріодѣться и тотчасъ ѣхать по дѣлу; желающихъ занять выгодное мѣсто молодыхъ людей много, и тутъ нужно ковать желѣзо, пока оно горячо: вотъ онъ и взялъ деньги. Потомъ она также доказала, что мѣста этого онъ не могъ упускать: оно выгодно; было бы глупо терять его. Еще удалось ли бы ему кончить гимназію и университетъ, да и что значатъ дипломы? Служилъ же и служитъ самъ Данила Лукичъ безъ всякихъ дипломовъ. Что касается того, что Викторъ идетъ въ гувернеры къ любовницѣ Александра Николаевича Зарина, такъ вѣдь нельзя же справляться о нравственности тѣхъ, къ кому идешь служить. Елену Григорьевну Зарину, позволившую жить ихъ дочерямъ въ ея пріютѣ, это могло бы обидѣть, но она этого даже и не узнаетъ. Станетъ ли она справляться, у кого служитъ сынъ какого-то Данилы Лукича Ольхина? Она никогда и въ глаза не видала ни Данилы Лукича, ни его сына; позволила дѣвочкамъ жить и учиться въ пріютѣ только потому, что это родственницы Настасьи Порфирьевны, вотъ и все. Въ сущности даже и не благодѣяніе: Зарина выше головы обязана Настасьѣ Порфирьевнѣ, надо же ее хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить...

Недалекій по уму, робкій, прищибленный, Ольхинъ убѣдился, что онъ былъ несправедливъ къ сыну, погорячился безъ толку, и ходилъ теперь, какъ виноватый. Но больше всего его заботилъ одинъ вопросъ: какъ объяснить Настасьѣ Порфирьевнѣ, почему онъ не выкупилъ ея часовъ? Сказать, что сынъ взялъ деньги безъ спросу? Объяснить ей, почему сынъ ихъ взялъ? Разсказать, что онъ идетъ въ гувернеры къ Чупровой, когда Настасья ненавидитъ эту женщину за Зарину? А вдругъ Настасья подумаетъ, что самъ онъ, Данила Лукичъ, принималъ во всемъ этомъ участіе, самъ отдалъ эти деньги, самъ поощрилъ сына взять мѣсто у Чупровой? Хуже всего то, что Настасья даже и не выслушаетъ его, а станетъ браниться, кричать. Честная, добрая она женщина, но ладить съ ней трудно: невыносимы ея рѣзкость, суровость, прямолинейность. Да, къ тому же она, давая ему часы, сказала, что ей деньги нужны до зарѣзу. Нужны до зарѣзу, а теперь только черезъ мѣсяцъ

Digitized by Google

можно будетъ выкупить часы. Можетъ-быть, къ тому времени и покупщикъ откажется пріобрѣсти ихъ. Нѣтъ, надо хоть себя продать, а добыть деньги, занять, выпросить.

Онъ пустился на поиски этихъ денегъ, пошелъ обивать пороги сослуживцевъ и пріятелей, такой же голи, какъ онъ самъ. Что онъ вынесъ за эти дни—это одинъ Богъ знаетъ. Никогда онъ во всю жизнь ни у кого не занималъ денегъ. Мнительность не позволяла. Ему всегда казалось, что тотъ, у кого занимаютъ деньги, непремѣнно думаетъ: «хочешь надуть, не отдашь!» И самъ онъ думалъ: «занять легко, а изъ чего отдашь, если и такъ концовъ съ концами не сводишь, или вдругъ умрешь, прежде чѣмъ отдашь?» Теперь приходилось переломить себя и съ жалкою, заискивающей улыбкой просить, какъ милостыни, въ долгъ гдѣ пять, гдѣ десять рублишекъ. Выпрашивая деньги, онъ мялся, заикался, отиралъ съ лица потъ и, въ сущности, былъ до-нельзя комиченъ и смѣшонъ.

Наконецъ, онъ собралъ эти деньги, выкупилъ часы и понесъ ихъ къ Настасьѣ Порфирьевнѣ. Но муки его не кончились. Всю дорогу онъ придумывалъ, какъ оправдаться передъ Настасьей за промедленіе. Пять дней деньги были у него, а порученіе не было исполнено. Болѣзнью надо объяснить. Не умѣетъ онъ лгать-то. Смутится. И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе росло его смущеніе.

Онъ дошелъ до знакомаго ему деревяннаго дома на одной изъ петербургскихъ окраинъ, выстроеннаго «покоемъ», и прошелъ по мосткамъ черезъ дворъ, заставленный дровами, къ надворному крыльцу. Онъ хорошо зналъ здѣсь всѣ входы и выходы: крыльцо вело въ большую прихожую, прямо находился просторный залъ, съ лѣвой и съ правой сторонъ поднимались лѣстницы къ комнатамъ начальницы пріюта и и ея помощницы, къ спальнямъ дѣвочекъ и къ класснымъ помѣщеніямъ. Ему, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, попалось навстрѣчу нѣсколько дѣвочекъ въ сѣренькихъ платьицахъ, бѣлыхъ рукавчикахъ, такихъ же передникахъ и педеринкахъ. Онѣ поздоровались съ нимъ на ходу, какъ со знакомымъ человѣкомъ, что-то торопливо, какъ щебечущія птички, сообщая ему о томъ, что его Лиза сегодня дежурная по кухнѣ, что у Кати былъ флюсъ, а Таня вчера разбила тарелку. Онъ, моргая глазами, съ застывшей на лицѣ улыбкою, проговорилъ что-то въ отвѣтъ, назвалъ ихъ «милочками» и прошелъ въ помѣщеніе начальницы, обдер-

Digitized by Google

гивая жилетъ, поправляя галстукъ и дѣлая видъ совсѣмъ развязнаго человѣка.

Въ маленькой, убого обставленной комнатѣ, носившей названіе «кабинета начальницы», онъ засталъ Настасью Порфирьевну за работой. Худощавая, высокая, прямая, она сидѣла у письменнаго стола и спѣшно пересматривала бумаги.

— Здравствуй, Настасья Порфирьевна!—окликнулъ онъ ее, растерянно приглаживая жидкіе волосы на вискахъ.

— А, это ты, Данила! Здравствуй!—отрывисто проговорила она, на минуту повернувшись къ нему худымъ и желтымъ, морщинистымъ лицомъ.—Надумался придти тоже...

Онъ совсѣмъ оторопѣлъ и началъ поспѣшно оправдываться.

— Прихворнулъ, прихворнулъ, раньше не могъ, ей-Богу...

— Ахъ, не то!—перебила она его нетерпѣливо.—Попечитель сегодня у насъ новый будетъ. Хлопотъ по горло.

— Да я только на минутку. Часы вотъ.

Онъ зашарилъ въ карманѣ, вынулъ футляръ съ часами и положилъ его на столъ.

Настасья Порфирьевна отодвинула отъ себя бумаги и повернулась къ брату.

— Попечителя нашли, благодѣтеля новаго,—отрывисто и съ раздраженіемъ заговорила она, сдѣлавъ презрительную гримасу.—Цѣловальникъ бывшій, вчерашній кабатчикъ, въ попечители произвели, судьбой этихъ дѣвчонокъ будетъ распоряжаться. Педагогъ тоже, отецъ вдовъ и сиротъ. Наворовалъ, награбилъ, теперь благодѣтельствуетъ! Нѣтъ, умирать пора, умирать пора!

Она рѣзко махнула тонкой, морщинистой рукой.

— Христосъ съ тобой, Настасья Порфирьевна! Что ты говоришь!—пугливо сказалъ Ольхинъ.—Жить тебѣ еще надо!

Она встала со стула, заложила руки за спину и стала ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Несмотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, несмотря на худощавость, несмотря на старообразное лицо, она была еще подвижнымъ, энергичнымъ и твердымъ существомъ. Ея фигура была стройна, представительна; голову она держала немного приподнятой; некрасиво лицо сразу обличало недюжинный умъ, а въ выраженіи глазъ было что-то властное.

— Смерти я не боюсь, это пустяки,—продолжала она.—Работаешь, работаешь, такъ хочется и отдохнуть. А горько мнѣ то, что все развалится здѣсь съ моею смертью, распадется все. Созидалось въ двадцать лѣтъ, въ годъ разру-

Digitized by Google

шиться можетъ. Твоихъ дѣвчонокъ тоже на ноги не успѣю даже поставить...

Онъ опять оторопѣлъ.

— Да что это ты, Настасья Порфирьевна, все о смерти, да о смерти толкуешь! Слава Богу, силы еще есть. И тоже о пріютѣ: какъ же онъ развалится? Елена-то Григорьевна развѣ допуститъ?

Настасья Порфирьевна взглянула на него такъ, какъ смотрятъ на ничего не понимающаго ребенка.

— Елена Григорьевна! Елена Григорьевна! — рѣзко повторила она.—Знаешь ли ты, что такое теперь Елена Григорьевна? Нищая, жалкое ничтожество, безсильное существо!

Она почти съ болью и въ то же время со злобой на кого-то воскликнула:

— Сердце мое кровью обливается, какъ вспомню о ней. До чего ее довели, что изъ нея сдѣлали. Забрали въ руки, обобрали, ограбили, унизили. Кабатчикамъ ей теперь нужно кланяться, чтобы поддержать вотъ хоть этотъ пріютъ, чтобы не закрыть его и не заявить гласно, публично, что она не имѣетъ болѣе средствъ даже для добрыхъ дѣлъ.

Она съ ѣдкой злобной ироніей добавила:

— Впрочемъ, можно бы найти и другой исходъ, Чупрову попросить принять званіе попечительницы. Если кабатчикъ можетъ быть отцомъ-благодѣтелемъ, то отчего же не быть матушкой-благодѣтельницей какой-нибудь плясуньѣ? У той деньги есть—Еленины деньги.

При имени Чупровой старикъ растерялся, и кровь прихлынула къ его лицу, точно его готовились уличить въ преступленіи.

Въ эту минуту на улицѣ послышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Настасья Порфирьевна заглянула мелькомъ въ окно и проговорила:

— А, изволилъ пожаловать!

Ольхинъ хотѣлъ уйти.

— Оставайся ужъ, если пришелъ! Тоже не ближній конецъ къ намъ сюда. Дочерей потомъ повидаешь. Благодѣтель-то не долго у меня будетъ растабарывать! У меня нечего кабатчикамъ высматривать. Ему ордена нужны, высокоблагороднымъ хочется быть, ну, и жертвуй деньги, а сюда нечего соваться...

Она выпрямилась и твердой поступью направилась къ дверямъ. По ея осанкѣ, по ея походкѣ, по выраженію ея

Digitized by Google

лица можно было подумать, что она идетъ на войну, на единоборство съ сильнымъ врагомъ.

Ольхинъ остался одинъ въ полной тишинѣ.

Его охватили мрачныя думы. Въ головѣ проходили слова двоюродной сестры о разореніи Зариной, о Чупровой, захватившей въ руки ея состояніе, о возможной близкой смерти Настасьи Порфирьевны, объ участи его дѣвочекъ, воспитывающихся въ пріютѣ и получающихъ отдѣльно образованіе подъ руководствомъ тетки. Далеко унесли его тяжелыя думы, какъ часто уносили его въ невѣдомыя дали разныя мечтанія во время его пребыванія въ архивѣ. И тамъ,—остается онъ одинъ, подшивая бумаги, раздумается о жизни, о людяхъ, о разныхъ случаяхъ и тяжко, тяжко станетъ ему. Какъ это жизнь-то складывается: бьется, мечется человѣкъ, а въ концѣ концовъ одно: суета-суетъ. Вотъ хоть бы взять жизнь Настасьи Порфирьевны! билась, билась она всю долгую жизнь ради другихъ, а теперь — умри сегодня, и все прахомъ пойдетъ.

Съ глазами, тупо устремленными въ пространство, сидитъ онъ, какъ окаменѣлый, и видитъ крошечную квартирку, бѣдную женщину и трехъ ребятишекъ. Всѣ они терпятъ нужду страшную послѣ смерти отца семейства, никому нѣтъ до нихъ дѣла въ большомъ городѣ, впереди ждетъ чуть не голодная смерть. Но вотъ является къ нимъ дѣвушка, высокая, прямая, какъ палка, некрасивая, причесанная à la Дармштадтъ, и отрывисто говоритъ:

— Вы, тетя, не плачьте: что можно, я сдѣлаю для васъ, для дѣтей. Дядя меня поставилъ на ноги, я вашихъ дѣтей постараюсь поставить на ноги.

— Голубушка ты моя, гдѣ же тебѣ! — возражаетъ тетка, тщедушная, слабая, забитая нуждой.—Молоденькая ты дѣвушка сама, тебѣ о себѣ нужно думать, себя пристроить.

— Ахъ, что вы глупости говорите! Развѣ такія, какъ я, пристраиваются? — рѣзко и съ горечью говоритъ дѣвушка, дѣлая презрительную гримасу.—Пугало огородное.

И, оборвавъ эту рѣчь, она объясняетъ:

— Я ѣду на мѣсто въ провинцію, жалованье большое, я вамъ буду присылать. Тяжело вамъ будетъ, а все же не умрете съ голоду и кое-какъ поднимете дѣтей.

Ея голосъ дрогнулъ, и съ ея губъ сорвались невольно слова:

— А ужъ и жаль мнѣ васъ, родныхъ, оставлять!

На минуту она прижала тетку къ груди, перецѣловала

Digitized by Google

ребятъ и торопливо, точно стыдясь или боясь этой слабости, закончила:

— Ну, да что это мы хнычемъ! Этимъ дѣлу не помочь!

Она поспѣшно простилась и уѣхала.

Эта семья была его семья; онъ самъ, его мать, его братишка и сестренка. Эта некрасивая, называвшая себя огороднымъ пугаломъ дѣвушка, была Настасья Порфирьевна. Ежедневно, когда дѣти молились, мать подсказывала имъ: «Спаси, Господи, рабу твою Анастасію». Когда они шалили, мать печально говорила имъ: «А что бы сказала Настенька, если бы узнала, какія вы дѣти». Когда мать хотѣла развить въ нихъ добрыя наклонности, честныя стремленія, она говорила имъ: «Вотъ возьмите примѣръ съ Настеньки—работаетъ безъ устали, насъ всѣхъ поддерживаетъ, себя забыла, лишь бы добро людямъ дѣлать». И въ ихъ воображеніи вставалъ образъ некрасивой, суровой на видъ, рѣзкой на словахъ дѣвушки и тутъ же вспоминалось, что каждая рубашонка, каждая игрушка, каждая книга куплены на деньги этой дѣвушки. Жилось трудно, тяжко, но вотъ съ почты приходитъ повѣстка—это деньги отъ Настеньки: завтра будетъ уже легче, не будетъ на время нужды. Старшій братъ его, Данилы Лукича Ольхина, выбивался изъ силъ, чтобы быть первымъ въ гимназіи, и, кромѣ обычной переписки, разъ въ годъ чуть не цѣлую ночь проводилъ за длиннымъ письмомъ къ Настенькѣ, отдавая ей подробный отчетъ о гимназическомъ актѣ, гдѣ его фамилія произносилась первою.

— Геніальный былъ мальчикъ!—наивно восхищается старикъ, вспоминая о братѣ, и утираетъ тихо слезу.—Умеръ! умеръ! Затянулся въ непосильномъ трудѣ и умеръ. Медаль золотую принесли уже умирающему,—шепчетъ тоскливо старикъ.—«Мама, сказалъ, пошлите ее Настенькѣ».

Старикъ, какъ полупомѣшанный, осмотрѣлся кругомъ, ничего не видя сквозь слезы.

— Умеръ, умеръ, и сестра умерла, тоже во цвѣтѣ лѣтъ,—бормочетъ онъ.—Точно цвѣтокъ увяла, тоже добиваясь знанія, правды, возможности честной трудовой жизни... Настенька тогда писала матери: «Утѣшать васъ, дорогая тетя, было бы пошло, когда даже я не могу утѣшиться, не могу не роптать. Говорятъ: «Богу такіе нужны». Но развѣ намъ-то они не были еще болѣе нужны? Надо имѣть много вѣры, чтобы не возроптать въ такихъ случаяхъ. Во мнѣ точно буря какая-то поднялась при этомъ второмъ ударѣ, и съ ужасомъ я представляю себѣ ваше положеніе, моя родная».

Digitized by Google

Старикъ вспоминаетъ эту страшную для семьи пору. Потеря этихъ двухъ существъ такъ потрясла его мать и Настеньку, что мать слегла, а Настенька прискакала въ Петербургъ изъ-за тысячи верстъ, бросивъ все. Никогда она не сентиментальничала, а тутъ точно все надломилось въ ней, и она цѣлый мѣсяцъ пробыла около больной старухи, ухаживая за ней, цѣлуя ея руки, какъ дочь. Онъ помнитъ одну странную, поразившую его минуту. Мать потребовала священника, чтобы исповѣдоваться и пріобщиться св. Таинъ. Настенька призвала священника и вышла въ другую комнату, гдѣ стоялъ въ слезахъ онъ, Данила. Она встала у окна, закусивъ губы, сдвинувъ брови и смотря сурово впередъ. Наконецъ, у нея, какъ скрежетъ, вырвалось восклицаніе:

— И она еще можетъ вѣрить и молиться, счастливая!

Онъ испуганно спросилъ ее:

— А вы, сестрица?

Она очнулась, взглянула на него какъ-то странно, почти недружелюбно, сверху внизъ и промолчала. Онъ растерялся, не понялъ, сердится ли она на него, презираетъ ли она его, робкаго, слабаго, недалекаго, малоспособнаго. Онъ стыдливо потупился и хотѣлъ уйти. Она замѣтила это движеніе; что-то болѣзненное отразилось на ея лицѣ; она позвала его:

— Даня, поди ко мнѣ!

Она взяла его голову руками, поглядѣла въ его лицо и тихо съ лаской сказала:

— Ты не отчаивайся, что тебѣ не дается ученье. Дѣло не въ немъ. Будь добръ и честенъ—это главное. Будешь такимъ?

Онъ, расчувствовавшись, бросился цѣловать ея руки, упалъ передъ нею на колѣни и сталъ цѣловать ея платье, страстно прижимая его къ губамъ. Она смутилась, растерялась, разсердилась на себя.

— Изнервничались мы отъ горя! Точно тряпки! Довольно! Сейчасъ священникъ выйдетъ.

И, пересиливая себя, подавляя слезы, кусая губы, она заговорила дѣловымъ тономъ:

— Надо въ аптеку сходить. Всѣ забыли вѣрно. Кухарку нельзя посылать. Сходи... Надо быть бодрыми. Мы вотъ только и дѣлаемъ, что хнычемъ. Ну, ну, иди!..

Она даже улыбнулась, попробовала весело разсмѣяться. Когда же онъ выходилъ изъ комнаты и мелькомъ обернулся взглянуть на нее—онъ увидалъ, какъ она безъ силъ опустилась на стулъ и зажала въ отчаяніи руками лицо.

Digitized by Google

— И выжилъ я, все выжилъ,—шепталъ старикъ, качая головой.—Видно, такіе Богу не нужны... Талантовъ не было, ума не было, ничего не было, вотъ и выжилъ...

Онъ развелъ руками и поникъ головой, смиренный, покорный. Какъ часто заставали его именно въ этомъ положеніи его сослуживцы, прибѣгая въ архивъ и какъ бы пробуждая отъ летаргическаго сна своего архиваріуса. Передумывать о прошломъ вошло у него въ привычку, сдѣлалось второю натурою, тамъ, въ этомъ затишьѣ архива, откуда онъ уже не мечталъ никуда выдвинуться. Онъ и поступилъ въ архивъ по своему желанію, стремясь сюда, какъ люди стремятся въ рай. Мнительный, онъ всю жизнь мучился одной мыслью, что его кто-нибудь заподозритъ въ темномъ дѣлѣ, во взяточничествѣ, въ безчестности. Ради этого онъ перемѣнялъ мѣста служенія, испортилъ свою карьеру. Архивъ казался ему обѣтованной землей. Сидя въ архивѣ, думалось ему, онъ будетъ застрахованъ отъ всякихъ подозрѣній, отъ всякихъ искушеній, и онъ вѣчно желалъ одного — попасть въ архивъ. Наконецъ, его «сдали» сюда, и онъ успокоился, началъ мечтать о прошломъ, жить прошлымъ. Это были его сны наяву, его тихое, никому не замѣтное помѣшательство.

Его прошлое не было сплошнымъ мракомъ. Тамъ были и просвѣты.

Прекрасенъ былъ разсвѣтъ его первой и послѣдней робкой любви, сперва безъ надежды на взаимность, такъ какъ онъ не смѣлъ даже и мечтать, что его полюбитъ «прелестная барышня», какъ онъ называлъ тогда предметъ своей страсти. «Прелестная барышня» была образована, умна, жила безъ заботъ. Отецъ—матери у нея не было—не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Въ дому было безалаберно много новой бронзы, и это казалось богатствомъ простакамъ въ родѣ Ольхина, не понимавшимъ, что это потому и дешево, что ново. Барышня дѣлала себѣ вычурные модные наряды, и они бросались въ глаза, оставаясь въ сущности ничего не стоящими тряпками. Отецъ обдѣлывалъ какія-то темныя дѣлишки въ благородномъ собраніи, въ театрахъ, въ циркѣ, таскалъ съ собою и дочь, надѣясь при случаѣ спихнуть ее съ рукъ, а простачки считали это широкой жизнью. Въ одинъ прекрасный день эта широкая жизнь вдругъ рушилась, какъ замокъ, построенный на пескѣ, поддерживавшійся только искусными аферами, спекуляціями и шулерскими продѣлками главы семьи: глава семьи умеръ, кредиторы растащили все, и осталась только куча неоплаченныхъ векселей, по которымъ

Digitized by Google

было уже не изъ чего платить. У «прелестной барышни», оставшейся на мостовой, были теперь постоянно красные отъ слезъ глаза, и Ольхинъ рѣшился—попробовалъ осушить эти слезы. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ онъ, съ личикомъ вербнаго херувима, былъ очень милъ и симпатиченъ, хотя и похожъ немного на стыдливую дѣвочку. Говорили ли за него эта миловидность, или его женственная мягкость, или безвыходность положенія «прелестной барышни», или что-нибудь другое—рѣшить трудно; онъ зналъ только одно, что «прелестная барышня» сдѣлалась его женою, и онъ, склонивъ передъ нею колѣни, цѣлуя ея руки, благодарилъ ее за то, что она снизошла до него, осчастливила его.

— Куколка моя!—говорилъ онъ ей, любуясь ею и ея причудливыми нарядами.—Фея моя прекрасная! Божество мое ненаглядное!

Удивительно умѣла она одѣваться. Другія женщины при такихъ средствахъ, какія были въ ея распоряженіи послѣ замужества, и наполовину не имѣли того, что было у нея. И знакомствъ у другихъ женщинъ ея круга не было такихъ, какія были у нея. Молодой мужъ даже стѣснялся, когда къ нимъ, въ маленькую, чистенькую квартирку, пріѣзжали иногда при немъ съ визитами эти нарядныя дамы, шелестящія шелковыми платьями, и эти франты, вносившіе съ собой ароматъ тончайшихъ духовъ. Эта вполнѣ счастливая жизнь продолжалась нѣсколько времени, не смущаемая ничѣмъ. Ольхинъ чувствовалъ глубокую благодарность къ женѣ за то, что она послѣ роскоши и богатства мирилась и съ маленькой квартирой, и съ скромною жизнью, иногда только, какой-нибудь разъ въ мѣсяцъ, веселясь гдѣ-нибудь у подруги вплоть до утра. Послѣ каждаго такого бала, день или два Пелагея Никитична находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи, мало занималась туалетомъ, почти не чесала волосъ, смотрѣла какъ-то неопредѣленно въ пространство глубоко ввалившимися отъ утомленія глазами. Видно было, что эти балы напоминали ей прошлое, и, должно-быть, только любовь къ мужу заставляла ее примиряться съ сѣренькимъ настоящимъ. Мужъ, недалекій, но любящій, чутьемъ угадывалъ это и благодарилъ жену безмолвными поцѣлуями ея рукъ, не упрекая ее даже за то, что она, потягивая и заламывая руки, съ тяжелымъ вздохомъ говорила:

— Ахъ, какая тоска! какая тоска!

Онъ цѣнилъ ее тѣмъ болѣе, что она была красавицей, такой красавицей, что разъ онъ самъ слышалъ на улицѣ,

Digitized by Google

какъ два франта залюбовались ея карточкой, выставленной у фотографа въ Большой Морской. Этой карточкой въ теченіе долгаго времени каждый день, отправляясь въ должность и возвращаясь домой, любовался и Ольхинъ, «встрѣчаясь на перепутьи со своей женкой», какъ говорилъ онъ. Одинъ изъ франтовъ, смотрѣвшихъ въ это утро на карточку, сказалъ:

— Не даромъ же она нѣкоторое время была на содержаніи у Никонова! У него-то вкусъ есть!

На минуту кровь прилила къ лицу Ольхина.

— Да кто она такая?—спросилъ другой изъ разговаривающихъ.

Ольхинъ такъ и замеръ, весь превратившись въ слухъ.

— Актриса или натурщица, право, не знаю навѣрное. Впрочемъ, можетъ-быть и то, и другое,—отвѣтилъ первый собесѣдникъ.

Ольхинъ улыбнулся, понявъ, что его жену смѣшиваютъ съ одной изъ извѣстныхъ красавицъ. Онъ разсказалъ дома этотъ случай женѣ и удивился, когда она вспылила, воскликнувъ:

— Негодяи!

— Ну, Поля, почему же негодяи? Просто смѣшали съ какой-нибудь извѣстной красавицей...

И совершенно наивно спросилъ:

— А кто этотъ Никоновъ?

Она широко открыла глаза и съ недоумѣніемъ, почти со страхомъ взглянула на мужа. Черезъ минуту она, опомнившись, сухо сказала:

— Да почему же я-то должна его знать?

Мужъ засмѣялся, ударивъ себя по лбу:

— Вотъ-то сморозилъ! Хорошъ вопросъ задалъ! Правда, не даромъ чудакомъ зовутъ! Чудакъ и есть! Нечего сказать, отличился!

Этотъ случай быстро забылся имъ, такъ какъ настали болѣе серьезныя заботы. Пелагея Никитична сдѣлалась матерью. Отецъ не слышалъ подъ собой земли отъ радости, осыпая поцѣлуями личико, ручонки и ножки сынишки и находя въ этомъ кусочкѣ краснаго мяса поразительное сходство и съ собой, и съ женой въ одно и то же время, хотя мальчикъ, по мнѣнію отца, долженъ быть еще красивѣе ихъ, такъ какъ у него были не бѣлокурые, а черные волосы.

Съ этой поры семейная жизнь нѣсколько измѣнилась. Пелагея Никитична стала совсѣмъ рѣдко ѣздить на балы, въ домѣ начались почему-то недостатки, въ характерѣ жены

Digitized by Google

появилась нервность, что вполнѣ понималъ мужъ: болѣзненные роды, кормленіе грудью ребенка, все это могло разстроить нервы. Потомъ родился второй ребенокъ—дочь, вся въ отца. Ольхинъ встрѣтилъ такъ же радостно и этого ребенка, но мать, до безумія любившая сына, относилась къ дочери довольно равнодушно и только жаловалась на то, что имъ жить нечѣмъ. Съ этого времени настали для Ольхиныхъ если не черные дни, то все же какіе-то пасмурные, съ лишеніями, съ раздражительными выходками жены, съ упреками:

— Платья съ чужого плеча приходится носить!

Дѣйствительно, къ Пелагеѣ Никитичнѣ еще заѣзжали иногда, все рѣже и рѣже, ея нарядныя знакомыя и, видя ея стѣсненное положеніе, слыша ея жалобы, дарили ей съ своего плеча обноски. Послѣ этихъ посѣщеній на нее что-то «находило». То она дѣлалась придирчивой и невыносимой, такъ что никому, кромѣ ея сына, не было житья въ домѣ, то, точно опьянѣвшая, старалась расшевелить мужа, возбудить въ немъ чувственность, заставить его превратиться изъ любящаго мужа въ разнузданнаго любовника, то въ какомъ-то отупѣніи, не заботясь ни о туалетѣ, ни о прическѣ, ни объ уборкѣ комнатъ, застывала на цѣлые часы, глядя тупо куда-то въ пространство, съ опущенными безпомощно на колѣни руками, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, когда ее называли по имени. Но чаще всего въ эти дни она брала на руки своего сынишку и разсказывала ему съ восторгомъ объ иной жизни—о балахъ, пикникахъ, кавалькадахъ, пѣніи и музыкѣ. Когда ему было всего лѣтъ девять, она стала посѣщать съ нимъ по субботамъ французскій театръ. Здѣсь она совершенно перерождалась, смотря изъ райка на блескъ и роскошь, говоря страстнымъ шопотомъ сыну:

— Вотъ и ты когда-нибудь будешь сидѣть тамъ, въ партерѣ!

Иногда она спускалась съ нимъ въ фойэ, въ нижніе ярусы, подстерегала старыхъ знакомыхъ женщинъ, показывала имъ своего мальчика въ бѣлой жилеточкѣ и бархатной жакеткѣ, заискивающе улыбалась этимъ успѣвшимъ разбогатѣть и сдѣлаться солидными женщинамъ и приходила въ восторгъ, когда онѣ ласкали ребенка, замѣчая:

— Онъ прелестенъ!

Иногда онѣ дарили ему бонбоньерки, иногда говорили его матери:

— Пришли его къ намъ, у насъ послѣзавтра дѣтскій вечеръ...

Digitized by Google

Посылать было не съ кѣмъ, она отвозила его сама, вводила, какъ служанка, въ переднюю и спѣшила стушеваться, чувствуя въ одно и то же время себя и униженною, и счастливою. Онъ танцовалъ, веселился, очаровывалъ всѣхъ своею красотою, своею ловкостью; она просиживала это время дома въ тупомъ оцѣпенѣніи, въ мрачномъ отчаяніи.

На дѣвочекъ—ихъ выжило три, изъ которыхъ одна была горбунья,—она почти не обращала вниманія. Толкуя о сынѣ, она постоянно твердила, что ему надо дать «блестящее образованіе, чтобы онъ пробилъ себѣ дорогу». Про дѣвочекъ она небрежно говорила: «Научились бы шить да стряпать—это нужнѣе всего для нихъ, будущихъ женъ какихъ-нибудь писарей». Къ горбуньѣ Катѣ у нея, впрочемъ, была даже не холодность, а ненависть, такъ какъ всѣ горбуньи, по ея мнѣнію, злы. Катя это почувствовала рано, была задумчива не по лѣтамъ и постоянно смотрѣла на мать широко раскрытыми, удивленными, недоумѣвающими глазами. Мать не выносила этого взгляда и, отворачиваясь отъ дочери, рѣзко замѣчала:

— Шпіонка!

Ольхинъ понималъ, какъ ему казалось, причину неровностей въ характерѣ жены: «не привыкла къ такой жизни; ужъ если мнѣ тяжела нужда, то ей и подавно; нервы у нея разстроены». И онъ удвоивалъ свою покорность передъ нею, ходилъ съ извиняющимся выраженіемъ лица, говорилъ ублажающимъ тономъ. Не жаловался онъ никому на свою жизнь, даже Настасьѣ Порфирьевнѣ, и былъ изумленъ, когда Носова рѣзко сказала ему однажды:

— Ты что же, такъ и думаешь загубить дѣвочекъ, держа ихъ при себѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, прибавила рѣшительнымъ тономъ:

— Я просила Елену Григорьевну, она позволила взять ихъ въ пріютъ. Будутъ сыты, одѣты, обуты, а учить ихъ буду я. Лучше чѣмъ въ гимназіи приготовлю.

Онъ растерялся, замѣтилъ:

— Надо съ Полей поговорить...

— А ей-то что за дѣло до нихъ?—оборвала его Настасья Порфирьевна, пожимая плечами, и перемѣнила разговоръ.

Сконфуженный, онъ съ горечью подумать, что Полѣ и точно нѣтъ до нихъ дѣла. Ей только бы образовать Витю. На него только и молится она. Настасья Порфирьевна не ошиблась. Пелагея Никитична обрадовалась возможности

Digitized by Google

освободиться отъ дѣвочекъ, и онѣ одна за другой поступили въ пріютъ.

Ольхинъ думалъ теперь о нихъ, заслышавъ шумъ сотни дѣтскихъ ногъ, спускавшихся по лѣстницѣ. Его дѣвчурки тоже идутъ въ этой толпѣ. Онъ поднялся съ мѣста, тихо чуть-чуть пріотворилъ дверь и сталъ смотрѣть. Мимо него, стуча грубыми башмаками и точно жужжа, быстро мелькали воспитанницы. Вотъ его маленькая, толстенькая, какъ купидонъ, Таня. Вотъ чуть замѣтная среди взрослыхъ карлица съ горбикомъ, большеглазая и живая,—это его Катюша. Онъ ждалъ, когда пройдетъ его третья дочь. Ея не было. Онъ встревожился сначала, потомъ вспомнилъ, что она дежуритъ на кухнѣ. Ему представилась ея стройная фигура, ея свѣтлые волосы пепельнаго цвѣта, густые и вьющіеся, ея чудесные голубые глаза съ поволокой, ея зубки, выглядывающіе изъ-подъ полуоткрытыхъ улыбкой губъ, ослѣпительно бѣлые, какъ жемчужины. Вотъ она стоитъ у плиты и ярко-ярко горятъ ея щечки. Красавица. Онъ совсѣмъ ясно видитъ ее, и ему внезапно вспоминается другой образъ, образъ его покойной сестры. Лиза вся въ нее: прилежна, любознательна, стремится къ дѣятельности, мечтаетъ поступить на фельдшерскіе курсы, чтобъ приносить пользу людямъ. Въ ней все вѣчно въ броженіи, точно въ огнѣ она вся горитъ. Его сестра такъ же горѣла... Въ его головѣ проносится мысль, что такія Богу нужны. Его охватываетъ страхъ, и онъ тихо крестится:

— Господи, помилуй ее и спаси!

Снизу же стройно и отчетливо несется дѣтское пѣніе.

«Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ», звенятъ, какъ колокольчики, голоса маленькихъ дѣвочекъ и, точно покрывая ихъ, стоятъ въ воздухѣ контральтовые, чуть не басовые голоса взрослыхъ воспитанницъ...

— Уѣхалъ!—раздается около самаго уха Ольхина голосъ Настасьи Порфирьевны.

Она вошла въ комнату, присѣла, немного притомившаяся, немного оттоптавшая свои старыя ноги, но не потерявшая ни бодрости, ни энергіи. На ея старыхъ щекахъ играетъ чуть замѣтный румянецъ.

— Чаю намъ сейчасъ дадутъ,—сказала она и начала говорить о попечителѣ:—Вздумалъ разыграть роль настоящаго знатока дѣла, замѣчанія и указанія дѣлать. Я сразу поставила его на его надлежащее мѣсто. «Сорокъ пять лѣтъ, говорю, педагогикой занимаюсь, двадцать четыре года прію-

Digitized by Google

томъ управляю, значитъ знаю, что̀ хорошо, что̀ худо, что̀ прилично, что̀ неприлично въ этомъ дѣлѣ. А вотъ рамы въ домѣ сгнили, и воспитанницы отъ этого болѣютъ, да трубы вездѣ дымятъ, и у всѣхъ отъ угара головы болятъ, такъ на это надо обратить вниманіе». Растерялся. Это вѣдь теперь все изъ его кармана. Ордена нужны, а денегъ жаль. Впрочемъ, какъ попалъ въ кухню, такъ и забылъ обо всякихъ наставленіяхъ. Вѣрно, какимъ-нибудь кухоннымъ мальчишкой былъ въ дѣтствѣ, въ свою сферу попалъ, все время проговорилъ тамъ съ Лизой.

Она иронически усмѣхнулась и на минуту прервала разсказъ, принявшись разливать только что поданный одною изъ воспитанницъ чай.

— Держать себя какъ, не знаетъ,—заговорила она снова черезъ нѣсколько минутъ.—«Вы, говоритъ Лизѣ, барышня, развѣ и стряпаете сами? Зачѣмъ же? На это кухарка должна быть». Лиза, извѣстно, сконфузилась. «Я, говоритъ, за порядкомъ наблюдаю только во время дежурства». Обернулся ко мнѣ. «Онѣ изъ какихъ будутъ?»—спрашиваетъ. «Моя племянница, говорю, дочь титулярнаго совѣтника Ольхина». «И въ этомъ пріютѣ воспитываются! Какое же здѣсь образованіе; ихъ бы въ гимназію слѣдовало отдать. Теперь для барышень требуется образованіе». Объяснила я ему, что Лиза и гимназическій курсъ подъ моимъ руководствомъ прошла, экзамены по веснѣ сдавать будетъ. Онъ покачалъ головой. «Не слѣдъ бы въ такомъ разѣ заставлять ихъ дежурить, говоритъ, въ кухнѣ». «Подъ стекляннымъ колпакъ, говорю, бѣдныхъ дѣвушекъ нельзя сажать, должны привыкать ко всякому труду. Чтобы не погибнуть—десять дѣлъ надо знать». Обернулся къ Лизѣ: «А вамъ, должно-быть, тяжело!» Лиза опять сконфузилась. «Я, говоритъ, привыкла». «Привыкли, говоритъ, ну, подавай вамъ Богъ. Богъ труды и смиреніе любитъ. Кто смиренъ сердцемъ, того Богъ не оставитъ». Ханжитъ вѣрно теперь, награбивъ денегъ въ своихъ кабакахъ...

Заслышавъ топотъ дѣтскихъ ногъ по лѣстницѣ, Настасья Порфирьевна оставила чашку съ часомъ, подошла къ дверямъ, пріотворила ихъ и позвала:

— Катя! Таня!

Вошли двѣ дѣвочки, одна лѣтъ десяти, другая лѣтъ двѣнадцати, скромно и чинно, съ опущенными руками, какъ слѣдуетъ входить къ начальницѣ. Но онѣ тотчасъ же увидали Ольхина и съ крикомъ радости «папа» бросились

Digitized by Google

къ нему. Онъ уже осыпалъ ихъ поцѣлуями. Тетка шутила:

— Сто лѣтъ не видались. Нацѣловаться не можете?

Горбатенькая дѣвочка взглянула на тетку широко открытыми голубыми глазами съ плутоватой улыбкой, точно говоря: «А развѣ ты насъ не цѣлуешь тайкомъ ежедневно?» Старуха сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ этого взгляда, и отвернулась въ сторону. Горбатенькая дѣвочка, бойкая на языкъ, какъ человѣкъ, принужденный воевать за свои права, и вдумчивая, какъ существо, безъ вины наказанное судьбой, была ея любимицей. Черезъ нѣсколько минутъ явилась и Лиза, вся еще разгорѣвшаяся отъ кухоннаго жару.

— Устала?—коротко спросила ее тетка.

— Нѣтъ, мамаша!—бодро отвѣтила она и нагнулась къ ея рукѣ.

Ольхинъ былъ безмѣрно счастливъ, находясь теперь въ своей семьѣ, отвѣчая на разспросы дѣтей о матери, о братѣ, объ Аксиньѣ. Настасья Порфирьевна глубоко задумалась и, наконецъ, со вздохомъ проговорила:

— Да, еще лѣтъ шесть надо бы пожить!

III.

Архивъ, гдѣ служилъ Ольхинъ, помѣщался въ самомъ верхнемъ этажѣ большого казеннаго дома. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ разросся очень сильно, но собственно Ольхину приходилось вращаться только въ двухъ его комнатахъ, отдѣленныхъ отъ главныхъ архивныхъ помѣщеній коридоромъ. Обѣ эти комнаты, находившіяся подъ вѣдѣніемъ Ольхина, были заставлены шкапами, изъ-за стеколъ которыхъ видѣлись толстыя тетради въ синихъ бумажныхъ обложкахъ съ бѣлыми наклейками. На этихъ наклейкахъ значились нумера дѣлъ. Комнаты освѣщались плохо, здѣсь царствовала всегда тишина. Чиновники забѣгали сюда рѣдко, на минуту, и каждый разъ, запыхавшись, замѣчали одно и то же.

— Чортъ знаетъ, какъ высоко вы забрались.

Данила Лукичъ извиняющимся тономъ, разводя руками, говорилъ:

— Что дѣлать! что дѣлать! Дѣйствительно высоконько!

При входѣ въ архивъ Ольхина всегда охватывало какое-то щемящее чувство тоски и подавленности, точно при входѣ въ могильный склепъ, и онъ впадалъ въ мечтательное настроеніе, вспоминалъ мелочи жизни, передумывалъ о томъ,

Digitized by Google

сколько горькихъ исторій и мрачныхъ сценъ хранятъ эти «дѣла», раздумывалъ, гдѣ теперь эти люди, писавшіе и отписывавшіеся въ теченіе десятковъ лѣтъ по какому-нибудь одному кляузному дѣлу, приходилъ, наконецъ, къ горькому заключенію, что все на свѣтѣ суета суетъ. Порой, отъ скуки, онъ пробовалъ заводить разговоры съ Михеемъ, старымъ сторожемъ, унтеромъ, котораго лицо походило на поросшій желтовато-бѣлымъ мхомъ кусокъ стараго буро-желтаго пня. Михей однотонно разсказывалъ, что онъ былъ и въ турецкой кампаніи 1828 года, и въ Венгріи въ 1848 году, и въ Севастополѣ въ 1854 году, и что турки ничего дерутся, венгерцы тоже ничего дерутся, французы тоже ничего дерутся. Дальше онъ не могъ объяснить ничего. Если его что-нибудь и занимало теперь въ этихъ разсказахъ, такъ это одинъ вопросъ:

— Сухари давали, что твое дерево. Таперя бы, поди, не сжевать. Ей-ей. Померъ бы, а не сжевалъ бы, какъ Богъ святъ!

И впадая въ философское настроеніе, онъ вслухъ разсуждалъ.

— Ишь, ты, что значитъ молодость-то. Что бывало тогда ни дай, все перетрешь. А таперя, ровно младенецъ, мяса— и того не разжуешь. Мнешь, мнешь, а что толку? Годы, значитъ!

— Да вотъ у меня тоже зубы подгуляли,—говорилъ Ольхинъ:—болѣли въ молодости и повыкрошились. Креозотъ клалъ, ну, и повыкрошились. Это не всегда отъ лѣтъ.

И они начинали длинный разговоръ о зубахъ и причинахъ ихъ порчи.

Иногда заходилъ въ архивъ котъ Василій, то спавшій непробуднымъ и сладкимъ сномъ праведника, то жалобно мяукавшій, при чемъ его солидность исчезала, и онъ казался жалкимъ и ободраннымъ послѣ разныхъ отлучекъ и экскурсій. Въ послѣднихъ случаяхъ Михей смотрѣлъ на кота съ явнымъ презрѣніемъ и ворчалъ:

— Подлецъ, подлецъ, таскаешься все, чортъ тебя знаетъ гдѣ!

И прибавлялъ:

— Другого бы надо завести кота, Данило Лукичъ. Въ этомъ шлендрѣ никакого пути нѣтъ.

Данила Лукичъ соглашался, что можно и другого завести, только едва ли и другой не будетъ такимъ же шлендрой. Михей соглашался въ свою очередь съ этимъ мнѣніемъ и замѣчалъ:

Digitized by Google

— Самая непутящая скотина эти коты. Какъ есть, пакостники! Тьфу!

И онъ при этомъ съ отвращеніемъ плевалъ въ сторону ободраннаго Василья.

Лѣтомъ жизнь въ этихъ двухъ комнатахъ архива становилась еще грустнѣе. На противоположной стѣнѣ играло солнце, а въ архивѣ царствовалъ вѣчный полумракъ. Отъ воздуха вѣяло чѣмъ-то нежилымъ, не то затхлостью, не то сыростью. На широкіе подоконники ежедневно слетались стаи голубей, безцѣльно толкались, дрались, бились о стекла, и ихъ своеобразное воркованіе не смолкало по цѣлымъ часамъ. И Ольхинъ, и Михей, погруженные въ свои думы, молча смотрѣли на возню этихъ птицъ, слушали переливы ихъ горловыхъ голосовъ. На душѣ становилось и тихо, и тоскливо, а со двора доносилась какая-нибудь щемящая сердце, какъ стонъ, нѣсня штукатура, красильщика или каменщика...

Но, несмотря на непригляднность комнатъ архива, несмотря на крайнюю ограниченность Михея, несмотря на зазорное поведеніе кота Василія, несмотря на нагоняющихъ тоску голубей, Ольхинъ чувствовалъ себя въ сущности хорошо именно здѣсь. Онъ, какъ курильщикъ опіума втягивается въ наслажденіе этой отравой, втянулся въ мечты, въ эти сновидѣнія наяву среди мертваго затишья, среди вѣчныхъ сумерекъ, царствовавшихъ здѣсь. Тутъ онъ какъ бы отдыхалъ отъ дѣйствительной жизни.

Особенно нужнымъ былъ ему этотъ отдыхъ недѣли черезъ три послѣ посѣщенія Настасьи Порфирьевны.

Ольхинъ явился и въ этотъ день по обыкновенію въ свой архивъ и прошелъ на свое обычное мѣсто. Но онъ пришелъ сюда съ такимъ озабоченнымъ видомъ, что сразу было замѣтно, что съ нимъ случилось нѣчто необычайное. Онъ не заговорилъ съ Михеемъ о кампаніяхъ, не обратилъ вниманія на ободраннаго Василія, жалобно замяукавшаго около его ногъ, и прошелъ прямо къ своему мѣсту. Волненіе архиваріуса имѣло много причинъ. Наканунѣ во время обѣда сынъ отдалъ ему взятыя имъ деньги и объявилъ, что на-дняхъ онъ уѣзжаетъ за границу. Ольхинъ и обрадовался, и сконфузился, и опечалился. Обрадовался полученію денегъ, сконфузился, вспомнивъ, какъ рѣзко обошелся съ сыномъ при исчезновеніи этихъ денегъ, и опечалился, услыхавъ о скоромъ отъѣздѣ сына. Бросаетъ мальчикъ семью беззаботно и весело, какъ чужой, а, между тѣмъ, Богъ знаетъ, можетъ-

Digitized by Google

быть, и не увидятся они больше! Была еще причина для волненія: въ тотъ же вечеръ и въ это утро Ольхинъ поспѣшилъ обойти всѣхъ своихъ сослуживцевъ, чтобы возвратить имъ занятыя у нихъ деньги. Отдавать деньги ему было почти такъ же трудно, какъ и занимать ихъ: онъ улыбался, кланялся, благодарилъ и, по выходѣ отъ каждаго изъ кредиторовъ, смущался при мысли, что «онъ, кажется, такъ растерялся, что и спасибо не сказалъ; люди одолжили, повѣрили на слово, а онъ—нате, берите, вотъ ваши деньги—и конецъ, точно его и не одолжали». Одного изъ своихъ сослуживцевъ онъ не засталъ вечеромъ дома и рѣшился отдать ему деньги въ должности. Поджидая въ нижнемъ этажѣ министерства его прихода, Ольхинъ взялъ газету и наткнулся на одно мѣсто, гдѣ говорилось: «Дѣйствительный статскій совѣтникъ камергеръ Александръ Николаевичъ Заринъ получилъ безсрочный отпускъ за границу для лѣченія». Въ той же газетѣ въ отдѣлѣ «театра и музыки» стояло: «Довольно извѣстная среди нашихъ балетомановъ танцовщица Чупрова, по слухамъ, окончательно покинула нашу сцену и уѣзжаетъ за границу. Эта потеря едва ли огорчитъ любителей балета, такъ какъ за послѣдніе годы Чупрова почти не появлялась на сценѣ». Старикъ окончательно смутился. Ему казалось, что весь Петербургъ именно сегодня узнаетъ, что Заринъ и Чупрова живутъ въ связи, ѣдутъ вмѣстѣ за границу и что при этой незаконной парѣ ѣдетъ его сынъ въ качествѣ гувернера, учителя, дядьки, Богъ вѣсть кого. И тотчасъ же его мысль перешла къ Еленѣ Григорьевнѣ Зариной. Каково ей-то будетъ прочесть это? Она остается здѣсь, разоренная, брошенная, а какая-то плясунья, дочь унтеръ-офицера и прачки, ѣдетъ съ ея мужемъ, съ дѣтьми, какъ законная жена, за границу,—ѣдетъ на деньги самой Зариной. Ему стало необыкновенно жаль Зарину. Онъ ее даже никогда не видалъ. Видалъ только ея портреты у Настасьи Порфирьевны дѣвочкой съ голенькими ножками, въ одной рубашечкѣ; взрослой барышней въ бальномъ платьѣ съ открытымъ лифомъ и обнаженными руками; вполнѣ сформировавшейся женщиной, закутавшейся въ мѣховую шапочку и такую же ротонду, точно съ дрожью прячущейся отъ охватывавшаго ее холода; наконецъ, полуувядшей красавицей съ преждевременными сѣдинами, сидящей въ раздумьи надъ книгой, какъ бы старающейся забыться за чтеніемъ. По этимъ портретамъ онъ могъ, пожалуй, даже лучше изучить ее, чѣмъ изучилъ бы при лич-

Digitized by Google

номъ знакомствѣ: при личной встрѣчѣ онъ непремѣнно потупился бы, растерялся бы, а тутъ онъ подолгу всматривался въ каждую черту ея лица, полюбилъ ее, и ему казалось, что такой красавицы онъ никогда не встрѣчалъ въ жизни. А какая душа у нея была. О, онъ хорошо зналъ эту душу и жизнь этой души изъ писемъ, изъ разсказовъ Настасьи Порфирьевны. Эта жизнь, которой онъ никогда не видалъ, но которая тѣмъ болѣе интересовала его, какъ нѣчто не похожее на его блѣдное существованіе, была знакома ему во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Иногда онъ такъ живо представлялъ ее, какъ будто самъ прожилъ съ Настасьей Порфирьевной тамъ, въ этой глуши провинціи, гдѣ росла Зарина.

Уплативъ пріятелю долгъ и придя въ свой архивъ, Ольхинъ уже не могъ ни о чемъ думать, кромѣ Елены Григорьевны. Все остальное, даже отъѣздъ сына, отошло на задній планъ. Еще бы, тутъ шло дѣло не о страданіяхъ и невзгодахъ какихъ-нибудь маленькихъ людишекъ, какихъ-нибудь Ольхиныхъ, самой судьбой обреченныхъ на разныя бѣды, а о страданіяхъ и невзгодахъ самой Зариной. Данила Лукичъ довольно хладнокровно читалъ въ газетахъ, какъ кого-то изъ преступниковъ обезглавили, какъ другого повѣсили, но онъ никогда не могъ безъ слезъ перечитывать описанія казней Маріи Стюартъ, Людовика XVI и Маріи Антуанеты. И теперь горе Зариной заслонило передъ нимъ горе Ольхиныхъ. Онъ думалъ и передумывалъ о жизни этой женщины. Эта жизнь, дѣйствительно, была не безъинтересна.

Вотъ барскій домъ на берегу широкой рѣки, въ глубинѣ Россіи, окруженный старымъ паркомъ. Сколько здѣсь затѣй барскаго самодурства и прихотей временъ крѣпостного права. Пруды и островки, храмы славы и любви, китайскіе домики и памятники любимыхъ собакъ и лошадей, глухія аллеи, прохладныя даже въ зной, и широко раскинувшіеся газоны и клумбы ароматныхъ цвѣтовъ, все было здѣсь, въ этомъ паркѣ. Еще болѣе затѣй и прихотей было въ домѣ: картины Ватто и Буше съ полунагими, обнимающимися и цѣлующимися нимфами, пастушками и пастушками, статуи Амура и Психеи, Лебедя и Леды, Зефира и Флоры, Нимфы и Сатира, Діаны и Эндиміона; обширная библіотека съ массивными дубовыми шкапами, гдѣ ломились полки отъ сочиненій Вольтера, Руссо, Дидро, Гельвеція, Гольбаха, всѣхъ отрицателей восемнадцатаго вѣка, и тамъ же, среди

Digitized by Google

этихъ томовъ, воспитывавшихъ Робеспьеровъ и Дантоновъ, можно было найти иллюстраціи къ «Pucelle», къ «Любви Цезарей», къ «Маркизу де-Саду». Каждая комната была въ своемъ родѣ аристократическимъ произведеніемъ, каждая вещь была сдѣлана рукой мастера своего дѣла. Сама прислуга въ домѣ носила на себѣ печать долгой дрессировки, шлифовки, школы, и видно было, что каждому изъ этихъ людей нужно было долго пробыть въ ученьи у мастера, много разъ познакомиться съ розгами на конюшнѣ, не мало опасаться забритаго лба или обрѣзанной косы, чтобы изъ косолапаго дворового мальчишки превратиться въ величаваго выѣзднаго лакея, въ серьезнаго камердинера, въ недоступнаго дворецкаго, или изъ босоногой дѣвчонки сдѣлаться юркой камеристкой, искусной швеей, важной ключницей. Создатель всего этого могъ гордиться своимъ твореніемъ, проходя по своимъ владѣніямъ и любуясь совершенствомъ всего созданнаго имъ, при помощи щедрости, настойчивости и розогъ. Но онъ испытывалъ только скуку среди всего этого—скуку человѣка, не вѣрящаго ни во что. Онъ читалъ много и не вѣрилъ ни въ одну книгу, коротко узнавъ біографіи писателей; онъ долго вращался въ лучшемъ обществѣ и презиралъ это общество, зная его изнанку; онъ пріобрѣталъ старинныя художественныя произведенія и не цѣнилъ ихъ условныхъ, чуждыхъ ему по духу красотъ; онъ слылъ въ свое время сердцѣдомъ и не ставилъ въ грошъ ни одну женщину, теряя къ каждой изъ нихъ уваженіе, какъ только одерживалась побѣда; онъ женился безъ любви, ради денегъ, и смотрѣлъ на кривобокую жену, какъ на одну изъ женщинъ, не измѣняющую ему потому, что она боится его или не имѣетъ случая измѣнить. Эта холодная скука жизни преслѣдовала его вездѣ: за границей, на службѣ, въ семейномъ кругу. Гдѣ таились причины этого—трудно сказать. Въ раннемъ пресыщеніи всѣми благами жизни, купленными безъ усилій? Въ излишней разсудочности, указывавшей всюду на оборотную сторону медали? Въ безстрастной натурѣ, неспособной на горячіе порывы? Въ той воспитательной дрессировкѣ, которая засушила человѣка и превратила его въ машину, говорящую и движущуюся не по своей волѣ, а по обычаямъ, условіямъ и приличіямъ порядочности? Въ духѣ того глухого времени, конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, эпохи «не умничай» и «не разсуждай», съ казенными образцами форменнаго платья, и архитектуры домовъ и церквей, канце-

Digitized by Google

лярскихъ донесеній и образа мысли, съ надписями на транспарантахъ цензурнаго дозволенія? На все это трудно отвѣтить. Вѣрно было одно, что Григорій Антоновичъ Столѣтовъ приказывалъ сѣчь и отдавать въ солдаты дворовыхъ, но никогда не сердился и не кричалъ на нихъ; презиралъ свою вѣчно страдающую нервами, блѣдно-желтую и анемичную жену, но былъ изысканно вѣжливъ съ нею и не позволилъ бы никому оскорбить ее хоть намекомъ; невыносимо скучалъ въ окружавшемъ его свѣтскомъ кругу, но аккуратно выѣзжалъ въ свѣтъ и самъ дѣлалъ пріемы у себя этому свѣту, какъ всѣ остальные люди его круга; довольно ясно сознавалъ окружавшую его въ тѣ времена неурядицу въ общественномъ и политическомъ строѣ и никому не позволилъ бы вольнодумничать, такъ какъ онъ принадлежалъ по рожденію къ кругу столповъ и опоръ. Выбранный дворянскимъ предводителемъ, онъ поселился въ одной изъ своихъ деревень и, ненавидя деревню, былъ радъ, что ему здѣсь свободнѣе скучать—маску снисходительной привѣтливости, серьезнаго интереса къ поднимаемымъ въ обществѣ вопросамъ, внимательнаго выслушиванія пустой болтовни можно было надѣвать рѣже, такъ какъ самыя столкновенія съ людьми стали рѣже. Дѣловыя сношенія, встрѣчи съ женой и дѣтьми за завтраками, обѣдами и вечернимъ чаемъ, толки съ управляющимъ, все это занимало немного часовъ въ день, а затѣмъ Григорій Антоновичъ оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ и лѣниво читалъ, дѣлая замѣтки въ книгахъ въ родѣ слѣдующихъ: «сказалъ бы лучше, какъ истребить зло»; «надоѣли эти жалобы на проституцію, когда безъ нея нельзя обойтись»; «Неронъ жегъ людей, упразднявшихъ его боговъ, а въ шестнадцатомъ вѣкѣ, на Западѣ, люди, поклонявшіеся одному и тому же Богу, жгли и рѣзали людей за то, что одни требовали только вѣры, а другіе вѣры и добрыхъ дѣлъ»; «вопросъ еще, кто больше перерѣзалъ людей—язычники, гнавшіе христіанъ, или инквизиторы, видѣвшіе всюду еретическія разногласія»; «педагогическія панацеи, а гдѣ лѣкарство противъ наслѣдственныхъ недуговъ и темпераментовъ, вліянія враждебныхъ обстоятельствъ, общественнаго строя, несчастныхъ случайностей и переворотовъ въ организмѣ»; «раздать имѣніе нищимъ, чтобы самому издохнуть отъ голода»; «самое легкое дѣло проповѣдывать, это ни къ чему не обязываетъ»; «желалъ бы я найти книгу, гдѣ писатель сказалъ бы всю правду о себѣ самомъ—его всѣ сочли бы омерзительнымъ

Digitized by Google

чудовищемъ, развратникомъ, безумцемъ и идіотомъ и отвернулись бы отъ него, какъ отъ гадины». Иногда карандашомъ отмѣчалось просто: «какая скука!» Въ одномъ изъ сочиненій де-Сада была помѣтка: «И въ чтеніи, и на практикѣ это такъ же скучно и однообразно, какъ и все остальное въ жизни. Развратъ тоже только привычка». Въ другомъ мѣстѣ значилось: «Marie каждое воскресенье ѣздитъ въ церковь, становится на клиросѣ на ковришкъ и молится. Любопытно бы узнать, во что она вѣритъ и чего ожидаетъ она отъ молитвы. Вчера она замѣтила со вздохомъ: «Я такъ больна, что даже въ церковь не выѣзжала».—«Ну, такъ что же?»—спросилъ я.—«Да вѣдь сегодня воскресенье»,—отвѣтила она. По воскресеньямъ у нея заведено ѣздить въ церковь, и ей трудно уже измѣнить этой привычкѣ». Несмотря на то, что ему было бы любопытно узнать, во что вѣритъ и о чемъ молится его жена,—онъ никогда не сдѣлалъ неприличія—не спросилъ ее объ этомъ. Впрочемъ, вопросъ былъ бы, вѣроятно, оставленъ безъ опредѣленнаго отвѣта: Марья Аполлоновна Столѣтова опредѣленно могла отвѣтить во всякое время дня и ночи только на одинъ вопросъ—на вопросъ о ея здоровьи. Сегодня у нея мигрень, вчера былъ тикъ, третьяго дня болѣли зубы и такъ далѣе, безъ конца. Это избавляло ее отъ скучныхъ приставаній дѣтей, отъ раздражающихъ замѣчаній мужа о пустотѣ жизни, отъ всякихъ несносныхъ вопросовъ хозяйства и нисколько не мѣшало читать безъ конца романы, выѣзжать на званые вечера, принимать людей съ визитами и интересоваться безъ конца мелочными свѣтскими сплетнями, интригами, клеветами. Въ ея тщедушномъ, маленькомъ искалѣченномъ тѣлѣ сидѣло тщедушное, маленькое, искалѣченное сердце. У нея не хватало силъ отомстить измѣною за частыя измѣны скучающаго мужа; но она язвительно забрызгивала грязью тѣхъ барынь, ради которыхъ измѣнялъ ей мужъ, и выдавала замужъ за самыхъ негодныхъ мужичонковъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя на минуту успѣвали привлечь вниманіе барина. Она никогда не рѣшилась бы вступить въ открытую борьбу съ мужемъ, но онъ часто чувствовалъ, что она издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ то, что можетъ особенно досадить ему, говоритъ при постороннихъ то, что могло бы вывести его изъ себя, если бы онъ могъ выходить изъ себя при постороннихъ; когда же эти посторонніе уходили и наставало время для бурной семейной сцены—она говорила, что она больна, и замыкалась

Digitized by Google

на своей половинѣ. Даже выборъ гувернантки для дѣтей—двухъ маленькихъ дѣвочекъ, былъ насмѣшкою надъ мужемъ. Взята была некрасивая, худая, какъ щепка, блѣдная дѣвушка, правда, превосходно рекомендованная и начальницей института, и тѣми, у кого она жила до поступленія въ домъ Столѣтовыхъ, но способная оскорбить эстетическое чувство хозяина дома, любившаго, чтобы его окружали красивые предметы, красивыя личности.

— Кажется, въ этотъ скелетъ уже никто не влюбится,—сказала Марья Аполлоновна при мужѣ и язвительно добавила:—я съ такимъ отвращеніемъ смотрю на этихъ молоденькихъ боннъ, гувернантокъ, учительницъ, только и мечтающихъ о томъ, какъ бы повыгоднѣе пристроиться при какомъ-нибудь богатомъ Донъ-Жуанѣ. Въ этой средѣ голодныхъ мѣщанокъ весь вопросъ жизни сводится на продажу себя по дорогой цѣнѣ.

И, дѣлая гримасу, она замѣтила:

— Эту застраховала сама природа отъ паденія.

У Столѣтова невольно сорвалась съ языка фраза:

— Безобразіе не всегда обрекаетъ на вѣчную дѣвственность.

При этомъ онъ такъ взглянулъ на жену, какъ будто хотѣлъ сказать ей: «вѣдь вышла же ты замужъ съ кривымъ бокомъ». Она подняла, къ его стыду, эту брошенную имъ случайно перчатку и отвѣтила:

— У нея нѣтъ милліона, который мирилъ бы со всѣмъ!

Онъ поблѣднѣлъ, но воздержался, не швырнулъ ей въ лицо новой обиды.

Въ это же время семьѣ нужно было взять гувернера для двухъ мальчиковъ. Столѣтовъ самъ нашелъ его, и это былъ молодой человѣкъ, почти красавецъ, ловкій, остроумный и развязный.

— Въ него влюбиться можно,—сказалъ Григорій Антоновичъ, и въ его головѣ мелькнула злая мысль: «а что если Марья Аполлоновна влюбится; это было бы забавно».

И его начала на время забавлять отъ скуки новая игра, новая причуда: онъ одобрялъ каждую остроту гувернера Николая Николаевича Торопова, онъ говорилъ постоянно о красотѣ Николая Николаевича, онъ съ восторгомъ отзывался о свѣжести Николая Николаевича. Ему хотѣлось влюбить Марью Аполлоновну въ этого человѣка и...

«Разумѣется, вышвырну его тотчасъ же, какъ только что-нибудь замѣчу»,—заканчивалъ онъ мысленно.

Digitized by Google

Почти годъ онъ не могъ ничего замѣтить, кромѣ того, что Марья Аполлоновна стала раздражительнѣе, чаще прежняго хворала, нерѣдко не выходила къ столу и почти никогда не являлась въ тѣ часы, когда въ одной изъ залъ раздавался мягкій, ласкающій баритонъ Николая Николаевича, пѣвшаго, по просьбѣ хозяина дома, разные романсы. «Ужъ не влюбилась ли?»—думалъ Григорій Антоновичъ и тѣшился мыслью, какъ онъ вышвырнетъ этого Донъ-Жуана.

Наконецъ, онъ нѣчто замѣтилъ. Какъ-то въ весеннюю ночь, точно тѣнь, проскользнулъ кто-то съ половины мальчиковъ на половину Марьи Аполлоновны. Въ душѣ Столѣтова поднялась такая буря, какой онъ не испытывалъ никогда. Влюбить жену въ гувернера—это его забавляло. Увидать гувернера прокрадывающимся на ея половину—это его привело въ бѣшенство. Можетъ-быть, это происходитъ не въ первый разъ? Можетъ-быть, его честь уже запятнана? Можетъ-быть, игра превратилась въ серьезное дѣло?

— Перерву мерзавцу горло, вотъ и все!—съ холоднымъ бѣшенствомъ рѣшилъ онъ и пошелъ на половину жены.

Жена и мужъ встрѣтились въ дверяхъ ея спальни, и оба растерялись на минуту отъ неожиданности. Впервые въ жизни они оба сбросили съ себя маски и заговорили съ нескрываемой ненавистью:

— Вы пришли, кажется, шпіонить за мной?—прошипѣла она едва слышно.—Вѣроятно, думали найти у меня кого-нибудь, уличить въ томъ, въ чемъ нельзя было обвинить меня въ теченіе всей жизни.

Онъ ѣдко усмѣхнулся.

— А вы? Ужъ не на мои ли шаги вы вышли изъ своей спальни? Не то ли васъ привело въ такую ярость, что я слѣжу за вами? Говорите, вы его ждали?

Онъ стиснулъ ей руку до боли.

— Оставьте меня! Я вышла потому, что этотъ негодяй, этотъ низкій человѣкъ тутъ.

Она указала на дверь, бывшую отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

— А вамъ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ у васъ?—язвительно прошепталъ мужъ и точно ударилъ ее по лицу вопросомъ:—Говорите, онъ никогда не бывалъ у васъ?

Она, охваченная какимъ-то страннымъ чувствомъ, смущенная, растерявшаяся, глухо отвѣтила:

— Нѣтъ!

Въ этомъ «нѣтъ», вырвавшемся, какъ вопль, послыша-

Digitized by Google

лось что-то въ родѣ сожалѣнія, жалобы, горя. Столѣтовъ сразу уловилъ значеніе этого тона, понялъ все, происходившее въ душѣ его жены, и обрадовался, точно отмстилъ ей за долгіе годы безмолвно выносившихся обвиненій, оскорбленій. Онъ уличилъ ее въ томъ, что она была влюблена въ этого человѣка, и чувствовалъ, что его честь не запятнана. Это было полное торжество. Онъ засмѣялся ядовитымъ смѣхомъ.

— Вы очень огорчены этимъ?—заговорилъ онъ грубо.— Вамъ завидно...

— Ради Бога!—шепнула она.—Молчите!

Она услышала тихій скрипъ дверей.

Столѣтовъ холодно и грубо толкнулъ ее въ ея спальню и пошелъ по коридору навстрѣчу безшумно скользящей тѣни.

— Ты завтра оставишь мой домъ къ десяти часамъ!— раздалась сдержанно и коротко произнесенная фраза.—Приказать тебѣ жениться на своей дворовой дѣвкѣ я не могу, а устраивать себѣ сераль въ моемъ домѣ я тебѣ не позволю.

Молодой гувернеръ стоялъ, какъ пораженный громомъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе, но Столѣтовъ въ полутьмѣ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ и повелительно приказалъ:

— Иди, и чтобы тебя здѣсь не было къ утру!

Если Столѣтовъ вѣрилъ во что-нибудь, такъ это только въ то, что онъ крупная по характеру личность, неспособная на мелкую войну, на мелкія придирки, на мелкую мстительность. Теперь, если бы онъ заглянулъ въ свою душу, вдумался въ свое поведеніе, онъ съ отвращеніемъ убѣдился бы въ томъ, что и онъ не лучше другихъ. Самъ онъ дѣлалъ все, чтобы влюбить свою жену въ гувернера и потомъ посмѣяться надъ нею, но теперь, когда онъ увидалъ, что она точно была неравнодушна къ этому человѣку, что стоило этому человѣку сдѣлать одинъ шагъ, чтобы она пала,— онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ сталъ преслѣдовать жену. «Подходящаго человѣка у нея только не было прежде для измѣны мужу. Случай теперь ускользнулъ для наложенія пятна на его честь. Терзалась она, ревнуя этого бурсака къ крѣпостной дѣвкѣ». На другой же день онъ узналъ, что эту крѣпостную дѣвку выслали съ половины барыни въ общее помѣщеніе дворовыхъ, и ворвался къ женѣ, требуя возвращенія этой дѣвки на прежнее мѣсто.

— Ужъ не желаете ли вы, чтобы всѣ знали, что вы ее приревновали къ учителю?—съ глухой яростью говорилъ онъ.

Digitized by Google

— Я разврата не намѣрена поощрять,—попробовала сказать она.

— Вы? вы?—злобно засмѣялся онъ.—Вы честная, потому что никому не нужны, даже этому поповичу.

Онъ прибавилъ:

— Ольгу вы верните сегодня же! Мало того, вы должны выказать сочувствіе ея горю, и если у нея будетъ ребенокъ, вы окрестите его.

И, стараясь унизить ее еще болѣе, онъ сталъ ее допрашивать:

— Не намекали ли вы ему на свою любовь? Не писали ли ему? Точно ли онъ не бывалъ у васъ?

— Вамъ хочется забрызгать меня тою же грязью, въ которой вы грязнитесь всю жизнь.

— А вамъ очень хотѣлось бы смыть съ себя то, чего уже нельзя смыть.

И они начали разрывать еще болѣе пропасть, лежавшую между ними съ перваго дня ихъ супружества. Она попрекнула его мелочностью; онъ отвѣтилъ, что она всю жизнь отравляла ему именно этимъ качествомъ. Она попрекнула его, что онъ женился на ней ради денегъ, которыми нужно было загладить слѣды кутежей; онъ посмѣялся, что она должна благодарить его за это, такъ какъ иначе она навѣрное осталась бы старой дѣвой. Онъ отнялъ у нея то, чѣмъ она единственно гордилась—право называться честной, доказавъ, что она купленная жена и случайно неудавшаяся любовница; она отплатила ему тѣмъ же, показавъ, что и онъ такъ же пошлъ и мелоченъ, какъ тѣ, кого онъ презираетъ.

Имъ оставалось разойтись или умереть. Случай привелъ къ послѣдней развязкѣ.

Постоянно притворявшаяся больной, Марья Аполлоновна дѣйствительно заболѣла. Онъ не вѣрилъ ея болѣзни и повѣрилъ ей только тогда, когда эта маленькая, тщедушная, кривобокая женщина была перенесена съ постели на столъ въ парадную залу. Ея смерть не вызвала ничьихъ слезъ. Не плакали даже дѣти, тупо смотря на эту мертвую женщину, къ которой ихъ приводили только въ извѣстные часы цѣловать ручку и говорить: «Bonjour, maman», «Merci, maman». Настасья Порфирьевна давно уже была имъ ближе матери.

Правда, они плакали въ эти дни, но потому, что старая няня сказала, что ихъ теперь «безпремѣнно увезутъ къ ба-

Digitized by Google

бушкѣ, либо къ тетенькѣ». Они допрашивали Настасью Порфирьевну:

— А вы какъ же, Настасья Порфирьевна?

Та отрывисто отвѣчала:

— Не знаю, не знаю!

На другой день послѣ похоронъ, вопросъ о дѣтяхъ подняли и бабушка, и тетка; онѣ сразу заговорили въ такомъ тонѣ, что Григорій Антоновичъ понялъ, какъ не желали бы онѣ брать на себя эту обузу. Ахъ, чужія дѣти—это такая отвѣтственность! Настасья Порфирьевна въ это время разливала чай и испытывала нѣчто въ родѣ ожиданія смертнаго приговора.

— Справитесь ли вы теперь со своей задачей,—спросилъ Столѣтовъ у Настасьи Порфирьевны, поворотивъ къ ней голову черезъ плечо.—Теперь дѣти будутъ требовать исключительно вашего надзора.

Настасья Порфирьевна смутилась, но отвѣтила твердо:

— Они и прежде были исключительно на моемъ попеченіи.

Онъ нахмурилъ брови, смѣрилъ ее глазами, точно угрожая ей за что-то, вѣроятно, за оскорбленіе памяти его жены.

— Да, но вы-то сами были подъ надзоромъ ихъ матери,— проговорилъ онъ, отчеканивая слова.

Она отвѣтила коротко:

— Я справлюсь.

Онъ отвернулся отъ нея. Она пошла съ дѣтьми изъ комнаты.

Прежде чѣмъ она успѣла скрыться за дверью, онъ замѣтилъ своей сестрѣ и теткѣ:

— Она такъ дурна, что можетъ долго ужиться на мѣстѣ: такихъ не соблазняютъ, да и онѣ не соблазняютъ. Правда, было бы лучше для дѣтей, если бы она была постарше, но не терплю я въ домѣ старухъ съ усвоенными привычками и вбитой уже въ голову собственною дурью.

Слышала ли этотъ разговоръ Настасья Порфирьевна или нѣтъ, это никого не интересовало. Вернувшись съ дѣтьми въ дѣтскую, она со слезами на глазахъ обратилась къ нимъ:

— Я остаюсь при васъ. Вы рады?

— Да, да!—крикнули всѣ въ одинъ голосъ.

Маленькая Леля крѣпко обвила ее ручонками и наивно спросила:

— Теперь вы будете нашей мамой?

Да, она сдѣлалась мамой для этихъ дѣтей и въ особенности для нея, для маленькой Лели, и не такой мамой, какою была та, прежняя мама, къ которой дѣти обязаны

Digitized by Google

были въ извѣстные часы ходить цѣловать руку, а настоящей матерью, любящей, заботливой, узнающей всѣ маленькія тайны своихъ дѣтей...

Не все было ясно во всей этой исторіи для наивнаго Данилы Лукича, но главныя черты этой исторіи онъ зналъ, интересовался ими, удивлялся, какъ это богатые люди живутъ, съ чего это они-то не умѣютъ быть счастливыми. Тема философствованій въ помѣщеніи архива являлась богатая.

Еще менѣе могъ Ольхинъ понять то, что произошло далѣе въ домѣ Столѣтова, но воспоминаніе о происходившемъ тамъ, пугало его, какъ воспоминаніе о страшномъ кошмарѣ. Богачъ, которому только птичьяго молока недоставало, Столѣтовъ послѣ смерти жены точно помѣшался отъ страшнаго сплина. Не было дня, чтобы онъ не оскорбилъ кого-нибудь, не приказалъ выпороть кого-нибудь на конюшнѣ, не распорядился обрѣзать кому-нибудь косу, не дошелъ до какой-нибудь дикой выходки. Въ немъ начала исчезать даже усвоенная съ дѣтства внѣшняя «порядочность», заставлявшая его отдавать приказанія высѣчь виновнаго, но не присутствовать при поркѣ, заводить связи съ дворовыми дѣвками, но не вводить ихъ при бѣломъ свѣтѣ на свою половину. Когда-то чопорный франтъ, онъ сталъ небрежно, неряшливо одѣваться и, точно глумясь надъ людьми, смущалъ всѣхъ какими-то, какъ будто умышленными цинизмомъ и распущенностью по части одежды. Гувернанткѣ приходилось потуплять глаза при встрѣчахъ съ нимъ и уводить отъ него дѣтей. Въ губерніи скоро громко заговорили о сумасшествіи Столѣтова. Его не только прокатили на вороныхъ при новыхъ выборахъ, но родня его жены, главнымъ образомъ ея два брата, служившіе и кутившіе въ Петербургѣ, стали поговаривать объ опекѣ надъ нимъ, о формальномъ признаніи его сумасшедшимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все еще самодурствовалъ и безчинствовалъ, какъ ему было угодно.

Жутко было Настасьѣ Порфирьевнѣ въ домѣ полупомѣшаннаго самодура, тѣмъ не менѣе она не покинула этого мѣста и цѣлыхъ восемь лѣтъ выжила въ домѣ Столѣтова послѣ смерти его жены, оберегая, насколько можно, его дѣвочекъ отъ всякой грязи, окружавшей ихъ. Но вотъ, этой постоянной пыткѣ насталъ конецъ. Разъ Столѣтовъ получилъ какія-то официальныя бумаги, поднялъ страшную бурю въ домѣ, грозилъ всѣхъ запороть, показать всѣмъ, что онъ не боится никакихъ опекъ, и разомъ свалился мертвымъ на порогѣ своего кабинета. Всѣ вздохнули свободнѣе. Изъ Пе-

Digitized by Google

тербурга и изъ Москвы наѣхали родные покойной Столѣтовой, начались хлопоты объ опекѣ дѣтей; мальчиковъ отдали въ казенныя учебныя заведенія, а Настасья Порфирьевна съ дѣвочками переселилась къ сестрѣ покойной Марьи Аполлоновны, гдѣ она была не чужимъ человѣкомъ, такъ какъ жила въ этомъ домѣ до поступленія къ Столѣтовымъ.

Лелѣ Столѣтовой шелъ въ это время пятнадцатый годъ. Дѣвочка была очень хороша собой, прекрасно подготовлена, смотрѣла благовоспитанной барышней, отличалась сердечностью, но, пристально всмотрѣвшись въ нее, можно было замѣтить извѣстную робость, нѣкоторую дикость, выраженіе тихой грусти, что-то говорившее, что это человѣкъ не отъ міра сего, придавленный уже съ дѣтства какимъ-то неодолимымъ гнетомъ. Какъ ни отдаляла ее Настасья Порфирьевна отъ происходившаго въ домѣ ея отца, дѣвочка все же случайно наталкивалась на горькія сцены, узнавала о томъ, что дѣлалось въ домѣ, какъ жилось крестьянамъ въ деревнѣ. Кого-то унесли чуть не полумертваго съ конюшни, какая-то дѣвушка, выдаваемая насильно замужъ за пьяницу, утопилась въ прудѣ, какая-то старуха рыдала и билась, какъ помѣшанная, оплакивая сына, отданнаго за мелкую провинность въ солдаты,—всего этого нельзя было скрыть отъ дѣтей. Одинъ видъ разоренной деревни, раскинувшейся за паркомъ, надрывалъ сердце молоденькой дѣвушки, поражая ее, какъ яркій контрастъ съ обстановкой ея дома. Уже въ дѣтствѣ она нѣсколько разъ задавала Настасьѣ Порфирьевнѣ странные вопросы:

— А Богъ за это не накажетъ?

Или:

— А если бы я папу попросила, очень, очень попросила?

Или:

— А они не убьютъ папу?

Жалость къ обиженнымъ, страхъ передъ Божьимъ гнѣвомъ, ужасъ при мысли, что крестьяне могутъ убить отца,— все это перемѣшивалось въ ея дѣтской душѣ въ невообразимый хаосъ. Въ головѣ ея являлись вопросы, на которые не находилось отвѣта у ребенка, и едва ли нашлись бы объясненія у взрослыхъ.

Настасья Порфирьевна терялась въ этихъ случаяхъ. Приходилось отдѣлываться общими фразами, ничего не объяснявшими ребенку. Съ нѣкоторыхъ поръ Настасья Порфирьевна начала подмѣчать, что дѣвочка стала особенно

Digitized by Google

горячо молиться, молиться такъ, какъ не молятся дѣти. Въ это время она должна была впервые говѣть. Въ ней проявлялось какое-то необычайное возбужденіе. Лицо ея смотрѣло тревожно; во время молитвъ проявлялась экзальтація. Въ день исповѣди дѣвочка ходила, какъ потерянная. Исповѣдывались у Столѣтовыхъ на дому, послѣ вечерняго богослуженія. Когда настала очередь Лелѣ пройти въ комнату къ священнику, ея дѣтское личико сдѣлалось блѣднымъ. Ее била лихорадка, ноги едва повиновались ей. Казалось, она идетъ не на исповѣдь, а на казнь. Но какъ ни сильно было волненіе ребенка—смущеніе священника было еще сильнѣе, когда старику, простому и добродушному, пришлось исповѣдывать дѣвочку.

Ребенокъ засыпалъ его странными вопросами.

— Вѣдь это грѣхъ, что папа такъ обращается съ людьми?—торопливо и страстно заговорила Леля.—Богъ вѣдь наказываетъ дѣтей за отцовъ? Когда жиды Бога распяли, они такъ и сказали, что Его кровь на ихъ дѣтяхъ будетъ. Насъ Богъ тоже накажетъ?

Священникъ испуганно началъ объяснять дѣвочкѣ, что объ этомъ думать ей не слѣдуетъ.

— Ты еще маленькая и это не твоего ума дѣло. Маленькіе должны старшихъ уважать. Тебѣ папашу надо слушаться, осуждать его нельзя, его любить надо.

— Я его не люблю!—коротко и рѣзко отвѣтила дѣвочка.

— Это грѣхъ, дитя мое,—сказалъ наставительно священникъ.—Большой грѣхъ.

Онъ опять началъ объяснять ребенку, какъ могъ, что отца не слѣдуетъ осуждать, что ему нужно повиноваться, что его нужно слушаться. Дѣвочка смотрѣла на него широко открытыми глазами и совершенно неожиданно, строптиво проговорила:

— Вы это неправду говорите!

Священникъ растерялся и отеръ съ лица холодный потъ. Онъ могъ только пробормотать ей:

— Молись! молись!—и торопливо накрылъ ее эпитрахилью.

Когда къ нему подошла исповѣдываться Настасья Порфирьевна, онъ въ тревогѣ проговорилъ съ нею съ полчаса о ребенкѣ. Умъ у дѣвочки не въ порядкѣ. Откуда она набралась такихъ мыслей. За ней смотрѣть надо. Отучить ее отъ мудрствованій надо.

— Отучить!—воскликнула Настасья Порфирьевна.—Какъ? Научите, батюшка!

Digitized by Google

— Гмм!—кашлянулъ священникъ.—Какъ? какъ? Трудно сказать какъ. Но и такъ же нельзя оставить!

Онъ вздохнулъ.

— Искушеніе это!

И онъ, и она въ смущеніи не знали, что дѣлать, какъ вести дальше ребенка.

Эта-то дѣвочка пятнадцати лѣтъ попала въ шумное свѣтское общество въ Москвѣ, и уже черезъ годъ у нея былъ женихъ. Это былъ молодой, подававшій большія надежды, человѣкъ, красивый и ловкій, обѣщавшій сдѣлать себѣ карьеру. Старыя барыни были безъ ума отъ него, потому, что онъ былъ боекъ и смѣлъ, умѣлъ все брать съ бою. Съ бою онъ взялъ и Елену Григорьевну, не только красавицу, но и очень выгодную невѣсту. Любила ли она его—этого она и сама не знала; во всякомъ случаѣ страстнаго увлеченія тутъ не было, да она и не была способна къ страстному увлеченію кѣмъ-нибудь изъ окружавшей ее молодежи. Ей говорили, что онъ хорошій человѣкъ; онъ ей нравился своимъ умѣньемъ быть ласковымъ и любезнымъ, ей показался онъ даже добрымъ, такъ какъ онъ соглашался со всѣми ея мечтами о помощи ближнимъ; его и ея родные торопились устроить этотъ бракъ, и въ одинъ прекрасный день Елена Григорьевна Столѣтова превратилась въ Елену Григорьевну Зарину. Молодые поселились въ Петербургѣ, гдѣ Заринъ видѣлъ болѣе широкое поприще для своей дѣятельности. Мужъ и жена быстро выдвинулись въ петербургскомъ обществѣ на довольно видное мѣсто: онъ—въ качествѣ ловкаго желѣзнодорожнаго дѣльца, идущаго вездѣ на проломъ; она—въ качествѣ благотворительницы, мягкой, доброй и «недалекой», какъ говорили тѣ, которые узнали по опыту, какъ ее легко обманывать и обирать. Много лѣтъ эта семья считалась всѣми одною изъ самыхъ счастливыхъ семей. Всѣ знали, какъ добра, какъ привѣтлива, какъ кротка Елена Григорьевна, и никто даже не подозрѣвалъ, что она можетъ быть несчастною. Правда, знали, что Заринъ грубоватъ, что онъ ловкій аферистъ, что онъ немного мѣщанинъ по натурѣ, что, наконецъ, онъ держитъ на содержаніи танцовщицу. Но все это такъ обыкновенно! Во всякомъ случаѣ, свѣтъ полагалъ, что Заринъ зависитъ во многомъ отъ жены, такъ какъ богата собственно она, а за деньги Заринъ будетъ чѣмъ угодно рабомъ. Наивный Данила Лукичъ, конечно, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, былъ убѣжденъ въ счастіи Зариной. Во-первыхъ, она казалась ему «милліонершей», во-вторыхъ,

Digitized by Google

онъ былъ убѣжденъ, что Зарины—«первые аристократы». Чего же нужно еще? Но его смущало одно обстоятельство: когда онъ заговаривалъ о счастіи Зариной съ Настасьей Порфирьевной, та рѣзко обрывала его:

— Всѣ онѣ тамъ счастливы!

Въ дальнѣйшія объясненія Настасья Порфирьевна, однако, не входила.

И вдругъ года полтора тому назадъ всѣхъ поразило извѣстіе о самоубійствѣ сына Зариныхъ. Съ чего! На этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить. Слухи были разнорѣчивы. Можно было только уловить одни замѣчанія: «При такомъ отцѣ легко дойти до самоубійства», «это отецъ довелъ его до самоубійства», «это отецъ убилъ его». Этимъ какъ бы приподнимался кончикъ завѣсы, скрывавшей семейную жизнь Зариныхъ. Потомъ разнеслись темные слухи о томъ, что другой сынъ Зарина, тоже юноша, проворовался, и его пришлось услать куда-то далеко, спасая отъ суда. И опять пронеслись замѣчанія: «что-жъ мудренаго дойти до этого при такомъ отцѣ», «по дорожкѣ отца пошелъ», «воръ отецъ и сынъ воръ», «не сына бы нужно посадить на скамью подсудимыхъ, а отца». Доходили отрывки подобныхъ замѣчаній и до Ольхина, но онъ никакъ не могъ понять, какъ могъ Зринъ довести сына до самоубійства, какъ могъ онъ, «милліонеръ», быть воромъ. Люди тоже умѣютъ плести сплетни! Чего не придумаютъ. Теперь Ольхинъ качалъ головою, раздумывая о томъ, что онъ услышалъ недавно отъ жены, отъ сына, отъ сестры, что онъ узналъ изъ газетъ о Зариныхъ...

Все это утро промечталъ онъ въ должности о Зариной; особенно тяжело ему было то, что его сынъ ѣдетъ служить къ соперницѣ этой несчастной женщины, точно отплачиваетъ черною неблагодарностью за ея благодѣянія...

Въ четыре часа онъ направился домой. Онъ и жена садились за столъ, когда дверь въ комнату распахнулась, и на порогѣ появился Викторъ. Онъ былъ развязенъ, веселъ, лицо смотрѣло открыто.

— Здравствуй, мама! Здравствуй, отецъ!

Отецъ посмотрѣлъ на него мокрой курицей, все еще чувствуя себя виноватымъ передъ нимъ, еще болѣе виноватымъ уже потому, что сынъ, повидимому, даже не сердился на него.

— А я вчера весь день провелъ у Чупровой,—заговорилъ Викторъ, стягивая перчатку и садясь за столъ.—Зринъ былъ. Играли въ винтъ. Право, не повѣришь, что это такой важный тузъ и милліонеръ. Сидитъ въ халатѣ, ру-

Digitized by Google

башка на груди разстегнута. Волосатая плебейская грудь. Крупные кулаки для зуботычинъ рабочимъ. Вульгарныя манеры и крупная соль въ рѣчахъ. Подрядчикъ, а не камергеръ. Но кто уморителенъ—это мать Чупровой. Прачкой и унтершей такъ и осталась, а въ шелковомъ платьѣ, въ нарядномъ чепцѣ и новыя словца говоритъ: «антиресно», «сентипатечно» и «совсѣмъ польдекокъ»... Заринъ за бока держался отъ этого «совсѣмъ польдекока»... Научилъ онъ ее играть въ винтъ. Смѣхъ просто. Проигрываетъ и ругается, точно торговка на Сѣнной площади. Она въ рукахъ всѣхъ держитъ. Но я, хоть она и смѣшна, радъ, что она не поѣдетъ съ нами. Это хорошо для потѣхи на часъ, на два, но жить съ ней постоянно, благодарю покорно. Никоновъ мнѣ замѣтилъ, что съ ней я не ужился бы.

При упоминаніи этой фамиліи у матери сбѣжала съ лица краска. Викторъ продолжалъ:

— Да, кстати, Никоновъ велѣлъ тебѣ кланяться!

Мать растерянно пробормотала:

— Какой Никоновъ? Я не знаю никакого...

Сынъ пояснилъ:

— Александръ Николаевичъ Никоновъ.

Ольхина сдѣлала надъ собой усиліе и твердо, почти рѣзко сказала:

— Я тебѣ говорю, что никакого Никонова не знаю!

— Забыла вѣрно. Онъ говоритъ, вы давно не встрѣчались,—произнесъ сынъ и продолжалъ разсказъ:—Кстати, я тебѣ еще не говорилъ: это вѣдь онъ меня и опредѣлилъ. Онъ старый пріятель Зарина. Милый человѣкъ. Онъ долго жилъ въ провинціи, губернаторомъ, что ли, служилъ; съ Заринымъ они однокашники. Со мной встрѣтился случайно у твоей старой знакомой Лялиной. Обрадовался, обласкалъ, разспрашивалъ, какъ я живу, что намѣренъ дѣлать...

Пелагея Никитична, тяжело дыша, странно взглянувъ на мужа, взволнованно поспѣшила перемѣнить разговоръ:

— Такъ ты говоришь, что эта старуха, мать Чупровой, не поѣдетъ? Это хорошо, если она такая неуживчивая.

— О, мнѣ въ сущности все равно! Я бы ужился. Я и теперь уже въ ладахъ съ нею. Сталъ разспрашивать о ея молодости, о прежней жизни. Затараторила, расчувствовалась, а потомъ говоритъ: «вотъ душу хоть отвела съ тобой». Она всѣмъ говоритъ: «ты». «Здѣсь за шутиху держатъ. Въ винты играй съ ними. Что мнѣ винты? Не будь я зубаста,

Digitized by Google

на шею сѣли бы. Ну, да я знаю свое мѣсто. Я мать. Я шкандалъ могу во всякое время сдѣлать. Боятся!»

Онъ принялъ серьезное выраженіе лица.

— Признаюсь, я могъ бы растеряться въ этомъ странномъ домѣ: грубая унтеръ-офицерша, взбалмошная и вульгарная балетчица и камергеръ, желѣзнодорожный дѣлецъ, милліонеръ съ манерами мясника, подрядчика. Никоновъ, однако, указалъ мнѣ путеводную нить. Заринъ былъ всегда вульгаренъ по натурѣ, мѣщанинъ и барышникъ въ душѣ. Отъ матери, замоскворѣцкой купчихи, унаслѣдовалъ вкусы. Черезъ отца попалъ въ хорошій кругъ, занялъ положеніе въ обществѣ при помощи своихъ способностей дѣльца и денегъ жены, но фракъ все же тѣснилъ, щепетильная жена...

Онъ обернулся съ усмѣшкой къ отцу.

— Знаешь, какъ ее называетъ Никоновъ? Дочерью старой дѣвы и замужней весталкой.

Старикъ, давно уже успѣвшій подъ звуки этой болтовни унестись въ своихъ думахъ за тридевять земель, очнулся и не сразу, повидимому, понялъ, что говоритъ сынъ. Онъ только уловилъ одну фамилію Никонова.

— Никоновъ?.. Никоновъ?.. Ты вотъ второй разъ называешь его... Знакомая фамилія... Гдѣ я слыхалъ?

Ольхина почти со злобой поторопилась сказать:

— Никоновъ! Ивановъ! Николаевъ!.. Мало ли знакомыхъ фамилій.

— Да, да, только показалось, что слышалъ,—оправдался Данила Лукичъ.

— Глупости вѣчно кажутся!—рѣзко сказала жена.

Сынъ продолжалъ:

— Онъ сравнилъ Зарина съ мужикомъ, сдѣлавшимся милліонеромъ: все у того есть—деньги, дома, лошади, лучшія кушанья, а все его что-то сосетъ, чего-то недостаетъ—вдругъ попался ему хлѣбъ съ мякиной, простой крестьянскій хлѣбъ изъ деревни Голодаевки, обрадовался онъ, наѣлся, набилъ себѣ животъ, какъ кирпичами, и сосать подъ ложкой перестало. Чупрова—это хлѣбъ съ мякиной для Зарина. Ему недоставало, чтобы кто-нибудь его ругалъ площадными словами, какъ мать Чупровой, и любилъ площадной любовью, какъ сама Чупрова.

Онъ пришелъ въ восторгъ, вспомнивъ рѣчи Никонова.

— Ахъ, мама, какъ онъ остроуменъ, находчивъ, когда не ханжитъ. Мы совсѣмъ сошлись съ нимъ, точно родные. Немного даже разсентиментальничался со мною. Говоритъ,

Digitized by Google

что я напоминаю ему его покойнаго сына. Что-жъ, я очень доволенъ. Радъ стараться! Конечно, онъ немного осѣлъ; иногда брюзжитъ на легкомысліе молодежи, будируетъ на общество за паденіе нравственности, богомольствуетъ и смиренномудрствуетъ. Вліяніе бурно прожитой молодости, начало старости! Это онъ самъ говоритъ, когда кается за свои прошлыя ошибки. Вѣроятно, молодость провелъ очень бурно. Это и теперь видно: смиренничаетъ, да вдругъ и прорвется какимъ-нибудь анекдотцемъ изъ сала девяносто шестой пробы. Оно и понятно. Изъ такого круга! Какіе-нибудь романы были. Онъ, должно-быть, въ свое время былъ интересенъ. Брюнетъ, какъ я, такого же роста. О, въ него, вѣрно, влюблялись разныя легонькія бабенки. Надо будетъ когда-нибудь при случаѣ разспросить Лялиныхъ; это вѣдь ходячія хроники петербургскихъ скандальчиковъ и адюльтеровъ...

Ольхина сидѣла, крѣпко стиснувъ зубы, какъ приговоренная къ смерти, затаивъ дыханіе, чувствуя, что ей что-то сдавливаетъ горло

IV.

На заднемъ дворѣ, куда выходили окна квартиры Ольхиныхъ, всегда почти было безлюдье и царствовала тишина. Но лѣтомъ здѣсь все-таки шмыгала прислуга, болтали кухарки съ дворниками, изъ открытыхъ оконъ доносились звуки пѣнія или фортепіано, и откуда-то съ улицы долеталъ грохотъ колесъ — какой-то смутный гулъ городской жизни, похожій на шумъ далекаго, бурнаго моря. Зимой же на дворѣ воцарялось такое мертвое затишье, какъ будто это была могила. Никогда въ прежнее время Ольхины не обращали особеннаго вниманія ни на оживленіе своего двора, ни на его затишье. Теперь же, когда уѣхалъ Викторъ, тишина и пустынность стала ихъ раздражать. Не разъ Пелагея Никитична съ озлобленіемъ замѣчала:

— Господи, точно въ тюрьмѣ мы живемъ, лица человѣческаго не увидишь, словно вымерло кругомъ.

Ее раздражала даже глухая стѣна противоположнаго дома, выходившая на ихъ дворъ.

— И выдумали тоже выкрасить стѣну красною краской,— говорила она.—Смотрѣть тяжело!

Ихъ неказистая квартира начала дѣлаться просто ненавистною ей, какъ тюрьма, какъ гробъ, какъ могила.

Въ послѣднее время, то-есть съ начала учебнаго года до

Digitized by Google

опредѣленія на мѣсто гувернера къ дѣтямъ Чупровой, Викторъ былъ рѣдкимъ гостемъ дома. Утромъ онъ собирался въ гимназію, которой, впрочемъ, и не думалъ посѣщать, и пропадалъ гдѣ-то до того часу, когда гимназисты выходили изъ классовъ. Отобѣдавъ дома и отдохнувъ часъ или два, онъ шелъ «къ товарищамъ заниматься», какъ говорилъ онъ, и возвращался только къ ночи. Тѣмъ не менѣе, въ квартирѣ Ольхиныхъ послѣ его отъѣзда почувствовалась извѣстная пустота, точно изъ нея вынесли покойника. Некого было провожать, некого было поджидать въ извѣстные часы. За чаемъ, за обѣдомъ, за кофе, не слышалось бойкой болтовни о новостяхъ улицъ и газетъ, болтовни мальчугана въ роли взрослаго фланера. Эта болтовня вносила въ семью разнообразіе, вызывала улыбки на лица отца и матери, иногда смѣшила ихъ до слезъ. Старикъ Ольхинъ привыкъ къ ней и, не слыша ея теперь, почти безсознательно вздыхалъ за чаемъ или за обѣдомъ и тихо говорилъ:

— Гдѣ-то теперь Викторъ? Что-то подѣлываетъ? Можетъ-быть, тоже теперь о насъ думаетъ...

Даже Аксинья вздыхала о молодомъ баринѣ, всегда шутившемъ съ нею утромъ, когда онъ, только что вставъ съ постели, мылся холодной водой у крана въ кухнѣ, слегка сальничая и говоря двусмысленности.

— Шутникъ вы, баринъ,—говорила она, застѣнчиво отворачивая румяное лицо.

— А ты красавица!—шутилъ онъ, щипля ее.

«Не я красавица, а ты красавецъ», — мелькало въ ея головѣ. Она, простая деревенская дѣвушка, полная силъ и здоровья, отдала бы ему всю жизнь, если бы это было ему нужно. Но онъ не требовалъ никакихъ жертвъ и ограничивался тѣмъ, что дозволялъ ей услуживать ему, какъ послѣдней рабѣ, отплачивая ей за это милостивыми шутками, снисходительной фамильярностью.

Особенно же сильно почувствовала пустоту въ домѣ Пелагея Никитична. Раза два она замѣтила Аксиньѣ:

— Что же ты третьяго прибора не поставила?

— Да развѣ нынче ждете кого, барыня? — спрашивала ее Аксинья.

— Для Виктора приборъ,—поясняла Ольхина и тутъ же вспоминала, что Викторъ уже не придетъ.

Аксинья вздыхала:

— Далеко теперь нашъ голубчикъ, Викторъ Даниловичъ!

— Да, да... — отзывалась растерянно Ольхина.—Далеко!

Digitized by Google

И впадала въ мрачное раздумье, не слыша разспросовъ Аксиньи о томъ, въ какихъ земляхъ теперь молодой баринъ, какъ живутъ тамъ люди, какая прислуга.

Передъ наступленіемъ ночи Ольхина, на второй день послѣ отъѣзда сына, вынула чистое постельное бѣлье и велѣла кухаркѣ приготовить постель для сына на диванѣ, какъ это дѣлалось всегда прежде. Аксинья только безнадежно махнула рукой и пробормотала:

— Нѣтъ, ужъ не стлать, видно, больше постельки ему, нашему красавчику!

И съ искреннимъ чувствомъ прибавила:

— Глазкомъ бы взглянула, какъ онъ тамъ, гдѣ... Поди, и позаботиться некому... Здѣсь-то все бывало: «Аксюша! Аксюша!» А тамъ кто прислужитъ, кто сапожки съ ножекъ стянетъ?..

По ея молодому, румяному крестьянскому лицу скатились слезинки.

По цѣлымъ часамъ Ольхина сидѣла неподвижно, устремивъ глаза въ пространство, опустивъ безпомощно на колѣни руки, ни о чемъ не думая, ничего не видя, точно застывши въ этой позѣ. Потомъ, очнувшись, она вздрагивала, припоминая, что случилось, отирала выступавшія на глаза слезы.

— Господи, что это со мной дѣлается? Давно этого не было со мной,—шептала она.

И ей невольно начало вспоминаться это давно прошедшее время, когда на нее находилъ такой же столбнякъ. Лѣтъ девятнадцать тому назадъ это было. Тогда тоже она потеряла одного человѣка; тогда тоже ощущала она вокругъ себя пустоту. Человѣкъ, неожиданно ушедшій тогда отъ нея, былъ теперь здѣсь; ея сынъ — его сынъ, сказалъ ей это, принесъ отъ него поклонъ. Въ ея душѣ поднялось негодованіе на этого человѣка. Онъ смѣетъ еще посылать ей поклоны, напоминать о себѣ! Бросилъ ее, когда у нея начало биться подъ сердцемъ дитя; не вспомнилъ о ней въ теченіе девятнадцати лѣтъ; не освѣдомился, жива ли она, живъ ли его ребенокъ, не голодаютъ ли они, а теперь посылаетъ поклоны. Не будь у нея такой простой и добрый мужъ, она, можетъ-быть, давно погибла бы съ своимъ сыномъ. Какъ въ былые годы, въ ней пробуждалась на время порывистая любовь къ мужу, она старалась особенно угождать старику, и онъ, растроганный ея мелкими заботами и вниманіемъ, говорилъ ей:

— Тяжело тебѣ, Поля, безъ Вити?.. Что дѣлать, что дѣ-

Digitized by Google

лать!.. Всегда такъ бываетъ: растишь, растишь дѣтей, а потомъ и уйдутъ... Такова родительская доля... Нельзя молодежь въ клѣткѣ около себя посадить. Воля ей нужна, просторъ нуженъ... Дай Богъ только, чтобы онъ-то былъ счастливъ...

О, да, дай Богъ, чтобы хоть онъ-то былъ счастливъ! Красавецъ, дорогой, ненаглядный! Какъ онъ похожъ на того, бросившаго ее человѣка! Какъ безумно увлекалась она тѣмъ человѣкомъ. Это было опьянѣніе, безуміе. Думалось тогда: «хоть день, да мой!» Ну, и взяла она у жизни этотъ день счастія, украла тайкомъ и насладилась имъ вполнѣ. А онъ— любилъ ли ее онъ, этотъ бросившій ее человѣкъ? Она не могла отвѣтить на это. Вѣроятно, не любилъ, если бросилъ. Но и съ его стороны животная страсть проявлялась безумно. Оба они походили на пьяныхъ, не отдающихъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда онъ уѣхалъ въ провинцію на мѣсто, и она осталась одна, она походила на помѣшанную, не знала, что дѣлать, приходила въ отчаяніе, опустилась, забросила старыхъ знакомыхъ. Мужчины въ такомъ состояніи запиваютъ, женщины впадаютъ въ тупую апатію или окончательно развращаются. Ее только и спасъ ея мальчикъ, ея ненаглядный Викторъ. Имъ однимъ жила она всю жизнь со дня его рожденія и до настоящаго времени. А тотъ, отецъ его, повидимому, легко перенесъ разлуку, не писалъ ей, не узнавалъ о ней. Неужели онъ могъ такъ сразу вырвать ее изъ своего сердца, забыть о ней? Или и его жизнь сложилась такъ несчастно, что пришлось навсегда порвать со всѣмъ прошлымъ? Откуда, у кого узнать? Ей вспомнились слова сына, что Никоновъ осѣлъ, что онъ кается за какія-то ошибки молодости, что онъ кажется не совсѣмъ счастливымъ человѣкомъ. «Да, она была глубоко несчастна тогда; онъ несчастливъ теперь. Радъ бы былъ, если-бъ смѣлъ назвать ея сына своимъ сыномъ. Онъ богатъ и могъ бы составить счастье Виктора, если бы...»

«О, въ него вѣрно влюблялись разныя легонькія бабенки»,—вспомнилась ей развязная фраза сына, и она почти съ ужасомъ шептала:

— Нѣтъ, нѣтъ, Викторъ этого никогда не узнаетъ, никогда этотъ человѣкъ не заступитъ мѣста отца Виктору...

Въ головѣ мелькала злая, мстительная мысль:

— Ему это наказаніе: имѣть сына, видѣть его и не смѣть назвать сыномъ!..

Она опять застывала на мѣстѣ съ тупо устремленнымъ въ пространство взглядомъ, съ безпомощно опущенными на

Digitized by Google

колѣни руками. Въ головѣ же проносились мысли, что уже потому никогда она не встрѣтится съ этимъ человѣкомъ, чтобы онъ не увидалъ, чѣмъ стала она. Съ горькой усмѣшкой она бросала взглядъ на свое неряшливое платье, на руки безъ манжетъ, на стоптанные полусапожки. Какъ она опустилась въ эти годы! Незамѣтно для самой себя, она перестала сперва посѣщать старыхъ знакомыхъ не то изъ страха, чтобы они не проговорились въ ея домѣ о Никоновѣ, не то вслѣдствіе необходимости няньчиться съ ребенкомъ, не то ради того, что у нея стали обнашиваться прежнія платья, а для новыхъ не было средствъ. Потомъ она перестала заботиться о своемъ туалетѣ, стала неряшливой, не умѣя няньчить дѣтей и соблюдать чистоту, не обладая способностью къ экономіи, къ разсчетливости. Чѣмъ больше усложнялось хозяйство съ рожденіемъ и смертью дѣтей, тѣмъ сильнѣе опускались у нея руки. По зимамъ, когда ее мучительно тянуло по субботамъ во французскій театръ, когда она тамъ изъ райка смотрѣла на своихъ прежнихъ знакомыхъ, она почти съ ужасомъ сознавала, какъ опустилась она, обтрепалась, измызгалась. Но подняться, упорнымъ трудомъ починить прорѣхи, экономіей побѣдить нужду у нея не было ни привычки, ни способностей, ни силъ. Она негодовала на нужду—и только. А мужъ...

— Блаженненькій! Мѣста перемѣнялъ, карьеру всю испортилъ изъ страха, что взятку получить могъ бы на томъ или другомъ мѣстѣ! — съ негодованіемъ восклицала она.— Честнымъ себя называлъ, а семью загубилъ! Сынъ изъ-за него курса не кончилъ, дочери въ пріютѣ, какъ нищія, живутъ, я... Господи, да я провалилась бы сквозь землю, если-бъ меня увидалъ теперь *онъ!*..

Въ ея душѣ пробуждалась ненависть къ мужу; она встрѣчала его угрюмо, говорила отрывисто. Онъ не упрекалъ ее, понималъ, что она тоскуетъ по сынѣ, оправдывалъ ее въ душѣ. Мать она, какъ же ей не тосковать, не скучать?

Она оживала только въ тѣ дни, когда получались письма отъ сына, живо напоминавшія матери его манеру выражаться, его обороты рѣчи, его характеръ бесѣды. Мелкія подмѣченныя черточки жизни, яркія внѣшнія характеристики лицъ, улавливаніе комическихъ или пикантныхъ сторонъ въ каждомъ явленіи, перескакиваніе отъ предмета къ предмету, что-то напоминавшее о пестромъ, нарядномъ мотылькѣ, порхающемъ на солнцѣ среди цвѣтовъ — все это было щедро разбросано и въ его письмахъ, какъ и въ его

Digitized by Google

бесѣдахъ, какъ брызги фонтана, какъ огоньки фейерверка. Мать восхищалась этимъ, цѣловала эти письма, которыхъ касались его руки, носила и эти листки, и конвертъ, въ которомъ они были присланы, въ карманѣ платья, перечитывала ихъ самой себѣ и Аксиньѣ. Но въ этихъ письмахъ были также строки, смущавшія ее. «Александръ Николаевичъ написалъ мнѣ длинное письмо, — писалъ Викторъ въ одномъ письмѣ. — Это мило съ его стороны. Заботится, хорошо ли мнѣ жить у Заринихъ. Проситъ не скрывать ничего. Для чего же скрывать, если онъ можетъ и желаетъ быть мнѣ полезнымъ?»

— Кто это Александръ Николаевичъ?—спрашивалъ Ольхинъ у жены, прерывая чтеніе письма.

— Право, не знаю... Изъ знакомыхъ кто-нибудь,—отрывисто говорила она.

Ольхинъ задумывался, вспоминалъ.

— Да это же Никоновъ! Да, да, Викторъ называлъ его Александромъ Николаевичемъ.

— Очень можетъ быть,—равнодушнымъ тономъ, скрывая смущеніе, соглашалась она.

— Да не «можетъ быть», а навѣрное,—утверждалъ Ольхинъ и шутилъ:—ага, память-то и у тебя плоховата стала, а все меня безпамятнымъ зовешь.

Въ другомъ письмѣ Викторъ сообщалъ, что Никоновъ встревожился, долго не получая отъ него, Виктора, писемъ, и сдѣлалъ запросъ о немъ Зарину.

— Добрый человѣкъ,—замѣтилъ Ольхинъ, прочитавъ это мѣсто въ письмѣ Виктора.—Надо бы поблагодарить...

— Да Викторъ, конечно, и благодаритъ его,—торопливо сказала Ольхина.—Не намъ же благодарить его. Это было бы навязчивостью, испортило бы его отношенія къ Виктору...

— Чѣмъ же?—недоумѣвалъ Ольхинъ.

Было еще письмо, которое она просто скрыла отъ мужа. Въ немъ Викторъ писалъ: «Положительно Никоновъ меня вербуетъ въ сыновья взамѣнъ его покойнаго сына. Что-жъ, я готовъ. Такого отца имѣть не дурно...»

Но письма получались не часто, а безъ нихъ Ольхину охватывала тоска. Разъ въ одну изъ такихъ минутъ тоскливаго настроенія мужъ заявилъ ей:

— А Настя писала мнѣ, что нынче въ субботу отпустятъ къ намъ Лизу на воскресенье. Все же хоть полтора денька не будемъ одни...

Пелагея Никитична не обрадовалась, даже не притвори-

Digitized by Google

лась обрадованной. Дочери были ей чужды. Она очень рѣдко видѣла ихъ, вовсе не знала ихъ характеровъ, ихъ образа мыслей, только смутно чувствовала, что «старая злючка» была болѣе имъ матерью въ духовномъ отношеніи, чѣмъ она. Сообщивъ женѣ радостную для него самого новость, Данила Лукичъ не замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвела она на жену, и захлопоталъ: направился въ кухню, чтобы распорядиться насчетъ завтрашняго обѣда, потомъ побѣжалъ въ овощную лавку, чтобы купить для дорогой гостьи чего-нибудь сладкаго, «мармеладу и орѣшковъ», какъ презрительно говорила Пелагея Никитична.

Лиза пришла на другой день почти въ одно время съ отцомъ, свѣженькая отъ мороза, граціозная даже въ своемъ узенькомъ казенномъ платьѣ. Она съ веселой улыбкой нѣсколько разъ поцѣловала мать и отца и быстро заговорила:

— Скучаете вы, я думаю, о Викторѣ?

— Да, да, пусто какъ-то стало,—замѣтилъ со вздохомъ отецъ.—Вотъ и дѣти есть, а одни остались. Ахъ, дѣти, дѣти! Растишь, воспитуешь, а нельзя оставить на весь вѣкъ около себя. Вотъ и ты съ сестрами въ чужомъ домѣ живете.

— Что-жъ дѣлать, папа,—перебила его слова Лиза:—ссли средствъ не было дома воспитывать. Слава Богу, что хоть Виктору могли дать образованіе. Жаль только, что онъ бросилъ гимназію, не кончивъ курса. Вотъ за что слѣдовало журить...

— Да, жаль, жаль,—согласился отецъ.—Два годика протянуть бы, а то...

— Викторъ и безъ диплома сдѣлаетъ карьеру,—вмѣшалась въ разговоръ мать, разливая супъ.

— Все же аттестатъ былъ бы не лишній,—сказала дочь.—Я вотъ и не думаю идти въ гувернантки, а все же гимназическимъ дипломомъ запасусь. Это не лишнее.

Мать посмотрѣла на нее недружелюбно, сердясь за то, что дочь осуждаетъ брата, и спросила:

— Да, кстати, отецъ говорилъ, что тебѣ пришла фантазія на фельдшерскіе курсы поступить. Что за нелѣпость?

— Нелѣпость?—съ удивленіемъ переспросила дочь.—Это же полезная дѣятельность.

— Такъ, такъ,—поспѣшилъ согласиться отецъ и прибавилъ:—полезная, полезная, слонъ нѣтъ, но знаешь ли, Лизокъ, я боюсь... за тебя боюсь...

Лиза улыбнулась.

— Думаешь, не выдержу? Глупости! Я насмотрѣлась у

Digitized by Google

насъ на больныхъ, на операціи, самой приходилось возиться съ ребятишками, перевязки дѣлать. Я выдержу. Ты меня, папа, не знаешь, я выносliва...

— Да что говорить, что говорить, молодецъ ты у меня,— ласково заговорилъ онъ:—а все же...

— Что же это ты въ деревнѣ намѣрена жить, съ мужиками?—съ ироніей спросила мать.

— Да, гдѣ-же фельдшерицѣ и жить, какъ не въ деревнѣ,— отвѣтила дочь.—Въ гувернантки—не лежитъ у меня душа, мама, къ этому дѣлу, въ чужихъ домахъ жить, учить Богъ вѣсть кого...

Она вспомнила что-то и обратилась къ отцу:

— Кстати, Сысоевъ, нашъ новый попечитель... Помнишь, тетя тебѣ о немъ говорила?.. Предлагаетъ мнѣ поступить къ нему гувернанткой, даже безъ диплома. Странный человѣкъ! Въ пріютѣ усчитываетъ каждый грошъ, требуетъ, чтобы дѣтей чуть не голодомъ морили, а обо мнѣ заботится, каждый разъ разспрашиваетъ, что я думаю дѣлать, упрекаетъ тетю, что меня заставляютъ дежурить на кухнѣ. «Вы, говоритъ, не какая-нибудь дѣвчонка, а барышня!»

— Что онъ женатый или вдовецъ? — неожиданно спросила мать.

— Право, не знаю,—отвѣтила дочь.

— Я не понимаю, почему отказываться отъ мѣста, если предлагаютъ выгодныя условія,—сказала Пелагея Никитична.

— Я же, мама, говорила вамъ, что меня не манитъ карьера гувернантки.

Мать вспылила:

— Да, а какого-нибудь мужика, парня лѣчить Богъ вѣстъ отъ какой болѣзни—это манитъ? Нечего сказать, подходящее для дѣвушки занятіе! Нѣтъ, прежде нужно стыдъ потерять, а потомъ фельдшерицей стать. Да я женщина, а и то со стыда сгорѣла бы, если бы мнѣ пришлось выслушивать и осматривать какого-нибудь мужика. Надо ужъ совсѣмъ не имѣть женственности, совсѣмъ потерять стыдливость, чтобы идти на такое дѣло.

Лиза вспыхнула до ушей. Это никогда ей и въ голову не приходило.

— Я считаю это святымъ дѣломъ! — сказала она рѣзко.

— Это развратъ, а не святое дѣло!—перебила ее запальчиво мать.—Да, одинъ развратъ!

Ольхинъ смутился, испугался ссоры.

— Полно, Пелагея Никитична, какъ же такъ, какъ же

Digitized by Google

такъ? Зачѣмъ же стали бы поощрять, курсы эти устраивать,—началъ онъ.—Развратъ! Развѣ стали бы поощрять развратъ? Какъ можно!.. Вѣрно же, это нужно и полезно, если признали за благо...

— Ахъ, что ты понимаешь!—оборвала его жена.—Мало ли что нынче устраиваютъ, признаютъ за благо...

Она съ усмѣшкой обернулась къ дочери:

— Но я не понимаю почтенной Настасьи Порфирьевны. Старая весталка, строгая дѣвственница, какъ она-то допустила тебя до этой мысли!

— Вы, знаете, мама, тетя человѣкъ дѣла,—серьезно отвѣтила Лиза:—и не гнушается никакимъ трудомъ, лишь бы онъ былъ полезенъ и честенъ. Правда, и она отговаривала сначала меня отъ этого дѣла, но только потому, что боялась за мои силы. Самое же дѣло ей кажется хорошимъ, благотворнымъ...

— Благотворнымъ! благотворнымъ!—повторяла съ негодованіемъ Ольхина.—Вы, тамъ, кажется, всѣ помѣшались на подвигахъ филантропіи, и Настасья Порфирьевна, и ея адъютантъ въ юбкѣ, Ольга Леонтьевна, и ты тоже.

Лиза неожиданно разсмѣялась. Мать въ недоумѣніи взглянула на нее строгими глазами.

— Что ты?

— Да развѣ можно сердиться за это на людей, мама?—проговорила она.

Ольхинъ вступился за обвиняемыхъ.

— Ты не права, Пелагея Никитична, не права! Настя всею жизнью показала, что можно жить для другихъ. Ольга Леонтьевна тоже такъ предана воспитанію сиротъ...

— Старыя, высохшія дѣвы, ходячія прописныя истины,—съ злой ироніей проговорила жена.—Не признаютъ ничего, кромѣ узкой морали, никогда не жили сердцемъ, никогда не знали увлеченій и воображаютъ, что всѣ могутъ такъ жить, вбиваютъ эти же идеи молоденькой, неопытной дѣвочкѣ...

Она обернулась къ дочери и насмѣшливо спросила:

— Ужъ не дала ли ты кстати и обѣта остаться весталкой, обречь себя на участь старой дѣвы?

— Мнѣ, мама, эти мысли и въ голову не приходили,—просто сказала Лиза.—Заранѣе не стоитъ угадывать судьбу. Все равно не угадаешь.

И, обратившись къ отцу, она весело стала разсказывать о своихъ взрослыхъ подругахъ по пріюту. Онѣ читаютъ потихоньку разные переводные романы и только и говорятъ

Digitized by Google

о томъ, за кого онѣ выйдутъ замужъ. Всѣ непремѣнно за офицеровъ хотятъ выйти замужъ. Придется швеями, горничными, нянъками быть, а какъ заговорятъ о женихахъ, сейчасъ слышишь: «Я непремѣнно за военнаго выйду». Бѣдныя, утѣшаютъ себя хоть этимъ. Дома ихъ ждетъ не радостная участь, трудъ предстоитъ не сладкій, вотъ онѣ и тѣшатся грезами о какихъ-то герояхъ, которые придутъ къ нимъ, влюбятся въ нихъ и похитятъ ихъ.

Ольхинъ оживился при словахъ дочери о мечтахъ.

— Да, да, голубчикъ, мечты—одно утѣшеніе, когда жизнь не сладка,—заговорилъ онъ и добродушно улыбнулся.— Вотъ я—кѣмъ, кѣмъ я не воображалъ себя въ мечтахъ, чуть полководцемъ себя не представлялъ. Я-то—полководецъ! Что-жъ подѣлаешь: жизнь сѣренькая, хмурая, пасмурная, а въ мечтахъ все такъ свѣтло, радужно, лучезарно...

— Это ты тамъ, у себя, въ архивѣ, мечтаешь? — спросила весело Лиза.—А Михей разсказываетъ, что турки ничего дерутся, венгерцы тоже ничего дерутся, французы тоже ничего дерутся? Да? А Василій все пропадаетъ, попрежнему ободраннымъ приходитъ, и все замѣнить его хотите?

Она вскочила, окончивъ обѣдъ, и, поблагодаривъ мать, бросилась къ отцу:

— Голубчикъ, какъ часто я думаю о тебѣ тамъ, у насъ. Стану думать, думать, и ты, какъ живой, встаешь передъ глазами тамъ, въ своемъ полутемномъ архивѣ, и хочется угадать, что ты дѣлаешь, о чемъ ты думаешь, здоровъ ли, счастливъ ли...

Ольхинъ былъ растроганъ, на его глаза уже навертывались слезы, какъ вдругъ Пелагея Никитична насмѣшливо проговорила:

— А изъ тебя настоящую институтку сдѣлали!

— Чѣмъ же, мама?—съ удивленіемъ спросила Лиза.— Ты тоже, я думаю, часто думаешь обо мнѣ, о сестренкахъ. Да, вѣдь?

Ольхинъ поторопился подтвердить ея мысль:

— Еще бы! еще бы! Иногда такъ замечтается, задумается, что ничего не видитъ и не слышитъ, точно спитъ съ открытыми глазами.

— А! вотъ видишь, вотъ видишь, мама! И тебя уличили!—засмѣялась Лиза и бросилась ее цѣловать.

У Пелагеи Никитичны мучительно защемило сердце. Ей точно бросили въ лицо горькій упрекъ, обидную насмѣшку, не давъ возможности даже протестовать. Никогда она не

Digitized by Google

думала о дочеряхъ. Но развѣ можно было громко въ этомъ сознаться? Чтобы скрыть свое смущеніе, она поспѣшно захлопотала около стола, помогая служанкѣ убрать посуду. Лиза же продолжала говорить съ отцомъ. Все хорошо, но безпокоитъ ее въ послѣднее время что-то необычайное въ теткѣ. Настасья Порфирьевна все прихварываетъ. Скрываетъ это, но это ясно видно.

— И, по обыкновенію, сердится, когда застанешь ее привалившеюся на диванѣ и спросишь, здорова ли она. Вспылитъ сейчасъ и ворчитъ: «И прилечь не смѣй! Кажется, я у себя дома. Ну, вздумалось полежать, вотъ и прилегла. Не плясать же мнѣ. Не годъ лѣта ужъ!»

— Всегда такою была, всегда болѣзни боялась, какъ постыдной слабости или недостатка,—замѣтилъ Ольхинъ.—Я вѣдь ее съ дѣтства помню; мальчикомъ еще былъ, когда она такою уже была по характеру, какъ теперь...

— И Ольга Леонтьевна тоже хмурая ходитъ, — продолжала разсказывать Лиза.—Видитъ, что тетя нездорова и еще упорнѣе поджимаетъ свои губы. У нея вѣдь это первый признакъ заботы, неудовольствія или горя. Я какъ-то замѣтила ей, что тетя, кажется, прихварываетъ, а она: «что это ты, Лиза, каркаешь. У тебя только и рѣчей: «тетя больна, тетя нездорова». Радуетъ это, что ли, тебя?» И поджала сердито губы. А я вѣдь ее знаю, сердце у нея ноетъ, сама она все это видитъ и молчитъ только потому, что тети не любитъ, чтобы говорили о ея болѣзни.

— Хорошая дѣвушка, добрая, — сказалъ съ чувствомъ Ольхинъ.

— Да, да, папа, хорошая, но странная; ахъ, какая странная!—воскликнула Лиза.—Ты знаешь, мы всѣ любимъ тетю, а она не любитъ ее, но молится на нее, думаетъ ея умомъ, видитъ ея глазами. Мы споримъ съ тетей, а она,—ей это кажется чуть не святотатствомъ. Дня нея тетя божество. Если бы ты слышалъ, какъ она объясняется съ тѣми, которые приходятъ справляться при отдачѣ къ намъ дѣтей, хорошо ли устроенъ пріютъ. Сейчасъ вспыхнетъ, закипятится: «У насъ начальница не какая-нибудь съ вѣтра взятая! Мамаша съ шифромъ вышла изъ института первою! Педагогикой весь вѣкъ занималась въ лучшихъ домахъ и всѣ ученыя книги прочла! Геніальная женщина, а вы спрашиваете: хорошо ли у насъ!» Вотъ истинно преданная душа,—простая, недалекая, наивная, но тетя про нее всегда мнѣ говоритъ: «Ольга чего не поймета умомъ, то угадаетъ сердцемъ!»

Digitized by Google

Не вмѣшиваясь въ разговоръ мужа и дочери, Пелагея Никитична принялась за перешиваніе какого-то стараго лифа. Она не любила вообще шить, но перешивать что-нибудь старое ей было просто противно. Она принималась за такую работу только тогда, когда уже прорѣхи на одеждѣ дѣлались слишкомъ велики или когда ей хотѣлось забыться. Въ этотъ вечеръ ее охватило именно такое настроеніе: хотѣлось ни о чемъ не думать, все забыть. Но это было не легко сдѣлать: думы, не веселыя, мрачныя, сами собою тяжелою вереницею возникали въ головѣ. Вотъ мужъ и дочь немолчно и весело болтаютъ о какихъ-то пустякахъ, о двухъ глупыхъ старыхъ дѣвахъ, о ихъ сентиментальныхъ отношеніяхъ, о взаимныхъ славословіяхъ. Все это чуждо ей, все это только раздражаетъ ее. Эти двѣ старыя дѣвы, Настасья Порфирьевна и Ольга Леонтьевна, по разсказамъ Лизы, являются какими-то подвижницами, преданными всею душою дѣлу личностями. А въ сущности, онѣ просто не вышли по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ замужъ, и потому стали рисоваться въ роли какихъ-то дѣятельницъ. Смѣшны онѣ до крайности по виду, по манерамъ, по взглядамъ на жизнь. Въ характерахъ у обѣихъ много нетерпимости, рѣзкостей, острыхъ угловъ. Еще бы! знаютъ только одну сторону жизни, не жили сердцемъ, не отдавались страсти, не любили, не падали. Воображаютъ, что можно жить по правиламъ прописей, что стоитъ только затвердить десять заповѣдей и конецъ—спасенъ человѣкъ. Что-жъ, неопытныхъ дѣвочекъ онѣ могутъ удивлять. Вотъ Лиза восхищается ими, тоже мечтаетъ о какой-то дѣятельности на пользу ближнихъ, гнойныя язвы бабъ и мужиковъ обмывать хочетъ, среди народа въ деревенской глуши жить хочетъ, а приватайся къ ней смазливый юноша и выскочитъ замужъ, забудетъ обо всякой дѣятельности, о народѣ, о деревнѣ. Да еще хорошо, если выйдетъ замужъ, а то по неопытности, по невѣдѣнію просто падетъ, попавъ въ разставленныя ей какимъ-нибудь негодяемъ сѣти. А тамъ—о, легко разъ сойти съ дороги, трудно снова стать на нее. Эти дѣвы даже и не подозрѣваютъ этого, ничего не испытавъ, и носятся только съ великими идеями. Всѣ эти высокія идеи нѣчто напускное, и нужно быть такимъ «блаженнымъ», какъ Данила Лукичъ, чтобы вѣрить въ серьезность всего этого. И когда они кончатъ эту болтовню? Вотъ онъ, Данила Лукичъ, разсказываетъ о Михеѣ, какъ тотъ состарился за послѣднее время, какъ трудно ему становится подни-

Digitized by Google

маться по лѣстницѣ архива, какъ безвыходно тяжело положеніе этого унтера, имѣющаго на рукахъ вдову-дочь и трехъ внучатъ. Господи, какъ могутъ ихъ занимать эти пустяки, эти мелочи, эти пошлости!?..

Она подняла голову и взглянула на мужа и дочь! Ихъ лица были оживлены, на нихъ отражалось столько счастья. Она строптиво отвернулась отъ нихъ.

Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, ей было тяжело, душно въ этой атмосферѣ нищихъ, толкующихъ о нищихъ, убогихъ, заботящихся объ убогихъ, обездоленныхъ. Ни себя не сумѣютъ спасти, ни другимъ не могутъ помочь. О, слава Богу, что хоть Викторъ вышелъ не такимъ; онъ пробьетъ себѣ дорогу, онъ завоюетъ себѣ положеніе въ обществѣ, онъ достигнетъ до того блеска, о которомъ мечтала когда-то она. Ей вспомнились слова сына, что онъ, завоевавъ себѣ положеніе, можетъ быть полезнымъ семьѣ. Да, онъ и будетъ полезнымъ! Только тотъ, кто сумѣетъ спасти самого себя, можетъ думать о спасеніи другихъ. Сначала нужно самому доплыть до твердаго берега, а потомъ уже бросать веревку для спасенія другихъ утопающихъ.

Она замечталась о Викторѣ. Въ голову приходили мелочи прошлаго, какъ онъ являлся домой, разбитной, въ приподнятомъ настроеніи, всегда, какъ побѣдитель, разсказывалъ о томъ, какое онъ произвелъ тутъ или тамъ впечатлѣніе, въ какое блестящее общество попалъ, какъ поразилъ кого-то своей находчивостью. «Я отвѣтилъ то-то, я сдѣлалъ такъ-то, я понравился тому-то»,—всегда онъ являлся на первомъ планѣ, на сценѣ, а кругомъ—рукоплещущая толпа. Да, такъ и надо жить, если не хочешь погибнуть. Когда-то она именно такъ вышла въ свѣтъ, и если бы не смерть ея отца, не быстро захватившая ее въ когти нищета, она ушла бы далеко, не погибла бы здѣсь. Да, нищета подрѣзаетъ самыя сильныя крылья. О, что бы изъ Виктора могло выйти, если бы его настоящій отецъ во-время вспомнилъ о немъ, если бы мальчику не пришлось въ дѣтствѣ терпѣть лишенія здѣсь, въ этой конурѣ! Поправитъ ли свою ошибку Никоновъ теперь? Или ограничится тѣмъ, что пристроилъ юношу куда-то гувернеромъ? Что если бы она объяснилась съ Никоновымъ, потребовала бы помощи?..

Она опустила на колѣни руки и застыла въ неподвижной позѣ съ устремленнымъ въ пространство взглядомъ. Какія-то мрачныя картины проходили въ ея головѣ. Встрѣча съ Никоновымъ теперь, когда она, Пелагея Никитична, опу-

Digitized by Google

стилась, постарѣла, поблекла... Горечь объясненія съ забывшимъ ее и ея сына любовникомъ... Возможность холоднаго или даже грубаго отвѣта съ его стороны на ея просьбы устроить судьбу сына... Перенести такія сцены, такія униженія не легко. Но вѣдь иначе ея сынъ можетъ остаться ни при чемъ. Развѣ можно разсчитывать на какое-то положеніе гувернера у Чупровой? Развѣ это карьера? Можетъ-быть, вся его участь зависитъ отъ ея свиданія съ Никоновымъ? Что дѣлать, на что рѣшиться?

— Мама очень тоскуетъ о Викторѣ,—тихо замѣтила Лиза, обращаясь къ отцу и глазами указывая на мать.

— Да, да, голубка, извѣстно—мать... одинъ сынъ,—заговорилъ отецъ и торопливо прибавилъ:—и васъ нѣтъ тутъ, и его...

Лиза вздохнула:

— Главное, что его нѣтъ...

Отецъ заторопился увѣрить ее, что мать и о дѣвочкахъ также тоскуетъ. Еще бы! Мать она и всѣхъ одинаково любитъ. Развѣ можно не одинаково любить дѣтей? Но Лиза уже заговорила о другомъ.

Послѣ вечерняго чая, только когда пробило двѣнадцать часовъ, отецъ и дочь вспомнили, что пора и спать. Пелагея Никитична давно уже лежала въ постели. Когда отецъ ушелъ въ спальню, Лиза вышла въ кухню, чтобы, по заведенному въ пріютѣ обычаю, умыть передъ сномъ лицо холодной водой. Она вошла въ кухню на цыпочкахъ, боясь потревожить Аксинью. Но Аксинья, къ ея удивленію, тоже еще не ложилась спать.

— Ты что же это, Аксюша, полуночничаешь? — спросила Лиза.

— Съ радости, должно-быть, барышня, что хоть вы пришли къ намъ,—отвѣтила Аксюша.—Ужъ такая-то у насъ теперь скука, ровно въ могилѣ. Голоса человѣческаго не слыхать, какъ молодой баринъ уѣхали. Ажно жуть пробираетъ часомъ, ну, вотъ говорю, ровно въ могилѣ. Сбѣжать, такъ въ пору, право!

— Ай, Аксюша, какъ тебѣ не стыдно!—ласково сказала Лиза.—Тебя всѣ у насъ любятъ, а ты сбѣжать хочешь!

Аксинья застыдилась.

— Да я такъ къ слову, барышня,—заговорила она, оправдываясь.—Господа добрые, равнодушные, это что и говорить. А только тоска, тоска такъ вотъ и грызетъ. Я человѣкъ молодой, а тутъ... ровно въ могилѣ...

И, уже улыбаясь, она прибавила:

Digitized by Google

— Вотъ теперь слышала, что вы будете ходить по праздникамъ. Все веселѣе будетъ. Авось, и не сбѣгу...

— Ахъ, ты, смѣшная! Да развѣ тебѣ веселѣе, что я тутъ?

— А то какъ же? Хоть голосъ человѣческій слышу, а безъ васъ—баринъ въ книжку читаетъ, либо пасьянецъ молча раскладаетъ, барыня уставится глазами, ровно покойница, въ уголъ—и молчатъ. Только и слышно, какъ маятникъ чикаетъ: чикъ-чикъ,—а, пусто бы ему было, еще хуже тоску нагоняетъ! Спать ляжешь—не спится, мечешься, поворачиваешься съ боку на бокъ, только измаешься...

Она засмѣялась.

— Вотъ вы бы, да сестрицы ваши, да молодой баринъ вдругъ бы сюда нагрянули, тогда пошло бы веселье, было бы гаму, а то...

Она безнадежно махнула рукой:

— Нѣтъ, ужъ что это за жизнь теперь у насъ!

— Вотъ подожди, на Рождествѣ и сестры денекъ, другой проведутъ дома, надоѣдятъ еще тебѣ, затормошатъ...

— Я этого, Лизавета Даниловна, не боюсь. Когда и потормошиться, какъ не въ молодости? Старость придетъ—на печи лежать въ пору.

Лиза разсмѣялась и, окончивъ умыванье, простилась съ Аксюшей. Та порывисто поцѣловала ея руку, проговоривъ:

— Ахъ, барышня, ужъ какъ я люблю и васъ, и сестричекъ вашихъ, и молодого барина, такъ это просто страсть!

V.

Въ рождественскіе праздники въ квартирѣ Ольхиныхъ почувствовалось нѣкоторое оживленіе: Лиза прогостила у отца и матери съ недѣлю, Катя и Таня пробыли дома три дня. Въ квартирѣ постоянно въ эти дни были шумъ и смѣхъ, раздавались то и дѣло звонкіе поцѣлуи дѣтскихъ губъ, затѣивались безконечныя игры.

Странное чувство охватило Пелагею Никитичну, когда дѣти вернулись снова въ пріютъ, и въ домѣ воцарилась снова грубовая тишина. Ей стало жаль, что дѣти ушли. Впервые въ жизни она ощущала что-то въ родѣ раскаянія за то, что она ихъ мало прежде любила. Особенно подкупила теперь ее въ свою пользу маленькая горбунья, сообразительная, проницательная, умная не по лѣтамъ.

Какъ-то разъ, заставъ мать въ глубокой задумчивости, она тихо подошла къ ней и, цѣлуя ея руку, сказала:

Digitized by Google

— Полно, мама! Братецъ Витя скоро вернется. Тогда такъ весело, такъ весело будетъ тебѣ, больше, чѣмъ прежде.

Мать не безъ удивленія взглянула на нее.

— Почему ты думаешь, Катюша, что я о немъ задумалась?—спросила она дочь.

— О комъ же больше тебѣ думать?—отвѣтила горбунья.— Его одного нѣтъ съ нами. А онъ тоже думаетъ теперь о насъ. Праздники—ну, онъ и думаетъ о насъ. Я всегда по праздникамъ о васъ—о тебѣ, о папѣ, о Витѣ, думала. И знаешь что?... Подумалъ о насъ и сѣлъ письмо писать. Вотъ ты увидишь, что письмо отъ него получишь. Обрадуешься?

Она съ такой лаской заглянула въ глаза матери, что та смутилась и невольно склонилась поцѣловать дочь.

— А мы тебѣ не мѣшаемъ, когда ты думаешь, а мы шумимъ?—спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, дитя,—отвѣтила Пелагея Никитична.—Съ чего ты взяла?

Дѣвочка взглянула на нее серьезнымъ взглядомъ и пояснила:

— Я вотъ когда хворала... ты вѣдь знаешь, я убогая и потому слабенькая... такъ вотъ въ это время мнѣ очень, очень тяжело, когда дѣти шумятъ. У насъ ихъ такъ много, и не могутъ онѣ не шумѣть, а мнѣ тяжело.

У Пелагеи Никитичны заныло что-то въ груди, точно ее попрекнули за что. Но дѣвочка продолжала въ задумчивости:

— Но что дѣлать. Онѣ не виноваты, что я слабенькая, что мнѣ иногда тяжело отъ шума. Нельзя же для меня одной имъ всѣмъ молчать. Я тоже рѣзвлюсь, когда здорова.

Мать гладила рукою ее по волосамъ.

— Тяжело тебѣ тамъ, дитя!—со вздохомъ произнесла она.

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвочка:—только иной разъ дома хотѣлось бы быть... въ праздники, когда всѣ расходятся... или когда нездоровится... Да, что-жъ дѣлать? У иныхъ и совсѣмъ ни родителей, ни своего дома нѣтъ.

Пелагея Никитична глубоко задумалась. Дѣвочка подмѣтила это и торопливо, уже другимъ тономъ заговорила:

— Мама, мама! гони меня! я вотъ опять огорчила тебя, опять ты заскучала! Не надо, мама! Это вѣрно отъ моихъ глупыхъ разговоровъ. Я, право, это такъ сказала. Я теперь и здорова, и не скучаю въ пріютѣ. Ты, мама, обо мнѣ не заботься... мнѣ хорошо!..

И, заглядывая въ глаза матери, она пристала къ ней:

— Ну, улыбнись! ну, засмѣйся, мамочка!

Digitized by Google

По лицу Ольхиной скользнула невольная улыбка. Дѣвочка обняла мать.

Эта сцена и цѣлый рядъ мелочей вспоминались Ольхиной, когда дѣти вернулись въ пріютъ, и ей стало еще тоскливѣе въ опустѣвшей квартирѣ. Иногда просто становилось страшно, когда Данила Лукичъ уходилъ куда-нибудь изъ дома, и въ мертвенномъ затишьѣ не слышалось ни звука, кромѣ стука маятника. Пелагея Никитична въ такія минуты иногда выходила въ кухню и или не заставала тамъ Аксюши, которая, какъ оказывалось потомъ, по ея словамъ, «выбѣгала на минуту на лѣстницу къ товаркѣ», или заставала молодую дѣвушку въ слезахъ, которыя, опять-таки по словамъ самой Аксюши, «такъ себѣ пришли, ни вѣсть съ чего»..

Въ январѣ въ этомъ царствѣ мертвеннаго затишья произошла нѣкоторая перемѣна въ настроеніи: сонная скука смѣнилась серьезною тревогой...

Въ пріютѣ былъ переполохъ: Настасья Порфирьевна заболѣла не на шутку и дня три не вставала съ постели. Призванный къ ней докторъ сомнительно покачалъ головою и объявилъ, что болѣзнь очень серьезна, что у старухи не въ порядкѣ печень, что есть еще другія осложненія, что въ ея годы вообще всякая болѣзнь не безопасна. Тѣмъ не менѣе, на четвертый день Настасья Порфирьевна встала съ постели и, переламывая себя, снова принялась за свою обычную дѣятельность, засновала по комнатамъ, по лѣстницамъ пріюта...

Данила Лукичъ, извѣщенный Лизой о болѣзни старушки, поспѣшилъ въ пріютъ, но уже засталъ Настасью Порфирьевну на ногахъ, хотя стоило взглянуть на ея лицо, чтобы понять, что она страшно страдаетъ, что едва ли она хотя сколько-нибудь оправилась. Старушка не любила, чтобы ее навѣщали во время болѣзней и сердилась на посѣтителей, точно они уличали ее въ какой-то непростительной слабости, ловили на мѣстѣ преступленія. Но на этотъ разъ она, противъ всякаго ожиданія, обрадовалась посѣщенію Данилы Лукича и съ первыхъ же словъ замѣтила ему:

— Спасибо, что зашелъ. Я, было, хотѣла сама послать за тобой.

И, подсмѣиваясь надъ самой собой, добавила шутливо:

— Первый разъ въ жизни мои жандармы успѣли угодить мнѣ своею ретивостью. Лиза, вѣрно, отрапортовала тебѣ о моей болѣзни?

Ольхинъ поцѣловался съ нею, обрадованный тѣмъ, что

Digitized by Google

она не заворчала за его визитъ, сказалъ, что точно получилъ извѣстіе о ея болѣзни отъ Лизы, и спросилъ:

— Сильно прихворнула?

Она махнула рукой.

— Видно, не отвертѣться,—коротко сказала она.

Онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Что же хитрить-то? Начало конца,—отрывисто пояснила она.

Онъ хотѣлъ возражать, обнадежить, успокоить ее. Она не дала ему времени сказать что-нибудь и продолжала:

— Не сто лѣтъ жить. Пора и честь знать! Да дѣло не въ томъ. Твои дѣтки меня заботятъ. Надо похлопотать пристроить ихъ въ гимназію на казенный счетъ или въ институтъ, что ли. Катю и Таню еще могутъ принять, если будетъ протекція. Лизѣ тяжело будетъ подготовиться къ экзамену у васъ, если не дотяну до весны; потомъ на фельдшерскіе курсы она желаетъ поступить, тоже не легко, платить надо. Хоть бы протянуть мнѣ еще полгодика!

Ольхинъ сидѣлъ точно подавленный и пришибленный неожиданнымъ горемъ. Никакъ онъ не ожидалъ, что сестрѣ такъ плохо. Наконецъ, онъ очнулся и тупо спросилъ:

— Настасья Порфирьевна, да съ чего ты... Какъ же такъ... можетъ-быть, Богъ...

Она опять перебила его:

— Богъ поможетъ? Да, Онъ-то поможетъ, а люди уложатъ въ могилу.

Она неторопливо, черезъ силу подошла къ двери и замкнула ее на ключъ. Потомъ вернулась къ Ольхину и присѣла совсѣмъ близко около него.

— Видишь ли, что,—заговорила она, понижая голосъ:— я многое вынести могла, всегда храбрилась, всегда надѣялась, а теперь... Этого никто не знаетъ, я тебѣ одному говорю это... Теперь у насъ такой адъ здѣсь, что дальше я бороться не въ силахъ...

Она горько усмѣхнулась:

— Ужъ значитъ солоно пришлось, если явилась необходимость хоть кому-нибудь пожаловаться. Прежде этого за мной что-то, кажется, не водилось. Видишь ли что: Елена разорена совсѣмъ. Ты вонъ всегда мнѣ говорилъ, что, должно-быть, она счастлива. Вотъ какъ она счастлива. Мужъ не только аферистъ, казнокрадъ, взяточникъ, но еще хамъ по натурѣ. Хуже хама по натурѣ ничего не можетъ быть. Это и подлецъ, и злодѣй въ одно и то же время.

Digitized by Google

Сперва онъ прибралъ ея имѣніе къ рукамъ на свои аферы, потомъ сталъ командовать и деспотствовать въ домѣ. Ты знаешь, одинъ сынъ, совсѣмъ мальчишка еще, у нихъ застрѣлился, потому что батюшка отказался заплатить за него какой-то грошовый долгъ. Другой—не старше перваго—попался въ воровствѣ, и Еленѣ пришлось чуть не себя заложить, чтобы сына не довели до скамьи подсудимыхъ. Нечего говорить, сынки хороши были, но они только шли по стопамъ батюшки: онъ развратничалъ и они тоже, онъ воровалъ и они тоже, у него креста на вороту нѣтъ, и они его съ себя сняли. Едва успѣли жизнь начать, а ужъ итогъ ей подвели. Батюшкѣ было все равно, не охнулъ даже: у него на сторонѣ другая семья, состоящая изъ такихъ же хамовъ, какъ онъ, а законная жена и законныя дѣти для него все равно, что чужія. Спасая сына отъ скамьи подсудимыхъ, Елена связала себя разными обязательствами, между прочимъ, съ этимъ кабатчикомъ, съ попечителемъ-то нашимъ, съ Сысойкой. Ему, видишь, нужны ордена, почетъ, близость съ хорошимъ кругомъ общества для подрядовъ,—ну, вотъ онъ и сдѣлалъ разныя одолженія Еленѣ, благо пріютъ-то нашъ подъ высокимъ покровительствомъ состоитъ. Теперь она въ его рукахъ и съ пріютомъ вмѣстѣ...

Она поднялась съ мѣста и заходила въ волненіи по комнатѣ.

— Я на ея мѣстѣ просто скорѣе закрыла бы пріютъ, чѣмъ подчиняться распоряженіямъ этого кулака, его хозяйству и экономіи,—продолжала Носова:—но мы вѣдь простые люди, смотримъ съ обыкновенной точки зрѣнія, а Елена... какъ же можно закрыть сразу свой пріютъ, объявить, такъ сказать, себя несостоятельной, обмануть довѣріе высокихъ покровителей, лучше дѣтей-сиротъ съ голоду морить, а все же имѣть удовольствіе видѣть надпись «Пріютъ Св. Елены, основанный Е. Г. Зариной, подъ такимъ-то покровительствомъ». Впрочемъ, она и половины не знаетъ изъ того, что здѣсь теперь дѣлается. Что я ей стану говорить? Дѣла не поправишь. Сразу я это увидала. Попробовала замѣтить о томъ, что почтенному кабатчику нельзя давать воли, а она на это только вздохнула... «Потерпи, говоритъ, ты знаешь, въ какой зависимости я нахожусь въ настоящее время отъ него».

Настасья Порфирьевна разсердилась на себя.

— Вотъ всѣ говорятъ, что я всѣмъ правду въ глаза рѣжу. А не могу я ей правды всей высказать. Жаль ее,

Digitized by Google

точно малаго ребенка. И то сказать: съ колыбели неудачница. Отъ отца, отъ мужа, отъ дѣтей, отъ всѣхъ только горе видѣла. Теперь, какъ рыба въ сѣтяхъ бьется. И потомъ, какъ я скажу ей правду, когда я понимаю, что вся цѣль у кабатчика нашего сжить отсюда меня.

— Тебя? Помилуй, за что же!—воскликнулъ въ изумленіи Ольхинъ.

Она усмѣхнулась.

— Командовать мною нельзя. Ты думаешь, другая-то начальница станетъ за дѣвчонокъ стоять? Ты думаешь, другая-то не станетъ сквозь пальцы смотрѣть на все, что захочетъ творить онъ? Ей лишь бы жалованье платили, лишь бы своя шкура была цѣла. Моя-то стара, такъ я не очень дорожу ею.

По ея лицу скользнуло выраженіе презрѣнія...

— И что за мелкая натуришка у этого хама! Повѣрить трудно.

Она опять присѣла около Ольхина и положила свою костлявую тонкую руку на его руку. Ея голосъ сталъ мягче и ласковѣе, когда она заговорила.

— Ты, Данила, не волнуйся, не горячайся, если я все тебѣ откровенно разскажу. Не приходится отъ тебя ничего скрывать. Ты слышалъ, что онъ, Сысойка-то нашъ, все предлагаетъ не посылать на кухню «барышню», то-есть Лизу нашу, что онъ предлагалъ «барышнѣ» поступить къ нему на мѣсто? Ну, съ этого и началось. Ольга разъ пришла и говоритъ мнѣ, знаешь, по-своему, точно топоромъ рубитъ: «Онъ ее соблазнить хочетъ!» Я говорю ей: «Убирайтесь вы, Ольга Леонтьевна, со своими глупостями; вамъ вездѣ соблазны кажутся, старая вы дѣва и больше ничего». Ушла она, хлопнувъ дверью, а я присматривать стала, думаю: «можетъ-быть, и впрямь что-нибудь неладное задумалъ негодяй».

Она махнула рукой.

— Не стоитъ грязь разворачивать. Убѣдилась я, что онъ въ Лизу влюбился, и по-своему оборвала его, увидѣвъ, какъ онъ ее взялъ разъ за подбородокъ. «У насъ, говорю, въ пріютѣ этого не принято». А потомъ какъ онъ пріѣдетъ, такъ я Лизу позову въ свою комнату и не показываю ему. Съ этого и началась открытая война. Хватило у него духу спросить, на какомъ основаніи живутъ въ пріютѣ, основанномъ для сиротъ, твои дѣти, имѣющія отца и мать. Я сказала, что онѣ ради меня приняты. Объявилъ, что ихъ по правиламъ держать нельзя. Я въ свою очередь сказала, что

Digitized by Google

я буду кормить и одѣвать ихъ на свой счетъ. Потребовалъ, чтобы онѣ и не спали въ общей спальнѣ.

Данила Лукичъ взволновался.

— Да что же это, Настасья Порфирьевна, ты изъ-за насъ и непріятности будешь терпѣть, и послѣдній грошъ урѣзать...

— Глупости!—перебила она его.—Не изъ-за васъ, а изъ-за себя: не ко двору пришлась. Не Лиза понравилась бы, такъ другая—то же самое вышло бы. Онъ ужъ не мало дѣвчонокъ пустилъ гранить мостовую по Невскому, все по пріютамъ выбиралъ. Спеціалистъ по этой части. Впрочемъ, не онъ первый, не онъ послѣдній такой благодѣтель. Это щучья порода, мелкую рыбицу ловитъ. Хорошо я этихъ господъ знаю. Слава Богу, почти четверть вѣка среди благодѣтелей всякихъ живу. Есть и похуже его, въ Сибирь кандидаты. Да дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что мы теперь на ножахъ. Меня онъ не выжилъ бы, если бы здоровье не пошатнулось. Теперь же...

Она въ волненіи встала съ мѣста.

— Одна-двѣ непріятности и свалюсь съ ногъ.

По ея лицу скользнула горькая улыбка.

— Ты знаешь, тросточки гнутся—мы, крѣпкія натуры, разомъ валимся съ ногъ. Надо быть готовымъ ко всему, принять мѣры. У тебя-то есть кто-нибудь на примѣтѣ изъ начальства или знакомыхъ, черезъ кого хлопотать можно объ устройствѣ дѣвочекъ?

— Кто же у меня? Никого у меня нѣтъ!—растерянно отвѣтилъ Ольхинъ, разводя безнадежно руками.

— Я попрошу Елену, но надо еще кого-нибудь,—сказала Настасья Порфирьевна.—Еленѣ не до того, и силы у нея прежней нѣтъ. Всѣ угадываютъ ея настоящее положеніе, разоренье, разрывъ съ мужемъ. Да, на нее нельзя особенно надѣяться. Теперь же надо обдумывать дѣло, хлопотать въ другомъ мѣстѣ, пока я жива.

Ольхинъ походилъ теперь на человѣка, въ головѣ котораго все перевернулось разомъ. Никогда еще ему не приходило въ голову, что будетъ, если Носова умретъ. Теперь онъ прямо стоялъ лицомъ къ лицу съ этимъ роковымъ для него вопросомъ. Положимъ, теперь у него менѣе расходовъ, чѣмъ было недавно, такъ какъ Викторъ не требуетъ болѣе на свое образованіе, на свое содержаніе. Но все же изъ какихъ средствъ дастъ онъ образованіе тремъ дѣвочкамъ? Какъ при этомъ прокормитъ и одѣнетъ ихъ? Жалованье не велико, у жены нѣтъ умѣнья заработать хоть грошъ и нѣтъ

Digitized by Google

способности экономить. Хоть бы Богъ помогъ пристроить дѣвочекъ на казенный счетъ въ гимназію. Объ институтѣ ужъ нечего и думать. Если въ гимназію удастся пристроить— онъ кое-какъ прокормитъ ихъ. Ну, частной работы станетъ искать, переписку или что-нибудь другое возьметъ. Вечера свободны. И какъ все это внезапно произошло! Внезапно? Нѣтъ, исподволь подготовлялось разореніе Елены Григорьевны, а съ разореніемъ подготовлялось и паденіе пріюта. Мало-по-малу, по своему обыкновенію, онъ отдался мечтамъ о суетѣ-суетъ. Вотъ онъ всегда считалъ Зарину счастливой женщиной, а на самомъ-то дѣлѣ она всю жизнь страдала, съ самаго дѣтства. Какой-то хамъ-мужъ искалѣчилъ окончательно всю ея жизнь. Ликуетъ теперь не она, а какая-то плясунья Чупрова. Та по заграницамъ катается, а Елена Григорьевна, какъ рыба въ сѣтяхъ, бьется здѣсь; должна подчиняться какому-то кабатчику. И Настасью Порфирьевну смѣнитъ этотъ же кабатчикъ.

— Господи, какъ все на свѣтѣ-то идетъ!—шепталъ старикъ, возвращаясь домой.—Кому счастье и почетъ? Передъ кѣмъ пресмыкаются люди? Кто побѣдители? Гдѣ же правда-то? Гдѣ справедливость-то?

Онъ пришелъ домой съ совершенно растерянным видомъ. Его удручило теперь уже не столько будущее положеніе его дѣтей, сколько вопросъ о правдѣ и справедливости, вопросъ о томъ, какъ это могутъ быть побѣдителями именно такія личности, какъ Заринъ, Чупрова, Сысоевъ. Маленькій умъ не могъ справиться съ большими вопросами и въ то же время не могъ отдѣлаться отъ нихъ.

Пелагея Никитична знала, что онъ пошелъ справиться о здоровьѣ Настасьи Порфирьевны, и, увидавъ его осунувшееся лицо, его растерянный видъ, не безъ тревоги спросила:

— Что Настасья Порфирьевна?

— Плоха, плоха,—отвѣтилъ онъ глухо.—Вотъ не ждали, не гадали—приходитъ бѣда...

— Умираетъ?—испуганно спросила жена. Въ ея головѣ мимовольно мелькнула мысль о дочеряхъ. Что будетъ съ ними? Оставятъ ли ихъ въ пріютѣ? А какъ же съ образованіемъ ихъ?

— Не умираетъ,—отвѣтилъ Ольхинъ:—а скоро умретъ. Сама сознаетъ, сама сознаетъ, значитъ плохо...

Онъ съ горечью проговорилъ:

— Кабатчикамъ видно только и жить теперь. Ихъ ни-

Digitized by Google

чѣмъ не прошибешь. Они, если имъ въ глаза наплюешь, только утрутся.

Жена взглянула на него почти съ испугомъ, точно на помѣшаннаго.

— Данила Лукичъ, говори толкомъ,—сказала она мягко.— О какихъ кабатчикахъ ты говоришь? Что случилось?

Онъ развелъ руками, точно безмолвно говоря, что онъ и самъ не знаетъ, что случилось?

— Что случилось?—началъ онъ.—А то, что и самъ я не знаю, какъ на свѣтѣ жить. Елена Григорьевна чуть не нищая, а Чупрова на ея деньги за границей катается. Настасья Порфирьевна всю душу въ пріютъ вложила, а ее кабатчикъ сживаетъ со свѣту. За что сживаетъ? За то, что дѣвушка чистая приглянулась, и не позволяютъ ему загрязнить ее его подлыми руками. Какъ же не мстить за это, какъ не сживать людей со свѣту; хочется волю дать своему нраву развратному, а тутъ люди грудью чистую дѣвушку отстаиваютъ. Но какъ же жить-то на свѣтѣ? Ты мнѣ вотъ что скажи, вотъ что объясни.

Она заботливо проговорила:

— Успокойся, отдохни, ты нездоровъ...

Онъ присѣлъ на стулъ и поникъ головой, охвативъ ее въ отчаяніи руками. Она подсѣла къ нему, встревоженная, испуганная. Въ головѣ не было никакихъ соображеній; было одно совершенно понятное ощущеніе страха при мысли, что онъ сошелъ съ ума.

Но, мало-по-малу, онъ пришелъ въ себя, началъ говорить послѣдовательнѣе, яснѣе, разсказалъ все, что слышалъ.

— Надо будетъ хлопотать объ устройствѣ дѣвочекъ въ гимназію на казенный счетъ,—закончилъ онъ разсказъ.— Настасья попроситъ Елену Григорьевну. Ну, да на нее теперь мало надежды. Мы должны сами попросить кого-нибудь.

— Кого намъ-то просить!—съ отчаяніемъ сказала Пелагея Никитична, страшно потрясенная всѣмъ слышаннымъ, уже предчувствовавшая, что ихъ жизнь станетъ еще тяжелѣе.— Прибавляется три рта, нужно будетъ одѣвать дѣвочекъ, надо будетъ платить за ихъ ученье. И какъ ихъ помѣстить тутъ?

— Попробую къ директору департамента обратиться,— сказалъ Ольхинъ.—Онъ, конечно, и въ лицо меня плохо знаетъ, но все же... знаетъ, вѣрно, что служу... Эхъ! кто его знаетъ... можетъ-быть, даже и то забылъ, что я существую... тамъ на чердакѣ, подъ крышей...

На минуту воцарилось мрачное молчаніе. И мужъ, и жена

Digitized by Google

перебирали въ головѣ, кого они могутъ просить. У нея уже мелькало въ головѣ одно имя, но она старалась не думать о немъ, какъ вдругъ Ольхинъ неожиданно поднялъ голову и проговорилъ:

— Никонова развѣ?

Она вздрогнула и широко открыла глаза, недоумѣвая, какимъ образомъ воскресло въ его памяти это имя. На минуту ее охватилъ страхъ, точно мужъ сейчасъ былъ готовъ идти къ Никонову, точно тотчасъ же все должно раскрыться.

— Какого Никонова? что ты выдумываешь?—рѣзко сказала она, дѣлая усиліе, чтобы казаться спокойной.—Никакого...

Онъ перебилъ ее:

— Того вотъ, что Виктора опредѣлилъ. Викторъ говорилъ, что онъ губернаторомъ былъ. Связи, вѣрно, есть.

— Ахъ, мало ли у кого въ Петербургѣ есть связи!—строптиво замѣтила она.—Нельзя же придти съ улицы...

— Какъ съ улицы? Викторъ же говорилъ, что у васъ общіе знакомые есть. Онъ даже тебя вспоминалъ...

Она совсѣмъ разсердилась.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пустяки ты придумываешь? Взбредетъ глупость на умъ и носишься съ ней.

— Маточка, теперь ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. За соломинку нужно хвататься,—мягко сказалъ онъ и съ лаской прибавилъ:—Не легко это мнѣ. Очень не легко. Не знаетъ онъ меня. Ну, а ты... тяжело это и тебѣ будетъ, да что дѣлать... сходи къ этимъ... какъ ихъ, ну, тѣмъ знакомымъ, гдѣ Викторъ его встрѣтилъ? Лялинымъ, что ли?.. чрезъ нихъ попроси Никонова... Я знаю, тебѣ это очень тяжело, забросила ты старыхъ знакомыхъ, да что же дѣлать—вѣдь судьба дѣтей дороже всего...

Онъ взялъ ея лежавшую безпомощно на колѣняхъ руку и поднесъ къ своимъ губамъ.

По лицу Пелагеи Никитичны скользнуло мучительное выраженіе, точно ей причинили физическую боль этою ласкою. Сердце стиснуло, какъ въ тискахъ.

— Если бы у насъ было много ходатаевъ, такъ можно бы было разбирать, а нѣтъ ихъ у насъ, нѣтъ, голубушка,—говорилъ онъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ рукъ.—Мы не кабатчики, мы простые, честные бѣдные люди. Ну, и надо намъ ко всѣмъ толкаться въ бѣдѣ, къ первому встрѣчному, къ Иванову, къ Никонову, къ кому можно. Помогите Христа-ради, потому, что мы сами ужъ не можемъ помочь себѣ...

Digitized by Google

Въ его голосѣ послышались слезы, но онъ переломилъ себя, подавилъ ихъ и тихо закончилъ:

— Сходишь вѣдь? Да?

Она освободила изъ его рукъ свою руку, поднялась во весь ростъ съ мѣста и заходила въ волненіи по комнатѣ, говоря отрывисто, какимъ-то хриплымъ, перехваченнымъ спазмами голосомъ:

— Ну, хорошо, хорошо... схожу... только... изъ этого ничего не выйдетъ... ровно ничего...

И совершенно неожиданно, перерывая свою рѣчь, она такъ стиснула свои руки, что послышался хрустъ, и совершенно безсознательно воскликнула болѣзненнымъ тономъ:

— Ахъ, если-бъ ты зналъ!..

Онъ мягко проговорилъ:

— Знаю, знаю, что тяжело, очень тяжело, да вѣдь это для дѣтей... для дѣтей, Поля!.. Вотъ и я пойду кланяться... не кланялся, а пойду кланяться.

Она уже не слушала его, сдвинувъ густыя брови, стиснувъ зубы, мрачная, охваченная мучительными думами.

VI.

Не одна недѣля прошла для Пелагеи Никитичны среди мучительныхъ колебаній: идти или не идти къ Никонову въ качествѣ просительницы. Цѣлые часы просиживала она въ думахъ объ этомъ, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, болѣзненно ломая руки. Рѣшимости все не являлось. Не могли побѣдить этихъ колебаній извѣстія объ ухудшеніи здоровья Настасьи Порфирьевны; не могли ихъ побѣдить сообщенія мужа, что его хлопоты по начальству не увѣнчались успѣхами, такъ какъ въ «департаментѣ лишнихъ суммъ не имѣется». Но эти колебанія разомъ прекратило письмо отъ Виктора. Молодой человѣкъ писалъ, между прочимъ, что Заринъ и Чупрова возвращаются на лѣто въ Петербургъ, пріѣдутъ, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней и поселятся на дачѣ въ Ораніенбаумѣ.

— Вотъ и прекрасно! — замѣтилъ Ольхинъ, прочитавъ письмо сына.—Теперь тебѣ, родная, не нужно и идти самой къ Никонову. Викторъ переговоритъ съ нимъ. Никоновъ знаетъ и любитъ Виктора и, вѣрно, похлопочетъ для него...

Пелагея Никитична смутилась и разомъ рѣшилась идти—идти для того, чтобы Виктору не пришлось просить Никонова, чтобы Викторъ какъ-нибудь не понялъ, какую роль въ ихъ семьѣ играетъ Никоновъ. Ее охватили и страхъ, и стыдъ при мысли, что сынъ узнаетъ истину.

Digitized by Google

Дня два она ходила въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, перебирая въ комодѣ бѣлье, что-то подшивала, подштопывала.

Не мало удивился бы Данила Лукичъ, если бы онъ могъ прослѣдить за ея приготовленіями и сборами къ визиту, если бы онъ видѣлъ, какъ одѣвалась его жена, собираясь идти къ Никонову. Она перебрала все въ своемъ гардеробѣ, чуть не со слезами бросала платья, такъ какъ всѣ они казались ей теперь «лохмотьями», глядѣла почти съ ужасомъ на заштопанныя мѣста чулокъ. Наконецъ, она остановилась на черномъ шерстяномъ платьѣ, которое она обыкновенно надѣвала, посѣщая иногда по субботамъ парадизъ французскаго театра. На этомъ платьѣ было менѣе слѣдовъ заношенности, чѣмъ на другихъ, оно смотрѣло щеголеватѣе остальныхъ, и кромѣ того въ ея головѣ мелькнула невольная мысль, что она покажется въ немъ не такою старухою. Что-то торопливое, нервное было во всѣхъ ея движеніяхъ. Каждая мелочь туалета волновала ее, чулки казались недостаточно тонкими, полусапожки недостаточно изящными, густые волосы ложились недостаточно красиво. Нѣсколько разъ она, точно послѣ трудной непосильной работы, опускалась въ изнеможеніи на стулъ и безсознательно шептала: «Ахъ, Господи! Господи!» И вдругъ среди этого хлопотливаго одѣванья, среди этой тупой озабоченности она точно поймала себя на какой-то постыдной мысли и съ отвращеніемъ, съ злобой на себя проговорила:

— Да, что я, на свиданіе съ любовникомъ иду, что ли? Почти двадцать лѣтъ не видались! Что онъ мнѣ теперь— чужой человѣкъ!

И тутъ же ей вспомнилось, какъ почти двадцать лѣтъ тому назадъ она пала. Какъ встрѣтилась съ Александромъ Ивановичемъ Никоновымъ на балу, какъ влюбилась въ него, какъ онъ тоже, повидимому, сталъ неравнодушенъ къ ней, какъ начались его ухаживанія, какъ потомъ происходили свиданія тайкомъ, поѣздки вмѣстѣ въ загородные рестораны,—все это возстало въ памяти, и ея лицо начало разгораться, точно его жгли эти воспоминанія. Она не знала сама, что волнуетъ ее теперь,—стыдъ за это прошлое или наслажденіе картинами этого прошлаго. Она снова перебирала мысленно всѣ мелочи обстановки былыхъ свиданій, вспомнила всѣ безумія преступной связи. И какъ неожиданно все это оборвалось разомъ! Его назначили на службу въ провинцію, и онъ точно въ воду канулъ. Въ кругу ея

Digitized by Google

знакомыхъ всѣ угадывали ея связь съ нимъ, и только ея мужъ не зналъ ничего, такъ какъ онъ не посѣщалъ ея знакомыхъ. Эти знакомые передавали ей, что Никоновъ уѣхалъ потому, что его небольшія средства были прокучены. Далѣе она мелькомъ слышала, что въ провинціи онъ женился ради денегъ, былъ несчастливъ. Наконецъ, до нея перестали доходить даже слухи о немъ, такъ какъ, мало-по-малу, она перестала бывать у своихъ прежнихъ знакомыхъ. Почему? Потому что въ домѣ увеличивались недостатки, рождались и умирали дѣти, а у знакомыхъ росло благосостояніе и изъ двусмысленныхъ кутящихъ людей эти знакомые превращались въ людей съ положеніемъ въ свѣтѣ, въ солидныхъ отцовъ и матерей. Чтобы поддерживать съ ними связь, нужно было или жить не по средствамъ, лѣзть въ долги, или идти на содержаніе къ какому-нибудь богачу. Грязненькія предложенія были, безцеремонныя и наглыя, ясно говорившія, какъ на нее смотрѣли окружающіе; она возмутилась, а предлагавшіе были даже изумлены, такъ какъ они знали о ея связи съ Никоновымъ, и имъ казалось страннымъ, почему она могла быть въ связи съ Никоновымъ и отказывалась отъ болѣе выгодныхъ предложеній, когда онъ ее бросилъ. Все это снова воскресло теперь въ памяти, все вызывало на лицо ея краску стыда.

Нѣсколько разъ ей, уже совершенно одѣтой, казалось, что она не рѣшится идти къ Никонову. «А если пріѣдетъ Викторъ,—тутъ же мелькало въ головѣ:—и мужъ самъ пойдетъ съ нимъ къ Никонову? Викторъ такъ похожъ на Никонова, какимъ тотъ былъ въ молодости. Можетъ-быть, это сходство уцѣлѣло. Оно можетъ поразить Данилу Лукича. Онъ узнаетъ все сразу и не сдержится при сынѣ. Въ послѣднее время онъ иногда какимъ-то сумасшедшимъ смотритъ. Онъ можетъ Богъ вѣсть чего наговорить».

Она пошла.

Уже у самыхъ дверей квартиры Никонова она опять была охвачена нерѣшимостью, готова была вернуться домой. Однако, она пересилила себя и позвонила.

Дверь отперъ лакей во фракѣ, чинный и степенный, какъ чиновникъ въ канцеляріи. Она сказала свою фамилію и попросила доложить барину. Лакей ввелъ ее въ залу и пошелъ докладывать. Зала была просторна, высока, обставлена богато, но нѣсколько казенно: стулья чинно стояли вдоль стѣнъ, въ углахъ мраморныя колонны съ бронзовыми канделябрами, въ простѣнкахъ высокія зеркала, у одной изъ

Digitized by Google

стѣнъ рояль, на серединѣ потолка бронзовая люстра, у оконъ узорчатыя тюлевыя занавѣси, спускавшіяся до полу, обивка мебели, драпировки у оконъ, портьеры у трехъ дверей изъ темно-вишневаго штофа, составлявшаго рѣзкій контрастъ съ гладкими, бѣлыми стѣнами.

Минутъ черезъ пять лакей вернулся въ залу и коротко сказалъ.

— Ихъ превосходительство сейчасъ выйдутъ.

Пелагея Никитична присѣла.

Прошло еще двѣ-три минуты. Она услышала чьи-то мягкіе шаги въ сосѣдней комнатѣ; изъ-за темныхъ портьеръ показалась какая-то фигура съ гладко причесанными, падавшими на плечи волосами, съ проборомъ посрединѣ, въ длинной черной одеждѣ, доходившей до полу. Съ перваго раза Пелагеѣ Никитичнѣ показалось, что это идетъ женщина въ черномъ шерстяномъ капотѣ, потомъ она разглядѣла, что это священникъ. Онъ прошелъ мимо нея, кланяясь всѣмъ туловищемъ, какъ кланяются смиренныя монахини, проходя среди богомольцевъ. Она поклонилась ему. За нимъ изъ-за портьеръ вышелъ величавый монахъ, черноволосый, суровый на видъ, въ щегольскомъ клобукѣ, въ ловко сшитой монашеской рясѣ, съ намотанными на руку четками. Онъ, сощуривъ черные глаза, не безъ любопытства окинулъ взглядомъ посѣтительницу и едва замѣтнымъ движеніемъ головы раскланялся съ нею. Когда священникъ и монахъ скрылись за дверями залы, ведущими въ переднюю, въ сосѣдней комнатѣ снова послышались уже торопливые шаги, и между половинками темныхъ портьеръ, на порогѣ въ залу, какъ въ рамѣ, остановилась довольно красивая и представительная фигура рослаго господина, въ домашнемъ пиджакѣ. Ольхина, поднявшаяся съ мѣста, чувствовала, что у нея подкашиваются ноги. Онъ быстро пошелъ къ ней навстрѣчу, проговоривъ:

— Полина...

И оборвалъ рѣчь, стараясь тщетно припомнить отчество посѣтительницы. Когда-то, въ кругу ея знакомыхъ, звали ее Полиной, такъ какъ она не любила своего вульгарнаго имени Пелагеи.

— Пелагея Никитична,—тихо подсказала она.

Онъ сдѣлалъ движеніе рукою, коротко проговоривъ:

— Прошу въ кабинетъ.

И пропустилъ ее впередъ въ двери изъ залы въ гостиную, за которой находился его кабинетъ.

Digitized by Google

Она шла съ трудомъ, не имѣя силъ справиться съ охватившимъ ее волненіемъ при видѣ этого человѣка, когда-то давшаго ей возможность узнать, что значитъ чисто животная страсть, проведшаго ее черезъ всѣ ступени безумствъ незаконной связи. Онъ, несмотря на все усвоенное имъ въ теченіе долгихъ лѣтъ умѣнье владѣть собой, тоже былъ смущенъ и не зналъ, какъ начать разговоръ. Войдя въ кабинетъ, загроможденный тяжеловѣсной мебелью, массивными книжными шкапами, огромнымъ письменнымъ столомъ, тяжелыми темно-зелеными драпировками и портьерами, она присѣла на первый попавшійся стулъ и закрыла лицо руками. Слезы, долго сдерживаемыя, давно уже душившія ее, теперь невольно брызнули изъ ея глазъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, взволнованный, подавленный, сконфуженный. Сразу заговорить съ нею не могъ и онъ. Наконецъ, онъ овладѣлъ своими чувствами, подошелъ къ ней и, взявъ ея руку, тихо проговорилъ:

— Я много виноватъ передъ вами... передъ нашимъ... передъ вашимъ сыномъ... Я это знаю. Вы имѣете право упрекать меня, но, вѣрьте, я самъ глубоко сознаю все...

У нея вся эта полутемная, подавляющая тяжелой обстановкой комната вертѣлась теперь передъ глазами, въ головѣ былъ хаосъ, она не знала, зачѣмъ она пришла сюда, что ей нужно сказать, и заговорила наобумъ, безсвязно, безсознательно, какъ въ бреду:

— Я не за тѣмъ... Наше положеніе невыносимо... У насъ четверо дѣтей... дѣвочки... нищіе... Господи, Господи!.. Какой позоръ!..

Онъ увидалъ, что съ нею дѣлается истерика, быстро налилъ воды, далъ ей выпить, смочилъ ей виски и, блѣдный, какъ полотно, присѣлъ около нея, поднесъ къ губамъ ея руку и заговорилъ:

— Успокойтесь, не плачьте. Намъ надо объясниться. Я тоже жестоко наказанъ за все, за все. Мы всѣ въ молодости легкомысленны, готовы все отрицать, всякіе законы нравственности, религіи, Провидѣніе. Нужны годы, чтобы это прошло подъ вліяніемъ горькаго опыта, тяжкихъ ударовъ, возмездія за прошлое. На себѣ я испыталъ все это, не даромъ же появилась эта сѣдина...

Она только теперь рѣшилась взглянуть на него прямо. Его лицо было однимъ изъ тѣхъ казенныхъ, официальныхъ лицъ, какія встрѣчаются сплошь и рядомъ сотнями въ верхнихъ слояхъ чиновничьяго міра: гладкое, ровное, бритое,

Digitized by Google

неподвижное, съ подстриженными небольшими бакенбардами, съ проборомъ на головѣ. Но, всматриваясь въ него поближе, легко было замѣтить, что оно было сильно помято, попорчено, носило слѣды не то болѣзни печени, не то геморроидальныхъ страданій; на лбу и около глазъ было уже много мелкихъ морщинъ, между бровями залегла глубокая складка, въ черныхъ волосахъ серебрилась сѣдина, — можетъ-быть, слѣды былыхъ безумствъ, разгула, оргій,—можетъ-быть, отпечатки тяжелаго, проведеннаго въ борьбѣ за положеніе въ свѣтѣ прошлаго.

Онъ заговорилъ объ этомъ прошломъ, не то желая оправдать себя, не то желая просто излиться хоть передъ кѣмъ-нибудь. Въ сущности, это прошлое было очень обыкновенной, будничной, пошловатой исторіей. Въ молодости, окончивъ лицей, имѣя десятка полтора тысячъ, онъ прожигалъ жизнь, кутилъ, развратничалъ, обольщалъ. Одною изъ его жертвъ была и Ольхина. Но капиталы изсякли, пришлось взглянуть на будущее. Оно было страшно, и онъ отрезвился разомъ. На югѣ одинъ изъ его родственниковъ занималъ выдающееся служебное положеніе. Ему предложили тамъ мѣсто. Онъ схватился за этотъ исходъ, стушевался съ петербургскаго горизонта, забился въ глушь. Тамъ на югѣ ему представился случай выгодно жениться. Жить нужно было прилично, а средствъ не было, и онъ согласился на этотъ бракъ по расчету.

— Пятнадцать лѣтъ каторги, пятнадцать лѣтъ каторги,— проговорилъ онъ съ особеннымъ подчеркиваньемъ своихъ словъ: — и нужно было все скрывать, улыбаться въ обществѣ, вести открытую жизнь, сохранять внѣшнимъ образомъ приличія, посѣщая высшій кругъ, принимая у себя гостей.

Она тихо вставила:

— Я двадцать лѣтъ выношу каторгу...

Онъ вздохнулъ:

— Да, да, но...

Онъ всталъ и, ходя задумчиво по комнатѣ, заложивъ руки за спину, продолжалъ:

— Мнѣ приходилось играть роль не обманывающаго жену мужа, а обманутаго женою мужа, принимать въ домѣ не своихъ любовницъ, а любовниковъ жены, дѣлая видъ, что я ничего не подозрѣваю. Мнѣ нужно было жить такъ или порвать связи, произвести скандалъ, бѣжать изъ города, опять остаться ни съ чѣмъ. Нечего и говорить, я не смѣю роптать, это было возмездіе, наказаніе Божіе за все про-

Digitized by Google

шлое. Богъ наказалъ меня, но дастъ силы перенести все и понять все...

Онъ говорилъ ровно, спокойно, съ покорностью судьбѣ, тономъ обращеннаго на путь истины грѣшника. Отъ этого тона вѣяло холодомъ, въ немъ было что-то въ родѣ офиціальнаго тона докладной записки, рапорта, резолюціи: «а по сему отдать виновнаго въ арестантскія роты на исправленіе, а за симъ...»

— Ты,—началъ онъ снова и тотчасъ поправился:—вы говорили, что и для васъ жизнь была каторгой. Но Богъ справедливъ: вашъ грѣхъ не былъ такъ великъ, какъ мои грѣхи. Вамъ тяжела была семейная жизнь съ нелюбимымъ мужемъ; мое наказаніе не ограничилось этимъ, — одною жизнью съ нелюбимой и не любившей женой. У васъ были дѣти; моихъ дѣтей Господь прибралъ, и я остался одинокимъ: десять мѣсяцевъ тому назадъ я похоронилъ послѣдняго своего сына. Вы не можете понять, что значитъ потерять всѣхъ дѣтей. У васъ ихъ четверо, вы не однѣ, вы не можете быть вполнѣ несчастною...

У нея защемило сердце. Если бы онъ зналъ, какъ чужды были ей всегда ея дѣти, всѣ, кромѣ Виктора. Но теперь и Викторъ оторванъ отъ нея.

— Этотъ ударъ я едва ли бы перенесъ, — продолжалъ онъ:—если бы меня не укрѣпляла вѣра. Къ счастію, Провидѣніе, карая меня за прошлое, указывало мнѣ на путь спасенія въ будущемъ. Жить въ провинціи, однако, я былъ не въ силахъ и рѣшился переѣхать въ Петербургъ, взять себѣ мѣсто здѣсь. Случайно прошлой осенью я встрѣтилъ, почти тотчасъ по пріѣздѣ сюда, у Лялиныхъ Виктора, и во мнѣ все точно перевернулось. Я тогда только вспомнилъ о васъ иначе, чѣмъ я вспоминалъ о васъ прежде...

Она горько усмѣхнулась.

— Развѣ вы вспоминали? Зачѣмъ вы это говорите!

— Да, вспоминалъ, но, да проститъ меня Богъ за это,— вспоминалъ не какъ несчастную женщину, увлеченную мною, не какъ мать моего ребенка, а какъ существо, съ которымъ я былъ безумно, грѣховно счастливъ. При видѣ Виктора во мнѣ проснулись угрызенія совѣсти, вполнѣ понятная зависть къ вамъ, сознаніе, что Богъ простилъ вашъ проступокъ, оставивъ вамъ дѣтей, а мнѣ не простилъ... Въ первую минуту мнѣ захотѣлось ѣхать къ вамъ, просить васъ отдать мнѣ мальчика, но...

Онъ на минуту остановился.

Digitized by Google

— Я не имѣлъ права нарушать вашего семейнаго счастія, врываться снова въ вашу жизнь. Я ограничился тѣмъ, что послалъ вамъ поклонъ. Я думалъ, я надѣялся, что вы такъ или иначе выразите желаніе видѣть меня... Вы сказали Виктору, что никакого Никонова вы не знаете...

— Онъ вамъ передалъ это?—воскликнула она.

— Да, я сумѣлъ это выспросить у него, — подтвердилъ онъ. — Тогда я понялъ, что вы не хотите меня знать, что мнѣ нечего и думать о какихъ-нибудь правахъ на Виктора, что вы постарались вырвать изъ сердца память обо мнѣ. Это вполнѣ понятно, вполнѣ заслужено мною. Викторъ нашелъ въ это время мѣсто: я рекомендовалъ его уѣзжавшему за границу Зарину. Мнѣ хотѣлось даже, чтобы онъ уѣхалъ. Мнѣ казалось, что я пошелъ бы противъ воли Бога, если бы оставилъ его здѣсь, привязалъ бы его къ себѣ, наперекоръ всему и всѣмъ заставилъ бы его привязаться ко мнѣ, какъ къ отцу...

Богъ, возмездіе, наказаніе, справедливый судъ,—она чувствовала, что ей становится страшно, жутко отъ этихъ словъ. Когда ея мужъ говорилъ о правдѣ и справедливости, она возмущалась идіотствомъ этого «блаженнаго». Тутъ она не могла утѣшить себя даже тѣмъ, что съ нею говоритъ «дуракъ» или «помѣшанный», такъ какъ она и всѣ окружающіе считали Никонова очень умнымъ, дѣловымъ, развитымъ человѣкомъ. Слушая его слова, она испытывала нѣчто въ родѣ того, что испытываетъ человѣкъ, попавъ неожиданно для самого себя на скамью подсудимыхъ и выслушивая рѣчь суроваго прокурора. Никоновъ подошелъ къ ней и опять взялъ ея руку. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, очнувшись отъ тяжелыхъ думъ.

— Я радъ, что вы пришли,—тихо заговорилъ онъ.—Вы вѣстница примиренія Бога со мною. Отнынѣ я не буду одинъ — у меня будетъ сынъ; отнынѣ я не буду праздно сожалѣть о своихъ ошибкахъ—я заглажу ихъ, сдѣлавъ все для вашей семьи, для вашего обманутаго нами мужа.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Авось, вернется ко мнѣ и сонъ!.. Въ послѣдніе два года я страшно страдаю безсонницами. Доктора лѣчатъ и, конечно, напрасно. Тутъ нужно, главнымъ образомъ, духовное лѣкарство, а не какія-то микстуры. Въ эти безсонные часы я похожу на помѣшаннаго, припоминаю все, каюсь во всемъ... Впрочемъ, что мнѣ разсказывать это вамъ, вы, я думаю, не разъ сами переживали эти страшные часы отчета за прошлое...

Digitized by Google

Никогда она ихъ не переживала, никогда не каялась ни въ чемъ. Другія мýки испытывала она сотни и сотни разъ, мечтая о прошломъ, воскрешая всѣ былыя ощущенія, готовая отдать половину жизни за возвращеніе хотя одного дня изъ этого прошлаго. Какъ-то разъ ея сынъ надушился гдѣ-то духами пармскихъ фіалокъ, и у нея закружилось все передъ глазами отъ одного этого запаха: ими постоянно душился Никоновъ во время ихъ связи. До покаяній ли тутъ было!

Когда Никоновъ спросилъ ее все тѣмъ же офиціальнымъ сдержаннымъ тономъ, о чемъ она желала поговорить съ нимъ,—она на-скоро, сбивчиво, въ смущеніи передала ему сущность своей просьбы. У нея три дочери. Всѣ онѣ въ пріютѣ. Учитъ ихъ старая тетка. Тетка эта теперь умираетъ. Надо пристроить на казенный счётъ двухъ дѣвочекъ въ гимназію. Третья хочетъ идти въ фельдшерицы, но это глупости. Она выдержитъ теперь весною экзамены въ гимназіи и можетъ взять мѣсто гувернантки. Главное нужно пристроить младшихъ дочерей.

— Развѣ она у васъ нигилистка?—спросилъ Никоновъ, и что-то сухое, рѣзкое было въ его голосѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно возразила Ольхина, точно инстинктивно испугавшись чего-то. — Просто росла среди двухъ старыхъ дѣвъ, посвятившихъ себя дѣлу воспитанія, и наслушалась о долгѣ, объ обязанностяхъ служить ближнимъ, о жертвахъ ради ближнихъ, ну, и воображаетъ, что она тоже призвана къ этому, что она въ силахъ...

— Дай ей Богъ силъ! — проговорилъ многозначительно Никоновъ.—Самоотреченіе—великое дѣло и притомъ въ молодости это рѣдкость, особенно въ настоящемъ поколѣніи молодежи. Вездѣ эгоизмъ, отрицаніе всего святого, грубая чувственность.

Онъ вздохнулъ, сдвинувъ брови... Что-то жесткое, отталкивающее было теперь въ выраженіи этого еще довольно красиваго лица.

— Хлопотать я не буду,—заговорилъ онъ снова, помолчавъ съ минуту. — Это можетъ затянуть дѣло въ долгій ящикъ. Да это и не нужно вовсе. Я просто буду платить за всѣхъ дѣвочекъ. Вамъ чѣмъ могу — помогу. Но я попрошу и у васъ одолженія. Позвольте мнѣ помѣстить Виктора у себя.

Она встревожилась, хотѣла что-то возразить. Онъ не далъ ей выговорить ни слова.

Digitized by Google

— Конечно, онъ будетъ жить у меня въ качествѣ домашняго секретаря, чего-нибудь въ этомъ родѣ, такъ что вашъ мужъ не будетъ имѣть никакихъ причинъ для подозрѣній. Онъ будетъ бывать у васъ, вы, конечно, во всякое время будете желанной гостьею у насъ. Я хочу не отнять у васъ сына, но имѣть его около себя, помочь ему, наверстать для него то, что было упущено въ прошломъ...

Она чувствовала, что что-то давитъ ей сердце. Внезапно она что-то вспомнила.

— Я боюсь, — несмѣло начала она. — Онъ похожъ на васъ и...

Никоновъ усмѣхнулся.

— Теперь? О, нѣтъ! Онъ похожъ на прежняго Никонова, а не на теперешняго. Вашему мужу ничего и въ голову не придетъ. Вѣдь онъ ничего не подозрѣваетъ?

Она, кусая губы, пересиливая себя, разсказала ему полузабытую исторію съ ея портретомъ.

— Пустяки!—сказалъ онъ.—Черезъ двадцать лѣтъ подобные случаи забываются вполнѣ.

— Однако, когда Викторъ назвалъ вашу фамилію, мой мужъ сталъ припоминать, гдѣ онъ ее слышалъ.

— И не вспомнилъ?—закончилъ Никоновъ.—Нѣтъ, этого нечего бояться, тѣмъ болѣе, что вы сами же сказали, что онъ васъ посылалъ ко мнѣ. Вѣдь если бы онъ подозрѣвалъ, то не послалъ бы васъ ко мнѣ? Онъ не такой человѣкъ, сколько я знаю по слухамъ, по разсказамъ Лялиныхъ и Виктора.

— О, да, да, не послалъ бы!—воскликнула она съ непонятной для нея самой горячностью.

— Итакъ, дѣло покончено! — сказалъ Никоновъ. — Вы воскрешаете меня, даете возможность загладить прошлое. Да наградитъ васъ Богъ за это!

Онъ взялъ ея совсѣмъ похолодѣвшую руку и поднесъ къ губамъ. Это былъ холодный, вѣжливый поцѣлуй. Она не рѣшалась даже поцѣловать Никонова въ голову.

Она встала, торопясь уйти изъ этого роскошнаго кабинета, отъ этого сдержаннаго, приличнаго человѣка, отъ котораго на нее вѣяло такимъ страшнымъ холодомъ. Въ душѣ была какая-то пустота, не было даже радости отъ сознанія что всякіе лишенія и недостатки теперь прекратятся въ семьѣ, что настанетъ время отдыха отъ мелочныхъ заботъ и тревогъ, что дѣти не останутся безъ образованія, безъ сносной одежды.

Digitized by Google

Проходя по гостиной, она случайно увидала свое отраженіе въ простѣночномъ зеркалѣ и смутилась: ея черное платье было на этотъ разъ плотно стянуто на стройной таліи, хотя она уже давно не носила корсета; ея роскошные бѣлокурые волосы были причесаны въ этотъ день не безъ кокетливости, хотя уже нѣсколько лѣтъ она почти не занималась ими; ея гладкіе воротничокъ и манжеты блистали ослѣпительной бѣлизной,—хотя она въ послѣднее время обыкновенно не носила ихъ вовсе; что-то моложавое было теперь во всей ея фигурѣ, хотя она давно уже привыкла считать себя рано состарившейся женщиной. Въ душѣ совершенно мимовольно, при видѣ этого отраженія въ зеркалѣ своей фигуры, поднялась цѣлая буря стыда, негодованія, горечи.

«Обольстить думала!—мелькало въ ея головѣ.—И кого же!»

И когда въ передней Никоновъ протянулъ ей снова руку, она только поспѣшно поклонилась ему и стремительно вышла на лѣстницу. Ея голова кружилась, ее душили слезы, ей хотѣлось плакать, и смѣяться, злобно, истерически, надъ нимъ, надъ собой.

VII.

Пелагея Никитична вернулась домой отъ Никонова непохожею на себя. Она не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что пригнетало ее, чѣмъ она была недовольна, отчего ее всю коробило. Въ головѣ проносились отрывки мыслей, желчныхъ, злыхъ, бичующихъ. «Двадцать лѣтъ платонической любовницей его оставалась». «Одѣвалась сегодня, точно къ другу на свиданіе шла». «Стоило ему шагъ сдѣлать, и опять началась бы эта грязь». «Старуха почти, а о чемъ думала; всю жизнь думала только объ этомъ». «И онъ хорошъ, замаливать грѣхи, смиренничать вздумалъ». «Фарисей! Ханжа! Лицемѣръ!» Ея мысли перешли вдругъ къ нему; она мысленно стала топтать его въ грязь, точно желая отмстить ему за себя. «Молится онъ теперь, постную физіономію корчить, съ монахами и попами бесѣдуетъ, а какъ всю жизнь прожилъ?» Всю вину за свое паденіе она сваливала теперь на него: онъ обольстилъ ее, онъ старался ее развратить, превратить изъ любящей женщины въ разнузданную любовницу. Ей вспомнились мелочи—впервые это прошлое показалось ей гнуснымъ, постыднымъ. Девятнадцать лѣтъ она вспоминала о немъ, какъ объ утраченномъ блаженствѣ. Теперь же проклинала его. Это не было слѣд-

Digitized by Google

ствіемъ раскаянія, а слѣдствіемъ женской злобы, мелкой, придирчивой злобы на этого человѣка, на то, какъ онъ ее встрѣтилъ. Ей хотѣлось обвинить за все его, чтобы оправдать во всемъ себя. А потомъ онъ бросилъ ее, какъ трусъ, не простившись, тайкомъ, воровски. Для чего, для того, чтобы продать себя, въ концѣ концовъ, другой женщинѣ. Денегъ, карьеры искалъ. Ну, и испыталъ же за это и горя, и позора, и семейныхъ дрязгъ. Подѣломъ! Вѣрно, хорошо жилось, что въ ханжу превратился. Да нѣтъ, это онъ изъ трусости ханжитъ: прежде боялся лишеній и нужды здѣсь на землѣ, теперь сталъ бояться наказаній и мукъ тамъ, за гробомъ. Всегда былъ трусомъ. Любилъ ее, какъ трусъ, боясь ея мужа, Данилу-то Лукича! Потомъ, бѣжалъ, какъ трусъ, боясь сценъ съ ея стороны. Женился изъ трусости передъ нищетою и изъ трусости все переносилъ отъ жены, чтобы не испортить карьеры, не потерять положенія въ обществѣ. О, какъ онъ гадокъ и смѣшонъ въ то же время!

Она передумывала все это и то смѣялась, то плакала истерически, какъ помѣшанная.

Былъ уже шестой часъ. Столъ былъ уже давно накрытъ, и Аксинья не разъ спрашивала барыню:

— Что же это баринъ не идетъ?

— Ахъ, оставь,—отрывисто отвѣчала Пелагея Никитична.— Придетъ!

Наконецъ, Данила Лукичъ пришелъ домой разстроенный, невеселый.

— Прости, Поля, запоздалъ я... Забѣжалъ на минуту къ Настасьѣ Порфирьевнѣ,—заговорилъ онъ торопливо.—Очень, очень плоха... опять слегла...

— Не обѣдалъ?—разсѣянно спросила она, думая совсѣмъ о другомъ.

— Нѣтъ, гдѣ же?

Онъ взглянулъ на жену, и его поразили ея заплаканные глаза, ея осунувшееся лицо. Онъ сразу понялъ, что она потерпѣла неудачу, что надѣяться на Никонова нечего, и ласково поцѣловавъ ее въ лобъ, не разспрашивая ее ни о чемъ, замѣтилъ:

— Ну, да никто какъ Богъ!.. Надо быть твердыми, не падать духомъ... Въ жизни это главное... Покуда бодръ— все ни почемъ...

Аксинья подала обѣдъ. Мужъ и жена сѣли за столъ. Данила Лукичъ заговорилъ, храбрясь и стараясь казаться спокойнымъ.

Digitized by Google

— У насъ вотъ вечернія занятія находятся для меня. Какъ притиснуло, такъ и разыскалъ. Сидишь, не просишь,— ничего не найдешь, а потолкался—и нашелъ. Голенькій-то «охъ», а за голенькаго Богъ! Все кое-что перепадетъ, рублишекъ тридцать въ мѣсяцъ. Не шутка!.. Да, да, искать надо, а дѣло найдется. Сегодня и примусь за работу.

Она совершенно неожиданно перебила его:

— А что же ты не спросишь о моемъ визитѣ къ Никонову?

Онъ растерялся.

— Что же спрашивать? По лицу вижу, что ничего не вышло,—проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Она засмѣялась нехорошимъ, злымъ смѣхомъ.

— О, ты ошибаешься! Онъ обѣщалъ, далъ слово пристроить дѣтей!

— Далъ слово?! — воскликнулъ Ольхинъ, встрепенувшись.—Какъ же такъ? Ты же... ты, Поля, на себя не похожа. Я и думалъ, что ничего не выгорѣло... боялся спросить... Ну, разсказывай же, разсказывай...

Она нервно передернула плечами.

— На себя не похожа!—повторила она его слова.—А ты думаешь, легко было говорить съ этимъ господиномъ, просить, кланяться? Это какой-то фарисей, ханжа, проповѣди читаетъ. Справлялся, не нигилистка ли Лиза, что идетъ на фельдшерскіе курсы. Смиреніе проповѣдуетъ, покорность...

Ольхинъ вздохнулъ.

— Насъ-то этому нечего учить, и такъ смиренны и покорны... Да дѣло, голубка, не въ этомъ, а въ результатѣ, въ результатѣ. Обѣщалъ помочь, пристроить дѣтей, вотъ за это спасибо!

Старикъ перекрестился.

— Еще бы, душу спасти хочетъ,—съ ироніей сказала Ольхина.—Боится въ адъ попасть. Сперва грѣшилъ, теперь грѣхи отмаливаетъ.

— Ну, это его дѣло,—серьезно замѣтилъ Данила Лукичъ.— Чужая душа потемки. Не намъ судить, ради чего намъ добро дѣлаютъ.

И, опять оживившись, онъ поспѣшно прибавилъ:

— Надо вотъ будетъ пойти поблагодарить его.

— Тебѣ? Идти къ нему?—воскликнула Пелагея Никитична, испугавшись.—Что ты выдумалъ! Зачѣмъ? Я была, просила, согласился, чего же еще бѣгать къ нему?

Digitized by Google

— Все же... какъ же такъ?.. Сочтетъ за невѣжу,—растерянно проговорилъ Ольхинъ.—Такъ не годится... нѣтъ не годится...

Она уже вполнѣ овладѣла собой и спокойно сказала:

— Во-первыхъ, онъ еще ничего не сдѣлалъ, а потомъ онъ самъ сказалъ, что не любитъ благодарностей...

— Ну, да, добрый человѣкъ, значитъ; добрые вообще не ищутъ благодарностей,—пояснилъ Ольхинъ.—Благодарность—это проценты, а добрые люди не ростовщики... Но все же невѣжами намъ-то нельзя быть.

Она, уже совсѣмъ успокоившаяся, раздумывала о словахъ Никонова, сказавшаго, что Ольхинъ ничего и подозрѣвать не можетъ, что ему будетъ трудно подмѣтить сходство между Викторомъ и имъ, Никоновымъ, и отвѣтила мужу:

— Ну, когда-нибудь, когда сдѣлаетъ что-нибудь для дѣвочекъ, сходишь къ нему. Торопиться нечего. Не горитъ!

Ольхинъ, ободренный надеждою, заговорилъ о будущемъ.

— Квартирку бы только другую подыскать намъ, хоть гдѣ-нибудь поближе къ окраинамъ, но побольше. Тѣсно будетъ тутъ съ дѣвочками, и свѣту мало, воздуху мало.

— Да, ужъ пора изъ этой трущобы вырваться,—сказала Ольхина:—точно въ тюрьмѣ жили. Аксинья—и та только твердитъ, что у насъ «ровно въ могилѣ». Недаромъ она все плачетъ.

— Да, да, дѣткамъ здѣсь будетъ тяжело жить,—согласился Ольхинъ.—Ну, да, авось, найдемъ помѣщеніе получше гдѣ-нибудь на Пескахъ. Лизѣ будетъ тоже близко ходить на курсы. Мнѣ-то, если и далеко отъ должности, все равно, даже полезенъ моціонъ. Сидишь, сидишь, знаешь, ну, и нужно пройтись... Медицина даже совѣтуетъ...

Онъ началъ составлять планы, скромные, смиренные планы бѣдняка, старающагося ободрить самого себя, рисуя будущее въ болѣе радужныхъ краскахъ, чѣмъ оно должно явиться на самомъ дѣлѣ. Она, какъ бы невольно при его словахъ натолкнувшись на мысли о будущемъ, думала въ это время: «Да, довольно терпѣли; я его заставлю поддержать нашу семью; онъ виноватъ передъ нами, пусть заглаживаетъ прошлое». Въ ней опять порывисто вспыхнуло на минуту теплое чувство къ мужу: «Всю жизнь Данила бьется и за что, за какой грѣхъ наказанъ? Развѣ онъ виноватъ, что онъ недалекъ, не развитъ? Зато уже подлостей не дѣлалъ, какъ тотъ! Не досыпалъ ночей, не доѣдалъ, его же

Digitized by Google

сына на ноги поднимая. Ради его сына своихъ дочерей въ пріютъ отдалъ».

Послѣ обѣда Ольхинъ заторопился и ушелъ на вечернія занятія въ должность. Аксинья отпросилась въ гости. Въ послѣднее время, начиная съ первыхъ весеннихъ дней, она чуть не ежедневно бѣгала по вечерамъ куда-то въ гости то на нѣсколько минутъ, то на цѣлый вечеръ. Она была неузнаваема: то казалась сильно возбужденной, залитая горячимъ румянцемъ, то смотрѣла какъ-то испуганно, тупо, съ слѣдами слезъ на глазахъ.

Ольхина осталась одна въ квартирѣ. Не весела и не казиста была эта квартира. Ольхина, взволнованная и погруженная въ тревожныя думы, ходила теперь по ней взадъ и впередъ, глядя съ отвращеніемъ на стѣны съ дешевенькими, потемнѣвшими отъ времени, запятнанными обоями, на крашенный полъ съ бѣлыми просвѣтами тамъ, гдѣ стерлась краска, на закопченый сѣрый потолокъ, на неуклюжую мебель краснаго дерева съ обивкой изъ полинялаго, мѣстами протертаго ситца. Все это было дѣйствительно не казисто, убого, жалко, но послѣ посѣщенія Никонова Ольхиной все это казалось просто омерзительнымъ въ сравненіи съ шелкомъ, бархатомъ и бронзою жилища Никонова. Она почувствовала зависть и злобу, сравнивая свою обстановку съ его обстановкою. Въ головѣ роились протесты. «Довольно такъ жить! Это онъ разбилъ всю нашу жизнь. Увлекъ меня, ядъ влилъ въ душу, а потомъ бросилъ. Если бы онъ поддержалъ во́-время—Викторъ кончилъ бы образованіе, дѣвочекъ не пришлось бы въ пріютѣ держать. И не любила я ихъ, потому что онъ смутилъ мою душу. Только имъ и бредила всегда. Точно нечистый духъ, поселился онъ въ моей душѣ. Всю жизнь искалѣчилъ. Отъ порядочныхъ людей я отшатнулась, потому что тамъ знали о моей связи съ нимъ. Считали за падшую, потому что была въ связи съ нимъ. Не могли понять, что я любила. Думали, что я играла любовью, какъ онъ. Теперь довольно. Заставлю его помогать. Онъ долженъ пристроить дѣвочекъ, помочь устроиться получше, дать средства выбиться изъ этой трущобы. Хоть бы подъ старость вздохнуть свободно. А что если Данила Лукичъ узнаетъ? Но какъ же? Нѣтъ, никогда онъ не узнаетъ. А если бы и узналъ, что-жъ изъ этого? Это было такъ давно, не ревновать же онъ станетъ заднимъ числомъ. Ну, объясню все, покаюсь, проститъ. Онъ проститъ. Тяжело ему только будетъ узнать правду; а развѣ мнѣ было легко! Молода была, не-

Digitized by Google

опытна, ну, и оступилась. Онъ пойметъ это. Да нѣтъ, пустяки это, и разсказывать нечего: было и прошло. Вотъ Викторъ»... Она встревожилась, сдвинула брови. «Нѣтъ, нѣтъ, Викторъ никогда не узнаетъ, не долженъ знать. Да и какъ узнать? Не осмѣлится же Никоновъ открыть ему тайну. На эту низость онъ не способенъ. Да и трусъ онъ!» Затѣмъ въ ея головѣ потянулся цѣлый рядъ мыслей о томъ, какъ она снова встрѣтится со старыми знакомыми. Дрянь они всѣ въ сущности. Какъ только разбогатѣли, пристроились, сдѣлали карьеру, такъ тотчасъ же и отреклись отъ нея, бросили ее, забыли. Теперь слывутъ почтенными и уважаемыми людьми, въ порядочномъ обществѣ вращаются, а если покопаться въ ихъ прошломъ—Лялина настоящей кокоткой была и мужа-то просто купила; Воронецкій черезъ первую жену мѣсто хорошее и тридцать тысячъ отступного получилъ, продавъ ее богачу Ленскому и потомъ женившись на другой; Даниловъ Альфонсомъ простымъ былъ, а потомъ прибралъ къ рукамъ капиталы одной старухи и сдѣлался директоромъ банка. Она перебирала въ памяти всѣхъ этихъ людей—всѣ протащились по грязи, всѣ были заклеймены сдѣлками со своею совѣстью, всѣ могли легко попасть на скамью подсудимыхъ, нѣкоторые даже и сидѣли на этой позорной скамьѣ, а теперь...

— О, тоже, вѣрно, какъ Никоновъ, о нравственности толкуютъ, клеймятъ другихъ, корчатъ святошъ!—воскликнула она со злобой.

И ей мучительно, страстно захотѣлось подняться до нихъ, занять мѣсто въ ихъ кругу, и сказать имъ:

— И я не хуже васъ!

Никоновъ долженъ ее поднять, помочь ей, заставить этихъ людей кланяться ей. Развѣ она хуже ихъ! Вся ея вина въ томъ, что она разъ въ жизни увлеклась. За это ее можетъ судить только мужъ, и никто больше...

Часу въ девятомъ раздался рѣзкій звонокъ. Ольхина вздрогнула и поспѣшно пошла къ дверямъ, узнавъ этотъ звонокъ. У нея занялся духъ отъ неожиданности, отъ радости, отъ смущенія. Какое счастье, что она успѣла побывать сегодня у Никонова до пріѣзда сына! Вотъ откладывала, откладывала этотъ визитъ и сегодня хотѣла отложить. Что бы было, если бы Викторъ пріѣхалъ раньше ея визита къ Никонову? Она торопливо сняла дверной крючокъ и тутъ же на порогѣ бросилась въ объятія къ сыну.

— Задушишь! задушишь!—кричалъ онъ со смѣхомъ, стоя

Digitized by Google

на порогѣ съ чемоданчикомъ и сакъ-вояжемъ въ рукахъ.— Дай освободиться отъ ноши.

Она выпустила его изъ объятій, пропустила въ переднюю закрыла дверь и торопливо заговорила:

— Когда пріѣхалъ? Сейчасъ? Мы ждали только послѣзавтра!

Онъ бросилъ чемоданчикъ и сакъ-вояжъ, сбросилъ дорожную сумку, снялъ щегольское пальто, вздохнулъ полной грудью и проговорилъ:

— Ну, теперь цѣлуй!

Она опять стала его обнимать порывисто, страстно цѣлуя его, его руки.

— Полно! полно!—говорилъ онъ, отдергивая руки.—Зачѣмъ же! Ахъ, ты, чудачка!

— О, о, если бы ты зналъ!—воскликнула она сквозь слезы прерывающимся голосомъ.

— Знаю, знаю, что скучала,—перебилъ онъ ее покровительственнымъ тономъ и, какъ дѣвочку, погладилъ по головѣ.—Ну, полно же, теперь я опять съ тобою!..

Они пошли въ комнату. Сынъ осмотрѣлся.

— А отецъ? А Аксюша? Сбѣжали всѣ? Одна ты?

Онъ вынулъ серебряный портсигаръ, закурилъ папиросу, продолжая говорить, покуда она возилась съ лампой:

— Что сестренки? Все въ сѣренькихъ платьицахъ и бѣлыхъ пелеринкахъ ходятъ, сороки! Кстати, тетя Настя жива? Плоха? Ну, вѣдь и лѣтъ не мало!.. Тамъ, за границей, я часто вспоминалъ о ней, при встрѣчахъ съ разными высохшими миссъ. Она совсѣмъ имъ подъ пару; похожа на англичанку...

Мать едва успѣвала отвѣчать, любуясь имъ, зажигая лампу, бросаясь цѣловать его снова и снова. Похорошѣлъ онъ еще болѣе, возмужалъ, около ушей на розовыхъ щекахъ больше пушистыхъ черныхъ волосъ, усики совсѣмъ уже пробились, красиво чернѣясь надъ сочной верхней губой.

— Никоновъ пріѣхалъ встрѣтить насъ на дебаркадеръ,— разсказывалъ Викторъ, закуривая новую папиросу.—Положительно онъ, кажется, влюбленъ въ меня. Покорно благодарю, я очень радъ. Теперь безъ сильныхъ связей не ступишь ни шагу... Да, кстати, о связяхъ. У меня маленькій романъ. Я тебѣ не писалъ объ этомъ. Бумагѣ не все можно довѣрять. Наконецъ, не стоило. Серьезнаго еще ничего нѣтъ и не можетъ быть покуда... А въ будущемъ—кто знаетъ!

Digitized by Google

— У тебя? романъ?—засмѣялась мать. — Мальчуганъ и туда же о романахъ думаетъ!

— Нѣтъ, право! Что-жъ, мнѣ девятнадцать лѣтъ съ хвостикомъ. Года черезъ два женихъ. Дочь Чупровой не на шутку влюбилась въ меня.

— Дочь Чупровой?

— Да. Ей теперь шестнадцать лѣтъ. Не дурна собой, богата.

Онъ пустилъ дымъ вверхъ и небрежно замѣтилъ:

— Отецъ и мать будутъ, конечно, рады. Я дворянинъ, а она — дитя любви. Разумѣется, я не придаю серьезнаго значенія этой исторіи. Время покажетъ, что изъ этого выйдетъ. Покуда это дѣтскія шалости и только. Надо будетъ прежде всего поступить на коронную службу, чтобы получить чинъ. Сначала я былъ противъ всякихъ чиновъ и орденовъ, но—нѣтъ, это вовсе не лишнее; лишняго ничего нѣтъ въ области всякихъ благъ и сокровищъ. Въ военную хотѣлось бы. Безъ денегъ это было бы нелѣпо. При деньгахъ...

Онъ засмѣялся.

— Мундиръ—красивая игрушка! Ты была бы рада? Да?

Она опять бросилась его цѣловать.

— Нѣтъ, ты окончательно задушишь меня сегодня! — пошутилъ онъ, отбиваясь отъ нея.

Онъ осмотрѣлся.

— А у васъ все то же, все то же!—со вздохомъ сказалъ онъ, и по его лицу скользнула брезгливая гримаса. — Ахъ, скорѣй бы вамъ отсюда выбраться. Все это старо, грязно, противно. Кстати, я привезъ тебѣ немного денегъ и кое-какія бездѣлушки. Сестренкамъ тоже.

— Добрый, обо всѣхъ вспомнилъ! — въ восторгѣ воскликнула она.

— За кого же ты меня считаешь, если думаешь, что я могъ забыть?

Онъ пожалъ плечами.

— О, если бы у меня было много средствъ — я не забылъ бы никого! Ихъ вотъ, ихъ надо пріобрѣсти!

Онъ рѣшительнымъ тономъ добавилъ:

— Знаешь, иногда мнѣ кажется, я чорту душу продалъ бы, только бы добыть средства!

— Викторъ!—съ упрекомъ сказала она.

— Нѣтъ, право! Нищета хуже подлости, хуже грѣха. Будь деньги—и самъ жилъ бы, и другимъ далъ бы возможность жить. Я странный человѣкъ: я иногда въ ярость при-

Digitized by Google

ходилъ, испытывая недостатки здѣсь, въ этой конурѣ, и сердце, какъ въ тискахъ, сжималось и тогда, когда я видѣлъ недостатки другихъ и не могъ помочь. Да, да, мнѣ нужны средства и для себя, и для того, чтобы чужія лохмотья не мозолили глазъ, чтобы чужое нытье не терзало слуха.

— Ахъ, ты въ меня, въ меня!— воскликнула мать. — Я тоже не могу примириться съ лишеніями и не умѣю отказывать другимъ, когда есть что дать.

Раздался новый звонокъ, явился Ольхинъ, и, увидавъ сына, обрадовался, почувствовалъ на глазахъ слезы.

— Сюрпризомъ, сюрпризомъ, — заговорилъ онъ, цѣлуясь съ Викторомъ.—Не ждали сегодня, считали-разсчитывали, а все на сегодня не выходило... Ну, покажись, покажись, каковъ теперь? О, молодецъ! молодецъ! Усенки отрастаютъ? Мужчинкой дѣлаешься. Ахъ, время-то, время какъ летитъ. Молодое растетъ, старое старится... А у насъ—слышалъ?— Тетя Настя скоро капутъ! Что дѣлать! Года берутъ свое!

Онъ обратился къ женѣ.

— А гдѣ же Аксюша? Чайку-то дорогому гостю. Ушла въ гости? Что это она нынче все бѣгаетъ. Ты бы ей поговорила, Пелагея Никитична, а то, пожалуй, съ пути собьется. Человѣкъ молодой... Ну, а покамѣстъ я самъ поставлю самоварчикъ-то...

Онъ похлопалъ по плечу Виктора.

— Эхъ, сынишка, сынишка! Хорошо въ гостяхъ было, а все же, поди, радъ, что дома!

Онъ мелкими шажками поспѣшилъ въ кухню ставить самоваръ.

Викторъ сталъ распаковывать чемоданъ и сакъ-вояжъ, доставать мелкіе подарки: брошь и серьги матери, янтарный мундштукъ отцу, бусы изъ свѣтлыхъ камней сестренкамъ, какія-то блестящія бездѣлушки для этажерки, щипцы колоть орѣхи въ видѣ головы Бисмарка. Въ то же время онъ болталъ безъ умолку, веселый, безпечный, счастливый, восхищался француженками, презрительно говорилъ о нѣмкахъ, вышучивалъ англичанокъ, съ нѣкоторой брезгливостью упоминалъ о красотѣ итальянокъ, замѣчая: «если бы ихъ вымыть прежде». Серьезныхъ наблюденій у него не было никакихъ, но банальныя замѣчанія облеклись въ блестящую форму и казались чѣмъ-то новымъ. Почерпнутыя изъ «Путеводителей» свѣдѣнія казались серьезными знаніями.

За чаемъ отецъ заговорилъ опять о Настасьѣ Порфирьевнѣ,

Digitized by Google

о дѣвочкахъ и перешелъ къ Никонову. Мать у него была. Обѣщалъ онъ дѣвочекъ пристроить. Надо будетъ идти его благодарить.

— Да, его надо приручить, онъ можетъ быть полезенъ,— сказалъ Викторъ. — Денегъ дѣвать некуда, одинокъ совершенно, пусть хоть на доброе дѣло употребитъ свои средства. За мною онъ ухаживаетъ, точно за сыномъ. Что-жъ, если блажь такая пришла въ голову, пусть.

— Должно-быть, добрѣйшая душа!—вставилъ отецъ.

— Ханжитъ! Боится, что на томъ свѣтѣ плохо будетъ, такъ грѣхи здѣсь отмаливаетъ!—желчно вставила Пелагея Никитична.

— Ай, ай, ай! — воскликнулъ съ упрекомъ Ольхинъ. — Можно ли, Поля, такъ говорить! Мы должны быть благодарны.

Викторъ засмѣялся.

— А я видѣлъ его передъ отъѣздомъ за ужиномъ у Чупровой. Выпилъ онъ чуть-чуть черезъ мѣру и все это соскочило—и маска св. Антонія, и смиренномудренныя благоглупости. Оказалось, онъ премилый анекдотистъ. Нѣкоторые анекдоты неподражаемы, конечно, не въ дамскомъ обществѣ, а гдѣ-нибудь у Чупровой. Лицо у него даже преобразилось: губы полуоткрылись, глаза заблестѣли... О, если въ немъ уже и нѣтъ большого чорта, то маленькій бѣсенокъ еще застрялъ въ немъ гдѣ-то.

— Викторъ, Викторъ!—остановилъ его отецъ.

— Что же, я говорю, что вижу, не хваля, не осуждая,— отвѣтилъ Викторъ.—Каждый за себя отвѣчаетъ. Наконецъ, ему выгодно держать себя именно такъ.

Чай былъ уже допитъ; Пелагея Никитична сама устроила сыну на диванѣ постель, семья готовилась уже спать, пора было гасить лампы, и всѣ только досадовали, что Аксинья не вернулась еще домой. Викторъ сказалъ отцу и матери, что онъ отворитъ ей двери, такъ какъ передняя у него подъ рукой, и онъ еще не хочетъ спать. Семья разошлась. Викторъ, прилегшій полураздѣтымъ на диванъ съ папиросой въ зубахъ, отдавшись мечтамъ, около перваго часу услышалъ звонокъ и вышелъ отворить двери Аксиньѣ.

— Баринъ! Викторъ Даниловичъ?—воскликнула Аксинья, увидя молодого барина, при свѣтѣ бѣлой ночи, смотрѣвшей въ окно прихожей, и растерянно остановилась на порогѣ.

— Гдѣ загулялась, Аксюша?—шутливо сказалъ Викторъ.— Полуночничаешь нынче? Дай-ка взглянуть на тебя.

Онъ повернулъ ее къ свѣту, къ окну лицомъ. Она, съ залитыми румянцемъ щеками, потупилась, застыдилась.

— Все такая же красавица! — смѣясь сказалъ онъ. — Кровь съ молокомъ!

Она махнула безнадежно рукой, глухо проговоривъ:

— Гдѣ ужъ!

Въ ея голосѣ послышались слезы, безнадежность, отчаяніе.

— Что ты, Аксюша? Милая, что съ тобой?

Она отерла передникомъ глаза.

— Измаялась я! Истомилась!—тихо сказала она, продолжая плакать.—Уѣхали вы, ровно въ могилѣ стало у насъ. Ни мы никуда, ни къ намъ никто. Точно прокаженные. Маялась, маялась зиму-то...

Она опять махнула рукой.

— Говорить-то со мной вамъ не слѣдъ бы... Гнать меня надо... подлую...

Онъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Свихнулась? Да?

Она тихо отвѣтила:

— Не спрашивайте!.. Съ горя, съ тоски... подвернулся, чтобъ ему ни дна, ни покрышки, солдатикъ тутъ... Подлый, въ лагерь теперь ушелъ... Вотъ близокъ локоть, не укусишь теперь...

Онъ такъ же шопотомъ сталъ утѣшать ее:

— Не плачь! Съ кѣмъ не бываетъ грѣха! Ахъ, ты, бѣдная, бѣдная! Вернется вотъ къ осени...

— Да, жди его! Онъ еще до лагерей, провалиться бы окаянному ему, сознался, что жена у него есть...

— Бросилъ, значитъ? Ахъ, ты, горемыка!—пожалѣлъ ее Викторъ.

И, наклонившись, поцѣловалъ ее. Она потупилась, но не протестовала.

Бѣлая ночь смотрѣла въ окна жилища Ольхиныхъ. Викторъ Даниловичъ лежалъ на диванѣ, но не спалъ. Въ его головѣ проходили вереницами свѣтлыя, сладкія мечты. Вспоминалось путешествіе, Берлинъ, Парижъ, Венеція, Неаполь. Грезилась недурненькая головка дочери Чупровой и слышались ея полудѣтскія клятвы. Сколько дадутъ за ней въ приданое? Никоновъ приходилъ на память. Что если бы онъ дѣйствительно усыновилъ его, Виктора, не юридически, конечно, а фактически? Онъ богатъ и можетъ дать средства къ жизни. Военная служба въ гвардіи легка, а блестящій мундиръ былъ бы къ лицу. Отецъ, мать, сестры зажили бы

Digitized by Google

безъ нужды, если бы у него, у Виктора, были большія средства. Въ этой нищенской конурѣ имъ нельзя жить вѣчно. Скверно здѣсь, Богъ вѣсть, на какую гадость можетъ натолкнуть нужда; вонъ даже Аксюша, простой человѣкъ, а и та съ горя сама себя потеряла, какъ она говоритъ. А славная, здоровая дѣвчонка. Онъ радъ, что не онъ былъ виновникомъ ея паденія. А могло бы случиться: въ этой трущобѣ лишенія, скука, тоска, отчаяніе до всего довести могли. Онъ вспомнилъ, какъ онъ, бывало, отъ бездѣлья заигрывалъ съ нею. Не довело бы это до добра. Теперь, конечно, онъ можетъ не упрекать себя ни въ чемъ, не онъ соблазнилъ Аксюшу; онъ, напротивъ того, является мимолетнымъ лучомъ счастія въ ея горькой жизни; рада она, что онъ съ сочувствіемъ, съ лаской отнесся къ ней. Бѣдняга, всплакнула, объ отцѣ и матери вспомнила, что бы они сказали, если бы обо всемъ узнали тамъ въ деревнѣ. Прежде объ этомъ нужно было думать. Теперь уже поздно. И какъ это женщины падаютъ: затосковала безотчетно въ этой могилѣ, подвернулся какой-то солдатикъ, и конецъ. Теперь этотъ солдатикъ, конечно, даже не думаетъ о ней, о томъ, что погубилъ ее навсегда, подбивается къ какой-нибудь другой, не она первая, не она послѣдняя встрѣтилась ему на пути. И то сказать, какъ же быть иначе: люди молодые, здоровые, полные силъ. Ей-то только не легче отъ того, что не она первая, не она послѣдняя. «Сама не помнила себя,— говоритъ она:—когда себя потеряла». Да, да, это такъ понятно, а дальше-то что—нынче я, завтра другой и пойдетъ по торной дорогѣ. Эхъ, несчастныя созданія!

Онъ сладко потянулся, разводя въ стороны руками, зѣвнулъ и началъ дремать.

VIII.

Надежды на выздоровленіе Настасьи Порфирьевны не было никакой. Со дня на день ожидали смерти старушки.

Ольхинъ, заходившій къ двоюродной сестрѣ чуть не ежедневно, былъ глубоко опечаленъ сознаніемъ, что онъ скоро потеряетъ это дорогое ему существо. Горько было ему и то, что онъ, занимаясь теперь въ должности утромъ и вечеромъ, могъ только урывками, на нѣсколько минутъ посѣщать больную. Но у бѣдняковъ всегда рядомъ съ печалью объ утратѣ близкаго лица идутъ и чисто практическія тревоги: изъ какихъ средствъ лѣчить больного, на какія деньги его похоронить, что дѣлать дальше, если дѣло идетъ о смерти

Digitized by Google

помощника или кормильца семьи? Какъ бы ни было велико горе, при утратѣ дорогой личности, бѣднякъ не можетъ позабыть этихъ мелкихъ заботъ и расчетовъ... У Ольхина были заботы въ этомъ же родѣ. Прежде всего нужно было взять дѣвочекъ изъ пріюта, такъ какъ у больной старушки Носовой были въ распоряженіи всего двѣ крошечныя комнаты, ея спальня и ея кабинетъ, и отнимать у нея одну изъ этихъ комнатъ теперь не было возможности. Воздуха и удобствъ здѣсь и безъ того было мало. Вслѣдствіе этого Ольхинымъ нужно было перемѣнить квартиру, найти помѣщеніе попросторнѣе. Хватитъ ли на это средствъ? Старикъ думалъ объ этомъ не безъ страха и болѣе всего боялся за жену. Всякія нужды и лишенія тяжело отзывались на ней. Терпѣть молча она не умѣетъ. Гдѣ же ей, не такъ воспитана была, въ роскоши выросла! Ольхинъ всегда принималъ это въ соображеніе, размышляя о женѣ. Но Пелагея Никитична, противъ всякаго ожиданія, на этотъ разъ не упала духомъ. Всматриваясь въ нее попристальнѣе, можно было замѣтить въ ней лихорадочное возбужденіе, задоръ рѣшившаго идти напроломъ человѣка, торжество увѣренной въ побѣдѣ надъ обстоятельствами личности. Какъ-то разъ она, съ разгорѣвшимися щеками, съ блестящими глазами, провела цѣлый вечеръ, въ отсутствіи мужа, за писаньемъ длиннаго письма. Она рвала исписанные листки, принималась писать снова и, наконецъ, кончила тѣмъ, что написала записку въ пару строкъ. На слѣдующій день она опустила сама это письмо въ почтовый ящикъ. Весь день она провела въ тревожномъ хожденіи изъ угла въ уголъ по своей квартирѣ, то мрачно сдвигая съ угрозой брови, то смѣясь злымъ смѣхомъ; что-то хищническое было во всемъ ея существѣ. Казалось, она посылала мысленно кому-то вызовъ, готовилась поставить на карту жизнь, побѣдить или пасть. Этотъ день показался ей цѣлою вѣчностью, потому что она ждала слѣдующаго дня, долженствовавшаго рѣшить ея участь. Насталъ и этотъ день. Съ утра, тотчасъ по уходѣ мужа въ должность, она опять одѣлась въ свое парадное черное платье; опять особенно тщательно причесала свои роскошные волосы, опять долго смотрѣлась въ зеркало и стала ждать. Сильно возбужденная, разгорѣвшаяся, съ лихорадочно блестящими глазами, она точно помолодѣла въ этотъ день. Въ ея гибкой фигурѣ была особенная кошачья грація, кокетливость молодящейся красавицы. Такія женщины умѣютъ въ извѣстныя минуты или безпощадно вцѣпиться когтями,

Digitized by Google

или мягко приласкать бархатными лапками. Подавленности, которую она ощущала, отправляясь недавно на свиданіе съ Никоновымъ, не было и слѣда; она теперь ждала гостя, какъ бы готовая идти на бой, немного наглая, немного дерзкая. Ровно въ двѣнадцать часовъ послышался звонокъ. Она вздрогнула, и въ то же время по ея лицу скользнула нехорошая усмѣшка. Она знала, что это звонилъ Никоновъ. «Заханжить», мелькнуло въ ея головѣ.

— Теперь вы видите, какъ мы живемъ, — съ ироніей и брезгливо проговорила она, здороваясь съ Никоновымъ и приглашая его сѣсть на диванъ. — Добавлять тутъ нечего разсказами. Да вамъ это и все равно, не вы въ этомъ виноваты...

Никоновъ началъ немного растерянно, точно чувствуя себя виноватымъ въ ея бѣдности, въ мизерности этой обстановки:

— Вы ошибаетесь! я глубоко... глубоко...

Она нетерпѣливо пожала плечами и сухо прервала его рѣчь.

— Не станемъ объ этомъ говорить! Въ прошлый разъ, когда я шла къ вамъ, мнѣ хотѣлось много, многое сказать вамъ. Теперь я вижу, что это не нужно. Когда-то вы жестоко насмѣялись надъ моей любовью, отравили все мое семейное счастіе, бросили меня, зная, что я скоро буду матерью, а теперь — теперь вы стараетесь примириться со своею совѣстью, съ Богомъ, каясь въ своихъ проступкахъ; вамъ удалось это примиреніе и, разумѣется, вамъ нѣтъ никакого дѣла до того, примирилась ли я-то съ вами, могла ли я-то простить вамъ, если не за себя, то за нашего сына, которому нужда не дала возможности даже кончить образованіе, который ради денегъ пошелъ въ гувернеры къ какой-то...

Она оборвала эту горячую рѣчь и холоднымъ тономъ прибавила:

— Не объ этомъ нужно мнѣ говорить съ вами теперь. Я просила васъ заѣхать сегодня, потому, что не хотѣла сама обивать ваши пороги, дѣлать свои посѣщенія извѣстными вашимъ людямъ и, въ концѣ концовъ, Виктору. Онъ ничего не знаетъ, и, конечно, вы не заставите меня пережить новаго униженія... передъ нашимъ сыномъ... это было бы слишкомъ жестоко.

— О, повѣрьте!—опять началъ совершенно растерявшійся Никоновъ и не кончилъ, прерванный ею.

— Но мнѣ нужна ваша помощь,—рѣзко сказала она.— Я не имѣю никакихъ правъ на нее... скажу больше, меня душитъ при одной мысли, что я должна обращаться

Digitized by Google

именно къ вамъ за этой постыдной помощью... Но мой мужъ...

— Другъ мой, не говорите такъ, — началъ Никоновъ, чувствуя непривычное, давно забытое волненіе передъ лицомъ этой возбужденной, раскраснѣвшейся женщины, немного поблекнувшей, но все еще прекрасной, все еще возбуждавшей его своею страстной измѣнчивостью.

Онъ взялъ ея красивую, тонкую руку и не безъ наслажденія поднесъ къ своимъ губамъ.

— Оставьте!—коротко сказала она, слегка отдергивая руку.—Для чего лицемѣрить, надѣвать маску? Мы давно чужіе...

Онъ вздохнулъ нѣсколько сентиментально.

— Развѣ мы можемъ быть когда-нибудь чужими послѣ всего того, что было?—тихо сказалъ онъ и невольно сжалъ ея руку.—Нѣтъ, между нами была пропасть, мы должны уничтожить ее, хотя бы во имя нашего сына. Вы знаете, я хочу загладить все, все прошлое,—съ чувствомъ произнесъ Никоновъ.

— Мой мужъ бился, какъ волъ, надъ работой, чтобы дать приличное образованіе *нашему* сыну,—продолжала она отрывисто, нахмуривъ брови, не отвѣчая на его слова.—Теперь у него нѣтъ ни силъ, ни средствъ, чтобы дать образованіе *своимъ* дѣвочкамъ. Ихъ даже негдѣ пріютить здѣсь, въ этой грязной конурѣ.

— Я уже вамъ сказалъ—располагайте мною,—отвѣтилъ Никоновъ.—Вѣрьте мнѣ, что я постараюсь сдѣлать все...

Она тяжело вздохнула, заговорила, какъ мучительно ея положеніе, какъ боится она, что мужъ или сынъ узнаютъ ея проступокъ, что иногда ей самой хочется покаяться во всемъ, чтобы только не мучиться. Это, можетъ-быть, безуміе, но что же дѣлать, когда нѣтъ силъ бороться съ собою, нѣтъ силъ лгать. У нея есть оправданіе передъ мужемъ и сыномъ: она была молода, она увлеклась страстью, она была обманута. Они поймутъ, простятъ. Девятнадцать прожитыхъ лѣтъ—достаточное наказаніе. Это дастъ ей, по крайней мѣрѣ, возможность не обращаться съ просьбами къ нему, къ Никонову. Мужъ тогда не позволитъ ей обращаться къ Никонову. Если бы онъ зналъ, что она унижается теперь и проситъ у Никонова помощи—онъ не простилъ бы ей этого: измѣну простилъ бы, а этого не простилъ бы. О, она его знаетъ! Она никогда не любила его, но уважать она никогда не переставала этого человѣка. Никоновъ испугался, сталъ утѣшать ее. Зачѣмъ же смущать миръ этихъ людей. Ольхина

Digitized by Google

и Виктора? Пусть они ничего не знаютъ. Онъ будетъ помогать, онъ сдѣлается другомъ ихъ дома, они всѣ будутъ счастливы.

— Всѣ кромѣ меня!—съ горечью воскликнула она:—потому, что мнѣ-то не примириться съ своею совѣстью...

Онъ опять не безъ нѣжности поцѣловалъ ея руку и заговорилъ успокаивающимъ тономъ. Кто знаетъ будущее? Она еще не отжила. Годы испытаній пришли къ концу. Имъ обоимъ нужно примиреніе другъ съ другомъ, со своею совѣстью, съ небомъ. Они тяжело поплатились за прошлое. Если ей жилось не сладко, то и его жизнь была не красна. Ему хотѣлось бы отдохнуть среди любящихъ людей...

Она неожиданно расплакалась. Онъ, немного стѣсняясь, рѣшился обнять ее одной рукою. Ея голова склонилась на минуту къ его груди. Но это было только на минуту. Она порывисто отпатнулась отъ него, какъ ужаленная, и успѣла уловить въ его лицѣ странное выраженіе—прежнее выраженіе сластолюбца. Онъ немного сконфузился, въ волненіи всталъ и заходилъ по комнатѣ, тяжело переводя духъ, бормоча безсвязно въ смущеніи:

— Да, да, вы правы... я много виноватъ предъ вами... Вамъ трудно простить...

Она рѣзко, неожиданно отвѣтила, смотря ему прямо въ глаза съ едва уловимой насмѣшкой:

— Прежде нужно было вырвать изъ сердца любовь... тогда бы и можно было говорить о прощеніи...

Онъ растерялся, не нашелся, что отвѣтить, неожиданно услышавъ, что она еще любитъ его. Она же съ злой иронией тотчасъ успокоила его:

— О, не думайте, что я васъ хочу соблазнить, какъ когда-то вы соблазнили меня!.. Теперь поздно, я почти старуха, а вы...

Она, не кончивъ фразы, рѣзко перемѣнила тонъ и сухо сказала, точно выгоняя его отъ себя:

— Мы, кажется, высказали все. Я попрошу васъ помочь намъ теперь. Конечно, этого не долженъ знать ни мой мужъ, ни Викторъ.

Никоновъ ушелъ отъ нея въ какомъ-то странномъ настроеніи. Въ головѣ мелькали то соблазнительныя картины прошлаго, то попытки настроиться на душеспасительный ладъ. Совершенно мимовольно онъ подумалъ, что, не будь у него на дорогѣ этого старика Ольхина, и онъ могъ бы быть вполнѣ счастливымъ семьяниномъ, и тутъ же испу-

Digitized by Google

гался этой грѣшной преступной мысли; не Ольхинъ стоитъ у него на дорогѣ, а онъ у Ольхина; вѣчно онъ въ грѣхъ впадаетъ, вѣчно своихъ страстей обуздать не можетъ...

— А она все та же, все та же,—вдругъ закончилъ онъ со вздохомъ и усмѣхнулся.—Удивительная женщина! Сколько страсти...

Ему опять вспомнилось прошлое. Никогда онъ не былъ такъ счастливъ, какъ тогда. Конечно, оно не можетъ вернуться вполнѣ; годы берутъ свое; но все же...

— Нѣтъ, видно, старая любовь не ржавѣетъ!—проговорилъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда Данила Лукичъ началъ тревожно говорить, какъ устроиться съ дѣтьми, жена стала ободрять его.

— Ты теперь до тридцати рублей вечерними занятіями зарабатываешь,—говорила она.—Это не шутка, Викторъ еще поможетъ.

— Ахъ, Поля, Поля, что ты толкуешь!—остановилъ онъ жену.—Развѣ можно на Виктора разсчитывать? Мальчикъ не успѣлъ на ноги еще встать, а мы насядемъ на него. Совсѣмъ это не подходящее дѣло, не по-родительски это...

Ему было даже странно, что именно ему приходится вступаться за Виктора передъ нею. Прежде все готова была отдать сыну, а теперь обирать его хочетъ. Не поймешь просто этихъ женщинъ. Но долго останавливаться теперь на мелкихъ явленіяхъ было некогда. Нужно было скорѣе перебраться съ стараго пепелища, устроиться по-новому. Ольхинъ, не имѣя возможности искать новую квартиру, поручилъ это дѣло женѣ. Квартира нашлась скоро, просторная, свѣтлая, съ парадным ходомъ. Больше всего заботилась Ольхина о парадномъ ходѣ. Когда Пелагея Никитична разсказывала о найденной ею квартирѣ мужу, онъ усмѣхнулся и махнулъ рукою.

— Ну, это не про насъ писано, Поля,—замѣтилъ онъ.—Видно, самому придется искать...

— Отчего же? Она всего на десять рублей дороже нашей,—возразила жена.—На Пескахъ удивительно дешевы квартиры...

— Десять-то рублей лишнихъ можно бы заплатить, но вѣдь это будутъ пустые сараи,—сказалъ Ольхинъ.—Такую квартиру омеблировать нужно.

— У меня есть деньги на это,—быстро замѣтила она и тутъ же поспѣшила пояснить:—Викторъ прикопилъ...

Digitized by Google

Ольхинъ даже разсердился.

— Викторъ! Викторъ!—повторилъ онъ съ досадой.—Дался тебѣ кормилецъ и поилецъ! Грабить мы его рѣшились, что ли? Ахъ, Поля, Поля! Вѣдь ты мать, должна же ты понимать это!

— Да, пойми ты, что ему теперь не нужны эти деньги,— пояснила она, стараясь казаться спокойной.—Никоновъ взялъ его къ себѣ въ домашніе секретари, и мальчику деньги не нужны, будетъ жить на всемъ готовомъ... Даже лучше для него, если деньги не будутъ въ его рукахъ, кутить не станетъ. Наконецъ, мы отдадимъ ему эти деньги по пяти, по десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Не говори ты мнѣ этого, не буду я грабить сына,— рѣзко сказалъ Ольхинъ.

— Что же ты его обидѣть хочешь?—спросила она.—Мы для него все дѣлали, онъ...

— Мы обязаны были поднять его, а заѣдать его вѣкъ— грѣхъ,—перебилъ ее мужъ на полусловѣ.—Не хочешь ли ты всю семью взвалить ему на плечи?

— Ахъ, перестань! Тутъ идетъ дѣло вовсе не объ этомъ, а о томъ, что мы беремъ ненужныя ему теперь деньги и по мѣрѣ силъ отдадимъ ему.

Она немного раздражилась его упрямствомъ и съ иронiей сказала:

— Или ты хочешь, чтобы на колѣняхъ самъ умолялъ тебя занять у него эти деньги? Впрочемъ, можетъ-быть, ты хочешь этимъ напомнить ему, какъ ты обошелся съ нимъ тогда, когда онъ занялъ у тебя безъ спросу несчастные сорокъ рублей?

Старика точно подкосило этими словами. Онъ растерялся, смутился, согласился на все. Дѣйствительно, мальчикъ можетъ обидѣться, что отецъ не хочетъ взять у него денегъ. Онъ даетъ, а отецъ отказывается, какъ чужой. Нѣтъ, такъ нельзя. Надо взять. Пелагея Никитична хорошо изучила мужа и знала, что разговоръ долженъ окончиться именно этимъ.

Въ воскресный день Викторъ, проводившій теперь почти все время у Никонова, зашелъ по обыкновенію домой. Данила Лукичъ, цѣлуясь съ нимъ, тотчасъ же заговорилъ о деньгахъ. Онъ сталъ торопливо благодарить сына за одолженіе и прибавилъ:

— Совѣстно только, что мы...

— За какія деньги?—спросилъ не безъ удивленія Викторъ, перебивая его.

— Ахъ, глупости! глупости!—торопливо вмѣшалась въ раз-

Digitized by Google

говоръ Пелагея Никитична, досадуя на мужа и очевидно желая замять этотъ разговоръ.—Вѣчно ты, Данила Лукичъ, изъ пустяковъ вопросы какіе-то дѣлаешь... Это, Викторъ, отецъ говоритъ о тѣхъ деньгахъ, что ты мнѣ далъ, помнишь, въ день твоего пріѣзда.

— Ну, стоитъ объ этомъ говорить,—небрежно сказалъ Викторъ, пожимая плечами.—Гроши!

— Какъ, голубчикъ, не стоитъ, какъ не стоитъ!—со вздохомъ проговорилъ Ольхинъ.—Вовсе не гроши, да если бы и гроши, такъ все же нельзя не говорить о нихъ. Тебѣ самому могутъ они понадобиться, тебѣ...

— Ну, съ меня покуда довольно;—замѣтилъ Викторъ и началъ разсказывать, какъ добръ и щедръ Никоновъ.

— Старайся и самъ заслужить это,—наставительно сказалъ Данила Лукичъ.—Можетъ-быть, работа и тяжела на первыхъ порахъ покажется...

Викторъ засмѣялся.

— Да работы почти нѣтъ.

— Какъ же такъ? За что же платитъ?—изумился отецъ.

— Просто блажь пришла,—пояснилъ сынъ.—Одному жить, вѣрно, скучно, вотъ и изобрѣлъ должность домашняго секретаря. Мнѣ кажется, онъ даже спать немного боится одинъ въ комнатѣ. Чудакъ!

Онъ засмѣялся.

— Я нынче узналъ, что онъ спиритизмомъ занимается. Въ духовъ вѣритъ. Чертовщину какую-то слышитъ, стуки. Блажь все!

Данила Лукичъ задумался и покачалъ головой.

— Блажь, блажь! Имъ хорошо блажить, а молодого человѣка держать безъ дѣла значитъ портить, къ тунеядству пріучать... Нѣтъ, это, вѣрно, на первыхъ порахъ работы у тебя мало. Погоди, еще навалятъ! Заохаешь! Нѣтъ, солидный человѣкъ даромъ платить денегъ юношѣ не станетъ. Такъ нельзя!

Въ квартирѣ, между тѣмъ, началась веселая возня по поводу переѣзда въ новое помѣщеніе. Лиза, Катя, Таня и Пелагея Никитична хлопотали усердно, укладывая старый скарбъ, смотря, какъ его выносятъ на возы. Всѣхъ радовалъ переѣздъ на новую квартиру, всѣ весело смотрѣли, перебравшись въ эту квартиру, на новую обстановку, довольно щеголеватую, довольно красивую. Пелагея Никитична совсѣмъ преобразилась, оживилась, помолодѣла при видѣ новой мебели, новыхъ лампъ, новой обстановки, ничѣмъ не

Digitized by Google

напоминавшей о недавней нуждѣ. Каждая бездѣлушка радовала ее, говорила ей о концѣ горькаго прошлаго. Она почувствовала даже, что она стала добрѣе, что всѣ стали ей дороже...

Когда Ольхинъ пришелъ изъ должности въ эту квартиру, онъ былъ такъ пораженъ видомъ новой мебели, что у него даже руки опустились. «Господи, да чего же все это стоитъ?» мелькнуло въ его головѣ, и тотчасъ же онъ сообразилъ, что жена влѣзла въ долги. Его обнимали и цѣловали его дѣвочки, веселыя, радостныя, а онъ смотрѣлъ на все почти со страхомъ, растереннымъ взглядомъ.

— Пелагея Никитична, да чего же все это стоитъ? Во что обошлось?—пробормоталъ онъ.—Неужели ты рѣшилась...

Она развязно и бойко подошла къ нему, обняла его и весело остановила его на полусловѣ:

— Не бойся, не бойся, ни гроша ни у кого не взяли въ долгъ! Все на свои деньги сдѣлано.

И заговорила о томъ, что все это въ сущности только на видъ дорогимъ кажется: мебель не волосомъ набита, обивка дешевая, работа простая, рыночная. И съ чисто женской хитростью перешла къ другой темѣ, заслонилась дѣтьми:

— А ужъ какъ дѣти-то рады! Взгляни, ожили! Прыгаютъ, смѣются! Да ты хоть бы приласкалъ ихъ! Ахъ, сухарь черствый!

Впервые ей приходилось напоминать ему, что нужно приласкать дѣтей.

Онъ вспомнилъ о нихъ, занялся ими и, видя ихъ искреннюю радость, почувствовалъ, что у него на глаза навертываются слезы—хорошія слезы отца, видящаго счастіе дѣтей...

Съ этой минуты жизнь въ семьѣ Ольхиныхъ пошла по новому. Никогда не жила семья такъ согласно, такъ весело, какъ теперь. Ольхинъ иногда тяжело вздыхалъ, когда ему приходилось уходить изъ дома въ должность, такъ хорошо, такъ сердечно, такъ уютно было теперь дома. Смущала старика только болѣзнь Носовой, да безпокоило его будущее дѣвочекъ. Хотя жена и говорила ему, что Никоновъ похлопочетъ объ опредѣленіи Кати и Тани на казенный счетъ въ гимназію, а Лизу пристроитъ на фельдшерскіе курсы, но все же это покуда были одни обѣщанія. Старикъ понималъ, что именно теперь нужно ковать желѣзо, хлопотать о дочеряхъ. Несмотря на увѣренія жены, что Никоновъ пристроитъ дѣвочекъ и что его не нужно безпокоить визитами, онъ счелъ за необходимое сходить къ Никонову, напомнить

Digitized by Google

ему о дѣвочкахъ и кстати поблагодарить его лично за сына. «Нельзя же невѣжей быть: люди намъ добро дѣлаютъ, а мы имъ и спасибо не скажемъ!» Онъ, не говоря ни слова дома о своемъ намѣреніи, собрался въ одинъ изъ воскресныхъ дней къ Никонову.

Прифранченный, съ офиціальнымъ видомъ, съ робостью въ душѣ, позвонилъ онъ у дверей Никонова, вошелъ въ прихожую и попросилъ лакея доложить о своемъ приходѣ.

— Пожалуйста, голубчикъ, доложите, что ихъ превосходительство желаетъ видѣть Ольхинъ, Данила Лукичъ Ольхинъ,—проговорилъ онъ, оправляясь передъ зеркаломъ въ прихожей.—Не забудете?

— Нѣтъ-съ, какъ можно,—вѣжливо отвѣтилъ лакей.—Виктора Даниловича батюшка?

— Такъ, такъ, онъ самый,—заявилъ Ольхинъ.—Батюшка! Такъ и доложите!

Лакей ввелъ его въ залу. Ольхинъ съ фуражкой въ рукѣ, торопливо приглаживая волосы на вискахъ, чувствуя точно свинецъ въ ногахъ, остановился у входной двери залы и сталъ ждать. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Заслышавъ шаги, Ольхинъ встрепенулся, сталъ мысленно приготовляться, какъ и что говорить: сперва поблагодарить за сына, потомъ попросить протекціи для дочерей.

Въ глазахъ его было темно, когда вышелъ къ нему Никоновъ. Ольхинъ, вертя въ рукахъ фуражку, заговорилъ поспѣшно, сбивчиво, бормоча:

— Ольхинъ, ваше превосходительство, имѣю честь представиться, Данила Лукичъ Ольхинъ, отецъ Виктора Даниловича Ольхина, ваше превосходительство...

Никоновъ, въ свою очередь немного смущенный, не зная, какъ держать себя съ этимъ посѣтителемъ, съ этимъ обманутымъ имъ когда-то мужемъ, подошелъ къ нему.

— Очень радъ, очень радъ,—заговорилъ онъ, съ несвойственной ему поспѣшностью, протягивая руку.

Ольхинъ поднялъ глаза, взглянулъ въ лицо хозяину, хотѣлъ протянуть руку, выронилъ фуражку и, растерявшись, не спуская глазъ съ Никонова, немного открывъ роть, почти присѣлъ, шаря по полу, чтобы поднять фуражку. Никоновъ, тоже смущенный этимъ взглядомъ, въ свою очередь наклонился, чтобы помочь Ольхину поднять фуражку. Ольхинъ забормоталъ:

— Ничего-съ, ничего-съ, ваше превосходительство... Неловокъ я... дикарь, совсѣмъ-съ... отвыкъ въ архивѣ...

Digitized by Google

Онъ спутался, смолкъ, самъ не зная, что поразило его при взглядѣ на лицо Никонова. Никоновъ тоже, смотрѣлъ растерянным, но уже старался овладѣть собою.

— Не волнуйтесь,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Пройдемте въ кабинетъ. Чѣмъ могу служить?

Онъ взялъ Ольхина подъ руку фамильярно, по-дружески, какъ ровню, и прошелъ съ нимъ въ свой кабинетъ.

— Мой сынъ и моя жена...—началъ Ольхинъ.

— Да, я знакомъ уже съ ними,—сказалъ Никоновъ.

— Знакомы-съ, ваше превосходительство? — спросилъ Ольхинъ и, растерянно взглянувъ на Никонова, усмѣхнулся.—Да-съ, точно... робокъ я, ваше превосходительство, и притомъ не просилъ никогда... Точно-съ знакомы... Какъ же, какъ же, сынъ и жена говорили, давно знакомы!

Никоновъ, покусывая губы отъ смущенія, пробормоталъ:

— Она, конечно, говорила вамъ...

— Да-съ, да-съ. Давно, какъ же,—заторопился перебить его Ольхинъ.— Я такъ обязанъ, ваше превосходительство, такъ обязанъ... Пришелъ поблагодарить ваше превосходительство за все...

На душѣ у Ольхина становилось тяжелѣе и тяжелѣе. Наконецъ, онъ не выдержалъ и съ горечью проговорилъ:

— Ахъ, ваше превосходительство, если бы не нужда, вѣрьте, никогда не сталъ бы утруждать. Дѣти, дѣти, вотъ что заставляетъ идти просить. Сына могъ еще кое-какъ поставить на ноги, благо сестра помогала воспитывать дѣвочекъ, а теперь — сестра умираетъ, и нѣтъ средствъ, никакихъ средствъ...

Въ его душѣ все росло горькое возбужденіе.

— Красть не умѣлъ, низкопоклонничать не умѣлъ, вотъ и остался безъ средствъ. Честь и совѣсть—вотъ все, что было-съ у меня, другого ничего не было, и этимъ примѣру и наставленіямъ сестры обязанъ и дорожилъ, потому что безъ этого... Что-жъ говорить, сами изволите понимать лучше меня... А теперь — и честь, и совѣсть есть, а дѣти... дѣвочки-съ мои могутъ...

Онъ растерялся, испугался своихъ собственныхъ словъ, какъ неприличной дерзости, и рѣшительно, съ какимъ-то отчаяніемъ закончилъ:

— Не умѣю-съ, ваше превосходительство, даже говорить!

Никоновъ съ набожнымъ чувствомъ проговорилъ:

— Святой вы человѣкъ, святой!

Ольхинъ безнадежно вздохнулъ.

Digitized by Google

— Глупымъ, ваше превосходительство, звали всегда, глупымъ. Что же, я согласенъ. Богъ не далъ ума великаго. Ученье даже не давалось въ юности... Потомъ почитывалъ, думалъ; только что толку безъ смѣлаго, такъ сказать, ума?.. Да меня не это огорчаетъ, не всѣмъ же таланты и умъ даны. Огорчаетъ, что вотъ изъ-за этой глупости мои дѣвочки могутъ погибнуть. Это огорчаетъ.

Никоновъ поспѣшилъ его успокоить, далъ обѣщаніе устроить дѣвочекъ, сказалъ, что Виктора онъ взялъ къ себѣ въ домашніе секретари не безъ задней мысли, такъ какъ мальчику надо еще доучиться, экзамены сдать, чтобы стать прочно въ обществѣ.

— Да-съ, да-съ, ваше превосходительство, это вы вѣрно изволили замѣтить, надо поучиться,—поспѣшно и оживленно согласился Ольхинъ.—Я говорилъ, говорилъ,—не послушалъ онъ меня. Много потратилъ я на него, потратилъ бы и еще, на то я и отецъ, только бы онъ доучился. Такъ нѣтъ! Сказалъ, что облегчить меня хотѣлъ, потому и гимназію бросилъ, а развѣ я ропталъ! Съ себя рубашку готовъ былъ снять, лишь бы у него все было. Кому же и заботиться о дѣтяхъ, какъ не отцу?

Никоновъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Къ несчастію, не всѣ понимаютъ такъ, какъ вы, что это святая обязанность,—сказалъ онъ.

— Это ужъ послѣднее дѣло-съ, ваше превосходительство!—вставилъ Ольхинъ.

— Да! послѣднее дѣло!—произнесъ Никоновъ, смиренно вздыхая.—И этимъ-то отцамъ вы служите живымъ укоромъ. Вашими устами самъ Господь осуждаетъ ихъ, изрекаетъ имъ приговоръ. И счастливъ тотъ изъ этихъ отцовъ, для котораго еще не все потеряно, которому Господь во-время далъ тяжелый урокъ и открылъ глаза на его обязанности.

Онъ перемѣнилъ тонъ и снова горячо сталъ увѣрять Ольхина въ своей помощи. Онъ осторожно намекнулъ и о денежной помощи, но Ольхинъ запротестовалъ. Онъ, слава Богу, не нищій, не инвалидъ. Другимъ нужнѣе. Онъ только проситъ похлопотать, чтобы его дочерей приняли на казенный счетъ. Тоже служилъ, можетъ, кажется, объ этомъ просить. Другихъ же принимаютъ на казенный счетъ. Конечно, безъ протекціи трудно. Онъ и проситъ протекціи.

— Прокормить и одѣть дѣтей, на это у меня всегда хватитъ средствъ, тяжело только платить за ученье, на это

Digitized by Google

нѣтъ средствъ,—говорилъ Ольхинъ:—потому и безпокоилъ, ваше превосходительство, протекціи прошу...

— Хорошо, хорошо, я все устрою,— успокоилъ его Никоновъ.—Не заботьтесь ни о чемъ.

Ольхинъ счелъ нужнымъ откланяться, пятясь къ дверямъ. Никоновъ опять пожалъ ему руку, опять взялъ его подъ руку, провожая до прихожей.

Старикъ вышелъ отъ Никонова съ страшной головной болью. Казалось, его голова налилась свинцомъ и была сдавлена тяжелыми обручами. Онъ не могъ даже думать ни о чемъ, не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ дѣлается, что его гнететъ. Отрывочно только вспоминалось, какъ онъ растерялся, взглянувъ на Никонова. Фуражку даже выронилъ изъ рукъ. Почему? Онъ не зналъ. Робокъ онъ очень, не просилъ никого ни о чемъ, а тутъ просить пришелъ. Съ какой особой пришлось бесѣдовать! Подаяніе тоже хотѣлъ Никоновъ ему дать. Точно по сердцу это рѣзнуло. Онъ не нищій. Просить пристроить на казенный счетъ дѣтей—это такъ, но къ частной благотворительности прибѣгать—слава Богу, силы у него еще есть. Все это отрывочно проносилось въ его головѣ. Но и отъ этихъ отрывковъ мыслей ему было еще тяжелѣе. Голову ломило страшно. Казалось, онъ что-то позабылъ и мучительно старался вспомнить. Что хотѣлъ онъ вспомнить — онъ и самъ не зналъ. Всѣ послѣднія событія, видно, подкосили его, болѣзнь Настасьи Порфирьевны подкосила, о смерти напомнила. «Что-жъ, смерть? Умереть легко—жить трудно. Кому трудно? Кто не умѣетъ жить съ легкимъ сердцемъ. Да, чтобы не мучиться, надо жить съ легкимъ сердцемъ. Такъ вотъ и живутъ тѣ, побѣдители. Потому и побѣдители они, что живутъ съ легкимъ сердцемъ». Онъ попробовалъ думать на эту тему, занимавшую его нерѣдко за послѣднее время, но эти мысли не вязались. Онъ точно въ бѣличьемъ колесѣ вертѣлся мысленно.

Онъ пришелъ домой не веселый, въ угнетенномъ настроеніи, съ головною болью. Но при видѣ дѣтей, беззаботныхъ, веселыхъ, смѣющихся, онъ постарался пересилить себя, приласкать дѣтвору, отвѣтить шутками на шутки Что-жъ отравлять имъ праздникъ?

Лиза спросила, гдѣ онъ былъ.

— У Никонова, голубка, у Никонова, — отвѣтилъ онъ, цѣлуя ее.

— Ну, что же? Будетъ онъ хлопотать?

— Да, да, обѣщалъ!

Digitized by Google

— И обо мнѣ?

— Обо всѣхъ! обо всѣхъ!

— Какое счастье! Точно гора у меня съ плечъ свалилась,—сказала она, обнимая отца.—А я ужъ боялась, что мнѣ не придется поступить на курсы...

Она начала разсказывать отцу, что она уже хотѣла искать мѣста гувернантки. Послужить годъ-два, а потомъ, прикопивъ немного денегъ, идти на курсы.

— Ну, вотъ теперь и не надо будетъ брать мѣста гувернантки,—замѣтилъ отецъ.—Никоновъ все устроитъ.

— Должно-быть, онъ очень добрый!—горячо сказала она и прибавила:—и какой симпатичный на видъ!

Отецъ посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Развѣ ты его видѣла?

— Нѣтъ, портретъ его у Виктора въ альбомѣ. А ты замѣтилъ, у него лобъ и брови совсѣмъ какъ у Виктора.

Отецъ широко раскрылъ глаза и безотчетно смутился. Внезапно онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, она права. Вѣроятно, именно это сходство и поразило его, правда, безсознательно, но все же поразило, такъ что онъ, взглянувъ на Никонова, выронилъ изъ рукъ фуражку, точно постарѣвшаго Виктора увидѣлъ. Тогда онъ не понялъ этого, теперь понялъ какъ-то вдругъ. Онъ, въ непонятномъ для него самого смущеніи, возразилъ:

— Ну, вотъ еще! Лобъ, какъ лобъ, брови, какъ брови.

И тотчасъ же подумалъ: «Да чего же это я волнуюсь? что тутъ такого особеннаго? мало ли людей есть похожихъ другъ на друга?» Ему даже стало странно, что тогда, при встрѣчѣ съ Никоновымъ, его могло смутить до такой степени это сходство, и что теперь онъ взволновался отъ этого же...

Встрѣтивъ Пелагею Никитичну, онъ сообщилъ и ей, что былъ у Никонова. Она тревожно взглянула на него испытующимъ взглядомъ. Онъ спокойно и нѣсколько вяло передалъ ей сущность свиданія, то-есть то, что Никоновъ далъ слово опредѣлить дѣтей. Ее продолжала немного тревожить перемѣна въ его лицѣ, его блѣдность; она осторожно спросила, что съ нимъ? онъ просто отвѣтилъ, что у него немного болитъ голова.

— Такъ, пустяки, пройдетъ, — поторопился онъ прибавить.—Не стоитъ и говорить.

Она заботливо посовѣтовала:

— Отдохнулъ бы ты, Даня! Работаешь ты много!

Digitized by Google

— Ну, вотъ, выдумала!—Онъ постарался улыбнуться.— Безъ труда нѣтъ и плода.

Онъ ласково поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Заботишься все о своемъ старикѣ!

Его всегда трогали ея заботы о немъ, ея участіе. Ничѣмъ этимъ онъ не былъ избалованъ.

Въ четвертомъ часу вся семья собралась за обѣденнымъ столомъ. Ольхинъ хотѣлъ-было отказаться отъ обѣда вслѣдствіе головной боли, но переломилъ себя. Встревожить еще всѣхъ, сказавъ, что у него болитъ сильно голова. Богъ вѣсть, что подумаютъ. Начнутъ хлопотать. День только испортитъ онъ всѣмъ. Праздниковъ-то въ жизни не много.

Онъ пошелъ въ столовую. Катя и Таня захватили его подъ руки и тормошили. Лиза уговаривала ихъ, смѣясь:

— Да дайте вы покой папѣ. Руки у него оторвете!

Пелагея Никитична вышла въ столовую, тоже оживленная, веселая, болтая съ Викторомъ. Вчера онъ впервые попалъ на Стрѣлку съ Никоновымъ, Чупровыми и Зариными и передавалъ свои впечатлѣнія. Никоновъ вчера опять прорвался, сбросилъ постную маску, развернулся, говорилъ съ встрѣтившимися старыми товарищами о прошломъ сезонѣ, о балетѣ, о циркѣ, разспрашивалъ, какія увеселенія будутъ лѣтомъ въ Петербургѣ. Совсѣмъ преобразился.

— Потомъ вдругъ спохватился, нахмурился, завздыхалъ: «ахъ, грѣхи наши тяжкіе! грѣхи наши тяжкіе». Поджалъ губы, насупилъ брови,—совсѣмъ постникъ! Удивительны у него эти переходы,—со смѣхомъ закончилъ Викторъ.

— Смотри, самъ подъ старость не будь такимъ! — шутливо сказалъ Ольхинъ, стараясь казаться здоровымъ и веселымъ.—Старость это не радость.

— Ну, вотъ, съ чего это?—засмѣялся Викторъ:—никогда этого со мной не будетъ.

— Какъ знать, какъ знать! Можетъ-быть, и будетъ. Недаромъ лицомъ на него похожъ; можешь и характеромъ походить,—пояснилъ Ольхинъ.

Пелагея Никитична выронила изъ рукъ ложку. Ее точно чѣмъ-то ударило. Викторъ бросилъ на нее мимолетный взглядъ, точно спрашивая, что съ нею. Ольхинъ, ничего не замѣчая, продолжалъ:

— Сегодня, какъ увидалъ я его—остолбенѣлъ даже, хоть и не понялъ сразу, съ чего, что поразило. А потомъ, здѣсь вотъ, въ твоемъ альбомѣ увидалъ его портретъ и сообразилъ—сходство бросилось въ глаза, лобъ, брови похожи.

Digitized by Google

Опять что-то стало давить ему голову, непонятное, смутное. Онъ машинально потеръ лобъ рукою.

— Голова у меня сегодня разболѣлася, давитъ что-то,— сказалъ онъ.

— Ты легъ бы,—заботливо, сдавленнымъ голосомъ проговорила Пелагея Никитична, блѣдная, какъ бы осунувшаяся. Викторъ не сводилъ съ нея вопросительнаго взгляда.

IX.

Дни стояли безоблачные, солнечные, знойные. Всѣхъ манило изъ душныхъ комнатъ на улицу, на свѣжій воздухъ, за городъ. На душѣ становилось легче, свѣтлѣе. Веселое настроеніе царствовало и въ квартирѣ Ольхина. Оно смущалось только воспоминаніями о томъ, что гдѣ-то тамъ, въ маленькой душной комнатѣ пріюта, угасаетъ жизнь дорогого существа. Конечно, эти грустныя воспоминанія смущали всѣхъ, кромѣ Пелагеи Никитичны, никогда не чувствовавшей особенной симпатіи къ Настасьѣ Порфирьевнѣ. Ей было все равно, здорова ли, жива ли эта женщина, чуждая ей по натурѣ, по дѣятельности, по взглядамъ. Изъ трехъ дочерей Ольхиныхъ болѣе всего было тревогъ у Лизы, какъ у старшей изъ сестеръ, уже понимавшей вполнѣ все то, чего не понимали еще ея сестренки. Не одна болѣзнь тетки безпокоила ее, ей щемило сердце и то, что отецъ почти не бываетъ дома, работаетъ, какъ волъ, и отмѣриваетъ ежедневно такіе концы, что и молодой человѣкъ усталъ бы отъ этой ходьбы. Забѣжать на нѣсколько минутъ къ сестрѣ, сходить въ должность утромъ, вернуться пообѣдать, потомъ опять идти въ должность на вечернія занятія, придти домой вечеромъ, когда было уже время ложиться спать, все это стало привычнымъ дѣломъ для Ольхина, повторялось изо дня въ день. Лиза нѣжно и заботливо говорила ему:

— Папа, ты слишкомъ много работаешь, утомляешь себя.

Старикъ бодрился:

— Вотъ глупости! Нельзя же, Лизокъ, на боку лежать! Вотъ вы всѣ теперь, по крайней мѣрѣ, не нуждаетесь ни въ чемъ. Ужъ это одно мнѣ силы придаетъ. Да и привыкъ я, голубка. Только въ послѣдніе два-три года немножко поослѣбнился, пораскисъ, а то вѣдь я и прежде, когда вы малы были, не меньше работалъ. Ого! я малъ-малъ ростомъ, а силы много! Вотъ когда твой покойный братъ Ваня былъ долго боленъ, ты еще крошкой была,—я чуть не по восемнадцати часовъ въ сутки работалъ,—а ничего, не уставалъ.

Digitized by Google

Всего было, маточка. Тоже рождались и умирали дѣти, жалованья не хватало, ну, и прирабатывалъ на сторонѣ: тамъ прихватишь, тутъ урвешь—глядишь, и не голодаемъ! Люби кататься—люби и саночки возить.

Онъ начиналъ вспоминать трудные періоды своей жизни, не безъ удовольствія воскрешая въ памяти, какъ онъ упорнымъ трудомъ побѣждалъ нужду. Тутъ не было стремленія похвалиться какими-нибудь подвигами, а являлось желаніе отдохнуть душой, припоминая тяжелый, честно пройденный путь. Онъ иногда повторялся по-стариковски, разсказывая эти исторіи изъ прошлаго, порой входилъ въ самыя мелочныя подробности, запавшія особенно ярко въ его память. Вотъ въ домѣ тяжелые роды; Пелагея Никитична кричитъ и бранится, а онъ переписываетъ контрактъ на дорогой гербовой бумагѣ; ни одной ошибки нельзя сдѣлать, подскоблить нигдѣ нельзя; душа тамъ, у роженицы въ комнатѣ, а глаза должны слѣдить тутъ за каждой буквой, за каждой запятой...

— Что дѣлать, что дѣлать! Плата была предложена хорошая за работу, а въ домѣ безденежье и предстояли расходы большіе. Нужно акушеркѣ дать, священнику заплатить. Ну, и вывертывался...

Лиза слушала эти разсказы съ особенною любовью. Отецъ дѣлался ей еще дороже, чѣмъ прежде.

— Въ послѣдніе два-три года немного опустилъ руки, а и вышло не хорошо, надо было не опускать рукъ, скопилъ бы, можетъ-быть, что-нибудь,—заканчивалъ онъ.—Да лѣнь-то прежде насъ родилась. Дашь ей поблажку и раскиснешь. Ну, да я подтянусь!

Онъ даже не сознавалъ, что въ послѣдніе два-три года онъ только потому и не бралъ подобныхъ частныхъ занятій, что почувствовалъ страшный упадокъ силъ. Теперь силы, казалось, вдругъ явились снова — явились вслѣдствіе сознанія, что безъ постороннихъ заработковъ нельзя свести концовъ съ концами. Зато какъ радовался онъ, видя, что въ домѣ нѣтъ нужды.

— Вотъ и мама наша, какъ пришлось расчетливѣе жить, стала практичнѣе, — тайкомъ говорилъ онъ Лизѣ.— Ты смотри, какъ умудрилась. Тридцать рублей только въ мѣсяцъ прибавилось, расходы увеличились, а гляди — не только концы съ концами сводимъ, а даже роскошничаемъ— и столъ, и все такое у насъ, какъ слѣдуетъ.

Самой Пелагеѣ Никитичнѣ онъ цѣловалъ руки, замѣчая ей:

Digitized by Google

— Тяжело тебѣ справляться, родная? Ну, да что дѣлать! Спасибо тебѣ, что ухитряешься по одежкѣ протягивать ножки.

Ольхина торопливо успокаивала его, говорила, что ей не трудно, смущалась въ душѣ, сознавая, что она обманываетъ этого добраго человѣка, что она ведетъ хозяйство при помощи невѣдомыхъ ему источниковъ. Ея смущеніе переходило въ какое-то болѣзненное чувство, когда Лиза, въ отсутствіи отца, говорила ей:

— Ахъ, какъ тяжело смотрѣть на папу. Бьется онъ ради насъ, какъ рыба объ ледъ. Мы вотъ сыты, одѣты, а онъ даже не видитъ почти насъ...

— О, если-бъ можно было уговорить его не работать столько, — воскликнула однажды порывисто Пелагея Никитична:—я была бы вполнѣ счастлива.

— Тогда опять нужда началась бы, мама, — замѣтила Лиза.

— Да нѣтъ, свели бы концы съ концами! Не померли бы безъ этихъ тридцати рублей!—отвѣтила Пелагея Никитична и смолкла, боясь проговориться.

Ее начинала мучить мысль, что вотъ онъ, этотъ старикъ, затягивается въ трудъ, убиваетъ свое здоровье, а ради чего? Ради того, что она не можетъ, не рѣшается сказать ему: «Перестань работать! Твои деньги не нужны теперь! Не на нихъ покупается наше довольство». Каждый его случайный вздохъ, утомленное выраженіе его лица, стонъ во снѣ, подслушанный ею ночью, все отзывалось теперь въ ея душѣ, какъ упрекъ за то, что она заставляетъ человѣка затягиваться до смерти подъ тяжелой лямкой, сознавая ясно и отчетливо, что ему вовсе не для чего тянуть эту лямку. Иногда въ ея головѣ стали появляться странныя мысли: «Заставить бы Никонова дать разомъ болѣе или менѣе крупную сумму и сказать Данилѣ Лукичу, что я взяла рублевый билетъ въ лотерею и выиграла большой кушъ... Или сказать, что нашла деньги, и что потерявшій не является, значитъ деньги принадлежатъ намъ... Дастъ ли Никоновъ большой кушъ? Сколько можно заставить дать?..» Она, сама того не замѣчая, становилась все заботливѣе въ обращеніи съ обреченнымъ ею на непосильный трудъ человѣкомъ, и чѣмъ заботливѣе относилась она къ нему, тѣмъ сильнѣе выражалъ онъ ей свою благодарность...

Былъ уже конецъ іюля, когда въ одинъ прекрасный день Ольхинъ, завернувъ утромъ къ Настасьѣ Порфирьевнѣ.

Digitized by Google

услыхалъ, что съ часу на часъ ждутъ сегодня смерти старушки. Докторъ заявилъ прямо, что она не доживетъ и до вечера. Онъ, растерянный, огорченный, спросилъ Ольгу Леонтьевну, дали ли знать Зариной. Та отвѣтила коротко и отрывисто, что Зарина и такъ ежедневно заѣзжаетъ въ пріютъ, значитъ, давать знать ей нечего, и прибавила:

— Только вотъ сейчасъ вспомнила я, что сегодня она, пожалуй, и не пріѣдетъ. На праздникѣ она нынче. Благотворительную потѣху какую-то устраиваютъ!

— Ахъ, такъ надо дать знать, надо дать знать,—заторопился Ольхинъ. — Огорчится она, если что случится безъ нея...

— Все равно не пріѣдетъ, — замѣтила отрывисто Ольга Леонтьевна. — Нельзя же не быть на благотворительномъ праздникѣ.

— Что вы! Что вы! — возразилъ Ольхинъ и заявилъ:— я распоряжусь. Кстати забѣгу домой сказать, что я здѣсь пробуду день, чтобы не ждали дома... Лизу захвачу.

Онъ тутъ же въ пріютѣ написалъ Зариной о томъ, что сказалъ докторъ, и отправился домой за Лизой.

День былъ удивительно хорошъ и какъ нельзя болѣе поблагопріятствовалъ тому благотворительному празднику, на которомъ, по словамъ Ольги Леонтьевны, должна была присутствовать Зарина.

Этотъ благотворительный праздникъ былъ назначенъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ. Въ программу праздника входили: базаръ, аллегри, дѣтскій балъ утромъ, балъ для взрослыхъ вечеромъ. Мѣстное благотворительное общество устраивало ежегодно по одному такому празднику, и на эти праздники билеты разбирались съ бою. Можетъ-быть, главнымъ образомъ, вліяло на успѣхъ то обстоятельство, что праздники давались во дворцѣ—загородномъ, необитаемомъ никѣмъ, но все же во дворцѣ. Окрестные дачники, возвращаясь на зиму въ Петербургъ, долго разсказывали друзьямъ и знакомымъ, какъ они и ихъ дѣти веселились и танцовали «во дворцѣ». Сборы съ праздниковъ были такъ велики, что почти исключительно на нихъ содержался и большой пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, и богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ, требовавшіе очень ничтожныхъ пособій отъ членовъ-благотворителей, въ числѣ которыхъ состояла и Зарина. Ни для кого не было тайной, что уступка дворца для праздниковъ, успѣхъ этихъ праздниковъ, необременительность содержанія пріюта и богадѣльни и самое

Digitized by Google

процвѣтаніе этихъ учрежденій было дѣломъ высокой покровительницы мѣстнаго благотворительнаго общества. Но успѣхъ нынѣшняго праздника долженъ былъ превзойти всѣ ожиданія: дачи въ окрестностяхъ были въ это лѣто всѣ биткомъ набиты народомъ, погода за нѣсколько дней до праздника вполнѣ установилась, новый секретарь общества придумалъ какія-то новыя увеселенія для дѣтей, и билеты на входъ во дворецъ были уже распроданы за недѣлю. Въ день праздника все мѣстное населеніе было въ возбужденномъ состояніи вездѣ дѣти, барышни, молодые люди, дамы и мужчины спѣшили облечься въ новые наряды. По залитымъ солнцемъ тѣнистымъ аллеямъ неслись экипажи по направленію ко дворцу. Тутъ же тянулись вереницы пѣшеходовъ, спѣшившихъ если не быть во дворцѣ, то постоять около него, посмотрѣть на нарядную толпу, послушать музыку. Движеніе массы людей, пестрота нарядовъ, звуки музыки, солнечный день, все это придавало всей дачной мѣстности праздничный видъ. Дворецъ, въ обыкновенное время пустой, необитаемый, угрюмый и холодный, теперь разукрасился цвѣтами, захлебнулся нарядною толпою, оглашался звуками музыки и, казалось, въ немъ воскресли снова времена той жизни, которая когда-то кипѣла въ немъ. Дамы-патронессы и свѣтскіе распорядители въ блестящихъ мундирахъ и во фракахъ, съ цвѣтными кокардами на груди, сновали уже у входа и въ залахъ, отбирали билеты, привѣтствовали гостей, размѣщались у колесъ аллегри, стояли за нарядными прилавками базара и буфета. Но праздникъ еще не вполнѣ начался, ждали еще главныхъ высокопоставленныхъ лицъ, и члены благотворительнаго общества, собравшись въ отдѣльныя группы, толковали о новостяхъ дня, о близкихъ знакомыхъ, о разныхъ мелочахъ свѣтской жизни.

— Елена Григорьевна просила меня принять ея обязанности на себя, — сообщила одна изъ дамъ-патронессъ стоявшей около нея другой дамѣ, тоже принадлежавшей къ числу членовъ комитета.

— Развѣ она не будетъ на праздникѣ? — спросила послѣдняя не безъ любопытства.

Про Елену Григорьевну все болѣе и болѣе говорили въ свѣтѣ, зная ея семейныя дѣла.

— Надѣюсь, Елена Григорьевна не больна? — раздался вопросъ стоявшаго тутъ же господина во фракѣ, съ кокардой въ петлицѣ.

Digitized by Google

— О, нѣтъ, нѣтъ! Она здорова и, конечно, пріѣдетъ,— сказала сообщившая новость дама-патронесса.—Но ее сейчасъ извѣстили, что ея Настасья Порфирьевна умираетъ. Елена Григорьевна и поѣхала къ ней, когда я за ней заѣзжала передъ отъѣздомъ сюда...

Какой-то юный распорядитель спросилъ:

— Кто эта Настасья Порфирьевна?

Остальные слушатели не предложили этого вопроса, но нѣкоторые изъ нихъ тоже недоумѣвали.

— Начальница пріюта Елены Григорьевны, ея бывшая гувернантка,—отвѣтила дама-патронесса.

И прибавила:

— Она уже давно хвораетъ. Старушка. Конечно, жаль ее. Но что-жъ дѣлать, нельзя же вѣчно жить.

Кто-то замѣтилъ:

— Это разстроитъ Елену Григорьевну. Зачѣмъ ей сказали, что та умираетъ.

— Она сама требовала, чтобы ее извѣстили, когда той станетъ очень худо,—пояснила дама-патронесса.—Она ее очень любила...

— Кого же она не любитъ!

— О, да, она такъ добра!

Секретарь комитета, штабный полковникъ, состоявшій членомъ комитетовъ чуть ли не въ десяти благотворительныхъ обществахъ, худощавый, съ желчнымъ лицомъ, съ хищническимъ взглядомъ, дождался, когда дама-патронесса останется одна, и торопливо заговорилъ съ нею:

— Вы, Софья Павловна, не забыли о моей protégée?

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣтила дама-патронесса.—Какъ только умретъ Настасья Порфирьевна, я сейчасъ же представлю Еленѣ Григорьевнѣ вашу... вашу... Марковой, кажется, ее зовутъ?

— Да, Маркова, вдова гвардейскаго капитана. Изъ хорошей семьи.

Дама-патронесса вздохнула.

— Настасья Порфирьевна этимъ не могла похвалиться. Знаете, жаль ее, такъ какъ Елена Григорьевна очень привыкла къ ней, но для пріюта въ сущности нужна перемѣна, нужны реформы. Настасья Порфирьевна... какъ бы сказать... слишкомъ въ курятникъ его превратила: насѣдкой надъ цыплятами была. Я понимаю, что семейное начало прекрасно, но изъ учебнаго и воспитательнаго заведенія нельзя дѣлать семью. Тутъ нужны дисциплина, правильная

Digitized by Google

педагогическая система; строгость съ этими будущими кухарками и прачками...

Она что-то вспомнила и, оборвавъ рѣчь, прибавила:

— А вы знаете, новый попечитель пріюта Сысоевъ тоже имѣетъ въ виду кандидатку на это мѣсто.

Она сдѣлала гримасу.

— Не много ли онъ беретъ на себя? — сказалъ секретарь. — Если ему выхлопочутъ за его ежегодные взносы орденъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, то, кажется, онъ могъ бы понять, что вмѣшиваться въ дѣла ему не кстати. Быть содержателемъ питейныхъ заведеній и быть распорядителемъ въ благотворительномъ воспитательномъ учрежденіи—это двѣ вещи разныя.

— Но все же имѣйте въ виду, что у вашей protégée есть конкурентка и не безопасная, такъ какъ...

Дама понизила голосъ:

— Вы знаете, дѣла пріюта очень плохи, и бѣдная Елена Григорьевна въ большой зависимости отъ этого Сысоева. Ахъ, какъ мнѣ жаль ее.

— Знаю, — отвѣтилъ секретарь. — Но скажите, другихъ конкурентокъ нѣтъ?

Дама-патронесса пожала плечами.

— Конечно, есть. Я думаю, даже помощница Настасьи Порфирьевны будетъ разсчитывать на это мѣсто. Но...

Онъ усмѣхнулся и перебилъ ее:

— Ну, это-то не страшно: она, кажется, едва грамотна, кончила образованіе въ этомъ же пріютѣ или гдѣ-то въ другомъ подобномъ заведеніи. Я не знаю даже, какъ могли ее держать въ помощницахъ.

Дама-патронесса пожала плечами:

— Съ Настасьей Порфирьевной, вы знаете, не легко было сладить: захотѣла и сдѣлала ее помощницей... Елена Григорьевна давала ей слишкомъ много воли...

Покуда шли эти толки о будущемъ пріюта Зариной, сама Зарина торопливо собиралась въ пріютъ, волнуемая самыми разнородными чувствами. Когда утромъ ей подали записку, извѣщавшую ее объ опасномъ положеніи Носовой и подписанную какимъ-то Ольхинымъ, она рѣшилась тотчасъ же ѣхать въ пріютъ. Но ей доложили о пріѣздѣ той дамы-патронессы, которая говорила о ней на праздникѣ, и она вспомнила, что она должна быть на этомъ праздникѣ. О ней такъ много говорили за послѣднее время въ обществѣ, что ей нужно было показываться вездѣ, спокойной, бодрой,

Digitized by Google

по возможности веселой, чтобы подавить и заглушить всѣ толки, уже доходившіе до того, что ее считали совершенно разоренной и брошенной мужемъ. Въ свѣтѣ уже произносилось слово «разводъ», когда говорили о ней. Никогда не любила она этого свѣта, а теперь почувствовала къ нему почти ненависть, потому что онъ насильно заставлялъ ее улыбаться и казаться веселой въ то время, когда у нея несчастія слѣдовали за несчастіями, когда у нея умирало послѣднее дорогое ей существо. Попросивъ свою подругу по комитету благотворительнаго общества замѣнить ее въ началѣ праздника, она стала одѣваться, чувствуя, что ее душатъ слезы, и стараясь подавить ихъ. Она одѣвалась какъ на праздникъ и должна была ѣхать къ постели умирающей; теперь ее волновало и раздражало даже это, повидимому, ничтожное обстоятельство. Несмотря на сильно посѣдѣвшіе волосы, она была еще удивительно хороша собою, хотя это прекрасное лицо, казалось, было вылѣплено изъ бѣлаго полупрозрачнаго воску. Долгая свѣтская жизнь давно научила ее умѣть владѣть собою и казаться всегда невозмутимо спокойной и немного холодной, сохраняя на лицѣ неизмѣнно благосклонную, привѣтливую улыбку; тѣмъ не менѣе, теперь что-то мучительно-грустное было въ выраженіи ея темныхъ глазъ, въ складкѣ сжатыхъ губъ, въ слегка сдвинутыхъ точно отъ внутренней подавленной боли темныхъ бровяхъ. Ея блестящее холоднымъ блескомъ стали сѣрое платье съ отдѣлкой изъ кружевъ цвѣта кремъ, такая же шляпка съ букетомъ бѣлыхъ розъ, отсутствіе какихъ-нибудь другихъ болѣе яркихъ цвѣтовъ, все какъ бы говорило о траурѣ.

Когда она подъѣхала къ зданію пріюта, ее, противъ обыкновенія, не встрѣтилъ никто, точно всѣ вымерли въ этомъ домѣ. Она приказала остановиться экипажу у воротъ, чтобы не звонить у параднаго подъѣзда, прошла черезъ дворъ по мосткамъ, вошла въ сѣни и остановилась въ недоумѣніи: изъ смежной съ сѣнями залы послышались страшные звуки—хохотъ, смѣхъ, визгъ. Она хорошо знала эти проявленія истерики: не разъ въ ея присутствіи дѣлались истерическіе припадки съ разными барынями. Зарина, давно пріученная жизнью скрывать свои чувства подъ маскою спокойствія и привѣтливости, всегда съ брезгливостью говорила въ этихъ случаяхъ: «неужели отъ этого нельзя воздержаться». Ей казалось это даже чѣмъ-то вульгарнымъ. Порядочные люди должны умѣть скрывать всѣ свои чувства.

Digitized by Google

Десятки лѣтъ она только и дѣлала, что вырабатывала это умѣнье. Зачѣмъ? На этотъ вопросъ былъ одинъ отвѣтъ: «этого требуютъ приличія». Жаловаться, рыдать, кричать— безтактно, неприлично, вульгарно. Здѣсь тоже было это вульгарное проявленіе чувства, но оно проявлялось здѣсь не у одной личности, а у цѣлой массы личностей, являлось чѣмъ-то въ родѣ заразной болѣзни. Въ пріютахъ это бываетъ нерѣдко: сдѣлается истерика съ одной дѣвочкой— тотчасъ же повторяется то же явленіе съ другой, съ третьей, съ десяткомъ дѣвочекъ. Иногда дѣло доходитъ чуть не до пляски св. Витта. Трудно передать впечатлѣніе, производимое подобными невольными истериками среди дѣтей. Это надо видѣть. Тутъ теряются порою самые опытные люди, не зная, какъ и чѣмъ помочь. Еленѣ Григорьевнѣ стало какъ-то жутко отъ этихъ криковъ, рыданій, смѣха, но она пересилила себя и вошла въ залъ. Въ залѣ былъ полный безпорядокъ, дѣвочки бились въ истерическихъ конвульсіяхъ, крича и плача. Около дѣвочекъ заботливо хлопотали Ольга Леонтьевна, поджавшая сосредоточенно губы, и сѣденькій, тоже высохшій и какъ бы съежившійся отъ лѣтъ священникъ, кротко уговаривавшій дѣтей. Тутъ же распоряжалась съ серьезнымъ и озабоченнымъ лицомъ Лиза Ольхина, дышащая здоровьемъ, нѣсколько полная, но, тѣмъ не менѣе, стройная и подвижная. Зарина спросила первую попавшуюся ей на глаза воспитанницу, утиравшую слезы:

— Что это значитъ? Что случилось?

— О маменькѣ плачемъ,—отвѣтила та.

— Какъ? умерла?— торопливо спросила Зарина и испугалась безотчетно, хотя и знала, что смерти Настасьи Порфирьевны ждали съ часу на часъ.

— Нѣтъ-съ, только докторъ вчера сказалъ, что надежды нѣтъ. Ольга Леонтьевна и позвала батюшку исповѣдать и пріобщить маменьку, а потомъ отслужить за ея здоровье молебенъ. Дѣти и впали въ истерику.

Зарина покачала головой. Она пробралась къ Ольгѣ Леонтьевнѣ, такъ какъ та сама не подходила къ ней, совсѣмъ не замѣчая ея присутствія.

— Что это вы надѣлали?— съ упрекомъ сказала ей Зарина, здороваясь съ ней.

Ольга Леонтьевна сверкнула глазами, сдѣлавшимися необычайно злыми.

— Что я надѣлала — пріобщила мамашу и молебенъ от-

Digitized by Google

служила, — рѣзко и отрывисто заговорила она. — Коли на людей нѣтъ надежды, такъ Бога надо молить.

— Да, но вы видите, что вышло,—сказала Зарина, не обративъ вниманія на непривычно рѣзкій тонъ всегда молчавшей въ ея присутствіи Ольги Леонтьевны.

— Что вышло, ваше превосходительство? Что вышло?— запальчиво повторила помощница начальницы пріюта, точно передразнивая Зарину.—Дѣти о матери плачутъ. Вотъ что вышло. Или истуканами они должны быть, когда они теряютъ, ваше превосходительство, все, — мать, прибѣжище, пропитаніе? Мы, слава Богу, въ такихъ понятіяхъ ихъ не воспитывали.

Зарину точно что-то кольнуло, и она, всегда сдержанная, немного вспылила.

— Кажется, пріюта не думаетъ никто закрывать!—сухо сказала она.

— Пріютъ! пріютъ! — гнѣвно повторила задыхающаяся отъ злобы Ольга Леонтьевна. — Это вы, ваше превосходительство, про стѣны-то? Онѣ останутся! Онѣ останутся! А что будетъ въ нихъ безъ маменьки, это одинъ Господь знаетъ. А стѣны — это рухлядь разваливающаяся — онѣ останутся!

Зарина смутилась. Никогда и никто такъ не говорилъ съ нею и въ особенности Ольга Леонтьевна, безмолвная, сосредоточенная, автоматично повинующаяся. Только страшное, необъятное горе могло ее заставить такъ говорить. Казалось, въ ней прорвалась какая-то плотина, сдерживавшая чувства, и они теперь изливались дикимъ потокомъ рѣчей. Зарина растерянно оглядѣлась кругомъ. Обширный залъ былъ не казистъ, стѣны грязны, съ погнувшимся потолкомъ, скамьи и столы, казалось, отживали свой вѣкъ, протертые, полинявшіе, какъ бы покрытые лысинами, ярко выдававшимися на черномъ фонѣ. Зарина прежде никогда этого не замѣчала. Веселыя и здоровыя лица дѣтей заслоняли отъ нея разваливающіяся стѣны, ветшающую обстановку. Теперь веселыхъ лицъ не было, а при слезахъ и бѣдности они не казались и здоровыми. На минуту и Зарину охватило странное чувство: казалось, что все дѣйствительно погибнетъ со смертью «маменьки». Но она тотчасъ же овладѣла собой и съ лаской въ голосѣ сострадательно сказала:

— Бѣдная Ольга Леонтьевна, вы растерялись! Успокойтесь сами и успокойте дѣтей. Вы были двадцать лѣтъ по-

Digitized by Google

мощницей при Настасьѣ Порфирьевнѣ, я сдѣлаю васъ начальницей и все пойдетъ по-старому.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство!—рѣзко воскликнула Ольга Леонтьевна.—Нѣтъ-съ! Настасью Порфирьевну боялись и уважали, а и то ее до гробовой доски довели, а меня и бояться не будутъ!

И, не давъ времени Еленѣ Григорьевнѣ опомниться, она заговорила желчно, захлебываясь отъ душившей ее злости:

— Цѣловальникъ въ попечители попалъ! Экономію, говоритъ, соблюдать надо. А маменька развѣ грошъ лишній истратила когда на пріютъ? Свое жалованье убивала. Хоронить будетъ нечѣмъ. А они: экономія!

Съ какимъ-то отчаяніемъ она чуть не выкрикивала:

— У насъ вотъ, ваше превосходительство, стирали дѣвочки охотно, а стирка не сласть, ваше превосходительство. Такъ почему же всѣ наперебой просились въ прачки? Потому маменька взяли да для прачекъ третье блюдо лакомое устроили, картофель вперемѣшку съ говядиной, поджаренный на сковородкѣ, кашу пшенную съ тыквой или что-нибудь такое экстренное приготовляли. Такъ онъ, попечитель-то, цѣловальникъ-то, приказалъ прекратить это баловство. А какъ же мы заставимъ охотой работать, прачечному дѣлу дѣтей будемъ обучать безъ насилія, безъ этого учебнаго пособія?

Она, задыхаясь, закончила:

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, если всѣ учебныя пособія отнять, такъ и пріюта не будетъ...

Въ другое время Зарина много бы посмѣялась наивностямъ Ольги, называющей третье блюдо прачекъ учебнымъ пособіемъ. Теперь она могла только проговорить:

— Успокойтесь, это все разберется потомъ!

А сама чувствовала, что успокоиться теперь нужно ей самой: Ольга Леонтьевна приподняла передъ нею кончикъ завѣсы, за которую прежде не заглядывала Зарина. За этой завѣсой изводили, до гробовой доски довели ея милую Настасью Порфирьевну. И та никогда ни словомъ не обмолвилась объ этомъ! Да мало ли о чемъ никогда не обмолвилась ни словомъ Настасья Порфирьевна! А она многое могла бы поразсказать. Зариной вдругъ стало холодно и жутко при этой мысли. Она пошла изъ залы, чтобы подняться по лѣстницѣ въ помѣщеніе Настасьи Порфирьевны. Ольга Леонтьевна въ порывѣ какой-то непонятной для нея самой ярости бросилась за ней, настигла ее въ прихожей и выкрикнула:

Digitized by Google

— Вы, ваше превосходительство, скорѣе ищите когонибудь и на мое мѣсто. Я дня не останусь послѣ похоронъ мамаши, дня не останусь!

Елена Григорьевна не выдержала и почти съ брезгливостью взглянула на нее.

— Хорошо! хорошо! Я васъ сама послѣ всего этого ни минуты не оставлю!—проговорила она.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, не вы не оставите, а я уйду, я! Я простая дѣвушка, а съ кабатчиками, соблазняющими воспитанницъ, служить не соглашусь, въ сдѣлки подлыя не пойду!

Зарина, прибавивъ шагу, уже спѣшила скрыться отъ этой «страшной женщины», отъ этой «фуріи», какъ она мысленно называла теперь Ольгу Леонтьевну. Брезгливость, вызванная въ ней этою женщиною, усиливалась при видѣ этой лѣстницы съ протертыми ступенями, при видѣ длиннаго темнаго коридора, наконецъ, при видѣ потемнѣвшихъ дверей помѣщенія начальницы. Она, бывавшая здѣсь чуть не ежедневно, казалось, все это видѣла нынче впервые.

— И какъ могла здѣсь жить столько лѣтъ Настя!—почти вслухъ проговорила она.—Это ужасно, ужасно!

И вдругъ ея сердце сжалось: да, жить тутъ было скверно, неуютно, тяжело, а между тѣмъ Настасья Порфирьевна жила ради нея среди этихъ неудобствъ, не жаловалась, вела образцово дѣтей. Какъ же она-то ничего этого не понимала прежде?..

Она, точно подавленная тяжелымъ гнетомъ, вошла въ узкій кабинетъ Настасьи Порфирьевны и затѣмъ въ такую же узкую спальню больной. Больная лежала на постели вся въ бѣломъ. Она походила на скелетъ, обтянутый пергаментомъ. Ракъ, сводившій ее въ могилу, давно уже не давалъ возможности питаться, и она, въ сущности, умирала голодной смертью. Зарина это знала, но теперь, послѣ словъ Ольги Леонтьевны, для нея эта фраза «умереть голодной смертью» имѣла какое-то страшное значеніе, ей казалось, что дорогое, воспитавшее ее существо умираетъ голодной смертью не вслѣдствіе болѣзни, но вслѣдствіе нищеты—не мудрено, такъ какъ этою нищетою вѣяло здѣсь отъ тѣсноты и обстановки комнатъ, отъ полинявшаго и съежившагося отъ стирокъ шерстянаго одѣяла больной, отъ каждой мелочи, начиная съ простой кровати и кончая потускнѣвшими стульями. И какимъ яркимъ, кричащимъ контрастомъ со всѣмъ этимъ былъ праздничный нарядъ Зариной.

Digitized by Google

— Пришла! — едва внятно прошептала Настасья Порфирьевна, открывая впалые и выцвѣтшіе глаза.—Застала...

По ея лицу скользнула судорожная улыбка-гримаса. Зарина опустилась около нея на стулъ и, склонившись лицомъ къ ея рукѣ, прикоснулась къ ней губами.

— Борюсь! — прошептала снова больная и опять закрыла глаза.

Елена Григорьевна чувствовала, что ее душатъ неудержимыя слезы. Она приподняла голову и только тутъ замѣтила, что въ углу находится еще кто-то. Она въ недоумѣніи взглянула на невзрачную, неказистую фигуру присутствующаго. Онъ робко и почтительно поклонился ей, всматриваясь въ эту женщину, о которой онъ такъ много слышалъ, о которой онъ такъ часто думалъ.

— Ольхинъ-съ... братъ двоюродный Настасьи Порфирьевны, ваше превосходительство,—едва замѣтно шевеля губами, произнесъ онъ.

— Ахъ, это вы мнѣ писали сегодня. Благодарю васъ,— тихо отвѣтила она, смотря на него немного сощуренными глазами.—Я была бы очень огорчена, если бы не знала, въ какомъ положеніи Настя, и не пріѣхала сегодня...

—Не стоитъ-съ благодарности, ваше превосходительство,— опять зашевелилъ онъ губами и, отирая слезы, прибавилъ:— Уже не слышитъ-съ...

Елена Григорьевна удивленно взглянула на него, потомъ на Настасью Порфирьевну. Онъ опять отеръ себѣ глаза рукою.

— Кончается!—прошепталъ онъ.

Больная чуть-чуть съ видимымъ усиліемъ приподняла грудь съ мучительной гримасой на лицѣ.

— Тяжело тебѣ?—спросила Елена Григорьевна.

Настасья Порфирьевна открыла глаза, не разслышавъ вопроса. Зарина громко повторила его. Настасья Порфирьевна поняла его только по движенію губъ Елены Григорьевны и медленно, съ усиліемъ отвѣтила:

— Жить тяжело...

Ея глаза опять закрылись.

— Да, другъ мой, тяжело, тяжело жить,—со вздохомъ проговорила Зарина.

Ея вздохъ повторился Ольхинымъ.

— Да-съ, это точно, жить-съ тяжело, ваше превосходительство,—тихо сказалъ онъ.

Она обернулась къ нему,

— Ваши дѣти здѣсь, въ пріютѣ?

Digitized by Google

- Были-съ, были-съ,—отвѣтилъ онъ и сконфуженно заторопился:—Не благодарилъ еще, ваше превосходительство. Какъ же, были-съ! Много обязанъ...

— А развѣ вы ихъ взяли? — съ удивленіемъ спросила Зарина и вспомнила:—Да, теперь вѣдь каникулы...

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, совсѣмъ взялъ... Стѣсняли они въ болѣзни Настю... Гдѣ же здѣсь еще тремъ дѣвочкамъ помѣщаться... Комнатки малы...

Зарина посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Какъ здѣсь?

Ольхинъ пояснилъ:

— Сами изволите знать, ваше превосходительство, имъ нельзя было остаться въ пріютскихъ помѣщеніяхъ... для сиротъ-съ пріютъ... а у нихъ и я, отецъ, и мать... приказано было удалить... Попечитель-съ нашелъ неудобнымъ, не по уставу...

Елена Григорьевна широко открыла глаза. Ольхинъ продолжалъ пояснять:

— Ну-съ, Настя ихъ у себя на свои средства стала содержать... Но въ болѣзни... есть же у меня крестъ на вороту, ваше превосходительство... развѣ можно было стѣснять больную...

Зарина, охваченная страшнымъ волненіемъ, хотѣла что-то сказать, но Ольхинъ указалъ ей многозначительно глазами на больную. Елена Григорьевна обернулась къ ней. Больная смотрѣла въ пространство, очевидно не видя ничего или не понимая ничего. Ея рука поднялась и искала чего-то въ воздухѣ. Губы шевелились, но было трудно понять, что она говоритъ. Наконецъ Ольхинъ, чутко прислушивавшійся къ ея словамъ, пояснилъ:

— Дѣтей зоветъ... ищетъ-съ...

— Что же дѣлать?—спросила, растерявшись, Зарина.

— Я позову-съ,—сказалъ Ольхинъ и прибавилъ съ горечью:—Конецъ, кажется!

— Ахъ, у нихъ опять начнется истерика!—замѣтила Зарина съ испугомъ.

— Что-жъ дѣлать-съ... такое ужъ дѣло...—отвѣтилъ Ольхинъ.

Онъ на цыпочкахъ, сгорбившись, вышелъ изъ комнаты.

Когда онъ вернулся въ сопровожденіи пріютскихъ дѣтей, священника и Ольги Леонтьевны, онъ увидалъ Зарину, стоящую на колѣняхъ у постели, прильнувъ губами къ рукѣ Настасьи Порфирьевны. Та лежала безъ движенія. Всѣ безмолвно опустились на колѣни. Въ комнатѣ, полной на-

Digitized by Google

родомъ, водворилась тишина, и въ этой тишинѣ слышны были только подавленныя всхлипыванья...

Наконецъ Зарина очнулась, поднялась, приложилась губами къ губамъ покойницы и, отирая слезы, обратилась къ окружавшимъ ее людямъ:

— Распорядитесь... всѣмъ... Я завтра буду... Положить въ залѣ... Ахъ, Господи, какое несчастье...

Она торопливо пошла среди разступившихся дѣвочекъ къ выходу. Ей нельзя было медлить, ей непремѣнно нужно было ѣхать. Всѣ стояли молча, понуро. Всѣ отирали слезы. Никто не шевельнулся, чтобы проводить основательницу пріюта. Среди этой тишины, какъ рѣзкій скрипъ, пронеслось замѣчаніе Ольги Леонтьевны, сказанное отрывисто, шипящимъ тономъ:

— На праздникъ еще успѣетъ попасть!

Ольхина точно чѣмъ-то рѣзнуло по уху. Онъ укоризненно покачалъ головой. Не понималъ онъ вообще злыхъ чувствъ, а въ такія минуты еще менѣе.

X.

Послѣ смерти Настасьи Порфирьевны, въ ея комодѣ нашли запечатанный конвертъ, адресованный на имя Ольги Леонтьевны. Въ немъ лежали полтораста рублей и роспись расходовъ на похороны; распоряженіе похоронами поручалось Ольгѣ Леонтьевнѣ и ей же отказывался весь скудный домашній скарбъ Носовой. Старушка, какъ жила, такъ и умерла, трезво смотря на жизнь и стараясь какъ можно меньше доставлять хлопотъ ближнимъ. Ея смерть послужила для Ольхина предлогомъ для воспоминаній о жизни, о дѣятельности и характерѣ покойной. Онъ сообщалъ дочерямъ массу мелкихъ фактовъ изъ прошлаго Носовой и, слушая его воспоминанія, было легко понять, какъ горячо онъ любилъ и какъ хорошо зналъ душу этой женщины. Въ то же время смерть Настасьи Порфирьевны была причиной того, что Ольхинъ увидалъ въ совершенно новомъ свѣтѣ Зарину и Ольгу Леонтьевну, и былъ пораженъ этимъ до глубины души.

Три дня, прошедшіе между смертью Настасьи Порфирьевны и ея похоронами, были странно проведены Ольгой Леонтьевной. Эта, повидимому, безцвѣтная, вѣчно поджимавшая губы и молчаливая особа, которою, казалось, каждый можетъ помыкать, какъ ему угодно, вылила теперь всю желчь, накопившуюся въ ней за двадцать лѣтъ служенія въ пріютѣ.

Digitized by Google

Все, что скрывала она, преданная, какъ собака, Носовой, бурно высказалось теперь. Что-то дикое, почти безумное, было въ ея поведеніи. Сысоевъ положительно долженъ былъ скрыться съ первой же панихиды отъ грубостей помощницы начальницы пріюта. Она прямо въ глаза при всѣхъ замѣтила ему, что это онъ убилъ «маменьку» и высыпала изъ своей души всѣ факты его поведенія относительно покойной Настасьи Порфирьевны. Стремленіе его урѣзать бюджетъ пріюта, лишеніе дѣтей самаго необходимаго, изгнаніе изъ пріюта дѣтей Ольхина,—все это всплыло наружу. Даже его ухаживанія за Лизой Ольхиной не были забыты и грубо высказаны попечителю-кабатчику. Елена Григорьевна попробовала поставить расходившуюся воспитательницу на надлежащее мѣсто, но Ольга Леонтьевна не уступила и ей, безпощадно указывая на все, что выносила покойница. За двадцать пять рублей въ мѣсяцъ она работала, не зная отдыха, употребляя почти всѣ свои деньги на то, чтобы дѣвочки содержались хоть сколько-нибудь сносно, и ее же оскорбляли, тѣснили, усчитывали. Съ глазъ Елены Григорьевны была снята повязка, но снята она была такой грубой рукой, съ такой рѣзкостью, что Елена Григорьевна была поражена болѣе этими грубостью и рѣзкостью, чѣмъ горькимъ сознаніемъ, что единственный любившій ее человѣкъ былъ поставленъ ею самою въ невыносимо тяжелыя условія. Впервые она, улыбавшаяся всегда всѣмъ и каждому привычною привѣтливою улыбкою, какъ бы застывшею на ея лицѣ, почувствовала какое-то враждебное отношеніе къ этой разбушевавшейся дѣвушкѣ. Казалось, эта дѣвушка грубо и безпощадно хотѣла отнять у нея ея послѣднее право—право продолжать считаться глубоко любящей и доброй женщиной. Всѣ знали, что Елена Григорьевна почти брошенная мужемъ жена, что она несчастная мать погибшихъ сыновей, что она доведена почти до полнаго разоренія, что тяжелая жизнь убила въ ней энергію, твердость характера, способность къ протесту, но всѣ безусловно соглашались, что она сохранила свою природную доброту. Ольга Леонтьевна какъ бы задалась цѣлью доказать, что въ душѣ Зариной не уцѣлѣло даже этой добродѣтели, что отъ доброты у нея осталась только застывшая на лицѣ привѣтливая улыбка и больше ничего, что подъ этою улыбающеюся маскою таилась теперь эгоистичная душа, полная только сознаніемъ своихъ личныхъ невзгодъ, не видящая ничего кромѣ нихъ, привязывающаяся къ людямъ только

Digitized by Google

за то, что они выслушиваютъ ея жалобы, и ни на минуту не задумывающаяся о томъ, какъ живется самимъ этимъ людямъ. Зарину охватилъ просто страхъ передъ этой «фуріей», и она пріѣзжала въ пріютъ только во время папинхидъ, спѣша поскорѣй выбраться оттуда при ихъ окончаніи.

Это бросилось въ глаза даже Ольхину, и онъ попробовалъ, оставшись втроемъ съ Лизой и Ольгой Леонтьевной, замѣтить послѣдней:

— Ай, ай, Ольга Леонтьевна, какъ вы рѣзко говорите съ добрѣйшей Еленой Григорьевной. У нея и такъ много горя!

— А у меня мало? — запальчиво воскликнула Ольга Леонтьевна.—Я двадцать лѣтъ терпѣла, молчала, щадя мамашу! Двадцать лѣтъ разрывалось мое сердце за мамашу, за дѣтей! Довольно! Теперь — нѣтъ-съ, слуга покорная, не могу, не хочу молчать! И что вы мнѣ говорите о ея добротѣ! Была она добра, стремленія хорошія были, порывы были честные, это и мамаша мнѣ говорила, разсказывая о ея дѣтствѣ, да все порастряслось, вывѣтрилось. Тряпка она измызганная теперь и больше ничего. Улыбочка ея обольстительная васъ подкупила, а что за этой улыбочкой скрывается? Дряблость, гнилость, сухой эгоизмъ! Улыбаться ближнимъ легко, работать для ихъ пользы трудно.

— Но позвольте, позвольте, Настя ее любила, а Настя...— началъ Ольхинъ.

Ольга Леонтьевна смѣрила его злымъ взглядомъ.

— Маменька любила ее, какъ любятъ люди опаршивѣвшаго щенка, котораго когда-то пригрѣли они! — выпалила она. — Да-съ! Не трогаютъ его, не гонятъ, не бьютъ, потому жаль его, потому что вспоминается, какъ няньчились съ нимъ. Это не любовь. Маменька была геніальная женщина, не могла ошибаться насчетъ людей. Не на то надѣялась мамаша, когда воспитывала Елену Григорьевну, и сердце у нея обливалось кровью, когда она видѣла, какъ та постепенно обезличивалась, превращалась въ тряпку въ этомъ проклятомъ свѣтѣ...

Ольхинъ опять вступился за Зарину.

— Вотъ вы сами противорѣчите себѣ, говоря, что ее загубили. Ее жалѣть надо, войдите въ ея положеніе,—сказалъ онъ.

— Э, что тутъ миндальничать, всѣмъ не сладко живется!— рѣзко возразила Ольга Леонтьевна.—Мнѣ вотъ завтра на улицѣ придется остаться, можетъ-быть, по міру ходить...

Digitized by Google

Данила Лукичъ широко открылъ глаза...

— И вы все же отказываетесь отъ мѣста? — почти воскликнулъ онъ.

— Мѣсто! мѣсто!—глухо повторила Ольга Леонтьевна.— Да я лучше хлѣбъ съ водой буду ѣсть, чѣмъ смотрѣть на пакости, которыя здѣсь начнутся... Я ради мамаши терпѣла все, что здѣсь дѣлалось въ послѣднее время, а безъ нея будетъ еще хуже. Нѣтъ-съ, изъ-за куска хлѣба я на подлыя сдѣлки не пойду и кабатчикамъ служить не буду. Я сама въ пріютѣ выросла, такъ у меня сердце болитъ за каждую дѣвчонку. Можетъ-быть, если бы меня мамаша не призрѣла, я бы теперь ходила...

Она оборвала рѣчь, махнувъ рукою.

— Пусть ужъ безъ меня ихъ къ Невскому готовятъ...

Возвращаясь изъ пріюта домой, Лиза смотрѣла задумчиво и грустно, и, наконецъ, замѣтила тихо отцу:

— Вотъ вѣдь, папа, сколько лѣтъ мы знали человѣка, а и не подозрѣвали, какая душа таится въ немъ...

— Это ты про Ольгу Леонтьевну?—проговорилъ старикъ, очнувшись отъ тяжелыхъ думъ.—Да, горячее сердце, горячее! Достойна удивленія! Говоритъ: «лучше хлѣбъ съ водой буду ѣсть, а на сдѣлки не пойду». Дѣйствительно, достойна удивленія.

Онъ вздохнулъ.

— Да, достойна удивленія, а удачъ въ жизни нечего ей ждать, съ горячимъ-то сердцемъ.

И онъ немного расфилософствовался. Какъ странно жизнь слагается: вотъ такіе люди съ горячими сердцами неудачниками почти всегда бываютъ, а такія кроткія созданія съ задатками добра, любви и правды, какъ Зарина, въ концѣ концовъ, дѣлаются игрушками въ чьихъ-нибудь рукахъ, превращаются въ тряпки, даже добрыми, въ сущности, не умѣютъ быть потомъ.

— Школа, трудная школа жизнь-то, маточка, — закончилъ онъ со вздохомъ. — Сколько энергіи нужно, чтобы пройти ее, не споткнувшись!

И его душу охватило молитвенное настроеніе: то была молитва за дѣтей. Да ниспошлетъ имъ небо не испортить себѣ жизни честными порывами и да не заглохнутъ эти порывы отъ недостатка энергіи въ борьбѣ со злыми людьми.

Если бы онъ могъ сильнѣе полюбить своихъ дѣтей, свою семью, чѣмъ онъ ихъ любилъ прежде, то это должно было бы случиться именно теперь, когда не стало Настасьи Пор-

Digitized by Google

фирьевны: внѣ своей семьи ему уже не о комъ было думать. Похоронивъ старушку, онъ весь отдался заботамъ о семьѣ, думалъ только о ней, только о ней и говорилъ.

Совершенно неожиданно именно это обстоятельство послужило причиной для особеннаго сближенія между Ольхинымъ и Михеемъ. Ольхинъ въ послѣднее время сталъ очень упорно заниматься въ свободные часы въ архивѣ частной перепиской бумагъ. Въ ноябрѣ восемнадцатаго числа былъ день рожденія Пелагеи Никитичны, и Ольхину хотѣлось къ этому времени заработать хоть сколько-нибудь денегъ помимо жалованья и полученъ за вечернія занятія. Онъ писалъ, не уставая, исполненный радостнымъ предчувствіемъ, какъ будетъ счастлива жена, когда онъ принесетъ заработанныя имъ деньги и скажетъ:

— Надо пиръ устроить, Поля, вѣдь послѣзавтра день твоего рожденія!

Не ждетъ она этого. Изъ хозяйственныхъ денегъ нечего и думать съэкономить на пиръ. Пиръ же надо непремѣнно устроить, пусть хоть этимъ отмѣтится ихъ семейный праздникъ. Кстати спрыснуть они и радостное событіе—поступленіе двухъ дѣтей въ гимназію и Лизы на фельдшерскіе курсы. Онъ сидѣлъ надъ перепиской, не разгибаясь по цѣлымъ часамъ, но былъ веселъ и счастливъ. Вставъ на нѣсколько минутъ со стула, онъ прохаживался по архиву съ свѣтлой улыбкой на лицѣ, помахивая усталой рукой. Приходившіе въ архивъ чиновники удивлялись, видя Ольхина теперь всегда оживленнымъ, говорливымъ, подшучивавшимъ. Разъ Михей замѣтилъ ему, качая головой:

— И навалили же нынѣ на васъ работы. Почитай, спины не разгибаете.

— Это, Михеюшка, не казенная работа, частную переписку взялъ,—пояснилъ Ольхинъ оживленнымъ и веселымъ тономъ.—Семья, братъ, тоже на рукахъ, надо работать.

Онъ вздохнулъ.

— Да, да, семья... Кромѣ нея никого нѣтъ на свѣтѣ... Вотъ сестра была, матерью, въ сущности, она была для меня—умерла недавно.

Онъ сталъ разсказывать, какая удивительная женщина была его двоюродная сестра, какъ много добра дѣлала. Михей ее отчасти зналъ. Ольхинъ посылалъ его нѣсколько разъ къ ней, и Михей отзывался о ней одобрительно: «всегда на чай давала!»

— И умерла, умерла, — закончилъ Ольхинъ. — Конечно,

Digitized by Google

преклонные годы были, а все же тяжело, что умерла. Других и родных нѣтъ, кромѣ жены и дѣтей.

— Да и жизнь-то такая, что и жить не стоитъ,—равнодушно сказалъ Михей.

— Да, да, тяжело всѣмъ живется, Михеюшка, — согласился Ольхинъ.

— Ужъ чего хуже! Вонъ махорка, на что проклятое зелье, а и та въ цѣнѣ поднялась. Забандеролили тоже!

Переходъ отъ жизни къ махоркѣ нѣсколько озадачилъ Ольхина; тѣмъ не менѣе, зная удивительныя мыслительныя способности Михея, онъ понялъ происшедшій въ его головѣ мысленный процессъ, усмѣхнулся и добродушно спросилъ:

— Да развѣ ты нюхаешь? А я и не зналъ.

— Чего мнѣ нюхать, — сердито сказалъ Михей. — Подкармливаю семью ею.

Ольхинъ удивился.

— Какъ это? Махоркой-то?

— Такъ нѣшто изъ нашего жалованья жить можно? — сурово проговорилъ Михей. — Никакъ не можно. Махорку мелю... У воротъ своякъ продаетъ, а то и самъ. Тоже, поди, много насбираешь копейками. Мѣрка копейка, а покупатель какой? Гольтепа! Говоритъ: «пополнѣе насыпай!» Пока насыпаешь, въ ящикъ пальцы норовитъ засунуть, щепоту-другую да пополнѣе захватить старается. О, чтобъ имъ провалиться! Да еще жалуются: «золы много кладете». А какъ ее не класть, золу-то, если товаръ дорогъ? Сквалыги! Право, сквалыги!

Онъ сердито сплюнулъ.

— И бѣда нынѣ съ товаромъ-то этимъ. Бандеролить стали махорку-то. Ну, разсмотри ты, что тебѣ за товаръ даютъ въ оберткѣ-то. Либо зеленые листья попадутъ, либо пересушенные. Какіе ни на-есть — бери. Прежде, бывало, зналъ, что берешь. Лицомъ товаръ продавали. Тоже полиція придирки дѣлаетъ. Какъ смѣешь торговать. Вонъ принцъ Ольденбургскій, дай Богъ ему вѣчную память, отстоялъ въ Маріинской больницѣ сторожей. «Пусть, говоритъ, они у меня подкармливаются. Они, говоритъ, не на улицѣ торгуютъ»... А покупатель думаетъ, легко намъ...

Онъ вздохнулъ.

— Одинъ вотъ только баринъ, какъ придетъ, такъ на пятнадцать копеекъ всегда велитъ положить, а самъ завсегда двугривенный сунетъ. «Это, говоритъ, на чай тебѣ». Все больше ночью заходитъ къ воротамъ, должно, совѣстится

Digitized by Google

чнемъ-то покупать, чтобы люди не знали. Такъ такихъ-то господъ одинъ да и обчелся.

— А я и не зналъ, что ты этимъ промышляешь, — задумчиво сказалъ Ольхинъ.

— Всѣ сторожа промышляютъ: въ сенатѣ, у больницъ, вездѣ,—отрывисто отвѣтилъ Михей.—Подкармливаться надыть. Тоже семьи у всѣхъ и крестъ на вороту. У меня вотъ дочь, внучата. По міру пустить ихъ, что ли? Свое рожденье тоже. Домой придешь, около ногъ вертятся: «дѣда! дѣда!» На колѣни къ тебѣ тянутся, другъ друга переспариваютъ: «я къ дѣдѣ! нѣтъ я къ дѣдѣ!»

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и ворчливо пояснилъ:

— Ну, вонъ и мелешь ее, проклятую махорку-то.

Ольхинъ дружески похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, старина, старина, хорошо еще, когда есть для кого молоть-то! Хуже было бы, если бы не было никого около, родного, любящаго.

И совсѣмъ повеселѣвъ, точно найдя родную душу, онъ заговорилъ о своихъ дѣтяхъ. Вотъ и онъ для нихъ работаетъ, по вечерамъ занимается, переписку теперь взялъ въ должность. Праздникъ имъ хочется устроить. Потомъ онъ сталъ разспрашивать Михея о его внучатахъ. Но Михей ничего не могъ разсказать о нихъ, кромѣ того, что ихъ трое: одинъ внукъ и двѣ внучки. Дальше этого онъ не шелъ въ своихъ объясненіяхъ. Говорить о сухаряхъ, похожихъ на дерево по твердости и поддающихся только молодымъ зубамъ, разсказывать о необходимости подкармливаться при помощи торговли махоркою — это онъ могъ, но передать что-нибудь о внучатахъ — это было ему положительно не подъ силу. Изъ его словъ, отрывочныхъ и неопредѣленныхъ, Ольхинъ могъ только понять, что Михей безъ ума отъ своего внука, что этого ребенка прозвали въ шутку «дворникомъ», что внучекъ онъ не то, что не любитъ, а смотритъ на нихъ свысока: «дѣвчонки», при чемъ его все же очень трогаетъ, когда онѣ ссорятся за право сидѣть на колѣняхъ у «дѣды».

Какъ-то вечеромъ, проходя мимо воротъ министерскаго дома на вечернія занятія, Ольхинъ увидалъ Михея и недалеко отъ него маленькаго мальчугана въ чистенькомъ дубленомъ полушубкѣ, въ солдатской фуражкѣ, съ метлой въ рукахъ.

— Ужъ не твой ли внукъ это?—спросилъ онъ Михея.

— Дворникъ-то?—спросилъ Михей.—Онъ самый и есть.

Digitized by Google

И крикнулъ:

— Эй, дворникъ!

Мальчикъ подошелъ, таща метлу.

— Ишь, еде отъ земли видно, а улицы мести норовитъ, — сказалъ старикъ и сдвинулъ на затылокъ шапку ребенка.

По лицу старика скользнуло что-то въ родѣ широкой улыбки при взглядѣ на прелестное лицо ребенка.

— Ну, что-жъ ты не здороваешься съ бариномъ?—сказалъ старикъ.

Ребенокъ вытянулся, приложилъ руку къ фуражкѣ и бойко произнесъ:

— Здлавія желаю, ваше благолодіе!

— Облезьяна!—смѣясь, замѣтилъ дѣдъ.

Ольхинъ потрепалъ по щекѣ мальчугана, порылся въ карманѣ и сунулъ ребенку какую-то мелочь «на пряники».

Съ этого дня онъ уже не проходилъ мимо воротъ министерства безъ того, чтобы не приласкать «дворника». Иногда онъ совалъ ему копейку или двѣ, иногда приносилъ яблоко, спрятанное имъ за обѣдомъ. Какъ-то разъ, немного замявшись и конфузясь, онъ спросилъ у Лизы, нѣтъ ли въ домѣ какого-нибудь старенькаго платья и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пояснилъ:

— Михею, знаешь; внучата у него, все пригодится...

Какъ-то разъ Лиза замѣтила ему:

— Скучно тебѣ, папа, въ твоемъ архивѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубка, какъ же скучно, — отвѣтилъ Ольхинъ.—Я же не одинъ... говоримъ, толкуемъ...

— Да съ кѣмъ же? Съ Михеемъ-то? О венгерской кампаніи или...

— Нѣтъ, нѣтъ, голубка,—началъ Ольхинъ и улыбнулся.—Вотъ вѣдь жили-жили вмѣстѣ столько времени, говорить было не о чемъ, а теперь... дѣти сблизили... у меня вы, у него своя дѣтвора, ну, и... словно породнились... Какой сердечный человѣкъ! Только словъ у него нѣтъ, не умѣетъ говорить красно, а душа—хорошая душа...

Дѣйствительно, Ольхинъ пересталъ чувствовать себя одинокимъ въ архивѣ съ той поры, какъ сталъ заниматься здѣсь перепиской ради пира для жены и дѣтей и началъ сердечно интересоваться участью семьи Михея. Его счастіе было тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе накапливалось въ его столѣ рублей, заработанныхъ перепискою по двугривеннымъ, по четвертакамъ съ листа. Иногда онъ даже соображалъ: от-

Digitized by Google

дать ли всѣ деньги на пиръ, или купить на часть изъ нихъ какой-нибудь подарокъ Полѣ, или отложить часть на черный день — вдругъ не хватитъ у Поли къ концу мѣсяца денегъ, а онъ ей и скажетъ:

— Вотъ пустяки! У меня есть отложенныя деньги!

Въ головѣ были доводы и за тотъ, и за другой, и за третій планы.

Въ домѣ же никто и не подозрѣвалъ, что готовитъ Данила Лукичъ, и жили такъ, что многіе могли бы позавидовать этой жизни. Если бы Данила Лукичъ заглянулъ въ платяной шкапъ жены — онъ удивился бы, на какія средства и когда надѣланы всѣ эти наряды. Не менѣе удивило бы его количество всякаго бѣлья въ комодѣ. Но, какъ почти всѣ мужчины, онъ видѣлъ скатерти и салфетки на столѣ и не зналъ, сколько ихъ лежитъ въ запасѣ, часто ли приходится производить стирку, чтобы имѣть на столѣ всегда свѣжее столовое бѣлье. Онъ видѣлъ на дѣвочкахъ коричневыя платьица и не подозрѣвалъ, что въ будни онѣ носятъ одни платья, а въ воскресные дни надѣваютъ другія. Черное платье Пелагеи Никитичны не удивляло его, какъ нѣчто новое, благо оно было чернымъ, какъ и ея старый парадный костюмъ. Если его изумляло какое-нибудь блюдо телячьихъ котлетъ, какъ роскошь не по карману, то всегда оказывалось, что именно въ этотъ день были удивительно дешевы телячьи котлеты. Труднѣе было обмануть дѣтей; но имъ постоянно говорилось, что это Викторъ помогъ, но не надо папѣ говорить, такъ какъ онъ все стѣсняется брать у Виктора деньги, а Виктору онѣ вовсе не нужны. Самому Виктору было бы почти невозможно объяснить, изъ какихъ средствъ ведется теперь безбѣдный образъ жизни, но Викторъ, заходя домой въ воскресные и праздничные дни, ни о чемъ не разспрашивалъ, ничему не удивлялся. Онъ былъ вполнѣ счастливъ, и все остальное очень мало занимало его. Пелагея Никитична чувствовала, что она совсѣмъ изолгалась въ послѣднее время, но она вполнѣ оправдывала себя въ душѣ. Что же было иначе дѣлать? Сознаться во всемъ мужу? Онъ откажется отъ всякихъ вспомоществованій со стороны Никонова. Придется опять бѣдствовать? Нѣтъ, довольно она бѣдствовала! И, обманывая себя, она начинала увѣрять себя, что и для мужа необходимо нужно, чтобы она обманывала его. Старикъ не перенесетъ ни ея признанія, ни перемѣны образа жизни. Къ тому же новый образъ жизни былъ такъ по

Digitized by Google

душѣ ей, что отрочься отъ него было уже невозможно. Она не только могла въ первую изъ субботъ зимняго сезона взять кресло во французскомъ театрѣ, но могла спокойно встрѣтиться въ фойэ со старыми знакомыми, показаться имъ, не краснѣя за свой туалетъ, сказать имъ небрежно, что она рада ихъ видѣть у себя. Все это было для нея торжествомъ. Торжествомъ было для нея и сознаніе, что теперь ей стоило сдѣлать шагъ — и Никоновъ снова былъ бы у ея ногъ. Видясь съ нимъ изрѣдка, она чувствовала, что въ немъ не умерло прежнее чувство къ ней, что оно приняло только другой характеръ. Онъ старался вести воздержанную жизнь, но онъ былъ еще не старъ и потребность женской привязанности таилась въ его сердцѣ. Гдѣ искать этой привязанности: среди падшихъ женщинъ? заводить новыя двусмысленныя связи? жениться, наконецъ, на какой-нибудь молоденькой дѣвушкѣ? Ни годы, ни напускная солидность, ни положеніе въ обществѣ не допускали его до этого, а тутъ — не все ли равно, если онъ, уже разъ бывъ въ близкихъ отношеніяхъ съ этой женщиной, возобновитъ эти отношенія? «Старая любовь не ржавѣетъ,—не безъ сентиментальности вздыхалъ онъ.—Развѣ мы виноваты, что любили и любимъ другъ друга? Мы сдѣлали все, чтобы убить это чувство, но это не въ нашей волѣ». И передъ нимъ вставалъ образъ этой женщины, удивительно хорошо сохранившейся, все еще прекрасной и точно начавшей снова расцвѣтать. Она же ловила его намеки, кокетничала съ нимъ, вела игру въ кошку и мышку, надѣялась на что-то и, вдругъ опомнившись, заламывала руки и стонала:

— А мужъ? мужъ?

Иногда въ душѣ, какъ лучъ надежды, мелькала мимовольно жестокая мысль:

— Онъ умретъ можетъ!..

Ей становилось стыдно за себя, досадно на себя. «Низкая душа!»—гнѣвно говорила она про себя. Онъ же работалъ, работалъ безъ устали...

Въ одинъ прекрасный день Ольхинъ пришелъ въ архивъ и вмѣсто Михея увидѣлъ въ своемъ помѣщеніи другого сторожа, Ивана.

— А Михей? Заболѣлъ?—спросилъ Ольхинъ.

— Нѣтъ, самъ-то онъ ничего, а внучекъ у него что-то привалился, — отвѣтилъ унтеръ. — Дворникъ-то, изволите знать?

Digitized by Google

— Какъ же, какъ же!—сказалъ Ольхинъ и сталъ заботливо разспрашивать:

— Что съ нимъ? Простудился? Какая болѣзнь?

— А Господь его знаетъ,—отвѣтилъ Иванъ.—Горло захватило. Должно, что простудился. Въ баню бы надо сходить...

— Вѣрно, сильно боленъ, что Михей при немъ остался?—спросилъ Ольхинъ.

Сторожъ замялся. Потомъ пояснилъ:

— Крѣпко захворалъ... А Михей-то... того онъ немного сегодня... Выпилъ значитъ...

Ольхинъ изумился.

— Да развѣ онъ пьетъ?

— То-то и дѣло, что не пьетъ, а вотъ... Христосъ его знаетъ, съ чего... Вчера, Карла Ивановичъ, докторъ-то нашъ нѣмецъ, смотрѣлъ мальчишку... Ну, извѣстно, сказалъ Михею, что такъ и такъ, опасно, значитъ... Михей это взялъ и выпилъ.

— Ахъ, ахъ, чудакъ! Точно это поможетъ,—сказалъ Ольхинъ, вздыхая.—Вотъ вѣдь народъ тоже... Тутъ-то трезвымъ и надо быть, а онъ напиться вздумалъ...

Онъ принялся за переписку, въ раздумьи покачивая головой.

— Ругается теперь, страсть!—замѣтилъ унтеръ.—Вотъ люди ты, человѣкъ степенный, никакихъ такихъ озорствъ отъ него не видали, а теперь...

Онъ махнулъ рукой и усмѣхнулся.

— И смѣхъ, и грѣхъ! Такія слова загибаетъ на весь подвалъ. Дочь стала уговаривать, куда тебѣ! Ее самыми послѣдними словами выругалъ. Мы ужъ его въ холостую увели, а то бабъ совѣстно. Ей-ей!

Ольхинъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Его такъ и подталкивало сходить посмотрѣть на «дворника». Михея тоже хотѣлось усовѣстить. Когда же и быть трезвымъ, какъ не въ бѣдѣ, а онъ взялъ и напился. Вотъ-то дикарь! Надо ему голову намылить. Но онъ рѣшилъ, что лучше сдѣлать это вечеромъ, передъ вечернними занятіями. Михей проспится къ тому времени и съ нимъ можно будетъ поговорить серьезно. Теперь въ пьяномъ видѣ все равно ничего не пойметъ. Тѣмъ не менѣе, онъ уже не могъ спокойно работать. Какая-то тревога была въ душѣ, точно у него самого заболѣлъ кто-то изъ близкихъ, изъ родныхъ.

Вернувшись домой къ обѣду, Данила Лукичъ разсказалъ домашнимъ о болѣзни «дворника».

Digitized by Google

— Михей мнѣ ужъ три дня говорилъ, что «дворникъ» привалива́ется, да я все думалъ такъ, простуда,—разсказывалъ Ольхинъ, обращаясь къ Лизѣ.—А болѣзнь-то серьезная... Жаль старика. Вотъ вѣдь простой человѣкъ, а душа-то какая!

Лиза послѣ обѣда нѣжно поцѣловала отца.

— Все-то тебя тревожитъ, добрый ты мой!—сказала она.

Она тихо и ласково шепнула ему:

— Но надо беречь себя и тѣмъ, у кого есть дѣти!

Онъ понялъ ея намекъ, пріободрился, успокоилъ ее:

— Не бойся, не бойся, Лизокъ!.. Что-жъ, жаль мнѣ и ребенка, и старика, да вѣдь ужъ этого не передѣлать... А я ничего; я, видишь, бодръ...

Онъ пошелъ въ урочный часъ въ должность.

Подходя къ воротамъ министерства, онъ вспомнилъ, что здѣсь по вечерамъ онъ встрѣчалъ дворника. Тотъ, шалунъ маленькій, въ послѣднее время постоянно становился передъ нимъ во фронтъ, прикладывалъ ручонку къ шапкѣ и говорилъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!

Сторожа научили этому маленькую обезьяну! Забавный такой ребенокъ былъ и изъ себя красавчикъ. А вотъ теперь лежитъ, лежитъ. Охъ, дѣти, много съ ними радости, много и горя...

Онъ обратился къ дежурному у воротъ сторожу:

— Гдѣ живетъ Михей?

— На общей женатой половинѣ,—отвѣтилъ сторожъ.

— Это вонъ тамъ, во дворѣ?

— Да, въ подвалѣ, налѣво...

— Хочу нашего «дворника» спровѣдать...

— Помёръ онъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Какъ померъ? Когда?—воскликнулъ Ольхинъ и остановился въ ужасѣ, совсѣмъ похолодѣвъ.

— Съ часъ времени. На смѣну мы пошли, а онъ въ это время и помёръ.

Ольхинъ совершенно машинально перекрестился; постоялъ на мѣстѣ, не зная, что дѣлать, потомъ очнулся, сообразилъ, что, можетъ-быть, Михеевой дочери деньги нужны. Надо будетъ помочь. Какое счастье, что у него есть отложенныя деньги. Хватитъ ихъ и для помощи этимъ бѣднымъ людямъ, и на семейный пиръ. Наконецъ, пиръ и поскромнѣе можно будетъ устроить. Это не бѣда.

Онъ торопливо пошелъ по направленію ко входу въ подвалъ.

Digitized by Google

Зданіе министерства было старое, ежегодно перекрашиваемое, десятки лѣтъ не ремонтировавшееся. Входъ въ подвалъ былъ грязенъ, ступени поломаны отъ времени, скользки отъ грязи. Осторожно спустившись по этимъ семи ступенямъ, Ольхинъ очутился въ длинномъ коридорѣ со сводами, откуда на него пахнуло плѣсенью и сыростью, острымъ запахомъ кислой капусты, горячаго ржаного хлѣба, старой казармы. Въ коридорѣ едва мерцали фонари и керосиновыя лампочки съ грязными стеклами. Газъ здѣсь не могъ хорошо горѣть,—такъ спертъ, сыръ и холоденъ былъ воздухъ въ этомъ подвальномъ коридорѣ. Идти нужно было по избитымъ, скользкимъ отъ сырости плитамъ среди всякаго хлама, досокъ, метелъ, кадушекъ, шкаповъ, поломанной кухонной утвари. Раза два Ольхинъ зажигалъ спички, чтобы прочитать надписи на дверяхъ, обитыхъ рогожами. «Отдѣленіе для холостыхъ сторожей», «Лампочщикъ», «Дворники», «Общее отдѣленіе для женатыхъ сторожей», читалъ онъ. Передъ послѣднею дверью онъ остановился. Михей съ дочерью жилъ въ общемъ отдѣленіи женатыхъ сторожей. Ольхинъ нащупалъ скобку и открылъ дверь. Она заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ и зашуршала по каменному полу обвиснувшею рогожей.

Ольхинъ увидалъ странную картину.

Очень большая комната съ потемнѣвшими массивными сводами, съ большой русской печкой, дѣлилась на своеобразные углы, отгороженные то ветхими, оклеенными разноцвѣтными обоями ширмами, то пестрыми ситцевыми занавѣсками. Вездѣ были наставлены безпорядочно дырявые кресла и стулья, поломанные столы и комоды. Изъ-за ширмъ и изъза драпировокъ выглядывали двуспальныя кровати. Тутъ и тамъ тускло горѣли на столикахъ лампочки. Въ воздухѣ пахло сильнѣе всего махоркою, чувствовалось, что здѣсь много ея курили и приготовляли изъ нея не мало нюхательнаго табаку. Изъ разныхъ угловъ отдавало то запахомъ грязнаго бѣлья, то запахомъ человѣческаго пота.

Среди этого полутемнаго жилища довольно яркимъ пятномъ выдавался небольшой столикъ, покрытый бѣлой простыней. На столикѣ лежало что-то, тоже покрытое бѣлой простыней. Стоялъ этотъ столикъ въ переднемъ углу и озарялся мягкимъ свѣтомъ затепленной лампады. Около него сидѣла еще довольно молодая, но страшно исхудалая и блѣдная, какъ полупрозрачный бѣлый воскъ, женщина въ скромномъ ситцевомъ платьѣ. Она безпомощно опустила на

Digitized by Google

колѣни руки и словно застыла, не обращая вниманія на двухъ дѣвочекъ, прижавшихся къ ней.

Ольхинъ пошелъ на цыпочкахъ по направленію къ этому столику, крестясь и силясь удержаться отъ слезъ. Онъ подошелъ къ столику, приподнялъ простыню и увидалъ знакомое ему личико «дворника». Мальчикъ, казалось, спалъ крѣпкимъ беззаботнымъ сномъ, сложивъ на груди бѣдныя ручонки. На нихъ лежалъ небольшой деревянный образокъ. Молодая женщина подняла голову и тупо посмотрѣла на посѣтителя, склонившагося надъ трупомъ ея сына и цѣловавшаго этотъ холодный дѣтскій лобъ. Нѣсколько женщинъ тотчасъ же по приходѣ Данилы Лукича окружили столикъ съ покойникомъ и стали съ любопытствомъ смотрѣть на барина. Онъ увидалъ эту толпу, услыхалъ смутный говоръ, смутился, закрылъ лицо покойника простыней и, отирая слезы, торопливо сунулъ несчастной матери денегъ, сбивчиво поясняя:

— На похороны, голубушка... Сколько могу... Экіе вы бѣдные...

Кто-то сталъ его благодарить—не она, а какія-то другія женщины. Онъ въ смущеніи объяснялъ:

— Не стоитъ, не стоитъ благодарности... Что могу... Ахъ, какъ жаль мальчугана...

Это жилище, эта грязь, эта бѣдность, этотъ дѣтскій трупъ, эта отупѣвшая отъ горя женщина подавили его совсѣмъ. Онъ не могъ даже плакать, а только торопился уйти, чувствуя потребность вздохнуть полной грудью на чистомъ воздухѣ. Онъ вышелъ изъ подвальнаго жилища ощупью, спотыкаясь о разный хламъ.

— И наплевать, такіе-сякіе!—раздался вдругъ чей-то заспанный пьяный голосъ въ темномъ коридорѣ, и испуганный Ольхинъ едва успѣлъ посторониться отъ шедшаго ему навстрѣчу Михея.—Ничего я не боюсь, чтобы чортъ васъ всѣхъ побралъ! Проклятые!

Отборныя ругательства посыпались съ языка пьянаго старика, и что-то дикое, неистовое было въ этихъ крикахъ. Въ подборѣ этихъ ругательствъ былъ какой-то особый постыдный цинизмъ, было что-то въ родѣ умышленнаго желанія оскорбить площадными словами чей-то слухъ, нѣчто худшее, чѣмъ самыя безпощадныя проклятія судьбѣ. Все, что есть худшаго въ русской брани, сплеталось тутъ въ одно ужасающее цѣлое. Ольхинъ пугливо спрятался за ка-

Digitized by Google

кой-то шкапъ, пропустилъ мимо себя Михея и, крадучись, трусливо выбрался изъ подземелья.

— Съ ума сошелъ, совсѣмъ съ ума сошелъ съ горя,— бормоталъ онъ, переводя духъ и поднимаясь къ себѣ въ должность.—Любимое дитя потерялъ, сойдешь съ ума!

Онъ вздрогнулъ при этой мысли, вспомнивъ о своихъ дѣтяхъ.

Что если у него самого? Нѣтъ, нѣтъ, Господь помилуетъ и снасетъ его!

Онъ набожно перекрестился..

XI.

Дней черезъ пять Данила Лукичъ снова увидалъ въ архивѣ Михея. Старикъ только немного осунулся, но его желтое пергаментное лицо мало измѣнилось и смотрѣло попрежнему сурово и тупо. Ольхинъ на-скоро мимоходомъ поздоровался съ нимъ и бочкомъ прошелъ на свое мѣсто, какъ бы конфузясь и боясь заговорить съ нимъ. Онъ не замѣтилъ даже, отвѣтилъ или не отвѣтилъ Михей на его поклонъ. Слѣдомъ за Ольхинымъ вошелъ въ комнату котъ Василій, взъерошенный, обтерханный, поджарый, и сталъ по обыкновенію тереться около ногъ Михея съ жалобнымъ мяуканьемъ, точно плачась на свою горькую участь. Михей равнодушно отшвырнулъ его ногой въ сторону, не проронивъ ни слова, даже не взглянувъ на него, перевернувшагося кубаремъ на полу. Ольхину было жутко. Онъ, пригнувъ голову къ столу, началъ поспѣшно рыться въ дѣлахъ и принялся за переписку. Въ комнатѣ царствовало гробовое молчаніе. Наконецъ Ольхинъ, уставъ писать, разогнулся, прошелся по комнатѣ, раза два откашлянулся и спросилъ Михея, искоса взглянувъ на него:

— А что дочь и внучки?

Михей молчалъ. Данила Лукичъ повторилъ вопросъ. Михей коротко и сухо отвѣтилъ:

— Ничего.

Ольхинъ опять прошелся по комнатѣ.

— Горе у тебя большое стряслось, старина!—наконецъ, рѣшился онъ сказать.

Михей молчалъ.

— Что дѣлать! что дѣлать! Всѣ подъ Богомъ ходимъ!— со вздохомъ произнесъ Данила Лукичъ.

Михей опять промолчалъ. Онъ казался одеревянѣлымъ, мертвымъ.

Digitized by Google

Ольхинъ сѣлъ снова, смущенный, растерянный. «Вотъ жилъ, жилъ и умеръ»,—пронеслось въ его головѣ и не объ «дворникѣ», а объ Михеѣ. Ему самому стало даже странно, что онъ это подумалъ не о покойномъ ребенкѣ, а о живомъ старикѣ.

Дѣйствительно, Михей словно умеръ, словно превратился въ машину. Ни жалобъ, ни озлобленія, ни слезъ не было у него. Онъ просто молчалъ, тупо смотря въ пространство и машинально дѣлая свое дѣло. Къ нему было трудно подступить съ разговорами; казалось, онъ былъ готовъ отшвырнуть отъ себя каждаго, какъ кота Василья, который послѣ двухъ-трехъ пинковъ съ его стороны сталъ опасливо обходить его...

Съ этой поры разговоровъ между Михеемъ и Ольхинымъ уже не было. Говорилъ иногда еще Ольхинъ, а Михей или молчалъ, или отвѣчалъ «да» и «нѣтъ». Порой Данилѣ Лукичу становилось какъ-то жутко съ этимъ живымъ мертвецомъ, заявлявшимъ о себѣ отъ времени до времени только тѣмъ, что онъ сталъ исчезать на день, на два.

— И кто могъ думать, кто могъ думать, что это такъ потрясетъ старика,—разсуждалъ самъ съ собою Ольхинъ.— И не говорилъ много о внукѣ... никакихъ такихъ чувствъ особенныхъ не проявлялъ... а вотъ теперь...

Теперь горе Михея проявлялось въ тупомъ мрачномъ молчаніи и во временныхъ выпивкахъ.

— Какъ жизнь-то странна,—раздумывалъ Ольхинъ, сидя въ архивѣ.—Этотъ вотъ точно одеревянѣлъ отъ горя, Ольга Леонтьевна вдругъ точно бѣшеною стала послѣ смерти Насти. Да, да, жизнь по-своему ломаетъ каждаго, кто съ легкимъ сердцемъ не умѣетъ жить... Ахъ, ахъ, гдѣ взять его, это легкое сердце, если судьба не дала его. А безъ него тяжело жить...

Къ счастію, старику не приходилось теперь такъ много раздумывать о горькихъ вопросахъ: дома у него все шло отлично и кромѣ того наставало восемнадцатое ноября. Уже за три дня онъ завелъ съ женой рѣчь о томъ, что въ этотъ день надо бы устроить пиръ. Она удивилась и замѣтила:

— Ну, какой же пиръ... Для чего тратиться...

— Нѣтъ, нѣтъ, голубка, пиръ, пиръ нужно бы устроить,— настоятельно потребовалъ онъ.—Пригласишь, кого знаешь... Повеселиться нужно...

Онъ не безъ лукавства усмѣхнулся.

— А денегъ-то нѣтъ? А? Изъ хозяйскихъ суммъ нельзя? Вотъ загвоздка-то въ чемъ!

Digitized by Google

И тутъ же съ торжествующимъ видомъ вынулъ изъ кармана бумажникъ.

— Вотъ деньги!—произнесъ онъ, похлопывая ладонью по бумажнику и смѣясь добродушнымъ смѣхомъ.

Она изумилась, взглянула на него недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Откуда?

— А! Это мой секретъ! Это тебѣ, голубчикъ, на рожденье, распоряжайся! Ты думала, поди, что я забылъ! Нѣтъ, я помнилъ...

Что-то болѣзненное отозвалось въ ея груди. Она чуть не заплакала отъ стыда передъ нимъ, отъ жалости къ нему, изъ благодарности за его безпредѣльную любовь. На мгновеніе ей показалось, что она вдругъ крикнетъ ему:

— Не стою я ничего! Ругай, бей меня! Я вѣчно лгала, обманывала! Смерти тебѣ желала!

Она сдержалась отъ этого порыва и съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ стиснула зубы, когда онъ сталъ цѣловать ея руки. Но это горькое чувство быстро исчезло и смѣнилось радостнымъ сознаніемъ, что, наконецъ, и она можетъ принимать гостей, жить, какъ люди живутъ, это для нея было главное.

Пиръ былъ устроенъ.

Лиза привела какую-то подругу—курсистку. Таня и Катя пригласили трехъ гимназистокъ. Пелагея Никитична позвала на вечеръ Лялиныхъ, уже заѣзжавшихъ къ ней съ визитами, державшихъ себя съ нею еще немного покровительственно, но уже толковавшихъ между собою: «о, она приберетъ его къ рукамъ», и ободрявшихъ ее: «такого клада нельзя изъ рукъ выпускать». Утромъ, покуда не было дома ни дѣтей, ни мужа, заѣзжалъ поздравить Ольхину Никоновъ, разсентиментальничавшійся, какъ никогда, и награжденный ею поцѣлуемъ въ голову. Бесѣдуя въ это утро между собою, они какъ-то вдругъ поняли, что пропасть между ними исчезла, что они смотрятъ другъ на друга, какъ мужъ и жена, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки и устранившіе всякія бывшія между ними недоразумѣнія. Бесѣда была ровна, спокойна, и оба, казалось, были увѣрены, что теперь ихъ полное сближеніе является только вопросомъ времени, не сегодня, такъ завтра, и Никоновъ даже замѣтилъ вскользь, какъ грустно, когда нельзя прямо и честно выяснить человѣку положеніе дѣлъ, сознавая, что онъ не способенъ понять логики вещей, а Пелагея Никитична съ

Digitized by Google

чувствомъ пояснила, что именно въ этомъ и заключалось мученіе всей ея жизни... О, если бы она могла выяснить мужу этотъ въ сущности такой простой вопросъ, она была бы вполнѣ счастлива! Живутъ же такъ другіе. Это такое обыденное явленіе... Когда вся семья собралась въ домѣ, Ольхины сѣли за обѣдъ. Обѣдъ прошелъ весело. Ольхинъ ликовалъ тѣмъ болѣе, что въ этотъ день онъ рѣшился не идти на вечернія занятія. Викторъ привезъ съ собою двухъ гимназистовъ, старыхъ товарищей, и вечеръ обѣщалъ быть веселымъ. Ольхина не смутилъ даже пріѣздъ супруговъ Лялиныхъ — сильно накрашенной барыни въ чужихъ рыжихъ волосахъ, съ массой крупныхъ украшеній изъ бирюзы, осыпанной брильянтами, и сравнительно молодого мужа съ физіономіей вербнаго херувима, въ цвѣтномъ галстукѣ и въ брильянтовыхъ кольцахъ. Данила Лукичъ вѣжливо поздоровался съ ними, пояснилъ, что много слышалъ о нихъ, и нырнулъ въ кружокъ молодежи. Здѣсь шелъ уже оживленный говоръ. Всѣ толковали о будущемъ, кто куда поступитъ на службу, что будутъ дѣлать.

— Я въ кавалерійское училище хочу поступить, — сказалъ Викторъ.—Надо же кончить курсъ гдѣ-нибудь.

— Ну, братъ, куда хватилъ? — весело засмѣялся Ольхинъ.—Ужъ лучше бы въ пажи! Не про насъ это писано!

— Отчего же? Дорого стоитъ? Это пустяки! Деньги найдутся!—небрежно замѣтилъ сынъ.

Ольхинъ засмѣялся.

— Шутникъ! шутникъ! Что-то на улицѣ онѣ не валяются!

— Я же серьезно говорю, — пояснилъ Викторъ, немного раздражаясь. — Мы уже обсудили этотъ вопросъ съ Александромъ Николаевичемъ. Онъ не прочь, чтобы я поступилъ туда.

Данила Лукичъ покачалъ головой, принявъ серьезное выраженіе лица.

— Дѣлать-то вамъ, видно, нечего, что забавляетесь такими мечтами съ Александромъ Николаевичемъ. Ему хорошо говорить это, когда у него денегъ куры не клюютъ...

Лялина, сидѣвшая въ другомъ концѣ гостиной, услыхала имя Никонова и обратилась къ Пелагеѣ Никитичнѣ.

— А онъ развѣ не пріѣдетъ сегодня къ тебѣ? — спросила она.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила Пелагея Никитична.

— Ну, это не совсѣмъ любезно!

— Онъ не бываетъ у насъ,—сказала Ольхина.

Digitized by Google

Она пугливо бросила взглядъ на сына. Знаетъ онъ или не знаетъ, что Никоновъ иногда заѣзжаетъ къ ней по утрамъ?

— А не правда ли, онъ сильно измѣнился за эти девятнадцать лѣтъ?—сказала Лялина.—Помнишь, что за говорѣзъ былъ тогда? Ты его все мотылькомъ звала. Мотылькомъ и былъ.

Ольхина замерла на мѣстѣ и съ испугомъ взглянула въ сторону мужа. Онъ обернулся, и его глаза встрѣтились съ глазами жены. Пелагея Никитична заволновалась, и съ ея губъ сорвалась первая подвернувшаяся на языкъ фраза:

— Что же это чай не подаютъ? Я сейчасъ,—обратилась она къ Лялиной. —Извини... Бѣда нынче съ прислугой. Растолстѣетъ, облѣнится и ничего съ ней не подѣлаешь...

— Да она у тебя, кажется, въ такомъ положеніи,—сказала Лялина.

— Ну, вотъ еще!—возразила Ольхина.—Она дѣвушка!

Викторъ услыхалъ эти фразы и покраснѣлъ до ушей.

Лялина громко засмѣялась:

— Какія наивности! Что же изъ этого, что дѣвушка!

Ольхина, не слушая ее, поспѣшно встала, точно хотѣла убѣжать скорѣе, куда глаза глядятъ. Ольхинъ глядѣлъ на нее тупымъ взглядомъ.

Лялина обратилась къ Виктору:

— Я думаю, Никоновъ читаетъ тебѣ нотаціи, проповѣди цѣлыя?

— О, нѣтъ, я вѣдь умѣю его останавливать на полусловѣ,—отвѣтилъ Викторъ.—Онъ за проповѣди—я за анекдотъ, и сразу картина измѣняется. Онъ это только напустилъ на себя. Безъ постороннихъ можетъ и не стѣсняться.

— Ну, конечно! — вставилъ, растягивая слова и говоря въ носъ Лялинъ. Тутъ не можетъ быть ничего серьезнаго. Одна блажь. Многіе стали теперь напускать это на себя.

Лялина засмѣялась, кокетничая бѣлыми вставными зубами.

— Ахъ, но что это былъ за человѣкъ прежде!—воскликнула она, закатывая глаза.—Полина хорошо помнитъ, какъ онъ тогда кружилъ всѣмъ головы. Никто не могъ устоять противъ него. Конечно, у него было много горькихъ испытаній послѣ того, даромъ это не могло пройти, но все же натуры не передѣлаешь.

— О, погодите, онъ еще тряхнетъ стариной, — вставилъ Лялинъ.

— Онъ же и не старъ еще,—прибавила Лялина.

Digitized by Google

— Я и то въ послѣднее время замѣчаю въ немъ особенное оживленіе...

Лиза подошла къ отцу и дотронулась до его плеча, шопотомъ проговоривъ:

— Папа, что съ тобой?

Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, взглянулъ на нее мутными глазами, не понимая ея вопроса.

— Ты нездоровъ?—такъ же тихо спросила она.

Онъ провелъ рукой по лбу, отирая крупныя капли пота, и глухо отвѣтилъ:

— Нѣтъ... здоровъ...

Въ комнату вошла Пелагея Никитична, пригласивъ всѣхъ къ чаю. Лялина не унималась и продолжала говорить о Никоновѣ, разсказывая анекдоты изъ его прошлаго. Она поминутно обращалась къ Пелагеѣ Никитичнѣ съ вопросами:

— Помнишь? Ты-то должна это помнить? Это вѣдь при тебѣ было?

Пелагея Никитична не выдержала, наконецъ, и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, взяла подъ руку Лялину и коротко, сдавленнымъ шопотомъ сказала ей:

— Не говори о Никоновѣ.

— Отчего?—съ удивленіемъ спросила та.

Ольхина, стиснувъ зубы, пробормотала:

— Онъ ничего не знаетъ...

Она указала глазами на мужа.

— Не знаетъ?—почти воскликнула Лялина.—Да не можетъ быть! Я думала, что все давно извѣстно и забыто. Ахъ, душа моя, какая ты легкомысленная! Зачѣмъ же было скрывать? Это нужно уладить...

Ольхина строптиво оборвала ее:

— Не знаетъ и не долженъ знать!

Она посылала въ душѣ проклятія этой женщинѣ, которая мѣняла столько разъ любовниковъ при первомъ мужѣ и потомъ купила второго мужа изъ Альфонсовъ, никогда ничѣмъ не стѣсняясь, все дѣлая открыто и оставаясь уважаемой женщиной, то-есть женщиной, которой прощали все за ея деньги. И зачѣмъ было снова сближаться съ этими людьми? Отъ нихъ нужно было бѣжать далеко, далеко, какъ отъ чумы...

За чаемъ опять началась живая болтовня. Викторъ раза два снова свелъ разговоръ на Никонова, но Лялина оборвала его словами:

— Ахъ, надоѣли вы со своимъ Никоновымъ!

Digitized by Google

— Вы же сами только о немъ и говорите, — замѣтилъ Викторъ.

— Вотъ выдумали!—замѣтила она.

— Съ чего это вы вдругъ разсердились на него?

— Не разсердилась, а вовсе не интересно слушать о немъ!

— Съ которыхъ поръ?

«О Господи, что за пытка!»—мучительно пронеслось въ головѣ Пелагеи Никитичны.

Ольхинъ, никогда не подмѣчавшій ничего, теперь подмѣтилъ все. И шопотъ жены съ Лялиной, и крутой поворотъ отъ толковъ о Никоновѣ къ молчанію о немъ, и растерянный видъ жены. По его лицу бродила горькая улыбка. Онъ смотрѣлъ теперь на Виктора, и въ его головѣ вертѣлась одна мысль: «какое сходство! какое сходство!»

Часамъ къ двѣнадцати гости разъѣхались. Ольхины остались одни и разошлись по своимъ комнатамъ спать. Даніла Лукичъ долго бродилъ по своему маленькому кабинету и почти ни о чемъ не думалъ или, вѣрнѣе сказать, старался не думать. Хаосъ былъ у него въ головѣ невообразимый. Вспоминались мелочи изъ прошлаго, мелькали тревожныя фразы, являлось горькое сознаніе, что онъ что-то утратилъ. Опредѣленнаго и яснаго не было ничего. Онъ не помнилъ самъ, когда онъ легъ, какъ уснулъ. Пелагея Никитична тоже не спала, слыша, какъ за стѣной ходитъ по комнатѣ ея мужъ.

«Неужели онъ понялъ все?—съ ужасомъ подумала она.—Что же будетъ?»

Утромъ Ольхинъ заторопился въ должность. Онъ объяснилъ, что ему рано нужно быть на службѣ. Въ архивѣ ему хотѣлось обдумать все. Тамъ онъ одинъ, тамъ удобнѣе все обсудить. Что обсудить? Все ясно и такъ. Онъ горько усмѣхался при этой мысли. Это была жалкая улыбка. Едва онъ переступилъ порогъ архива, какъ увидалъ Михея, угрюмаго, неподвижнаго.

«У него внукъ умеръ; у меня тоже умерли сынъ и жена!» мелькнуло въ мозгу Ольхина.

Онъ прошелъ къ своему обычному мѣсту, облокотился на столъ и сжалъ руками голову.

«Не ошибаюсь ли я?—задалъ себѣ онъ вопросъ. И вдругъ передернулъ плечами.—Какъ же ошибиться? Явился вдругъ благодѣтель. Жена говорила, что не знаетъ его, а открывается, что знаетъ, давно, хорошо знаетъ. Какая цѣль была скрывать это? Девятнадцать лѣтъ его не было въ Пе-

Digitized by Google

тербургѣ, а Виктору теперь именно столько же лѣтъ. Викторъ похожъ на него. Какъ сына онъ его держитъ. Съ чего бы пригрѣвать чужого мальчика? Лялина сказала, что Полагея Никитична звала Никонова мотылькомъ. Развратный, вѣрно, былъ. Всѣ они тамъ развратные. Соблазнилъ ее и бросилъ потомъ. Теперь вернулся и опять сошлись...»

Какъ клубокъ безконечной нитки, развертывались въ головѣ Данилы Лукича эти мысли. Живутъ они на счетъ Никонова. Вотъ откуда всѣ удобства. Вдешевѣло все вдругъ, явилось вдругъ умѣнье экономно распоряжаться деньгами! Старый дуракъ, старый дуракъ, его за носъ водили, а онъ вѣрилъ, благодарилъ, руки цѣловалъ у жены. Милостыню дастъ ему, Ольхину, и его дѣтямъ любовникъ его жены, на содержаніи онъ и его дѣти у любовника его жены! Хуже-то, постыднѣе-то этого можетъ что-нибудь быть? Это хуже, чѣмъ милостыню просить, чѣмъ взятки брать. Женой своей торговать, вотъ что это значитъ. Что бы сказала Настасья Порфирьевна, если бы была жива и узнала это? Весь вѣкъ жилъ честнымъ человѣкомъ, а теперь... Онъ сжалъ кулаки и ударилъ ими по столу, громко повторивъ:

— Да, былъ весь вѣкъ честнымъ человѣкомъ, а теперь подлецомъ сталъ!

Михей пошевелился и взглянулъ на Ольхина тупымъ, оловяннымъ взглядомъ. Ольхинъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, не обращая никакого вниманія на сторожа.

«А можетъ-быть, я ошибаюсь! Допросить ее, раскрыть все... Я ее заставлю во всемъ сознаться».

На минуту его охватила непривычная злоба. Казалось, онъ готовъ былъ растерзать жену. Но это чувство быстро смѣнилось горькимъ чувствомъ безсилія.

«Ну, сознается. Тогда что? Что тогда? Отказаться надо будетъ отъ помощи Никонова... Отречься отъ сына... Нужда, нужда начнется опять, дѣвочки безъ образованія...»

На его глаза навернулись слезы. Ему вспомнилось, какъ хорошо учатся Катя и Таня, какъ рада Лиза тому, что она посѣщаетъ фельдшерскіе курсы. Приходитъ, разсказываетъ; анатомію у нихъ отлично читаетъ профессоръ. Дѣвочки любятъ за это профессора, восхищаются имъ... О, какъ тяжело лишить дѣтей всего, всего! Въ головѣ же мелькало:

«Или убѣдиться во всемъ и сказать женѣ: я знаю, что ты была его любовницей и все же буду пользоваться его помощью?.. Что-жъ, я воспитывалъ его сына, онъ долженъ воспитывать моихъ дѣтей—услуга за услугу»...

Digitized by Google

Онъ развелъ безнадежно руками.

«Я не зналъ, кого я воспитываю, а онъ, любовникъ, будетъ воспитывать моихъ дѣтей, и я буду знать, отъ кого я беру деньги... Подлость, подлость!.. Чего тутъ хитрить, вступать въ сдѣлки... Да, надо порвать все, отказаться отъ всего и для себя, и для дѣтей...»

Опять у него сжалось сердце. Новыя мысли уже бродили въ головѣ.

«Опозорить передъ ними мать, оставить ихъ недоученными?.. Лизокъ не только радуется, что ей можно проходить фельдшерскіе курсы, а ужъ мечтаетъ потомъ на надеждинскіе курсы поступить... всесторонне изучить свое дѣло... служить ближнимъ... Мечты, мечты, святыя мечты!.. а я возьму и все искалѣчу, изломаю, растопчу ногами... Что-жъ, я честнымъ хочу остаться... честнымъ...»

Онъ остановился у окна, тупо, безсмысленно смотря на противоположную гладкую стѣну.

«Умереть бы и конецъ! Пусть живутъ, какъ хотятъ. Всѣ счастливѣе будутъ.»

Онъ опять заходилъ по комнатѣ. Въ головѣ его происходило что-то неладное, странное. Мысли цѣплялись одна за другую безсвязно, случайно. Онъ пожималъ плечами, разводилъ руками, качалъ головой, иногда улыбался жалкой и глупой улыбкой. Движеніе Михея опять остановило его вниманіе. Онъ посмотрѣлъ на сторожа, узналъ его и словно обрадовался тому, что узналъ. Онъ подошелъ къ старику и похлопалъ его по плечу.

— Такъ вотъ какъ, дворникъ-то нашъ умеръ!— проговорилъ онъ.

— Умеръ,—отвѣтилъ, какъ эхо, Михей.

— Да, да, хорошо, что умеръ! Съ легкимъ сердцемъ жить можно. Безъ этого нельзя. Чуть сердце горячее — бѣда, бѣда! На улицу выгонятъ, какъ нищаго, за грубости, либо запьешь самъ. Не то бываетъ, — въ тряпку превратишься, помыкать будутъ. А? такъ вѣдь? Я это все понимаю. А кто съ легкимъ сердцемъ живетъ, тотъ можетъ жить, отлично можетъ жить! Побѣдители!

Онъ, подбоченясь, посмотрѣлъ на Михея мутнымъ взглядомъ и повторилъ свой вопросъ:

— Такъ вѣдь?

Михей молчалъ.

Ольхинъ точно очнулся отъ сна, провелъ рукой по лбу и осмотрѣлся.

Digitized by Google

— Кто же э-то у-мер?—съ разстановкой спросилъ онъ, что-то тупо соображая, что-то стараясь вспомнить, и пожалъ плечами, какъ бы не находя отвѣта на свои слова.

Наконецъ, онъ что-то вспомнилъ, пошелъ къ столу, сталъ торопливо собирать бумаги въ одну кучу, перечитывая ихъ безъ смысла и разбора, съ озабоченностью дѣлового человѣка, сосредоточенно бормоча:

— Все въ порядкѣ... все въ порядкѣ... умеръ и все въ порядкѣ...

Онъ сталъ весело потирать руки, улыбаясь широкой улыбкой.

Не безъ страха взглянула на него Пелагея Никитична, когда онъ вернулся домой. Ей сразу бросилось въ глаза что-то странное въ выраженіи его лица, и прежде всего она подумала: «догадался, узналъ, сердится». Она не знала, какъ теперь держать себя съ нимъ,—нужно ли молчать или надо сознаться. Лиза тоже замѣтила перемѣну въ отцѣ и спросила его за обѣдомъ:

— Ты, папа, здоровъ?

Онъ засмѣялся.

— Что мнѣ дѣлается? Съ чего хворать?

Онъ пристально взглянулъ на жену. Она опустила глаза, боясь сцены при дѣтяхъ. Ольхинъ въ свою очередь словно испугался чего-то и быстро заявилъ:

— Все идетъ отлично! Я ничего не знаю! Мнѣ нѣтъ дѣла!

Лиза посмотрѣла на него не безъ удивленія, не понимая его словъ.

Въ его головѣ въ это время мелькали мысли:

«Надо такъ сдѣлать, чтобы не думали, что я знаю... Не знаю, ну, и конецъ... Жить будемъ хорошо, дѣти получатъ воспитаніе и образованіе... Мать уважать будутъ... Я ничего не знаю, я умеръ»....

Онъ, выходя изъ-за стола, взглянулъ подозрительнымъ взглядомъ на Пелагею Никитичну, точно спрашивая ее, понимаетъ ли она, что онъ все знаетъ. Этотъ пристальный мутный взглядъ встревожилъ ее. Она рѣшилась заговорить, чтобы скрыть свое смущеніе, о сдѣланномъ ею сегодня, послѣ словъ Лялиной объ Аксюшѣ, открытіи.

— А мнѣ надо сообщить тебѣ, Данила Лукичъ...— начала она.

Онъ вдругъ съ испугомъ зажалъ уши и воскликнулъ:

— Не надо! Не надо!

Его лицо выражало ужасъ.

— Я не знаю, ничего не знаю!

Digitized by Google

И онъ поспѣшно вышелъ изъ столовой.

— Что это съ папой?—спросила у матери Лиза.

Та, блѣдная, смущенная, отвѣтила:

— Не знаю.

Въ ея головѣ мелькнула мысль:

«Нѣтъ, надо сознаться во всемъ! Такъ жить нельзя. Съ ума сойдешь!»

Въ обычный часъ Ольхинъ пошелъ на вечернія занятія, заботясь поскорѣй кончить спѣшную переписку. Тѣмъ не менѣе, онъ не присѣлъ за бумаги и все продолжалъ думать одно и то же: «Жить на счетъ любовника жены или оставить дѣтей безъ образованія?» Изъ этого заколдованнаго круга не могла выбиться его больная мысль. И опять ему вспомнилась Елена Григорьевна, превратившаяся изъ ребенка съ добрыми и горячими порывами въ тряпку, Ольга Леонтьевна, выказавшая свое горячее сердце и очутившаяся безъ мѣста на мостовой, Михей, не сумѣвшій сдѣлать ничего лучшаго, какъ запить съ горя, и Чупрова, Заринъ, Никоновъ, Сысоевъ, Викторъ, живущіе принѣваючи, потому что это люди съ легкими сердцами—побѣдители...

— Умереть бы... умереть бы... тогда ничего не зналъ бы, все пошло бы хорошо!—шепталъ онъ, чувствуя, что его мозгъ не можетъ справиться съ непосильнымъ для него разрѣшеніемъ вопросовъ жизни.

Опять мысли его оборвались, и онъ сталъ упорно раздумывать, кто это умеръ? Наконецъ онъ, повидимому, до чего-то додумался и сталъ снова улыбаться широкою, идіотскою улыбкою.

Было около девяти часовъ вечера, когда онъ возвратился домой, возбужденный, подвижной, но сосредоточенно молчаливый. Не глядя ни на кого, онъ таинственно, съ нѣкоторымъ лукавствомъ, поманилъ пальцемъ въ свою комнату Лизу и осторожно, на цыпочкахъ пошелъ впередъ. Она пошла за нимъ.

— Дворникъ-то умеръ, Лиза,—шопотомъ началъ онъ, озабоченно сморщивъ лобъ и пристально вглядываясь въ ея лицо.—Вотъ—я тоже... Видишь, дѣла-то какія... Ты поѣзжай въ деревню... Сейчасъ кончи курсъ и маршъ въ деревню... Здѣсь съ легкимъ сердцемъ надо...

— Папа, что съ тобою?—испуганно проговорила она.

Онъ опомнился. Сдѣлалъ усиліе, чтобы собраться съ мыслями, оглядѣлся кругомъ, потеръ рукою лобъ.

— Ахъ, Лизокъ, Лизокъ, какъ это все... тамъ вотъ все

Digitized by Google

въ порядкѣ, а тутъ,—началъ онъ, улыбаясь и качая головой, и не могъ продолжать.

Онъ опять тупо взглянулъ на нее и тревожно, почти грубо спросилъ:

— Кто умеръ?

— Ты говорилъ, мальчикъ этотъ, дворникъ,—отвѣтила она.—Это же, папа, было давно.

— Такъ, такъ, давно,—отвѣтилъ онъ, утвердительно кивая головой.—Давно...

Изъ столовой раздался голосъ Пелагеи Никитичны.

— Чай поданъ!

— Пойдемъ, папа,—сказала Лиза.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Какъ же... умеръ и чай пить?—спросилъ онъ надрывающимъ душу плачевнымъ тономъ.

У Лизы навернулись на глаза слезы.

— Папа, милый, что съ тобой!—воскликнула она, обнимая его.

Онъ посмотрѣлъ на нее и тупо проговорилъ:

— Плачешь... Я вижу, что плачешь... все вижу...

Онъ почти безъ силъ опустился на кровать и стиснулъ руками голову.

— Все привелъ въ порядокъ и умеръ...

Лиза вышла въ слезахъ въ столовую, торопясь, спотыкаясь.

— Мама, мама, что же это такое? Папа!.. Папа съ ума сходитъ!—прерывающимся отъ рыданій голосомъ произнесла она, хватая мать за руку.

Пелагея Никитична помертвѣла.

— Какъ съ ума сходитъ?—испуганно воскликнула она.—Что случилось?

— За докторомъ, за докторомъ надо!—воскликнула Лиза.—Ради Бога скорѣе! Ахъ, Господи, какое несчастіе!

Произошла суматоха. Никто не зналъ, что дѣлать, кого послать за врачомъ, гдѣ найти доктора нервныхъ болѣзней. Откомандировали, наконецъ, дворника. Пріѣхалъ докторъ. Начались разспросы, не было ли въ семьѣ помѣшанныхъ, не было ли переутомленія мозга, трезвую ли жизнь велъ больной, не случилось ли какихъ-нибудь потрясеній. На всѣ вопросы приходилось отвѣчать отрицательно.

Помѣшательство Данилы Лукича произвело страшное впечатлѣніе на Пелагею Никитичну и на его дочерей. Никакія физическія страданія близкаго человѣка не могли бы подѣйствовать такъ сильно, какъ этотъ безсмысленный, без-

Digitized by Google

умный бредъ. Имъ становилось и горько, и жутко, когда передъ ними несчастный бѣднякъ произносилъ безсвязныя фразы и не понималъ того, что говорятъ ему самому. Умъ отказывался вѣрить тому, что это живое существо, это разумное созданіе говоритъ уже безъ всякаго сознанія, не понимая своихъ собственныхъ словъ, что оно вдругъ сдѣлалось ниже послѣдняго животнаго, утративъ главную способность живыхъ существъ — способность пониманія, и, забывшись, близкіе люди прислушивались къ бреду, старались его понять, искали въ немъ смысла, оживлялись надеждою, уловивъ что-нибудь здравое въ рѣчахъ безумца, и тотчасъ же падали духомъ, видя свою ошибку. Казавшаяся осмысленною рѣчь оказывалась такимъ же бредомъ, какъ и безсвязныя фразы.

Особенно терзало это Пелагею Никитичну, не потому, что именно ей было болѣе другихъ жаль старика, но потому что она съ ужасомъ ловила въ его бреду какіе-то намеки.

— Умеръ и ничего не знаю,—начиналъ онъ торопливо бормотать.—Ничего не знаю! Всѣ довольны, всѣ счастливы и слава Богу, слава Богу!

Онъ всматривался въ лицо жены и лукаво подмигивалъ ей. Она начинала думать, что онъ говоритъ съ полнымъ сознаніемъ, и чувствовала, что по ея тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Казалось, вотъ-вотъ онъ скажетъ ей, что онъ все знаетъ, опозоритъ ее при дѣтяхъ, вышвырнетъ изъ дому. А онъ начиналъ такъ же торопливо разсказывать:

— Сестра Настасья Порфирьевна умерла, и Ольга Леонтьевна разсердилась. Горячее сердце у нея. Михей тоже разсердился, потому что и у него горячее сердце. Какъ горячее сердце, такъ человѣкъ и разсердится...

Онъ взглядывалъ на жену, спрашивалъ:

— Ты знаешь Михея?

Она отвѣчала утвердительно, думала, что онъ понимаетъ ее, но онъ не понималъ ничего и продолжалъ бредить:

— А Сысоевъ ничего, ему все равно... Я вотъ умеръ, а Сысоеву ничего.

И онъ началъ все такъ же торопливо разсказывать, кто такой Сысоевъ, чѣмъ онъ занимается, гдѣ служитъ, при чемъ оказывалось, что онъ смѣшивалъ Сысоева то съ Лялинымъ, то съ Заринымъ.

Иногда онъ начиналъ плакать по-дѣтски:

— У меня мальчикъ умеръ. Хорошенькій былъ мальчикъ, сынъ мой. Дворникомъ звали. Умеръ! Михей разсердился, а я умеръ.

Digitized by Google

Его старались успокоить, но онъ не понималъ того, что говорили ему, и успокаивался только тогда, когда его больная мысль вдругъ переходила на другой предметъ.

Порой онъ подзывалъ Лизу, таинственно, съ загадочнымъ выраженіемъ, и начиналъ шептать ей что-то. Пелагея Никитична, видя, что его лицо принимаетъ осмысленное и нѣсколько лукавое выраженіе, застывала на мѣстѣ, боясь, что онъ выскажетъ дочери все. Ей хотѣлось подслушать, что онъ говоритъ, она напряженно ловила каждое его слово. Потомъ, услышавъ, что онъ опять говоритъ безсмысленныя фразы, она тяжело вздыхала. Это была страшная пытка, тѣмъ болѣе страшная, что въ душѣ было сознаніе того, что виновницей помѣшательства была главнымъ образомъ она.

Оставить больного дома было нельзя, нужно было пристроить его въ лѣчебницу. Докторъ сказалъ объ этомъ въ первый же визитъ къ больному. Пелагея Никитична тотчасъ же написала Виктору, прося его передать объ этомъ Никонову, котораго она просила помочь въ настоящемъ случаѣ. Викторъ пріѣхалъ тотчасъ же и привезъ отъ Никонова деньги. Онъ явился домой, когда вся семья была въ сборѣ, и сильно поразилъ всѣхъ своимъ равнодушіемъ. Заставъ всѣхъ въ слезахъ, онъ пропустилъ почти безъ вниманія разсказы близкихъ людей о положеніи отца и началъ общими фразами успокаивать семью:

— Что-жъ дѣлать! Слезами не помочь! Это большое несчастіе, но надо беречь себя! Старика, вѣроятно, уже не спасти!

Потомъ онъ обратился къ матери:

— Никоновъ принимаетъ горячее участіе въ твоемъ горѣ. Онъ проситъ тебя вполнѣ разсчитывать на него.

И покровительственно прибавилъ:

— Не падай духомъ! Надо все пережить!

Лиза замѣтила ему въ слезахъ, не хочетъ ли онъ взглянуть на отца. Викторъ отвѣтилъ кротко:

— Я думаю, ему прежде всего нужно спокойствіе.

И пояснилъ:

— Вы же сами разсказываете, что онъ толкуетъ о моей смерти. Богъ вѣсть, какое впечатлѣніе произведетъ на него мое появленіе.

Онъ обернулся къ матери.

— Не правда ли, мама, лучше мнѣ не показываться ему?

Она уловила въ его тонѣ странную, покоробившую ее нотку. Неужели онъ догадывается? Не произведетъ ли его

Digitized by Google

появленіе передъ Данилой Лукичемъ тяжелаго впечатлѣнія на больного? Не выскажетъ ли тотъ при видѣ сына того, что скрывала она?

— Да, да, лучше не ходи!—поспѣшила она согласиться.

— А если, напротивъ, папа обрадуется, увидавъ Виктора живымъ?—спросила Лиза, и въ ея головѣ мелькнулъ лучъ надежды.—Онъ говоритъ, что Викторъ умеръ; увидавъ его, онъ, можетъ-быть...

— Ты же сама говорила, что онъ ничего не понимаетъ,— сказалъ Викторъ, пожимая плечами.

И авторитетнымъ тономъ, какимъ онъ началъ въ послѣднее время говорить обо всемъ, онъ закончилъ:

— И надо помнить одно, что въ подобныхъ болѣзняхъ нужнѣе всего спокойствіе и спокойствіе. Это тебѣ скажетъ каждый спеціалистъ.

Лиза грустно вздохнула. Ей было тяжело сознавать, что Викторъ такъ мало любитъ отца. Она на его мѣстѣ уже давно была бы въ комнатѣ отца, осыпала бы поцѣлуями его руки, не разсуждая даже, вредно или хорошо подѣйствуетъ это на больного. А Викторъ даже взглянуть на него не хочетъ. Онъ, можетъ-быть, и правъ, что больному нужно только спокойствіе и потому его не слѣдуетъ тревожить посѣщеніями, но гдѣ же тутъ горячая сыновняя любовь? И зачѣмъ онъ называетъ отца «старикомъ», а не отцомъ? Ее коробило отъ этого слова; такъ можно говорить только про чужого.

— Но поторопитесь пристроить его въ лѣчебницу,—сказалъ Викторъ и обернулся къ матери:—Александръ Николаевичъ возьметъ расходы на себя. Если хочешь, я съѣзжу самъ, уговорюсь! Дома и безъ ухода нельзя оставлять старика...

Онъ поѣхалъ распоряжаться, хлопотать, торговаться. Оказалось, что онъ умѣетъ быть распорядительнымъ и практичнымъ, даже скупымъ. Все было обдѣлано имъ быстро и толково. Онъ не только уговорился съ докторомъ относительно платы, сильно поторговавшись съ нимъ, но осмотрѣлъ и помѣщеніе для больного, заботясь объ удобствахъ, и пригрозилъ содержателю лѣчебницы, что за содержаніемъ больного будутъ слѣдить.

— Его превосходительство Александръ Николаевичъ Никоновъ... вы, конечно, слышали объ этой особѣ?—закончилъ свои переговоры съ докторомъ Викторъ:—принимаетъ самое горячее участіе въ больномъ, и потому я попрошу васъ особенно позаботиться о немъ...

Digitized by Google

Онъ говорилъ съ такимъ высокомѣрнымъ видомъ, что старикъ-докторъ заподозрилъ въ немъ кровнаго аристократа, человѣка изъ высшаго круга, близкаго родственника Никонова, и сталъ сгибаться передъ этимъ юношею, какъ сгибался только передъ начальствомъ.

— Мое заведеніе устроено образцово,—увѣрялъ онъ:—и я приложу всѣ старанія, чтобы вашему больному было удобно.

— Да, да, я васъ прошу объ этомъ,—сказалъ Викторъ.

Когда старика увезли въ лѣчебницу, въ домѣ почувствовалась какая-то пустота, казалось, изъ квартиры вынесли покойника. Настроеніе, охватившее всѣхъ, пожалуй, было бы еще тяжелѣе, чѣмъ настроеніе родныхъ послѣ выноса изъ дома дорогого покойника: когда уносятъ покойника—всѣ сознаютъ, что все кончено; тутъ унесли близкаго человѣка, но всѣ сознавали, что онъ еще страдаетъ гдѣ-то тамъ, въ чужомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей, что, можетъ-быть, съ нимъ приходится бороться силою, укрощать его, какъ животное, связывая, скручивая, колотя, что онъ не можетъ даже пожаловаться на недостатокъ хорошаго ухода, ѣды, внимательности, заботливости, такъ какъ онъ сумасшедшій; если онъ даже станетъ жаловаться—ему не повѣрятъ, сочтутъ это за бредъ, за галлюцинаціи. Какъ часто сумасшедшіе жалуются и плачутъ, но ихъ жалобы и слезы оставляются безъ вниманія, потому что это считается не чѣмъ инымъ, какъ бредомъ. Къ счастію, у дѣтей Ольхина были занятія; дѣйствительная жизнь призывала къ дѣлу. Она не допускаетъ долгаго уклоненія отъ работы ради семейнаго горя; она всегда сурово отплачиваетъ тѣмъ, кто слишкомъ горячо отдается горю и забываетъ о ея требованіяхъ. Въ домѣ больные и покойники, но живые должны продолжать свои будничныя занятія. Это тяжело, но въ то же время и спасительно; тяжело пересилить себя и приняться за обычное дѣло въ такія минуты, но это дѣло смягчаетъ острую боль, разсѣиваетъ горе, даетъ забвеніе утратъ. Катя и Таня пошли снова въ гимназію, Лиза отправилась на фельдшерскіе курсы, снова завелась машина слушанія уроковъ и лекцій, зубренія заданнаго и перечитыванія записокъ, заботъ о репетиціяхъ, о баллахъ.

Только Пелагея Никитична осталась въ своей новой просторной квартирѣ безъ опредѣленнаго дѣла, безъ необходимости заглушить горе трудомъ. Ей было невыносимо тяжело среди пустоты, въ одиночествѣ, въ гробовой тишинѣ жилища. Именно теперь остановилась она надъ вопросомъ:

Digitized by Google

— Что же дѣлать дальше?

Покуда въ квартирѣ былъ больной, покуда около нея были дѣти, она была вся охвачена только горемъ, раскаяніемъ, страхомъ. Ни разу въ этотъ промежутокъ времени она не остановилась надъ вопросомъ: «лучше ли ей будетъ теперь или хуже?» или, вѣрнѣе сказать, все это время она боялась остановиться надъ этимъ вопросомъ, точно кто-то могъ прочитать ея сокровенныя мысли, уличить ее въ томъ, что она помимо своей воли радуется развязкѣ семейной драмы. Кто могъ быть этотъ кто-то: мужъ, дѣти, Богъ?— она и сама не знала этого. Боязнь была безотчетная, инстинктивная. Но, оставшись одинокою въ своей квартирѣ, Ольхина тотчасъ же задалась вопросомъ, что будетъ дальше, и тотчасъ же пришла въ отчаяніе, начала рисовать мрачныя картины: сынъ узнаетъ все, дочери узнаютъ все, бросятъ ее, станутъ презирать, Никоновъ, какъ трусъ, испугается, тоже отпатнется. Она заломила руки, воскликнула:

— О, несчастная! несчастная! Погубила его, а теперь сама погибну.

И вдругъ ее охватило какое-то гадливое чувство къ себѣ. Она почувствовала, что она думаетъ не то, что говоритъ. Съ какимъ-то бѣшенствомъ она вслухъ проговорила:

— Рада сама, а разыгрываю трагедію! Лгу сама передъ собой. И для чего? Съ какой стати? Никогда я его не любила, никогда не жалѣла! Весь вѣкъ лгала! Онъ, Никоновъ, научилъ лгать. Трусъ!

Опять она стала сваливать всю вину за свое паденіе, за обманываніе мужа, за всѣ несчастія старика на Никонова. Она сама не знала въ эту минуту, ненавидѣла или любила она Никонова, какъ ей держать себя далѣе въ отношеніи къ нему и какъ будетъ онъ держать себя съ нею. То ей казалось, что между ними теперь уже не существуетъ пропасти и преграды, что, въ концѣ концовъ, она будетъ женою Никонова; то ей становилось стыдно, что она думаетъ именно такъ, что именно теперь-то и встала между ними непреодолимая преграда — сошедшій по ихъ винѣ съ ума человѣкъ. Среди этихъ думъ какой-то злобной ноткой прорывалось соображеніе: «заханжитъ, каяться начнетъ, упреки совѣсти придумаетъ». И съ ѣдкой усмѣшкой она заканчивала: «чтобы отдѣлаться въ рѣшительную минуту!» Что-то близкое къ помѣшательству было теперь въ ея собственномъ мозгу, и она почти съ ужасомъ думала:

Digitized by Google

— Ужъ и точно не схожу ли я съ ума?... Заразилась, что ли? О, лучше бы все разомъ кончилось!..

Она не договорила, какъ это могло бы разомъ кончиться, и въ то же время очень хорошо сознавала, что она думаетъ о смерти мужа...

Въ такомъ ненормальномъ состояніи духа засталъ ее пріѣхавшій навѣстить ее Александръ Николаевичъ. Въ его походкѣ, выраженіи его лица было что-то молодцоватое, точно онъ пріободрился, помолодѣлъ. Даже его нарядъ — обычный домашній костюмъ, англійскій пиджакъ, широкимъ бантомъ повязанный галстукъ — казался какимъ-то юношескимъ. Но тотчасъ же при входѣ въ гостиную Ольхиныхъ Никоновъ сдѣлалъ серьезное лицо, посмотрѣлъ съ приличной случаю грустью на Пелагею Никитичну, съ чувствомъ поднося къ губамъ ея руку, и проговорилъ со вздохомъ:

— Какое страшное несчастіе!

Она сразу поняла, что онъ притворяется, что несчастіе это вовсе не трогаетъ его; ея мужъ былъ для него совершенно чужимъ человѣкомъ; онъ даже не видалъ его сошедшимъ съ ума и не могъ быть тронутъ видомъ этого несчастнаго. Напротивъ того, онъ, вѣроятно, радуется въ душѣ этой развязкѣ и только притворяется грустнымъ теперь «для виду». Все это какъ-то разомъ придирчиво поняла она и обозлилась—обозлилась, можетъ-быть, потому, что сама она испытывала то же, что испытывалъ онъ: радовалась близости развязки и считала нужнымъ казаться грустной.

— Не несчастіе, а Божіе наказаніе!—строптиво и рѣзко произнесла она.

— Да, да, мы заслужили его!—смиренно согласился онъ, хотя, повидимому, для него это наказаніе не казалось особенно тяжкимъ.—Что дѣлать, что дѣлать!

— Мы заслужили его! мы заслужили его!—повторила она съ иронією, продолжая сердиться за его лицемѣріе. — Но онъ-то не заслужилъ его, а между тѣмъ онъ наказанъ сильнѣе насъ. Онъ-то за что пострадалъ? за то, что мы когда-то горько обманули его, насмѣялись надъ нимъ, не имѣли смѣлости во-время выяснить все, какъ слѣдовало.

Никонова покоробило.

До этой минуты онъ вовсе не думалъ объ этомъ. Узнавъ, что Ольхинъ сошелъ съ ума, онъ сказалъ: «Ахъ, бѣдняга», и тотчасъ же вздохнулъ свободнѣе: «теперь отношенія наши будутъ проще». Теперь она, Ольхина, навела его на новый для него взглядъ на это дѣло. Она, все еще сердясь на

Digitized by Google

него за то, что онъ такъ легко смотритъ на это событіе, что онъ не перестрадалъ его, подобно ей, начала сообщать Никонову подробности, какъ и почему сошелъ съ ума ея мужъ. Лялины открыли ему глаза, намекнули даже, что она не только прежде жила съ Никоновымъ, но и теперь продолжаетъ интимныя отношенія. Несчастнаго старика точно обухомъ по головѣ ударили. Онъ былъ честнымъ человѣкомъ и не могъ перенести своего позора. Она сгущала краски, чтобы Никоновъ больнѣе почувствовалъ все то, что перечувствовала за послѣдніе дни она. Никоновъ соображалъ теперь: «значитъ, дѣйствительно, изъ-за нихъ погибъ этотъ невинный человѣкъ». А онъ, Никоновъ, еще мечталъ о свѣтломъ будущемъ. Онъ разсуждалъ: «на все воля Божія; жаль бѣдняка, но я теперь не оставлю его семьи». При этомъ онъ даже размечтался о томъ, что сама судьба, вѣрно, предназначила ему въ подруги жизни именно Пелагею Никитичну и дала возможность отплачивать Ольхину добромъ за причиненное ему когда-то зло, правда, неизвѣстное ему, Ольхину, но все же зло. Теперь дѣло принимало совсѣмъ другую окраску; Ольхинъ узналъ все, сошелъ съ ума отъ этого. Это немного опечалило Никонова, влило капельку яда въ веселое настроеніе.

— Теперь недостаетъ одного, чтобы дѣти узнали все,—въ увлеченіи продолжала Ольхина, желая сорвать на Никоновѣ все то, что мучило ее.—Еще этотъ позоръ надо мнѣ пережить! О, какъ я несчастна!

Онъ тяжело вздохнулъ и окончательно опечалился, понимая, что она хочетъ порвать съ нимъ сношенія, что ей дѣйствительно очень тяжело сблизиться съ нимъ при такой обстановкѣ. А онъ только объ этомъ сближеніи и мечталъ за все послѣднее время. Теперь придется отказываться отъ нея. Тяжело это для него, но что же дѣлать?

— Да, вы правы,—грустно сказалъ онъ.—Вамъ было бы это тяжело... Признаюсь, я мечталъ...

Онъ сбился, оборвалъ неоконченную фразу и потомъ глухо проговорилъ:

— Если вамъ тяжело видѣть меня, если мои посѣщенія могутъ навести дѣтей на подозрѣнія, для которыхъ у нихъ уже есть основанія,—я, конечно, обязанъ покориться. Я и такъ передъ вами много виноватъ. Вы боитесь продолжать наши сношенія, что вполнѣ естественно въ вашемъ положеніи; конечно, не мнѣ принуждать васъ поступать иначе, какъ это ни грустно для меня... но...

Digitized by Google

Она этого не ожидала. Ей хотѣлось заставить его испытать то, что испытывала она, причинить ему боль — физическую боль, а онъ... «Ахъ, опять въ немъ сказался трусъ! Испугался и готовъ бѣжать! Прекратить отношенія? Можетъ-быть, онъ даже помогать не станетъ? Ускользнетъ отъ рукъ! Найдутся женщины, съ которыми его сведутъ? Первые Лялины познакомятъ! Найдутъ какую-нибудь смазливенькую дѣвчонку и влюбятъ его въ нее. Это ихъ профессія! Гнусные люди! Они свели ее съ Никоновымъ когда-то. Они открыли глаза ея мужу. Они будутъ рады утѣшить теперь Никонова. О, она имъ покажетъ, что она умѣетъ завоевывать себѣ счастіе наперекоръ имъ, они еще будутъ ей руки цѣловать». Въ ней пробудилась энергія злобы, мести и злорадства. Она заторопилась, говоря сбивчиво, безсвязно:

— Поправимъ мы этимъ дѣло, что ли? Можетъ-быть, вамъ легко сдѣлать это, уйти, отречься, забыть, но не мнѣ, когда я нуждаюсь въ поддержкѣ, въ участіи, въ дружбѣ... Я теряю голову, я схожу съ ума, а вы... Ахъ, никогда, никогда вы не любили меня!..

Она вдругъ разрыдалась, ясно до отвращенія сознавая, что она хочетъ удержать его въ эту минуту вовсе не потому, что она его любитъ, а потому, что ей нуженъ человѣкъ, который содержалъ бы ее. Когда-то въ молодости она сдѣлала проступокъ, но она не каялась за него, сладко мечтала о немъ, какъ о чемъ-то свѣтломъ; теперь, удерживая около себя этого человѣка, она чувствовала, что она продаетъ себя, унижается, грязнитъ себя, падаетъ. Онъ ничего этого не понялъ. Онъ просто увидалъ ея слезы, услыхалъ страстное восклицаніе: «ахъ, никогда, никогда вы не любили меня!» и бросился цѣловать ея руки.

— Полина! Полина! полно!

Онъ торопливо началъ откровенничать: никогда онъ не переставалъ ее любить, всегда вспоминалъ о ней, только съ ней онъ и былъ счастливъ: ихъ разлучили обстоятельства, которыя выше людской воли; пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ вспомнилъ тотчасъ же о ней, хотѣлъ снова встрѣтиться съ нею, просить ее забыть все причиненное ей зло; онъ узналъ отъ сына, что она даже имени его не хочетъ слышать; это его обезкуражило, лишило надежды на примиреніе; потомъ они встрѣтились, — тяжелая была эта встрѣча, оба они не знали, какъ держать себя...

Онъ вдругъ что-то вспомнилъ и заволновался:

Digitized by Google

— Конечно, я понимаю, что всѣ эти связи въ извѣстной степени преступны,—заговорилъ онъ, оправдываясь передъ кѣмъ-то: — но да проститъ намъ Богъ. Насъ связала не прихоть, а истинная любовь. Прихоть не могла бы пережить годы разлуки. Это любовь! Ради нея прощается многое. Любовь выше нашей воли. Наконецъ, это еще вопросъ, кто у кого стоялъ на дорогѣ: я ли у твоего мужа, или онъ у меня... Ахъ, можетъ-быть, жизнь сложилась бы иначе, если бы я встрѣтилъ тебя раньше, чѣмъ онъ...

Она молчала, сознавая, что если бы онъ встрѣтилъ ее до ея замужества, то, можетъ-быть, она сдѣлалась бы кокоткой и только. «По Невскому проспекту пустилъ бы»,—злобно подумала она. Онъ же продолжалъ разсуждать на подвернувшуюся ему тему, обрадовавшись этому случайно найденному оправданію.

— Да, да, правы тѣ, которые говорятъ, что не всегда можно обвинять фактически виновнаго человѣка; кто кого отравилъ—тотъ ли, кто далъ яду, разомъ прекративъ чужую жизнь, или тотъ, кто отравлялъ медленно всю жизнь этому обвиняемому людьми фактическому отравителю. Жизнь сложное дѣло...

«Передъ кѣмъ онъ оправдывается? — думалось ей. — Передо мною? передъ собой? передъ Богомъ? И вѣдь лжетъ все; знаетъ, что лжетъ, и продолжаетъ лгать!»..

Потомъ онъ началъ объяснять ей, что, увидавъ ее снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, онъ сразу вспомнилъ все старое, почувствовалъ, что теперь для него можетъ существовать только она или никто. Правда, въ его кругу, при его средствахъ, такъ легко заводятся мелкія интрижки. Но ни его положеніе въ свѣтѣ, ни его нравственные принципы, ни его годы не позволяютъ ему вести эту жизнь «мышинаго жеребчика»,—главное годы!

— Да, есть пора жизни, когда оживляетъ, воскрешаетъ, бодритъ только былое, прежнее, старое,—заговорилъ онъ, и его лицо выразило что-то сальное, сластолюбивое. — Ахъ, молодость, неразсчетливая молодость! Живешь, мотаешь силы такъ же, какъ деньги, и думаешь, что все это естественно, а тамъ...

Она тревожно взглянула на часы. Ей хотѣлось скорѣе отдѣлаться отъ него. Когда-то онъ овладѣлъ ею безъ разговоровъ, взялъ ее приступомъ, чуть не силой, и это казалось ей страстью, любовью, увлеченіемъ, опьянило ее и заставило забыть весь міръ. Теперь она чувствовала въ этихъ

Digitized by Google

объясненіяхъ что-то скверное, какой-то договоръ старика со старухой насчетъ любовной связи. Онъ же продолжалъ вдаваться въ подробности насчетъ того, почему новыя связи смущаютъ, тогда какъ старыя придаютъ силы и бодрость. Маска постничества была сброшена; развратникъ былыхъ временъ былъ снова налицо. Ей стало жутко и скверно. Часы пробили три.

— Дѣти сейчасъ вернутся!—торопливо сказала она.

Онъ поспѣшно всталъ, поцѣловалъ ея руки, обнялъ ее, сталъ что-то говорить съ широкой улыбкой, склонившись совсѣмъ близко къ ея лицу.

— Помнишь? А? Вѣдь хорошо было? Развѣ это можно забыть?

Она ничего не слышала, не понимала, не хотѣла понимать и только думала:

«Скорѣй бы, скорѣй бы онъ ушелъ!»

Когда за нимъ затворилась дверь, она расплакалась горькими, искренними слезами, точно ее глубоко оскорбили, унизили, забрызгали грязью. Такими слезами она плакала, можетъ-быть, впервые въ жизни.

Въ этихъ слезахъ ее застала Лиза и съ лаской подошла къ ней:

— Милая мама, береги себя!—тихо сказала дочь, и ея глаза тоже увлажились слезами. — Береги для Кати, для Тани, для всѣхъ насъ...

Лиза опустилась на стулъ около Пелагеи Никитичны.

— Я знаю, какъ тебѣ тяжело, но, дорогая, что же дѣлать, если Богу такъ было угодно,—съ лаской говорила дочь. — Ты должна теперь пересилить свое горе: у тебя дѣти! Подумай, что бы было съ ними, если бы у нихъ не стало и тебя...

Боль въ сердцѣ у Пелагеи Никитичны сдѣлалась еще острѣе. Если бы дочь знала, о чемъ она плачетъ, съ какимъ презрѣніемъ она взглянула бы на нее, на мать!

— Мнѣ, мама, нужно серьезно поговорить съ тобой, — продолжала Лиза.—Я думала всѣ эти дни о нашемъ положеніи и рѣшилась оставить курсы и приняться за уроки. Вообще намъ вѣдь теперь очень трудно будетъ жить...

Пелагея Никитична, уже подавившая свои слезы, не ждала этого и сильно смутилась. Вопросъ о денежныхъ средствахъ долженъ былъ неизбѣжно возникнуть въ головѣ Лизы, но мать не приготовилась къ отвѣту на него. Ничего не сообразивъ сразу, она торопливо отвѣтила:

Digitized by Google

— Не торопись бросать курсы! Можетъ-быть, какъ-нибудь можно будетъ устроиться иначе...

— Какъ же?—спросила Лиза, вопросительно глядя на нее.

Пелагея Никитична начала придумывать.

— Покуда мы будемъ получать полное содержаніе отца въ теченіе года. Кажется, это такъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Ну, а тамъ посмотримъ. Я вѣдь знаю, что для тебя было бы большимъ несчастіемъ отказаться отъ завѣтной мечты...

— Что же дѣлать, если нельзя, — серьезно замѣтила Лиза. — Я не изъ тѣхъ, которыя падаютъ духомъ. Дорогъ много. Нельзя идти по одной, надо выбирать другую.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сдѣлаю все, чтобы ты могла продолжать начатое ученье,—торопливо сказала мать.

И въ ея умѣ мелькнула обрадовавшая ее мысль: «да, надо всѣмъ пожертвовать, чтобы дѣти учились». Эта мысль являлась для нея какъ бы оправданіемъ въ настоящемъ и будущемъ, передъ собою, передъ людьми.

Лиза мягко замѣтила:

— Ахъ, мама, что же ты можешь сдѣлать! Самой тебѣ будетъ страшно трудно жить и безъ меня. Нѣтъ, я рѣшилась искать мѣсто. Нельзя на одного Виктора тебѣ надѣяться. Онъ юноша, ему самому нужно встать на ноги.

«Я ее не допущу до этого; все сдѣлаю, на все пойду, се не допущу до этого»,—думала Пелагея Никитична, и опять ей стало легко: для дочери это она сдѣлаетъ, пойдетъ на сдѣлки. Она хитрила сама съ собой, чувствовала, что хитритъ, и боялась сознаться въ этомъ.

— Ну, подожди еще покуда,—сказала она Лизѣ.—Можетъ-быть, все обойдется. Участь гувернантокъ не сладка. Засушитъ тебя эта жизнь, какъ засушила покойную Настасью Порфирьевну.

— Чего же ждать?—спросила Лиза, пожимая плечами.

— Мало ли что можетъ случиться. Ну, выдержишь первою экзамены. Примутъ въ интернатъ на казенный счетъ. Вотъ ты и обезпечена. Я же перебьюсь съ Катей и Таней. Наконецъ, буду хлопотать и за нихъ, чтобы на полный пансіонъ ихъ пристроили.

Она обрадовалась и этой идеѣ. Освободится отъ дѣвочекъ, тогда все пойдетъ отлично, можно будетъ скрыть отъ нихъ ся близость къ Никонову. Надо будетъ сообщить этотъ планъ Никонову. Сказать, что только при этихъ условіяхъ они могутъ сойтись. Онъ тоже обрадуется, а то все будетъ

Digitized by Google

трусить, какъ бы дѣти какой-нибудь сцены ему не сдѣлали. Онъ вѣдь всего боится! Господи, какой онъ трусъ! Она положительно начинала презирать его.

Вечеромъ совершенно неожиданно въ квартиру внезапно явился Викторъ. По буднямъ онъ почти никогда не заглядывалъ въ свой домъ, и потому его визитъ удивилъ семью. Онъ поздоровался съ родными и, стягивая перчатку, замѣтилъ:

— А меня Александръ Николаевичъ прислалъ отчасти. Его очень безпокоитъ ваше положеніе.

— Какой онъ добрый!—сказала Лиза.

— Да, богатъ, отчего же и не быть добрымъ,—небрежно отвѣтилъ Викторъ. — Наконецъ, онъ, кажется, и о своихъ интересахъ тутъ думаетъ.

И Пелагея Никитична, и Лиза изумились.

— Какъ это о своихъ интересахъ?

— Насколько я могъ понять, у него есть свои планы,— пояснилъ Викторъ.—Сегодня за обѣдомъ онъ разговорился о вашемъ положеніи, потомъ сталъ придумывать, какъ помочь. Наконецъ, добрался до сути: онъ живетъ одинъ, хозяйствомъ некому завѣдывать, ну, и надо бы кого-нибудь поселить въ домѣ, чтобы женскій глазъ присматривалъ.

Пелагея Никитична чувствовала, что по ея лицу разливается краска стыда. Въ головѣ мелькнуло: «торопится; сыну сообщилъ свои планы; безтактный человѣкъ!»

— Затѣмъ онъ сталъ распространяться о томъ, что если бы пристроить нашихъ дѣвочекъ на полный пансіонъ, то ты, можетъ-быть, согласилась бы вести его хозяйство.

— Гдѣ же мамѣ вести хозяйство!—воскликнула Лиза.— Онъ не знаетъ, конечно, что она непрактичный человѣкъ...

Викторъ пожалъ плечами.

— Трудно вести хозяйство, когда не изъ чего, а когда денегъ куры не клюютъ и прислуги цѣлая орда—это легкое дѣло.

Онъ обратился къ матери:

— Ты объ этомъ подумай, мама...

У Пелагеи Никитичны выступили на глаза слезы. Она глухо прошептала:

— Я подумаю...

— Это всѣхъ насъ устроитъ,—замѣтилъ ей Викторъ.

— О, для васъ, для дѣтей я пойду на все!—воскликнула Пелагея Никитична.—Но какъ мнѣ тяжело, какъ тяжело...

Она встала и вышла изъ столовой, чтобы скрыть свое смущеніе.

Digitized by Google

Лиза горячо стала доказывать брату, что мать вовсе не способна быть экономкой. Она даже попрекнула его за то, что онъ прямо не сказалъ этого Никонову, не передавая вовсе предложенія послѣдняго матери. Если мать приметъ это предложеніе—выйдетъ плохая штука: Никоновъ убѣдится въ неспособности ея вести хозяйство и будетъ недоволенъ. Братъ, перебивая ее, небрежно сказалъ:

— Ахъ, ты ничего не понимаешь!

И твердо прибавилъ:

— Это нужно! Или лучше будетъ, если всѣ вы по міру пойдете! Ну, тяжело будетъ ей въ первое время, а потомъ свыкнется.

— Какъ ты легко распоряжаешься другими! — упрекнула Лиза.

— Если дѣло идетъ о спасеніи людей, то ихъ нужно заставить спасаться хоть бы силой,—твердо отвѣтилъ онъ.— Или ты думаешь, Никоновъ даромъ будетъ помогать вамъ? Что вы-то ему?

Лиза отвѣтила:

— Я же вовсе не прошу его помощи!

— Ты! ты! А сестры? А мать? Могутъ онѣ прожить безъ помощи? Или ты ихъ содержать будешь? Или я откуда-то буду добывать средства на всю семью? Я еще самъ не вполнѣ всталъ на ноги!

Онъ поднялся съ мѣста.

— Это только тетка Настя, да нашъ Данила Лукичъ вслѣдъ за нею воображали, что можно безъ чужой помощи, своимъ горбомъ весь міръ завоевать... Честный трудъ ничего не дастъ, кромѣ гроба, да болѣзни... Ты это гдѣ видѣла успѣхи честныхъ людей? Гдѣ видѣла богатство, нажитое честнымъ трудомъ?

Она широко открыла глаза, слушая его.

— Что ты говоришь?—сказала она въ ужасѣ.

— А то, что ты ничего не понимаешь, какъ гоголевская Коробочка...

Онъ повернулся спиною къ сестрѣ и прошелъ къ матери. Мать плакала.

— Перестань!—коротко сказалъ онъ, подходя къ ней.— Нельзя же быть такой щепетильной...

— О, если бы ты зналъ!—порывисто воскликнула она, готовая сознаться во всемъ ему, только ему одному изъ всѣхъ дѣтей.

Онъ пожалъ плечами.

Digitized by Google

— Я давно знаю все!—коротко сказалъ онъ.

Она съ испугомъ широко открыла глаза.

— Развѣ можно было не замѣтить моего сходства съ нимъ? Наконецъ, эти заботы и хлопоты обо мнѣ. Съ какой стати? Я же не дѣвочка, чтобы онъ могъ имѣть виды на меня. Безкорыстно же о чужихъ такъ не заботятся. Наконецъ, я кое-что выспросилъ въ первые же дни у Лялиныхъ. Да и ты неосторожно держала себя, каждый, не будучи дуракомъ, могъ многое сообразить. Ну, а я...

Онъ усмѣхнулся.

— Я же не Лиза,—отрывисто пояснилъ онъ.—Невинность, воспитанная непорочными дѣвами! Кажется, даже и не подозрѣваетъ простыхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Впрочемъ, для чего ей и знать. Для нея это были бы какіе-то ужасы. Но ты напрасно такъ близко принимаешь все это къ сердцу. Слава Богу, что все улаживается.

— О, какъ ты будешь теперь смотрѣть на меня!—начала она нѣсколько мелодраматично, не зная, какъ и что слѣдовало бы сказать матери сыну.

Онъ перебилъ ее:

— Не говори пустяковъ! Со всякой женщиной это бываетъ. Сколькихъ я встрѣчалъ у однихъ Лялиныхъ! Всѣ были въ этихъ передѣлкахъ—однѣ до замужества, другія послѣ. Это такъ естественно. Люди! Понравилось смазливое личико, увлеклась, пала. Общая участь!

Онъ говорилъ покровительственно, фамильярно, оскорблялъ ее, не сознавая этого, сравненіемъ съ разными кокотками изъ круга Лялиныхъ.

— Твоя жизнь была такъ не весела,—все тѣмъ же тономъ продолжалъ онъ:—въ этой трущобѣ, гдѣ вы жили, такъ понятно было искать исхода, что, право, странно мучиться какими-то запоздалыми угрызеніями совѣсти. Надо же было урвать у жизни хоть день счастія. Всякая на твоемъ мѣстѣ сдѣлала бы то же.

Ей было стыдно взглянуть на него, на юношу, покровительственно прощающаго ее, свою мать. Ей было легче, если бы онъ горько попрекнулъ ее, сдѣлалъ бы ей бурную сцену, далъ бы ей возможность оправдаться, выяснить ему, что она любила, а не была кокоткой, какъ тѣ женщины, съ которыми онъ сравнивалъ ее. Онъ, ходя по комнатѣ, продолжалъ тѣмъ же развязнымъ тономъ:

— Чему же удивляться, что ты, выросшая въ хорошей обстановкѣ, жившая широко, сбилась съ пути въ этомъ про-

Digitized by Google

клятомъ омутѣ, когда какая-нибудь Аксюша, ничего не видавшая кромѣ деревни, и та тяготилась этой жизнью. А ужъ, кажется, она-то не была избалована весельемъ и развлеченіемъ, а и то не вынесла этой трущобной жизни...

Она широко открыла глаза, услышавъ, что вмѣстѣ съ ея именемъ онъ сопоставляетъ уже не имена кокотокъ изъ кружка Лялиныхъ, а имя ея кухарки. Ей казалось, что больше унизить ее было нельзя. Она почувствовала почти отвращеніе къ нему, къ этому когда-то такъ нѣжно любимому ею и такъ глубоко испорченному ею же сыну. Онъ замѣтилъ ея недоумѣвающій, странный взглядъ и пояснилъ:

— Ты, вѣрно, ничего не знаешь? А мнѣ хотѣлось сегодня поговорить съ тобой именно о ней. Бѣдная дѣвочка тоже свихнулась, нѣсколько въ другомъ родѣ, правда. Какой-то солдатикъ соблазнилъ и ее. Тоже усиками обольстилъ. Охъ, ужъ эти усики и смазливыя рожицы! Помнишь, когда меня не было здѣсь? Она стала пропадать по вечерамъ? Данила Лукичъ еще предупреждалъ тебя насчетъ ея... Ну, вотъ въ эту пору и произошло паденіе...

Ее били по уху эти «и она», «тоже пала», «такъ же увлеклась», эти приравниванія ея къ кухаркѣ, ея увлеченія къ разврату простой дѣвчонки. Гдѣ же сыновняя любовь? Гдѣ же сыновнее уваженіе? О, онъ никогда не любилъ, не уважалъ ея. У него сердца нѣтъ! Она даже и не думала о томъ, какъ могла развиться сыновняя любовь, какъ могло укрѣпиться сыновнее уваженіе у ребенка, выросшаго въ кругу какихъ-нибудь Лялиныхъ, гдѣ никто изъ дѣтей не зналъ навѣрное имени своего отца.

Онъ, не обращая вниманія на выраженіе лица матери, сталъ разъяснять дальше:

— Аксюша теперь въ такомъ положеніи. Помнишь, это даже Лялина замѣтила. Ты только ничего не видѣла, думая совсѣмъ о другомъ. Да, она будетъ матерью, разумѣется, не сегодня, не завтра, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но я тебя попрошу поберечь ее покуда. Тутъ, видишь ли, произошло нѣкоторое осложненіе.

Онъ перевелъ духъ, прошелся по комнатѣ и, наконецъ, продолжалъ:

— Ты знаешь, я уже не ребенокъ. Я тоже пошалилъ съ этой дѣвочкой, и мнѣ было бы жаль, если бы ты прогнала ее. Дѣвчонка славная, преданная мнѣ, какъ собака. Это такъ понятно въ ея положеніи. Когда настанетъ время, она, конечно, уйдетъ, отдастъ ребенка въ воспитательный домъ,

Digitized by Google

но потомъ ты возьми ее обратно. Устрой это для меня, когда будешь жить со мною у Никонова. Ей тамъ тоже найдется мѣстечко. Мнѣ не хотѣлось бы бросать ее на мостовую.

Пелагея Никитична была возмущена до глубины души. Она, блѣдная, задыхающаяся, съ усиліемъ поднялась съ мѣста и хрипло приказала:

— Ступай вонъ, негодяй!

Онъ точно пощечину получилъ. У него исказилось лицо, помертвѣвшее отъ злобы, отъ той бѣшеной злобы, приливъ которой онъ уже испыталъ тогда, когда Ольхинъ назвалъ его воромъ. Онъ выпрямился во весь ростъ и смѣрилъ ее сверкающими глазами.

— Я уйду,—глухо проговорилъ онъ, отчеканивая слова:— но вѣдь тогда тебѣ самой придется придти къ намъ, ко мнѣ и къ моему отцу.

Она, какъ подкошенная, безъ силъ упала на диванъ, заливаясь истерическими слезами.

Въ комнату вбѣжала Лиза.

— Что это съ мамой, что?—раздался ея пугливый вопросъ.

— Ничего, пройдетъ,—отвѣтилъ сухо Викторъ, стараясь овладѣть собою.—Все ваши женскія нѣжности. Не можетъ свыкнуться сразу со своимъ настоящимъ положеніемъ...

Свыкнуться надо было—и она свыклась. Ее утѣшило то, что Лялины стали страшно завидовать ей.

Digitized by Google

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТАРАЯ КРЫСА.

У старика, прозваннаго «старой крысой», было и имя, и отчество, и фамилія; но это никого не занимало; его давно прозвали «старой крысой», и никто не думалъ спрашивать: «А какъ зовутъ эту старую крысу?» Онъ самъ отзывался на эту кличку, а если бы его назвали по имени, отчеству и фамиліи, то, можетъ-быть, онъ понялъ бы не сразу, что это зовутъ именно его: онъ давно отвыкъ, чтобы его звали, какъ человѣка, чтобы съ нимъ обращались какъ съ человѣкомъ.

— Ишь, старая крыса, еле ноги волочитъ, а свое дѣло знаетъ: на паперти утромъ Христа-ради копеечки сбиралъ, а теперь къ кабаку, хвостъ поджавши, пробирается мастеровщину потѣшать.

Такъ толковали жители Измайловскаго полка и Новыхъ Мѣстъ, провожая глазами этого человѣка, пробиравшагося невѣрною поступью по улицамъ и переулкамъ по направленію къ Обводному каналу. Этотъ человѣкъ былъ одинокъ, дряхлъ, бѣденъ. У него давно тряслись руки и ноги; его голова была покрыта косматыми и всклоченными, какъ шерсть стараго полушубка, сѣдыми волосами; щеки и подбородокъ съ давнихъ поръ обросли небритой, щетинистой бородой сѣроватаго цвѣта; его лицо приняло какой-то землянистый оттѣнокъ, и только нѣсколько припухнувшій носъ былъ изсиня-красенъ; старческіе глаза съ моргающими вѣками безъ рѣсницъ потухли и слезились, смотря безъ всякаго выраженія впередъ, точно они были оловянные, точно онъ ими ничего не видѣлъ. Одежда «старой крысы» не мѣнялась никогда, ни весной, ни осенью, ни зимой, ни лѣтомъ. На старикѣ были порыжѣвшія панталоны, превратившіяся снизу въ бахрому; не то зеленый, не то синій сюртукъ съ сотнями дыръ и заплатъ всѣхъ цвѣтовъ; какая-то грязная тряпка,

Digitized by Google

замѣнявшая галстукъ и обматывавшая тощую шею, точно веревка сорвавшагося съ висѣлицы человѣка; фуражка неизвѣстнаго цвѣта, съ какимъ-то пятномъ спереди, напоминавшимъ о томъ, что на этомъ мѣстѣ когда-то была кокарда-на ногахъ порыжѣвшіе, дырявые опорки—вотъ и все. Бывало ли когда-нибудь бѣлье на «старой крысѣ»—этого никто не зналъ. Никто не справлялся о томъ, гдѣ жило это созданіе; люди встрѣчали «старую крысу» днемъ гдѣ-нибудь на паперти церкви, гдѣ-нибудь на скамьѣ у воротъ, гдѣ-нибудь въ кабакѣ, и никому не приходило въ голову задуматься надъ вопросомъ, гдѣ проводитъ «старая крыса» ночи—подъ заборомъ на улицѣ, въ ночлежномъ притонѣ или въ какомъ-нибудь подвальномъ углу. И то сказать, этотъ человѣкъ былъ всѣмъ чужой; не всѣ знали его имя, и очень немногіе интересовались его исторіею. Иногда, правда, онъ разсказывалъ отрывочно исторію своей жизни, но эту исторію люди выслушивали безучастно, какъ какую-то незанимательную сказку о событіяхъ при царѣ Горохѣ; никто не зналъ тѣхъ людей, о которыхъ онъ упоминалъ, никто не видалъ тѣхъ сценъ, которыя онъ описывалъ, никто не раздѣлялъ того горя, которое онъ перестрадалъ. Впрочемъ, и онъ самъ говорилъ о своей жизни, точно о чемъ-то постороннемъ,—говорилъ однообразнымъ и скучнымъ тономъ сказочника, передающаго въ тысячный разъ затверженный на память разсказъ.

— Ишь, до старости дожилъ, а все бродяжничаешь,—тономъ упрека говорилъ ему кто-нибудь.

— Что же, было время и не бродяжничалъ,—равнодушно шамкалъ старикъ.

— Ну, да, поди, въ своихъ палатахъ жилъ,—насмѣшливо замѣчалъ собесѣдникъ.

— Въ палатахъ не въ палатахъ, а своимъ домкомъ жилъ,—бормоталъ старикъ.—И уголъ свой былъ, и семья была, и все было. Тоже человѣкъ былъ.

— Эхъ, ты, старая крыса! Туда же: человѣкъ былъ! Да когда это ты человѣкомъ-то былъ? Когда Иродъ на землѣ царствовалъ, что ли?—смѣялись слушатели въ отвѣтъ на его слова.

— А вотъ какъ служилъ-то, тогда и былъ человѣкомъ... А служить-то я, голубчики, началъ, почитай съ четырнадцати годковъ. Капелюсичка этакій былъ, махонькій совсѣмъ...

Digitized by Google

Старикъ, спокойно усмѣхаясь, указывалъ рукою отъ земли, какой онъ былъ тогда «капелюсичка».

— Писцомъ поступилъ на службу въ управу,—продолжалъ онъ разсказъ, уже не дожидаясь приглашенія повѣдать дальше исторію своей жизни.—Начальство тоже меня, голубчики вы мои, любило, потому бутончикъ этакій былъ, пухленькій, розовенькій, кудреватенькій. Бывало, экзекуторъ нашъ покойный, Спиридонъ Николаевичъ Андреевъ, царство ему небесное, дѣвчонкой все звалъ... «Замужъ, говоритъ, бывало,— она у насъ скоро выйдетъ». Шутникъ былъ покойный! Да и не онъ одинъ, а и другіе подшучивали. А ничего, шутятъ, шутятъ, а глядишь и покормятъ, и полакомятъ, и какую ни-на-есть работишку постороннюю предоставятъ. Самъ-то я получалъ мало, жить было на эти деньги нельзя, нагъ и босъ остался бы при этомъ самомъ жалованьи, если бы не добрые люди. Добрые люди не оставляли, грѣшить нечего.

— Извѣстно, ваше крысиное отродье только взятками и жило,—замѣчали ему не безъ презрѣнія слушатели.

— Взятками, голубчики вы мои, взятками жили, и теперь всѣ ими живутъ,—благодушно и невозмутимо соглашался старикъ.—Безъ взятокъ всѣ бы примерли. Жалованья такого казна не давала, чтобъ жить было можно. Холостому, такъ и тому квартира да харчи больше стоили, чѣмъ этого жалованья-то на него шло, а ужъ не говоря объ одеждѣ и обуви. Ну, а тоже—всѣ люди, всѣ человѣки, вѣка безъ бабы никакъ не проживешь; придешь въ должный возрастъ, баба и понадобится. Предѣлъ ужъ такой отъ Бога. А тамъ глядишь, и поросятки вонъ завелись, клопы этакіе махонькіе, молочишка, да булочекъ подавай имъ, пискунчикамъ. Тутъ ужъ вовсе на жалованье жить нельзя. Ну, да что Бога гнѣвить, люди добрые все знали и помогали по силѣ возможности нищему народу. Тоже не звѣри какіе-нибудь дѣла съ нами вели, бѣднаго человѣка по-міру не пускали. Кто бывало, деньгами сунетъ, кто провизіею, потому не помирать же человѣку съ голоду, ради того, что онъ служитъ. Такъ вотъ мы и подкармливались. И жили, жили, вотъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, жили благодѣяніями доброхотныхъ дателей.

— Ты-то многихъ нищихъ наплодилъ?—грубо прерывали старика вопросомъ.

— Нищихъ? Нѣтъ, голубчики вы мои, нѣтъ, мои дѣтки по-міру не ходили,—отвѣчалъ невозмутимо старикъ.—Двоихъ у меня было, сынокъ да дочурка, погодочки. Въ по-

Digitized by Google

койницу жену, Дарью Андревну, царство ей небесное, вышли, — умные, смышленые, ко всему способные. И то сказать, для нихъ съ покойницей женой жили. Все бывало терпѣли, куска не доѣдали, ночей не досыпали, чтобъ ихъ поднять. Бывало, самъ всего натерпишься, потому тоже люди добрые за свои деньги и натѣшиться надъ тобой хотятъ, безъ этого нельзя, а дѣти—дѣти у насъ въ холѣ, не въ обидѣ жили. И сыты были, и одѣты, и обучались, пока силъ хватало, пока на службѣ состоялъ я, ну, а послѣ, не утаю, и пошло все подъ гору.

— Выгнали, вѣрно, со службы-то?—спрашивали «старую крысу».

— Выгнали, выгнали, отцы родные,—добродушно соглашался старикъ.—Порядки тутъ новые пошли, начальство перемѣнилось, новая метла, извѣстно, чисто мететъ, ну, и вымели старый соръ. Это насъ-то, я говорю, старыхъ служакъ, старый соръ вымели. Вотъ тутъ-то и началось горе: при мѣстѣ я все-таки какъ будто и нужный человѣкъ былъ, иной проситель придетъ и такъ, ни за что, ни про что, суетъ, потому только, что я при мундирѣ и мѣстѣ состою, а тутъ самъ бѣгай, да клянчи, не дадутъ ли какого дѣлишка обдѣлать, не попросятъ ли какой бумажонки настрочить. И все больше по трактирамъ, по кабакамъ съ нужными людьми ходи. Напоить тебя до пьяна они напоятъ, а платятъ-то гроши. Такъ-то вотъ и пошло: пьешь всякій день, а голоденъ; рыщешь повсюду, а домой копейки приносишь. Сжались мы, съежились, жена хворать начала, сыну угла для ученья нѣтъ, книжекъ ему купить не на что; дочь—учиться-то дочь перестала, а начала матери помогать по домашеству, да шитьемъ заниматься стала. Шитьемъ заниматься—дѣло-то это не легкое, въ нуждѣ, да въ горѣ ночей не спать молодому человѣку не легко, тоже радостей хочется,—работаетъ онъ, работаетъ, да и махнетъ рукой: пропадай молъ все, хоть день да мой! Вотъ и моей дочуркѣ, какъ мать, царство ей небесное, умерла, какъ братъ хирѣть началъ, туго пришлось: братъ все кашляетъ да ворчитъ, я—извѣстно, я цѣлый день по дѣламъ пропадаю, къ ночи едва до постели дорвусь, какая тутъ радость молодой дѣвушкѣ. Свернулась она у меня съ пути: «Я, говорила въ тѣ поры, и вамъ, папенька, помогу, и брату, и сама поживу». Только это, голубчики, одна ея мечта была, потому не все то золото, что блеститъ. Обѣщалъ ей недобрый человѣкъ много, а самъ побаловалъ, поигралъ, да и бросилъ.

Digitized by Google

Оно и всегда такъ бываетъ, потому каждый въ жизни своего удовольствія ищетъ. Къ намъ же пришла моя голубка назадъ угла искать. Хотѣлъ я этого самаго человѣка, губителя ея, къ суду притянуть, потому отецъ его при капиталѣ состоялъ и за безчестье заплатить всегда могъ. Законы я тоже зналъ, и какъ къ чему приступить и съ какой стороны подъѣхать, все это было извѣстно. Да не такъ вышло. Пока я думалъ, какъ за нее вступиться, да какъ дѣло половчѣе повести, она взяла, да и наложила на себя руки. Не могла, значитъ перетерпѣть съ непривычки. Тоже въ жизни привыкнуть ко всему нужно. Безъ привычки сейчасъ въ малодушіе впадешь. Бросился я это къ сыну, говорю ему, что случилось, а онъ лежитъ больной, да только отвернулся къ стѣнѣ и проворчалъ: «И хорошо сдѣлала, а то и ребенку ту же долю терпѣть бы пришлось». Развелъ я, голубчики вы мои, руками, а въ умѣ-то одна только мысль и копошится: «И ребенку ту же участь терпѣть пришлось бы». И ровно мнѣ даже жалко не было, что дочурка моя умерла, что внучка мнѣ Богъ не сподобилъ видѣть. Виномъ это, что ли, чувства всѣ отшибаетъ, или ужъ обколотится такъ человѣкъ, что ровно деревянный станетъ, а только замеръ я словно, совсѣмъ замеръ. Ни горя, ни радости во мнѣ нѣтъ, такъ—пустота какая-то. Похоронилъ дочь, пошелъ опять дѣла дѣлать: сегодня тутъ, завтра тамъ, къ вечеру домой, прямо на кровать валишься, утромъ только слышишь, что не одинъ въ домѣ, что сынъ еще за перегородкой кашляетъ, встанешь, встряхнешься, и опять за дѣла.

— Сынъ-то тоже померъ?—спрашивали старика слушатели.

— Померъ, голубчики, померъ!—отвѣчалъ старикъ.—Разъ пришелъ я домой, легъ, выспался, утромъ проснулся, слышу за перегородкой тихо, сынъ не кашляетъ, пошелъ туда заглянуть, а онъ лежитъ, къ стѣнѣ отвернувшись, и не дышитъ. Померъ, померъ, голубчики, вѣрно, еще наканунѣ, потому застылъ совсѣмъ. Я съ той поры и съ квартеры съ этой съѣхалъ. На что одному квартера? Дѣла мои не Богъ вѣсть какія, не ко мнѣ за дѣлами ходятъ, а я за благодарностью хожу, ноги меня кормятъ. Въ одинъ трактирчикъ завернешь, въ другой кабачокъ забѣжишь, глядишь—Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, тотъ не обидѣлъ, хе-хе-хе! Теперь-то вотъ только руки стали слабы, глаза плохо видятъ, ну, такъ и дѣлъ нѣтъ, и такъ какъ-то мотаешься по свѣту, точно въ угарѣ какомъ.

Digitized by Google

— Водки-то налопаешься, такъ угоришь,—смѣялись слушатели.

— Какъ не угорѣть, голубчики,—соглашался старикъ.— Иной разъ и себя не помнишь, и кто ты, и гдѣ ты, и что съ тобой было. Ину пору, какъ станешь все это думать, да вспоминать, такъ и не поймешь: во снѣ ли все это видѣлъ, или съ тобой это было, на свѣтъ ли Божій смотришь, или такъ въ сновидѣніяхъ лежишь. Чудно просто станетъ подчасъ: вчера вотъ плясалъ весь вечеръ, а сегодня и тутъ болитъ, и тамъ ломитъ, всѣ косточки изныли.

— Ну, да, а къ вечеру опять плясать будешь, — говорили ему.

— Вотъ я то-то и дивлюсь, голубчики мои, теперь вотъ трясетъ, ломитъ всего, хоть въ могилу ложись, а вечеромъ плясать буду,—раздумчиво говорилъ старикъ.—Я объ этомъ-то самомъ и говорю, какъ это человѣкъ-то созданъ...

Въ вечерніе часы субботнихъ, праздничныхъ и воскресныхъ дней, когда въ кабакахъ и портерныхъ близъ фабричныхъ и заводскихъ мѣстностей Обводнаго канала стоитъ стонъ отъ звуковъ гармоникъ, пѣнія, споровъ, ругани и смѣха гуляющей съ горя и голоду, загубленной въ городскихъ вертепахъ мастеровщины, почти всегда можно было въ теченіе многихъ лѣтъ встрѣтить «старую крысу». Дрожащей поступью, какъ бы крадучись, вступалъ старикъ въ помѣщеніе, насыщенное парами и запахомъ водки и пива, и каждый разъ какъ-то трусливо оглядывалъ присутствующихъ, словно боясь не найти здѣсь знакомыхъ. Но знакомые находились всегда, такъ какъ его знали всѣ въ околоткѣ.

— Эй, старая крыса!

— Наше почтеніе старой крысѣ!

— Старая крыса выползла изъ норы!

Эти возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ при появленіи старика, и его лицо вдругъ освѣщалось улыбкою. Къ нему возвращалась теперь увѣренность, что ему непремѣнно поднесутъ водки.

— Шкаликъ пропустить хочешь?—раздавался откуда-нибудь изъ угла желанный вопросъ.

— Хочу, хочу, голубчики! Въ горлѣ пересохло! — отвѣчалъ старикъ.

— Получай!

Старикъ направлялся въ тотъ уголъ, откуда раздалось приглашеніе, и протягивалъ руку за шкаликомъ съ водкой.

Digitized by Google

Потчующій подносилъ ему шкаликъ близко-близко къ лицу и, прежде чѣмъ старикъ успѣвалъ его взять, выпивалъ водку самъ.

— Шутникъ, шутникъ!—бормоталъ въ смущеніи старикъ и неизмѣнно конфузился. — Надъ старичкомъ потѣшается! я старенькій человѣкъ, старенькій!

— Слышали, братцы, какъ нашъ чижъ поетъ!—хохоталъ пьяный голосъ надъ старикомъ. — Нѣтъ, а ты прежде заслужи, да попляши, тогда и горло промочишь.

— Не могу, отцы-благодѣтели, не могу! Что хотите дѣлайте, а сегодня не могу! Ноженьки не держутъ!—жалобно говорилъ старикъ.—Дайте горло промочить, а то ноженьки не держутъ.

Онъ дѣйствительно едва стоялъ на ногахъ; онѣ тряслись и словно подламывались подъ нимъ.

— Ну, такъ ужъ и быть, пей въ кредитъ! — кричалъ кто-нибудь, сжалившись надъ нимъ.

Ему поднесли водки, онъ выпивалъ ее не сразу, кряхтя, смакуя, и оживалъ.

— Ну, пляши теперь! Ванька, играй! — раздавались возгласы.

Старикъ качалъ головой, усмѣхаясь.

— И какой я плясунъ, какой я плясунъ, — бормоталъ онъ.—Я старенькій... Плясуны-то молодые бываютъ...

— Ну, ну, говори еще!—грубо останавливали его.—Валяй!

Старикъ начиналъ плясать... Онъ топтался на одномъ мѣстѣ, махалъ въ воздухѣ руками, что-то выкрикивалъ и, наконецъ, точно мѣшокъ, запыхавшись, усталый, опускался на первую попавшуюся лавку съ опущенной на грудь головой, съ мутными глазами. Онъ походилъ на мертвеца.

— Ванька, подбодри его!—кричали гуляки.—Подбодри!

Старику снова давали водки, и опять онъ слащаво улыбался, медленно ее тянулъ, оживалъ на минуту.

Чего-чего ни продѣлывали съ нимъ кабачные засѣдатели, ни одинъ шутъ въ мірѣ не выносилъ столько насмѣшекъ, обидъ, оскорбленій. Онъ выносилъ все покорно, добродушно, и это добродушіе росло тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе шкаликовъ подносили ему. Подъ конецъ вечера онъ уже самъ плясалъ безъ приглашенія; онъ уже самъ разыгрывалъ роль паяца, не ожидая понуканій; онъ уже самъ изобрѣталъ новыя колѣнца, не нуждаясь въ угрозахъ своихъ кормильцевъ-поильцевъ. Когда толпа, мало-по-малу, начинала рѣдѣть и расходиться, онъ приходилъ совсѣмъ въ веселое расположеніе

Digitized by Google

духа, не могъ посидѣть ни минуты на мѣстѣ. Его ноги выкидывали какія-то штуки, руки болтались въ воздухѣ, лицо превращалось въ какую-то смѣющуюся маску. Послѣднимъ выходилъ онъ изъ кабака, приплясывая и напѣвая:

А я во пиру была,
Во пиру, да во бесѣдушкѣ...

Вечерній туманъ, осенній дождь, зимній снѣгъ—ничто не нарушало его веселаго и блаженнаго настроенія, и долго-долго во мракѣ ночи, гдѣ-нибудь около забора или канавы слышался дребезжащій голосъ старика:

А я во пиру была,
Во пиру, да во бесѣдушкѣ...

Нерѣдко ночью разные караульные, будочники и городовые находили «старую крысу» завалившеюся куда-нибудь въ канаву, въ лужу, около забора. Иногда на него не обращали никакого вниманія, такъ какъ мало ли разнаго народа по улицамъ валяется; иногда же представителямъ ходячей бдительности приходила блажная мысль вступить въ преніе со «старой крысой».

— Ты чего это валяешься на улицѣ, точно свинья какая?—окликали старика.

— Свинья, свинья какъ есть, голубчики вы мои,—откликался старикъ, очнувшись послѣ нѣсколькихъ вѣжливыхъ попытокъ разбудить его. — Самый какъ есть непотребный человѣкъ!

— Поднимайся! Нечего тутъ валяться! Развѣ это дѣло, безобразіе на улицѣ производить,—философствовалъ блюститель.

— Не дѣло, не дѣло безобразіе производить,—бормоталъ старикъ.

— Ну, ну, вставай, тебя честью просятъ!

Старикъ продолжалъ лежать, хотя его просили честью вставать довольно энергично.

— Иди домой! Иди!—кричалъ ему блюститель.

— Да куда же я пойду, голубчики вы мои? куда?—шамкалъ въ полуснѣ старикъ.

— Извѣстно куда, домой иди!

— Дому у меня нѣтъ, нѣтъ дому, голубчики! въ томъ-то все и дѣло, что дому у меня нѣтъ. Я чуточку здѣсь сосну, чуточку! — убѣдительно полепталъ старикъ.—А дому у меня нѣтъ...

Digitized by Google

— А не то пойдемъ въ участокъ,—говорила власть, поднимая его насильно.

Его волокли въ часть, какъ старый мѣшокъ. Онъ не сопротивлялся, не протестовалъ. Переночевать въ «чижовкѣ», выслушать на слѣдующій день площадную брань въ части, получить нѣсколько тумаковъ и пинковъ, все это было для него дѣло привычное. Онъ зналъ, чѣмъ это все кончится: его поругаютъ, побьютъ и отпустятъ. А тамъ опять онъ встанетъ на паперти у церкви, смиренно прося милостыню, вечеромъ опять попадетъ въ кабакъ, гдѣ за пляску его напоятъ водкой, ночью онъ съ пѣсней опять заснетъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Рѣдко кто-нибудь слышалъ отъ него жалобы, и жаловался онъ только на недугъ, на то, что ему трудно ноги таскать, на то, что, пожалуй, придется идти въ больницу.

— Тоже знаю я эти больницы, голубчики вы мои,—шамкалъ онъ жалобнымъ тономъ.—Имъ ничего не значитъ человѣка уморить. Человѣкъ жить хочетъ, а они, доктора-то, эскулапы-то, морятъ его. Ни за грошъ, ни за денежку пропадешь... И тоже не выпей тамъ, ни-ни, сейчасъ это докторъ придетъ, дыхнешь и узнаетъ, потому этой водки не скроешь, разитъ послѣ нея отъ тебя.

— Да ты въ больницахъ-то леживалъ?—спрашивали его.

— Не леживалъ бы, не говорилъ бы, голубчики вы мои, а то на своей шкурѣ испыталъ, что значитъ она, больница,—пояснялъ старикъ.—Разъ это я оступился... ночью дѣло-то было, осенью, грязища стояла страшная, ну, вотъ я и оступился на мосточкахъ... оступился, а нога-то моя и хрустни... такъ я на землю лицомъ въ грязь и свалился... На улицѣ-то ни души, въ домахъ темно, а я и встать не могу, въ ногѣ-то сломанной боль, точно ее ножами рѣжутъ, изъ глазъ искры сыплются... Ну, натерпѣлся я тутъ страху, голубчики вы мои; думалъ, смерточка моя приходитъ, а человѣку, сами знаете, жить хочется... Сталъ это я кричать, кричать,—ни гласу, ни послушанія ни откуда, только псы проклятые по дворамъ лай подняли... Что-жъ, думаю, и въ самомъ дѣлѣ умирать такъ-то приходится безъ помощи. Вотъ собрался я съ силами, да и поползъ, сломанную-то ногу волочу, а на рукахъ, да на одной ногѣ ползу по грязи, а самъ кричу, кричу: «помогите!» Въ дрожь это меня бросило, голубчики вы мои, со страху, что такъ вотъ изойду кровью безъ помощи... И куда я доползъ, кто меня поднялъ, какъ повезли, ничего этого я не помню; а только очнулся я это въ боль-

Digitized by Google

ницѣ... Вотъ тогда-то я и узналъ, что это такая за больница есть. Слыхалъ объ ней, слыхалъ, а самъ извѣдалъ только объ эту пору впервые... острогъ, одно слово! И не дай, Господи, мнѣ еще увидѣть!..

Но онъ и не попалъ во второй разъ въ больницу. Какъ воинъ умираетъ на полѣ сраженія, такъ и онъ умеръ на улицѣ.

Разъ утромъ какой-то бдительный сторожъ пришелъ будить и расталкивать его, заснувшаго подъ заборомъ, и не добудился: съ сладкой и спокойной улыбкой на лицѣ «старая крыса» уснула вѣчнымъ сномъ, уснула, быть-можетъ, весело напѣвая:

А я во пиру была,
Во пиру, да во бесѣдушкѣ...

Когда онъ умеръ, никто не справлялся, куда онъ исчезъ: гулящіе люди, наслаждаясь въ одномъ кабакѣ, были убѣждены, что онъ пьянствуетъ и пляшетъ гдѣ-нибудь въ другомъ кабакѣ.

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ.

I.

На дворѣ стоитъ звѣздная апрѣльская ночь. Городъ тоже блеститъ, какъ звѣздами, вечерними огнями. Въ каждомъ окнѣ мерцаетъ свѣтъ свѣчей, лампъ, лампадъ. Почти никто не спитъ. Вездѣ ждутъ той минуты, когда въ сонномъ воздухѣ мѣрно загудятъ колокола, призывая къ пасхальной заутренѣ. Всѣ люди нѣсколько возбуждены, взволнованы, начиная съ тѣхъ, которымъ придется побывать въ эту ночь во дворцѣ, и кончая тѣми, кто послѣ долгаго Великаго поста разговѣется въ какой-нибудь жалкой квартиренкѣ дома приготовленными куличами и пасхами. Въ кухнѣ такой маленькой квартиры, состоящей изъ двухъ комнатъ и занимаемой пожилой прачкой, собралась вся живущая здѣсь семья: сама прачка Олимпіада Васильевна Иванова, ея десятилѣтній сынишка Вася, ея восемнадцатилѣтняя дочь Ольга и женихъ Ольги, молодой подмастерье золотыхъ дѣлъ мастера Ивинъ. Всѣхъ ихъ занимаетъ и то, насколько удались куличъ, пасха и пестро-раскрашенныя лоскутьями яйца, и то, какъ бы не опоздать къ заутренѣ, ради которой спѣшатъ принарядиться дѣвушка и мальчуганъ. Хозяйка квартиры, зажигая лампаду, торопитъ ихъ завязать куличъ, пасху и яйца въ чистую салфетку и идти въ церковь.

— А ты развѣ не пойдешь, мама?—спрашиваетъ сынишка.

— А съ кѣмъ же баринъ-то Петръ Петровичъ останется?—вмѣсто отвѣта говоритъ она.

Она беретъ затепленную лампаду и бережно несетъ ее изъ кухни черезъ просторную «чистую» комнату, гдѣ уже теплится въ переднемъ углу другая лампада. Комната застлана бѣлыми половиками, на комодѣ и на столѣ передъ

Digitized by Google

диваномъ краснаго дерева постланы чистыя скатерти съ красными коймами, на окнахъ висятъ только-что вымытыя и подкрахмаленныя тюлевыя занавѣси, за ними виднѣются тоже недавно вымытые олеандры, кактусы, китайскія розы, золотыя деревья, мюскъ, распространяющій свой ароматъ въ комнатѣ. Жирная сѣрая кошка лежитъ неподвижно на бѣломъ половикѣ, сладко нѣжась и дремотно поглядывая жмурящимися глазами на горящую ровнымъ свѣтомъ въ углу лампаду. Хозяйка, осторожно неся другую лампаду, проходитъ въ сосѣднюю узенькую комнату, погруженную въ полный мракъ. Скрипъ двери и свѣтъ лампады пробуждаетъ спящаго здѣсь человѣка, не по лѣтамъ изможденнаго, обросшаго сѣдою бородою, съ всклоченными сѣдыми кудрями. Онъ открываетъ большіе глубоко впалые глаза и, недоумѣвая, спрашиваетъ:

— Что, Васильевна?

— Лампадочку-отъ затеплила, — отвѣчаетъ она, ставя лампаду въ передній уголъ передъ образомъ Христа.—Заутреня сейчасъ начнется.

— А-а! — протяжно говоритъ онъ, точно что-то вспомнивъ.—Идете въ церковь?

— Я-то не иду, а мои ужъ собрались...

— А что же вы-то?

— Да какъ же васъ однихъ оставить?

— Меня?.. Что я?.. Живой покойникъ... Нѣтъ, идите. Свѣтлое Воскресенье разъ въ году.

Она пробуетъ протестовать, хотя ей и хочется побывать въ церкви.

— Все же, понадобится вамъ что-нибудь,—говоритъ она.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я засну... Что мнѣ можетъ понадобиться?.. Идите!..

— Ну, такъ я замкну васъ,—соглашается она и спѣшитъ успокоить его:—Я скоро вернусь... Только заутреню отстою... И то, грѣшница, рѣдко въ церковь хожу... Все дѣла, дѣла, а и поскорбѣть бы пора...

Онъ еще шире открываетъ глаза, какъ бы не понимая ея, и вопросительно говоритъ:

— Поскорбѣть?

— Да какъ же, смерть-то не за горами тоже, надо бы и о душѣ подумать, а тутъ вертишься, да изворачиваешься, все для утробы... все это прахъ, прахомъ и останется!

Она вздыхаетъ и произноситъ:

Digitized by Google

— Ну, такъ я пойду, не надолго... какъ отойдетъ заутреня, сейчасъ и прибѣгу.

Онъ закрываетъ глаза, уже не слушая ее и, повидимому, засыпая. Онъ уже давно проводитъ большую часть времени въ полудремотѣ. Женщина выходитъ на цыпочкахъ изъ его комнаты и, обрадованная возможностью побывать въ церкви, спѣшитъ переодѣться...

II.

Надъ Невой раздался рѣзкій звукъ сигнальной ракеты— и вслѣдъ за нимъ въ воздухѣ полились со всѣхъ колоколенъ мѣрные гармоничные переливы торжественнаго колокольнаго звона. Задремавшій Петръ Петровичъ широко открылъ впалые глаза, какъ бы недоумѣвая, что значитъ этотъ звонъ, стоящій въ воздухѣ. Его взглядъ съ страннымъ выраженіемъ устремился на теплящуюся лампаду, на озаренный ея свѣтомъ ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Казалось, онъ что-то спрашивалъ, хотѣлъ сообразить и припомнить. Голова больного старика, повидимому, работала уже плохо, медленно и не сразу соображала.

— Воскресъ!—наконецъ, тихо проговорилъ онъ сухими, едва шевелящимися губами, не отрывая взгляда отъ передняго угла.

— Христосъ... воскресъ!

Не спуская глазъ съ изображенія Христа, онъ началъ о чемъ-то думать.

Въ головѣ медленно зароились воспоминанія, поплыли образы, картины, сцены давно прошедшаго...

Передъ глазами больного внезапно возстали большой барскій домъ въ деревнѣ, ярко освѣщенныя комнаты, длинные столы съ куличами, пасхами, окороками и яйцами, суета и хлопоты цѣлаго полчища принарядившихся по праздничному дворовыхъ и среди всего этого нарядная румяная старушка съ добродушнымъ лицомъ, съ сѣдыми волосами, обходящая вокругъ столовъ, осматривающая, все ли въ порядкѣ. Держась за ея юбку, не отставая отъ нея ни на шагъ, ходитъ рядомъ съ ней курчавый мальчуганъ въ бархатныхъ шароварахъ, въ сафьяныхъ сапожкахъ съ красной оторочкой, въ шелковой красной рубашонкѣ съ золотымъ поясомъ.

— Бабушка, теперь въ церковь? Бабушка, а потомъ христосоваться? Бабушка, а потомъ разговляться? — пристаетъ онъ къ ней.

— Да, да, Петушокъ!—отвѣчаетъ она, гладя его мягкой

Digitized by Google

и пухлой выхоленной рукою, незнакомой съ черной работой. — Скажи Власьевнѣ, чтобы одѣла тебя. Пора ѣхать. Слышишь, лошади ждутъ.

Его одѣваютъ въ теплую одежду, онъ усаживается съ бабушкой и гувернанткой въ экипажъ и ѣдетъ въ церковь за двѣ версты отъ барской усадьбы. Церковь уже полна народа, но всѣ разступаются передъ его бабушкой и передъ нимъ, всѣ низко кланяются имъ, пока они проходятъ на клиросъ и на коврикѣ останавливаются передъ иконостасомъ, усѣяннымъ горящими свѣчами. Его и бабушку окружаютъ уже съѣхавшіеся въ церковь родные—кузины и кузены, дяди и тетки, всѣ заискивающе цѣлуютъ у бабушки руки и всѣ восхищаются имъ, точно лучше его нѣтъ на свѣтѣ ни одного ребенка, а чѣмъ болѣе кто хвалитъ его, къ тому и благосклоннѣе относится его бабушка...

Въ половинѣ службы онъ уже сладко спитъ, сидя на поставленномъ для него стулѣ, и когда просыпается—всѣ уже цѣлуются между собою, всѣ подходятъ къ ручкѣ бабушки, и она раздаетъ христосующимся яйца, вынимая ихъ изъ стоящей около нея корзинки.

— Бабушка, и я, и я хочу! — говоритъ онъ, протирая глазенки, и тоже цѣлуется съ людьми и раздаетъ яйца.

— А что же ты хотѣлъ дать Липѣ? — спрашиваетъ бабушка, видя, что онъ христосуется съ подошедшей къ нему маленькой дѣвочкой въ красномъ сарафанчикѣ.

Онъ смѣется, вытаскиваетъ изъ кармана шароваръ новенькій серебряный рубль и суетъ его въ руку дѣвочки. Она наклоняется и цѣлуетъ его барскую ручку. Это его «крестовая» сестра. Если бы ее одѣть въ мужское платье, ее можно бы принять за самого Петушка, такъ поразительно они похожи другъ на друга. Но онъ барчукъ, а она простая дворовая, дочь красавца Василья-буфетчика, котораго когда-то отецъ Петушка внезапно сдалъ безъ очереди въ солдаты, а его рябую некрасивую жену и ребенка-дочь сослалъ на скотный дворъ. Только послѣ смерти спившагося съ круга отца Петушка — матери Петушокъ лишился тотчасъ послѣ своего рожденія — рѣшилась бабушка вернуть въ барскій домъ и жену, и дочь Василья, а самъ Василій пропалъ безъ вѣсти. Липа приходила каждый день играть съ Петушкомъ въ господскіе покои, и бабушка говорила ему:

— Это твоя крестовая сестра!

Потомъ вздыхала и тихо замѣчала:

— Несчастныя дѣти!..

Digitized by Google

Кто были эти несчастныя дѣти — объ этомъ Петушокъ тогда не задумывался, такъ какъ во всякомъ случаѣ это, вѣроятно, говорилось не про него и не про Липу. Не видавъ никогда своей матери, онъ не могъ оплакивать ее; объ отцѣ онъ тоже не горевалъ, сохранивъ объ немъ одно воспоминаніе, что это былъ человѣкъ, отъ котораго его старались всегда увести, и который при встрѣчахъ съ нимъ кричалъ ему: «убирайся прочь»; бабушка замѣнила ему и мать, и отца, и любила его такъ, какъ будто хотѣла за что-то вознаградить, что-то загладить. Липа тоже пользовалась особенною любовью бабушки Петушка и была предметомъ тайной зависти для всей дворни и даже для всѣхъ родныхъ Петушка, съѣзжавшихся къ бабушкѣ въ такіе великіе праздники, какъ Пасха, и осыпавшихъ, при бабушкѣ, поцѣлуями этихъ «прелестныхъ дѣтей»...

Какъ хороши были эти великіе праздники его дѣтства!

Онъ сталъ вспоминать всѣ мелочи, лица, бабушку, бородатаго старосту, старичка-священника съ трясущимися руками и слезящимися глазами, толстую матушку-попадью, краснощекую Липу, и всѣхъ этихъ кузеновъ и кузинъ, щебетавшихъ приторными голосками вокругъ бабушки, вокругъ него и его любимицы Липы.

— Счастье невѣдѣнія!—съ горькимъ вздохомъ пробормоталъ больной.

И вдругъ всѣ свѣтлые образы исчезли во мракѣ. Тьма, непроглядная тьма окутываетъ передъ нимъ цѣлый рядъ годовъ и ничего не можетъ онъ вспомнить изъ нихъ, точно ихъ не было въ его жизни, точно какая-то невѣдомая сила вычеркнула ихъ изъ его жизни. Какіе-то незнакомые дома открываются и закрываются передъ нимъ, какіе-то незнакомые люди смѣняютъ около него другъ друга, онъ не можетъ припомнить видъ этихъ домовъ, возстановить въ памяти физіономіи этихъ людей; это его немного раздражаетъ, точно передъ его глазами чья-то посторонняя рука безостановочно и досадливо вертитъ калейдоскопъ, ежеминутно измѣняя форму и сочетаніе цвѣтныхъ стеклышекъ.

Что же это было за время?

Это была борьба между собою опекуновъ, добивающихся права опекать богатаго сироту. Казалось, они готовы были разорвать его на куски, чтобы только имѣть право поживиться хотя частью его богатства. Отрывками проносятся въ его головѣ чьи-то полныя ненависти и непонятныя для него въ то время фразы:

Digitized by Google

— Петръ Ивановичъ,—говоритъ кто-то про его отца:— долженъ былъ не признавать его; тогда все сложилось бы иначе. Какой онъ ему сынъ?

— Ахъ, развѣ этотъ развратникъ и негодяй былъ способенъ на какое-нибудь энергичное рѣшеніе,— возражаетъ другой злобный голосъ.

— Но бабушка, бабушка, какъ она могла простить это своей дочери!—возмущаются, негодуя, третьи.— Это рѣшительно не понятно!

— Да развѣ можно понять логику набожной идіотки!— шипятъ по-змѣиному четвертые.— Она не стыдилась даже держать въ домѣ эту дѣвчонку, похожую съ нимъ, какъ двѣ капли воды! Простила проступокъ дочери и позорила въ то же время ея память этимъ ходячимъ доказательствомъ проступка!

Какъ шипѣніе гадовъ, скрывающихся во мракѣ, проносятся въ его памяти эти отрывки негодующихъ хищниковъ, но онъ тщетно старается припомнить, кто были эти хищники, какъ смотрѣли ихъ лица.

— Люди!— тихо, съ ироническою усмѣшкой шепчетъ онъ.—Люди!..

Но вотъ тьма разсѣивается, и изъ нея выплываетъ яркая картина. Большой, модный частный пансіонъ, обширные дортуары и классы, избалованные и испорченные мальчики-богачи, войны съ гувернерами, съ учителями, съ директоромъ, а главное, съ женой директора, содержащаго модный пансіонъ и трепещущаго передъ своей женой воительницей.

— Каролинка поганая!— проносится въ головѣ старика прозвище, данное школярами женѣ директора.

Въ каждомъ вступающемъ въ пансіонъ она видѣла дойную корову, и каждый поступающій въ пансіонъ считалъ долгомъ вступить въ семилѣтнюю войну съ Каролиной. Она старалась утянуть провизію, дать прогорклое масло, подсунуть черствыя булки, а школьники стремились перепортить ея скатерти, разодрать ея салфетки, поломать ея ножи и вилки, досадить ей грязными продѣлками, обличавшими изумительную изобрѣтательность и жестокость враговъ. Эти войны хуже всего отзывались на Петрѣ Давыдовѣ, такъ какъ онъ былъ заброшенъ, забытъ, оставался въ пансіонѣ безвыходно въ будни и въ праздники, зимой и лѣтомъ, и даже не зналъ, кому пожаловаться на свое положеніе. Когда онъ былъ малъ—Каролинка била его ремнемъ, давала ему пощечины; когда онъ подросъ—его запирали на цѣлые дни

Digitized by Google

въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, дѣлая сбереженіе на порціяхъ его завтраковъ и обѣдовъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, безмѣрно несчастнымъ; нерѣдко ему приходила въ голову мысль бѣжать, и притомъ непремѣнно въ Америку; часто онъ, рыдая въ карцерѣ, твердилъ:

— Повѣшусь! Повѣшусь!

Онъ сотни разъ задумывался, почему его отдали къ Каролинкѣ? Въ гимназіяхъ, въ Лицеѣ, въ Правовѣдѣніи брали не больше, чѣмъ брала Каролинка?

— Потому отдали къ ней, что ты не былъ подготовленъ,—сказалъ ему кто-то изъ товарищей.—Изъ лѣтъ вышелъ для казенныхъ училищъ. Сюда, извѣстно, хоть жениха возьмутъ въ низшій классъ, лишь бы платилъ хорошо.

— А тоже и для того сюда отдали, чтобы получше обобрать тебя,—пояснилъ другой изъ болѣе опытныхъ.—Тутъ никто не провѣритъ, сколько на твое образованіе идетъ. Каролинку можно заставить какіе угодно счеты подписать, дай ей только взятку. А у тебя есть изъ чего платить. Мой отецъ говорилъ, что хоть твое состояніе и порастрясли, а все же ты еще богачъ...

Это была роковая вѣсть для него: у него явилось желаніе воспользоваться своимъ богатствомъ; у товарищей явилась жажда покутить на его счетъ; у опекуновъ явилось сознаніе, что чѣмъ шире будетъ «негодяй»—они уже почему-то рѣшили, что онъ «негодяй»—мотать деньги, тѣмъ выгоднѣе будетъ имъ.

Да будетъ проклятъ тотъ день, когда онъ узналъ, что онъ богатъ! Да будетъ проклята та ночь, когда онъ узналъ, что за деньги можно купить все!

Точно какой-то ураганъ подхватилъ его тогда, закружилъ и понесъ въ омутъ паденія, пьянства, разгула, разврата. Недоучившійся, не знающій жизни, не занятый ничѣмъ, самовольно бросившій пансіонъ юноша, онъ охмелѣлъ отъ наслажденій. Отъ наслажденій? Нѣтъ, онъ даже не испытывалъ ихъ, а только ощущалъ угаръ, мѣшавшій думать, разсчитывать, соображать. Его тошнило отъ сигаръ, но онъ швырялъ на нихъ сотни рублей, потому что всѣ курятъ; крѣпкое и терпкое вино было ему не по вкусу, такъ какъ онъ былъ сластена и любилъ болѣе всего конфеты, но у него было всегда разливное море вина, потому что безъ вина обходятся только ребятишки; устрицы возбуждали въ немъ отвращеніе своимъ видомъ, но онъ истреблялъ ихъ, потому что какъ же обойтись богатому кутилѣ за ужиномъ

Digitized by Google

безъ устрицъ или шампанскаго. Ему непремѣнно хотѣлось казаться передъ людьми среднихъ лѣтъ пожившимъ и все испытавшимъ человѣкомъ; эти люди понимали хорошо его жажду казаться выше своего роста и старше своего возраста и, когда онъ былъ имъ нуженъ, дѣлали видъ, что они вѣрятъ его изношенности и пресыщенію,—и въ то же время, ненавидя его за свое пресмыканіе передъ нимъ, за его спиною говорили съ презрѣніемъ:

— Мы еще увидимъ этого скандалиста на скамьѣ подсудимыхъ.

Вообще, что за люди окружали его—онъ этого самъ не понималъ; онъ только кружился и путался съ ними въ какомъ-то чаду. Это былъ своего рода danse macabre ходячихъ мертвецовъ общества.

Силясь теперь разобраться въ хаосѣ воспоминаній, онъ вдругъ снова услышалъ колокольный звонъ и въ ужасѣ припомнилъ одну Пасху,—припомнилъ живо, ярко, до мельчайшихъ, отвратительныхъ подробностей. Къ нему собрались тогда его пріятели по кутежу пить, безобразничать, играть въ карты. Вдругъ кто-то крикнулъ:

— Господа, сегодня вѣдь мясное розговѣнье! Что же мы-то не разговляемся?

— Да, да!—подхватили хоромъ другіе.—Разгавливаться!

И они разговѣлись.

Онъ вспомнилъ всю эту кощунствующую оргію, и на его лбу проступилъ холодный потъ:

— Простится ли это?

Его уже пугала загробная жизнь.

III.

Больной, утомленный напряженіемъ мозга, дремалъ. Въ маленькой квартиркѣ царствовала могильная тишина. Вдругъ въ этой тишинѣ послышался слабый, едва слышный шорохъ. Больной открылъ глаза и съ ужасомъ увидалъ, что неплотно запертая дверь въ его комнату начинаетъ слегка пріотворяться. Онъ зналъ, что квартира пуста, что входная дверь замкнута снаружи, но тѣмъ не менѣе ясно видѣлъ, какъ пріотворяется дверь въ его комнату. У него началось знакомое ему неровное сердцебіеніе съ толчками и перебоями,—то сердцебіеніе, отъ котораго, какъ казалось ему во время его болѣзни, онъ долженъ умереть. Онъ расширенными глазами сталъ всматриваться въ отворившуюся наполовину дверь и увидалъ какія-то двѣ искры, сверк-

Digitized by Google

нувшія передъ нимъ фосфорическимъ блескомъ. Онъ понялъ, что испугался пустяковъ, но сердце все еще продолжало биться неровно, точно прыгая и колотясь въ груди. Въ комнату медленной походкою, изгибая граціозно спину и вытягивая переднія лапы, вошла кошка; сладко поеживаясь, медленно виляя изъ стороны въ сторону поднятымъ вверхъ хвостомъ, она начала жмуриться на огонь въ переднемъ углу, на больного, и потомъ, точно въ истомѣ, упала на бокъ, снова сладко потягиваясь уже всѣми четырьмя лапами въ какой-то лѣнивой нѣгѣ и чуть слышно пѣвуче мурлыча. Въ головѣ Петра Петровича мелькнула мысль:

— Кошачья грація!

Этого было довольно, чтобы онъ разомъ вспомнилъ цѣлый рядъ сценъ, цѣлую вереницу дней и лѣтъ, когда онъ и любовался такой же кошачьей граціей, и проклиналъ ее.

— Милый, люби меня, какъ я люблю тебя? Ты видишь, я вся твоя!—слышитъ онъ тихій вкрадчивый шопотъ, похожій на вздохъ, и чьи-то бѣлыя выхоленныя руки обвиваются вокругъ его шеи.

Это она, его жена, его Дина, просящая у него ласкъ, ласкъ и только ласкъ, точно вся жизнь должна быть сплошнымъ и сластолюбивымъ наслажденіемъ.

Кто сдѣлалъ ее одалискою? Кто воспиталъ ее для гарема? Кто развилъ въ ней чувственность и только чувственность? Природа ли, сама не знающая, что она творитъ? Родители ли, приготовлявшіе изъ подраставшей дочери только годную для сбыта невѣсту? Общество ли, кружившее ей голову комплиментами и ухаживаньями на балахъ, куда она являлась, едва прикрытая газомъ, показывать въ поискахъ за покупателями свою красоту, свое тѣло? Онъ ли, развратничавшій во время холостой жизни и утомленный развратомъ до желанія вылѣчиться отъ этого женитьбой? Или, можетъ-быть, природа, родители, общество приготовили только тучную почву, а онъ, испорченный до мозга костей, явился сѣятелемъ, котораго, въ концѣ концовъ, испугали плоды его собственнаго посѣва? Онъ не могъ бы отвѣтить на эти вопросы тогда, не могъ отвѣтить на нихъ и теперь. Онъ даже не задавалъ этихъ вопросовъ тогда, покуда она была одалиской исключительно для него; они встали въ его головѣ тогда, когда онъ, пресыщенный и усталый, сидя въ дѣтской у колыбели своего сынишки, сталъ, мало-по-малу, задумываться о томъ, гдѣ же находится мать

Digitized by Google

этого ребенка, почему она такъ рѣдко остается въ этой святой святыхъ женщины, съ кѣмъ проводитъ она эти часы, забывая о брошенныхъ мужѣ и сынѣ? Въ головѣ бродили мысли: не задавали ли себѣ этихъ же вопросовъ другіе мужья, съ женами которыхъ онъ еще такъ недавно проводилъ цѣлые вечера, цѣлыя ночи? Какой неисчерпаемый матеріалъ для остротъ, шутокъ и смѣха давали молодой холостежи эти мужья! Что если и она, его жена...

— О, мой ревнивецъ! О, мой Отелло!—слышится ему нѣжный шопотъ, и снова бѣлыя выхоленныя руки змѣями обвиваютъ его шею, а горячія губы поцѣлуями зажимаютъ ему ротъ...

— Кто тебя научилъ этому?—крикнулъ онъ ей однажды.

Она вдругъ поблѣднѣла, испугалась и заторопилась:

— Какъ научилъ?.. Я сама... Я же такъ люблю тебя...

— Лгунья!—крикнулъ онъ ей.

Ея ласки уже не опьяняли его, онъ чувствовалъ въ ней развращенную женщину и только добивался одного—узнать, кто развращаетъ ее, кто учитъ ее.

— Мы должны думать о ребенкѣ!—началъ онъ сухо говорить ей.

Его денежныя дѣла были окончательно разстроены, и онъ уже искалъ частныхъ занятій, мѣста, службы.

Всѣхъ ужасно смѣшило, когда онъ, Пьеръ Давыдовъ, сталъ заговаривать о занятіяхъ, о мѣстѣ, о службѣ. Этотъ смѣхъ начиналъ его бѣсить, выводить изъ себя; онъ чувствовалъ, что люди считаютъ его «безструнною балалайкой», «шутомъ гороховымъ», неспособнымъ ни на какое дѣло. Это было тѣмъ раздражительнѣе, что внутри его самого какой-то голосъ началъ спрашивать его съ насмѣшкой: «а и точно, на какое дѣло ты способенъ?» Никто не вѣрилъ и тому, что его денежныя средства истощились, и всѣ дѣлали презрительныя гримасы, когда онъ, «мѣщански скаредничая», отказывалъ дать взаймы тому или другому изъ пріятелей. Это его, впрочемъ, уже не задѣвало за живое среди болѣе серьезныхъ заботъ. Разъ только онъ смутился при мысли: что онъ не можетъ болѣе швырять денегъ по сторонамъ. Это было именно тогда, когда онъ увидалъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки Липу. Ему доложили, что къ нему пришла какая-то женщина-старуха. Онъ приказалъ позвать ее и увидалъ мать Липы, съ изрытымъ оспою лицомъ, состарѣвшуюся, сгорбившуюся, съ красными рабочими руками. Она повалилась ему въ ноги.

Digitized by Google

— Батюшка, баринъ, Петръ Петровичъ, къ тебѣ, какъ къ отцу родному,—слезливо заговорила она.—Отыскала адресъ и осмѣлилась...

Онъ вспомнилъ прошлое, свѣтлое дѣтство, бабушку, деревню, взволновался, поднялъ старуху, сталъ разспрашивать. У нея и у Липы послѣ воли не осталось ни кола, ни двора, ни земли, ни мѣста, хоть по міру иди. Онъ этого не зналъ прежде, не думалъ объ этомъ до настоящей минуты. Тамъ въ далекомъ захолустьи, выняньчившіе его люди превратились чуть не въ нищихъ, а онъ швырялъ направо и налѣво деньги, пьянствуя и развратничая здѣсь. Старуха продолжала разсказывать. Пошла она съ дочерью въ Петербургъ, и Господь сжалился надъ ними, сиротами, ее взяли въ прачечное заведеніе, гдѣ она и до сихъ поръ служитъ съ дочерью. Тяжело, но все же сыты. Надо и за то благодарить Бога. Только вотъ теперь... Старуха снова повалилась ему въ ноги. За дочь сватается подмастерье золотыхъ дѣлъ мастера. Человѣкъ молодой, хорошій, не пьющій. Но у нихъ нѣтъ денегъ на свадьбу, на одежонку, на первое обзаведеніе. Рѣшилась она, старуха, обезпокоить его, своего батюшку-барина, Петра Петровича. Некого ей, кромѣ его, просить; на него вся надежда. Не чужой... Его точно обожгло чѣмъ-то. Вспомнилось, сколько денегъ бросалъ онъ зря, а теперь его стѣсняетъ выдача какихъ-нибудь ста рублей на свадьбу Липы, его «крестовой» сестры.

— Я думаю, и не узналъ бы я теперь Липу,—заговорилъ онъ, спѣша скрыть свое смущеніе.

— Какъ не узнать, какъ не узнать, батюшка-баринъ, вамъ-то!—восклицала старуха, глядя на него какимъ-то особеннымъ взглядомъ.—Вся она въ покойнаго своего отца, ровно живой Василій...

— Да я же его не зналъ,—отвѣтилъ онъ.

Она вздохнула, потупилась.

— Точно что не знали,—согласилась она:—точно... а все же... Я покличу вотъ ее... Боялась она сама войти, у воротъ ждетъ...

— Такъ зови же, зови ее!—обрадовался онъ, услыхавъ, что она, Липа, неизмѣнная подруга его дѣтства, тутъ, близко.—Чего она, чудачка, боится... Зови ее!...

Когда Липа и ея мать, благословляя его за сотню рублей, полученныхъ отъ него, вышли изъ его кабинета, видѣвшая ихъ его жена съ любопытствомъ спросила его:

— Кто это такія?

Digitized by Google

— Наши бывшія дворовыя,—отвѣтилъ онъ коротко.

— Должно-быть, незаконная дочь твоего отца? — съ усмѣшкой спросила жена.—Молодая дѣвушка поразительно похожа на тебя.

Онъ отрывисто отвѣтилъ:

— Вѣроятно!

И ему стало стыдно, почти страшно отвѣтить правду, сказать, что не она незаконная дочь его отца, а онъ незаконный сынъ ея отца. Его вдругъ охватила непонятная злоба, и онъ въ какомъ-то бѣшенствѣ подумалъ. «У тебя-то такихъ дѣтей не будетъ».

Теперь уже каждая мелочь служила для него предлогомъ въ чемъ-то заподозрить жену, за что-то взбѣситься на нее, почему-то придраться къ ней и сдѣлать ей сцену. Разъ онъ чуть не сломалъ ей ея тонкихъ и гибкихъ пальцевъ, съ крикомъ допрашивая ее:

— Отчего отъ тебя пахнетъ жокей-клубомъ? Откуда у тебя эти духи? Говори, откуда у тебя эти духи?

И поводомъ къ этой безумной сценѣ послужило только то, что за четверть часа передъ тѣмъ къ нему заѣзжалъ одинъ изъ его пріятелей-шалопаевъ, надушенный тѣми же духами.

Добромъ это не могло кончиться...

Разъ, когда у него уже совсѣмъ подобрались денежныя средства, когда уже стало закладываться серебро, когда уже стиравшая на него теперь бѣлье мать Липы не всегда получала своевременно деньги, когда онъ доходилъ иногда до отчаянія въ поискахъ мѣста, когда онъ, повидимому, пересталъ даже ревновать жену, признавъ въ душѣ, что это «тварь», у него внезапно заболѣлъ сынъ. Петръ Петровичъ былъ одинъ дома, сидѣлъ безъ денегъ. Онъ послалъ горничную за докторомъ, онъ отправилъ кухарку съ письмомъ къ одному изъ пріятелей, прося взаймы десятка рублей до утра. Сидя у кроватки сына, онъ пережилъ то, чего не переживалъ за всю жизнь. Онъ давно забылъ, когда онъ исповѣдывался и какъ исповѣдывался. Въ этотъ вечеръ онъ узналъ ужасъ исповѣди передъ лицомъ Бога. Въ передней раздался звонокъ. Это звонила горничная. Слѣдомъ за ней пришелъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ ребенка, заторопился, помощь была нужна немедленная. Давыдовъ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, такъ какъ у него не было даже рубля, чтобы послать въ аптеку, а кухарка все еще не возвращалась. Онъ что-то началъ лгать доктору о томъ, что жена въ разсѣянности увезла ключи, и онъ сидитъ безъ

Digitized by Google

гроша денегъ. Пресмѣшная исторія и въ то же время ужасная, потому что не на что послать въ аптеку! Онъ лгалъ, стараясь быть развязнымъ, попробовалъ даже иронически улыбнуться, а горло сдавливали рыданія. Докторъ вынулъ деньги, даже не подозрѣвая лжи, такъ какъ обстановка квартиры еще говорила о богатствѣ: дорогія при покупкѣ и не стоящія ни гроша при распродажѣ бездѣлушки и ненужности еще пестрили столы, этажерки, стѣны. Докторъ остался сидѣть при больномъ и мелькомъ замѣтилъ Давыдову:

— Но, вы послали бы за женой... Я не стану скрывать отъ васъ, что болѣзнь очень опасна...

«Послать? Куда? Гдѣ она, эта тварь? Она бросаетъ мужа, она бросаетъ ребенка. Какъ знать, можетъ-быть, потому и умираетъ дитя, что его бросила мать...»

Было два часа ночи, когда уже уѣхалъ докторъ, когда Петръ Петровичъ уже вышелъ изъ «бывшей» дѣтской, гдѣ еще нѣсколько минутъ тому назадъ у него былъ сынъ...

Въ передней зазвонили. Кто-то вошелъ. Раздался чей-то безпечный веселый голосъ.

— Какъ, баринъ еще не спитъ? Развѣ есть кто-нибудь изъ гостей?

Петра Петровича точно ударилъ, точно рѣзнулъ ножомъ по сердцу этотъ безпечный веселый голосъ. Онъ стремительно выбѣжалъ въ переднюю, увидалъ улыбающееся широкой тупой улыбкой румяное лицо, почувствовалъ запахъ жокей-клуба и шампанскаго, схватилъ, какъ разсвирѣпѣвшій звѣрь, жену за руку, потащилъ ее къ трупу ребенка, волоча, какъ тряпку, и неистово крича:

— Убить! убить тебя надо, какъ собаку!..

IV.

Воспоминанія больного прервались: ихъ прервали сильныя боли. Когда начинались эти боли, онъ забывалъ все и помнилъ только однѣ свои невыносимыя муки, кричалъ, стоналъ, поднималъ всѣхъ на ноги, становился почти жестокимъ къ другимъ, которые не страдали, какъ онъ. Доктора давно знали, что у него ракъ въ почкѣ и желудкѣ. Но больному они сказали, что у него блуждающая почка, и онъ вполнѣ повѣрилъ этому; онъ даже лежалъ постоянно на одномъ боку для того, какъ онъ говорилъ, чтобы почка не мѣшала пищѣ проходить въ желудокъ; утѣшая себя, онъ создалъ свою собственную анатомію и твердо вѣрилъ въ то,

Digitized by Google

что ему легче, когда почка не заслоняетъ желудка. Только сегодня утромъ онъ случайно уловилъ, какъ докторъ неосторожно сказалъ въ другой комнатѣ жениху Ольги роковыя слова:

— У него ракъ: никакого сомнѣнія быть не можетъ!

Больной не испугался и даже усмѣхнулся, ясно сознавая, что докторъ ошибается. Раньше это извѣстіе страшно повліяло бы на него, а теперь—теперь онъ лучше всякаго доктора знаетъ свою болѣзнь. Рака у него не могло быть, такъ какъ онъ ясно понимаетъ, что у него блуждающая почка; иначе онъ не чувствовалъ бы облегченія въ тѣ минуты, когда онъ лежитъ на одномъ боку, освобождая отъ нея проходъ въ желудокъ. Яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, онъ сознавалъ это именно теперь, когда принялъ свое обычное положеніе и почувствовалъ облегченіе болей: воспоминанія встревожили его, заставили его безсознательно повернуться на спину, и онъ тотчасъ почувствовалъ нестерпимыя боли; теперь онъ лежитъ на боку, почка не мѣшаетъ желудку, и ему легче; если бы у него былъ ракъ,—легче не стало бы, какія положенія ни принимай. Да, ракъ неизлѣчимъ, а блуждающая почка—онъ зналъ одну дѣвушку, которая страдала этой болѣзнью, а потомъ замужъ вышла—и какъ рукой сняло болѣзнь. Онъ усмѣхнулся при этой мысли: онъ-то вѣдь замужъ не выйдетъ. Да, а все же поправится: весна настала—тепло, воздухъ сдѣлаютъ свое дѣло. Да когда же и пожить, какъ не теперь: двадцать лѣтъ онъ перерождался, работалъ надъ собою.

Съ чего это началось? Онъ началъ вспоминать съ трудомъ, точно все было давно имъ вычеркнуто изъ его памяти.

— Ахъ, да, жену онъ покушался убить! Держали его въ тюрьмѣ, судили, оправдали. Его шельмовалъ на судѣ прокуроръ; ее топталъ въ грязь его защитникъ. Оба,—и прокуроръ, и защитникъ,—казалось, хотѣли перещеголять другъ друга, разворачивая помои свѣтской жизни, рисуя грязную изнанку полированныхъ снаружи людей, бичуя и клеймя, какъ злѣйшихъ враговъ, всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ, быть-можетъ, чуть не вчера они сами вели одну и ту же жизнь, просиживая ночи за картами, рыща по ресторанамъ, пикникамъ, собраніямъ, маскарадамъ. Или они-то, обвинители, лучше? Когда ему вынесли оправдательный приговоръ—чувствительная на всякихъ представленіяхъ публика плакала и аплодировала, а его жену, какъ какой-то драгоцѣнный кладъ, бережно увезъ въ своей каретѣ какой-то

Digitized by Google

богатый развратникъ. Для него началось искупленіе грѣховъ темной трудовической жизнью; для нея начались тріумфы побѣдъ надъ людьми, добивавшимися рѣдкаго счастья обладать хоть на время такою женщиною, которую чуть не убилъ мужъ за развратъ.

Онъ горько усмѣхнулся.

Какъ онъ, проматывавшій прежде тысячи въ вечеръ, не умеръ потомъ съ голоду, не остался безъ сапогъ, добившись мѣста въ банкѣ въ тридцать рублей? Объ этомъ надо спросить Олимпіаду Васильевну, пріютившую его у себя, какъ брошеннаго больного ребенка: она и поила, и кормила, и одѣвала его, и умѣла дѣлать сбереженія для него. Когда же она осталась вдовой, а онъ сталъ получать уже шестьдесятъ рублей жалованья,—она стала даже говорить, что она съ дочерью живетъ на его счетъ, что онъ ихъ благодѣтель, батюшка-баринъ. Баринъ? Какъ странно теперь слышать ему это прозвище. Онъ давно забылъ, что онъ баринъ, и всѣ это забыли, кромѣ Васильевны. Какъ-то недавно одинъ изъ его прежнихъ школьныхъ товарищей, дослужившійся до генеральскаго чина, увидавъ его въ банкѣ сосредоточенно и заботливо перевязывающимъ и заклеивающимъ пачки денегъ, дружески воскликнулъ:

— Давыдовъ, ты ли это?

— Точно такъ, ваше превосходительство,—безсознательно отвѣтилъ онъ.

Пріятель, милый, вѣжливый, всѣмъ говорившій «вы», смутился, точно сдѣлалъ непростительную грубость.

Да, прошлое для Давыдова умерло, и онъ умеръ для прошлаго. Какъ-то разъ онъ прочиталъ въ газетахъ о самоубійствѣ двухъ молодыхъ людей изъ-за женщины; потомъ ему назвали и фамилію этой женщины: эта была его бывшая жена. Онъ не взволновался, не встревожился и только пожалѣлъ этихъ самоубійцъ: «Жалкіе юноши». Казалось, изъ его памяти изгладился самый образъ этой женщины. Онъ теперь даже ходитъ, смотритъ, говоритъ не такъ, какъ прежде: онъ голову держитъ немного опущенною, говоритъ безъ самоувѣренности, взглядъ кротокъ и задумчивъ, по лицу часто блуждаетъ скорбная улыбка. Порой онъ смотритъ ребенкомъ, подчасъ кажется немного поврежденнымъ. Такое впечатлѣніе производитъ онъ особенно тогда, когда сидитъ одинъ дома и перечиниваетъ себѣ что-нибудь изъ одежды или шьетъ сапоги. Онъ какъ-то незамѣтно для самого себя среди трудящихся людей втянулся въ этотъ трудъ и полю-

Digitized by Google

билъ его; его никуда не тянетъ изъ дома отъ этой работы. Да и куда ему ходить? Всѣ люди, слывшіе его друзьями и пріятелями, давно отвернулись отъ него и перестали узнавать его. Несчастнымъ онъ не чувствуетъ себя отъ этого. И какой же онъ имъ товарищъ, какой же баринъ? И никогда не былъ бариномъ. Случайно только человѣкъ, считавшійся офиціально его отцомъ, не рѣшился признать его незаконнорожденнымъ; не будь этой случайности, онъ былъ бы незаконнорожденнымъ сыномъ какого-то крѣпостного человѣка Василья. Можетъ-быть, тогда жизнь сложилась бы иначе, естественнѣе, проще, честнѣе. Не было бы этихъ проклятыхъ лѣтъ нравственнаго паденія. Это они отозвались теперь на его организмѣ; за нихъ и предстоитъ тамъ расплата. Онъ въ страхѣ взглянулъ въ передній уголъ на изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ.

— Пора бы и поскорбѣть,—вспомнились ему вдругъ слова Олимпіады Васильевны.

— Да, да, пора! смерть не за горами! Теперь это и возможно.

Какъ съ неба, недавно выпало ему наслѣдство въ четыре тысячи рублей. Онъ отнесся довольно равнодушно къ деньгамъ, обрадовался только возможности серьезнѣе лѣчиться; болѣзнь давно уже стала поглощать всѣ его мысли, и онъ смотрѣлъ равнодушно на все, кромѣ своей блуждающей почки. Деньги онъ отдалъ Олимпіадѣ Васильевнѣ на сохраненіе, какъ отдавалъ ей на сохраненіе всякіе гроши, не умѣя распоряжаться ими.

— На мои похороны, если не вылѣчусь, и на свадьбу Оли пригодятся,—сказалъ онъ ей, передавая эти тысячи.

— Зачѣмъ, батюшка, Петръ Петровичъ, на похороны!— проговорила она, пораженная этой «кучей деньжищъ».—Мы вотъ домикъ съ садомъ, да огородомъ на нихъ гдѣ-нибудь въ провинціи купимъ, да и заживемъ припѣваючи. Тутъ вѣдь на вѣкъ хватитъ! Пора тоже и отдохнуть вамъ.

«Да, пора и отдохнуть, и поскорбѣть, помолиться, искупить старое, а то...» Его вдругъ охватилъ паническій страхъ: «Что если онъ не успѣетъ поскорбѣть? Грѣховъ не перечтешь: грабилъ, позорилъ, губилъ, кощунствовалъ. Какое гнусное созданіе человѣкъ!..» Снова всѣ ужасы прошлаго воскресли въ его головѣ. Все совершенное на протяженіи извѣстнаго времени смѣшалось теперь въ одну тѣсную кучу грязи, подлостей, жестокостей. Въ душѣ было омерзѣніе къ самому себѣ—омерзѣніе къ тому самому себѣ, передъ ко-

Digitized by Google

торымъ унижались, пресмыкались, раболѣпствовали люди изъ-за лишней подачки, иногда даже и не изъ-за подачки, а просто изъ-за чести слыть его пріятелями, раскланиваться съ нимъ на Невскомъ проспектѣ или на Дворцовой набережной. Онъ заволновался, повернулся на спину и застоналъ отъ нестерпимой боли. Въ головѣ мелькнула мысль, что надо скорѣе-скорѣе повернуться снова на бокъ. Это опять почка заслонила желудокъ. Онъ заторопился, сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы принять привычное положеніе, и все-таки не могъ никакъ повернуться: на лбу проступилъ холодный потъ, изъ глазъ брызнули слезы.

— А-ахъ!—протяжно на всю квартиру вскрикнулъ онъ, упираясь затылкомъ въ подушку и высоко выпятивъ кверху грудь.

И вдругъ, послѣ этого страшно тяжелаго вздоха, ему стало легко—легко, какъ никогда! Онъ словно утонулъ въ перинѣ, руки вытянулись вдоль тѣла, блаженная улыбка озарила его исхудалое лицо, чувство сладкаго отдыха охватило его всего... .

V.

Въ комнату больного на цыпочкахъ вошелъ Вася, раскраснѣвшійся, вспотѣвшій, растрепавшійся, съ краснымъ яйцомъ въ рукѣ. Онъ подошелъ къ постели больного и, положивъ ему въ руку яйцо, склоняясь къ его лицу, проговорилъ:

— Христосъ воскресе, Петръ Петровичъ!

Петръ Петровичъ уже не могъ отвѣтить ему ничего: онъ съ застывшею улыбкой на лицѣ смотрѣлъ тусклыми неподвижными глазами въ никому не вѣдомую даль.

Digitized by Google

Digitized by Google